Ермакъ въ Сибири

КАРТИНЫ БЫЛОГО ТИХАГО ДОНА

Н. Самокишъ

Атаманъ М.И. Платовъ въ 1812 г.

КАРТИНЫ
БЫЛОГО
ТИХАГО ДОНА.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ВОЙСКА ДОНСКОГО ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕМЬѢ, ШКОЛѢ И ВОЙСКОВЫХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ.

Печатано по распоряженію Войскового Наказнаго атамана Войска Донского генералъ-лейтенанта Самсонова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-ВО Р. ГОЛИКЕ И А. ВИЛЬБОРГЪ. ЗВЕНИГОРОДСКАЯ, 11.
1909.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

въ чекменѣ Л.-Гвардіи Казачьяго Своего Имени полка.

Фотографія К. Гана. Снята въ 1906 г. въ Петергоф

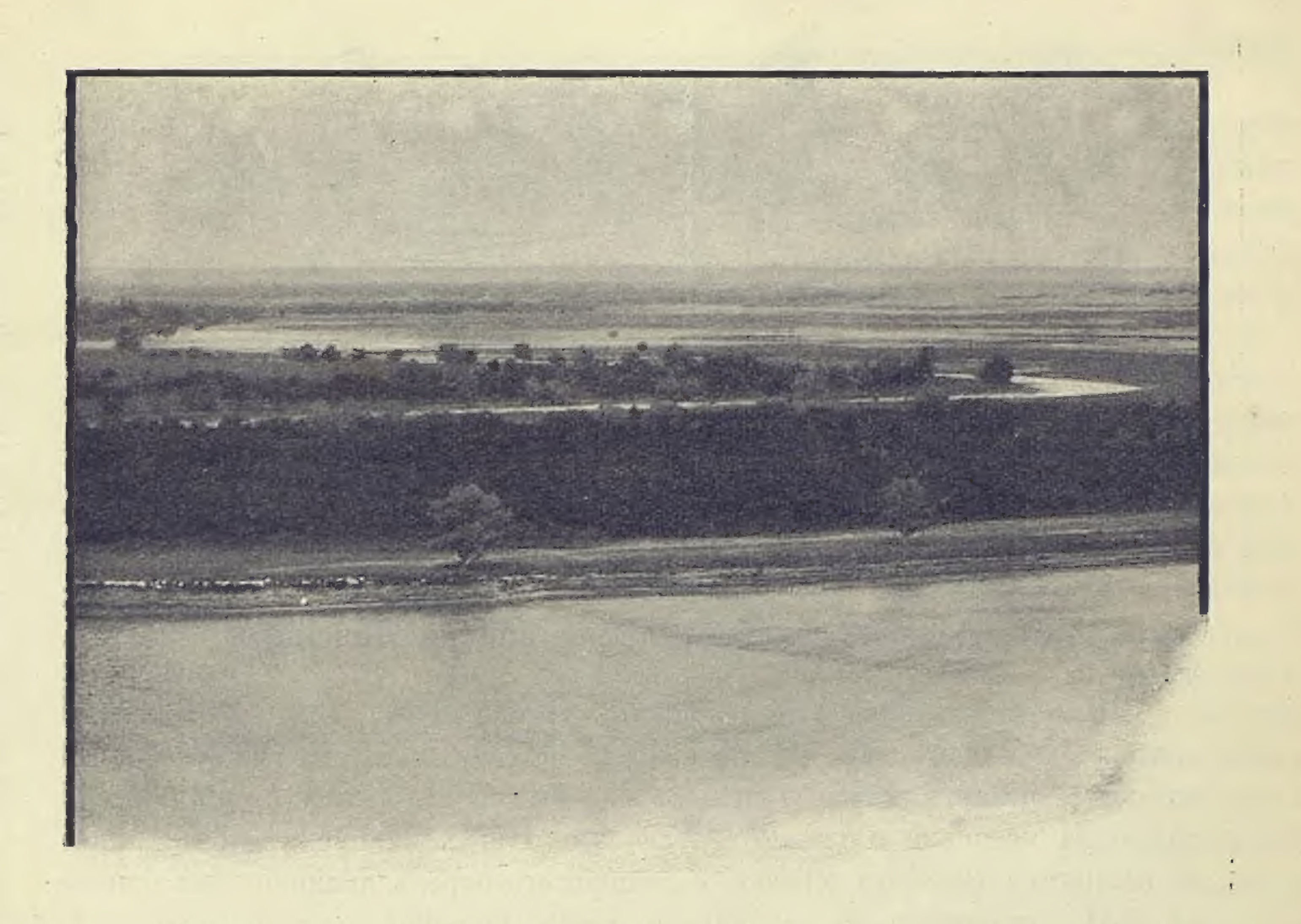
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Атаманъ всѣхъ Казачьихъ войскъ.

Фотографія К. Гана. Снята въ 1908 году

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Историческій край безконечной борьбы,
Край казачества, вольности, славы,
Подвергался не разъ ты ударамъ судьбы,
Сынъ свободный великой державы...

Ты героевъ гнѣздо, гдѣ родился Ермакъ,
Гдѣ явился графъ Платовъ, Баклановъ,
Богатырь чародѣй, нагоняющій страхъ
На чеченцевъ и гордыхъ османовъ!..

Чулковъ.

Изображенія скиѳовъ на древне-греческой Никопольской вазѣ, хранящейся въ С.-Петербургѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

1. Далекое прошлое земли войска Донского.

Широко, въ привольѣ зеленыхъ степей, течетъ Донъ. Зеркальною лентою блестящаго серебра извивается онъ среди полей, между бѣлыхъ мазанокъ станицъ, между зеленыхъ садовъ, по широкому степному раздолью. И медленно и плавно его теченіе. Нигдѣ не бурлитъ онъ, нигдѣ не волнуется. Зеленыя деревья обступили его берега, придвинулись близко къ водѣ, отразились въ зеркальной глади широкой рѣки и будто глядятся въ нее. Тамъ точно скалы нависли крутые утесы, виноградникъ сбѣжалъ къ самой водѣ и темные гроздья висятъ между крупныхъ узорныхъ листовъ. Медленно и плавно катитъ свои волны Донъ. Будто спитъ на песчаномъ перекатѣ, точно и не течетъ, а замеръ, застылъ на одномъ мѣстѣ. Недаромъ и зовется онъ—*Тихій*.

Тихій Донъ!.. Тихо въ могучемъ просторѣ его степей. Зацвѣтутъ весною его берега пестрыми цвѣтами, дивнымъ запахомъ наполнится степь, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе станетъ палить солнце и выгоритъ, пожелтѣетъ и почернѣетъ степь... Понесется надъ нею знойный вѣтеръ, помчитъ сухое «перекати-поле» и принесетъ пряный запахъ полыни въ станицу... Придетъ и морозъ. Замерзнутъ стоячія воды озеръ, станетъ и Донъ. Бѣлымъ саваномъ снѣгового покрова одѣнется степь. Зареветъ надъ нею страшный буранъ и въ хороводѣ снѣжинокъ закроетъ свѣтъ Божій, и станетъ темно и жутко... Тогда только держись въ степи, оберегая табунъ, чтобы вѣтеръ не угналъ его въ самое море.

Начавшись въ русскихъ земляхъ, медленно и плавно идетъ Донъ, широко разливаясь въ низовьяхъ, дѣлясь на множество рукавовъ, и, наконецъ, свободно и вольно вливается въ синее море—море Азовское. За Азовскимъ моремъ лежитъ дивный Крымъ. Тамъ синѣютъ причудливые

узоры горъ, спускающихся золотистыми обрывами скалъ къ чудному теплому синему морю—морю Черному...

По всему этому краю, по обоимъ берегамъ Тихаго Дона, живутъ донскіе казаки. Изъ года въ годъ кипитъ и волнуется жизнь по станицамъ; одни родятся, другіе умираютъ, тамъ казаки вернулись изъ полковъ домой, а тамъ, глядишь: — старикъ отецъ запрягъ въ телѣгу воловъ, привязалъ сзади боевого коня и везетъ уже сына на сборный пунктъ. Въ одной семьѣ радуются появленію сына, молодого казака, въ другой—поютъ панихиду:—умеръ старикъ дѣдъ, участникъ многихъ походовъ... На станичномъ кладбищѣ прибавляется крестъ и семья ставитъ новый голубецъ. Отцы говорятъ, что дѣти не похожи на нихъ, живутъ не по-старому, не по-казачьему, а послушаешь дѣдовъ—такъ тогда жизнь и совсѣмъ была иная. И хочется узнать эту старую жизнь, хочется узнать что было вчера, въ прошломъ году, десять лѣтъ тому назадъ, сто лѣтъ... двѣсти...

Анъ память и измѣнила. Самые старые люди уже не помнятъ, не знаютъ, путаютъ событія. Нужно искать по книгамъ, вдумываться въ слова старыхъ пѣсенъ, изучать самую землю донскую, искать тѣхъ слѣдовъ, которые оставили на ней люди, когда-то жившіе на нашемъ мѣстѣ, нужно изслѣдовать исторію Донского войска. И вотъ, изслѣдуя ее, встрѣчаешь дивныя картины былого. Удивляешься мужеству, стойкости, святой, непоколебимой вѣрѣ во Христа нашихъ дѣдовъ. Удивляешься—и любишь ихъ. Чѣмъ ближе узнаешь прошлое Тихаго Дона—тѣмъ крѣпче его любишь. Боже мой! сколько людей раскидало свои кости по этой степи, сколько казаковъ сложило смѣлыя головы по берегамъ Дона, сколько лежитъ на днѣ Азовскаго и Чернаго морей! Кровавая борьба, неустанная война шла здѣсь изъ года въ годъ, изо дня въ день, здѣсь спали не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ, здѣсь жили тревожною боевою жизнью, не зная покоя. Отсюда выходили герои, удивлявшіе весь міръ своими побѣдами... Какъ же не полюбопытствовать узнать это прошлое, какъ не пожелать приподнять завѣсу вѣковъ и взглянуть, что же было здѣсь давно, давно, за много лѣтъ до нашей жизни...

Развалины.

Послѣ побоища. Поле битвы во время образованія Руси. Тѣлами нашихъ предковъ покрыто оно. Ихъ кровью добывалась Русская земля.
(Съ картины Васнецова).

Тамъ и сямъ въ степи находятъ каменныя грубыя изображенія людей, поставленныхъ какъ столбы. Близъ станицы Елизаветовской, у хутора Недвиговки Ростовскаго округа, при рытьѣ колодцевъ, при распашкѣ земель, находятъ золотыя вещи, глиняные сосуды. Золотыя подвѣски, серьги, бусы—не нашего вида. Теперь такихъ не носятъ и никто не помнитъ, чтобы такія вещи носили. Между вещами находятъ и монеты. Ученые люди говорятъ, что это вещи греческія, что здѣсь жили *греки*. Нашлись недалеко отъ Азова обломки плиты и на плитѣ надпись греческими буквами. И по надписи прочли, что точно здѣсь жили греки, здѣсь у нихъ были города, здѣсь вели они свою торговлю. Продолжая раскопки кургановъ въ разныхъ мѣстахъ, нашли кости, а при костяхъ золотые и глиняные сосуды съ различными изображеніями. Выбиты на нихъ люди и лошади. Люди съ длинными волосами и бородами усмиряютъ лошадей, лѣчатъ ихъ, ѣздятъ на нихъ. Лошади, видно, дикія, смѣлыя, степныя, а люди сидятъ крѣпко, ѣздятъ лихо... Стали сравнивать съ тѣмъ, что написано въ древнихъ греческихъ книгахъ, съ тѣмъ, что изображено на картахъ, сдѣланныхъ въ очень давнія времена, и узнали—прошлое Дона.

Донъ былъ извѣстенъ древнимъ грекамъ задолго до Рождества Христова. Въ его степяхъ, мѣстами поросшихъ густыми лѣсами, жили тогда полудикіе люди—*скиѳы* и *сарматы*. Они жили войною и охотою. Они были лихими, смѣлыми, неустрашимыми наѣздниками и кочевали по степи съ мѣста на мѣсто, ища лучшаго корма для лошадей, такъ, какъ кочуютъ калмыки. Съ ними вели торговлю греки. Греки называли Донъ—Танаисомъ и построили въ низовьяхъ его городъ Танаиды, мѣсто котораго по древнимъ греческимъ книгамъ можно довольно точно опре-

дѣлить. Онъ находился въ 9 верстахъ отъ устья р. Мертваго Донца. Здѣсь между селеньями Недвиговкой и Синявкой найдены груды камней, на которыхъ сохранились украшенія, буквы, надписи — все греческое, это и есть остатки Танаидъ.

Отсюда, отъ низовьевъ Дона, шли большіе торговые пути на востокъ, къ Волгѣ, а потомъ за Волгу—въ Азію, шли пути и вдоль берега моря, къ Кавказскимъ горамъ. Эти пути были какъ бы воротами между Азіей и Европой, черезъ которыя проходили народы Азіи воевать народы, населявшіе Европу. Кто бы ни шелъ съ востока на западъ — онъ прежде всего вступалъ въ донскія степи, и потому здѣсь неустанно дрались за право жизни. Скиѳы и сарматы оберегали свои стада отъ натиска другихъ народовъ, надвигавшихся съ востока. Они боролись страшнымъ смертнымъ боемъ въ широкой степи донской, называвшейся тогда просто *Полемъ*. Да, это и было боевое Поле!

Роскошный уборъ высокихъ травъ покрывалъ цѣлину, степь, не знавшую плуга. Всадникъ скрывался въ этой травѣ совершенно, утопалъ, какъ въ зеленомъ морѣ. И волновалась и играла степь, подъ порывами вѣтра, какъ море. Вдоль рѣкъ росли дремучіе лѣса: дубы, карагачъ, вязы, клены, ясени, грабы, тополи, дикія яблони были оплетены цѣпкимъ плющемъ, между ними тѣснились кусты колючаго терновника, калины, бузины, крушины... Тамъ скрывались дикіе звѣри, оттуда выскакивали стада быстроногихъ дикихъ козъ, туда, ища тѣни, убѣгали сайгаки, тамъ хоронились хищный барсъ, медвѣдь и волки, оттуда выбѣгали пугливый заяцъ и красная лиса.

Въ этомъ охотничьемъ раздольѣ искали спасенія и люди, боровшіеся за свою жизнь, за свои дома.

Задолго до Рождества Христова скиѳовъ вытѣснили, истребили и поработили пришедшіе изъ Азіи *хозары*. Они построили по Дону свои городки и крѣпости. И теперь еще въ юрту Цымлянской станицы указываютъ холмы, тянущіеся правильными полосами, и груды камней и кирпичей—это остатки развалинъ хозарской крѣпости Саркеллы.

Шли годы, проносились вѣка. На хозаръ напали *печенѣги* и истребили и смѣшались съ ними; печенѣговъ, въ свою очередь, потѣснили *половцы*. Въ дикомъ Полѣ шла вѣчная, неустанная борьба за право жить. Въ то время, когда на Дону шла эта борьба, къ западу отъ Дона— на рѣкѣ Днѣпрѣ, и къ сѣверу, по р. Западной Двинѣ, стали строить крѣпкіе города народы славянскаго племени, называемаго *Русью*. Русскіе князья, а среди нихъ знаменитый своею храбростью Святославъ, заходятъ и на Донъ и сражаются въ Полѣ съ печенѣгами.

Русскіе въ 862 году собрались на общій совѣтъ и соединились

всѣ вмѣстѣ, образовавши одно княжество. Княземъ своимъ они избрали Рюрика. Такъ зародилось отдѣльное русское княжество, которому вскорѣ пришлось вынести отчаянную борьбу съ татарами.

Въ 988 году, при князѣ Владимірѣ, русскіе приняли христіанскую вѣру и русскія княжества стали занимать земли кругомъ Поля. Особенно могущественнымъ сдѣлался князь Кіевскій. Но, вотъ, въ 1224 году въ широкія ворота, прямо на Донъ, на хозарскую крѣпость Саркеллы, на становища половецкія повалили *татары.* Какъ саранча громадною тучею налетаетъ на поля и пожираетъ нивы безъ остатка, такъ темною толпою надвинулись на Донъ, а потомъ и на Русь татары. Отъ поднятой ихъ войскомъ пыли потускнѣло и затмилось солнце. Ржанье тысячъ коней, ревъ верблюдовъ, крикъ ословъ, скрипъ тяжелыхъ колесъ, голоса людей слились въ немолчный шумъ. Точно море шумѣло, ревѣло и билось въ степи. На небольшихъ, но крѣпкихъ коняхъ, вооруженные луками и стрѣлами, около аршина длиною, съ острыми желѣзными наконечниками, широкою лавою раскинулись они по задонской степи, переправились черезъ Донъ и начали ставить свои кибитки по Дону. На мѣстѣ становищъ половецкихъ устраивалось татарское государство, или орда.

Русскіе князья попробовали побѣдить татаръ. На рѣкѣ Калкѣ, близъ Дона, столкнулись ихъ слабыя дружины съ татарскими полками. Произошелъ кровопролитный бой. Много храбрыхъ витязей русскихъ полегло въ этомъ бою. Татары побѣдили. Они пришли въ русскую землю, обложили тяжелою данью русскихъ, поставили всюду своихъ начальниковъ. Въ обломкахъ лежали города. На мѣстѣ деревень чернѣли уголья пожарищъ, да торчали обгорѣлыя трубы. Нивы были потоптаны, луга съѣдены. «Гдѣ прошелъ татарскій конь—тамъ трава не росла».

Въ низовьяхъ Волги и Дона, въ Крыму были поставлены главные татарскіе города—ханскія ставки. Татары приняли магометанскую вѣру. Они строили мечети, и развалины этихъ мечетей сохранились во многихъ мѣстахъ Донской области. Но особенно замѣчательны развалины кирпичныхъ мечетей близъ Глазуновской станицы Усть-Медвѣдицкаго округа и въ юрту Каменской станицы Донецкаго округа. По всему Дону раскинулись татарскія становища, здѣсь собирали татары свои полчища, чтобы идти разорять русскую землю. Отсюда дѣлали они свои набѣги, здѣсь сражались они съ передовыми полками русскихъ князей. Недаромъ глубоко въ землѣ находятъ на Дону заржавѣлые желѣзные клинки татарскихъ сабель, наконечники ихъ стрѣлъ и рубашки, сдѣланныя изъ желѣзныхъ цѣпочекъ, такъ называемыя кольчуги, въ которыхъ дрались русскіе витязи.

Двѣсти слишкомъ лѣтъ тянулась на Руси страшная татарская неволя. Не было согласія между русскими князьями, не было смѣлости

напасть самимъ и одолѣть татаръ. За эти двѣсти лѣтъ на сѣверѣ отъ Дона зародилось новое русское княжество — княжество Московское. Московскіе князья гдѣ ласкою, гдѣ силою пріобрѣли себѣ друзей. Одинъ изъ нихъ, князь Дмитрій Іоанновичъ собралъ большое войско и 8-го сентября 1380 года, на Куликовомъ полѣ, на берегахъ рѣки Дона, разбилъ татаръ.

Оружіе, найденное при раскопкѣ кургановъ на Дону, временъ половцевъ и татаръ. Шашки, мечъ, кольчуга и наконечникъ стрѣлы.

Это была первая побѣда русскихъ надъ татарами. Смѣлѣе стали русскіе и мало по малу сбросили съ себя цѣпи татарской неволи. Московское княжество усилилось. Уже границы его подошли къ Дону. Здѣсь московскіе князья построили пограничныя засѣки, поставили сторожевыя башни, чтобы успѣть предупредить жителей городовъ о набѣгѣ татарскомъ. Постояннаго войска у русскихъ не было. Войска собирались тогда, когда приближалась опасность. Конные татары двигались быстро. Они налетали широкою лавою на русскіе города и деревни, они жгли деревянные дома русскихъ, разоряли каменныя постройки, увозили домашнюю рухлядь, брали въ неволю женщинъ и дѣтей.

— Татары идутъ!—это былъ страшный крикъ въ тогдашней Руси. Въ церквахъ тревожно звонили въ колокола, женщины, дѣти и старики собирались у алтарей молить Всевышняго о спасеніи. Взрослые, всѣ, кто могъ сражаться, торопливо собирались, брали копья, топоры, луки и шли навстрѣчу несмѣтному врагу. Дрались, защищая свои дома и семьи отчаянно. Падали подъ ударами татарскихъ сабель до послѣдняго. Татары врывались въ городки. И часто старики, женщины и дѣти,

подожженные татарами въ церкви, задыхались въ дыму и сгорали живьемъ. Толпы плѣнныхъ сгонялись въ неволю. На мѣстѣ нивъ, полей, садовъ и деревень оставалась вытоптанная татарскими конями, политая русскою кровью земля, да тихо тлѣли головешки пожарищъ.

Въ это тяжелое, подневольное время, когда три четверти Русской земли платило дань татарамъ и боялось татарскаго набѣга, — защитниками Руси отъ татаръ, первыми смѣлыми борцами за свободу Руси, первыми развѣдчиками, проникшими далеко вглубь татарской земли и на татарскіе набѣги отвѣтившими своими набѣгами, первыми людьми, явившимися въ татарскія юрты и снявшими цѣпи съ русскихъ плѣнниковъ, томившихся въ неволѣ,—были *казаки*.

Такъ, на землѣ, занимаемой теперь донскими казаками, жили задолго до Рождества Христова—*скиѳы* и *сарматы*—дикіе народы, и среди нихъ имѣли свои торговые города—*греки*. Потомъ, много лѣтъ шла война и скиѳовъ смѣнили *хозары*. Они жили нѣсколько столѣтій по берегамъ Дона, ихъ потѣснили—*печенѣги*, а печенѣговъ смѣнили *половцы*. Въ то время, когда и печенѣги и половцы занимали земли теперешняго войска Донского, впервые стали приходить туда *русскіе*. Наконецъ, половцевъ смѣнили *татары*. Во время владычества на Дону татаръ, на Донъ идутъ одиночные смѣлые *русскіе люди*, которые селятся тамъ, силою удерживаются въ донскихъ степяхъ и получаютъ названіе *казаковъ*. Это случилось приблизительно въ 1500 г. послѣ Рождества Христова. Послѣ этого года въ русскихъ лѣтописяхъ мы находимъ уже упоминаніе о донскихъ казакахъ. Такою боевою жизнью въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ жилъ Донъ, смѣняя на своихъ берегахъ скиѳовъ и сарматовъ — хозарами, хозаръ — печенѣгами, печенѣговъ—половцами, половцевъ—татарами, татаръ — донскими казаками... Кто былъ до скиѳовъ и сарматовъ, — а навѣрное кто-нибудь былъ, — намъ въ точности не извѣстно. Время не сохранило ничего, напоминающаго о народахъ, бывшихъ прежде скиѳовъ, а древніе историки мало пишутъ о землѣ Донской до владычества на ней скиѳовъ.

Но кто же далъ основаніе донскому казачеству? Кто такое донскіе казаки?

Восточная сабля.

Азіаты.
Съ картины В. В. Верещагина.

2. Происхожденіе казаковъ. Жизнь и обычаи первыхъ донцовъ.

Московскому князю для борьбы съ татарами, для покоренія другихъ русскихъ княжествъ нужно было войско. Раньше войско это составляли приближенные къ князю люди, посвятившіе себя военному—ратному дѣлу и составлявшіе княжескую дружину. Дружинники были отборнымъ войскомъ князя. Ихъ было немного. Главную же силу князя, его рать, составляли люди изъ крестьянскаго сословія, которыхъ брали отъ сохи, и оттого ихъ называли *посошными людьми*.

Князья награждали своихъ дружинниковъ за храбрость, за вѣрную службу землями, дарили имъ помѣстья вмѣстѣ съ живущими на нихъ крестьянами. Но за это они требовали, чтобы каждый дружинникъ, или, какъ ихъ при московскихъ князьяхъ называли—*бояринъ*, по первому призыву своего князя являлся *людным, коннымъ и оружнымъ*. То-есть, приходилъ бы самъ на конѣ и приводилъ съ собою конныхъ вооруженныхъ людей.

Сначала крестьянамъ разрѣшено было переходить съ мѣста на мѣсто, отъ одного боярина къ другому. Они были свободны. Но тогда оказывалось, что у однихъ бояръ людей было больше, чѣмъ нужно, другіе же не могли выполнить княжого наряда на войну. И вотъ, для

того, чтобы каждый бояринъ имѣлъ людей для обработки своего помѣстья, чтобы могъ онъ выполнить военный нарядъ, крестьянамъ запретили свободно переходить съ мѣста на мѣсто, ихъ прикрѣпили къ землѣ, сдѣлали ихъ *крѣпостными* у помѣщиковъ — бояръ, составлявшихъ *княжой дворъ*, а потому называвшихся также *дворянами*.

У одного помѣщика крестьянамъ жилось хорошо и привольно, у другого, напротивъ, съ ними обращались жестоко, какъ съ рабами.

И вотъ, наиболѣе сильные и мужественные, свободолюбивые, тѣ, которые не могли забыть своей воли, уходили изъ родныхъ деревень и шли искать счастья на югѣ, въ дикомъ *Полѣ*, въ вѣчной борьбѣ съ татарами. Лучше смерть на волѣ,—говорили они,—нежели жизнь въ плѣну. Эти русскіе люди встрѣтились въ Полѣ съ остатками смѣлыхъ хозаръ, печенѣговъ и половцевъ, скрывавшихся отъ татаръ въ дремучихъ лѣсахъ, въ раздольѣ степей, соединились, сдружились съ ними и положили основаніе донскому казачеству.

Позднѣе, при царяхъ Московскихъ, въ Москвѣ потребовали, чтобы всѣ люди исповѣдывали православную вѣру по тѣмъ книгамъ, которыя исправилъ патріархъ московскій Никонъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Потребовали троеперстнаго крестнаго знаменія вмѣсто двуперстнаго, какъ крестились встарину, уничтожали иконы стараго письма. За сложеніе двухъ перстовъ при крестномъ знаменіи, за службу по старинному уставу, за поклоненіе дѣдовскимъ иконамъ—преслѣдовали жестоко: заточали въ темницы, били кнутомъ, жгли каленымъ желѣзомъ, казнили смертью.

И были на Руси люди, которые дорожили вѣрою своихъ отцовъ больше, чѣмъ имѣніемъ и покоемъ. Они слышали, что по Дону живутъ казаки, люди вольные, которые не спрашиваютъ кто какъ вѣруетъ, лишь бы вѣровалъ во Христа, и гонимые за вѣру, за старый обрядъ—*старообрядцы*—шли на Донъ, шли въ казаки, и несли туда свою стойкую старую вѣру.

Во времена царей Московскихъ и, особенно, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, тяжело жилось русскимъ людямъ. За смѣлое, правдивое слово можно было сложить голову. И люди, которымъ дорога была свобода совѣсти, уходили туда, гдѣ требовались только удалая голова да вѣрность своей клятвѣ.

Но шли на Донъ, въ широкое и дикое Поле и тѣ, кто пострадалъ отъ татаръ. Шли ради мести. У того татары увели въ Поле, то-есть въ плѣнъ, невѣсту, сестру, брата, убили отца и мать—онъ шелъ отомстить за убитыхъ, выручить плѣнныхъ. У другого рука зудила потѣшиться въ чистомъ полѣ, поиграть съ копьемъ, поискать удачи въ поискѣ

бранномъ. Просили такіе люди благословенья родительскаго, собирались въ станицы, или *ватаги*, и шли искать счастья въ борьбѣ съ татарами. У иныхъ молодецкая сила живчикомъ по жилушкамъ переливалась, тянуло ихъ въ туманную даль и было такъ, что—«либо въ стремя ногой, либо въ пень головой!..»

И днемъ и ночью шли русскіе люди за линію московскихъ засѣкъ и сторожевыхъ башенъ, шли искать себѣ боевого счастья на тихомъ Дону.

И всѣхъ Донъ принималъ, и всѣмъ находилъ мѣсто.

Чѣмъ же жили эти люди? Отвѣтъ на это находимъ въ пѣснѣ донской:

Степью широкой!..
Степью необъятной!..
Тамъ!..—на волѣ, на тихомъ Дону!
Скучно станетъ—на Волгу пойдемъ,
Бѣдно станетъ—и денегъ найдемъ,
Волга матушка всѣхъ пріютитъ,
Всѣхъ приласкаетъ и всѣхъ одаритъ...

Жили набѣгами. Жили войною, жили добычей.

Этихъ людей звали *казаками*.

По-татарски и по-турецки *гозакъ*, или *гузакъ*, значитъ легко вооруженный конный воинъ, воинъ безъ доспѣховъ, безъ кольчуги, безъ шлема... Таковыми и были первые казаки.

Такъ какъ татары были конными, то и казаки обзаводились конемъ и сѣдломъ по татарскому образцу, съ деревяннымъ ленчикомъ и высокими луками, съ подушкой и сумами переметными, вооружались казаки саблей и лукомъ со стрѣлами и шли искать себѣ счастья.

Каждая станица, или ватага, выбирала себѣ старшаго, котораго, по образцу сѣверныхъ моряковъ, ходившихъ и по русскимъ рѣкамъ, называли ват-маномъ; отсюда потомъ произошло и названіе *атаманъ*.

Казаки селились въ степи, въ самомъ боевомъ полѣ, среди татаръ. Тамъ строили они свои городки изъ плетней и ставили бѣдные плетневые шалаши, чтобы не жалко ихъ было бросить въ случаѣ неудачи. Крѣпость стѣнъ своихъ городковъ казаки замѣняли бдительностью, сторожкостью и хорошей развѣдкой. Землю казаки не пахали, хлѣба не сѣяли, а жили добычей, которую брали отъ татаръ и турокъ. Отъ татаръ же и турокъ они отбивали себѣ и коней, и оружіе, и дорогую матерію для одежды, и золото, за которое покупали себѣ все, что нужно. Съ той поры и въ пѣсню казачью вошли слова:

„У насъ, на Дону, живутъ не по-вашему,
Не ткутъ, не прядутъ, не сѣютъ, не жнутъ,
А хорошо живутъ"...

Когда не было поисковъ бранныхъ, то жили казаки охотою. Въ тѣ времена Донъ былъ не только степью раздольною, но по берегамъ большихъ рѣкъ стояли вѣковые лѣса. Въ особенности густы и тѣнисты были эти лѣса по верхнему Дону, Медвѣдицѣ и Бузулуку. Въ лѣсахъ водились медвѣди, волки, лисицы, туры, олени, дикіе кабаны, дикія козы и горностаи.

Въ рѣкахъ аршинныя стерляди и саженные осетры, и всякая красная рыба была обычной добычей Донцовъ.

Съ саблею и на конѣ, или съ лукомъ и колчаномъ, набитымъ стрѣлами, пѣшкомъ, или съ сѣтями на легкомъ челнѣ, выдолбленномъ изъ большого дерева, проводили казаки свои досуги послѣ походовъ и набѣговъ.

Отъ такой жизни они дѣлались легкими, смѣлыми и предпріимчивыми.

Шли казаки на Донъ, главнымъ образомъ, по самому Дону и его притокамъ. Тамъ и селились. Къ Дону и вдоль него мѣстами были проложены проѣздныя дороги. Дороги эти назывались военно-дозорными. Одна изъ такихъ дорогъ лежала на лѣвой, ногайской сторонѣ Донца. Она входила въ казачью землю выше р. Деркула, а затѣмъ шла на р. Глубокую, Калитвенецъ къ Сокольимъ горамъ. За Сокольими горами, за рѣчкою Быстрою лежалъ первый казачій городокъ *Раздоры*. Раздоры были нижніе и верхніе. *Нижніе Раздоры*, или *первая станица атаманская*, находились подъ Кобяковымъ городищемъ. Это было первое казачье селеніе, которое встрѣчали татары, шедшіе изъ Крыма или отъ Азовскаго моря, вверхъ по Дону. *Верхніе Раздоры*, или Донецкіе Раздоры, лежали въ устьяхъ одного изъ рукавовъ Донца, близъ нынѣшней Раздорской станицы.

Отъ Нижнихъ Раздоръ шли дороги къ Крымскому хану, къ Волгѣ, къ главному татарскому хану, въ Золотую Орду и на Кубань.

Въ низовьяхъ же Дона лежали и еще становища казачьи—*Махинъ островъ*—на лѣвомъ берегу Дона въ 5-ти верстахъ отъ нынѣшней Ольгинской станицы, *Монастырскій* и *Смагинъ городки*. Монастырскій городокъ былъ тоже мѣстомъ перекрестка дорогъ, и потому тамъ собиралось не мало казаковъ. Русскіе люди, приходя въ низовья Дона, встрѣчались тамъ съ остатками населявшихъ когда-то донскія степи народовъ. Это были тѣ храбрецы, которые отстояли себѣ и жизнь, и свободу. Они говорили про себя по-татарски—*сары-азъ-манъ*, что значитъ: «мы—удалыя головы», и от-

того пришельцы называли ихъ и себя сары-азманами. Здѣсь, въ низовьяхъ Дона, жизнь была очень трудная, здѣсь русскіе пришельцы, смѣшиваясь съ удальцами сары-азманами, вѣчно воюя, образовали казачьи поселки и получили названіе *Низовыхъ казаковъ*. Всѣ, кто селился къ югу отъ Верхнихъ Раздоръ, ниже Донца, были Низовые казаки. Тѣ, кто селился поверху, сѣвернѣе Раздоръ, получили названіе *Верховыхъ казаковъ*. Первые городки казачьи были устроены Низовыми казаками. И Раздоры, и Монастырскій и Махинъ городки были поставлены ими. Они прочно держались по Дону. Живя среди татаръ, воюя съ черкесами на Кубани, перемѣшавшись и переродившись съ остатками древнихъ народовъ, жившихъ въ степи, они стали сильно отличаться и видомъ своимъ отъ новыхъ пришельцевъ. Черноволосые, стройные, подвижные и веселые, способные на всякое лихое, смѣлое дѣло, они были настоящими казаками.

Выше Раздоръ казаки стали селиться позднѣе. Здѣсь больше было чисто русскихъ людей, и перемѣшивались и роднились здѣшніе казаки съ русскими же, бѣжавшими изъ Рязани. И опасности здѣсь было меньше, потому жили спокойнѣе. Верховые казаки были волосомъ русы, носили бороды и говорили чистымъ русскимъ языкомъ, не вставляя въ свою рѣчь татарскихъ словъ. Они построили первоначально городокъ *Кагальникъ* на р. Донцѣ, а потомъ распространились по притокамъ Дона—рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ и Донцу.

Такъ создались два вида казаковъ: Низовые и Верховые. И различіе между ними можно подмѣтить и теперь. Верховые казаки разсудительнѣе, менѣе быстры въ рѣшеніяхъ, домовитѣе, нежели казаки Низовые. Въ Низовыхъ чувствуется родство съ азіатскими народами и греками изъ древнихъ Танаидъ. Старинное воинское племя ихъ породило; и до сего дня они полны боевого задора, воинственны и молодцоваты.

Селясь въ степи, устраивая городки, составляя свои казачьи становища, они образовали небольшія общества, или *станицы*. И станицы эти, по числу казаковъ, дѣлились на разные приборы, были станицы *большого* и *малаго прибора*. Эти станицы выбирали себѣ на годъ атамана. Выборы атамана, рѣшеніе различныхъ вопросовъ, сборъ въ походъ, наконецъ, въ трудные дни вѣчной войны съ татарами, когда нужно было на что-нибудь рѣшиться, казаки собирались на общее собраніе, непремѣнно *въ кругъ*. Живя по-братски, донскіе казаки не иначе думали о своихъ дѣлахъ, какъ думушку единую. Такъ и въ пѣснѣ казачьей поется:

„Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Они думали думушку все единую“.

Если была въ казачьемъ городкѣ какая-нибудь часовенка, то и кругъ собирался возлѣ нея, а если ея не было, то на площадь, или, какъ тогда называли, на *майданъ*, выносили образъ Спаса или Николая Чудотворца и, поставивъ его на аналой, становились вокругъ него.

На походѣ же, въ полѣ, съѣзжались тоже въ кругъ и, часто, не слѣзая съ лошадей, становились лицомъ другъ къ другу. Такъ дѣлали и во время морскихъ набѣговъ, когда лодки для совѣта собирались въ кругъ. Всѣ стояли лицомъ другъ къ другу, всякому было и видно, и слышно все, что дѣлалось и говорилось въ кругу, всякій могъ свободно говорить и предлагать то, что полезно, всякій могъ принять или не принять предложеніе, но разъ что-либо постановилъ весь кругъ, то это уже было свято, это былъ законъ. За измѣну было обычное наказаніе: въ куль, да въ воду!

Въ казаки принимали всякаго. Нужно было только одно непремѣнное условіе—вѣра въ Христа. Какая—все равно. Этого не спрашивали. Старая или новая, русская или не русская. Казаки въ свое товарищество принимали и смѣлыхъ татаръ, и турокъ, и грековъ, даже нѣмцы попадали въ казаки и быстро принимали всѣ казачьи обычаи и становились настоящими казаками.

— Въ Бога вѣруешь?—спрашивали станичники пришлаго человѣка.

— Вѣрую.

— А ну перекрестись!

И татаринъ, и турокъ-магометанинъ принимали вѣру казачью, вѣру въ Истиннаго Бога, и сливались съ Донцами. Казаки, требуя вѣры, понимали, что только вѣра въ Бога, глубокая и искренняя, дастъ мужество новому казаку перенести тяжелую жизнь среди военныхъ походовъ и вѣчной опасности. Отсюда и пошли по Дону фамиліи: Грековыхъ—отъ грековъ, Татариновыхъ—отъ татаръ, Турченковыхъ, Турчаниновыхъ—отъ турокъ, Жидченковыхъ, Жученковыхъ—отъ жидовъ, Грузиновыхъ—отъ грузинъ, Персіяновыхъ—отъ персовъ, Черкесовыхъ—отъ черкесъ, Сербиновыхъ, Себряковыхъ—отъ сербовъ, Миллеровъ—отъ нѣмцевъ, Калмыковыхъ—отъ калмыковъ, Мещеряковыхъ—отъ мещерскихъ татаръ, Поляковыхъ—отъ поляковъ, но всѣ они стали настоящими казаками и только *прозванія ихъ напоминаютъ, кто первый изъ ихъ рода пришелъ на Донъ.*

Свободно, но и тяжело жилось казакамъ. Боролись они за славу казачью и ее ставили выше всего. Въ этой борьбѣ они забывали о всѣхъ радостяхъ земныхъ. Въ эти поры сложилась среди Донцовъ и поговорка—«хоть жизнь собачья, такъ слава казачья». И гордились казаки этою славою. *Всѣ земли нашему казачьему житью завидуютъ*,—говорили они.

А жизнь была, дѣйствительно, тяжелая. Въ городкахъ казачьихъ первое время совсѣмъ не было женщинъ, и казаки были безбрачны. Потомъ начали появляться женатые, но они не пользовались почетомъ среди казаковъ. Да и было ихъ мало—одинъ на сто. Умирали казаки, гибли отъ ранъ въ стычкахъ съ татарами, а на мѣсто ихъ шли изъ Руси новые молодцы. Шли лихіе конники, мѣткіе стрѣлки, ловкіе лодочники, шли угнетенные, шли обиженные, шли озлобленные—шли готовые казаки. Первымъ казакамъ въ ихъ вѣчной тревогѣ, жившимъ среди непріятельской страны, некогда было думать о дѣтяхъ, и если у кого отъ плѣнной татарки или турчанки рождался ребенокъ, его некому было холить и воспитывать, и часто онъ умиралъ.

Потомъ, когда построены были по Дону городки: Раздоры, Монастырскій и Кагальникъ, казаки стали больше жениться. Но и женитьба была особенная. Священниковъ было мало, церквей по Дону почти не было. Весь Донъ тогдашній былъ—какъ бы станъ военный. Поэтому казакъ бралъ себѣ жену и объявлялъ передъ атаманомъ и казаками.

— Ты будь мнѣ жена!

— А ты—мнѣ мужъ,—говорила избранница казачья.

И они жили, какъ мужъ и жена.

Но если мужу надоѣдала семейная жизнь—онъ выводилъ свою жену въ праздничный день на майданъ и объявлялъ передъ казаками:

— Кому люба, кому надобна!? Она мнѣ гожа была, работяща и домовита. Бери, кому надобна!

И если находился охотникъ жениться, то договаривались, за какую цѣну или за какія вещи, а иногда и просто за попойку отпускалъ мужъ свою жену. Если же никого не находилось, то просто отпускалъ мужъ свою жену на волю.

По мѣрѣ того, какъ прочнѣе осѣдали казаки по Дону, стали появляться по городкамъ и дѣти, которыя росли въ вѣчной тревогѣ бранной и съ малыхъ лѣтъ учились стрѣлять и ѣздить верхомъ, и тогда началъ Донъ уже шириться и рости и новыми своими казачьими дѣтьми.

Въ тѣ далекія времена, когда зарождалось казачество, не только дѣтямъ, но и старымъ людямъ трудно было жить по Дону среди тревоги бранной.

Если страшенъ былъ крикъ «татары идутъ» для Руси, то тамъ имѣли время собраться и изготовиться къ бою, у казаковъ же этотъ крикъ означалъ немедленный бой. Часто успѣвали только посѣдлать и дрались уже въ улицахъ, среди пламени пылающаго казачьяго городка. Тутъ некогда было думать о женщинахъ, о дѣтяхъ, о старикахъ. И потому въ это тревожное, боевое время на Дону не было и стариковъ дряхлыхъ.

Каждый казакъ, когда чувствовалъ, что за ранами, болѣзнями и старостью онъ становится плохимъ помощникомъ въ бояхъ и походахъ, шелъ въ ближайшій монастырь Никольскій, близъ Шацкихъ воротъ, или Борщевскій-Троицкій и тамъ проводилъ остатокъ своихъ дней, или налагалъ на себя обѣтъ идти на поклоненіе пѣшкомъ тысячи верстъ и шелъ въ далекія Соловки на Бѣлое море. И тамъ, разсказывая про свои походы и про свои побѣды, онъ говорилъ, что лилъ кровь и провелъ всю свою жизнь на войнѣ для того, *«чтобы басурманская вѣра надъ нами не посмѣялась, чтобъ государевой вотчины пяди не поступиться»*.

Сильна была въ тѣ времена вѣра басурманская. Татары были могущественной державой, а за ними стояло грозное турецкое государство. И напоръ этихъ двухъ государствъ на государство русское сдерживали одни казаки. Да мало того, что сдерживали, они еще и подавались постепенно впередъ, приближаясь къ низовью Дона, приближаясь къ морю Азовскому.

Въ то время, когда такъ, мало по малу, изъ пришлыхъ людей создавалось военное братство, ставшее защитой Руси отъ неожиданныхъ набѣговъ татарскихъ, и на Руси произошли большія перемѣны.

Русскіе стали собираться въ серединѣ своей земли, у небольшого города Москвы. Въ Москвѣ появился цѣлый рядъ умныхъ князей, которые, постепенно усиливаясь, подчинили себѣ и другіе города русскіе, сбросили съ себя татарскую неволю. Московскій князь Іоаннъ III Васильевичъ, освободившись отъ татарскаго ига, широко раздвинулъ русскія земли.

Богатырскій бой древнихъ русскихъ съ дикими скиѳами на землѣ нынѣшняго Донского войска.

(Съ картины Васнецова).

Казаки на Черномъ морѣ.

3. Первые набѣги казаковъ.

Въ проворствѣ, ловкости и воинской хитрости казаки превосходили своихъ враговъ—татаръ. Во время походовъ они выработали свой способъ дѣйствій, называвшійся татарскимъ словомъ, *лава*. И никто не могъ соперничать тогда съ казаками въ лавѣ. Въ развѣдкахъ и поискахъ, казакъ шелъ незамѣтный даже для зоркаго татарскаго глаза. Онъ шелъ *въ травѣ съ травою ровенъ:* высокій ковыль, кустарникъ, оврагъ, заборъ—все способствовало всаднику-невидимкѣ. Отъ татаръ научились казаки и переправамъ черезъ широкія рѣки. Они связывали вмѣстѣ нѣсколько пуковъ камыша, дѣлали изъ него плотикъ, называвшійся *салою*, привязывали его веревкою къ шеѣ или хвосту лошади, складывали на плотикъ сѣдло и вьюкъ, а самъ казакъ хватался рукою за гриву и плылъ черезъ рѣку вплавь.

Во время общей тревоги казаки собирались по 5—6 городковъ вмѣстѣ, укрѣплялись и отсиживались въ нихъ. И, гдѣ бы непріятель ни появился, вездѣ смѣлымъ натискомъ встрѣчали его казаки. Станичные есаулы, схвативъ знамя, во весь духъ неслись по улицамъ. сзывая на бой атамановъ-молодцовъ. Вѣстовая пушка или колоколъ били тре-

вогу. Старики и жены казачьи перегоняли стада и табуны на острова рѣки и скрывали ихъ въ камышахъ или за болотами. Лодки приковывали къ пристанямъ цѣпями или затопляли ихъ, имущество закапывали въ землю. Отбивъ врага, казаки не оставались у него въ долгу и готовились въ новый походъ. На походѣ просто, даже бѣдно одѣтые, донцы того времени отличались умомъ и храбростью. Не разъ говорили они азіатамъ и русскимъ знатнымъ людямъ, боярамъ, про себя: *зипуны-то у насъ сѣрые, да умы бархатные.*

И по мѣрѣ того, какъ росло и ширилось казачество, тѣсно ему становилось въ привольѣ донскихъ степей, искали они выхода изъ нихъ и все чаще и чаще начали сталкиваться съ Азовскимъ пашою или уходить на Волгу.

Разросшіяся станицы казачьи требовали и большей добычи. Да и казакамъ дома не сидѣлось, хотѣлось имъ *поохотиться.* И вотъ, когда задумаетъ казакъ пойти въ удалой набѣгъ, выходитъ онъ къ станичной избѣ, на сборное мѣсто станицы, и, кидая свою шапку-*трухменку,* сдѣланную изъ бараньей смушки, сверху нѣсколько уже, нежели у основанія, кричитъ зычнымъ голосомъ:

— Атаманы-молодцы! послушайте!.. На Сине море, аль на Черное поохотиться; на Куму или на Кубань рѣку за ясырьми (плѣнными); на Волгу-матушку рыбки половить иль подъ Астрахань, на Низовье, за добычью, иль въ Сибирь пушныхъ звѣрей пострѣлять!..

Къ говорившему со всѣхъ сторонъ станицы сходились казаки. И вотъ, то одинъ, то другой бросалъ свою шапку вверхъ и мало по малу вокругъ него собиралась толпа, иногда въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Всѣ шли въ ближайшую церковь-часовню — голубецъ, клали земной поклонъ передъ образомъ, а потомъ отправлялись въ общую избу, гдѣ за чаркою вина обсуждали условія похода и выбирали *походнаго атамана.* Остающіеся дома казаки помогали идущимъ въ поискъ снарядиться. И если этотъ поискъ былъ рѣчной, всѣ вмѣстѣ строили лодки, если на коняхъ, то готовили коней. Богатые снабжали бѣдныхъ оружіемъ, выговаривая за собою право на извѣстную часть добычи.

Въ этой вольной ватагѣ во время похода дисциплина и порядокъ были образцовые. Походный атаманъ могъ казнить смертью за малѣйшее непослушаніе. Безпрекословно повиновались и выборнымъ есауламъ и сотникамъ. Но кончался походъ, возвращались казаки къ своимъ домамъ и опять всѣ были равные.

Кто шелъ съ атаманомъ промышлять звѣря, на звѣровую охоту, или шелъ воевать съ татарами, персами или турками, назывался *охотникомъ.* Но кто возставалъ противъ своихъ братьевъ-казаковъ или шелъ

на московскихъ людей, того и въ тѣ времена казацкой вольницы называли *воромъ-разбойникомъ*. Въ степной, конный поискъ казаки отправлялись малыми партіями—по 5—по 10 человѣкъ, широко разсыпаясь по степи. Вотъ откуда взялось у казаковъ и въ лавѣ *звено*. Обыкновенно на двухъ казаковъ имѣлась заводная вьючная лошадь съ сумами, въ которыя складывалось имущество, продовольствіе, а впослѣдствіи и добыча. Такіе казаки, пользовавшіеся одною общею сумою, назывались *односумами*.

Но часто, очень часто, казаки пускались въ морской поискъ. Наши дѣды были искусными наѣздниками, но были также и отличными моряками. По Дону въ Азовское море, изъ Азовскаго моря въ Черное море—это былъ ихъ обычный путь. Богатые города Крыма и турецкихъ береговъ Малой Азіи были имъ хорошо знакомы. Для морскихъ походовъ казаки строили себѣ большія, длинныя лодки безъ палубы. На лодкахъ были мачты, но парусомъ казаки пользовались только при попутномъ вѣтрѣ, а противъ вѣтра шли на веслахъ. На каждую лодку садилось отъ 60—100 человѣкъ, борта лодокъ обшивались камышемъ, для защиты отъ непріятельскихъ пуль и для большей устойчивости лодокъ. На дно клали бочки съ прѣсною водою, сухари, пшено, сушеную и соленую рыбу и смѣло съ такими запасами пускались въ неизвѣстные края. Водки въ походъ не брали. На походѣ—прежде всего требовалась трезвость. На казакахъ въ походахъ одежда была самая бѣдная, чтобы непріятель не хотѣлъ поживиться ею, какъ добычею, чтобы легче было подходить къ нему и укрываться въ степи и на морѣ.

Морскіе набѣги казаковъ заставили турокъ укрѣпить находившійся въ устьяхъ р. Дона городъ Азовъ. Самый Донъ перегородили они цѣпью изъ тяжелыхъ бревенъ, скованныхъ желѣзными кольцами. Но это препятствіе не останавливало казаковъ. Темною, ненастною ночью, въ жестокую бурю, безъ выстрѣла, прорывались они сквозь эти цѣпи и выходили въ море. Безъ компаса и безъ картъ, по солнцу и по звѣздамъ, узнавали они направленіе и, безъ ошибки, вели свои лодки къ турецкимъ берегамъ. Завидѣвъ вдали турецкіе корабли—они разсыпались и уходили противъ вѣтра, а затѣмъ, передъ закатомъ солнца, приближались къ нимъ со стороны солнца, такъ, чтобы солнце свѣтило прямо въ глаза туркамъ, кидались на корабли съ топорами и саблями и храбро рубились съ турками. Захвативъ корабль, они брали на свои лодки оружіе и наиболѣе цѣнныя, но мелкія вещи, а затѣмъ, прорубивъ дно, пускали корабль ко дну. Въ неравномъ бою казаки, благодаря своей смѣлости и ловкости, почти всегда выходили побѣдителями. Но доставалось нерѣдко и казакамъ, и много костей казачьихъ покоится на днѣ моря. Если цѣлый турецкій флотъ гнался за донцами, распустивъ па-

руса, казаки неслись къ берегамъ, скрывали, а иногда затопляли свои лодки въ камышахъ, а сами разсѣивались по берегу. И, когда флотъ турецкій уходилъ, они собирались снова, вычерпывали воду изъ лодокъ, ставили новыя весла и бросались слѣдить за турецкими кораблями, ища случая напасть на нихъ. Такъ и на морѣ на лодкахъ казаки дѣйствовали тѣмъ же подобіемъ назойливой лавы, которая составила имъ славу на сушѣ.

Въ тихую погоду черными точками рисовались на синемъ морѣ казачьи лодки. Ярко сверкали на солнцѣ бѣлыя весла, ходко шли казаки. Вдругъ гдѣ-либо на ладьѣ кто-нибудь начиналъ пѣсню. Пѣсня пѣлась про героевъ казаковъ, но чаще всего вспоминали въ ней удалого атамана Ермака Тимофеевича. Пѣсню пѣли хоромъ, немного въ носъ, какъ пѣла тогда вся Русь, научившаяся пѣснямъ хоровымъ у грековъ.

Далеко по синему морю раздавалась эта пѣсня и вторили ей мѣрные и плавные взмахи казачьихъ веселъ.

На Усть Дона тихаго,
По край моря синяго
Построилась башенка,
Башенка высокая.
На этой на башенкѣ,
На самой на маковкѣ
Стоялъ часовой казакъ;
Онъ стоялъ, да умаялся;
Не долго мѣшкавши,
Бѣжитъ, спотыкается,
Говоритъ, задыхается:

—„Кормилецъ нашъ, батюшка!
Ермакъ Тимофеевичъ!
Посмотри-ка, что тамъ на морѣ,
Да на морѣ, на Азовскомъ то:
Не бѣлымъ тамъ забѣлѣлося,
Не чернымъ тамъ зачернѣлося,
Зачернѣлись на синемъ морѣ
Все турецкіе кораблики!“

Рѣчь возговоритъ надежда-атаманъ
Ермакъ Тимофеевичъ:
„Вы садитесь въ легки лодочки,
На носу ставьте по пушечкѣ,
По пушечкѣ по мѣдненькой,
Разбивайте корабли басурманскіе.
Мы достанемъ много золота
И турецкаго оружія!“

Кончатъ казаки свою пѣсню, примолкнутъ, пригорюнятся, закручинятся и сейчасъ же кто-либо изъ старыхъ, бывалыхъ казаковъ начнетъ разсказывать про походы, про хитрость турецкую, про богатство турецкихъ пашей, про то, какъ въ крутой неволѣ томятся у нихъ русскіе плѣнники, а прекрасныя русскія женщины наполняютъ темницы богатыхъ турокъ.

И огнемъ загорятся глаза казаковъ, крѣпче налягутъ они мускулистыми руками на вальки веселъ и только пѣна, шипя, разбѣгается изъ-подъ острогрудыхъ кораблей!

Такъ жили наши дѣды—донскіе казаки. Походъ и смертный бой замѣняли имъ годы ученья и строевой службы. Въ непогоду, на свѣжемъ морскомъ вѣтру, закалялось ихъ тѣло, отъ трудовъ становились крѣпкими руки и остеръ былъ ихъ глазъ.

Они были воинами. Доблесть воинская была на Дону выше всего. Храбрость, неутомимость, мѣткая стрѣльба, умѣнье владѣть оружіемъ цѣнились больше и дороже богатства. За нихъ выбирали въ атаманы, такихъ людей славили въ пѣсняхъ, и молва о подвигахъ ихъ шла далеко по Дону, разливалась широкой волной по Россіи, дѣлалась слышной и въ чужихъ земляхъ—за границей.

Татары.

Битва казаковъ съ татарами.

4. Участіе донскихъ казаковъ вмѣстѣ съ русскими войсками во взятіи Казани въ 1552 г.

Русь въ это время оправлялась отъ татарской неволи. Города русскіе Смоленскъ, Рязань, Москва, Новгородъ были одинъ отъ другого независимы. Князья, правившіе этими городами, часто враждовали другъ съ другомъ, и пятьсотъ лѣтъ тому назадъ неспокойно было на Руси. Но постепенно сталъ усиливаться Московскій князь. Онъ покорилъ себѣ сосѣднихъ князей, смирилъ Новгородъ, усилился, завелъ порядочное войско.

Въ 1547 году, великій князь Московскій Іоаннъ IV Васильевичъ вѣнчался въ Москвѣ царскимъ вѣнцомъ, сталъ Царемъ всея Руси. Всѣ русскіе города ему были подвластны. Границы его царства на югѣ доходили до верховьевъ Дона, на востокѣ немного не дошли до Волги, на сѣверѣ захватывали Новгородъ и на западѣ остановились у Смоленска. Желая расширить свое царство, молодой, шестнадцатилѣтній царь, Іоаннъ IV Васильевичъ, рѣшилъ завоевать татарское Казанское царство и, тѣмъ самымъ, навсегда покончить съ татарской неволей, въ которой двѣсти лѣтъ томились русскіе люди.

Два раза подходилъ Іоаннъ съ войсками къ Казани, и оба раза неудачно. То наступала ранняя весна и нельзя было перевезти черезъ Волгу тяжелыя

пушки, необходимыя для осады города, то, напротивъ, зима была такая лютая, что воины замерзали въ лѣсахъ, и войско подошло къ Казани слишкомъ утомленное и не могло приступить къ обложенію города. Третій походъ царь Іоаннъ объявилъ лѣтомъ 1552 года. Въ этомъ походѣ, первый разъ заодно съ русскими войсками, участвовали донскіе казаки. Въ лѣтописяхъ московскихъ мы читаемъ о томъ, какъ донскіе казаки вмѣстѣ съ конницей князя Курбскаго прогоняли на Арскомъ полѣ, подлѣ Казани, конныя полчища татарскаго князя Япанчи, и о томъ, какъ при взятіи Казани, стѣны которой были взорваны бочками съ порохомъ, первыми ворвались въ улицы города донскіе казаки. Существуетъ преданіе, что тогда же царь Іоаннъ IV пожаловалъ войско Донское первою своею грамотою, которою закрѣпилъ всѣ земли, занятыя донцами, за донскими казаками.

До насъ не дошли имена казачьихъ атамановъ и есауловъ, храбро бившихся подъ казанскими стѣнами съ татарами, не сохранилась и грамота царская. Но участіе донцовъ въ казанской осадѣ осталось въ памяти народной. У стариковъ-станичниковъ Багаевской и другихъ станицъ еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ можно было слышать пѣсню, гдѣ воспѣвали подвиги донского атамана Ермака Тимофеевича, взявшаго Казань и подарившаго ее царю Іоанну Васильевичу. Есть и еще пѣсни, гдѣ поется о Ермакѣ, который явился къ царю Ивану Васильевичу и посовѣтовалъ ему, какъ взять Казань. Очевидно, что въ народной памяти остались подвиги нашихъ дѣдовъ подъ казанскими стѣнами. Ермаку Тимофеевичу, этому первому герою казаку, казаки приписали и атаманство подъ Казанью. Старая пѣсня лучше всякаго разсказа рисуетъ намъ охотничьи набѣги донцовъ по рѣкамъ и то, какъ собирались казаки въ походъ. Вотъ какъ пѣли старики наши про взятіе казаками Казани.

—„Какъ проходитъ, братцы, лѣто теплое,
Настаетъ, братцы, зима холодная
И гдѣ-то мы, братцы, зимовать будемъ?
На Яикъ *) намъ пойтить—переходъ великъ,
А за Волгу пойтить—намъ ворами слыть,
Намъ ворами слыть—быть половленнымъ,
По разнымъ по тюрьмамъ поразсаженнымъ,
А мнѣ, Ермаку, быть повѣшену.
Какъ вы думайте, братцы, да подумайте,
Меня, Ермака, вы послушайте“.

---

*) Яикомъ тогда называлась р. Уралъ.

Ермакъ говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:—
—„Пойдемте мы, братцы, подъ Казань городъ,
Подъ тѣмъ ли, подъ городомъ, самъ Царь стоитъ,
Грозный Царь Иванъ Васильевичъ.
Онъ стоитъ, братцы, ровно три года,
И не можетъ онъ, братцы, Казань городъ взять.
Мы пойдемте, братцы, ему поклонимся
И подъ власть его, ему покоримся!"
Какъ пришелъ Ермакъ къ Царю, на колѣни сталъ.
Какъ возговоритъ Царь Ермаку-казаку:
„Не ты ли, Ермакъ, войсковой атаманушка?
Не ты ли разбивалъ бусы *) корабли мои военные?"

—„Я разбивалъ, Государь, бусы корабли,
Бусы корабли не орленые, не клейменые!
Отслужу я тебѣ, Государь, службу важную:
Ты позволь мнѣ, Царь, Казань городъ взять,
А возьму я Казань ровно въ три часа.
Да и чѣмъ меня будешь жаловать!"

Какъ надѣлъ Ермакъ сумку старческую,
Платье ветхое, все истасканное,
И пошелъ Ермакъ въ Казань за милостыню
Побираться, христарадничать,
Запримѣтилъ тамъ Ермакъ пороховую казну
И съ тѣмъ вернулся онъ къ товарищамъ.
„Ой вы, братцы мои, атаманы молодцы!
Да копайте вы ровъ подъ пороховую казну!"

Скоро вырыли глубокій ровъ Донскіе казаки,
Какъ поставилъ тамъ Ермакъ свѣчу воска яраго,
Во боченокъ ли поставилъ полный съ порохомъ,
А другую онъ поставилъ, гдѣ съ Царемъ сидѣлъ.
И сказалъ Ермакъ Царю Грозному:
—„Догоритъ свѣча—я Казань возьму!"
Догорѣла свѣча—въ Казани поднялося облако!
Какъ крикнетъ Ермакъ Донскимъ казакамъ,
Донскимъ казакамъ, Гребенскимъ и Яиковскимъ:

—„Ой вы, братцы мои, атаманы молодцы!
Вы бѣгите въ городъ Казань скорехонько,
Вы гоните изъ города вонъ всѣхъ басурманъ,
Не берите вы въ полонъ ни одной души:
Плѣнъ Донскимъ казакамъ не надобенъ!"

---

*) Бусами назывались морскія персидскія суда.

Ермакъ тремя стами казаками городъ взялъ,
Городъ взялъ онъ Казань и Царю отдалъ,
Избавилъ Ермакъ войско Царское отъ урона,
За то Царь пожаловалъ Ермака *княземъ*
И наградилъ его медалью именною,
Да подарилъ Ермаку славный, тихій Донъ
Со всѣми его рѣчками и проточками.
Какъ возговоритъ Ермакъ Донскимъ казакамъ:
„Пойдемте, братцы, на тихій Донъ, покаемся,
Не женатые, братцы, всѣ поженимся!"...

Послѣ взятія Казани начались постоянныя сношенія Московскаго царя Іоанна IV Васильевича съ донскими казаками. Царь пишетъ грамоты «на Донъ въ Нижнія и Верхнія юрты, Атаманамъ и Казакамъ», онъ приказываетъ имъ провожать своихъ пословъ, ѣдущихъ къ татарамъ. До насъ дошла грамота отъ 1570 года. Эта грамота первая, которая сохранилась до нашего времени, и потому съ нея считается и начало Донского войска съ 1570 года.

Іоаннъ Грозный.
Мраморное изваяніе Антокольскаго.

5. Донскіе казаки основываютъ Терское и Уральское казачьи войска.

Въ пѣсняхъ казачьихъ того времени часто упоминается о томъ, что донскіе казаки дѣйствовали вмѣстѣ съ другими казаками—съ казаками гребенскими и яицкими. Такъ скликаетъ Ермакъ Тимофеевичъ донскихъ казаковъ и говоритъ:—

Ой вы, Донскіе казаки, охотники,
Вы Донскіе, Гребенскіе со Яицкими!

Давно это было... Еще до покоренія Казани, а точно года нигдѣ не указано. Какъ-то разъ па станичной площади Раздорскаго городка собрались всѣ «непенные», то-есть не опороченные ничѣмъ казаки. Шумно было на кругу. Шумно и людно. Замышлялся новый походъ, вызывали охотниковъ. Въ серединѣ стоялъ статный и видный казакъ—атаманъ *Андрей*, окруженный бывалыми въ походахъ, смѣлыми казаками, отчаянными головорѣзами—старшинами. Много было тутъ сѣдыхъ волосъ и сѣдыхъ кудрей, но сухощавы и загорѣлы были лица. Не одинъ темный шрамъ на лицѣ говорилъ о томъ, что не даромъ досталось казаку званіе старшины, что не разъ рубился онъ съ врагомъ—татариномъ или туркомъ. Долго гуторили и гомонили казаки. Вдругъ атаманъ взялся за свою высокую, остроконечную барашковую шапку и сейчасъ же раздался крикъ:

— Помолчи, честная станица, атаманъ трухменку гнетъ!

Это кричалъ молодой есаулъ. И стихъ кругъ войсковой. И тогда заговорилъ атаманъ. Онъ предлагалъ казакамъ пойти «поохотиться» на Каспійское море.

— Любо, или не любо, атаманы молодцы!—воскликнулъ онъ.

Снова зашумѣлъ кругъ. То и дѣло выходили изъ него казаки, кидали шапки о-земь и скоро порядочная партія казаковъ собралась къ атаману. Набѣгъ былъ рѣшенъ. Предводителемъ былъ избранъ атаманъ Андрей.

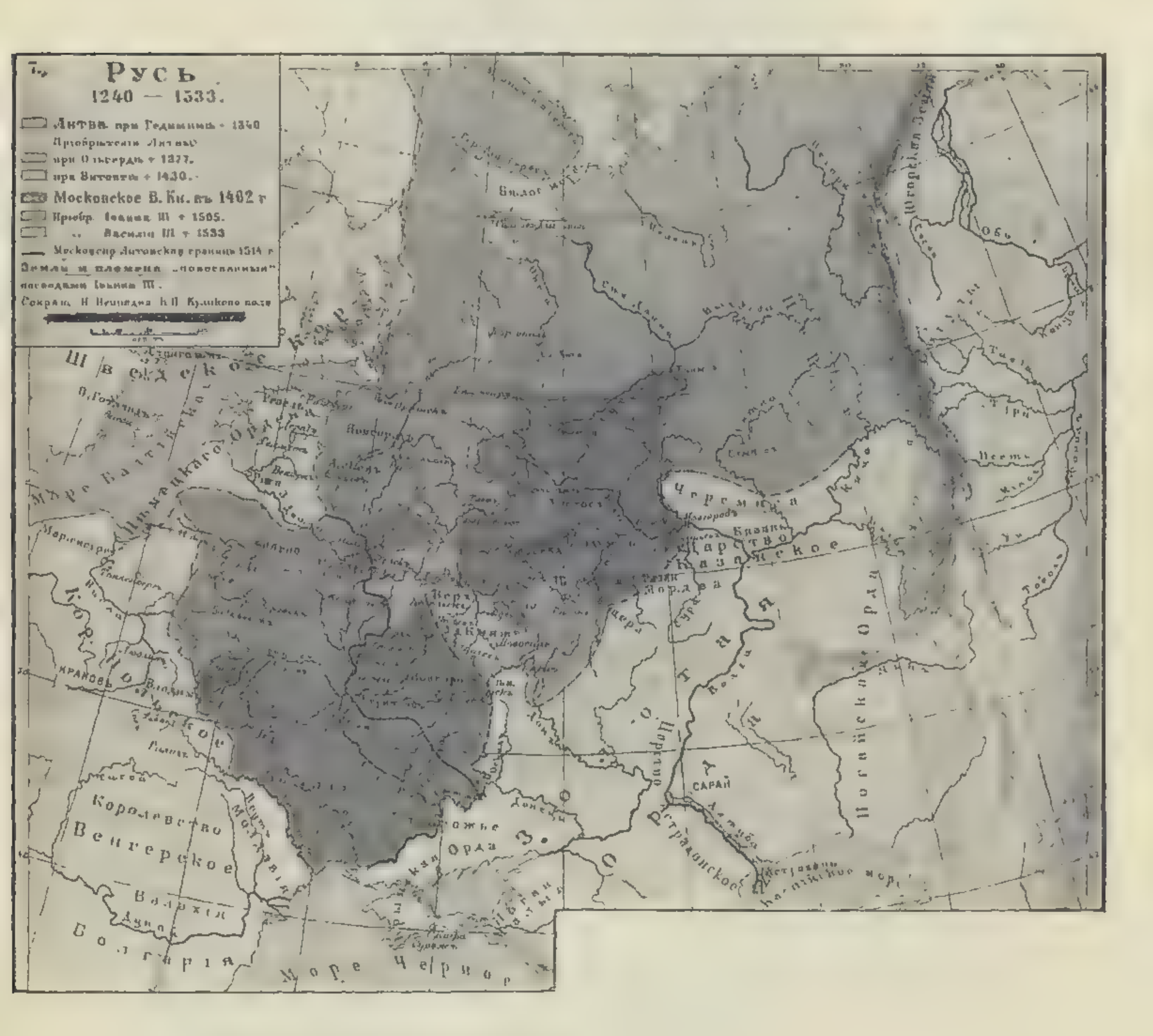
Снарядивши на Волгѣ мелкія лодки, партія охотниковъ спустилась въ Каспійское море; долго ходили казаки по морю, останавливали персидскихъ купцовъ и брали отъ нихъ добычу. Но настала осень, задули сильные вѣтры, зашумѣла буря. Спасаясь отъ нея, казаки пристали къ невѣдомому имъ берегу. Вдали виднѣлись высокія горы съ вершинами, покрытыми снѣгомъ. Это были Кавказскія горы. Въ горахъ казаки зазимовали. Поставили въ долинахъ шатры, стали ходить на развѣдку, и понравилась Андреевымъ казакамъ эта земля. На слѣдующій годъ они послали на Донъ товарищей звать къ себѣ донцовъ, выхваляя *гребни* горъ, на которыхъ они жили. Называли они себя поэтому Гребенскими казаками. Пришли еще казаки и основалось Гребенское казачье войско со своимъ атаманомъ, со своимъ кругомъ и съ обычаями, сходными съ обычаями донцовъ. Въ 1580 году, повелѣніемъ царя Іоанна IV Васильевича Грознаго они были переведены на Терекъ и потому стали называться *Терскими* казаками.

Такъ первоначальное Донское войско положило основаніе Терскому. Терскіе казаки—наши братья по крови, они вмѣстѣ съ донцами сражались съ нехристями на Каспіи и на Волгѣ, добывая славу казачью. И до сего времени въ Терскомъ войскѣ сохранились тѣ же обычаи, та же рѣчь, тотъ же говоръ, что и въ Донскомъ.

Мелкія станицы донскихъ казаковъ селились и по Волгѣ, близъ Астрахани, и тогда называли себя Волжскими казаками. Въ 1584 году партія казаковъ въ 800 человѣкъ подъ предводительствомъ атамана *Нечая* пустилась съ Волги на востокъ, прошла пустыни и степи и дошла до рѣки Урала, который тогда назывался Яикомъ. Приволье уральскихъ степей, ширь и обиліе рыбой рѣки Урала понравились казакамъ, и они рѣшили здѣсь поселиться. Поставили эти казаки обычные свои плетневые городки, сдружились съ киргизами и татарами, ходили набѣгами въ далекія азіатскія земли, соединялись съ донцами въ большихъ походахъ, а потомъ часто дѣйствовали и самостоятельно. Назывались они Яицкими казаками, а впослѣдствіи составили войско Уральское.

Такъ въ первые же годы своего существованія донскіе казаки выдѣлили изъ своей среды партіи, образовавшія два славныхъ и доблестныхъ войска—Терское, или Гребенское и Уральское, или Яицкое.

Вскорѣ донскимъ казакамъ суждено было совершить новый великій подвигъ, присоединить къ Россійской землѣ громадное царство Сибирское и положить основаніе Сибирскому казачьему *войску.*

Русская земля во времена походовъ на Казань царя Іоанна IV Васильевича.

Знамя Ермака.

6. Ермакъ Тимофеевичъ—покоритель Сибирскаго царства.

1582 г.

Въ тѣ далекія времена на Дону мало было людей, умѣющихъ писать, и подвиги донцовъ того времени не записывались и не сохранились бы до насъ вовсе, если бы не дошла до насъ старая пѣсня казачья. Рождались на Дону богатыри, сильною волею своею водили за собою станицы казаковъ, тяжелою рукою рубились съ татарами и турками, смѣло ходили на лодкахъ по бурному морю и пѣли ихъ сподвижники про нихъ пѣсни. Такъ много пѣсенъ поется на Дону про Ермолая, или, какъ его называли—Ермака Тимофеевича. Поютъ въ нихъ и про то, какъ ходилъ Ермакъ по Азовскому морю на турокъ, какъ бралъ Ермакъ съ казаками Казань городъ, покорялъ Сибирь и бралъ сибирскіе города. Называютъ его въ иныхъ пѣсняхъ «воровскимъ атаманушкой», въ другихъ говорятъ просто:—старики были старые,

Казаки стародавніе,
Атаманъ былъ у казаковъ
Ермолай Тимофеевичъ,
Есаулъ былъ у казаковъ
Гаврила Лаврентьевичъ.

Если бы не пришлось Ермаку Тимофеевичу столкнуться съ русскими людьми и служить съ ними одну царскую службу, можетъ быть, про Ермака мы бы и знали только изъ пѣсенъ. Но пришлось ему встрѣтиться съ русскими людьми и при помощи ихъ сдѣлать набѣгъ на Сибирь. На Руси въ то время уже были люди, которые записывали все.

что дѣлается въ Русской землѣ, составляли лѣтописи, и вотъ изъ этихъ лѣтописей мы подробно узнаемъ о подвигахъ Ермака съ донскими казаками въ Сибири.

Вскорѣ послѣ завоеванія Казани (въ 1552 году), въ 1558 году царь Іоаннъ IV Васильевичъ, чтобы обезпечить Пермскую землю, лежащую вверхъ по рѣкѣ Камѣ, подарилъ большіе участки у Уральскихъ горъ купцамъ Строгановымъ и разрѣшилъ имъ строить крѣпости, имѣть пушки и войска для защиты своихъ угодій. Строгановы настроили небольшія деревянныя крѣпостцы, дошли до самыхъ Уральскихъ горъ, добывая здѣсь лѣсъ, охотясь за пушнымъ звѣремъ и собирая камни самоцвѣтные. Но когда подошли они къ Уральскимъ горамъ, которыя тогда назывались Каменнымъ поясомъ, ихъ встрѣтили отряды Сибирскаго царя Кучума и не пустили ихъ за горы. Войско Строгановыхъ было наемное. Въ немъ были и нѣмцы, и шведы, и латыши, и татары. За стѣнами городковъ, стрѣляя изъ пушекъ и изъ ружей, прячась отъ стрѣлъ татарскихъ за бревнами, они дрались хорошо, но сдѣлать походъ въ невѣдомыя, далекія страны, пройти по широкимъ и быстрымъ рѣкамъ, драться неизвѣстно съ какими народами эти дружины не могли.

Основатели Строгановскаго городка, братья Яковъ и Григорій такъ и умерли, не рѣшившись перешагнуть за Каменный поясъ; наслѣдники ихъ, меньшой братъ Семенъ и сыновья Максимъ Яковлевъ и Никита Григорьевъ, рѣшили продолжать начатое дѣло. Въ это время къ нимъ и пришелъ Ермакъ.

Глухою осенью 1579 года, тогда, когда со дня на день ожидали, что Волга и Кама станутъ и покроются льдомъ, по бурнымъ волнамъ ихъ показались черныя лодки. То шелъ вверхъ по Камѣ — грозный донской атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ съ казацкою вольницей. Шли съ нимъ Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ съ товарищами. Все это были люди отчаянные. Не разъ останавливали они на Волгѣ корабли, отбирали товары у перепуганныхъ купцовъ и съ веселою пѣснею гребли дальше. Казанскій воевода *Иванъ Мурашкинъ* съ цѣлымъ войскомъ, по приказу царскому, гонялся за ними и не могъ поймать. И вотъ, въ вольномъ набѣгѣ своемъ, повернули донскія лодки въ Каму и подошли къ Строгановскому городку.

Средняго роста, широкоплечій, на диво сложенный, крѣпкій казакъ былъ Ермакъ Тимофеевичъ. Черныя кудри вились надъ ушами, взглядъ у него былъ быстрый, лицо чистое и пригожее. Пышно и богато одѣлся онъ, подходя къ Строгановскому городку, окруженный своими казаками.

Ласково принятый Строгановыми Ермакъ остался у нихъ, и здѣсь, послушавъ ихъ сѣтованія на набѣги Кучумовыхъ татаръ, крѣпко заду-

мался. Смѣлою душою своею чуялъ Ермакъ, что зовутъ его Строгановы на славный подвигъ. Это не удалой набѣгъ на Волгу — это завоеваніе цѣлаго царства. Надолго, быть можетъ, навсегда придется уйти съ Дона, забыть приволье родныхъ степей. Но манилъ его подвигъ прекрасный. И вотъ, собравши вокругъ себя своихъ удальцовъ, обратился къ нимъ Ермакъ съ такою рѣчью:—

„Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте.
Зимою мы, братцы, исправимся,
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други братцы, въ походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ передъ Грознымъ Царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю, по Хвалынскому *),
Разбивали мы, братцы, бусы корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка Всецарскаго!
Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,
Да, пора уже намъ, братцы, въ походъ идтить.
Ой вы, гой еси, братцы, атаманы молодцы,
Эй вы, дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаички сосновыя,
Мы поѣдемте, братцы, съ Божьею помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства басурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
А царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ
И за то-то Государь Царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлому Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я Царю Бѣлому повинную:
Ой ты гой еси, надежда православный Царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я то Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Какъ и я то воровской Донской атаманушка,
Какъ и я то гулялъ вѣдь по синю морю,

*) Хвалынскимъ называлось тогда Каспійское море.

Что по синю морю, по Хвалынскому,
Какъ и я то разбивалъ вѣдь бусы корабли,
Какъ и тѣ корабли все не орленые,
А теперича, надежда, православный Царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство Сибирское!“

Молча слушалъ Ермака кругъ казачій. И думали казаки «думушку единую». И сладка имъ была мысль искупить свои грѣхи, свои грабежи и нападенія на купцовъ великимъ подвигомъ, такимъ подвигомъ, который прославилъ бы навсегда имя казачье. А слава казачья донцамъ была всего дороже.

Смотрѣли казаки на снѣгомъ покрытыя, поросшія густымъ лѣсомъ горы и хотѣлось имъ перешагнуть за нихъ, поглядѣть, что тамъ дѣлается за горами, какіе народы тамъ живутъ и какъ воюютъ. Много повидали они на своемъ вѣку. Ходили по Азовскому и Черному морямъ, видали турецкіе города, видали высокія страшныя горы Кавказа, но за Каменнымъ поясомъ они не были ни разу. И тянула ихъ къ себѣ эта невѣдомая, неизвѣстная даль, и охотою шли они на труды и лишенія походной жизни, шли на опасные бои.

— Любо! Любо намъ, Ермакъ Тимофеевичъ, съ тобою идти! Любо покорить царя Сибирскаго и подарить его Московскому православному Царю! Любо... Аминь!

Низко поклонился кругу атаманъ и вышелъ съ площади. За нимъ разошлись и казаки. И на другой день закипѣла работа.

Всю зиму стучали въ лѣсу топоры, визжали пилы — то казаки строили себѣ легкія лодки. Заготовляли «зеліе»—то-есть порохъ, лили пули, устанавливали маленькія пушечки, солили мясо въ прокъ. Строгановы усилили небольшую дружину казаковъ тремя стами находившихся у нихъ на службѣ воиновъ—русскихъ, татаръ, литовцевъ и нѣмцевъ, придали имъ еще проводниковъ и переводчиковъ, и весною 1581 г. отрядъ Ермака въ 840 человѣкъ былъ совершенно готовъ къ походу.

Съ этими маленькими силами, ничтожнымъ числомъ, Ермакъ отправился въ походъ, завоевывать громадную Сибирь. Онъ раздѣлилъ отрядъ на части, назначилъ въ каждой атамана, назначилъ есауловъ, сотниковъ и пятидесятниковъ, и пошелъ за Уральскій хребетъ. Четыре дня плылъ Ермакъ на лодкахъ вверхъ по р. Чусовой до устья р. Серебряной, а потомъ два дня шелъ по Серебряной до Сибирской дороги. Здѣсь Ермакъ высадился на берегъ и построилъ укрѣпленіе, названное имъ «Кокуй-городъ». Сложивъ здѣсь запасы и обезпечивъ, такимъ об-

разомъ, на всякій случай, путь отступленія, Ермакъ налегкѣ поплылъ въ р. Туру, за которою начиналось уже царство Сибирское. Здѣсь въ татарскомъ улусѣ казаки захватили важнаго князя—мирзу Таузака.

Ермакъ Тимофеевичъ.

Ермакъ потребовалъ его къ себѣ и допросилъ о царствѣ Кучума. Таузакъ правдиво и точно разсказалъ Ермаку, каково царство Сибирское, и за то Ермакъ отпустилъ своего плѣнника на волю. Таузакъ отправился къ царю Кучуму и извѣстилъ его о движеніи на Сибирь невѣдомыхъ бѣлолицыхъ людей. Кучумъ собралъ совѣтъ изъ старшинъ. Въ тѣ-

номъ юртѣ усѣлись желтолицые и косоглазые обитатели Сибири, и Таузакъ повелъ передъ ними свой разсказъ:

— Идутъ,—сказалъ онъ,—изъ-за Каменнаго пояса люди страшные, ростомъ великіе. Глаза у нихъ быстрые. А изъ луковъ своихъ они стрѣляютъ огнемъ и громомъ смертоноснымъ, который далеко попадаетъ, ранитъ до смерти и всякіе доспѣхи наши пробиваетъ насквозь. А называютъ они себя донскими казаками! Быть бѣдѣ!

— Быть бѣдѣ!—повторили старшины, и призадумался весь ихъ совѣтъ.

— Къ этому были примѣты и указанія,—сказалъ одинъ татарскій мирза.—Видѣли подданные мои городъ въ небѣ, и въ томъ городѣ были видны христіанскія колокольни. А въ рѣкѣ Иртышѣ въ тотъ часъ вода стала кровавой.

— Видѣли мы,—проговорилъ другой мирза,—какъ Тобольскій мысъ выбрасывалъ золотыя и серебряныя искры.

Мирза Девлетбай, жившій на Панинѣ бугрѣ, противъ теперешняго Тобольска, въ городѣ Бициктурѣ, доложилъ Кучуму, что и онъ видалъ много знаменій: съ Иртыша приходилъ бѣлый волкъ, а отъ рѣки Тобола черная гончая собака, и они грызлись между собою. И волкъ, какъ толковали кудесники, означалъ ханскую силу, а собака россійскую, и россійская побѣдила.

Такими бабьими бреднями растравляли себя татары. Они еще не видали казаковъ, а уже боялись ихъ, Ермакъ еще былъ далеко, а уже прятали имущество татары и робость одолѣвала ихъ. Кучумъ противъ маленькой дружины Ермака послалъ большой конный отрядъ царевича Маметкула.

А Ермакъ шелъ спокойно по рѣкѣ Тоболу. Легко было на сердцѣ у донцовъ; веселыя, бодрыя пѣсни звенѣли въ чужеземной странѣ. Недалеко отъ урочища Бабасанъ встрѣтились донцы съ Маметкуломъ.

Дружина Ермака построилась въ боевой порядокъ въ пѣшемъ строю и начала пальбу изъ пищалей и изъ аркебузовъ. Маметкулъ бросился въ атаку, но не пріученныя къ грому выстрѣловъ, полудикія лошади татарскія не шли на огонь, пули и стрѣлы поражали ихъ, и атака татаръ была отбита. Маметкулъ бросился второй и третій разъ, но только уронъ его становился больше, падали лошади и люди, и донцы Ермака подавались все впередъ и впередъ. Маметкулъ отступилъ, и Ермакъ подошелъ къ устью р. Тобола.

На пятьдесятъ второй день похода Ермака, 22 октября *1581 года*, подъ вечеръ, казачьи струги, шедшіе по р. Иртышу, подошли къ городищу Атикъ-мурзы. Здѣсь казаки причалили къ берегу и высадились. Невы-

сокіе холмы, покрытые уже почернѣвшимъ дубнякомъ и елями, горѣли тысячью огней. То былъ станъ самого царя Сибирскаго Кучума, засѣвшаго съ Маметкуломъ въ крѣпкой засѣкѣ и рѣшившагося смертнымъ боемъ защищать свое царство. Гомонъ тысячи голосовъ, ржаніе коней слышно было по рѣкѣ на нѣсколько верстъ. Точно море глухо шумѣлъ станъ татарскій.

Тихо было въ казачьемъ лагерѣ. Такимъ маленькимъ казался этотъ станъ—всего одинъ полкъ, если считать по-нынѣшнему, шелъ противъ цѣлой арміи. Но это былъ полкъ богатырей, прекрасно вооруженныхъ, смѣлыхъ, упорныхъ, гордыхъ и самолюбивыхъ! Полкъ донскихъ казаковъ.

Близъ полночи сотники, бывшіе на совѣтѣ у Ермака, сказали пятидесятникамъ, а тѣ десятникамъ приказъ всѣмъ собираться на войсковой кругъ. На лѣсной прогалинѣ, надъ обрывомъ, у глухо ропщущей рѣки собрались казаки. Мрачны были ихъ лица. Незавидной казалась имъ доля. Зашли невѣсть куда, кругомъ угрюмыя горы и скалы, хмурое, низко нависшее небо, впереди безчисленная рать, одолѣть которую нѣтъ силы.

— Идти назадъ!—глухо пронеслось по рядамъ казачьимъ, когда вышелъ Ермакъ.

Смоляные факелы освѣщали его лицо. Въ доспѣхахъ и металлическомъ шлемѣ, изъ-подъ котораго вились черныя кудри, онъ весь былъ порывъ и мужество. Красные отблески огней играли на стали кольчуги, будто кровавыя пятна.

Онъ взялся за шапку.

— Помолчи, честная станица!—раздались возгласы.—Атаманъ слово держать будетъ!

Стихнулъ весь кругъ казачій. Плотнѣе сдвинулись ряды, задніе напирали на переднихъ, только тяжелое дыханіе да сдержанный кашель прерывали ночную тишину.

Ермакъ поднялъ курчавую голову. Изъ-подъ снятаго шлема черными змѣями разсыпались кудри, ярко блеснулъ бѣлый лобъ надъ загорѣлымъ лицомъ; глаза горѣли рѣшимостью, удалью... и восторгомъ. Предстоящій кровавый бой радовалъ донца-атамана!

— Идти назадъ!?—тихо, но сурово сказалъ онъ.—Идти назадъ черезъ безлюдную и мрачную пустыню, идти за горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Идти пѣшкомъ, потому что рѣки замерзнутъ!..

Ермакъ вздохнулъ. Вздохнулъ, какъ одинъ человѣкъ, и весь кругъ войсковой.

— Вернуться домой на тихій Донъ и что сказать!? Вернуться безъ

славы! Насъ спросятъ дома старики, насъ спросятъ жены и дѣти: вотъ вы пропадали два года за Волгой, что сдѣлали вы?

Молчаніе парило въ кругу. Напряженно слушали казаки рѣчь своего атамана. Ермакъ умѣлъ говорить, недаромъ про него и въ пѣснѣ поется: «Ермакъ возговоритъ, какъ въ трубу вструбитъ». Серебромъ лилась его рѣчь.

— Что жъ, атаманы молодцы, рѣшайте: идти намъ со срамомъ домой, чтобы жены смѣялись надъ нами, чтобы родители прокляли насъ и не было намъ никогда отъ нихъ благословенія, или вернуться послѣ побѣды покорителями царства Сибирскаго!?.

Огнемъ загорѣлись глаза казачьей вольницы. Слетѣли порывомъ шапки съ косматыхъ головъ, поднялись руки, творя крестное знаменіе, поклялись казаки либо умереть, либо побѣдить Кучума царя. «Смерть— лучше отступленія!»—говорили казаки. Задумчивые расходились донцы по своимъ шалашамъ и тамъ тихо бесѣдовали, точили оружіе, отсыпали порохъ, готовили пули.

И слышалось всюду одно слово, одна клятва между односумами:— «если ты живъ останешься, разскажи дома, какъ меня убили!»—потому что каждый готовилъ себѣ славную смерть!

На разсвѣтѣ, 23 октября, казаки ударили на приступъ укрѣпленнаго Кучумомъ селенія Чувашева. Засвистали пули казачьи, загремѣли ружья и навстрѣчу имъ полетѣли тучи стрѣлъ. За ружейною трескотнею, за свистомъ стрѣлъ не слышно было ни голосовъ, ни командъ. До полудня шла перестрѣлка. Татары, видя, что казаковъ очень мало, сами проломили засѣки въ трехъ мѣстахъ и живыми людскими потоками устремились на казаковъ. Это былъ отчаянный бой. Каждый понималъ, что отъ того, кто побѣдитъ, зависитъ быть или не быть тому живому. Лѣтописецъ, записавшій о томъ, какъ происходила эта битва, написалъ—«*и бысть сѣча зла; за руки емлюще сѣчахуся»*, то-есть, хватали другъ друга за руки, чтобы помѣшать наносить удары. Но подъ могучими ударами казаковъ густыя толпы татаръ стали рѣдѣть. Раненый царевичъ Маметкулъ былъ переправленъ съ приближенными людьми на ту сторону рѣки и татары начали отступать. Уже темнѣло, когда казаки заняли татарскія засѣки, а потомъ отошли на старый свой бивакъ къ Атику городку. Всю ночь не спали они. Хоронили убитыхъ. Ихъ было 107 человѣкъ; перевязывали раны, строили укрѣпленія, опасаясь нападенія татаръ. Но татарамъ было довольно. Союзники Кучума, остяцкіе князья, покинули его, Маметкулъ, лучшій витязь его, былъ раненъ, а самъ Кучумъ тою же ночью ушелъ въ свою столицу городъ *Сибирь,* собралъ свои пожитки, женъ и бѣжалъ съ ними въ степи.

Бой Ермака съ Кучумовыми полчищами въ Сибири.

(Съ картины художника Сурикова).

26 октября 1581 года казаки заняли Сибирь. Тамъ, въ ханскихъ дворцахъ и торговыхъ рядахъ, они нашли богатую добычу: золото и серебро въ сундукахъ, золотомъ тканныя матеріи и царскіе уборы, дорогіе мѣха и драгоцѣнные камни...

Ермакъ зазимовалъ въ Сибири. Его дружина размѣстилась въ покинутыхъ домахъ; по окрестнымъ городамъ и селамъ были посланы гонцы съ извѣстіемъ, что казаки не сдѣлаютъ зла тому, кто добромъ вернется въ свои дома, приметъ клятву на вѣрность царю Московскому и будетъ послушенъ Ермаку. И вотъ изъ лѣсовъ стали возвращаться мирные татары. Казаки принимали ихъ ласково, помогали имъ на первыхъ порахъ, и слухъ о томъ, что Ермакъ правитель добрый, пошелъ по всей Сибири. Юрты и отдѣльныя кочевья спѣшили заявлять Ермаку о томъ, что они вѣрны русскому царю, и доносили казакамъ о всякомъ движеніи своего бывшаго царя Кучума и его войска.

Кучумъ отъ горя совсѣмъ одряхлѣлъ, потерялъ зрѣніе и скитался одинокій по Ишимской степи. Оправившійся отъ раны Маметкулъ своими наѣздниками окружилъ казачій станъ и захватывалъ одиночныхъ казаковъ, возвращавшихся съ поѣздокъ.

Но слѣдилъ за нимъ и Ермакъ. Его удальцы не спали зимою. Изъ пѣшей рати, шедшей на судахъ, къ веснѣ дружина Ермака обратилась въ отличную конницу. Татары окрестныхъ Сибири юртовъ стали друзьями казаковъ, они донесли Ермаку, что Маметкулъ съ небольшимъ отрядомъ татаръ сталъ на рѣкѣ Вагоѣ. Это было весною 1583 года. Ермакъ отправилъ противъ него сотню въ 60 человѣкъ. Казаки напали ночью на татарскій станъ. Большинство татаръ они умертвили сонными, а самого Маметкула взяли въ плѣнъ и живымъ доставили Ермаку. Какъ только вскрылись рѣки, опять на судахъ пошли казачьи отряды, широко раздвигая завоеванія Ермака. Не одна казачья голова легла на приступѣ сибирскихъ городовъ. Убитъ былъ и одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Ермака—Никита Панъ.

Въ самой Сибири снаряжалось посольство къ Строгановымъ и Московскому царю. Отбирались лучшіе мѣха, 2400 соболей, 20 черно-бурыхъ лисицъ и 20 бобровъ, лучшіе камни, отсыпалось самородное золото, заворачивались и зашивались въ рогожи драгоцѣнныя царскія шапки и наряды Кучума. Начальникомъ летучей станицы съ подарками царю Іоанну IV, которыми билъ челомъ донской казакъ Ермакъ Тимофеевичъ,—былъ назначенъ лучшій дружинникъ Ермака—атаманъ *Иванъ Кольцо*. Ему наказано было, прибывъ въ Москву, «бить челомъ царю царствомъ Сибирскимъ»...

Веселую грянули казаки пѣсню, когда по знакомому пути, по рѣ-

камъ сибирскимъ поплыли назадъ къ Каменному поясу. Весла бодро ходили въ рукахъ, сознаніе великаго дѣла, которое они совершили, окрыляло ихъ, и летѣли остроґрудые челны казачьи по холоднымъ волнамъ широкихъ рѣкъ.

Царь радостно принялъ Ивана Кольцо. Онъ простилъ казакамъ всѣ прежніе ихъ разбои на Волгѣ, пожаловалъ посланныхъ деньгами и сукнами на одежду, разрѣшилъ атаману Кольцо набирать въ Московской землѣ охотниковъ для заселенія Сибири и повелѣлъ отправить Маметкула въ Москву. Ермаку съ его товарищами была пожалована царемъ грамота.

Въ грамотѣ царской,—Іоаннъ IV милостиво объявлялъ казакамъ забвеніе старыхъ провинностей и вѣчную благодарность Россіи за важную услугу. Ермакъ былъ названъ *княземъ Сибирскимъ,* ему было поручено устраивать завоеванную землю. Для принятія же сибирскихъ городовъ, изъ Москвы былъ посланъ воевода князь Семенъ Болховской и голова Иванъ Глуховъ съ отрядомъ лучшихъ московскихъ солдатъ—стрѣльцовъ.

Ратный крестникъ Ермака, Маметкулъ, оказался и въ Москвѣ храбрымъ воиномъ. Онъ дослужился въ русскихъ войскахъ до чина воеводы—что отвѣчаетъ нынѣшнему генералу,—и воевалъ со шведами, отличаясь мужествомъ и искусствомъ.

Подаренная Московскому государству донскими казаками Сибирь—усилила Московскаго царя и стала его снабжать и хлѣбомъ, и золотомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Ермакъ съ донцами подарили русскому народу обширныя земли. И, когда тѣсно стало на Руси, потянулись переселенцы въ широкія Сибирскія степи, въ дремучую тайгу и нашли тамъ отличныя мѣста для жизни.

Теперь Сибирь неразрывная часть Русскаго государства, богатый край со многими красивыми городами. Бѣжитъ черезъ этотъ край желѣзный путь, на-дняхъ пройдетъ и другой, и земледѣлецъ, и скотоводъ, и горнопромышленникъ — живутъ въ завоеванной триста лѣтъ тому назадъ донскими казаками Сибири припѣваючи...

Памятникъ Ермаку Тимофеевичу
въ г. Новочеркасскѣ.

7. Смерть Ермака. 6 августа 1584 года.

Отправивъ атамана Кольцо въ Москву, Ермакъ ушелъ съ казаками на сѣверъ Сибири. Во всѣхъ городахъ онъ объявлялъ жителямъ о подчиненіи ихъ Московскому царю и оставлялъ казаковъ для порядка. Такъ, въ походахъ и трудахъ, провелъ онъ лѣто и зиму 1582 года и лѣто 1583 года. Осенью этого года онъ возвратился въ Сибирь, и здѣсь его встрѣтилъ прибывшій изъ Москвы атаманъ Кольцо.

Радостна была встрѣча атамановъ. Собрался кругъ казачій и съ увлеченіемъ слушали донцы длинный разсказъ посланца о царскомъ пріемѣ. Сибирскій князь Ермакъ надѣлъ привезенные отъ царя тяжелые доспѣхи, казаки цѣловались другъ съ другомъ, поздравляя одинъ другого съ царскими милостями, дѣлили деньги, дѣлили сукна. Гуляли и пѣли пѣсни, восхваляя своего атамана.

Дружно и ласково приняли они и стрѣльцовъ, прибывшихъ съ Кольцомъ, одарили ихъ сибирскими мѣхами, отвели имъ дома. Но Сибирь былъ небольшой городъ. Въ немъ не было хорошихъ теплыхъ домовъ, казаки и татары жили въ кибиткахъ, питались чѣмъ Богъ по-

шлетъ. Зима стала ранняя, выпалъ глубокій снѣгъ. рѣки замерзли. Казаки не могли промышлять ни охотою, ни рыбною ловлею. Скоро въ городѣ стало не хватать съѣстного. Пришлось плохо питаться. Непривычные къ лишеніямъ похода стрѣльцы начали хворать. Отъ недостатка въ овощахъ въ отрядѣ ихъ появилась цынга. Ихъ воевода князь Болховской умеръ отъ болѣзни. Съ честью похоронили его казаки.

Но вотъ тяжелая зима стала подходить къ концу. Ярче заблистало солнце. Сдѣлалось теплѣе. Изъ окрестныхъ деревень потянулись обозы. Ободрилось войско Ермака. Но отрядъ уменьшился почти на половину. А лѣтомъ ему предстояли новыя испытанія.

Казаки дружили съ татарами и остяками и довѣряли имъ во всемъ. Сами честные и правдивые въ дружбѣ и товариществѣ, они считали и татаръ честными, истинными товарищами... Атаманы казачьи ѣздили въ гости къ мирзамъ, пировали съ ними и вели долгія бесѣды. Татары, между тѣмъ, готовили измѣну. Они льстили казакамъ, низко кланялись имъ, пировали съ ними, клялись, что они стали ихъ братьями, а сами задумывали жестокую месть. Лѣтомъ, какъ-то, атаманъ Иванъ Кольцо гостилъ съ 40 казаками у мирзы Карачи. Какъ всегда, пили пьяную бузу, слушали, какъ заунывно пѣли подъ звонъ струнъ слѣпые пѣвчіе. смотрѣли медленный танецъ татарокъ. Ночью безпечно полегли всѣ спать. безъ часовыхъ и безъ оружія. Забыли казачью сноровку... Подъ утро никто не всталъ. Всѣхъ зарѣзалъ, никого не пощадилъ жестокій Карача.

Не успѣла разсѣяться печаль по этому случаю, какъ новое несчастье легло на маленькій отрядъ Ермака. Погибъ другой атаманъ его. лихой донецъ Михайловъ. Онъ погибъ на развѣдкѣ, убитый изъ засады стрѣлой.

Гибли казаки. Лучшіе воины были убиты. Въ іюнѣ мѣсяцѣ татары вдругъ перестали платить дань. У Карачи собралось большое войско, и онъ обложилъ имъ городъ Сибирь. На этотъ разъ татары были осторожны. Они поставили свои засѣки и расположили за ними войско въ трехъ верстахъ отъ города. Они рѣшили погубить Ермака и его дружину голодомъ. Настали тяжелые дни. Ни пушки, ни ружья казачьи не могли достать до татарскаго лагеря.

И вотъ, въ это тяжелое время снова проснулась доблесть казачья. Атаманъ Мещерякъ вызвалъ охотниковъ пробиться сквозь станъ татарскій и напасть на татаръ сзади. Выбравъ безлунную ночь, онъ тихо вышелъ изъ города Сибири и, подкравшись незамѣтно къ главному стану татарскому, бросился рѣзать сонныхъ татаръ. Оба сына Карачи были убиты. Въ ужасѣ татары разбѣжались, а Мещерякъ засѣлъ со своимъ отрядомъ въ татарскомъ обозѣ. На разсвѣтѣ Карача собралъ татаръ и

атаковалъ казаковъ. Но казаки встрѣтили татаръ дружнымъ огнемъ изъ пищалей и отогнали враговъ. Мало того, они бросились еще ихъ преслѣдовать и въ полдень вернулись въ освобожденную отъ осады Сибирь.

Чтобы наказать врага и обезопасить себя на будущее время, Ермакъ съ 300 казаковъ отправился въ новый походъ по Сибирскому царству. Къ зимѣ онъ вернулся съ богатой добычей. Всѣ городки были приведены къ покорности, на всѣхъ наложена дань.

Два года прошло спокойно. Казаки и русскіе съумѣли завязать торговлю съ сосѣдними народами. Потянулись въ Сибирь, а оттуда въ Москву изъ Китая караваны съ чаемъ, изъ Бухары повезли шелкъ и хлопокъ, изъ далекой Индіи благовонія и пряности. Богатѣла Сибирь отъ торговли.

Узнавъ объ этомъ, старый Кучумъ, бродившій въ верховьяхъ Иртыша, въ 1584 году собралъ войско, сталъ заставою и не пропускалъ бухарскихъ купцовъ въ Сибирское царство. Объ этомъ донесли Ермаку. Ермакъ взялъ 50 казаковъ и съ ними поплылъ на лодкахъ вверхъ по Иртышу. Нѣсколько дней гребли казаки между лѣсовъ и угрюмыхъ скалъ. Они дошли до заставъ, но нигдѣ не нашли татаръ. Ермакъ, проведя весь день въ поискахъ, къ ночи съ 5-го на 6-е августа вернулся къ лодкамъ и расположился на ночлегъ. Ночь была темная, лилъ дождь, вѣтеръ шумѣлъ вершинами деревьевъ. Усталые казаки заснули крѣпкимъ сномъ. Татары, слѣдившіе за казачьимъ отрядомъ съ другого берега Иртыша, переправились черезъ рѣку и напали на сонныхъ казаковъ. Только двое проснулись, Ермакъ и еще одинъ донецъ. Ермакъ отчаянно оборонялся, но видя, что онъ одинъ, что погибла его вѣрная дружина, бросился въ Иртышъ, въ надеждѣ доплыть до лодокъ. Но тяжелые доспѣхи, подаренные ему Іоанномъ, тянули его ко дну, усталость брала свое, обезсиливали руки, туманилась голова—и погибъ великій донецъ, князь Сибирскій, не доплывъ до струговъ.

Другому, простому казаку, удалось пробиться. Онъ бѣжалъ въ Сибирь и разсказалъ тамъ о гибели атамана...

На слѣдующій годъ въ Сибирь изъ Москвы прибыли воеводы Мансуровъ, Сукинъ и Мясной. По Сибирскому царству начали строить городки. Въ 1585 году поставили Тюмень, а черезъ два года Тобольскъ, потомъ Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тару и Нарымъ. Сибирское царство, завоеванное донскими казаками, прочно занималось. Остатки Ермаковой дружины положили основаніе *новому казачьему войску — Сибирскому.*

Умеръ Ермакъ, погибъ въ Иртышѣ, въ отчаянной схваткѣ съ татарами, но умерло только бренное тѣло его. Самъ онъ, великій донской

атаманъ живъ и донынѣ. Живъ въ пѣсняхъ казачьихъ—старыхъ и новыхъ. И теперь донцы и сибирскіе казаки въ мощной пѣснѣ вспоминаютъ бурную ночь съ 5-го на 6-е августа 1584 года. Кто не знаетъ этой пѣсни, составленной изъ стихотворенія извѣстнаго стихотворца русскаго К. Ѳ. Рылѣева?

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молнія блистала;
Безпрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...

Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали близъ дубравы.

„О, спите, спите“, мнилъ *) герой:
„Друзья, подъ бурею ревущей!
„Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
„На славу иль на смерть зовущій.

„Вамъ нуженъ отдыхъ: сладкій сонъ
„И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
„Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ
„И силы ратниковъ удвоитъ.

„Кто жизни не щадилъ своей,
„Опасность въ сѣчахъ презирая,
„Тотъ думать будетъ ли о ней,
„За Русь святую погибая?

„Своей и вражьей кровью смывъ
„Всѣ прегрѣшенья буйной жизни
„И за побѣды заслуживъ
„Благословенія отчизны?...

*) Мнилъ—старое русское слово—значитъ—думалъ.

„Намъ смерть не можетъ быть страшна;
„Свое мы дѣло совершили:
„Сибирь Царю покорена,
„О, мы—не праздно въ мірѣ жили!“

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молнія блистала;
Безперерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ;
Вздымалися сѣдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ казачьи челны...

Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала.

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать *) презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный.

Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ—
И окровавилась долина,
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина...

Ермакъ воспрянулъ ото сна,
И гибель зря **), стремится въ волны;
Душа отвагою полна;
Но далеко отъ брега челны!

Иртышъ волнуется сильнѣй...
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ—
И мощною рукой своей
Валы сѣдые разсѣкаетъ.

*) Тать—воръ.
**) Зря—видя, тоже старое русское слово.

Плыветъ... ужъ близко челнока:
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.

Лишивши силъ богатыря
Бороться съ ярою волною,
Тяжелый панцырь—даръ Царя—
Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря... Вдругъ луной
Иртышъ на мигъ осеребрился,
И трупъ, извергнутый волной,
Въ стальной кольчугѣ озарился.

Носились тучи, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молнія блистала,
И громъ вдали еще гремѣлъ,
Но Ермака уже не стало!..

На смерть Ермака написаны и еще стихи, сочиненные А. А. Д.

За Уральскимъ хребтомъ, за рѣкой Иртышомъ,
На далекихъ отрогахъ Алтая,
Стоитъ холмъ,—и на немъ, подъ кедровымъ шатромъ *)
Есть могила, совсѣмъ забытая.

Много лѣтъ ужъ стоитъ, и курганъ сторожитъ
Этотъ кедръ одинокій угрюмо.
Вкругъ него ни куста... Вся дорога пуста
И тиха. Нѣтъ ни звука, ни шума.

Хищный вранъ не летитъ, дикій звѣрь не бѣжитъ
Этимъ мѣстомъ: здѣсь кроется диво.
Заколдованъ курганъ. Съ нимъ и кедръ великанъ,
Что разроссся такъ пышно, красиво.

Говорятъ, что подъ нимъ великанъ исполинъ,
И въ броню и кольчугу одѣтый,

---

*) Кедръ—хвойное дерево, похожее видомъ на ель, но съ длинными мягкими иглами. Въ громадныхъ шишкахъ его, съ большой кулакъ величиною, находятся мелкіе кедровые орѣхи. Растетъ въ Сибири.

Безпокойно лежитъ, потому что зарытъ
По обряду отцовъ не отпѣтый.

Триста лѣтъ, говорятъ, это было назадъ,
Рыбаки въ Иртышѣ неводили
И, въ мережѣ одной, здѣсь, на берегъ крутой—
Вмѣсто рыбъ—мертвеца притащили.

Былъ въ бронѣ боевой, былъ въ кольчугѣ стальной,
Роста страшнаго—пойманный въ сѣти.
И дивились ему, великану тому,
Рыбаки простодушные эти.

Но, не зная, какъ быть, какъ покойника сбыть,
Чтобъ на грѣхъ не затѣять бы дѣла,
Порѣшили все скрыть и скорѣе зарыть
Это мертвое, страшное тѣло.

И съ тѣхъ поръ, только день перейдетъ въ ночь и тѣнь,
Изъ могилы покойникъ выходитъ
И всю ночь напролетъ, по холму взадъ впередъ
Съ тяжкимъ стономъ задумчиво бродитъ.

Этотъ стонъ гробовой надъ уснувшей землей
По разщелинамъ горъ раздается,
Ужасая собой даже кедръ вѣковой,
Что отъ стоновъ отъ этихъ трясется.

Есть въ народѣ молва, что порою слова
Можно слышать, къ могилѣ склонитесь:
„Я—Донской былъ казакъ, по прозванью Ермакъ,
О покоѣ моемъ помолитесь“ *).

Не забыли Ермака и потомки. Въ Тобольскѣ, главномъ городѣ Западной Сибири, первой, покоренной Ермакомъ, поставленъ ему, по повелѣнію Императора Николая I, въ 1838 году памятникъ, съ надписью: «Покорителю Сибири—Ермаку». Другой памятникъ поставленъ въ 1904 году, на пожертвованія донцовъ, въ Новочеркасскѣ, въ войскѣ Донскомъ, на родинѣ Ермака. На этомъ памятникѣ надпись: «Ермаку—

*) Для любителей пѣнія добавимъ, что на стихи эти есть музыка Д. Э. Добровольскаго для баса и баритона.

Донцы». 3-й Донской казачій полкъ, по повелѣнію нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II Александровича, носитъ его славное имя. Его же имя носитъ и 1-й Сибирскій казачій Ермака Тимофеевича полкъ. На Дону есть Ермаковская станица, есть Ермаковы хутора и не одинъ донецъ носитъ славное имя Ермаково, какъ бы въ воспоминаніе, что дѣды его ходили въ славный поискъ съ Ермакомъ и смѣлою битвою завоевали родной Руси цѣлое великое Сибирское царство!

Церковь въ Сибири, построенная сподвижниками Ермака—донскими казаками, и сохранившаяся до нашихъ дней.

Изъ набѣга.

8. Жизнь донскихъ казаковъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Появленіе на Дону „голытьбы“.

Грозенъ, но и великъ былъ царь Московскій Іоаннъ IV. Всю жизнь велъ онъ войны съ сосѣдями Московскаго государства, стремясь расширить его. Отъ татаръ онъ отнялъ всю Волгу съ городами Казанью и Астраханью; пробивался онъ къ Балтійскому морю, одно время овладѣлъ Нарвою и всею Ливонскою землею — нынѣшнимъ Прибалтійскимъ краемъ (губерніями Эстляндскою, Лифляндскою и Курляндскою). Долгое время сражались его дружины съ поляками, литовцами и шведами. При немъ и ему поднесъ атаманъ донской Ермакъ Сибирское царство, и онъ первый вступилъ въ сношенія грамотами съ казаками, почитая ихъ за вольное, дружественное Россіи товарищество.

Тридцать семь лѣтъ правилъ царь Іоаннъ на Руси. Онъ скончался въ 1584 году, въ одинъ годъ съ Ермакомъ. Ермакъ пережилъ его всего нѣсколькими мѣсяцами. Ему наслѣдовалъ, и на престолъ Московскій вступилъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ.

Царь Ѳеодоръ былъ государь мягкій и добрый. Не было у него такой твердой руки, какую имѣлъ его отецъ, чтобы держать въ порядкѣ громад-

ное Московское царство. Скромный, застѣнчивый, онъ не любилъ заниматься государственными дѣлами и ему не подъ силу было править такимъ большимъ царствомъ, какимъ уже была тогда Московская земля. Его отецъ, царь Іоаннъ, понималъ это и назначилъ ему въ помощь совѣтъ изъ пяти бояръ. Совѣтъ этотъ назывался Верховною Боярскою Думою и состоялъ изъ бояръ: Мстиславскаго, Никиты Романовича Юрьева, Шуйскаго, Бѣльскаго и *Бориса Ѳеодоровича Годунова. Годуновъ, на сестрѣ котораго былъ женатъ царь Ѳеодоръ, скоро сталъ почти самостоятельно править всѣмъ государствомъ, а по смерти царя Ѳеодора* вѣнчался и царскимъ вѣнцомъ.

На Дону, съ уходомъ Ермака съ товарищами въ Сибирь, продолжалась прежняя боевая, охотничья жизнь. Собирались за атаманами станицы удальцовъ, строили лодки и шли «добывать зипуновъ»: кто на Волгу, кто на Азовское море, кто на Черное, кто на Хвалынское. Задѣвали удалыя партіи всякаго и прохожаго, и проѣзжаго на Дону; шарили по татарскимъ городкамъ сильнаго тогда Крымскаго хана, не разъ затрогивали и турецкаго султана.

И крымцы, и турки обижались на казаковъ. Считая ихъ подданными русскаго государя, они писали въ Москву жалобы на казаковъ, но Москва отрекалась отъ нихъ. Изъ Москвы на эти жалобы обыкновенно отписывали:—*казаки донскіе и волжскіе не наши—люди вольные, живутъ и ходятъ безъ нашего вѣдома»...*

31 августа 1584 года была написана въ Москвѣ грамота войску Донскому отъ царя Ѳеодора Іоанновича.

«Отъ Царя и Великаго князя Ѳеодора Іоанновича всея Русіи»—писано въ этой грамотѣ: «На Донъ, Донскимъ Атаманамъ и Казакамъ, старымъ и новымъ, которые нынѣ на Дону, и которые зимуютъ близко Азова»... Дальше въ грамотѣ своей царь объявляетъ казакамъ, что отъ Москвы къ Азовскому пашѣ посланъ для переговоровъ Борисъ Петровичъ Благово, и чтобы казаки помогли ему доѣхать до Азова, а сами съ азовскими людьми «жили смирно и задору никотораго азовскимъ людямъ не чинили», да мало того, чтобы позволили азовскимъ людямъ ловить рыбу по Дону, рубить тамъ дрова и вообще устраиваться на Дону. Кромѣ того, запрещалось казакамъ ходить и на крымцевъ, и требовалось, чтобы казаки жили съ Крымскимъ ханомъ въ мирѣ. И за это царь Московскій послалъ казакамъ свое жалованье: селитру для пороха и свинецъ. И на будущее время царь Московскій обѣщалъ дарить казаковъ своимъ царскимъ жалованьемъ.

Приказывалъ царь Московскій еще донскимъ казакамъ составить списокъ поименно, кто и гдѣ атаманъ, и сколько съ нимъ казаковъ, и

списокъ этотъ отдать тому же Благово, когда онъ поѣдетъ назадъ. И за это царь обѣщалъ къ веснѣ всѣмъ атаманамъ прислать еще жалованье.

Этою грамотою кончалась первобытная вольная жизнь казаковъ. Не стало имъ свободы, не могли они больше по своей волѣ ходить «зипуна добывать», искать добычи. Изъ вольныхъ людей они обращаются этою грамотою въ войско царское, получающее за свою вѣрную службу жалованье. Уже нельзя было, какъ прежде, любому казаку выйти на площадь, бросить свою шапку о-земь и скликать народъ — «на Волгу матушку, иль въ Сибирь пушныхъ звѣрей пострѣлять, на море Черное или Хвалынское». Атаманы были записаны и станицы донскихъ богатырей должны были составлять дружины царскія по указу изъ Москвы. Донскіе казаки начинали входить въ составъ московскаго войска, какъ постоянные его союзники, вѣрные и храбрые, и за это Московскій царь жалуетъ ихъ грамотами, подарками и отличіями...

Но по одной грамотѣ, по одному царскому указу не могла измѣниться вся жизнь донцовъ. Больше ста лѣтъ прошло, пока успокоилось все на Дону, пока казаки донскіе поняли, что съ ростомъ и увеличеніемъ могущества Московскаго царства—имъ нельзя воевать отъ себя, составлять партіи и охотиться на Волгѣ, Каспіѣ и на Черномъ морѣ. То тутъ, то тамъ являлись вольные атаманы, собирали, какъ и встарь, вокругъ себя станицу, и шли громить и грабить—куда глаза глядятъ. Только станицы эти стали больше. Уже не 20, не 50, даже не сто человѣкъ примыкало къ атаману, а собирались цѣлыми тысячами. Одни, по призыву Московскаго царя, шли къ его войску воевать на ряду съ царскою дружиною, добывать себѣ зипуна изъ законной добычи, отнятой отъ непріятеля; другіе шли самовольно, большею частью, за царское же дѣло, наказать Азовскаго пашу или татаръ, но были и такіе, которые шли противъ царскаго указа и, помня старыя времена, занимались разбоями, гдѣ придется...

Охотниковъ идти въ набѣги на Дону все еще было много. Но добычи стало меньше. Меньше стало и богатства на Дону. А людей все прибывало. Селились съ казаками бѣглые крестьяне, прикрѣпленные къ землѣ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ 5 марта 1593 года, бѣжали люди и отъ казней. Народа становилось больше. Лѣса рѣдѣли, звѣря и рыбы было труднѣе добывать. Пастбищъ для скота еще было довольно, но не у всѣхъ былъ этотъ скотъ. Пахать и сѣять—никому и въ голову не приходило. Отъ этой тяжелой крестьянской работы и бѣжали, да это на Дону было и запрещено подъ страхомъ жестокой смертной казни. Такъ, на ряду съ «добрыми», домовитыми казаками, имѣвшими свои дома—курени, жившими по городкамъ, имѣвшими коровъ, быковъ, ло-

шадей, получавшими въ жалованье изъ Москвы деньги, сукна, хлѣбъ, порохъ и свинецъ,—появились на Дону казаки *«голутвенные»*, *«голытьба»*—одинокіе бѣдняки, у которыхъ

Ни кола, ни двора,
Зипунъ весь пожитокъ,
Эхъ, живи, не тужи—
Умрешь!—не убытокъ! *)

Этимъ бѣднякамъ все было—все равно. Имъ и послѣ царскаго указа хотѣлось на Волгу, на грабежи, за добычей.

—„А какъ попадешься,

пѣли они,—

—Такъ самъ отвѣчай
Головушкой бѣдной своей“.

Одинокіе сироты, бродили они по городкамъ и станицамъ, ища себѣ атамана, ища случая получить и добычу. Это про такихъ «голутвенныхъ» казаковъ и поется по Дону пѣсня:—

Ты воспой, сирота, пѣсню новую!
— Хорошо пѣсню играть, пообѣдавши,
А я, сирота, еще не ужиналъ...
Поутру сироту въ допросъ повели.
—Ты скажи, сирота, гдѣ ночевалъ?
Ты скажи—съ кѣмъ разбой держалъ?
—У меня, молодца, было три товарища:
Первый товарищъ—мой конь вороной,
А другой товарищъ—я самъ молодой,
А третій товарищъ—сабля вострая въ рукахъ!

Много безпокойства доставляли эти голутвенные казаки Московскому государю, но, когда соединялись они съ атаманами и шли за царское дѣло, они составляли грозную силу. Скоро съ почтеніемъ стали произносить въ Москвѣ имя—*великаго* войска Донского, и благодарностью была полна Москва за услуги донцовъ. Въ тяжелые годы *смутнаго* времени донцы явились къ Москвѣ, готовые или умереть за своего природнаго Государя — Царя Московскаго, или побѣдить его враговъ.

*) «Пѣсня бобыля». Стихотвореніе поэта И. С. Никитина.

Видъ Троицко-Сергіевской лавры, находящейся въ 60-ти верстахъ отъ Москвы.

9. Смутное время. Донцы съ атаманами Кореломъ и Межаковымъ воюютъ за самозванца.

Что же это было за время на Руси, которое исторія назвала—*смутнымъ*? Тяжелое это было время.

У царя Іоанна IV, кромѣ сына Ѳеодора, былъ еще сынъ Дмитрій. Онъ, вмѣстѣ со своею матерью, Маріею Нагой, былъ въ опалѣ и жилъ въ маленькомъ городкѣ Угличѣ. Когда царемъ Московскимъ сдѣлался Ѳеодоръ Іоанновичъ, онъ хотѣлъ вернуть брата въ Москву. Но... совершенно неожиданно пришло извѣстіе, что Дмитрій, который былъ тогда маленькимъ мальчикомъ, въ припадкѣ падучей болѣзни закололся. Младенца Дмитрія похоронили, окровавленную рубашечку его привезли въ Москву, и, казалось, дѣло это такъ и должно было бы кончиться.

Но вскорѣ въ народѣ стала ходить молва, что царевичъ Дмитрій не закололся, а что его убили по приказу Бориса Годунова. Въ тѣ далекія времена ни газетъ, ни книгъ, ни печатныхъ извѣстій не было. Да и печатать книги на Руси еще не умѣли. Книги были только рукописныя. Это были списки евангелія, житія святыхъ, библія, псалтырь, книги церковно-служебныя. Книги стоили очень дорого. Много труда надо было положить, чтобы переписать книгу. Бывали еще лѣтописи, гдѣ записывались событія въ Московскомъ царствѣ, какая и гдѣ война была, былъ голодъ или урожай, и гдѣ и когда былъ пожаръ. Но и эти лѣтописи писались въ монастыряхъ и имѣть ихъ могли только очень богатые люди. Народъ же по маленькимъ городкамъ и деревнямъ узнавалъ о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, только изъ разсказовъ прохожихъ да проѣзжихъ людей. Остановится такой прохожій человѣкъ въ избѣ на ночлегъ и разсказываетъ, что и гдѣ онъ слыхалъ. А его разсказъ передадутъ другимъ, да мало того, что передадутъ, еще и пріукрасятъ своими вымыслами, часто и совсѣмъ переврутъ его.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1604 года сталъ ходить въ народѣ слухъ о томъ, что сынъ Іоанна IV и природный, законный наслѣдникъ царскаго Московскаго престола не закололся и не убитъ,—все это розсказни бояръ да Годунова,—а живъ. Говорили, что, вмѣсто подлиннаго царевича, убили другого мальчика, а Дмитрія спасли увезли въ Литву, тамъ онъ выросъ и скоро явится въ Московское государство и потребуетъ отчета отъ Годунова. Передавали это тайно, запершись въ избѣ, по секрету: боялись Годунова, но, извѣстно, чѣмъ больше тайна, чѣмъ больше секретъ, тѣмъ охотнѣе объ этомъ болтаютъ люди и тѣмъ скорѣе это становится извѣстнымъ.

Годунова на Руси не любили. При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, но по его уговору, прикрѣпили крестьянъ къ землѣ и уничтожили свободу перехода отъ одного помѣщика къ другому, при Борисѣ въ Москвѣ былъ голодъ и люди умирали отъ недостатка хлѣба. Пожаръ истребилъ Москву. Конечно, все это было не виною Годунова, напротивъ, Годуновъ помогалъ пострадавшимъ отъ голода и огня, но народъ во всемъ обвинилъ Годунова и охотно повѣрилъ сказкѣ о томъ, что царевичъ Дмитрій живъ.

Дошла эта сказка и до Дона. И туда приходившіе изъ русской земли люди принесли таинственную молву народную о подмѣнѣ въ Угличѣ младенца и о томъ, что природный государь живъ и скоро придетъ въ Москву. И на Дону этому повѣрили. Тамъ тоже не любили Годунова. Хотя грамота, воспрещавшая казакамъ ходить подъ Азовъ, и была писана царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ, но и на Дону

знали, что составлялъ и задумывалъ ее всесильный Годуновъ. Недовольны были казаки на Годунова и за то, что онъ запретилъ казакамъ продавать въ Россіи добычу и построилъ на Дону городокъ-заставу, Царевъ-Борисовъ на р. Донцѣ, чтобы не пускать донцовъ на Русь. Отъ новаго же молодого царя ожидали только милостей...

Этими слухами воспользовались наглые люди. Они добыли молодого человѣка, Григорія Отрепьева, годами подходившаго къ возрасту убіеннаго Дмитрія, тайно отправили его въ Литву и выдали тамъ за подлиннаго сына царя Іоанна IV. Явился ложный царевичъ-Лжедимитрій, явился самозванецъ. Въ немъ принялъ участіе исконній врагъ Московскаго царства, король польскій Сигизмундъ. Лжедимитрія окружили католическіе священники и монахи-іезуиты, мечтавшіе обратить всю православную Русь, при помощи самозванца, въ польскую, католическую вѣру. Поляки обѣщали Лжедимитрію поддержку войскомъ, и 15 августа 1604 года Лжедимитрій тронулся на Москву.

Еще раньше Лжедимитрій послалъ на Донъ литвина Свирскаго со своею грамотою. Въ грамотѣ этой Самозванецъ писалъ, что онъ—сынъ царя Бѣлаго, которому «вы, казаки, вольные христіанскіе рыцари, присягнули въ вѣрности»; самозванецъ звалъ донцовъ «свергнуть раба и злодѣя съ престола Іоаннова»...

Какъ было разобраться казакамъ въ такомъ темномъ дѣлѣ? Писалъ имъ такія же грамоты и Борисъ Годуновъ. Кому вѣрить? Помутилась вся Русская земля, замутился и тихій Донъ. Рѣшили, по случаю пріѣзда Свирскаго, собрать войсковой кругъ и на немъ обсудить, гдѣ правда.

Кругъ порѣшилъ: послать выборныхъ на развѣдку, и указалъ на атамановъ: *Андрея Корела* и *Филата Межакова*. Живо снарядились атаманы въ далекій путь и поѣхали посмотрѣть, подлинно ли самозванецъ—царскій сынъ, и на чьей сторонѣ правда. Донскіе атаманы были привѣтливо приняты поляками въ станѣ Лжедимитрія. Все имъ понравилось у поляковъ. И хорошіе кони, и отличное оружіе, и парчевые и шелковые наряды. Всюду видѣли они богатство и блескъ. А когда вышелъ къ нимъ Лжедимитрій, окруженный знатными польскими панами и вельможами, вышелъ въ золотой одеждѣ, съ конвоемъ изъ блестяще одѣтыхъ въ золотые доспѣхи молодыхъ людей, атаманы донскіе повѣрили, что онъ подлинно, точно ихъ природный сынъ государевъ.

Съ такою вѣстью прибыли они и на Донъ.

Внимательно слушали ихъ разсказъ на кругу казаки. Многимъ въ приглашеніи Лжедимитрія видѣлось славное дѣло: защита царя русскаго; другимъ хотѣлось похода, добычи. И когда объявили Корелъ и Межаковъ, что казаковъ зоветъ истинный государь, многіе собрались

въ походъ. Вся «голытьба» заволновалась. Добыли коней, добыли оружіе и пошли съ атаманами въ Литву къ городку Самбору, гдѣ собиралось ополченіе Лжедимитрія.

Когда царь Борисъ Годуновъ узналъ объ этомъ, онъ послалъ на Донъ дворянина Хрущова для того, чтобы отговорить казаковъ отъ помощи самозванцу. Но казаки не повѣрили Хрущову. Они заковали его и повезли въ Сокольники, гдѣ въ то время находился со своимъ войскомъ самозванецъ. 3-го сентября 1604 года они прибыли съ нимъ къ палаткѣ Лжедимитрія. Увидѣвъ самозванца, Хрущовъ залился слезами, упалъ на колѣни и воскликнулъ:

— Вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой слуга навѣки...

Никто изъ казаковъ не видалъ Іоанна, и потому свидѣтельство дворянина русскаго укрѣпило ихъ въ томъ, что они дѣлаютъ правое дѣло, и они, съ полною готовностью умереть за Лжедимитрія, пошли съ нимъ на Русь. Тогда же послали они на Донъ гонцовъ сзывать еще людей на защиту истиннаго царя Московскаго.

Пестрый и буйный былъ станъ Лжедимитрія. И это нравилось казакамъ. Поляки, литовцы, бѣглые русскіе крестьяне, запорожскіе казаки, татары, попы православные, польскіе священники, или ксендзы, все это гуляло и браталось съ донскими казаками, играло въ зернь, шумѣло, пѣло пѣсни, ссорилось и мирилось. По душѣ была такая жизнь гулебщикамъ-казакамъ. То, что царь Борисъ собираетъ громадное войско, что впереди ихъ ожидаетъ кровавый бой, ихъ не пугало. На то и родились они казаками, чтобы смерти не бояться.

Первая битва Лжедимитрія съ царскими войсками произошла 21 января 1605 года у села Добрыничь. Царскимъ войскомъ командовалъ воевода Мстиславскій. Донцы въ этой битвѣ участія не принимали. Царское войско, опрокинутое сначала польской конницей и запорожскими казаками, скоро устроилось и встрѣтило полки самозванца залпомъ изъ 12.000 ружей. Запорожская конница отступила, оставивъ безъ помощи свою пѣхоту, и пѣхота запорожцевъ вся была истреблена.

Побѣда Мстиславскаго съ царскими войсками была полная. Лжедимитрій на раненомъ въ ногу конѣ бѣжалъ и едва не попался въ плѣнъ. Полки его разбѣгались и, казалось, дѣло самозванца было проиграно. Но въ это время къ нему на подмогу явилось 4.000 донскихъ казаковъ, прибывшихъ съ Дона, чтобы постоять за настоящаго государя. Это была громадная сила, и самозванецъ началъ новое наступленіе къ Москвѣ.

Донцы, въ числѣ 4.000 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Андрея Корелы, и небольшая русская дружина Григорія Акинфіева заняли го-

родъ *Кромы.* Царскій воевода Мстиславскій, считавшій самою опасною силою въ станѣ самозванца донцовъ, рѣшилъ взять Кромы. Съ огромнымъ, 100-тысячнымъ войскомъ подошелъ онъ къ этому городу. Царскія войска поставили кругомъ города валы и батареи, установили на нихъ тяжелыя пушки и мортиры и начали громить городъ. Но донцы, ходившіе не разъ подъ Азовъ, видали, какъ нужно строить и оборонять крѣпости. Смышленнымъ казачьимъ взглядомъ Корела скоро увидалъ, что не устоять деревяннымъ стѣнамъ крѣпости противъ артиллерійскаго огня Мстиславскаго, и сейчасъ же снарядилъ казаковъ на работы. Казаки и солдаты Акинфіева по ночамъ копали рвы, насыпали валы и окружали крѣпость высокою земляною насыпью. Въ ней донской атаманъ приказалъ подѣлать землянки, насыпалъ поперечные валы (траверсы), мало того, сталъ дѣлать валы и впереди главнаго вала, подаваться земляными работами навстрѣчу врагу и тревожить его въ его траншеяхъ.

4.000 донцовъ храбро держались противъ 100-тысячнаго войска. Осада затягивалась. Наконецъ Мстиславскому удалось зажечь деревянный городъ. Казаки бросились тушить его, царскія дружины заняли было земляные валы, но и въ нихъ была измѣна. Неизвѣстно по чьему приказу, они вдругъ были сведены съ валовъ, казаки снова заняли ихъ мѣсто, и осада продолжалась...

Тяжело было донцамъ, стоявшимъ за Лжедимитрія, но еще тяжелѣе было царскому войску. Донцы вѣрили въ то, что служатъ настоящему государю, они не сознавали своей ошибки, вѣрили правотѣ своего дѣла и имъ легко было умирать. Не то было у Мстиславскаго. Тамъ всѣ колебались. Никто не зналъ, кто истинный царь. Борисъ, который вѣнчался въ Москвѣ царскимъ вѣнцомъ, или Лжедимитрій, который называетъ себя настоящимъ сыномъ Іоанновымъ.

И оттого не могли царскія войска сражаться спокойно, оттого болѣзни и колебанія губили ихъ станъ. 13 апрѣля 1605 года въ Москвѣ скончался царь Борисъ. Москва спокойно присягнула сыну его Θеодору, но въ станѣ русскихъ войскъ, стоявшихъ подъ Кромами, присягу дали неохотно. Новые воеводы, прибывшіе на смѣну Мстиславскому, измѣнили Θеодору, признали Лжедимитрія своимъ царемъ, и отсидѣвшійся въ Кромахъ донской атаманъ отперъ передъ ними двери, какъ передъ друзьями.

Царь Θеодоръ, совсѣмъ еще мальчикъ, и мать его царица Марія Годунова — были убиты въ Москвѣ. 20 іюня 1605 года Самозванецъ торжественно вступилъ въ столицу Московскаго царства. Вошли съ нимъ въ Москву и донскіе казаки, остававшіеся все время вѣрными ему и считавшіе его настоящимъ государемъ.

Около года Григорій Отрепьевъ — онъ же и Лжедимитрій — былъ царемъ на Руси. Сначала онъ былъ милостивъ и справедливъ къ народу, щедро наградилъ казаковъ и солдатъ, бывшихъ съ нимъ, но вскорѣ сталъ окружать себя поляками. Къ нему явилась его невѣста, польская княжна Марина Мнишекъ, а съ нею и польскіе ксендзы и паны. Съ русскими стали обращаться жестоко и гордо.

Въ народѣ пронесся слухъ, что русскихъ будутъ крестить въ католическую вѣру... Народъ московскій возмутился и подъ предводительствомъ любимаго своего боярина Василія Шуйскаго, 17 мая 1606 года, ворвался во дворецъ и растерзалъ Лжедимитрія.

Царемъ Московскимъ народомъ былъ избранъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Можно ли обвинять донцовъ въ ихъ ошибкѣ? Они служили вѣрою и правдою Лжедимитрію потому, что для нихъ онъ былъ не Лжедимитрій, а царь Дмитрій Іоанновичъ. Онъ былъ для нихъ настоящій государь. Они не бросились къ нему по первому призыву, но подробно развѣдали раньше о немъ. Они увидѣли, что Лжедимитрію отдавали должную честь и паны, и вельможи, и самъ король Польскій смотрѣлъ на него какъ на равнаго. Могли ли они, простые люди, честные и прямые, какъ истинные воины, догадаться, что это обманъ? Притомъ же Димитрій ихъ обласкалъ и принялъ какъ честныхъ людей, а изъ Москвы въ это время нехорошія шли вѣсти: «теперь», — говорили проѣзжіе люди, — «вездѣ казаковъ сыскиваютъ, вѣшаютъ и побиваютъ». И казакамъ не вѣрилось, чтобы царь истинный такъ наказывалъ казаковъ за ихъ вѣрную службу. И все-таки донцы еще колебались. Но когда Хрущовъ, знатный московскій бояринъ, засвидѣтельствовалъ передъ ними, что Лжедимитрій настоящій природный государь — всѣ сомнѣнія ихъ кончились. Они присягнули Дмитрію, какъ сыну Іоаннову. Когда же увидали они его во главѣ войска, молодого, ловкаго наѣздника, хорошаго стрѣлка, смѣлаго и добраго, они полюбили его и какъ начальника. Горячо сражаясь за Лжедимитрія, казаки показали, какъ умѣютъ они воевать за своего государя, а государемъ своимъ въ то тяжелое, *смутное* время они почитали, и не безъ основанія, — Дмитрія Іоанновича, а не Бориса Годунова.

Защита Троице-Сергіевской Лавры отъ поляковъ въ 1611 году.

10. Смутное время на Руси. Донцы съ атаманомъ Епифанцемъ на службѣ у второго самозванца.

Донскіе казаки недолго оставались въ Москвѣ. Большая часть ихъ, вмѣстѣ съ атаманомъ Корелой, получивши еще отъ Лжедимитрія хорошую награду за мужество, отправилась обратно на Донъ охранять свои вольные юрты отъ азовцевъ, крымцевъ и ногайцевъ. Осталось человѣкъ 500 настоящихъ гулебщиковъ, казаковъ голутвенныхъ, съ атаманами Межаковымъ, Епифанцемъ, Коломной, Романовымъ и Козловымъ. Они жили около Москвы въ своемъ казачьемъ станѣ, проживая полученное жалованье, чуя своимъ развѣдчичьимъ чутьемъ, что тутъ, подъ самой Москвой, теперь опаснѣе, чѣмъ подъ Азовомъ, что Русь замутилась окончательно. Подъ самою Москвою бродили отряды поляковъ, стоялъ большой станъ запорожскихъ казаковъ и, хотя войны Москва ни съ кѣмъ не вела, всюду были ратные люди, всюду шумѣли и волновались вооруженныя толпы народа.

Народъ былъ празденъ. Въ это смутное время мало кто занимался обработкой полей. Боялись прихода непріятеля, боялись, что солдаты отберутъ и потопчутъ поля. Отъ праздности, отъ голода—цѣлыя шайки

крестьянъ бродили подъ Москвою, занимаясь воровствомъ, а при случаѣ, и грабежами. Страшно было жить на Руси. Но эта-то напряженная, опасная жизнь и нравилась донцамъ, въ ней они были какъ рыба въ водѣ.

Царь Шуйскій не могъ навести порядокъ на Русскую землю. Онъ былъ слабъ. Главное же, ему не на кого было положиться. Кругомъ была измѣна. Бояре завидовали ему, подкапывались подъ него, готовили новый мятежъ.

Уже 17 мая 1606 года въ народѣ появились новые, нелѣпые слухи. Бояринъ князь Григорій Шаховской сталъ распускать слухъ о томъ, что царь Дмитрій живъ, что въ Москвѣ убили не его, а какого-то нѣмца, и что онъ укрывается пока, готовитъ силы, чтобы свергнуть царя Василія. Нашли и человѣка, похожаго на Лжедимитрія. Вокругъ него собрались вооруженныя толпы бѣглыхъ крестьянъ, поляки, примкнули къ нимъ и нѣкоторые отряды запорожскихъ казаковъ. Такъ появился на Руси второй самозванецъ — Лжедимитрій II. Снова начались бои и осады городовъ русскихъ русскими же войсками. Не довольствуясь однимъ самозванцемъ, въ взбунтовавшихся толпахъ выдумали еще и третьяго — Лже-Петра, разсказывая о томъ, что будто бы у царя Ѳеодора Іоанновича былъ сынъ Петръ. Каждая шайка выставляла своего самозванца. Бѣглые крестьяне, городская голытьба, воры и мошенники составляли шайки, выбирали себѣ предводителя и грабили усадьбы, жгли деревни, сжигали хлѣба. Въ минуту опасности они являлись къ какому-либо изъ самозванцевъ и становились въ ряды его дружинъ, называя себя казаками.

Но какіе же это были казаки?

Настоящіе казаки ожидали проясненія въ этомъ смутномъ дѣлѣ. Первые же слухи о появленіи Лжедимитрія II ихъ взволновали. Вѣдь они ему присягали, они считали его прирожденнымъ государемъ, они любили его, какъ своего царя!—значитъ, они должны были бы и умереть за него. Но такъ же, какъ и первый разъ, они не торопились идти по первому слуху. Они послали развѣдать, что за новый Димитрій появился на Руси. Теперь это было легче сдѣлать. Большинство казаковъ видѣло и знало Димитрія. Развѣдчики вернулись съ неутѣшительными вѣстями. Они не видали Димитрія. Онъ скрывался гдѣ-то въ Литвѣ, онъ не появлялся къ своимъ войскамъ, за него воевали и управляли князья и воеводы. Это не походило на Лжедимитрія. Тотъ былъ храбръ. И казаки рѣшили выждать, что будетъ дальше. Ихъ сманивали богатыми дарами, прельщали большимъ жалованьемъ — они ждали, гдѣ будетъ правда. И только тогда, когда польскія войска, воевавшія отъ имени

самозванца подъ начальствомъ гетмана Рожинскаго, подошли къ самой Москвѣ и укрѣпились въ Тушинѣ, часть донцовъ, увлеченныхъ атаманомъ Епифанцемъ, явилась къ нему и обѣщала участвовать въ осадѣ Троице-Сергіевской Лавры.

Но, давши это обѣщаніе, казаки были неискренни. Имъ, настоящимъ русскимъ людямъ, трудно было быть заодно съ поляками. Рука не поднималась бросать ядра въ стѣны, за которыми сверкали православные кресты и хранились мощи преподобнаго Сергія, весьма чтимаго донскими казаками. Совѣсть мучила донцовъ. Тревожили ихъ сонныя видѣнія.

Одному изъ казаковъ явился ночью Св. Сергій и говорилъ ему:
— «Не дастъ вамъ Богъ жезла на жребій свой».

Онъ разсказалъ про это видѣніе товарищамъ, и призадумались донцы. Доложили о видѣніи атаману. Епифанецъ отправился къ польскимъ воеводамъ Сапѣгѣ и Лисовскому и разсказалъ имъ о смущеніи своихъ товарищей.

— «Эти знаменія,—сказалъ донской атаманъ,—не на добро намъ:— будетъ великая гибель!»

Польскіе паны сочли Епифанца человѣкомъ опаснымъ, могущимъ погубить все дѣло, и рѣшили убить его. Но донцы узнали объ этомъ. Страшное возмущеніе произошло въ ихъ станѣ. Живо собрались они при оружіи на кругъ, вынесли иконы, помолились и всѣ, какъ одинъ, поклялись преподобнымъ Сергію и Николаю — «не дѣлать зла царствующему городу Москвѣ и стоять съ православными заодно на иновѣрныхъ».

Въ ту же ночь посѣдлали они коней и пошли изъ стана польскаго на югъ, къ себѣ, на Донъ. Поляки сейчасъ же снарядили за ними погоню изъ литовской конницы. Литовцы догнали донцовъ на р. Клязьмѣ у деревни Вохны. Начались переговоры. Литовцы увѣщевали донцовъ вернуться къ полякамъ и продолжать осаду монастыря, но казаки были непреклонны. Литовцы хотѣли взять донцовъ силою, но казаки не дались и спокойно вернулись на Донъ, въ свой Смагинъ юртъ.

Съ уходомъ донцовъ легче стало монастырю. Иноки лавры составили объ этомъ *писаніе* и отмѣтили на память потомству глубокое усердіе донцовъ къ вѣрѣ.

Князь Пожарскій въ битвѣ подъ Москвою. 1611 годъ.

11. Смутное время на Руси. Донцы прогоняютъ поляковъ изъ Москвы. Избраніе на царство царя Михаила Θеодоровича.

Атаманъ Межаковъ съ остальными донцами, не увлекшимися соблазнами Сапѣги и Лисовскаго, оставался въ бездѣятельности. Во Лжедимитрія II не вѣрилось, царь же Василій Шуйскій возбудилъ казаковъ противъ себя тѣмъ, что преслѣдовалъ казаковъ, считая и донцовъ заодно съ ворами и бѣглыми крестьянами.

10 декабря 1610 года Лжедимитрій II былъ убитъ, и всякія сомнѣнія у казаковъ должны были исчезнуть.

Спасать уже приходилось не царей, которыхъ было двое и которые воевали одинъ противъ другого, а нужно было думать о спасеніи Руси православной отъ поляковъ. Польскіе полки короля Сигизмунда занимали всѣ города русскіе къ западу отъ Москвы, самъ король съ

большимъ войскомъ шелъ въ Москву, намѣреваясь посадить на престолъ Московскихъ государей своего сына, королевича Владислава.

Въ эту пору порабощенія Руси поляками и жидами, когда все русское угнеталось, давилось и топталось въ грязь, когда надъ русскими людьми смѣялись, а сами русскіе легкомысленно вставали другъ на друга, помогая врагамъ, въ эту пору нищеты и несчастья, со страшной силой вспыхнулъ на Руси патріотизмъ, то чувство сильной, все превозмогающей любви къ родинѣ, которое таится въ груди каждаго человѣка и составляетъ самое святое и драгоцѣнное его души. Не зря говорится: —Чѣмъ ночь темнѣй—тѣмъ ярче звѣзды... Чѣмъ тяжелѣе было русскимъ людямъ въ это ужасное время смуты, тѣмъ на большее самопожертвованіе оказались они способны. Изъ Троице-Сергіевской лавры на Русь шли воззванія о помощи. Монахъ Авраамій Палицынъ краснорѣчиво описывалъ бѣдствія Русской земли:

«Отечество—писалъ онъ—терзали болѣе свои, нежели иноземцы: наставниками и предводителями ляховъ были наши измѣнники. Съ оружіемъ въ рукахъ ляхи только глядѣли на безумное междоусобіе и смѣялись. Оберегая ихъ въ опасности превосходнымъ числомъ своимъ, русскіе умирали за тѣхъ, которые обходились съ ними какъ съ рабами. Вся добыча принадлежала ляхамъ и, избирая себѣ лучшихъ юношей и дѣвицъ, они отдавали на выкупъ ближнимъ и снова отнимали ихъ... Многіе гибли уже не за отечество, а за свои семейства: мужъ за жену, братъ за сестру, отецъ за дочь. Милосердіе исчезло: вѣрные царю люди, взятые въ плѣнъ, иногда находили въ ляхахъ жалость и уваженіе; но русскіе измѣнники, считая ихъ противниками царя Тушинскаго (Лжедимитрія), подвергали жестокой смерти: кидали въ рѣки, разстрѣливали изъ луковъ, передъ родителями жгли дѣтей, носили ихъ головы на sабляхъ и копьяхъ, младенцевъ разбивали о камни. Смотря на это, сами ляхи содрогались и говорили: что же будетъ намъ отъ россіянъ, когда они и другъ друга губятъ съ такою лютостью. Въ этомъ омраченіи умовъ всѣ хотѣли быть выше своего званія: рабы—господами, чернь—дворянствомъ, дворяне—вельможами. Не только простые простыхъ, но и знатные знатныхъ обольщали измѣною. Вмѣстѣ съ отечествомъ гибла и церковь: храмы были разоряемы: скотъ и псы жили въ алтаряхъ, воздухами и пеленами украшали коней, изъ чашъ со Св. Дарами пили, на дискосъ клали мясо, на иконахъ играли въ кости... Священниковъ и иноковъ жгли огнемъ, допытываясь сокровищъ. Города пустѣли. Могилы, какъ горы, вездѣ возвышались. Граждане и земледѣльцы укрывались въ дебряхъ, въ лѣсахъ или болотахъ. Грабители, чего не могли взять съ собою, сожигали дома и все, превращая Россію въ пустыню!»

По всѣмъ городамъ читали эту печальную повѣсть. И со слезами на глазахъ говорили русскіе люди: да, это правда! И вотъ, изъ среды русскихъ людей выдвинулись сильные духомъ граждане. Нижегородскій купецъ Козьма Мининъ собиралъ пожертвованія на устройство сильной рати, чтобы изгнать поляковъ. Во главѣ этого новаго ополченія становился старый, но искусный воевода князь Дмитрій Пожарскій. Царю Василію и Москвѣ шло на помощь одушевленное любовью къ родинѣ войско.

Въ Рязани противъ Сигизмунда и поляковъ возсталъ дворянинъ Прокопій Ляпуновъ. Его пылкія, страстныя рѣчи увлекли донцовъ, и Межаковъ съ казаками примкнулъ къ его ополченію и сталъ уже не за царя, про котораго онъ не зналъ, кто истинный царь, а за Русь и за вѣру православную. Свое содѣйствіе Ляпунову въ спасеніи Руси предложили и бывшіе измѣнники, сторонники Лжедимитрія, Заруцкій и Трубецкой, бывшіе начальниками всякой московской сволочи и бѣглыхъ людей и называвшіе себя «казацкими» атаманами. И Ляпуновъ, горячій и честный, принялъ и ихъ въ свое войско.

Въ началѣ марта 1611 года Ляпуновъ уже шелъ къ Москвѣ.

Въ Москвѣ стояли поляки. По всѣмъ угламъ, площадямъ и улицамъ были разставлены сильные конскіе отряды. Народъ былъ возбужденъ. Поляки опасались открытаго бунта въ самой Москвѣ. И, дѣйствительно, 19 марта поляки начали избивать москвичей спачала въ Китай-городѣ, въ торговыхъ рядахъ. Изъ Китай-города они пошли къ Тверскимъ воротамъ и здѣсь разыгралась жестокая битва въ улицахъ Москвы. Народу, стрѣльцамъ и ополченію князя Пожарскаго удалось загнать поляковъ обратно въ Кремль, но подожженная ими Москва горѣла въ разныхъ мѣстахъ. Три дня длился пожаръ, и большая часть Москвы выгорѣла...

И въ станѣ Прокопія Ляпунова было неблагополучно. И это неблагополучіе больше всего чувствовали казаки. Свободные, вольные у себя дома, казаки на походѣ сковывали себя желѣзной дисциплиной. Въ дисциплинѣ, въ порядкѣ, въ безпрекословномъ подчиненіи волѣ атамана они видѣли главный залогъ успѣха, чуяли побѣду. Въ отрядѣ же Ляпунова не было дисциплины. Воеводы его не слушались, каждый дѣлалъ что хотѣлъ, чернь и бѣглые крестьяне, самовольно называвшіе себя казаками, пьянствовали и безчинствовали. Они тянули къ своему вождю, Заруцкому, котораго называли атаманомъ. Ляпуновъ пытался ввести порядокъ въ этой дикой и пьяной толпѣ, которая окружала Заруцкаго. Однажды двадцать негодяевъ Заруцкаго, именовавшихъ себя казаками, были пойманы на мѣстѣ преступленія, въ грабежѣ крестьян-

скаго имущества. Ляпуновъ приказалъ казнить ихъ по казачьему обычаю: въ куль, да въ воду. Во всемъ станѣ казачьемъ поднялась тревога. Полки Заруцкаго схватили оружіе и кинулись частью къ ставкѣ Ляпунова, частью въ Донской лагерь.

Живо собрались донцы въ кругъ. Атаманы Заруцкаго съ волненіемъ стали передавать донцамъ будто бы изданный Ляпуновымъ приказъ: перевѣшать всѣхъ казаковъ.

— Такъ и указалъ,—кричали они:—гдѣ поймаютъ казака—бить и топить. Идите подъ Заруцкаго или Трубецкого!

Въ это время прибѣжали и еще люди и сообщили, что Ляпуновъ убитъ чернью Заруцкаго, и что теперь войскомъ будетъ командовать Трубецкой.

Межаковъ съ товарищами согласились стать подъ начало Трубецкого и Заруцкаго.

Но эти люди оказались недостойными предводителями. Они переписывались тайно со вновь появившимся самозванцемъ и поляками и со всею своею ордою стояли, ничего не дѣлая, въ то время, какъ вся Русь поднималась противъ враговъ отечества какъ одинъ человѣкъ.

Не только поляки, но и прежніе враги Россіи—шведы, думая, что Руси пришелъ конецъ, послали свои войска и предлагали своего королевича въ цари Московскіе.

Но не погибла Русь. Изъ Троице-Сергіевской лавры шли отъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына грамоты и увѣщанія всѣмъ подниматься за Русь и идти подъ знамена князя Пожарскаго. Грамоты эти приходили и въ станъ Трубецкого и Заруцкаго. Читали ихъ и наши донцы и ждали прихода князя, надѣясь, что онъ введетъ порядокъ въ лагерѣ и поведетъ ихъ спасать Москву.

20 августа 1612 года войско князя Пожарскаго подошло къ Москвѣ и остановилось въ 5-ти верстахъ отъ нея, на р. Яузѣ. Трубецкой, стоявшій подъ Москвою, звалъ князя стать вмѣстѣ съ нимъ, но изъ стана кн. Пожарскаго и Козьмы Минина получилъ отвѣтъ:

— Отнюдь не бывать тому, чтобы намъ стать вмѣстѣ съ ворами-казаками.

Трубецкой и казаки обидѣлись. Обидѣлся и Межаковъ съ донцами, и хотя и понимали они, что ворами-казаками въ ополченіи Пожарскаго называли дѣйствительно воровъ, самозванныхъ казаковъ Заруцкаго, но обида осталась въ сердцѣ донцовъ, и они не пошли отъ Трубецкого.

Пожарскій приступилъ къ правильной осадѣ Москвы, прочно занятой поляками. На выручку Москвѣ пошло польское войско гетмана Ходкевича. Вечеромъ 21 августа Ходкевичъ уже занялъ Поклонную гору.

На разсвѣтѣ 22 августа Ходкевичъ перешелъ черезъ Москву-рѣку и напалъ на войска князя Пожарскаго. Съ восхода солнца, въ продолженіе 7 часовъ, бились поляки съ русскими и, наконецъ, начали одолѣвать. Уже полки Пожарскаго отступили къ городскимъ стѣнамъ, уже разбитая отличными польскими конными латниками мужицкая конница Пожарскаго стала спѣшиваться и, не умѣя сражаться въ спѣшенномъ порядкѣ, побивалась поляками, уже гибло дѣло защитниковъ Руси! Но явилась въ тяжелую минуту гибели помощь—и помощь эта была—*Донцы.*

Они давно стояли на краю лагеря Трубецкого и ждали, когда же они пойдутъ въ бой. Но наглая, распущенная чернь Заруцкаго, онъ самъ и Трубецкой спокойно смотрѣли, какъ подъ ударами поляковъ гибли русскіе люди. Они смѣялись надъ неудачами рати Пожарскаго и ругали несчастныхъ ополченныхъ мужиковъ.

Донскіе казаки атамановъ Межакова, Коломны, Романова и Козлова были готовы къ бою. Они держали лошадей въ поводу, и скорбѣли ихъ простыя казачьи сердца при этой гибели русскаго народа. Но больше всѣхъ возмущался самъ Межаковъ. Уже давно чуялъ онъ измѣну въ Трубецкомъ и Заруцкомъ, давно догадывался, что не о государственномъ, не о русскомъ дѣлѣ хлопочутъ они. И теперь, при видѣ побѣды поляковъ надъ русскими, онъ сказалъ Трубецкому открыто:

— Отъ вашей нелюбви Московскому государству пагуба становится!

А потомъ, обернувшись къ своимъ донцамъ, крикнулъ: «на коней!» и помчался стремительной лавою на польскія войска. Поляки дрогнули и побѣжали. Многіе изъ нихъ были порублены казаками, остальные отступили въ свой лагерь на Поклонную гору.

25 августа гетманъ Ходкевичъ отошелъ совсѣмъ отъ Москвы. Передъ войскомъ Пожарскаго былъ только небольшой отрядъ, прочно укрѣпившійся въ Москвѣ.

Послѣ побѣды надъ поляками у Поклонной горы Пожарскій примирился съ Трубецкимъ и только чернь Заруцкаго мутила всѣхъ, ссорилась съ ополченцами, требовала жалованья и грозила уйти и перебить начальниковъ. Но къ нимъ явился архимандритъ Діонисій и обѣщалъ имъ выдать всѣ сокровища Лавры, и тѣмъ успокоилъ ихъ.

Донскіе казаки съ атаманомъ Межаковымъ заняли видное мѣсто въ войскѣ Пожарскаго. Да, можно сказать, только они одни и были настоящимъ, обученнымъ, дисциплинированнымъ, стойкимъ войскомъ. Остальные были толпою, вооруженнымъ народомъ. Помощь донцовъ сказалась въ бою 25 августа, когда донцы взяли приступомъ польское укрѣпленіе, близъ церкви св. Климента а потомъ, сѣвши на коней, вру-

бились въ польскую конницу, сражавшуюся съ нижегородской конницей Минина, и такъ храбро накинулись на поляковъ, что прогнали ихъ. Во время осады Москвы, 22 октября, донцы взяли приступомъ Китай-городъ.

Наконецъ, 22 ноября 1612 года послѣдніе остатки поляковъ, запершіеся въ Кремлѣ, доведенные голодомъ до отчаянія, сдались. Вся Москва была освобождена отъ поляковъ.

Русскій народъ не забылъ помощи донскихъ казаковъ въ это тяжелое смутное время. Въ тѣ поры зародилась на Руси и пословица— *«пришли казаки съ Дону—погнали ляховъ къ дому»*.

27 ноября 1612 года всѣ ополченія сошлись на Красной площади у Лобнаго мѣста. Здѣсь архимандритъ Діонисій началъ служить торжественный молебенъ. Послѣ молебна войско и народъ двинулись въ Кремль. Тамъ, въ Успенскомъ соборѣ, отслужена была обѣдня и второе молебствіе по случаю освобожденія Москвы отъ поляковъ.

Подъ Москвою же архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій прислали атаману Межакову богатую церковную утварь взамѣнъ награды за помощь, оказанную въ войнѣ съ поляками. Но донской атаманъ вернулъ эти вещи Діонисію, сказавши, что казаки считали своею обязанностью и долгомъ помочь Москвѣ, что они очень тронуты этимъ подаркомъ, видятъ въ немъ признаніе своихъ заслугъ, но вещей не возьмутъ, что они и такъ поклялись—не взявши Москвы, не идти на Донъ.—И исполнили клятву!

Король Сигизмундъ лично спѣшилъ къ Москвѣ съ большимъ войскомъ, но его встрѣтило ополченіе Пожарскаго и донскіе казаки съ атаманами *Марковымъ* и *Епанчинымъ*, которые пришли съ Дона. Король былъ разбитъ у Волоколамска и бѣжалъ, преслѣдуемый воеводою Иваномъ Карамышевымъ и донскими казаками до самой границы своего королевства.

Подлинно:—пришли казаки съ Дона—погнали ляховъ къ дому!..

21 февраля 1613 года въ Москвѣ, для выбора царя, собрались выборные люди со всей Россіи — Земскій Соборъ. На соборѣ царемъ былъ избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, по прямой линіи происходившій отъ Рюрика и близкій родственникъ царя Іоанна IV.

На земскомъ соборѣ этомъ, подобномъ Государственной Думѣ, обсуждались между прочимъ и дѣйствія казаковъ. Смѣшивая чернь и бѣглыхъ негодяевъ, окружавшихъ Заруцкаго, съ казаками, московскіе люди всячески поносили имя казачье. Другого названія, какъ «воры казаки», имъ не было. Спокойно выслушалъ всѣ эти обвиненія и брань представитель донскихъ казаковъ, а потомъ съ достоинствомъ объяснилъ.

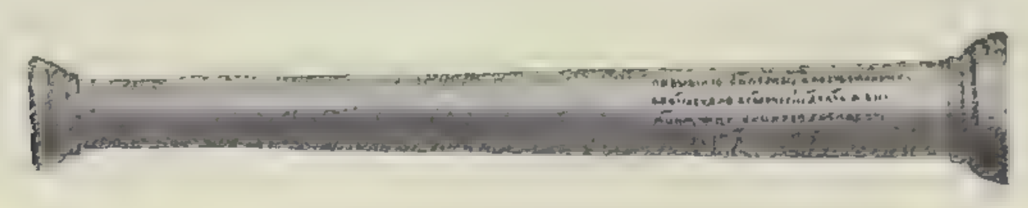

Избраніе на престолъ боярина Михаила Θеодоровича Романова.

что донскіе казаки не могутъ принять на себя этихъ обвиненій, что они работали только на пользу Москвы, никого не грабили и такими же бѣдняками и нищими возвращаются домой, какими и пришли съ Дона. Онъ просилъ не смѣшивать казаковъ, пришедшихъ съ Дона, съ тѣми негодяями, которые самовольно назвали себя казаками. И тамъ же на соборѣ было постановлено — казаками этихъ воровъ не называть, чтобъ прямымъ атаманамъ, которые служатъ, безчестья не было. На соборѣ при выборѣ царя вышло разногласіе между боярами. Первымъ за Михаила Ѳеодоровича подалъ голосъ Галицкій дворянинъ. Это раздражило многихъ. Раздались сердитые голоса: кто принесъ? Откуда? Въ это время изъ рядовъ выборныхъ выдѣлился донской атаманъ и, подошедши къ столу, также положилъ свое писаніе.—«Какое это писаніе ты подалъ, атаманъ?» спросилъ его кн. Д. М. Пожарскій.—«О *природномъ* Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ»—отвѣчалъ атаманъ. Этотъ атаманъ рѣшилъ дѣло. «Прочетше писаніе атаманское, бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ», пишетъ лѣтописецъ. Михаила провозгласили царемъ.

Такъ кончилось смутное время междуцарствія на Руси. Донскіе казаки, участвовавшіе во всей этой тяжелой боевой работѣ, въ рѣшительную минуту явились спасителями Москвы. Ихъ чисто русское сердце подсказало имъ, что нужно дѣлать, и помогло имъ разобраться въ такихъ сложныхъ дѣлахъ, гдѣ и русскіе князья и воеводы теряли головы.

Не велико было число донцовъ, но тамъ, гдѣ они появлялись— они заражали всѣхъ своимъ мужествомъ, знаніемъ военнаго дѣла, преданностью государю и государеву дѣлу. Имя атамана Межакова должно стоять на ряду со славными именами спасителей Москвы и Русскаго государства—князя Пожарскаго и Козьмы Минина. Донцы не забудутъ того, что онъ поддержалъ славу и честь пославшаго его Войска Донского.

Первыя пушки въ Москвѣ.

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

Пожалованіе Донскимъ казакамъ царскаго знамени царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ въ 1614 году.
(Съ картины художника Кардовскаго, находящейся въ Новочеркасскѣ въ войсковомъ Вознесенскомъ Соборѣ).

12. Запрещеніе казакамъ заниматься набѣгами по Волгѣ и ходить подъ Азовъ.

15 іюня 1614 года отъ царя Михаила Өеодоровича пріѣхалъ на Донъ, въ Смагинъ юртъ, царскій посланникъ Иванъ Опухтинъ съ грамотою отъ царя и царскимъ жалованьемъ. Вѣсть о прибытіи его быстро разнеслась по юртамъ казачьимъ, и казаки съѣхались къ нему и собрались на кругъ. Иванъ Опухтинъ, по наказу царскому, спросилъ ихъ, отъ имени государя, о ихъ здравіи.

Атаманы и казаки на это привѣтствіе встали на колѣни и били головою до земли, а потомъ поднялись и атаманъ отъ имени казаковъ отвѣчалъ:

— «Дай, Господи, чтобы Государь, Царь и великій князь Михаилъ Өеодоровичъ всея Руси былъ здоровъ и счастливъ и многолѣтенъ въ своихъ государствахъ, а мы, слыша къ себѣ Его Царскаго Величества неизреченную милость, чего отъ прежнихъ государей намъ не было, о

его многолѣтнемъ здоровьѣ Бога молимъ и милосердому Господу хвалу воздаемъ!»

Послѣ этого Иванъ Опухтинъ подалъ атаману царскую грамоту и передалъ государево жалованье: деньги, сукна, порохъ, свинецъ, селитру, сѣру и припасы, и сказалъ имъ, что государь приказалъ, чтобы они ему служили, о его государскихъ дѣлахъ радѣли и промышляли такъ, какъ государь укажетъ имъ въ своихъ грамотахъ.

Атаманъ на это отвѣчалъ, что казаки рады Его Царскому Величеству служить и кровь свою въ борьбѣ противъ его государевыхъ недруговъ и измѣнниковъ проливать, пока они живы, готовы и до смерти биться, сколько Богъ поможетъ.

Послѣ этого казаки служили молебенъ, стрѣляли изъ ружей и изъ пушекъ, а потомъ читали царскую грамоту и слушали ее, снявъ шапки. Затѣмъ судили одного казака за то, что во время смуты онъ, въ пьяномъ видѣ, смѣялся надъ атаманами и казаками и говорилъ, что они дѣлаютъ вздоръ, воюя за государевы дѣла, что все равно всѣхъ ихъ покоритъ Заруцкій. Товарища его за такія же дерзкія слова уже повѣсили и этого тоже хотѣли казнить, но просили Опухтина помиловать, потому что говорилъ онъ это спьяна и по глупости, а не съ умысломъ.

Казака помиловали и атаманъ передъ всѣмъ кругомъ войсковымъ прочелъ ему выговоръ за то, что онъ своими воровскими словами смущалъ казаковъ и порочилъ ихъ.

Послѣ этого кругъ разошелся, принесли на площадь доски, устроили столы и стали дѣлить царское жалованье, а потомъ пировали до утра...

И часто стали ѣздить такъ бояре черезъ Донскую землю. То привезутъ жалованье, то доставятъ грамоту, то ѣдутъ къ султану турецкому, то къ Азовскому пашѣ, то къ крымцамъ. Всѣхъ этихъ людей казаки обязаны были встрѣчать и провожать черезъ войско для того, чтобы никто ихъ не обидѣлъ.

Московское государство, которое было раньше далекимъ и маленькимъ, вдругъ приблизилось, усилилось и устроилось. Раньше оно отрекалось отъ казаковъ. «Казаки-де»,—писали изъ Москвы,— «люди вольные, намъ не подчиненные»; теперь, послѣ того какъ въ Москвѣ убѣдились, какая большая сила Донское войско, — отъ него не отрекались, но просили донцовъ не трогать ни татаръ, ни турокъ, пока Москва съ ними въ мирѣ. Приглядывались донцы и къ московскимъ людямъ, узнавали, что дѣлается на Москвѣ, и старые атаманы и казаки начинали понимать, что настаетъ конецъ вольной, гулебной, охотничьей жизни.

Грамота за грамотой напоминали нашимъ предкамъ объ этомъ.

Но остановить казаковъ отъ набѣговъ еще нельзя было. Это была ихъ жизнь. Набѣгами да охотою они существовали. Для этого дѣла шли на Донъ новые люди, жаждавшіе удалыхъ поисковъ. Притомъ же постоянно жаловавшіеся на казаковъ азовцы сами задирали донцовъ, брали плѣнныхъ, мѣшали ловить рыбу. Тутъ, въ гирлахъ Дона, на Азовскомъ морѣ, война продолжалась по-прежнему, и набѣги казачьи доходили и до большихъ черноморскихъ городовъ — Синопа и Трапезонта.

И вотъ, 22 октября 1625 года пришла отъ царя Михаила Θеодоровича грамота. Въ грамотѣ этой царь писалъ казакамъ о томъ, что посланнымъ отъ него въ Крымъ Осипу Прончищеву и Болдыреву въ Крыму было много непріятностей отъ царя крымскаго. Грозились крымцы идти войною на Москву и жаловались на донцовъ за то, что они взяли Трапезонтъ, подходили къ Азову, на р. Каланчѣ взяли башню, сняли съ нея пушки, а караулъ убили. Кромѣ того, жаловался султанъ Махметъ Гирей на казаковъ и за то, что они взяли у него городъ Старый Крымъ. Просилъ крымскій ханъ запретить казакамъ ходить по Черному морю и нападать на турецкіе корабли.

«Мы уже приказывали вамъ объ этомъ», писалъ государь, — «и вы то наше повелѣнье поставили ни во что, и нашего повелѣнья не слушаете, и намъ то въ великое подивленье!»

Напоминалъ царь казакамъ о томъ, какъ скверно имъ жилось раньше: «и вамъ»,—было писано въ грамотѣ,—«было бы пригоже памятовать, какая вамъ неволя была при прежнихъ царяхъ Московскихъ, а особенно при царѣ Борисѣ. Вы не могли не только пріѣхать въ Москву, но даже и въ пограничные города къ своимъ роднымъ придти; всюду вамъ было запрещено покупать и продавать. Во всѣхъ городахъ васъ хватали, сажали въ тюрьмы, многихъ казнили, вѣшали и въ воду сажали... Мы же всѣ ваши прежнія вины забыли и приняли васъ, какъ своихъ вѣрныхъ слугъ».

Напоминалъ царь казакамъ и о томъ, что онъ ихъ жалуетъ за ихъ вѣрную службу своимъ жалованьемъ. Упрекалъ государь казаковъ и за ихъ дружбу съ запорожскими казаками, которые въ смутное время много насилія и безпорядка производили въ Московской землѣ и стояли за ляховъ.

Длинная была грамота, на двѣнадцати листахъ. Долго читалъ ее войсковой дьякъ на кругу. Въ концѣ царь грозилъ лишить казаковъ своего жалованья, запретить имъ ѣздить въ русскіе города. «И въ томъ»— заканчивалъ царь свое посланіе—«вы будете сами виноваты, а не я».

Призадумались казаки. А тутъ еще пришло извѣстіе, что ѣздившая

съ Дона въ Москву на зиму за жалованьемъ, такъ называемая *зимовая станица*, четверо казаковъ съ атаманомъ Алексѣемъ Старовымъ, схвачена въ Москвѣ и сослана въ монастырь на Бѣлое озеро. Нужно было смириться и слушать царское повелѣнье.

Два года спустя казаки собрали по этому случаю войсковой кругъ. На кругу атаманъ *Епифанъ Радиловъ* по общему уговору учинилъ слѣдующій *крѣпкій наказъ:—«отъ сего времени, впредь и навсегда, чтобы никто съ Дона не ходилъ для воровства на Волгу; а ежели кто объявится на Дону, и тому быть казнену смертію»*.

Мало того, казаки отписали и волжскимъ казакамъ, чтобы и они не ходили для добычи по Волгѣ.

Это былъ первый приказъ о томъ, что набѣгъ почитается за преступленіе. Раньше тоже на «воровъ казаковъ», ходившихъ на Волгу, смотрѣли нехорошо, но гулебщиковъ не преслѣдовали, — теперь же, «отъ сего времени и навсегда»—казаки преслѣдовали за набѣги, позорили тѣхъ, кто не слушался, били на кругу кнутами, а иныхъ, по казачьему обычаю, сажали «въ куль, да въ воду», а предводителей выдавали Москвѣ для казни при всемъ народѣ.

Многіе казаки считали виновнымъ во всѣхъ этихъ несчастьяхъ турецкаго султана и крымскаго хана. Они-де жаловались царю и настраивали государя противъ казаковъ. Въ 1630 году въ Москву пріѣхалъ отъ турецкаго султана посолъ, грекъ Ѳома Кантакузенъ. Онъ опять жаловался на казачьи разбои и передавалъ отцу царя, патріарху Филарету, что султанъ, если царь не угомонитъ казаковъ, возьметъ Донъ себѣ и разрѣшитъ казакамъ грабить Московскую землю.

Казаковъ, сопровождавшихъ Кантакузена, сослали въ ссылку, а на Донъ не было послано жалованья. Для увѣщанія же казаковъ, вмѣстѣ съ ѣхавшимъ обратно Кантакузеномъ, былъ посланъ посолъ Савинъ съ воеводою Иваномъ Карамышевымъ съ 700 стрѣльцовъ. Прибытіе на Донъ, неизвѣстно для чего, русскаго войска смутило казаковъ. Карамышевъ благополучно на лодкахъ доѣхалъ до устья р. Маныча и здѣсь остановился у Орѣхова ярка, недалеко отъ Монастырскаго городка. Посолъ Савинъ потребовалъ атамановъ и казаковъ въ станъ свой для выслушанія царской грамоты. Но казаки и раньше принимали царскихъ пословъ и знали порядокъ, какъ это дѣлается. Посолъ долженъ самъ придти и говорить рѣчь по наказу царскому и войсковой дьякъ въ его присутствіи долженъ былъ читать грамоту на кругу передъ атаманами и казаками. Войсковой атаманъ пригласилъ Савина на кругъ. Савинъ пришелъ и при немъ прочли царскую грамоту, въ которой казаковъ опять обвиняли въ набѣгахъ на Азовъ, на Крымъ и на Турецкія земли.

Царь приказывалъ казакамъ, чтобы загладить свою вину, учинить крѣпкій миръ съ азовцами и подъ начальствомъ турецкихъ пашей идти на войну съ поляками.

— Пока же вины не исправите,—жалованья вамъ не будетъ!..—такъ закончилъ свою рѣчь царскій посолъ.

Молча, опустивъ головы, выслушалъ кругъ войсковой царское посланье. Всѣ стояли, покорно обнаживъ головы. Когда кончилось чтеніе, атаманъ надѣлъ шапку и зашумѣли, какъ рой пчелъ, казаки. Пріѣхавшіе съ посломъ изъ Москвы казаки разсказали, что по просьбѣ Ѳомы Кантакузена 60 казаковъ сослано въ ссылку. И еще шумнѣе стало на кругу. Но, вотъ, атаманъ, выслушавъ отвѣты старшинъ, взялся за шапку.

— «Помолчи, честная станица!»—звонкимъ голосомъ возгласилъ есаулъ,—«атаманъ трухменку гнеть»...

Смолкъ кругъ войсковой. Атаманъ началъ держать рѣчь царскому послу.

— Войско Донское,—сказалъ онъ,—молить Бога о многолѣтнемъ здравіи Царя и Патріарха не перестанетъ! Съ воеводами царскими, но не съ пашами басурманскими противъ всякаго врага мы готовы идти поголовно. И головы свои за Царя сложимъ. По волѣ Государя съ Азовцами помиримся и пословъ до Азова съ честью проводимъ!

— А на море ходить перестанете?—спросилъ Савинъ.

— Не ходить на море намъ нельзя,—отвѣчалъ атаманъ.—Казаки на море противъ басурманъ ходятъ потому, что имъ иначе кормиться нечѣмъ. Безъ добычи казаки будутъ наги и босы. Царскаго жалованья мы давно не получаемъ, и сейчасъ его съ вами не прислано. Азовцы сами виноваты, что казаки ходятъ противъ нихъ. Они сами задираютъ казаковъ, грабятъ нашу границу.

— Аминь!—раздались голоса изъ круга.

Наступало время кончить переговоры и расходиться, но тутъ изъ круга начали раздаваться отдѣльные буйные и гнѣвные голоса. Сверкнули обнаженныя шашки надъ головами.

— Ѳому (Кантакузена)—въ воду!... кричали казаки.—Его вина, что 60 провожавшихъ его товарищей нашихъ томятся въ ссылкѣ! Въ воду предателя!

— И Карамышева въ воду! Онъ самъ вызвался идти на Донъ и похвалялся, что безъ царскаго указа напоитъ казаковъ до-пьяна и всѣхъ перевѣшаетъ.

— Глянь, какой прыткій!

— Онъ Царя не чтитъ!

— Онъ и когда грамоту царскую читали, стоялъ въ шапкѣ, закуся бороду!

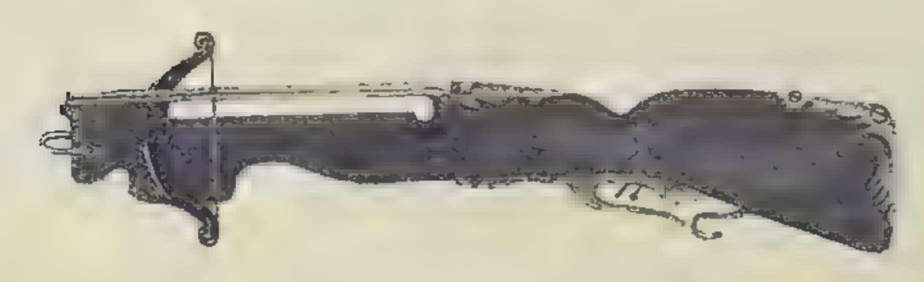
Часть казаковъ бросилась па Карамышева, отбила его у перепуганныхъ стрѣльцовъ и бросила въ воду, изрубивъ саблями.

Ни атаманъ, ни Савинъ не могли остановить буйныхъ казаковъ. Совершивъ свое злодѣйство, они разбѣжались.

Атаманъ обѣщалъ взыскать виновныхъ, назначилъ большой конвой для проводовъ Кантакузена и Савина и распустилъ кругъ.

Про этотъ случай у казаковъ сложилась пѣсня:

Подымался съ Москвы большой бояринъ,
Онъ на тихій Донъ гуляти.
Не доѣхавши тиха Дона становился,
Похвалялся всѣхъ казаковъ перевѣшать;
Казаки-братцы тотчасъ догадалися,
Во единый кругъ они собиралися,
Серéди круга становился Царевъ бояринъ,
Онъ сталъ читать Государевы указы.
Дочитался онъ до Царскаго титула,
Казаки всѣ шапки поснимали,
А большой Царевъ бояринъ шляпы не снялъ,
Оттого казаки взволновалися,
На боярина они бросалися,
Буйну голову его срубили,
А бѣло тѣло въ тихій Донъ бросили,
И, убивши, тѣлу говорили:
Почитай ты, бояринъ, Государя,
Не гордись ты передъ нимъ и не славься.
Ко Царю они съ повинной приходили.
Ты гой еси, батюшка, православный Царь!
Ты суди насъ праведной расправою,
Повели надъ нами дѣлать, что изволишь:
Ты воленъ надъ нашими буйными головами!

Аркебузъ (старинный усовершенствованный лукъ).

Земля войска Донского во время борьбы за Азовъ.

13. Взятіе Азова.

18 іюня 1637 года.

Какъ было казакамъ исполнить повелѣніе государя и не воевать съ азовцами, когда у азовцевъ томились въ жестокой неволѣ молодые казаки и казачки?!

И теперь еще можно слышать, какъ поютъ донскіе казаки слѣдующую пѣсню:

Ахъ таланъ ли мой таланъ такой *)
Или участь моя горькая!
Ты звѣзда моя злосчастная!
Высоко звѣзда восходила,
Выше свѣтла млада мѣсяца,
Что затмило солнце красное!
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлу ли**) мнѣ досталося,
Что со младости и до старости,
До сѣдого бѣла волоса,
Во весь вѣкъ мнѣ горе мыкати,
Что до самой гробовой доски?

---

*) Таланъ—судьба.

**) На дѣлу—значитъ на дѣлежѣ.

Во Азовѣ славномъ городѣ,
Во стѣнѣ ли бѣлокаменной,
Какъ была тутъ темная темница
Безъ дверей и безъ окошечекъ;
Во той ли темной темницѣ
Сидѣлъ тамъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Донской казакъ,
Въ заключеньи ровно двадцать лѣтъ,
Ровно двадцать лѣтъ и два года;
Случилось тутъ мимо ѣхати
Самому царю Турецкому.
Какъ возговоритъ добрый молодецъ:
—„Ой ты, гой еси, турецкій царь!
Прикажи меня поить, кормить,
Прикажи меня скорѣй казнить,
Не прикажешь ты скорѣй казнить—
Прикажи на волю выпустить,
Не прикажешь ты вонъ выпустить—
Напишу я скору грамотку
Къ товарищамъ на тихій Донъ:
Славный, тихій Донъ взволнуется,
Весь казачій кругъ взбунтуется,
Разобьютъ силу турецкую
И тебя, царя, въ полонъ возьмутъ!“
Какъ возговоритъ турецкій царь:
„Выпускайте добра молодца,
Удалого казака Донского
Во его ли землю русскую
Ко его ли Царю Бѣлому“.

И дѣйствительно, какъ въ пѣснѣ поется, писали изъ Азова донскіе плѣнники о тяжелой неволѣ. Мутилось сердце казачье тоскою, злобою загорались очи, когда читали они эти письма. Бѣльмомъ на глазу сидѣлъ въ устьяхъ Дона Азовъ. Изъ-за него нельзя было казакамъ выбраться на синее Азовское море, пройти за Керчь къ берегамъ Крыма, гдѣ люди не знаютъ зимы. И далекою мечтою донцовъ было—взять Азовъ.

Знали про это азовцы. Знали черезъ своихъ развѣдчиковъ, подъ видомъ купцовъ приходившихъ на Донъ, знали и отъ перебѣжчиковъ. Старая пѣсня донская поетъ про эти думы казачьи, поетъ и про измѣнника туму *)—Сеньку Маноцкова.

*) Тума—не казакъ, пришлецъ *татарскаго племени* или казакъ, родившійся отъ татарки.

У насъ, братцы, на Дону, во Черкасскомъ городу
Проявилась у насъ, братцы, прирожоная тума.
Онъ изъ тумъ, братцы, тума, Сенька Маноцковъ злодѣй;
Крѣпкой думушки съ стариками онъ не думывалъ,
Думывалъ крѣпкую онъ думушку съ ярыжками,
Перекинулся, собака, къ Азовскому пашѣ,
А Азовскій-то паша сталъ его спрашивати:
—„Ты скажи, скажи, пріятель, правду истинную,
Что-то думаютъ у васъ, во Черкасскомъ городу?"
—„Старики-то пьютъ, гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,
По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ:
Ой, не дай Боже Азовцамъ ума разума того—
Не поставили бъ они башенки на усть рѣчки Каланчи,
Не перекинули бы цѣпи черезъ славный тихій Донъ,
Не подвели бы они струны ко звонкимъ колоколамъ!" *)
Ужъ нельзя намъ, братцы, будетъ во сине море пройтить,
По синю морю гулять, зипуновъ-то доставать!—
Какъ у насъ было, на Дону, во Черкасскомъ городу
Войсковой нашъ атаманъ во всю ночушку не спалъ,
Какъ со вечеру, соколъ нашъ, Роговыя проплывалъ,
По бѣлу свѣту, соколъ нашъ, по синю морю гулялъ,
По синю морю гулялъ, кораблики разбивалъ!

Убѣдившись въ томъ, что Московскій царь не въ силахъ удержать казаковъ отъ набѣговъ на море, азовцы стали укрѣплять Азовъ. Каменныя стѣны города были обновлены, прокопаны новые водяные рвы, насыпаны валы, построены башни. За крѣпостною оградою турки выстроили еще прочный замокъ, гдѣ бы могъ спасаться гарнизонъ въ случаѣ, если бы казаки одолѣли стѣны. На берегахъ Дона поставили они передовыя крѣпостцы. Отборный четырехъ-тысячный отрядъ янычаръ былъ назначенъ для охраны Азова.

На правомъ берегу Дона, ниже теперешней Старо-Черкасской станицы, находится Монастырское урочище. На мѣстѣ этомъ, еще съ 1610 года, стоялъ Монастырскій городокъ и въ немъ собиралось «Главное Донское войско» для совѣта и для похода. Здѣсь собирался войсковой кругъ, здѣсь принимали пословъ и царское жалованье. Зимою 1637 года по всему Дону были посланы гонцы съ приказомъ—къ веснѣ быть на Монастырскомъ яру для рѣшенія общаго *войскового дѣла.*

---

*) Азовцы подводили струны къ колоколамъ и привязывали ихъ у ограды, чтобы ночью, если стража заснетъ, а врагъ подойдетъ—колокола зазвонили.

Весною собрался кругъ. На кругъ этотъ прибыли запорожскіе казаки, возвращавшіеся съ набѣговъ.

Собравшіеся на кругу атаманы предложили «Главному войску—атаманамъ и казакамъ» совершить великій подвигъ: смыть вины свои передъ государемъ, сдѣлать то же, что сдѣлалъ Ермакъ; открыть Москвѣ свободный доступъ къ морю, дать ей возможность торговать со странами всего свѣта — пойти *«посѣчь басурманъ, взять городъ Азовъ и утвердить въ немъ православную вѣру!»*

— Аминь!—сказали казаки.

Атаманы обратились къ запорожцамъ со слѣдующею рѣчью:

— Путь вашъ далекъ и опасенъ, врядъ ли дойдете. У насъ же запасовъ много и въ союзѣ съ нами вы найдете богатую добычу. Возьмемъ Азовъ, откроемъ свободный путь въ моря Азовское и Черное и найдемъ за морями все, чего только можно пожелать!

Запорожцы поклялись идти заодно съ донцами и до смерти воевать противъ басурманъ.

Тогда же послали казаки атамана Ивана Каторжнаго *) въ Москву съ донесеніемъ царю о своемъ намѣреніи взять Азовъ и подарить его государю!..

Походнымъ атаманомъ былъ избранъ *Михаилъ Ивановичъ Татариновъ.* Не было у казаковъ стѣнобитныхъ тяжелыхъ пушекъ, и всю артиллерію тогдашняго войска Донского составляли четыре легкія пушки—фальконета.

Отпѣли молебны, поклонились старымъ образамъ, попрощались съ родителями и часть казаковъ пошла на лодкахъ по Дону, другая на коняхъ вдоль берега. Вскорѣ увидали казаки высокія сѣроватыя стѣны Азова, увидали и башни. Отцы ихъ не разъ бывали тамъ, не разъ брали и самый Азовъ, но тогда это была небольшая деревянная крѣпость, теперь же передъ казаками возвышалась каменная громада со многими башнями. Войско казачье раздѣлилось на 4 части. На Дону стала судовая стража, зашли казаки и къ самому морю и отрѣзали всѣ сообщенія Азова.

Разбить стѣны азовскія казаки не могли. И вотъ они рѣшили взять Азовъ открытою силою, подкатить къ стѣнамъ плетневые туры, насыпанные землею, забросать турокъ каменьями, а потомъ ворваться въ крѣпость и взять защитниковъ ея въ шашки!

---

*) Иванъ Каторжный получилъ свое прозваніе за смѣлые морскіе набѣги, которые онъ дѣлалъ на *каторгахъ.* Каторгами же назывались большія гребныя суда. Каторжный въ своихъ морскихъ поискахъ доходилъ до самаго Константинополя.

Три недѣли вели земляныя работы казаки. Турки смѣялись надъ ними. Имъ, вооруженнымъ отличными, по тому времени, пушками, смѣшными казались дѣйствія казаковъ. Они толпами выходили на стѣны и кричали: — «сколько вамъ подъ Азовомъ ни стоять, а его, какъ ушей своихъ, не видать!».

Пробные штурмы казаковъ всѣ были отбиты. Уже не мало полегло казаковъ подъ стѣнами Азова, не хватало и пороха, а ничего не произошло новаго въ станѣ казачьемъ.

Въ это время у казаковъ находился тотъ самый посолъ турецкій Кантакузенъ, при которомъ убитъ былъ воевода Карамышевъ. Онъ ѣхалъ отъ турецкаго султана въ Москву и для сопровожденія его изъ Москвы прибылъ воевода Чириковъ, привезшій казакамъ жалованье.

Кантакузенъ, увидавши, что дѣлается подъ Азовомъ, послалъ тайно одного грека къ турецкому султану съ письмомъ о помощи азовцамъ. Казачьи разъѣзды поймали этого грека, обыскали его, нашли письмо и сейчасъ же донесли атаманамъ. На кругу порѣшили арестовать Кантакузена. Его заковали въ цѣпи и посадили подъ стражу.

Напрасно воевода Чириковъ доказывалъ атаманамъ, что они не имѣли права этого дѣлать, что посолъ—лицо неприкосновенное, казаки говорили, что посолъ не смѣлъ ничего отписывать султану о томъ, что онъ видѣлъ, и что онъ уже больше не посолъ, а лазутчикъ и предатель.

Во время этихъ переговоровъ прискакалъ съ южныхъ казачьихъ постовъ казакъ съ донесеніемъ о томъ, что отъ Кагальника идетъ къ Азову подмога. Это были наскоро собранные въ Керчи, Темрюкѣ и Тамани турецкіе отряды. Конные казаки бросились на нихъ. Произошелъ быстрый конный бой. Казаки разсѣяли турецкіе полки. Часть турокъ была переколота, часть прогнана. Ни одинъ не дошелъ до Азова. Но не мало пало и казаковъ при этой атакѣ.

Весело вернулись побѣдители въ свой станъ. Собрался кругъ войсковой; ходившіе въ атаку атаманы разсказывали о побѣдѣ, о бѣгствѣ турокъ.

— А все *его* дѣло,—добавляли они,—*Ѳомкино.* Тогда черезъ него 60 казаковъ по монастырямъ разослали. Теперь мы стоимъ подъ Азовомъ, голодною смертью помираемъ, а онъ, собака, грековъ къ азовскимъ людямъ съ вѣстями посылаетъ! Въ куль его, да въ воду!

— Черезъ него тогда и Карамышева убили! Государю отвѣтъ изъ-за него держать должны!.., раздавались голоса. — Жалованья и милости царской лишились!

И порѣшилъ весь кругъ войсковой казнить Кантакузена и все его посольство.

Сейчасъ же бросились къ нему и убили турецкаго посла и всѣхъ людей, которые были съ ними...

И снова принялись за осаду. Съ казаками былъ нѣмецъ Иванъ Арадовъ, приставшій къ казачьему отряду еще въ Россіи во время смуты Московской. Нѣмецъ этотъ зналъ окопное дѣло. Подъ его руководствомъ казаки начали рыть подкопъ подъ стѣны азовскія.

Неутомимо принялись они за работу. Турки смотрѣли на нихъ, смѣялись и кричали:

— «Стойте подъ Азовомъ, сколько хотите,—города ничѣмъ не возьмете! Сколько въ стѣнѣ каменьевъ, столько головъ вашихъ ляжетъ подъ нимъ».

Молча продолжали донцы свою кропотливую работу. 17 іюня подкопъ былъ конченъ. Вкатили въ узкую галлерею бочки съ порохомъ, приготовили фитили. Тихо было въ станѣ казачьемъ въ этотъ день. Постомъ и молитвою готовились казаки къ кровавому штурму. Они исповѣдались у священниковъ, бывшихъ при войскѣ, прощались другъ съ другомъ и со слезами говорили:—«поддержимъ, братія, честь нашего оружія, постоимъ за православную вѣру! Умремъ, но не посрамимъ себя!»...

Въ 4 часа ночи затлѣли фитили. Побѣжала искра пороховая по ниткѣ и грянулъ громъ страшнаго взрыва. Затряслись азовскія стѣны, переломились, взлетѣли на воздухъ и грудою камней упали на землю. Полетѣли на землю и люди, державшіе стражу и спавшіе на стѣнахъ.

Атаманъ Михаилъ Татариновъ первымъ съ молодецкой дружиной, съ саблями на-голо, бросился въ проломъ. Кругомъ, пользуясь суматохой, по сотнямъ тайно заготовленныхъ легкихъ лѣстницъ лѣзли на стѣны казаки. Опомнившіеся янычары встрѣтили ихъ частой стрѣльбой изъ ружей и луковъ. Они сталкивали тѣхъ казаковъ, которые не успѣли еще влѣзть, сыпали имъ въ глаза песокъ, лили на голову кипятокъ и расплавленное олово. Но уже много донцовъ было въ городѣ. За пѣшими въ проломъ по грудамъ камней устремлялись конные полки и въ улицахъ шелъ кровавый бой. Уже не гремѣли пушки, не трещали ружья, и, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, шелъ страшный рукопашный бой. Весь день борьба въ улицахъ не прекращалась. Вездѣ валялись убитые казаки и янычары, отъ пролитой крови скользкою стала земля. Къ вечеру, кто успѣлъ—заперся въ замкѣ, остальные черезъ стѣны по приставленнымъ лѣстницамъ бросились въ бѣгство, въ степь. Конныя казачьи станицы понеслись за ними. Турки у каждаго ерика,

у каждой балки устраивали оборону, но казаки стремительными атаками опрокидывали ихъ и уничтожали. Наконецъ всѣ были разсѣяны.

Оставалось взять замокъ—послѣднюю надежду турокъ. Три дня, побиваемые со стѣнъ замка камнями, осаждали его казаки. Наконецъ и онъ палъ и храбрые защитники его были перерѣзаны.

Азовъ былъ взятъ. Сбылась давнишняя мечта казаковъ. Свободнымъ стало море, а съ нимъ и набѣги, и торговля, и богатство.

Но казакамъ предстояла новая, еще болѣе трудная работа—удержать Азовъ въ своихъ рукахъ.

Казакъ.

Пороховой погребъ въ Азовѣ.

14. Азовское сидѣнье.

Іюнь—сентябрь 1641 г.

Какъ только вѣсть о подвигѣ, совершенномъ донскими казаками, о взятіи Азова, дошла до Монастырскаго городка, перешло въ Азовъ изъ своего городка и главное войско Донское. Пріѣхали жены казачьи, и казаки прочно стали устраиваться въ крѣпости. Прежде всего они возстановили уцѣлѣвшіе съ древнихъ временъ греческіе храмы св. славнаго пророка, Предтечи и Крестителя Іоанна и святителя Николая Чудотворца. Затѣмъ снарядили въ Москву атамана Потапа Петрова съ четырьмя казаками для отвоза царю донесенія о взятіи Азова и съ повинною въ неисполненіи царскаго указа и убійствѣ турецкаго посла.

«Отпусти намъ, Государь, вины наши»,—писали казаки,—«мы безъ твоего повелѣнія взяли Азовъ и убили измѣнника турецкаго посла. Еще до полученія граматъ твоихъ, съ Чириковымъ посланныхъ, мы всѣмъ войскомъ сдѣлали приговоръ промышлять надъ басурманами, сколько попуститъ Богъ. Государь!—мы, сыны Россіи, могли ли безъ сокрушенія смотрѣть, какъ въ глазахъ нашихъ лилась кровь христіанская, какъ влеклись на позоръ и рабство старцы, жены съ младенцами и дѣвы? Не имѣя силъ долѣе терпѣть Азовцамъ, мы начали войну правую, съ Божьею помощью овладѣли городомъ, побили невѣрныхъ за ихъ неправды и православныхъ освободили изъ плѣна».

Убитыхъ казаковъ съ честью похоронили; трупы янычаръ побросали въ рѣку Донъ, и теченіемъ ихъ унесло въ море и тамъ расклевали ихъ птицы.

Четыре года устраивались казаки въ Азовѣ. Нѣсколько разъ турки пытались отнять его у казаковъ, но казаки всякій разъ мужественно отражали ихъ. Изъ Азова часто ходила «зимовая станица» въ Москву. То казаки просили Московскаго государя прислать иконы, утварь и книги во вновь отстроенныя церкви, то доносили о своихъ работахъ по укрѣпленію Азова.

Казаки понимали, какое важное значеніе имѣетъ Азовъ—этотъ ключъ къ морю—и для нихъ, и для всего Русскаго государства. Атаманъ Наумъ Васильевъ, получившій въ 1640 году отъ царя Михаила Θеодоровича грамоту и жалованье—шесть тысячъ рублей, не отдалъ этихъ денегъ казакамъ, какъ то обыкновенно дѣлалось, а съ общаго войскового рѣшенія употребилъ ихъ на работы по укрѣпленію Азова.

Въ городѣ многія мѣста строились очень давно, камень клали безъ извести и отъ дождей стѣны начали осыпаться. И вотъ, Васильевъ починилъ эти стѣны, сдѣлалъ ихъ шириною въ три сажени, насыпалъ ихъ щебнемъ, поправилъ и пушки. Пушекъ въ Азовѣ было взято казаками всего 296. На оставшіяся деньги накупили запасовъ и рѣшили обороняться отъ врага до смерти, но Азова не сдавать.

Въ Азовѣ стояло тогда 5.000 казаковъ и 800 женъ казачьихъ, пріѣхавшихъ изъ войска на свиданье съ мужьями. Атаманами были: Наумъ Васильевъ и Осипъ Петровъ.

Между тѣмъ плѣнные татары разсказывали, что прежній султанъ турецкій Амуратъ умеръ, на его мѣсто вступилъ султанъ Ибрагимъ, который собираетъ громадное войско и поклялся взять у казаковъ Азовъ. Жутко стало казакамъ. Были они храбрые воины, но войну вели больше полевую. Не было у нихъ опытныхъ пушкарей, которые могли бы обращаться съ большими пушками, не было литейщиковъ, чтобы лить ядра, не знали они хорошо и инженернаго дѣла—все дѣлали «самоукомъ».

Посовѣтовались на кругу и рѣшили просить царя Михаила Θеодоровича принять отъ казаковъ Азовъ въ подарокъ, взять его подъ свою высокую руку, какъ предки его брали отъ донскихъ казаковъ и раньше не мало городовъ, какъ принята была и Сибирь царемъ Іоанномъ отъ атамана Ермака.

— «Бьемъ челомъ тебѣ»,—писали казаки.—«праведному великому Государю, Царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу, всея Руси Самодержцу... городомъ Азовомъ со всѣмъ градскимъ строеніемъ и съ пушками, а пушекъ въ немъ, Государь, двѣсти девяносто шесть. А мы, Государь, холопи ваши, *не горододержцы*; въ мимошедшіе лѣта, при прежнихъ царяхъ и великихъ князьяхъ прежніе наши братья, Донскіе казаки, многіе города у иновѣрныхъ поганыхъ народовъ брали и сами

этими городами не владѣли, все вамъ, Государь, земли прибавляли и кровь свою проливали за васъ, государей, и за святыя Божьи церкви и за вѣру христіанскую... Если же ты не примешь города, то брести намъ съ голода и наготы всѣмъ врозь. А если примешь, то повели намъ вернуться въ свои юрты и жить по-прежнему»...

Но царь не принялъ Азова отъ казаковъ. Какъ ни заманчивъ былъ донской гостинецъ, быть можетъ, важнѣе и самой Сибири, потому что открывалъ путь въ чужія земли, но Русь не могла принять Азова. Истерзанная и своими и чужими врагами въ смутное время, она еще не оправилась. Не было въ ней порядка. Шайки разбойниковъ бродили по Руси и грабили имѣнья, поляки и шведы сообща воевали съ Россіей. Старые русскіе города были въ рукахъ поляковъ. Войско еще не было собрано. Русь только-только устраивалась.

Принять Азовъ, это значило бы начать кровопролитную войну съ турками, а это было Руси не подъ силу! И царь отказалъ въ помощи казакамъ и наказывалъ имъ оставить Азовъ.

Но казаки рѣшили оборонять городъ, купленный кровью ихъ братьевъ. Они дали крестное цѣлованье въ томъ, что Азова не сдадутъ.

Весною 1641 года громадная рать, состоявшая изъ разныхъ народовъ, подвластныхъ султану, отправилась моремъ изъ Царь-града и сухимъ путемъ изъ Крыма для обложенія Азова. Командовалъ ею *Сераскиръ-паша Гуссейнъ*. Въ войскѣ этомъ было 6.000 наемныхъ мастеровъ осаднаго дѣла. Были венеціанскіе кораблестроители,—въ то время Венеція славилась своими кораблями не меньше, чѣмъ теперь Англія; были нѣмецкіе мастера подкопнаго дѣла, знатоки какъ брать города, были французскіе *планщики*, или землемѣры, искусные снимать мѣстность на бумагу, были греки и шведы. Цѣлыя толпы безоружныхъ землекоповъ, молдаванъ и валаховъ, гнали съ собою турки. Боевого войска считалось болѣе ста тысячъ. Осадныхъ пушекъ, стрѣлявшихъ ядрами въ полпуда, было привезено на судахъ 129, да мелкихъ полевыхъ пушекъ 674 и мортиръ для перебрасыванія снарядовъ черезъ стѣны подвезли 32. Съ моря Азовъ обложили 45 большихъ кораблей и многое множество мелкихъ лодокъ-галеръ, чаекъ и другихъ.

24 іюня войско подошло къ Азову. Пестрою и шумною толпою окружило оно крѣпость. Отъ знаменъ и отъ значковъ, отъ пестрыхъ чалмъ и плащей казалось, что степь снова зацвѣла. Цѣлый день гомонили на всѣхъ языкахъ и кричали въ станѣ турецкомъ, цѣлый день слышалось ржаніе коней, крикъ ословъ и ревъ верблюдовъ и скотины. Точно буря шумѣла на синемъ морѣ и волны ревѣли, разбиваясь о берегъ. Никогда еще казаки не видали такой большой рати. А ночью, на

много верстъ, свѣтились огни безчисленныхъ костровъ, зарево поднималось отъ нихъ надъ небомъ и тишину уснувшаго стана нарушали протяжные крики часовыхъ, да рѣдкій ревъословъ.

Но не смутились донскіе атаманы *Наумъ Васильевъ* и *Осипъ Петровъ*, засѣвшіе въ Азовѣ съ 5.000 казаковъ.

Какъ только установили лагерь, сейчасъ же къ стѣнамъ Азова подъѣхало три богато одѣтыхъ всадника. Это были: Магометъ-Али, янычарскій начальникъ—отъ турецкаго главнокомандующаго, Куртъ-Ага—отъ начальника турецкаго флота и Чехомъ-Ага—отъ Крымскаго хана. Они явились для переговоровъ, съ предложеніемъ сдать Азовъ.— «Помощи и защиты ждать вамъ отъ Московскаго государя нечего, сопротивляться безполезно, силы наши громадны»,—говорили переговорщики,—«сдадите Азовъ и получите за то 12.000 червонцевъ сейчасъ же и 30.000 по выступленіи»...

Но не прельстился рѣчами соблазнителей войсковой атаманъ. Отогнавъ переговорщиковъ отъ стѣнъ, онъ обѣщалъ прислать свой отвѣтъ.

Всю ночь въ станичной избѣ атаманы составляли отвѣтъ, писарь записывалъ ихъ рѣчи, а переводчикъ переписывалъ на турецкій языкъ. Подъ утро длинное посланіе было послано съ плѣннымъ татариномъ сераскиру Гуссейну-пашѣ.

Вотъ что писали донцы:

– «Мы васъ отлично знаемъ, и силу вашу знаемъ тоже. Не разъ бились мы съ вами на сушѣ и на морѣ. Давно мы васъ къ себѣ поджидали, да вы что-то мѣшкали. Вы говорите, что Турскій султанъ прислалъ четырехъ пашей, да адмирала, да полковниковъ, да триста тысячъ солдатъ, не считая мужиковъ, и нанялъ противъ насъ еще 6.000 мудрыхъ нѣмцевъ...—Что же, не велика будетъ ему честь, если онъ насъ возьметъ такими громадными силами и умомъ, и разумомъ, и промысломъ нѣмецкимъ. Онъ такою побѣдою не изведетъ нашей старинной славы, и не запустѣетъ отъ того Донъ головами нашими!

«И на взысканіе наше (отомстить за насъ) будутъ молодцы съ Дона.

«Если же мы отсидимся отъ васъ, со своими малыми силами, всего 5.000, то великая срамота будетъ царю вашему отъ всѣхъ государствъ и земель».

«Городъ Азовъ—строеніе великихъ царей Греческихъ, православной христіанской вѣры, а не вашего басурмана царя Турскаго, и онъ завладѣлъ имъ напрасно. Мы—Божьи люди. Вся надежда наша на Его милость и на Пречистую Богородицу, и на всѣхъ святыхъ Его угодниковъ, и на своихъ братьевъ-товарищей, которые живутъ на Дону, по городкамъ. Тѣ насъ выручатъ.

Азовское сидѣніе въ 1641 году.

Съ картины худ Петрусевича, находящейся въ Новочеркасскомъ войсковомъ соборѣ.

«Имя намъ—вѣчное казачество Донское вольное, безстрашное! И насъ не такъ-то легко побить.

«Городъ Азовъ мы у васъ взяли въ 7145 году*) у вашего царя Турскаго, не какъ разбойники, или воры, а своею силою и умомъ, дрались съ вами, поганцами, лицомъ къ лицу, не боясь и не страшась вашей великой силы. Теперь мы сидимъ въ Азовѣ малыми силами нарочно, чтобы посмотрѣть вашъ турскій умъ и промыселъ.

«Помощи мы отъ Руси не ждемъ.

«Будто такіе люди, какъ мы, Руси надобны и дороги?

«Мы въ Московскомъ государствѣ никому не нужны и не годны и это знаемъ отлично.

«Государство Московское великое и пространное и многолюдное: сіяетъ оно, посреди всѣхъ государствъ, и земель и ордъ басурманскихъ. и греческихъ, и персидскихъ, какъ солнце.

«Насъ, бѣдныхъ, на Руси не любятъ, ненавидятъ насъ, аки псовъ смрадныхъ, потому, что ушли мы отъ государства Московскаго и изъ разныхъ городовъ отъ неволи и налога, изъ работы и изъ холопства вѣчнаго и отъ неволи великой; отъ его государевыхъ князей и бояръ. и дворянъ. и дѣтей боярскихъ Московскихъ и всякихъ городовыхъ приказныхъ людей. Поселились мы здѣсь въ непроходимой пустынѣ и надѣемся только на Бога и на святыхъ Его угодниковъ!

«Кому о насъ, бѣдныхъ, въ Московскомъ государствѣ потужить или порадѣть? всѣ князья, и бояре, и дворяне и дѣти боярскія, и московскіе приказные концу, и смерти, и погибели нашей рады. Ничего намъ съ Руси никогда не посылаютъ, кормитъ насъ Богъ въ полѣ своею милостью; звѣрьми дикими, да морскою рыбою питаемся, яко птицы небесныя не сѣемъ, не оремъ, ни житницы собираемъ. а сыты бываемъ. Такъ мы, бѣдные, питаемся подлѣ синяго моря.

«А серебро и золото мы беремъ у васъ за моремъ. То вы и сами знаете.

«А женъ себѣ выбираемъ у васъ же, уводимъ изъ Царя-града и живемъ съ ними.

«И городъ Азовъ мы взяли у васъ своею волею, а не государевымъ повелѣніемъ, для добычи, и за это на насъ, холопей своихъ дальнихъ, великій Государь, Царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ весьма разгнѣвался и мы за взятіе Азова боимся отъ Государя смертной казни.

«Вы хотите, чтобы мы служили царю вашему Турскому—но намъ

*) Въ 1637 году. Въ тѣ времена лѣтосчисленіе на Дону и на Руси было отъ сотворенія міра.

это никакъ невозможно. Вотъ, если отсидимся въ Азовѣ отъ такихъ его великихъ силъ, тогда побываемъ у него и за моремъ подъ его Царемъ-городомъ и посмотримъ его городъ. Тамъ съ нимъ царемъ Турскимъ, уже обо всемъ переговоримъ.

«Лишь бы ему наша казачья рѣчь полюбилась!

«Теперь намъ съ вами говорить не о чемъ.

«Мириться намъ съ вами и вѣрить вамъ нельзя. Развѣ можетъ быть миръ между христіаниномъ и басурманомъ? Христіанинъ побожится душою христіанскою и на томъ стоитъ, а вашъ братъ, басурманъ, побожится вѣрою басурманскою и все-таки солжетъ.

«Къ намъ больше со своею глупою рѣчью не ѣздите. Сманивать вамъ насъ—это только время терять понапрасну. Кто пріѣдетъ—мы того убьемъ. Дѣлайте то, для чего вы къ намъ подъ Азовъ городъ присланы. Мы у васъ же взяли Азовъ малыми силами, такъ и вы добывайте его своими многими тысячами. Только знайте, что не видать вамъ его изъ рукъ нашихъ, казачьихъ, какъ ушей своихъ.

«Вотъ развѣ приметъ его отъ насъ Царь всея Руси, Михаилъ Ѳеодоровичъ, да васъ имъ пожалуетъ — тогда уже будетъ на то его государская воля!»...

Такъ писали казаки турскому сераскиру-пашѣ. Они нарочно писали о томъ, что царь ихъ не жалуетъ и въ Москвѣ ихъ ненавидятъ, и что Азовъ взяли они самовольно, чтобы турки не напали на Москву. Пороча себя—они обѣляли, выгораживали обожаемаго своего монарха и отвлекали отъ Россіи новую войну...

Все брали они на себя, на свои малыя силы, надѣясь только на Господа Бога!

25 іюня, ночью, затрубили въ турецкомъ станѣ въ трубы и видно было, что всѣ полки стали собираться и строиться. Потомъ забили въ большіе барабаны, затрещали въ маленькіе янычарскіе барабанчики, и жалобно заиграла свирѣль. И поняли казаки, что турки готовятся на приступъ. И такъ всю ночь били барабаны и трубили въ трубы и копошился и гомонилъ станъ турецкій.

На разсвѣтѣ стало видно казакамъ, что турки выступаютъ изъ лагерей. Загорѣлись на солнцѣ золотые полумѣсяцы надъ знаменами. Тамъ краснѣли, точно маковъ цвѣтъ, алыя фески турокъ, тамъ—какъ снѣгъ или стадо гусей—бѣлѣла янычарская пѣхота. Наѣздники на дорогихъ коняхъ въ богатыхъ уборахъ джигитовали впереди, выхваляясь своею удалью. На далекомъ пространствѣ видны были только войска. Отъ треска и грохота большихъ барабановъ, называвшихся *набатами*, отъ

рѣзкаго завыванія трубъ и гомона сотенъ тысячъ людей шумъ былъ такой, какого казаки еще никогда не слыхали.

Окруживши стѣны азовскія, *турки бросились на приступъ. Первыми* пошли нѣмецкіе полки со стѣнобитными машинами, а за ними лучшее войско турецкое—янычары. Одни стрѣляли по стѣнамъ, другіе старались топорами и желѣзными ломами сломать стѣны, третьи приставили лѣстницы и лѣзли на стѣны. Турки, надѣясь на свои громадныя силы, хотѣли взять Азовъ сразу. Прикрывая полки, заговорила турецкая артиллерія...

И въ отвѣтъ загремѣли казачьи пушки. Бѣлый дымъ густыми клубами подымался надъ крѣпостью, молніей сверкалъ огонь изъ пушекъ—точно надъ Азовомъ стала грозная туча съ громомъ и молніями.

Казаки заранѣе подрыли землю у стѣнъ и навели на подрытыя мѣста пушки, заряженныя дробью и желѣзными мелкими осколками. Толпы турокъ, попавши на эти мѣста, провалились и, пока они вылѣзали, казаки били ихъ изъ пушекъ.

Страшенъ былъ этотъ день для турокъ! Уже громадное алое знамя съ золотымъ полумѣсяцемъ было поднято янычарами на стѣны и за нимъ со всѣхъ сторонъ, какъ муравьи на гору, лѣзли турки, уже паши турецкіе скликали людей ворваться въ городъ. Казаки бросились къ этому мѣсту, отняли знамя и погнали янычаръ. Не было въ Азовѣ ни одного человѣка, который бы не работалъ. Женщины готовили кипятокъ, плавили олово, раскаляли песокъ и носили все это не стѣны. Пока казаки огнемъ и копьями, а мѣстами и въ рукопашную сталкивали турокъ со стѣнъ азовскихъ, жены казачьи кидали на подходившихъ песокъ, лили кипятокъ и олово.

Уже солнце опускалось за холмами, уже краснѣла вечерняя заря и сумерки спускались на землю, а штурмы турецкіе все не прекращались. На мѣсто убитыхъ шли новые и атака шла за атакой до самой темноты. Ночью турки отхлынули. Бой прекратился.

Утренняя заря освѣтила мѣсто боя. Вездѣ убитые и раненые. Казаки убили въ этотъ день шесть янычарскихъ командировъ, двухъ наемныхъ нѣмецкихъ полковниковъ и шесть тысячъ наемныхъ нѣмцевъ. Трупы убитыхъ турокъ лежали валомъ выше пояса вокругъ города. Тучи черныхъ вороновъ рѣяли надъ ними и солнце пекло ихъ мертвыя бѣлыя лица.

Подъ вечеръ къ Азову прибылъ переговорщикъ съ переводчикомъ, просилъ разрѣшенія убрать трупы убитыхъ и предлагалъ за каждаго убитаго янычара по золотому, за начальниковъ и полковниковъ по сту серебряныхъ рублей...

Но казаки отказались отъ денегъ.

— Мы не продаемъ убитыхъ и не торгуемъ мертвыми, — сказалъ отъ войска атаманъ.—*Не дорого намъ серебро ваше и злато, дорога намъ слава вѣчная.* Это вамъ, собакамъ, изъ Азова отъ насъ, донскихъ казаковъ и молодцовъ — первая игрушка. Это мы только оружіе свое прочистили, дальше вамъ хуже будетъ!

Два дня турки хоронили убитыхъ. Тихо было въ ихъ пестромъ и горделивомъ лагерѣ.

На третій день турки приступили къ правильной осадѣ Азова. Въ продолженіе трехъ дней тысячи рабочихъ копали землю и насыпали валы. На глазахъ у казаковъ валъ поднимался все выше и выше и сталъ уже выше стѣнъ азовскихъ.

Тогда казаки горячо помолились и, попрощавшись другъ съ другомъ, вышли всѣмъ отрядомъ, подъ начальствомъ атамана, и силою въ пять тысячъ бросились на трехсотъ-тысячное турецкое войско.

— Съ нами Богъ!—кричали казаки,—разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

Атака казачья была такъ стремительна, что турецкіе полки побѣжали. Въ эту вылазку казаки отняли у турокъ нѣсколько знаменъ и побили множество турокъ. Кромѣ того, взяли 28 бочекъ пороха, которымъ тутъ же подорвали турецкій валъ.

Турки отошли дальше и принялись насыпать валы еще больше перваго. На пять верстъ тянулся новый валъ. Цѣлыя горы воздвигались вокругъ Азова, на горы эти ввозили тяжелыя пушки и устанавливали ихъ противъ города.

Началась бомбардировка. Шестнадцать дней и шестнадцать ночей длилась она. Страшный грохотъ громадныхъ пушекъ потрясалъ землю и—какъ записали объ этомъ казаки—«дымъ топился до небесъ».

Турецкія ядра разрушали стѣны, ломали дома, валили башни. Разбита была ими церковь Іоанна Предтечи, всѣ постройки были снесены до основанія и только уцѣлѣла церковь Св. Николая Чудотворца, уцѣлѣла потому, что стояла внизу горы и снаряды до нея не долетали.

Но, по мѣрѣ того какъ валились стѣны азовскія, казаки рыли землю и устраивали подземныя жилища. Всѣ зарылись подъ землю и хоронились тамъ отъ пушечнаго боя. Затѣмъ казаки провели подъ турецкій лагерь 28 подземныхъ ходовъ и начали по ночамъ дѣлать подземныя вылазки и нападать на турокъ. За разрушенными стѣнами насыпали земляные валы и такъ за время осады построили *четыре вала!*

Турки тоже прокопали подземные ходы, и началась страшная *подземная война!*

Тогда стали осыпать Азовъ всякими *хитростями нѣмецкими*, бросали чиненныя порохомъ ядра, раскаленные камни, наконецъ, вдругъ перестали стрѣлять и 24 дня подъ-рядъ кидались на штурмъ. Но казаки всякій разъ отбивали турецкія атаки. Жены опять помогали своимъ мужьямъ сбрасывать турокъ съ валовъ азовскихъ...

Тяжело было казакамъ. Но не легче было и туркамъ. Турки ничего не знали о томъ, что дѣлается въ крѣпости. Перебѣжчиковъ у казаковъ не было, а отъ плѣнныхъ ни обѣщаніями, ни пытками турки не могли дознаться въ какомъ положеніи находятся казаки. Въ турецкомъ станѣ не хватало продовольствія. Трупы убитыхъ, плохо закопанные, лошадиные остовы разлагались въ лѣтнія жары и страшный смрадъ стоялъ надъ лагеремъ сераскира-паши. Начались болѣзни. Раненые и больные умирали безъ помощи и безъ ухода. Наконецъ паша, чувствуя, что не взять ему Азова открытою силою, отписалъ турецкому султану грамоту и просилъ его отложить взятіе Азова до весны.

— Паша! возьми Азовъ, или отдай свою голову! — отвѣчалъ ему султанъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сераскиръ рѣшилъ взять казаковъ изморомъ. Въ продолженіе двухъ недѣль онъ каждый день посылалъ по 10.000 человѣкъ на штурмъ, смѣняя штурмующихъ каждый день, и днемъ и ночью велъ непрерывную стрѣльбу по крѣпости.

Послѣднія силы истощались у казаковъ. Отъ смрада, стоявшаго надъ городомъ отъ труповъ, которые не успѣвали погребать, казаки стали болѣть цынгою, «поцынжали». Отъ безсонныхъ ночей и дневной работы при отбитіи штурмовъ измучились.

— «Ноги подъ нами подогнулися»,—описывали казаки это тяжелое время,—«и руки наши обороненныя уже служить замертвѣли. А уста наши и не глаголютъ отъ безпрестанныя стрѣльбы пушечныя и пищальныя. Глаза наши, по нихъ, поганыхъ, стрѣляючи, порохомъ выжгло. Языкъ нашъ въ устахъ нашихъ на нихъ, поганыхъ басурманъ, закричать не можетъ».

Съ трудомъ держали казаки въ рукахъ оружіе и сами считали, что уже нѣтъ у нихъ силы оборонять Азовъ. И вотъ они рѣшили выйти изъ разрушеннаго турками города и пасть всѣмъ до одного, чтобы не было срама имъ, что они Азовъ сдали.

Ночью, 26 сентября, начали прощаться донцы съ Азовомъ, который отстаивали четыре мѣсяца. Тѣни, а не люди ходили по обломкамъ Азова и спускались къ храму Николая Чудотворца.

— Прости ты насъ, грѣшныхъ и непотребныхъ рабовъ своихъ, Ве-

ликій Государь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Россіи, и вели помянуть насъ, грѣшныхъ,—говорили казаки.

— Простите всѣ, православные христіане, и помяните души наши грѣшныя со всѣми нашими родителями. Не позоръ мы, бѣдные, учинили всему государству Московскому.

— Простите насъ, лѣса темные и дубравы зеленыя, простите насъ, поля чистыя и тихія за́води.

— Простите насъ, море синее и тихій Донъ Ивановичъ. Уже намъ, по тебѣ, атаману нашему съ грознымъ своимъ войскомъ не ѣздити и дикаго звѣря въ чистомъ полѣ не стрѣливати. И въ тихомъ Дону Ивановичѣ рыбы не лавливати!..,

Такъ простившись, на разсвѣтѣ 27 сентября, истомленные, скорбные, раненые и больные люди вышли изъ лагеря—и, выйдя, почувствовали въ себѣ былую бодрость и силу. Встрепенулись сердца, и эти несчастные готовились дорогою цѣною продать свою жизнь...

Но въ передовыхъ укрѣпленіяхъ турецкихъ царила мертвая тишина. Въ утреннемъ туманѣ медленно подвигалась горсть защитниковъ Азова. Но вотъ повѣялъ съ моря легкій вѣтерокъ, и казаки увидѣли пустой лагерь и турокъ, поспѣшно грузящихся на суда.

Господь услышалъ молитвы казачьи. Сераскиръ не счелъ возможнымъ, въ виду болѣзней въ его лагерѣ, продолжать осаду, и отступилъ.

Казаки, изъ послѣднихъ силъ, побѣжали за турками и открыли по уходящимъ бѣглый огонь, а потомъ атаковали и отняли одно большое знамя и семь малыхъ знаменъ.

Такъ кончилась знаменитая оборона казаками Азова. Изъ пяти тысячъ казаки потеряли 3.000 убитыми, да и тѣ двѣ тысячи, которыя остались съ атаманами Наумомъ Васильевымъ и Осипомъ Петровымъ—всѣ были переранены...

Уже Азовъ давно не крѣпость, а маленькій торговый городокъ Области Войска Донского, уже отъ стѣнъ его остались однѣ развалины, а кости защитниковъ его давно погнили въ землѣ. Отъ Монастырскаго городка, гдѣ собиралось подъ Азовъ главное войско Донское, ничего не осталось. Его сожгли въ 1643 году турки, мстившіе казакамъ за доблестную оборону города,—а память объ азовскихъ удальцахъ осталась и до нашего времени.

Ежегодно на Монастырскомъ урочищѣ совершается панихида по донскимъ воинамъ, животъ свой за вѣру, царя и отечество положившимъ.

Въ 1867 году на мѣстѣ Монастырскаго городка сооруженъ на средства всего Войска Донского памятникъ «въ честь и вѣчную славу» донскихъ героевъ, покорителей и защитниковъ Азова. Памятникъ этотъ

имѣетъ видъ часовни. Внутри поставлены иконы и сдѣланы надписи. Подлѣ памятника стоятъ старыя азовскія пушки. Въ числѣ иконъ находится и точный списокъ иконы св. Пророка и Крестителя Іоанна. Эта икона, быть можетъ, одна изъ тѣхъ, передъ которыми такъ трогательно молились израненные казаки передъ уходомъ изъ Азова.

Панихида совершается въ субботу, предшествующую 1-му октября. На панихидѣ этой бываютъ войска и представители сосѣднихъ со Старочеркасскомъ станицъ, и начальствующія лица. Передъ панихидой прочитывается грамота царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича отъ 2-го декабря 1641 года, присланная на Донъ въ похвалу службы и крѣпкостоятельства при защитѣ Азова. Послѣ панихиды, при пѣніи вѣчной памяти, войска отдаютъ воинскую честь залпами изъ орудій и ружей, а музыка играетъ «Коль славенъ».

Затѣмъ всѣ присутствующіе, депутаціи и войска отправляются въ Старочеркасскъ, гдѣ отъ станичнаго общества имъ предлагается, по древнему обычаю, поминальная хлѣбъ-соль.

Такъ поминаютъ донцы своихъ удальцовъ-героевъ.

Часовня на Монастырскомъ урочищѣ.

15. Оставленіе казаками Азова по царскому указу въ 1643 году.

Воинъ временъ царя Ивана III, въ шеломѣ, доспѣхахъ изъ желѣзной цѣпи съ стальными плитками, съ копьемъ, щитомъ и мечомъ.

28 октября 1641 года храбрый атаманъ Осипъ Петровъ отправилъ въ Москву атамана Наума Васильева, есаула Федора Порошина съ 24 казаками и съ подробнымъ донесеніемъ объ осадѣ Азова турками и о томъ, какъ казаки его отстояли. Вмѣстѣ съ тѣмъ казаки просили Московскаго государя взять Азовъ себѣ.

— Мы готовы,—говорили казаки,— стоять вѣрою и правдою за государя, но безъ царскихъ войскъ Азова намъ не удержать. Отъ сидѣнія въ Азовѣ *много славы добыли мы своему войску, но добычи не получили никакой.* Отъ нужды и истомы оголодали и обнищали такъ, что не на что намъ снарядиться въ морскіе поиски за добычею. Азовъ лежитъ въ развалинахъ. Много нужно денегъ и труда для того, чтобы возстановить его.

Царь пожаловалъ казаковъ похвальною грамотою, послалъ жалованья 5.000 рублей, а весною обѣщалъ съ водою прислать хлѣбъ, съѣстные припасы, порохъ, свинецъ и сукно. Изъ Москвы послали людей для осмотра азовскихъ укрѣпленій.

Когда на Дону узнали, что въ Москвѣ еще не рѣшили: брать Азовъ, или не брать,—второй разъ послали атамановъ уговаривать взять Азовъ.

3 января 1642 года былъ собранъ Великій Земскій Соборъ изъ разнаго званія людей. Собору было предложено рѣшить—принимать отъ казаковъ Азовъ и вести изъ-за него войну съ турками, или отдать Азовъ назадъ туркамъ.

Высшіе московскіе чиновники совѣтовали отдать Азовъ казакамъ. Пусть сами его обороняютъ.

Дворяне говорили, что оборонять Азовъ слѣдуетъ поручить однимъ казакамъ, да охочимъ людямъ. Но, если государь повелитъ,—они готовы идти воевать за царя, но при этомъ добавляли, что государь знаетъ, какъ они теперь обѣднѣли.

Но тутъ встали представители Новгорода, Костромы и Смоленска и городовые дворяне и боярскія дѣти.

— Грѣхъ будетъ на насъ, если мы отдадимъ христіанскій городъ басурманамъ. Нужно всею землею крѣпко стать за Азовъ!—говорили они.

То же говорили и купцы и разнаго званія мелкіе люди.

Долго спорили въ соборѣ. Московскіе люди понимали, что рѣшался важный вопросъ—быть Руси при морѣ, или нѣтъ...

А между тѣмъ султанъ Турецкій уже собиралъ сильное войско, чтобы идти на Русскую землю. Новыми бѣдами грозила эта война опустошенной самозванцами Россіи. Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ соборъ не рѣшился оставить Азовъ за собою, и 30 апрѣля 1643 года спѣшно выѣхалъ изъ Москвы есаулъ Родіоновъ съ царскимъ наказомъ:—«*всевеликому Войску Донскому Азовъ оставить*, возвратиться по своимъ курenямъ, или отойти на Донъ, кому куда пригодно будетъ»...

Казаки вывезли изъ Азова 80 пушекъ, крѣпостныя желѣзныя ворота съ петлями, желѣзныя калитки, городскіе желѣзные вѣсы со стрѣлою. Изъ церкви Іоанна Предтечи взяли мѣдное пятиярусное паникадило, чудотворную икону Іоанна Предтечи и всю церковную утварь. Теперь паникадило это находится въ Старочеркасскомъ соборѣ, тамъ же хранятся и серебряное кадило и икона св. Іоанна Предтечи.

Съ молитвами выкопали казаки и кости своихъ товарищей:—«да не оставитъ ихъ братство въ басурманской землѣ», и похоронили на Монастырскомъ урочищѣ.

Остатки азовскихъ стѣнъ были взорваны казаками и самое мѣсто башенъ сравнено съ землею...

Турки вскорѣ явились въ гирла Дона съ большимъ флотомъ и войскомъ и начали ставить на мѣстѣ старой крѣпости новую, съ громадными стѣнами, недоступную никакой осадѣ безъ сильной артиллеріи.

Взятіе и оборона Азова были послѣднимъ дѣломъ, совершеннымъ всѣмъ войскомъ самовольно. Съ этого времени войско окончательно становится въ покорность русскому царю, живетъ охотою, рыбною ловлею и *царскимъ жалованьемъ*. Все рѣже и рѣже ходятъ ладьи казачьи для разоренія турецкихъ береговъ.

На Волгу же идутъ лишь отчаянныя головы, лишь голытьба, которая не боится и головою отвѣтить за свою гульбу и охотничанье.

На свободныхъ атамановъ этихъ шаекъ само войско смотритъ уже какъ на разбойниковъ.

Посмотримъ, какъ жили у себя дома въ эту пору донскіе казаки.

Запорожцы.

16. Основаніе города Черкасска.

1644 г.

Не могли турки простить казакамъ взятія Азова. Въ 1643 году большое турецкое войско неожиданно подошло къ Монастырскому городку. Закипѣлъ кровавый бой въ улицахъ и скоро огненные языки начали лизать плетневыя крыши бѣднаго казачьяго городка. На бѣду, гулялъ по степи вѣтеръ. Алое зарево вспыхнуло на небѣ и отразило страшный пожаръ. Нечего было и думать что-либо тушить. Приходилось только спасаться. Въ часовнѣ Монастырскаго городка сгорѣло царское знамя, погорѣли и драгоцѣнныя иконы... Къ вечеру на томъ мѣстѣ, гдѣ кипѣла жизнь казачья, гдѣ собирался кругъ войсковой, гдѣ въ маленькихъ хижинахъ укрывались отъ непогоды удалые донцы—тлѣли уголья, да на черной землѣ тамъ и тамъ виднѣлась груда камней—слѣды казачьихъ очаговъ. Скоро строились въ тѣ времена казачьи городки, но и скоро исчезали съ лица земли.

Уцѣлѣвшіе въ страшномъ кровавомъ бою казаки ушли въ Раздоры и оттуда начали хлопотать объ устройствѣ новаго городка. Сейчасъ же войсковой дьякъ отписалъ государю Московскому грамотку отъ войска:

«Въ прошломъ, Государь», писали донцы,—«въ 151 (1643) году, какъ грѣхъ учинился надъ нами, холопи твоими, на Монастырскомъ островку отъ Турскихъ людей приходу и въ то, Государь, время твоего Царскаго Величества знамя, каково къ намъ, холопамъ твоимъ, на Донъ въ прошлыхъ лѣтѣхъ прислано, въ часовнѣ съ образами сгорѣло... Вели, Государь, своимъ государевымъ иконникамъ образъ Іоанна Предтечи и другіе написать. Изъ обрывка же пушечной мѣди и двухъ поврежденныхъ колоколовъ слить на пушечномъ дворѣ два колокола»...

Въ Раздорахъ шумѣли на кругу казаки. Рѣшали важный вопросъ, гдѣ заложить новый городокъ.

— Строить городъ, такъ строить его такъ, чтобы не сладко отъ него было туркамъ,—говорили казаки.

— Нѣтъ лучше мѣста,—сказалъ атаманъ Павелъ Ѳедоровъ,—какъ на Черкасскомъ острову.

— Дѣло говоришь, атаманъ. Тамъ и до Азова недалече,—подтвердили старые донцы.

— Тамъ турокъ у насъ на виду будетъ. Тамъ мы, съ Божьею помощью, и съ Азовомъ управимся,—подбивали донцовъ запорожскіе казаки, пришедшіе съ Черкасскаго острова.

— Быть по сему!

— Дѣло! Вѣрное дѣло!

— Аминь! раздавались голоса.

Кругъ порѣшилъ идти на тѣ мѣста, гдѣ жили пришедшіе на Донъ днѣпровскіе казаки, которыхъ донцы называли *Черкасами*.

Какъ по Дону селилась вольная община удалыхъ людей ради смѣлыхъ набѣговъ и войны, такъ же точно поселились лихіе молодцы и по Днѣпру. Они ставили свои хижины, строили городки на томъ мѣстѣ, гдѣ Днѣпръ, разбившись о пороги, широко и плавно течетъ по степи, ставили свое войско *за порогами* и получили потому названіе Запорожскихъ казаковъ, а такъ какъ они были малороссами, то ихъ и называли Малороссійскими казаками. Запорожцы не разъ соединялись съ донцами въ походахъ на Крымъ и на турецкаго султана. Были они и подъ Азовомъ, и часть ихъ жила по Дону и мѣсто, занятое ими, носило названіе Черкасскаго юрта. Къ нимъ и рѣшили на кругу въ Раздорахъ идти ставить новый городокъ вмѣсто сожженнаго турками Монастырскаго городка.

24 апрѣля 1644 года на многихъ лодкахъ, внизъ по Дону, пошло все войско Донское. Казаки подошли къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Черкас-

скій городокъ запорожцевъ, также сожженный турками, и дѣятельно принялись за работу. Земляной валъ и деревянный заборъ окружили городъ,—поставили на валу пушки, а внутри разбили мѣсто подъ станицы. Шесть станицъ образовало новый городокъ, получившій названіе Черкасскаго:—двѣ было *Черкасскихъ*, запорожскихъ станицы, потомъ четыре донскихъ: *Средняя, Павловская*, названная въ честь атамана Павла Θедорова, *Прибылянская* и *Дурновская*. Потомъ стали прибывать къ Черкасску и еще люди, мѣста стало мало на острову, стали ставить новыя станицы. За протокою прибылые люди поставили новую *Прибылянскую* станицу, потомъ поставили *Скородумовскую*, *Тютеревскую* станицы, за ними стало три *Рыковскихъ* станицы, да еще татары, покорившіеся казакамъ, образовали татарскую, или *Базовую* станицу.

Такъ возникъ на пожарищѣ стараго запорожскаго Черкасскаго городка—новый донской Черкасскій городокъ. Туда перешло изъ Раздоръ войско Донское, тамъ сталъ собираться главный войсковой кругъ и тамъ поселился и атаманъ. Сто шестьдесятъ одинъ годъ, до самаго основанія Новочеркасска,—Черкасскій городокъ былъ главнымъ городомъ всего войска Донского.

Туда было прислано царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ новое знамя на мѣсто сгорѣвшаго, и туда же въ часовни поставили и подаренныя Московскимъ царемъ иконы.

30 апрѣля 1644 года, въ сопровожденіи большой охраны, «съ великимъ береженьемъ» перевезли казаки изъ Раздоръ въ Черкасскъ царскихъ пословъ Илью Милославскаго, дьяка Леонтія Лаврентьева и турецкаго посланника. Они прожили въ Черкасскѣ до 11 іюня, а 11-го іюня въ сопровожденіи атамана Осипа Петрова со станицею на судахъ отправлены въ Воронежъ.

По стѣнамъ Черкасска стали пушки, частью присланныя отъ Московскаго царя, частью взятыя въ Азовѣ. Для храненія пороха были устроены пороховые погреба.

Въ Черкасскѣ казаки рѣшали и свои походы. Сильнѣе становились турки и татары. Маленькими партіями казаки не могли одолѣть ихъ. Въ походъ должны были собираться уже не десятки удальцовъ, а сотни. И вотъ, каждую весну къ Черкасску стали съѣзжаться казаки всѣмъ товариществомъ. Здѣсь, въ степи, у береговъ широко разливавшагося Дона, располагались они громаднымъ станомъ и отсюда начинали они и свои походы. Услышатъ казаки о движеніи татаръ, о нашествіи ихъ на ихъ землю—и вотъ, избранный ими войсковой или походный атаманъ собираетъ сотни и ведетъ ихъ на встрѣчу врагу. А иногда станица смѣльчаковъ, человѣкъ 50 или 100, неслась на югъ, на лодкахъ къ Крыму

или на коняхъ на Кубань. Они врывались въ татарскія земли, и въ то время, какъ главное войско татарское шло на Русь, они нападали на улусы татарскіе и уничтожали ихъ, беря добычу. И гнали, возвращаясь съ такого набѣга, казаки табуны коней, везли добычу. Радостно, съ ружейной пальбою входили они въ Черкасскъ, ихъ привѣтствовали громомъ выстрѣловъ черкасскія пушки и гуляли молодцы во всю послѣ кроваваго набѣга. Тутъ играли въ кости или зернь, тамъ мѣнялись товарами, тамъ пили и гуляли, пропивая нерѣдко все до послѣдняго платья. Только оружіе было священно у донца. И оттого на печати войсковой изображенъ былъ обнаженный казакъ съ ружьемъ верхомъ на бочкѣ.

Не было тогда ни телеграфа, ни почты, ни газетъ, но казаки знали все, что происходитъ въ степи. знали все, что дѣлается и на Руси. Шумною и веселою, боевою жизнью жилъ тогда Черкасскъ.

Старый донецъ въ одеждѣ временъ борьбы за Азовъ.

17. Жизнь и обычаи донскихъ казаковъ во время борьбы за Азовъ.

Въ это время смѣлыхъ походовъ подъ Азовъ на Дону никто не занимался хлѣбопашествомъ и степь лежала цѣлинная, не распаханная. Народа было еще не много. Все войско насчитывало около десяти тысячъ человѣкъ. Жили охотою, рыбною ловлею; старики занимались пчеловодствомъ. Были у казаковъ лошади, волы и другой рогатый скотъ. Хлѣбъ и всякій товаръ получали въ *жалованье* отъ государей Московскихъ или покупали на московской границѣ у купцовъ. Не мало вещей получали и изъ добычи, за которой нѣтъ-нѣтъ да и пускались казаки.

На походахъ казаки жили весьма дружно, отличаясь товариществомъ. Но у себя, на Дону, каждое общество казаковъ желало имѣть для себя свои земли для охоты и рыбной ловли. И за границу своихъ угодій уже не пускали сосѣдей. Такая земля, занятая для охоты и пастьбы скота обществомъ казаковъ, называлась станичнымъ *юртомъ*. На Задонской сторонѣ, по которой бродили ногайскіе татары, границу проводили отъ берега на такомъ разстояніи, на какое хватало тогдашнее ружье, то-есть шаговъ на четыреста.

Въ юрту селились казаки одного общества, избиравшіе себѣ атамана. Обыкновенно человѣкъ 80—100 селилось вмѣстѣ, ставило свой *станъ*,—отсюда и пошло наименованіе поселеній казачьихъ—*станицами*; въ станицѣ дома окружали плетневою и земляною огорожею, откуда и пошло названіе поселеній казачьихъ *городками*. Въ каждомъ городкѣ былъ одинъ общій домъ, называвшійся становою или *станичною избою*. Многіе бездомовные казаки зимовали въ ней, имѣя человѣкъ на десять общій запасъ, одинъ котелъ и одну суму. Отсюда и продолжилось древнее названіе *односумовъ*. На охотѣ и на ловлѣ каждый казакъ оставлялъ себѣ добычи только на одинъ обѣдъ. Остальное заготовлялось и складывалось въ суму для всѣхъ односумовъ. Въ свободное время казаки собирались въ станичной избѣ. Приходили сюда и женатые, оставляя своихъ женъ по домамъ. Старики вязали сѣти, вентери, тенета, дѣлали разсохи. Играли пѣсни, иногда тутъ же ихъ и складывая про удалыхъ атамановъ. Пѣсни эти запоминались молодежью. Такъ дошли онѣ и до насъ. Велись тутъ безконечные разговоры о битвахъ, о ловлѣ дикихъ звѣрей, птицъ и рыбы, и молодые учились у опытныхъ охотниковъ этому дѣлу. Говорили о томъ, кто намѣренъ что дѣлать завтра и что послѣзавтра. И если кто-нибудь на охотѣ замѣтилъ стадо сайгаковъ, или выводокъ дикихъ гусей или дрофъ,—не скрывалъ этого, а приглашалъ товарищей, чтобы на завтра вмѣстѣ сообща бить.

Въ это время по станицамъ уже много было женатыхъ казаковъ. Вѣнчались, по большей части, безъ священника. Достать его было трудно. Да и церкви тогда только начинали на Дону строить. Обрядъ оглашенія о томъ, что казакъ женится, мало чѣмъ измѣнился отъ прежняго. Доставши дѣвушку, нареченный женихъ съ невѣстою приходили на сборъ въ станичную избу. Передъ образами молились Богу, кланялись на четыре стороны, и женихъ, кланяясь невѣстѣ, говорилъ:

— Ты, скить *), Настасья, будь мнѣ жена!

Невѣста кланялась жениху въ ноги и говорила:

— А ты, скить, Гаврила, будь мнѣ мужъ!

Послѣ этого женихъ цѣловался съ невѣстой и всѣ ихъ поздравляли.

Если въ семьѣ жили не ладно, то мужъ выводилъ жену опять на сборъ и говорилъ:

— Вотъ, скить, честна́я станица, она мнѣ не жена, а я ей не мужъ!

Отказанную кто-либо прикрывалъ полою и бралъ себѣ тутъ же въ жены. Если въ станицу пріѣзжалъ священникъ, то тѣ, кто не былъ обвѣнчанъ, вѣнчались уже по церковному.

*) *Скить*—отъ русскаго сказать. Его употребляли казаки, какъ приговорку, подобно тому, какъ теперь многіе казаки начинаютъ свою рѣчь словомъ *такъ-что*.

Первое время при царѣ Иванѣ IV, во времена Ермака Тимофеевича, охотниковъ жениться было мало. Объ этомъ и въ пѣснѣ казачьей поется:

Какъ со славной, со восточной со сторонушки
Протекала быстрая рѣчушка, славный тихій Донъ;
Онъ прорылъ, прокопалъ, младецъ, горы крутыя,
А по правую по сторонушку—лѣса темные,
Какъ да по лѣвую сторонушку—луга зеленые.
По Дону-то все живутъ, братцы, люди вольные,
Люди вольные живутъ, братцы, Донскіе казаки,
Донскіе казаки живутъ, братцы, все охотнички.
Собирались казаки-други во единый кругъ,
Они стали межъ собою, да все дуванъ дѣлить.
Какъ на первый-то пай они клали пятьсотъ рублей,
На другой-то пай они клали всею тысячу,
А на третій становили красную дѣвицу.
Доставалась красная дѣвица доброму молодцу.
Какъ растужится, расплачется добрый молодецъ:
— Голова ль ты, моя головушка, несчастливая!
Ко бою ли, ко батальицѣ ты на первая,
На паю-то, на дуванѣ ты послѣдняя.
Какъ возговоритъ красная дѣвица доброму молодцу:
— Ахъ, не плачь ты, не тужи, удалъ, добрый молодецъ:
Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ пятьсотъ рублей,
А другой коверъ я сотку тебѣ во всю тысячу,
А третій я сотку коверъ, что и смѣты нѣтъ.

Но потомъ холостая жизнь стала скучною многимъ, и казаки начали охотно жениться. Женъ брали или по добровольному согласію въ пограничныхъ русскихъ деревняхъ, или у казаковъ же въ сосѣднихъ юртахъ, или уводили у турокъ, у татаръ или черкесовъ. Но въ нѣкоторыхъ станицахъ не женились до самаго Азовскаго сидѣнія. Въ Верхне-Курмоярской, напримѣръ, станицѣ помнятъ, кто была вторая женщина. Это была Чебачиха. Перваго младенца, родившагося въ этой станицѣ, нянчили всею станицею, а первый зубокъ у него всѣ съ особеннымъ восторгомъ и радостью смотрѣли. Горда была имъ молодая мать! Какъ же! Растетъ молодой казакъ, первый не пришлый, а настоящій гражданинъ станицы!

Въ свободное время, зимними вечерами, играли казаки въ станичной избѣ въ шахматы, а лѣтомъ играли на дворѣ воловьими, овечьими и свиными шашками въ *айданчики*. Этимъ занимались не только дѣти, но и взрослые казаки, упражняя мѣткость глаза. Дѣти до 15 лѣтъ,

кромѣ этой игры, обыкновенно ничего не дѣлали. По домамъ казаки водки не пили. А пили или на общій счетъ въ станичной избѣ, или на собственный—въ кабакѣ. Собирались компаніями—*«съ носка по алтынцу»* пропить, а за кѣмъ жена придетъ звать изъ кабака домой, съ того брали водки на два алтына.

Торжественныя гульбы бывали по большимъ праздникамъ. Въ каждой станицѣ были свои для этого дни. Въ Верхне-Курмоярской станицѣ, напримѣръ, общая гульба бывала на Троицынъ день и на масляницу. Сосѣднія станицы при своихъ атаманахъ и старикахъ со знаменами съѣзжались верхомъ на рубежъ съ общественною водкою. На рубежѣ устраивали упражненія въ джигитовкѣ, стрѣльбѣ изъ ружья и лука, примѣрные бои, что называлось тогда *шермиціями*, и дрались на кулачкахъ. Часто до смерти. Въ четвергъ на масляницѣ всѣ собирались на сборъ, и станичный атаманъ отдавалъ приказъ о томъ, чтобы во время гулянья не было безчинствъ. Затѣмъ станица раздѣлялась на нѣсколько компаній. Каждая компанія выбирала себѣ *ватажнаго атамана*, двухъ судей и квартермистра. Во всякую компанію выдавали знамена и хоругви. Гулянье шло по домамъ и улицамъ до воскресенья; ходили пѣшкомъ и на коняхъ при оружіи. При встрѣчахъ компаній салютовали и устраивали примѣрные бои, кидаясь другъ на друга въ дротики. Въ воскресенье вечеромъ выносили на станичную площадь столы и скамейки, устанавливали ихъ въ кругъ и ставили напитки и закуску. Со всѣхъ сторонъ, имѣя впереди ватажныхъ атамановъ, сходились и съѣзжались компаніи. Приходилъ атаманъ при насѣкѣ и старики ставили знамена кругомъ. Ватажные атаманы садились подлѣ станичнаго атамана, затѣмъ есаулы и старики. Пили за здоровье Царя и Великаго Князя Московскаго, потомъ за войсковаго Атамана, всего великаго войска Донского и честной станицы. Каждая здравица сопровождалась ружейной пальбой. Всѣ жители станицы, и женщины, и дѣти, сбѣгались на площадь. Окончивши питье за здравіе, всѣ вставали и всѣмъ народомъ молились на востокъ и прощались другъ съ другомъ, цѣлуясь:

— Прости, Христа ради,—говорили при этомъ,—въ чемъ согрѣшилъ.

— Богъ проститъ,—отвѣчали.

Затѣмъ знамена относили въ атаманскій домъ для сдачи, а народъ расходился по домамъ.

Лавокъ и торговыхъ людей тогда по станицамъ не было. *Воровства другъ у друга никогда не бывало.* Оставленныя гдѣ-либо вещи никто не трогалъ. Потерянныя вещи нашедшій приносилъ на сборъ и тамъ отыскивали потерявшаго.

Когда казакъ старился и чувствовалъ близость смерти, онъ, какъ

и раньше, очень часто отправлялся въ монастырь. Долгое время такимъ прибѣжищемъ для казаковъ былъ *Борщевскій монастырь*, построенный въ 1613 году, на правомъ берегу Дона, въ нынѣшнемъ Коротоякскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи. Монастырь этотъ служилъ перепутьемъ казакамъ, ѣздившимъ по разнымъ дѣламъ въ Москву, и казаки его хорошо знали.

На Дону первыя православныя церкви были въ Азовѣ, гдѣ онѣ были поставлены еще греками, въ тѣ времена, когда по Дону были ихъ города. Казаки при занятіи Азова только возобновляли ихъ.

Самими же казаками первыя церкви начали строиться уже послѣ Азовскаго сидѣнія. Въ 1650 году казаки построили въ городѣ Черкасскѣ, вмѣсто часовни, деревянный соборъ во имя Воскресенія Христова, съ четырьмя придѣлами. Въ 1652 году былъ основанъ Усть-Медвѣдицкій монастырь. Ко времени царствованія Петра Великаго на Дону было: 1 соборъ, 2 монастырскія церкви, 11 церквей въ станицахъ и 3 часовни.

Изстари казаки исповѣдывали православную вѣру, были очень набожны и, хотя церквей не было, посты соблюдали очень строго. Безъ молитвы, горячей и усердной, казаки не принимались ни за какое дѣло.

Одѣвались казаки или въ своей работы зипуны, или въ одежду турецкую и татарскую, взятую въ добычу. Большею частью носили дома и на походѣ одежду домодѣльную, а въ праздники наряжались въ богатые азіатскіе или польскіе уборы, взятые въ походахъ. Сукна получали изъ Россіи въ царское жалованье. Потомъ и сами казачки научились ткать изъ овечьей шерсти тонкія сукна.

Вотъ, для примѣра, что имѣлъ простой казакъ въ 1630 году. Списокъ вещей взятъ у казака Павла Рябинина, бывшаго въ зимовой станицѣ въ Москвѣ. Въ сундукѣ у него при обыскѣ нашли: пищаль—то-есть ружье—съ ремнемъ, голубой плащъ (епанча), сѣрый зипунъ, бѣлый зипунъ, полосатый поясъ, бурку (епанча полстяная), попону черкесскую, войлокъ изъ коровьей шерсти, подушку, шляпу, 2 рубахи, 9 портовъ, сермяжныя перчатки, старые красные штаны, кожаные сапоги и пучокъ ремней. У атамана зимовой станицы имущества было гораздо больше. У него нашли серебряныя: чашу, чарку, ковшикъ, винную чарку, мѣдный позолоченный ящичекъ и въ немъ жемчужное ожерелье, золотыя серьги съ жемчугами «низано по-казацки», золотые перстни съ камнями, золотой кафтанъ съ серебряными пуговицами, нѣсколько атласныхъ и шелковыхъ кафтановъ, теплую шубу на куньемъ мѣху, нѣсколько образовъ и печатныхъ книгъ: евангеліе, часословъ, требникъ, четьи-минеи и апостолъ. Книги и церковныя ризы атаманъ принасалъ для войска.

Шапки носили изъ курпея съ суконнымъ шлыкомъ. Обувь была разная—были лапти, поршни и сапоги.

Женщины одѣвались по-азіатски. Обычный женскій сарафанъ, или *кубелекъ* былъ суконный и не очень длинный. Красили сукно въ пестрые цвѣта. Шубы носили длинныя, азіатскаго покроя. Пояса изъ матерій, а кто побогаче, то изъ серебра. На рукахъ носили браслеты, называвшіеся *белезеками*, или обручиками. Дѣвушки носили на головѣ перевязки съ мѣдными вызолоченными гвоздиками и золотою бахромой кругомъ; волосы заплетали въ косы, и въ косы вплетали яркія ленты и мохры. Замужнія женщины носили кички съ высокими рогами. Противъ лба надѣвался вышитый кругъ и отъ лба до ушей были подвѣски. Сзади былъ подзатыльникъ, весь убранный золотомъ, серебромъ и бисерными нитками. На вискахъ были такія же нитки, называемыя *чикилеками*. На шеѣ носили ожерельники изъ монетъ и монисты. На ногахъ были красные сапожки съ желѣзными подковками въ вершокъ, подъ каблукомъ

Донская казачка. Жена старшины въ праздничномъ платьѣ.

Украшеніе изъ жемчуга на поясъ (низано „по-казацки").

18. Какъ управлялось войско во времена Азовскихъ походовъ.

Всѣми дѣлами въ станицѣ или городкѣ вѣдалъ выборный на годъ *станичный атаманъ*. Важные же вопросы рѣшались на кругу, въ общемъ сборѣ, на площади, а зимою—въ станичной избѣ. Казаки неохотно шли въ атаманы. Обыкновенно избранный долго отпрашивался и откланивался передъ кругомъ, иногда даже въ землю кланялся, чтобы его «ослобонили» отъ этой чести.

Въ каждой станицѣ былъ свой день для выбора атамана.

Въ Верхне-Курмоярской станицѣ, напримѣръ, выборы бывали въ Богоявленіе, въ Есауловской—въ четвергъ на масляницѣ, и т. д. Въ день выборовъ, послѣ утрени, вся станица скликалась въ станичную избу. Атаманъ вставалъ, молился передъ иконами, кланялся на всѣ стороны и говорилъ:

— Простите, атаманы молодцы, въ чемъ кому согрѣшилъ!

Станица отвѣчала:

— Благодаримъ, Зиновій Михайловичъ, что потрудился.

Атаманъ клалъ шапку на столъ, поверхъ ея клалъ *насѣку*. Насѣка въ старыя времена приготовлялась такъ: на терновомъ стволѣ, еще на корнѣ дѣлали ножомъ насѣчки. Насѣчки, во время роста, заплывали кожицей и образовывали наплывы, получалась пестрая палка. Палку украшали серебряною булавою. Названіе насѣка получала, именно, отъ этихъ насѣчекъ.

Сѣвши на мѣсто, атаманъ приказывалъ есаулу доложить:

— Кому, честная станица, прикажете насѣку взять?

Въ станичной избѣ поднимался шумъ. Каждый кричалъ своего выборнаго.

— Сохрону Самойловичу! Сохрону Самойловичу!—наконецъ согласятся всѣ.

Тогда еще и еще разъ—обыкновенно до трехъ разъ, а если голоса раздѣлятся, то и больше докладывалъ есаулъ.

Наконецъ согласятся на Софронѣ Самойловичѣ.

Софронъ Самойловичъ, старикъ, наиболѣе уважаемый и почитаемый въ станицѣ, принималъ насѣку и становился на мѣсто атамана. По его приказу есаулъ опять докладывалъ:

— Вотъ, честная станица Курмоярская! Старый атаманъ свой годъ отходилъ, а вамъ безъ атамана быть нельзя, такъ на кого, честная станица, покажете?

Тутъ уже поднимался невообразимый шумъ. Каждый кричалъ своего выборнаго.

— Макѣя, Макѣя, Макѣя Яковлевича!—кричатъ одни.

— Якова, Якова Матвѣевича!—вопятъ другіе, третьи еще когонибудь. Нужно было имѣть есаулу очень хорошее ухо, чтобы уловить за кого больше голосовъ подаютъ. Есаулъ докладываетъ это имя старику, старикъ спрашиваетъ еще разъ:—Такъ на Якова Матвѣевича порѣшили?

Опять крики. Но уже ясно становится, что большинство за него. Старикъ спрашиваетъ и въ третій разъ и потомъ вручаетъ Якову Матвѣевичу насѣку. Яковъ Матвѣевичъ перекрестившись принимаетъ насѣку. Старики, въ знакъ поздравленія, накрываютъ его шапками и онъ садится къ старому атаману на главное мѣсто. Къ атаману въ *подписные старики*, то-есть въ судьи, выбирали еще десять лучшихъ людей въ станицѣ.

На нихъ обязанности было, въ случаѣ опасности отъ непріятеля, бѣжать по полямъ со знаменами, скликая народъ въ станицу въ осаду, мирить ссорящихся, по общимъ дѣламъ брать штрафы на выпивку, знать очередь въ нарядахъ на службу, объявлять кругу о преступленіяхъ и ждать отъ него приговора.

Судъ творился на кругу или на *сборѣ*. Сборъ происходилъ по *закличкѣ* въ станичной избѣ. Закличка дѣлалась такъ: по улицамъ ходилъ есаулъ и рѣзкимъ протяжнымъ, *станичнымъ*, *есаульскимъ* голосомъ кричалъ: атаманы молодцы, вся честная станица Курмоярская! Сходитеся на бесѣду, ради станичнаго дѣла! А кто не придетъ, на томъ станичный приговоръ—осьмуха!

Когда казаки соберутся, къ нимъ выходилъ атаманъ съ есауломъ и атаманъ приказывалъ жалобщику доложить его дѣло.

Проситель выходилъ на середину, кланялся на всѣ стороны и разсказывалъ, о чемъ онъ проситъ. Старики-судьи слушали внимательно. Но на сборѣ казаки обыкновенно разговаривали о своихъ дѣлахъ, такъ что часто и не слышали, о чемъ идетъ рѣчь. Атаманъ, выслушавши жалобщика, говорилъ есаулу:

— Есаулъ, доложи!

Есаулъ кричалъ *станичнымъ* голосомъ:

— Атаманы молодцы, вся честная станица Курмоярская! Помолчите!

Но казаки не сразу умолкали. Есаулъ билъ тростью о полъ и опять кричалъ:

— Помолчите-ста, атаманы молодцы, помолчите-ста!

Говоръ и крикъ переходитъ въ шопотъ. Тогда вставалъ уже самъ атаманъ и говорилъ:

— Помолчите, атаманы молодцы!

Наконецъ наступала тишина полная, и атаманъ говорилъ:

— Вотъ Аксенъ Пахомовичъ проситъ о томъ-то. Что скажете? Дать или не дать?

И казаки отвѣчали: или «не дать? За что?», или «въ добрый часъ!».

Потомъ вызывали обвиняемаго въ какомъ-либо проступкѣ. Онъ тоже кланялся казакамъ и есаулъ докладывалъ его дѣло.

— Вотъ, честная станица! —говорилъ атаманъ,—старики присудили наказать его плетьми за то-то! Какъ прикажете? Простить ли его или выстегать?

И тогда, какъ часто и теперь, казаки невнимательно слушали на сборѣ, о чемъ идетъ рѣчь.

Такъ, иной разъ сынъ, не разслышавъ о комъ и о чемъ дѣло, на вопросъ атамана:—простить его или выстегать? крикнулъ: — «въ добрый часъ!» Когда же растолковали ему, что хотятъ бить его отца, онъ тутъ уже закричалъ инымъ голосомъ:—«за что батюшку сѣчь!—не надо!»

Но если казаки находили, что какое-нибудь дѣло не стоитъ вниманія, то атаманъ о немъ и доклада сбору не дѣлалъ. Отсюда на Дону и идетъ пословица: *атаманъ не воленъ и въ докладѣ.*

Грамотныхъ или, какъ тогда говорили—*письменныхъ* людей было мало. Въ Черкасскѣ и въ нѣкоторыхъ верховыхъ станицахъ, поближе къ русскимъ монастырямъ бывали грамотные казаки. Ихъ знали за десятки верстъ и къ нимъ ѣздили по всякому письменному дѣлу. Вмѣсто росписокъ въ полученіи грамотъ выдавали деревянныя палочки съ нарубкою на нихъ, а для прочтенія выписывали грамотнаго человѣка.

Отъ всего войска въ Черкасскомъ городѣ выбирался *войсковой атаманъ.* Онъ выбирался также на одинъ годъ. Въ помощь ему назначали *старшинъ.* Если атаманъ былъ не угоденъ войску, то его могли смѣнить и избрать другого атамана. Атаманъ всегда оставался въ Черкасскѣ. Если его посылали куда-либо или онъ самъ уходилъ, на его мѣсто кругъ сейчасъ же избиралъ другого казака. Одного и того же атамана могли избрать и второй, и третій разъ.

Для рѣшенія войсковыхъ дѣлъ, касающихся всего войска, собирался *войсковой кругъ*. Для собранія круга посылали отъ войска по станицамъ грамоту.

Такъ какъ на кругу рѣшались многія дѣла по старому обычаю,—писанныхъ законовъ на Дону не было,—то нужно было, чтобы у атамана были люди знающіе эти обычаи, знающіе, *какъ раньше было*. Такими людьми были бывшіе атаманы, пріобрѣвшіе опытность во время своего атаманства. Они и оставались при атаманѣ, какъ его совѣтники, и получали названіе *старшинъ*.

Помощникомъ у войскового атамана былъ *войсковой есаулъ*. Кромѣ того былъ *войсковой дьякъ*, писавшій войсковыя грамоты и отписки, читавшій на кругу царскія грамоты, такъ какъ атаманы тогдашніе по большей части были неграмотны.

Въ походахъ казаки собирались въ *сотни*. Въ сотнѣ бывало по два сотника. Сотни дѣлились на *курени*, куреней было въ сотнѣ до десяти. Курень имѣлъ своего атамана и есаула.

Кромѣ походовъ, набѣговъ и поисковъ, у казаковъ была еще и внутренняя служба. Служба эта состояла въ охраненіи проѣзжающихъ черезъ войско московскихъ чиновниковъ, въ отвозѣ грамотъ и отписокъ отъ войска въ Москву и привозѣ изъ Москвы царскихъ грамотъ и жалованья. Люди, посылаемые въ Москву за жалованьемъ, назывались *зимовою станицею*. Зимовыми они назывались потому, что отправлялись въ Москву зимою, оставались въ Москвѣ три мѣсяца, и весною, по первой полой водѣ, возвращались обратно на Донъ. Въ зимовую станицу назначалось отъ 4 и до 100 человѣкъ. Начальникомъ зимовой станицы былъ назначенный за старшаго *атаманъ* и въ помощь ему, если станица была большая, назначался и *есаулъ*. Съ жалованьемъ, хлѣбомъ, порохомъ и иными припасами зимовая станица шла рѣкою Дономъ на *бударахъ* (баркахъ). Каждая станица на рубежѣ своего юрта встрѣчала зимовую станицу ружейною и пушечною пальбою. Въ Москвѣ зимовая станица пользовалась почетомъ. Всѣ казаки являлись къ самому царю и приглашались на обѣдъ къ царскому столу. При пріѣздѣ и при отъѣздѣ казаки получали отъ царя подарки: камки, тафту и хорошее сукно. Станица въ Москвѣ жила за царскій счетъ.

Проѣздъ въ Москву и обратно далеко не былъ безопасенъ для казаковъ. Рѣдкая станица проходила благополучно черезъ степь. На казаковъ нападали татары, и имъ приходилось отбиваться отъ нихъ. Путь на Москву станицы былъ подобенъ движенію разъѣзда въ непріятельской странѣ. Зоркими, чуткими и внимательными должны были быть казаки, опасаясь на каждомъ ночлегѣ ночного нападенія, въ каждомъ оврагѣ или лѣсу засады.

Но эта-то жизнь, сопряженная съ вѣчною опасностью, вѣчною близостью къ смерти, и создала изъ казаковъ людей спокойныхъ передъ опасностью, рѣшительныхъ въ бою, чуткихъ и сторожкихъ на походѣ. Вся ихъ жизнь была вѣчнымъ воинскимъ упражненіемъ. Мальчикомъ казакъ игралъ въ айданчики на станичной улицѣ, наметывая себѣ глаза, или прыгая и бѣгая гонялъ кубарь. Едва хватало у него силы, онъ уже бралъ пищаль и шелъ стрѣлять чуткихъ дрофъ, или скакалъ по степи, загоняя сорвавшійся въ мятель табунъ. Онъ ползалъ на животѣ, подкрадываясь къ звѣрю, онъ переплывалъ Донъ, спасаясь отъ татаръ, онъ зналъ, что промахъ изъ ружья для него—часто смерть или плѣнъ. Онъ дѣлалъ самъ все то, чему теперь мы учимъ казака на случай войны, и учителемъ его была жестокая смертельная опасность, а это учитель суровый!...

И оттого, въ послѣдующихъ боевыхъ дѣлахъ, которыя казаки имѣли уже на ряду съ русскими войсками, они выдѣлялись своимъ искусствомъ въ военномъ ремеслѣ, заслуживали себѣ большія награды, славу великую, ставились въ примѣръ всему свѣту!

Донской войсковой атаманъ въ парадномъ кафтанѣ

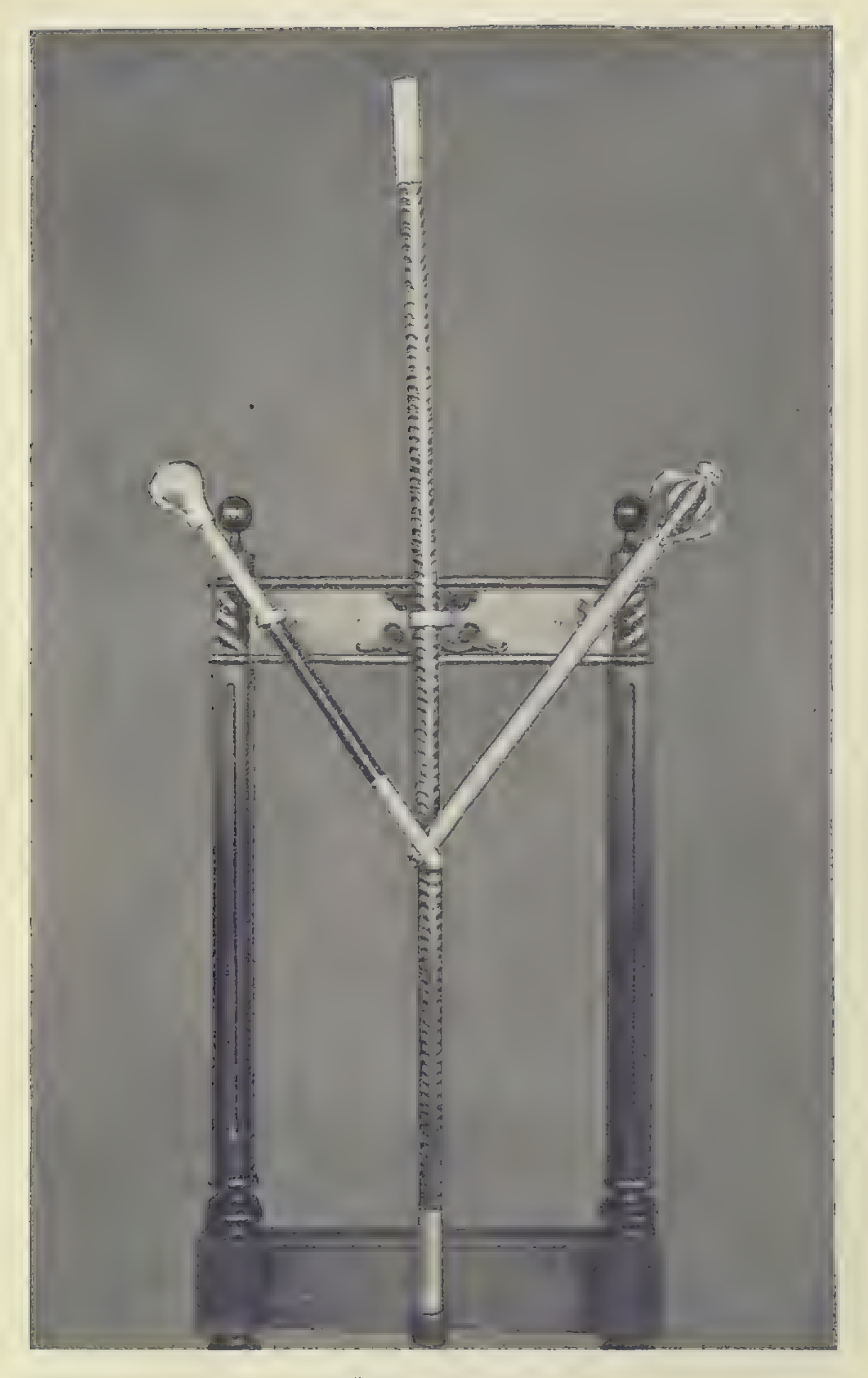

Старый соборъ въ станицѣ Старочеркасской, возобновленъ послѣ пожара въ царствованіе Елисаветы Петровны.

19. Пожалованіе войску Донскому перваго царскаго знамени въ 1645 году.

Въ 1645 году на престолъ Московскихъ государей вступилъ сынъ Михаила Өеодоровича, царь Алексѣй Михайловичъ. Онъ принялъ государство отъ отца успокоеннымъ. Войско было приведено въ порядокъ и хорошо вооружено. Много иностранныхъ людей было призвано при немъ на службу на Русь для обученія солдатъ; мало того, строился военный корабль на Волгѣ для того, чтобы можно было на немъ ходить въ Каспійское море къ Персіи. Царь понималъ значеніе моря и очень желалъ, чтобы русскіе имѣли при морѣ хотя бы одинъ городъ. Ради такого города, какъ Азовъ, онъ не прочь былъ начать войну и съ Турціей. Чувствовалъ достаточно силы для этого. Не боялся войны.

Иныя грамоты стали получаться на Дону. Царь не только не запрещалъ ходить подъ Азовъ, но онъ предлагалъ казакамъ подробно о немъ развѣдывать и, если возможно, взять башни, стоявшія у р. Каланчи. Царь прислалъ еще и русское войско для того, чтобы вмѣстѣ съ казаками воевать противъ крымцевъ. Но Азовъ уже былъ не тотъ. Вене-

ВОЙСКОВЫЯ РЕГАЛІИ

Справа: Перначъ, пожалованный Императоромъ Петромъ I въ 1706 г. Насѣка, пожалованная Императоромъ Петромъ I въ 1704 г. Булава, пожалованная Императрицею Екатериною II въ 1776 г.

ціанскіе, итальянскіе и нѣмецкіе мастера воздвигли въ устьяхъ Дона такую крѣпость, которую казакамъ уже и думать нечего было взять.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1645 года крымцы сдѣлали набѣгъ на Черкасскъ, но казаки ихъ отбили. Атаманъ, вмѣстѣ съ находившимся въ Черкасскѣ царскимъ воеводою княземъ Семеномъ Пожарскимъ, 5 августа тайно перешелъ черезъ Донъ, настигъ отходившихъ къ Крыму татаръ, разбилъ ихъ, взялъ большую добычу и сталъ отходить къ Черкасску. Татары собрали свою конницу и большими силами преслѣдовали казаковъ. Казаки отбили всѣ атаки, благополучно вернулись въ Черкасскъ, прогнали татаръ, а мелкія развѣдочныя партіи казачьи взяли у татаръ въ плѣнъ пять человѣкъ.

Въ этомъ бою шестьсотъ человѣкъ вольныхъ охотниковъ изъ мужиковъ и нѣсколько стрѣльцовъ, не выдержавши татарской атаки, бѣжали съ поля сраженія.

Донесенія объ этихъ дѣлахъ повезъ въ Москву атаманъ Васильевъ. Царь щедро наградилъ его и отправилъ 25 сентября 1645 года похвальную грамоту войску Донскому и *знамя*.

«За мужество и храбрость бившихся честно, жалуемъ и милостиво похваляемъ,—писалъ государь казакамъ,—и посылаемъ вамъ, нашему Донскому войску, атаманамъ и казакамъ, Нашего Царскаго Величества *знамя*, да впредь на нашу царскую милость будьте надежны. Тѣхъ же вольныхъ людей и шацкихъ стрѣльцовъ, всего 600 человѣкъ, которые на отходѣ разбрелись, и струги у васъ вверхъ по Дону порастаскали и порубили, велѣли мы бить кнутомъ, чтобы такое воровство другимъ было не въ повадку. Крымцевъ и Ногаевъ, воевать, а съ турскими людьми подъ Азовомъ, жить мирно повелѣваемъ!»

Знамя было малиноваго цвѣта съ зеленою каймою, вверху знамя было длиною $2^1/_4$ аршина, а внизу $4^1/_4$ аршина и шириною $3^1/_4$ аршина. На знамени былъ вышитъ гербъ Русскаго государства—большой черный орелъ съ гербомъ Московскаго княжества — Георгіемъ Побѣдоносцемъ по серединѣ. На знамени была сдѣлана надпись:

«Повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всея Руси Самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя послано сіе знамя на Донъ, Донскимъ атаманамъ и казакамъ, лѣта 7154 августа».

Это было уже не первое знамя, пожалованное государемъ Московскимъ донскимъ казакамъ. Знамя есть воинская святыня, подъ которою собираются вѣрные долгу воины и съ которою они идутъ въ бой со врагомъ. Знамя должно напоминать воину, что онъ присягалъ служить честно и вѣрно своему государю.

И раньше у казаковъ были знамена. На знаменахъ казачьихъ изо-

бражены были иконы. Такъ, на дошедшемъ до насъ знамени донского атамана Ермака Тимофеевича, изображена икона Св. Димитрія: были знамена съ изображеніемъ Спасителя и Божіей Матери; это были знамена казачьи—*казачьей вольницы*. Вновь пожалованное знамя Донское имѣло по серединѣ *русскій гербъ*. Подъ нимъ должно было собираться съ этого времени войско Донское и ему присягать. Побѣднымъ кличемъ донцовъ становилось уже не «съ нами Богъ! за вѣру православную, за царя», но «съ нами Богъ! за вѣру православную, за царя и за Русь!». Этимъ знаменемъ съ русскимъ гербомъ какъ бы само войско Донское приводилось *къ присягѣ на вѣрность Россіи и ея законамъ*.

Русскому царю войско Донское было вѣрно всегда. За него и ради него оно воевало въ Сибири, ради его царской пользы дралось съ турками и татарами, за царя Димитрія казаки сражались даже противъ русскаго народа, за царя брали Азовъ и Его Царскому Величеству подносили ключи его!

Знаменемъ съ русскимъ гербомъ царь какъ бы приглашалъ донскихъ казаковъ начать служить не только ему лично, какъ служили его отцу и дѣдамъ, но служить и Россіи, и русскому народу. Быть заодно съ нею. Повиноваться русскимъ законамъ. И донцы поняли это. Они поняли, что кончилось время ихъ вольности, что теперь они—нераздѣльная, неотъемлемая часть Московскаго государства, его Донское войско. Съ этихъ поръ сотни казачьи участвуютъ на ряду съ русскими полками. Уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича казаки воевали съ поляками *въ составѣ русскихъ войскъ*. И раньше они воевали вмѣстѣ съ русскими войсками. Съ полками князя Курбскаго сражались донцы подъ стѣнами города Казани, побивая царевича Япанчу, но тамъ они воевали *какъ союзники, по своей охотѣ*. Хотѣли—воевали, а не хотѣли—и ушли. Они не были обязаны, они шли на бой не по приказу, а по своей вольной волюшкѣ. Съ этого времени на Донъ уже посылается отъ царя наказъ: послать столько-то казаковъ, такому-то воеводѣ, воевать съ такимъ-то противъ поляковъ, идти на турокъ или на татаръ. Вольность казачья кончилась. Войско Донское становилось не самостоятельною, никому не подвластною, *почитающею* русскаго царя вольницею, но частью Русскаго государства, подчиненною царю.

И поняли это казаки. Поняли, что имъ противъ царя и родины ихъ Россіи—не быть.

Поняли, но не всѣ!

Еще долго, въ продолженіе цѣлыхъ ста лѣтъ, нѣтъ-нѣтъ, да появлялись на Дону казаки-гулебщики, которые шли на разбой, на убійство, ради добычи, ради не войсковой, не общественной, но *личной славы*. И первымъ такимъ былъ на Дону Степанъ Тимофеевичъ Разинъ.

———

Украшеніе изъ жемчуга на поясъ.

20. Разинъ.

У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу
Народился удалой, добрый молодецъ
По имени Степанъ Разинъ Тимофѣевичъ.
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думы не думывалъ,
Ходилъ, гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпкую думушку съ голутвою:
Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли,
Возьмемъ мы, братцы, казны, сколько надобно,
Поѣдемте, братцы, въ каменну Москву,
Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
Покупивши цвѣтно платье, да на низъ поплывемъ.

Въ 1667 году по Дону, на площадяхъ и улицахъ, въ самомъ Черкасскомъ городкѣ раздался давно забытый кличъ: «На Волгу-матушку рыбку ловить, на Черное море за ясырьми, на Хвалынское за добычью! Атаманы-молодцы, послушайте!»

То кричалъ статный и видный казакъ съ русою окладистою бородою и длинными вьющимися вокругъ лба кудрями—Черкасской станицы казакъ Степанъ Разинъ. Его знала вся голь кабацкая. Всѣ бездомовные, голутвенные казаки знали и любили его. Съ ними проводилъ онъ все время, мечтая быть на Дону атаманомъ. Да не вышло. Степенные, домовитые казаки на сборѣ одержали верхъ и въ атаманы попалъ храбрый, разумный, благоправный казакъ Корнилій Яковлевъ.

И тогда въ отчаянной головѣ Разина зародилась смѣлая мысль: добыть атаманство славою, добыть атаманство силою. Стать, какъ

Ермакъ, княземъ. Царить и властвовать надъ людьми безгранично. Онъ думалъ только о себѣ. На тѣхъ, кто шелъ къ нему, онъ смотрѣлъ какъ на рабовъ, глубоко презирая ихъ...

Если бы голытьба знала, на какую тяжелую работу, въ какое слѣпое рабское повиновеніе Разину она шла, никто бы не кинулъ о-земь рваной шапченки своей и никто не примкнулъ бы къ воровскому атаману. Но Разина знали, пока только, какъ смѣлаго и отчаяннаго человѣка, какъ человѣка, играть съ которымъ и опасно, и выгодно. У него одна ставка была голова, другая—богатая добыча, мѣшки золота.

И, несмотря на запрещеніе атамана, повалила къ смѣлому казаку голытьба черкасская и сосѣднихъ станицъ. Домовитые, степенные казаки тайно помогали имъ, выговаривая себѣ часть добычи. Силенъ еще въ народѣ былъ старый обычай и помнили старики, что̀ привозили отцы ихъ съ Волги, Каспія и Сибири.

Опять, какъ сто лѣтъ тому назадъ, появились на Волгѣ черные каюки казачьи, опять

Изъ-за острова въ туманѣ,
На просторъ рѣчной волны,
Выплываютъ острогруды
Стеньки Разина челны.

Укрѣпившись на рѣкѣ Камышенкѣ, Разинъ сталъ грозою русскихъ и персидскихъ судовъ и смѣялся надъ самими воеводами царскими!

Поднявшись вверхъ по рѣкѣ Уралу, Разинъ укрѣпился въ городкѣ Гурьевѣ и тамъ зимовалъ, готовя суда для набѣговъ на Персію.

Въ 1668 году смѣлый атаманъ *пригрянулъ* къ персидскимъ берегамъ. У Разина было около 2.000 казаковъ, великолѣпно вооруженныхъ. На 40 стругахъ, съ богатой добычею, набранною въ разграбленныхъ казаками деревняхъ близъ Дербента, Шемахи и Баку, Разинъ подошелъ къ персидскому городу *Ферабату* и здѣсь высадился. Казаки вошли въ городъ, говоря, что они купцы, привезли кавказскіе товары и хотятъ обмѣнять ихъ на персидскіе. Персы охотно покупали у казаковъ ихъ добычу, тѣмъ болѣе, что казаки продавали все по очень дешевой цѣнѣ. Шесть дней торговали такъ на базарѣ казаки. Разинъ гулялъ между ними и казаки зорко поглядывали на своего атамана. На шестой день Разинъ сталъ такъ, чтобы его было видно со всѣхъ концовъ площади, обернулся и вдругъ взялъ шапку и сдвинулъ ее на-бокъ. Это было условнымъ знакомъ для казаковъ. Казаки бросились на персовъ, убивали купцовъ и отнимали у нихъ и проданные, и ихъ собственные товары. Въ Ферабатѣ былъ дворецъ шаха, наполненный разными драго-

цѣнностями. Казаки разграбили этотъ дворецъ, взяли плѣнниковъ, и Разинъ забралъ себѣ красавицу персидскую княжну.

Съ удалыми пѣснями бросились казаки опять на море. Успѣхъ вдохновилъ атамана.

Его войско усилилось русскими плѣнниками, которыхъ онъ освободилъ въ Ферабатѣ и другихъ персидскихъ городахъ. Онъ рѣшилъ провести зиму въ теплѣ, высадился близъ Ферабата и укрѣпился на длинной косѣ, далеко уходившей въ море. Здѣсь онъ построилъ городокъ. Плѣнные персы день и ночь работали, возводя по плану Разина валы и засѣки.

Персидскій шахъ собралъ большое войско и напалъ на Разина. Казаки бились долго. Много удалыхъ казаковъ полегло въ этомъ бою. Въ концѣ концовъ Разину пришлось сѣсть на лодки и уйти дальше на косу и зимовать между моремъ и болотомъ. Голодъ и болѣзни унесли многихъ казаковъ у Разина. Хлѣба не было. Казаки рѣзали своихъ лошадей и ѣли конское мясо. На весну они снарядили струги и опять ходили въ море за добычею.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 50 *персидскихъ* судовъ съ 3.700 войска напали на легкую флотилію Разина. Произошло настоящее морское сраженіе. У персовъ были на судахъ пушки, но Разинъ атаковалъ ихъ, подъ жестокимъ огнемъ порубилъ днища персидскихъ судовъ, потопилъ большинство. Только небольшая часть персидскаго войска на трехъ судахъ спаслась къ берегамъ. Но и казаки въ этомъ страшномъ дѣлѣ потеряли около 500 человѣкъ.

Тогда Разинъ рѣшилъ со своею громадною добычею, награбленною имъ въ теченіе двухъ лѣтъ, уйти назадъ на Донъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1669 года, изнуренный тяжелымъ переходомъ по морю, со многими больными казаками, но съ богатѣйшею добычею подошелъ Разинъ къ Астрахани.

Въ Астрахани уже находился присланный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ воевода князь Прозоровскій съ большимъ войскомъ. Казаки, узнавъ объ этомъ, остановили свои суда и не входили въ Астрахань. Тогда къ Разину пошелъ на 50 стругахъ съ 3.000 стрѣльцовъ князь Львовъ и объявилъ, что казакамъ есть милостивая грамота. Казаки были измучены двухлѣтнею непрерывною войною, они мечтали объ отдыхѣ. Они приняли князя Львова и обѣщали полную покорность, но когда рѣчь зашла объ отдачѣ добычи и плѣнныхъ, то казаки ничего почти не отдали. Они выдали только недавно взятую ими баржу, груженную персидскими лошадьми, и за то получили пропускъ въ Астрахань.

Въ Астрахани въ это время стоялъ первый русскій корабль «Орелъ», построенный нарочно выписанными изъ Голландіи мастерами.

22 августа Разинъ входилъ въ Астрахань. Богато обставилъ свой входъ воровской атаманъ! Всѣ паруса на его судахъ были сдѣланы изъ дорогой шелковой матеріи и всѣ канаты были шелковые. Борты разбойничьихъ лодокъ были увѣшаны коврами и установлены золотыми и серебряными сосудами. Казаки были одѣты въ шелки и золотомъ тканныя одежды. И только голодныя, худыя, измученныя, обвѣтренныя морскою непогодою лица ихъ говорили о томъ, что не дешево досталась имъ добыча.

Яркое солнце играло зеленою волною моря; отражались въ мелкихъ волнахъ искрами золото и пестрыя ткани. Съ «Орла» и со стѣнъ Астрахани пушки привѣтствовали Разина салютомъ и на казачьихъ судахъ имъ отвѣчали казачьи пушки. Толпы народа, стрѣльцы, весь городъ высыпалъ на стѣны астраханскія, чтобы посмотрѣть, какъ входилъ донской атаманъ съ казацкою вольницею.

— Поистинѣ,—говорили астраханцы,—богатъ Стенька пріѣхалъ! На судахъ его веревки и канаты всѣ шелковые и паруса также всѣ изъ матеріи персидской шелковые учинены.

Казакамъ было запрещено ходить въ городъ, но удерживать ихъ было некому. Стрѣльцы и народъ съ увлеченіемъ слушали хвастливые разсказы казаковъ о ихъ набѣгахъ. Открытый торгъ добычею шелъ по всей Астрахани. А когда Разинъ, богато одѣтый, окруженный такими же нарядными казаками, прошелъ въ приказную палату и отдалъ бунчукъ, десять знаменъ персидскихъ и цѣлыя толпы плѣнныхъ персіянъ, народъ окончательно преклонился передъ нимъ, какъ передъ великимъ полководцемъ. Изъ имѣвшихся у Разина пушекъ, отбитыхъ имъ на персидскихъ судахъ, онъ сдалъ только пять мѣдныхъ и 16 желѣзныхъ, лучшія же 4 мѣдныя и 16 желѣзныхъ удержалъ у себя, говоря, что отдастъ ихъ тогда, когда вернется домой на Донъ. Безъ пушекъ-де ему опасно идти мимо Царицына.

Успѣхъ вскружилъ голову Разину. Онъ сталъ считать себя равнымъ Ермаку. Деньги давали возможность гулять, а въ деньгахъ недостатка не было. Самъ хмѣльной съ хмѣльными казаками, въ роскошно убранныхъ ладьяхъ, съ музыкой и пѣснями гулялъ разбойничій атаманъ по Волгѣ. Съ нимъ сидѣла на лодкѣ и персидская княжна, полюбившая всею душою дикаря-казака. И Разинъ ее любилъ. И вотъ, однажды, въ хмѣльномъ угарѣ, Разинъ взялъ ее, прекрасную, убранную въ парчевые наряды, увѣшанную золотомъ и камнями самоцвѣтными, на руки, поднялъ надъ водою и воскликнулъ: «Волга! Ты славная рѣка, ты доставила мнѣ много богатствъ, злата и сребра. Ты мать моей славы! Я ничѣмъ еще не подарилъ тебя! Но я не останусь болѣе неблагодарнымъ!»

И Разинъ бросилъ персіянку въ глубокія волны Волги рѣки.

Пьянствуя и гуляя съ нѣсколькими приближенными ему казаками, которыхъ онъ называлъ есаулами, Разинъ въ то же время жестоко наказывалъ казаковъ за малѣйшую провинность. За пьянство, за грубый отвѣтъ, за ничтожное промедленіе въ исполненіи приказанія Разинъ приказывалъ завязать руки надъ головою, насыпать за пазуху песку, наложить камней и бросать въ воду.

Наконецъ, Прозоровскому удалось выпроводить разбойниковъ изъ Астрахани. Буйною, пьяною ватагою поплыли они вверхъ по Волгѣ; въ Царицынѣ они убили стрѣлецкаго сотника, насмѣхались и издѣвались надъ дьякомъ въ палатѣ, раскрыли тюрьмы и выпустили преступниковъ.

Въ пьяномъ чаду, въ упоеніи своею славою, дошли казаки Разина до Пятіизбянской станицы и отсюда на лодкахъ спустились до Кагальника *). Шайка устроилась на островѣ и стала рыть землянки на зиму. Никто не смѣлъ остановить, образумить или въ чемъ-либо препятствовать Разину. Свою дружину онъ держалъ въ строгой дисциплинѣ, къ роднымъ въ станицы пускалъ не иначе, какъ не надолго и на поруки. Къ себѣ изъ Черкасска выписалъ свою жену и брата. Всѣхъ приходящихъ къ нему казаковъ щедро одѣлялъ одеждой, оружіемъ и деньгами.

Шли къ нему *голутвенные* казаки, шла голь кабацкая. Они называли его отцомъ своимъ. Разинъ останавливалъ хлѣбныя барки, барки съ товаромъ, высаживалъ ихъ на островѣ и приказывалъ купцамъ торговать въ его станѣ. И отъ этого еще больше народа стало въ его ватагѣ. На Кагальникъ Разинъ прибылъ съ 1.500 казаковъ; осенью уже у него было 2.000, а къ веснѣ его шайка дошла до 4.000 казаковъ.

На вопросы атамана, что онъ дѣлаетъ на Кагальникѣ, Разинъ отвѣчалъ, что имъ посланы гонцы къ царю и, если они возвратятся къ нему съ милостивою грамотою—онъ пойдетъ воевать за царя на Крымъ или на Азовъ, или «гдѣ повелѣніе великаго государя имъ будетъ, и покроетъ вину свою своему государю службой». А если милостивой грамоты не будетъ, то онъ пойдетъ къ запорожцамъ и будетъ съ ними воевать противъ поляковъ.

Но на умѣ у Разина было другое. Уже стоя въ Астрахани, несмотря на хмѣльной угаръ, онъ увидѣлъ, что народъ, живущій по Волгѣ, теменъ, что онъ ненавидитъ бояръ, жаденъ и способенъ на всякое злодѣйство,—и Разинъ задумалъ *тряхнуть Москвою* и ея боярами, отъ которыхъ ему достаточно попадало во время его первыхъ воровскихъ набѣговъ.

---

*) Кагальницкій городокъ находился тогда въ верховьяхъ Дона у р. Донца.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1670 года на Донъ. въ Черкасскъ пріѣхалъ посолъ царскій Евдокимовъ. Былъ кругъ; на кругу прочли царскую грамоту, и разошлись. На другой день въ Черкасскъ явился Разинъ со своею ватагою. Въ Черкасскѣ въ этотъ день былъ кругъ для передачи отвѣтной грамоты Евдокимову. Вдругъ, расталкивая казаковъ, окруженный вооруженными людьми, богато одѣтый явился на кругъ Разинъ. Всѣ такъ и ахнули. Давно слава о его воровскихъ подвигахъ гремѣла по Дону, но никто не ожидалъ, что онъ посмѣетъ явиться на кругъ.

— Это почему кругъ?—властнымъ голосомъ спросилъ Разинъ.

Ему объяснили, что снаряжается станица для отвоза отвѣтной царю грамоты.

— Кто привезъ грамоту?—продолжалъ допросъ Разинъ.

— Евдокимовъ.

Разинъ потребовалъ Евдокимова на кругъ.

— Кто тебя послалъ на Донъ? Государь или бояре?—спросилъ Разинъ.

— Я пріѣхалъ съ царскою грамотою.—отвѣчалъ Евдокимовъ.

— Врешь! Ты не грамоту привезъ. а пріѣхалъ лазутчикомъ. Въ воду его!

Разинскіе казаки сейчасъ же бросились на посла, убили его и бросили въ воду.

Войсковые старшины начали уговаривать Разина не буйствовать, но Разинъ прикрикнулъ на нихъ, и они замолчали. Войсковой атаманъ выступилъ было съ увѣщаніями, но Разинъ отвѣтилъ:

— Ты владѣй своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ. Въ мои дѣла не мѣшайся!

Всѣ притихли въ Черкасскѣ, и Разинъ пробылъ нѣсколько времени въ немъ важнѣе самого атамана. Сбылись его мечты. Самолюбіе его было удовлетворено. Но онъ уже не зналъ себѣ мѣры и спѣшилъ исполнить все, что хотѣлъ.

Увеличивъ свой отрядъ, Разинъ ушелъ изъ Войска и пошелъ опять на Волгу.

Какъ только онъ выступилъ изъ Черкасска, войсковой кругъ снарядилъ станицу съ атаманомъ Михаиломъ Самаренинымъ, съ отпискою царю обо всемъ случившемся и съ выраженіемъ полной покорности государю.

Между тѣмъ Разинъ подошелъ къ Царицыну и приказалъ своему есаулу Василію Усу осадить городъ, гдѣ заперся воевода Тургеневъ со стрѣльцами. Жители Царицына продержались не долго. Какъ только начался у нихъ недостатокъ въ водѣ—они отворили ворота Усу, и ка-

заки заняли городъ. Воевода Тургеневъ заперся съ нѣсколькими вѣрными стрѣльцами въ замкѣ. Казаки осадили замокъ, перебили стрѣльцовъ, а Тургенева привели на веревкѣ въ станъ Разина. Долго мучилъ его и издѣвался надъ нимъ Разинъ. Его били, кололи копьями и, наконецъ, утопили.

Занимая города по Волгѣ, буйнымъ побѣдителемъ шелъ на ладьяхъ внизъ по рѣкѣ Разинъ. Онъ шелъ—брать Астрахань. Астрахань при первыхъ слухахъ о его приближеніи была отлично укрѣплена иностранными офицерами и могла бы противостоять пьяной ватагѣ, не имѣвшей тяжелыхъ пушекъ. Но измѣна уже проникла въ сердца астраханскихъ жителей и стрѣльцовъ. Они помнили Разина въ свѣтлую пору его жизни, помнили, какъ пришелъ онъ изъ Персидскаго набѣга, на шелковыхъ парусахъ, помнили, какъ поилъ и одаривалъ онъ чернь и гулялъ съ нею по Волгѣ.

22 іюля 1670 года Разинъ подошелъ къ Астрахани и приступилъ къ осадѣ.

Въ этотъ день вечеромъ бояринъ и воевода князь Иванъ Прозоровскій, дьяки и головы (начальники) стрѣлецкіе, принявши отъ митрополита Іосифа благословеніе, изготовились къ бою. Разинъ со своими 300 судами подошелъ къ городу и высадился у виноградныхъ садовъ подлѣ стѣнъ городскихъ. Казаки приготовили лѣстницы для приступа.

Наступила ночь, и воевода приказалъ зажечь лежащую у стѣнъ города слободку, чтобы помѣшать казакамъ ворваться въ темнотѣ. Запылалъ пожаръ и стало свѣтло, какъ днемъ. Воевода и стрѣлецкіе полки всю ночь стояли подъ ружьемъ.

Но, вотъ, въ три часа ночи полки Разина тронулись отъ Вознесенскаго монастыря къ Вознесенскимъ воротамъ. Загремѣли пушки и сейчасъ же стихли. Измѣнники не только не стрѣляли, но помогали казакамъ приставлять лѣстницы и входить на стѣны. Всѣ начальники были перебиты. Израненнаго пиками князя Прозоровскаго на коврѣ отнесли въ соборъ. Туда же пришелъ митрополитъ и сбѣжались немногіе вѣрные стрѣльцы. Тамъ же спасался и народъ.

Свѣтало. Казаки подступили къ собору, ворвались въ него и вывели Прозоровскаго къ Разину. Разинъ, измучивъ его, бросилъ съ башни въ ровъ...

Началось безумное пьянство и рѣзня по городу. Разинъ все позабылъ. Пьяный, онъ ѣздилъ по городу, билъ и рубилъ всякаго, кто почему-либо ему не понравился. Такъ же вели себя и казаки. Они надругались надъ иконами, шатались по городу съ чернью, пьянствовали и рѣзали людей ни за что.

Слава Разина, какъ воровского атамана, быстро падала. Онъ и казаки его стали подобны звѣрямъ. Изъ обыкновеннаго разбойника и грабителя онъ обратился въ измѣнника. Онъ распустилъ слухъ, что молодой царевичъ Алексѣй, умершій 17 января 1670 года, живъ и вмѣстѣ съ опальнымъ патріархомъ Никономъ укрылся отъ мести бояръ и находится въ его станѣ. Черни показывали какого-то юношу въ черкесскомъ нарядѣ, выдавая его за царевича. И чернь вѣрила слуху.

По всей Руси были пущены Разинымъ письма, призывавшія чернь къ мятежу и убійству помѣщиковъ и бояръ. Страшная бѣда надвигалась на Русь. Отовсюду къ Разину стекались крестьяне и станъ его кровавой волною перекатывался по Руси.

Это уже не былъ Разинъ съ казаками. Это былъ взбунтовавшійся народъ. Царю Алексѣю Михайловичу пришлось напрячь всѣ силы, чтобы подавить мятежъ, волною докатившійся до самой Москвы. Воеводы его съ отрядами стрѣльцовъ усмиряли мятежные города и села. Разинъ тряхнулъ Москвою!

Разинъ рискнулъ подъ Симбирскомъ сразиться съ воеводою Милославскимъ. Съ Разинымъ уже были не вѣрные его казаки, а всякая пьяная сволочь изъ деревень, умѣвшая бить только безоружныхъ, женщинъ и дѣтей: да и Разинъ былъ не тотъ. Спившійся, опустившійся атаманъ былъ разбитъ. Пробовалъ онъ снова взять Симбирскъ, но и тутъ потерпѣлъ неудачу.

Тогда Разинъ бросился на Донъ, въ Кагальникъ. Но и казаки не приняли его. Это пришелъ не удалецъ, атаманъ вольной ватаги, какъ годъ тому назадъ, а мятежникъ противъ царя. Изъ вѣка въ вѣкъ преданное государю войско Донское возмутилось. 14 апрѣля казаки съ атаманомъ Яковлевымъ взяли приступомъ Кагальникъ, связали Разина и привезли въ Черкасскъ. Здѣсь, до отправки въ Москву, приковали Разина цѣпями у дверей войскового Собора.

Войсковой кругъ приговорилъ сообщниковъ Разина къ смертной казни. Самого его атаманъ Яковлевъ лично отвезъ въ Москву.

Отрезвѣвшій во время длиннаго пути Разинъ снова сталъ казакомъ. Онъ умеръ честно. Передъ смертью Разина жестоко пытали. Онъ молчалъ. Молчалъ, когда били его кнутомъ, подвѣшивали за ребро къ потолку, жгли угольями и раскаленнымъ желѣзомъ. Сотни убитыхъ и замученныхъ имъ людей должны были быть искуплены этими пытками. Наконецъ, Разину выбрили макушку и стали капать на нее холодной водою. Разинъ ни слова не проронилъ.

Насталъ день казни. 6 іюня 1671 года Разина привезли въ Кремль, ввели на возвышеніе, гдѣ ожидалъ его палачъ, и прочли ему

приговоръ. Молча, опустивъ голову, выслушалъ его воровской атаманъ, потомъ низко поклонился собравшемуся кругомъ мѣста казни народу. Палачъ подошелъ къ нему. Разинъ перекрестился нѣсколько разъ, обращаясь лицомъ къ церкви Казанской Божіей Матери, три раза поклонился народу, говоря—«прости». Его положили между двухъ бревенъ и отрубили ему правую руку по локоть и лѣвую ногу по колѣно. Потомъ отсѣкли голову. Палачъ торопился. Разинъ ни однимъ стономъ не выдалъ себя.

Таковъ былъ конецъ Разина. Его сообщники еще нѣкоторое время безчинствовали на Волгѣ, но вскорѣ Милославскій окончательно подавилъ страшное возмущеніе, поднятое донскимъ атаманомъ.

Какъ ни велики были преступленія Разина послѣ того, какъ онъ пошелъ противъ царя и сталъ пьянствовать, но первая слава его, какъ побѣдителя персовъ, слава стариннаго донского охотничьяго атамана и смѣлаго начальника оказалась выше этого. Донъ простилъ его. Казаки, присудившіе Разина къ смертной казни, сложили о немъ не мало пѣсенъ. Смѣлая кончина его, то, какъ по-казачьи глядѣлъ онъ въ очи смерти, была разсказана на Дону атаманомъ Яковлевымъ.

Ахъ, туманы, вы мои туманушки,

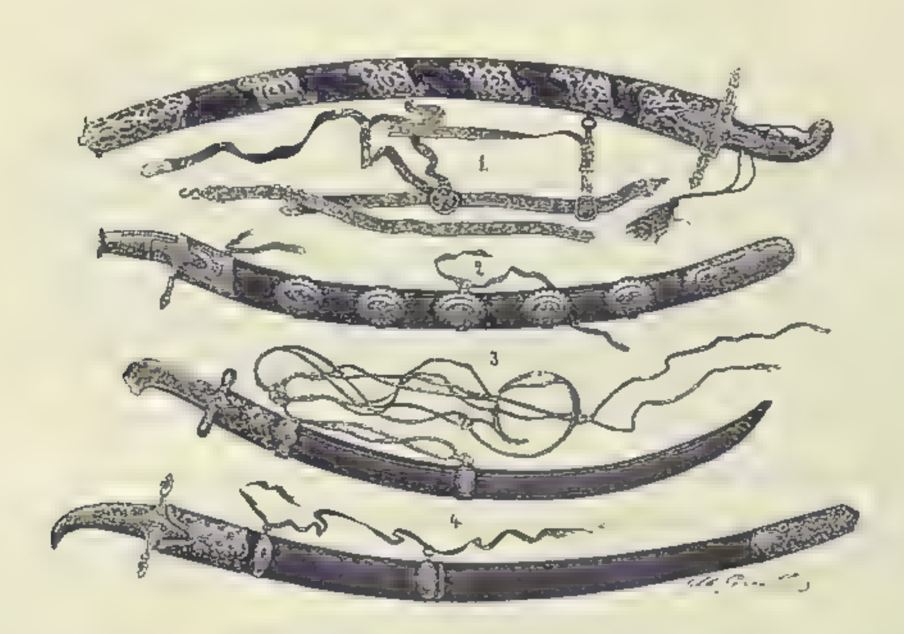
поютъ казаки про Разина—

Вы туманы мои непроглядные!
Какъ печаль, тоска ненавистные!
Не подняться вамъ, туманушки,
Со синя моря долой!
Не отстать тебѣ, кручинушка,
Отъ ретива сердца прочь.
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей частъ крупенъ дождичекъ,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтобъ тюремщички, братцы, разбѣжалися,
Въ темномъ бы лѣсу собиралися!
Во дубравушкѣ, во зелененькой
Ночевали тутъ добры молодцы,
Подъ березонькой они становилися,
На восходъ Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горою взойди надъ высокою,
Надъ дубравушкой, надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра молодца,

Что Степана, свѣтъ Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина!
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыихъ:
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина работнички,
Есауловы все помощнички!

Помянулъ добрымъ словомъ «атамана-казака» и Петръ Великій. Вотъ какъ это было.

Когда Петръ Великій осаждалъ Азовъ и «во взятіи его нашелъ препятствія», извѣстился царь, что Стенька Разинъ бывалъ подъ нимъ трижды. Потребовалъ государь найти въ Донскомъ войскѣ такого казака, который бы больше всего бывалъ съ Разинымъ въ походахъ. Такой казакъ оказался Морковкинъ. Онъ испугался, что его ведутъ къ царю. Онъ думалъ, что для казни. Государь, замѣтивши, что казакъ въ смятеніи, приказалъ дать ему водки, а потомъ разспрашивалъ его о походахъ и дѣйствіи Стеньки Разина. Морковкинъ разсказалъ о всемъ подробно, какъ очевидецъ и участникъ. Государь, выслушавъ его разсказъ, сказалъ: *жалко, что не умѣли тогда изъ Степана Разина сдѣлать великую государству пользу, и жалко, что онъ не въ мое время.*

Старинныя русскія сабли.

Шлемы — головной уборъ древнихъ русскихъ воиновъ.

21. Казаки присягаютъ Московскому царю.

1676 годъ.

Послѣ Разинской смуты на Дону было спокойно. Казаки *по приказу царскому* ходили на Азовское море и подробно развѣдывали объ Азовѣ. Кромѣ того, не разъ приходилось имъ уходить и въ Задонье для борьбы съ калмыцкимъ ханомъ Аюкомъ. Московское государство окончило въ 1670 году войну съ Польшей и заключило съ поляками, воевавшими въ это время съ турками, союзъ. Русскіе обѣщали полякамъ тревожить турокъ на Азовскомъ морѣ и отвлекать ихъ силы къ Азову. На Донъ пришло русское войско для того, чтобы воевать вмѣстѣ съ казаками. Одно время хотѣли противъ Азова построить небольшія крѣпости и посадить въ нихъ казаковъ, но казаки сидѣть по крѣпостямъ отказались, сказавши, что они умѣютъ сражаться лишь въ полевомъ бою.

Такъ, почти въ непрерывныхъ походахъ казаковъ противъ азовцевъ, прошло шесть лѣтъ. Въ 1676 году царь Алексѣй Михайловичъ скончался и на престолъ Московскихъ государей вступилъ сынъ его, Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

Онъ первый изъ царей Московскихъ взялъ присягу отъ донцовъ на вѣрную службу. Сначала присягнула находившаяся въ Москвѣ зимовая станица съ войсковымъ атаманомъ Корниліемъ Яковлевымъ и станичнымъ атаманомъ Иваномъ Семеновымъ. Потомъ, посланный на Москву отъ царя Семенъ Колтовской привелъ къ присягѣ и все войско Донское.

Царь Өеодоръ Алексѣевичъ заключилъ миръ съ турками и строго запретилъ казакамъ ходить подъ Азовъ.

— Никто съ азовцами и калмыками чтобы не ссорился, — писалъ государь казакамъ, — на море и на Волгу для воровства и добычи не ходилъ; если же кто ослушается, то казаковъ того городка выбить вонъ, и съ рѣки Дона сослать, чтобы имъ нигдѣ пристанища не было, городокъ же сжечь, а заводчиковъ вѣшать и рубить.

Но, несмотря на это запрещеніе, казаки ходили и на Перекопъ, и въ Крымъ, а на угрозы Крымскаго хана отвѣчали дерзкими письмами: «зачѣмъ тебѣ ходить къ намъ и такъ далеко забиваться, мы люди небогатые, стадъ конскихъ и животныхъ у насъ мало, городки наши не корыстны, оплетены плетнями, обвѣшанными терномъ; а добывать ихъ надобно твердыми головами, на посѣченіе которыхъ, какъ тебѣ вѣдомо, у насъ есть сильныя руки, острыя сабли и мѣткія пищали. Побереги свое здоровье, не ходи!»—писали казаки.

Въ набѣгахъ и борьбѣ съ татарами отличался донской атаманъ Фролъ Минаевъ. Но особенно выдѣлился онъ своею храбростью и распорядительностью при братѣ Өеодора Алексѣевича, Петрѣ I Алексѣевичѣ.

Жалованные донскимъ казакамъ серебряные ковши.

1-й — ковшъ Петра Великаго, пожалованный атаману Лопатину.
2-й (справа) Екатерины Великой.

Царь Петръ I Великій.

22. Царь Петръ на Дону.

1695 годъ.

Петру шелъ четвертый годъ, когда скончался царь Алексѣй Михайловичъ и онъ со своею матерью-царицею жилъ недалеко отъ Москвы въ селѣ Преображенскомъ. Первымъ учителемъ молодого царя былъ дьякъ Никита Зотовъ. Ребенокъ росъ, не по годамъ любознательный и пытливый. Все хотѣлось ему знать, обо всемъ онъ разспрашивалъ своего учителя. Зотовъ былъ человѣкъ по тогдашнему времени свѣдущій и начитанный, но и онъ скоро не могъ уже отвѣчать на вопросы царе-

вича: знаній не хватало. Въ селѣ Преображенскомъ жило много мальчиковъ, дѣтей придворныхъ чиновъ, приближенныхъ царицы. Молодой царевичъ игралъ съ ними, но любимой игрою его была игра съ ними въ солдатики. Онъ устанавливалъ ихъ въ шеренги, продѣлывалъ ружейные пріемы, маршировалъ, строилъ земляныя укрѣпленія, а потомъ бралъ ихъ. Мальчикъ росъ, увеличивалась числомъ и его мальчишеская рать, призванная для потѣхи царевича и потому называемая потѣшными. Вскорѣ потѣшныхъ стало такъ много, что они не могли уже помѣщаться въ Преображенскомъ и часть ихъ перевели въ другое село, лежащее недалеко отъ Москвы, Семеновское.

Составилось два потѣшныхъ полка—Преображенскій и Семеновскій. Отъ дѣтскихъ игръ и шалостей въ потѣшныхъ полкахъ скоро перешли къ настоящимъ ученьямъ и потѣшнымъ боямъ, или маневрамъ. При полкахъ была устроена артиллерія, и лучшіе тогдашніе мастера подкопнаго дѣла обучали эти полки, какъ строить и брать укрѣпленія. Такъ изъ дѣтской игры молодого царя зародились на Руси первые, обученные правильному, регулярному строю, русскіе полки—Преображенскій и Семеновскій, составившіе гвардію царя Петра.

Однажды, осматривая въ селѣ Измайловѣ дворцовые сараи, Петръ увидалъ тамъ небольшую лодку, не похожую на тѣ челноки, которые онъ видѣлъ раньше на рѣкахъ и озерахъ.

— Это что за лодка?—спросилъ онъ у сопровождавшаго его боярина Стрѣшнева.

Но Стрѣшневъ и самъ не зналъ, откуда она.

— Не вѣдаю, что это за лодка,—сказалъ онъ.

— А какъ бы узнать, почему она такая?—допрашивалъ царь.

— Можетъ быть, кто изъ нѣмцевъ знаетъ,—проговорилъ Стрѣшневъ,—не послать ли за Тиммерманомъ.

Францъ Тиммерманъ былъ придворнымъ лекаремъ и большимъ другомъ молодого царя, онъ обучалъ его математикѣ. Послали за Тиммерманомъ. Тиммерманъ пришелъ и объяснилъ царю, что это—англійскій ботъ.

— Почему же онъ такъ устроенъ?—допрашивалъ Петръ.—Въ чемъ отличіе его отъ нашихъ лодокъ?

— Онъ можетъ ходить и по вѣтру, и противъ вѣтра на парусахъ.

Петръ еще болѣе удивился. Онъ просилъ Тиммермана показать это, но Тиммерманъ этого не зналъ и обѣщалъ привести къ Петру своего земляка Бранда.

Брандъ былъ родомъ изъ Голландіи и зналъ морское дѣло. Онъ починилъ лодку, спустилъ ее торжественно на рѣку Яузу и показалъ

Петру, какъ править парусами. Какъ хорошо выѣзженный конь, лодка послушно пошла впередъ, бокомъ къ вѣтру, пошла противъ вѣтра, по вѣтру. Петръ былъ въ восторгѣ. Съ этого дня любимою его забавой стало ходить подъ парусами на этой лодкѣ. Но на рѣкѣ Яузѣ было тѣсно. Лодка то и дѣло прижималась то къ одному, то къ другому берегу; перенесли ее на прудъ, но и тамъ нельзя было развернуться,—тогда Петръ поѣхалъ на Переяславское озеро. Тамъ лодка оказалась мала, и Брандтъ взялся за топоръ и сталъ строить молодому царю два небольшіе корабля.

Эта морская забава сблизила Петра съ иностранцами. Онъ увидѣлъ, что тамъ, въ чужихъ земляхъ, за предѣлами Россіи, живутъ иначе, больше имѣютъ знаній, и захотѣлось Петру лучше ознакомиться съ этими чужими землями, сдѣлать и русскихъ такими же образованными, какъ иноземцы.

Царю уже шелъ семнадцатый годъ, онъ занимался потѣшными, да прогулками по озеру подъ парусами, а царствомъ правила его сестра, царевна Софья Алексѣевна. И вотъ, самолюбивая и властолюбивая царевна задумала устранить Петра совсѣмъ отъ царства и править одна, не стѣсняясь царицею матерью и Петромъ. Къ этому убѣждали ее приближенные ея и начальники старинныхъ русскихъ стрѣлецкихъ полковъ. Стрѣльцы боялись, что ихъ мѣсто займутъ новые Петровскіе солдаты—потѣшные и иностранные, наемные офицеры. 1 сентября 1689 года молодая царевна въ Москвѣ говорила съ народомъ, убѣждала его не покидать ее и защитить отъ брата, молодого царя Петра. Но народъ остался вѣренъ своему природному государю. Полки ушли изъ Москвы къ Петру и вскорѣ явились вмѣстѣ съ нимъ и на Москву. Начались новые порядки. Виновные въ заговорѣ противъ Петра стрѣльцы были казнены, а царевна Софья отправлена въ Новодѣвичій монастырь.

Твердою рукою взялся молодой царь за управленіе. Онъ поставилъ въ Москвѣ много новыхъ начальствующихъ лицъ, указалъ имъ, что дѣлать, а самъ продолжалъ усердно учиться разнымъ наукамъ, для чего, не стѣсняясь, ходилъ къ нѣмцамъ, жившимъ въ Москвѣ въ особой нѣмецкой слободкѣ.

И видѣлъ въ этой слободкѣ Петръ то, чего не видѣлъ онъ у себя въ русскихъ домахъ. Видѣлъ особенные инструменты, видѣлъ картины, книги не только духовныя, но и о разныхъ предметахъ, видѣлъ сукна тонкія, полотно прочное—все привозное. И захотѣлось ему посмотрѣть на тѣ края, гдѣ все это умѣютъ дѣлать, научиться самому и передать эту драгоцѣнную науку и своимъ подданнымъ русскимъ. Какъ проѣхать туда, къ этимъ искусникамъ-нѣмцамъ, голландцамъ, французамъ и итальян-

цамъ?—спрашивалъ царь.—Можно сушею черезъ земли короля Шведскаго или короля Польскаго, и можно моремъ,—отвѣчали ему.—Какимъ моремъ?... Но море у русскихъ было тогда только одно—Бѣлое. Далеко на сѣверѣ у угрюмаго, покрытаго льдомъ большую часть года, со страшными громадными пловучими ледяными горами Сѣвернаго Ледовитаго океана и въ тѣ времена былъ у русскихъ приморскій городъ Архангельскъ. Тамъ жили смѣлые русскіе поморы, занимавшіеся рыбною ловлей и торговлей со шведами и норвежцами. Туда задумалъ поѣхать молодой государь. Далекъ былъ путь. Болѣе тысячи двухсотъ верстъ отдѣляло Архангельскъ отъ Москвы, дорога пролегала по пустынному, суровому и дикому краю. Но это не остановило Петра. Лѣтомъ 1693 года онъ отправился въ далекое путешествіе. И вотъ, наконецъ, онъ увидалъ открытое море. Далеко передъ нимъ, закрытое дымкой тумана, сливалось сѣрое небо съ сѣрымъ, холоднымъ волнующимся моремъ. Береговъ не видно. Далеки берега. И эта даль, эти гряды бѣгущихъ откуда-то, одна за другою, волнъ манили Петра извѣдать новыя страны. Петръ ѣздилъ на пришедшіе съ моря корабли, бесѣдовалъ часами съ моряками, выпивалъ кружку простого пива съ капитаномъ и все болѣе и болѣе задумывался.

На слѣдующій годъ онъ явился въ Архангельскъ, но уже во главѣ цѣлой стаи вновь построенныхъ судовъ. Русскій флотъ зародился на Бѣломъ морѣ. Доволенъ былъ царь, но не долго. Скоро онъ увидѣлъ, что море, выбранное имъ, неудобно для торговли. Три четверти года оно стоитъ подо льдомъ, лежитъ оно въ глухомъ краю, въ которомъ можно торговать только лѣсомъ и льномъ. И Петръ сталъ внимательно разглядывать карту Россіи и изучать направленіе рѣкъ. Волга впадаетъ въ Каспійское море,—море, закрытое со всѣхъ сторонъ. По Волгѣ можно вести торговлю только съ персами; съ ними и такъ давно ведутъ русскіе торговлю, но научились не многому. Донъ впадаетъ въ Азовское море, а изъ Азовскаго моря можно пройти въ Черное и дальше въ Средиземное. Тамъ, по словамъ иностранцевъ, лежатъ богатѣйшія страны, оттуда идетъ во всю Европу просвѣщеніе. Но выходъ въ Азовское море находится во власти турокъ, тамъ лежитъ сильная крѣпость Азовъ. Крымъ—во власти крымскаго хана, подчиненнаго турецкому султану. Еще сестра Петра, царевна Софія, два раза пыталась завоевать Крымъ, но оба раза русское войско терпѣло неудачи. Чтобы овладѣть Крымомъ и Азовскимъ моремъ, прежде всего нужно было отнять у турокъ Азовъ.

И сталъ царь Петръ разспрашивать знающихъ людей про Азовъ. И тутъ услыхалъ онъ, что Азовъ не одинъ разъ былъ въ рукахъ смѣ-

лыхъ донскихъ казаковъ, что и теперь донскіе казаки умѣютъ обмануть бдительность турецкихъ часовыхъ и смѣлыми станицами на лодкахъ ходятъ по Черному морю.

Петръ рѣшилъ поѣхать къ донскимъ казакамъ, осмотрѣть Азовское море съ ними и тамъ устроиться прочно, оттуда завести торговлю съ чужими землями.

16 марта 1695 года донской атаманъ Фролъ Минаевъ получилъ отъ царя тайную грамоту. Царь сообщалъ ему, что въ Тамбовѣ соберется царское войско, подъ начальствомъ наемнаго нѣмецкаго генерала Гордона, и отправится на рѣку Хоперъ, а съ Хопра на Донъ въ Черкасскъ. Войску Донскому царь приказывалъ тайно изготовиться для завоеванія Азова. Царь напоминалъ атаману Фролу Минаеву, чтобы указъ его оставался тайной и никто, кромѣ атамана и войсковыхъ старшинъ, о немъ ничего не зналъ, и чтобы войско собралось тихо и о приходѣ русскихъ полковъ на Донъ въ Азовѣ «прежде времени не увѣдали».

Одновременно съ этимъ старыя московскія войска, огромное конное войско, подъ начальствомъ боярина Шереметева, пошло на Днѣпръ, чтобы воевать противъ турокъ вмѣстѣ съ малороссійскими казаками.

На Донъ пошли новые, обученные Петромъ по нѣмецкимъ уставамъ, полки: Преображенскій, Семеновскій, Бутырскій и Лефортовъ, шли московскіе стрѣльцы, городовые солдаты и царскіе слуги. Всего шло 31 тысяча человѣкъ. Войсками командовали воеводы, называвшіеся уже по-иностранному генералами: Головинъ, Лефортъ и Гордонъ. При войскѣ былъ самъ царь, принявшій на себя званіе командира артиллерійской роты и называвшій себя—бомбардиръ Петръ Алексѣевъ.

Армія эта шла сначала на судахъ по Волгѣ до Царицына. Отъ Царицына сухимъ путемъ прошли до городка Паншина на Дону. За этотъ путь молодые солдаты царя Петра сильно устали. Имъ, утомленнымъ долгою греблею на судахъ на Волгѣ, пришлось весь этотъ путь на рукахъ тащить тяжелыя пушки. Въ Паншинѣ не хватило запасовъ. Молодому войску царскому пришлось поголодать.

Отъ Паншина по Дону пошли на казачьихъ стругахъ.

Первый разъ Московскій царь появился на Дону. Первый разъ увидалъ онъ приволье Задонья и крутой правый берегъ, покрытый лѣсистыми балками. Все занимало молодого царя. Онъ долго бесѣдовалъ съ казаками-гребцами, слушалъ ихъ пѣсни, любовался ихъ умѣньемъ стрѣлять. Во время ночлега въ Верхне-Курмоярской станицѣ царь остановился у казачки Чебачихи. Но не сидѣлось ему въ душной избѣ. Онъ вышелъ на берегъ Дона и любовался привольною степью. Замѣтивъ на другомъ берегу утку, царь приказалъ ее застрѣлить одному

изъ сопровождавшихъ его молодыхъ московскихъ людей. Тотъ выстрѣлилъ и промахнулся. Царь спросилъ: нѣтъ ли казака, который могъ бы это сдѣлать. Вызвался молодой казакъ *Пядулъ*. Онъ взялъ свою пищаль и, не цѣлясь, на вскидку, убилъ утку.

— Исполать, казакъ,—сказалъ ему государь.—Хотя и я убью, но только поцѣлюсь!

26 іюня 1695 г. царь Петръ прибылъ въ Черкасскъ. Здѣсь войска отдыхали три дня. 29 іюня русское войско, подкрѣпленное 7.000 казаковъ атамана Фрола Минаева, подошло къ Азову.

Но, какъ ни тайно собиралось подъ Азовъ царское войско, турки узнали объ этомъ. 6 іюня они получили подкрѣпленія и большой запасъ. Безъ кораблей царское войско не могло подойти къ Азову. Турки устроили по обоимъ берегамъ Дона башни—*каланчи*, прочно построенныя и снабженныя артиллеріей. Между каланчами были забиты по Дону сваи и протянуты цѣпи. Не взявши каланчей, нельзя было подойти и къ Азову.

Кликнули кличъ охотникамъ изъ донскихъ казаковъ и обѣщали по 10 рублей каждому охотнику. Донцы вмѣстѣ съ однимъ изъ гвардейскихъ полковъ окружили одну изъ башенъ; артиллерія ядрами своими снесла вершину ея и часть стѣнъ. На разсвѣтѣ 14 іюня двѣсти казаковъ, вызвавшихся на приступъ охотою, вскочили въ каланчу, расположенную на лѣвомъ берегу рѣки. На другой день турки сдѣлали вылазку, напали на пѣхотную дивизію генерала Гордона, находившуюся въ серединѣ русской позиціи, во время полуденнаго отдыха захватили у русскихъ 7 орудій, загвоздили большую часть остальныхъ и перебили, и переранили около тысячи сонныхъ молодыхъ русскихъ солдатъ. Но на другой день казаки отомстили за русскихъ и заняли и вторую каланчу.

Русскія войска начали тѣснѣе облегать крѣпость. Послѣ жаркаго дѣла Петръ устроилъ сильный окопъ, или, какъ тогда называли, *шанецъ* на правомъ берегу Дона и вооружилъ его пушками и мортирами.

Къ августу осадные валы наши подошли къ самымъ Азовскимъ стѣнамъ, и на 5-е августа былъ назначенъ штурмъ крѣпости. Но турки отбили этотъ штурмъ, и наши войска потеряли $1^1/_2$ тысячи человѣкъ. Подорвать крѣпостныя стѣны порохомъ, какъ то сдѣлали въ 1637 году казаки, не пришлось. Только къ 25 сентября Гордону удалось взорвать мину и разрушить городскія стѣны на протяженіи 20 саженей. Войска ворвались въ городъ, но русскіе полки, не привыкшіе сражаться въ улицахъ съ турками, наступавшими съ необыкновенною пылкостью, были откинуты, и Гордонъ приказалъ отступить.

Какъ разъ въ это время атаманъ Фролъ Минаевъ съ 1.000 донцовъ

на каюкахъ, а за нимъ посаженные на лодки полки гвардіи: Преображенскій и Семеновскій, подъ начальствомъ Апраксина, подошли къ Азову съ моря, овладѣли укрѣпленіями и тоже ворвались въ городъ; но ихъ не поддержали, и они принуждены были отступить... Здѣсь донскіе казаки явились учителями морского дѣла молодыхъ потѣшныхъ полковъ Петра.

Эти отбитые штурмы, надвигавшаяся осень съ вѣтрами и непогодами заставили Петра отложить взятіе Азова. 28 сентября осада была снята, царское войско отошло сначала къ Черкасску, а потомъ ушло на зимовку къ Валуйкамъ. Донскія сотни разошлись по станицамъ. Во взятыхъ казаками каланчахъ азовскихъ было оставлено 3.000 человѣкъ солдатъ.

По всему Дону пошли разсказы о молодомъ царѣ. Сильное впечатлѣніе произвелъ онъ на казаковъ. Царь былъ громаднаго роста, безъ 2-хъ вершковъ сажень, широкій въ плечахъ, съ круглымъ открытымъ лицомъ и большими ясными, смѣлыми глазами. Онъ носилъ нѣмецкую одежду, говорилъ властно и въ то же время привѣтливо. «Орелъ, настоящій орелъ!»—въ восторгѣ говорили казаки и готовы были отдать за своего государя все. И сама собою сложилась на Дону пѣсня про первый пріѣздъ на Донъ государя:

Не ясенъ соколъ леталъ по поднебесью,
Донской есаулъ бѣгалъ по Дону,
Казаковъ то онъ рѣчью привѣтствовалъ:
Вы вставайте, добры-молодцы,
Господу Богу помолитеся,
Да не пусти Господь руки варвара
На Петра, Царя Бѣлаго, православнаго.
Вы вставайте, други, пробудитеся.
Борзыхъ коней, други, вы сѣдлайте,
Подъ Азовъ городъ, други, поѣзжайте.
Самъ сизый орелъ пробуждается,
Самъ Петръ Царь подымается
Со своими князьями, боярами,
Со своими Донцами,
Со своими Запорожцами!

Сборы Петра Великаго подъ Азовъ въ 1696 году.

(Съ картины художника Максимова, находящейся въ Новочеркасскомъ Вознесенскомъ соборѣ).

Петръ Великій подъ Азовомъ. 1696 годъ.
(Съ картины, написанной въ тѣ времена).

23. Первая морская побѣда Петра.

1696 г.

Но молодой царь послѣ этой неудачи не пришелъ въ отчаяніе. Онъ рѣшительно началъ готовиться къ новому походу. На первый походъ онъ смотрѣлъ лишь какъ на школу. Онъ понялъ теперь, что морскую крѣпость безъ кораблей взять нельзя. По всѣмъ мѣстамъ пошли его приказы. 8 января 1696 года царь послалъ донцамъ наказъ занять каланчи и поддержать солдатъ до подхода всего войска. Но это уже исполнено было донцами еще до полученія царской грамоты. 600 казаковъ стояло въ каланчахъ.

Въ то же время вызваны были изъ Италіи искусные «подкопные» мастера. Въ Воронежѣ строили верфь, то-есть корабельный заводъ, заготовляли лѣсъ и дѣлали корабли. Петръ самъ писалъ морской уставъ.

Снаряжалось сильное войско. Главнымъ начальникомъ его былъ назначенъ *бояринъ Шеинъ*.

Въ концѣ апрѣля донскіе казаки съ удивленіемъ увидали цѣлый караванъ большихъ морскихъ кораблей па Дону. Впереди шло восемь гребныхъ лодокъ, или *галеръ*, управляемыхъ преображенцами и семеновцами. На одной изъ нихъ, называемой «Принципіумъ», находился подъ видомъ капитана, командира роты Преображенскаго полка. Петра Алексѣева. царь.

По прибытіи въ Черкасскъ Петра, войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ доложилъ государю, что посланный на развѣдку походный атаманъ *Поздѣевъ* съ 250 казаками 3 мая увидалъ въ морѣ два турецкихъ корабля. Онъ обступилъ ихъ своими легкими лодками, обстрѣлялъ ружейнымъ огнемъ и хотѣлъ съ однѣми только саблями взять суда. Но борта кораблей были высоки, казаки пытались прорубить ихъ днища, но турки бросали въ казаковъ камни и заставили ихъ отступить.

Разгорѣлось сердце у молодого царя. Присутствіе турецкаго флота у стѣнъ Азова возбуждало Петра. Хотѣлось ему помѣряться со смѣлымъ врагомъ силами. 12 мая царь со своими судами подошелъ къ Каланчинскимъ башнямъ и хотѣлъ выйти въ море. Но дулъ сѣверовосточный вѣтеръ и согналъ воду съ Дона, а суда царскія сидѣли глубоко пи е могли пройти черезъ мелкое устье Дона. Тогда царь оставилъ свои галеры въ Кутюрминскомъ рукавѣ и со ста донскими легкими лодками, на которыхъ было 6.000 казаковъ съ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ, обошелъ всѣ гирла и вышелъ въ море.

Широкій водный просторъ представился глазамъ Петра. Первый разъ вышелъ онъ въ южное море. Зеленовато-синія волны играли подъ налетами вечерняго вѣтерка и звучно плескались о казачьи челны. Русскій царь былъ одинъ со своими казаками, и легко и привольно ему было на сердцѣ съ этими *природными моряками*. Въ каждомъ взмахѣ ихъ веселъ, въ томъ, какъ увѣренно показывалъ и называлъ мысы и острова стоявшій рядомъ съ нимъ атаманъ. Петръ видѣлъ, что на синемъ морѣ казаки какъ у себя дома.

— Вотъ здѣсь,—скажетъ кто-либо изъ казаковъ:—убитъ мой дѣдъ.

— У этого мыска потонулъ мой отецъ!

Скажутъ и смолкнутъ. Всѣ лица серьезны. Врагъ кругомъ. Заходящее солнце бросаетъ кровавые отблески на стѣны и башни Азова. И море играетъ бѣлопѣннымъ прибоемъ возлѣ нихъ.

На морѣ видны паруса. Это турецкій флотъ идетъ на выручку Азову; зоркій казачій глазъ насчиталъ уже девять большихъ кораблей и нѣсколько гребныхъ галеръ.

И жутко, и страшно, и хорошо ночевать царю на казачьей лодкѣ между турецкихъ кораблей и турецкою крѣпостью, подъ охраной донскихъ казаковъ. Безмолвные стоятъ казаки часовые на судахъ. Тихо спятъ гребцы и казаки. И только стало свѣтлѣе и лиловыя сумерки побѣжали надъ водою—проснулись казаки. Никто ихъ не будилъ, заревая труба не играла. Сѣли на весла и ждутъ. На турецкихъ корабляхъ слышенъ стукъ и крики. Поютъ грузовую пѣсню турки, и слышны по вѣтру, Богъ вѣсть на чьемъ языкѣ придуманныя, слова: «вира!» и майна!»... Идетъ погрузка припасовъ для Азовской крѣпости. И вотъ, 24 тяжелыя плоскодонныя судна, называемыя *тумбасами*, отвалили отъ кораблей и медленно пошли къ крѣпости. Вихремъ налетѣли на нихъ казаки. Каждому хотѣлось отличиться на глазахъ у царя, гребли такъ, что весла трещали и бѣлая пѣна, шипя, расходилась отъ лодокъ. 11 тумбасовъ были живо захвачены казаками... Послѣ этой побѣды царь указалъ казакамъ на корабли. Длинной лентой вышли каюки изъ Дона и пустились въ море на подвигъ. Турки рубили якорные канаты, быстро ставили паруса и, пользуясь вѣтромъ, уходили въ море. Но вѣтеръ былъ слабъ, и тихо шли корабли; казачьи лодки ихъ настигали. Два самыхъ большихъ корабля были догнаны казаками. Ихъ борта окутались дымомъ. Картечь засвистала надъ казаками и брызнула по водѣ. Но ничто не могло остановить разбѣга казачьихъ лодокъ. Выхвативъ сабли изъ ноженъ, съ бѣшеною отвагой, предводимые своимъ царемъ, кинулись казаки на корабли. Что за бѣда, что борты ихъ высоки! Гребцы подсаживаютъ удальцовъ, и страшная рубка уже идетъ па палубахъ. Одинъ турокъ бросился на царя, но казакъ, сопровождавшій государя, отвелъ его ударъ... Одинъ корабль сожгли, другой потопили.

Въ то время, когда однѣ лодки расправлялись съ кораблями, другія погнались за полугалерами, чайками и другими мелкими судами, бывшими при турецкомъ флотѣ. 10 полугалеръ и 10 чаекъ казаки загнали къ берегу на мель и здѣсь, по поясъ въ водѣ, атаковали ихъ, зажгли суда, а турокъ порубили. Турки потеряли 2.000 человѣкъ, одинъ ихъ начальникъ и 300 янычаровъ были взяты въ плѣнъ. 70 пушекъ, 86 бочекъ пороха, много снарядовъ, оружія, съѣстныхъ припасовъ, 50.000 червонцевъ и на 4.000 человѣкъ сукна досталось царю. Деньги и сукно государь отдалъ казакамъ.

Счастливый возвращался Петръ къ лагерю подъ Азовомъ. Первый его выходъ съ боевымъ казачьимъ флотомъ въ открытое море, и какая побѣда! *Первая побѣда русскаго Государя на морѣ была одержана Донскими казаками 21-го мая 1696 года.* Имя донского атамана *Фрола Минаева* должно стоять на ряду съ славнѣйшими именами русскихъ

адмираловъ, начальниковъ военныхъ кораблей! Недаромъ наканунѣ боя Петръ говорилъ донскому атаману:

— Мы завтра, на зарѣ, чѣмъ свѣтъ, суда съ подмогой
Окружимъ лодками казачьими. Судамъ
Въ Азовѣ не бывать. И крѣпости немного
Ужъ времени стоять. Сейчасъ же снаряжай
Всѣ сорокъ лодокъ мнѣ на бранную забаву
И двадцать человѣкъ на каждую сажай!
Я самъ васъ поведу на битву и на славу!
Да, съ завтрашняго дня побѣдою морскою
Впервые озарю свою отчизну я!
Съ восходомъ солнечнымъ, съ дня новаго зарею
И флота русскаго засвѣтится заря!...

И заря засвѣтилась! И солнце, увидавшее первую русскую морскую побѣду, освѣтило утлыя лодки донскихъ казаковъ, смѣлыя лица донцовъ, учившихся мореходному дѣлу въ бояхъ съ персидскимъ флотомъ на Каспіи съ Разинымъ и со многими атаманами на Азовскомъ и Черномъ моряхъ!

24. Взятіе Азова царемъ Петромъ.

1696 г.

По прибытіи всѣхъ войскъ, началась осада Азова. Царь лично намѣчалъ, гдѣ быть укрѣпленіямъ. Онъ своею царскою рукою насыпалъ тонкою дорожкою овесъ, показывая, какъ должны были идти валы и рвы. Подъ ядрами и картечами, которыя турки кидали въ русскія войска, государь, на ряду съ простыми солдатами и казаками, копалъ землю и возилъ тачки, во всемъ подавая примѣръ войскамъ.

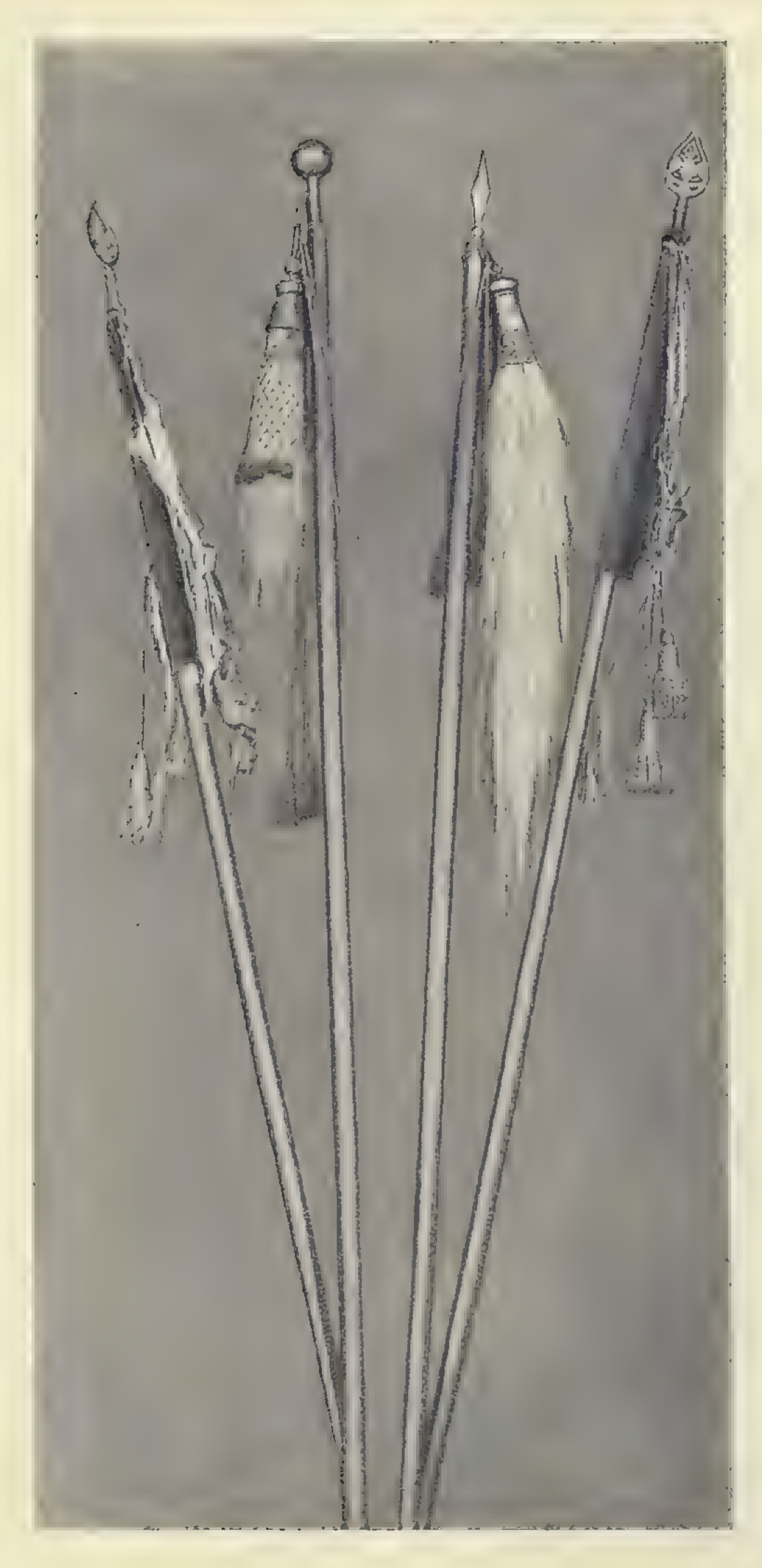
Напрасно генералы и атаманъ уговаривали его беречь свое здоровье и не подвергать жизнь свою опасности, юноша-царь отвѣчалъ:

— Если Богъ за насъ, кто противъ насъ! На службѣ государству и народу моему не пощажу своей жизни. Примѣръ мой нуженъ для поощренія воиновъ, съ которыми долженъ и хочу раздѣлять всякіе труды и опасности.

17 іюня валы, окружавшіе крѣпость, были закончены. Суда подошли къ ней съ моря. Пушки и мортиры были установлены по мѣстамъ. Горячо помолился царь въ палаткѣ главнокомандующаго и, какъ опытный бомбардиръ, самъ навелъ пушку, фитилемъ поджегъ порохъ и пустилъ первую бомбу въ Азовъ. Это было знакомъ начать артиллерійскій огонь. Загремѣли батареи и столбами пошелъ бѣлый дымъ къ синему небу. Вскорѣ страшный взрывъ раздался въ крѣпости. Одна изъ бомбъ удачно попала въ пороховой погребъ и онъ взлетѣлъ на воздухъ. Загорѣлись деревянныя постройки въ Азовѣ, и темный дымъ пожара смѣшался съ бѣлыми клубами отъ пушечной пальбы.

Осада началась. Царь медленно подвигался къ городу, подводя свои окопы съ рѣдкимъ искусствомъ. Генералы удивлялись знаніямъ молодого царя.

Шестидесятитысячная турецко-татарская армія, стоявшая подъ начальствомъ крымскаго султана Нуреддина и Муртазы-паши за рѣкою Кагальникомъ, въ 10 верстахъ отъ Азова, шесть разъ нападала на войско

Войсковыя регалiи.
Слѣва бунчуки, пожалованные Императоромъ Петромъ въ 1706 г. Справа бунчуки, пожалованные Императрицею Екатериною II въ 1776 году.

царя Петра. Особенно кровопролитны были битвы 10 и 24 іюня. Непріятель 24 іюня подошелъ къ лагерю на картечный выстрѣлъ и бросился на пашу пѣхоту. Петровскіе полки построились для стрѣльбы, согласно устава. Передняя шеренга стрѣляла, заднія готовили ружья. Убійственный ружейный огонь открылся вдоль осаждающихъ войскъ. Часто стали падать турки, убитые и раненые. И не выдержали. Съ отчаянными криками: Алла! Алла!—они побѣжали. Тогда вылетѣли изъ-за фланговъ донскіе казаки и на коняхъ атаковали турокъ съ шашками въ рукахъ. За конницею бѣжала пѣхота. Нѣсколько легкихъ орудій вылетѣло впередъ. Смѣшавшіеся, потерявшіе строй турки кинулись къ р. Кагальнику, но здѣсь остановились на берегу тинистой и глубокой рѣчки. Казаки рубили ихъ, пѣхота стрѣляла по нимъ «въ припоръ ружья», ихъ сталкивали въ воду и топили. Немногимъ удалось спастись...

Турки на корабляхъ подвезли большую подмогу. Но турецкій адмиралъ, увидавъ, какія большія укрѣпленія воздвигнуты Петромъ у моря, не рѣшился высадиться и безъ дѣла простоялъ всю осаду на якорѣ въ морѣ.

Между тѣмъ присутствіе молодого царя волновало и вдохновляло казаковъ на самые необыкновенные подвиги. Они мечтали взять Азовъ и поднести его Московскому государю.

17 іюля полторы тысячи отчаянныхъ казаковъ самовольно собрались и ворвались въ крѣпость. Ихъ поддержали запорожскіе казаки и нѣкоторые стрѣльцы. Удержаться въ крѣпости и перебить турецкій гарнизонъ имъ не удалось, но они взяли два *бастіона*, то-есть угла крѣпости, и 4 пушки...

Атаманъ разсердился на эту самовольщину. Казаки оправдывались тѣмъ, что они ходили за хлѣбомъ. Но государь обласкалъ ихъ, позвалъ удальцовъ къ себѣ и «не гнѣвомъ, а милостиво, многою похвалою пожаловалъ».

На другой день послѣ этого поиска азовскій комендантъ прислалъ переговорщиковъ о сдачѣ. Крѣпость сдавалась на милость побѣдителя.

20 іюля 1696 года Петру были выданы ключи крѣпости, а затѣмъ вышелъ изъ крѣпости и паша съ 3.700 янычаръ и 5.900 мирныхъ жителей. Ихъ съ честью проводили на Кагальникъ, а оттуда они ушли къ своему войску. Петру досталось: 171 пушка и мортира, 1.000 пуд. пороха и очень много всякихъ боевыхъ и хлѣбныхъ припасовъ.

Найденное въ Азовѣ имущество: мѣдную и серебряную посуду, сукна, ковры, парчу, шелковыя матеріи—все государь отдалъ атаману Фролу Минаеву для дѣлежа между казаками.

Велика была радость молодого царя. Наконецъ Россія имѣла свободный выходъ въ море, наконецъ могла она получать скорѣйшимъ путемъ и товары, и учителей изъ-за границы. На площади азовской было отслужено торжественное молебствіе, а двѣ турецкія мечети приказано было перестроить въ православные храмы во имя Пресвятой Богородицы и Крестителя Іоанна. Въ Азовѣ намѣчались укрѣпленія и комендантомъ его былъ назначенъ кн. Львовъ.

Но Петръ не остановился на этомъ. Еще шла осада Азова, какъ уже въ Воронежѣ на корабельной верфи, не умолкая, стучали топоры и корабль за кораблемъ, лодка за лодкой, баркасъ за баркасомъ спускались на Донъ и шли къ Азовскому морю. У стѣнъ взятаго Азова въ скоромъ времени качались не казачьи каюки и не тяжелыя донскія будары, а высокобортные, палубные, мачтовые корабли русскаго флота.

Самъ Петръ переселился на югъ. Неустанно ѣздилъ онъ то въ Азовъ, то въ Москву, то распускалъ паруса и пускался въ обслѣдованіе моря. Тяжелый путь, который ему пришлось сдѣлать во время перваго похода на Донъ отъ Царицына до верховьевъ Дона, пѣшкомъ, остался въ памяти царя. И Петръ задумалъ связать непрерывною водяною лентою Москву и Черкасскъ, чтобы баржи съ товарами, нагруженныя въ Москвѣ или въ волжскихъ богатыхъ городахъ, могли безпрепятственно и безъ перегрузки доходить до Азовскаго моря. Весною 1697 года князю Голицыну было приказано съ 35.000 солдатъ и стрѣльцовъ рыть каналъ отъ рѣчки Камышенки, впадающей въ Волгу, до рѣчки Иловли, впадающей въ Донъ.

Въ 1698 году Петръ приказалъ заложить на берегу Азовскаго моря новую крѣпость *Таганрогъ*. Мѣсто для нея было выбрано въ 60 верстахъ отъ Азова. Тамъ на берегу моря стояла одинокая турецкая башня. Подлѣ нея и начали устраивать крѣпость и городъ.

Но вскорѣ Петръ покинулъ берега Азовскаго моря. Дѣла отвлекли его на сѣверъ. Оставивши въ Азовѣ и Таганрогѣ своихъ генераловъ и солдатскіе полки, усиливши свой флотъ, Петръ поѣхалъ въ Москву, потомъ въ Новгородъ и въ Архангельскъ.

Съ турками у него былъ миръ, но на сѣверѣ начиналась жестокая война со шведами. На эту войну были вызваны царемъ и донскіе казачьи полки.

25. Казаки въ Лифляндіи и Швеціи.

1701—1703 г.

Какъ во тысячу восемьсотъ во первомъ году,
Да и шестого мѣсяца іюня,
Какъ шестого на десять во числахъ,
Какъ во томъ было во чистомъ полѣ.
Пролегала тамъ дороженька широкая,
Долпною пробойная, краю нѣтъ;
Какъ по той по широкой по дорожкѣ
Тамъ шелъ, прошелъ царскій большой бояринъ,
Кавалеръ Борисъ Петровичъ Шереметевъ
Со своимъ онъ со коннымъ эскадрономъ,
Со своимъ онъ пѣшеходнымъ батальономъ,
Со своими казацкими полками,
Со своими донскими казаками.
Проходили они на шведскую границу,
Вокругъ Краснаго мыса становились;
Казаковъ посылали грабить городъ Илтаворы.
Они Красный мысъ разорили,
Въ полонъ шведскаго маіора посадили!

Сосѣднее съ Россіей Польское и нѣсколько дальше лежащее отъ насъ Датское государства предложили царю Петру составить союзъ и объявить войну шведамъ. Въ Швеціи въ то время правилъ молодой король Карлъ XII. Это былъ пылкій и смѣлый король. Когда онъ первый разъ услыхалъ свистъ пуль—онъ сказалъ: «съ этихъ поръ это будетъ моею лучшею музыкою».

Противъ него пошелъ такой же молодой, еще болѣе смѣлый и рѣшительный Петръ. У Россіи были давнишніе счеты со Швеціей. Швеція владѣла отнятыми у насъ въ прежнія войны старинными русскими городами и, между прочимъ, Нарвою. Швеція занимала все побережье

Финскаго залива и Балтійскаго моря и теченіе р. Невы; тѣ мѣста, гдѣ теперь стоитъ столица Россійской имперіи Санктъ-Петербургъ, были въ рукахъ шведовъ. Это былъ кратчайшій путь моремъ въ нѣмецкую, голландскую и французскія земли, изъ которыхъ Петръ получалъ все необходимое для просвѣщенія своего государства. Онъ хотѣлъ мечомъ прорубить путь русскому народу къ образованію. Вотъ почему Петръ охотно согласился на предложеніе сосѣдей и, заключивши съ Турціей прочный миръ, 19 августа 1700 года объявилъ войну Швеціи.

Начало войны было неудачно. 19 ноября 1700 года подъ Нарвой русское войско было разбито. Удержались только гвардейскіе полки, обученные по нѣмецкому уставу, всѣ остальные бѣжали, были перерублены шведами, многіе попали въ плѣнъ. Но Петръ не потерялся отъ этого пораженія. Лѣтомъ 1701 года онъ составилъ легкіе отряды и началъ постепенное, шагъ за шагомъ, завоеваніе береговъ рѣки Невы. Въ то же время онъ отправилъ большой конный отрядъ, подъ начальствомъ Шереметева, въ Ливонскую землю, для опустошенія богатой Лифляндіи.

Отрядъ этотъ составлялся изъ только что устроенныхъ Петромъ *драгунскихъ* полковъ. Петръ видѣлъ подъ Азовомъ образцовую, смѣлую работу донцовъ, онъ видѣлъ, какъ искусны казаки въ развѣдкѣ, и вотъ, онъ приказалъ выслать во Псковъ къ Шереметеву казачій полкъ съ Дона. Начальникомъ этого полка былъ на Дону назначенъ *Максимъ Фроловъ,* который былъ пожалованъ царемъ въ *полковники.* Съ нимъ пошли атаманы Ефремъ Петровъ и Леонтій Поздѣевъ и 430 казаковъ.

Въ Лифляндскомъ походѣ Шереметева донцы несли преимущественно сторожевую и развѣдывательную службу маленькими партіями. Отряды казачьи были разсѣяны по всей Лифляндіи, они ходили въ Финляндію, были на Вислѣ. Ими командовали простые казаки, рѣдко сотники и десятники. Донцы находились и въ конвоѣ у Петра Великаго.

Преданіе говоритъ, что при осадѣ Выборга царь Петръ поднялся на высокій камень для наблюденія за войсками. Въ числѣ окружающихъ Петра людей находился одинъ донской казакъ. Вдругъ онъ по шуму замѣтилъ, что въ Петра летитъ ядро. Казакъ, не задумываясь ни на минуту, отстранилъ сильною рукою царя и—палъ за него. Съ тѣхъ поръ камень этотъ носитъ названіе «камень казакъ». Камень этотъ жители Выборга показываютъ и до сихъ поръ. Про подвигъ донского казака давно написано стихотвореніе:

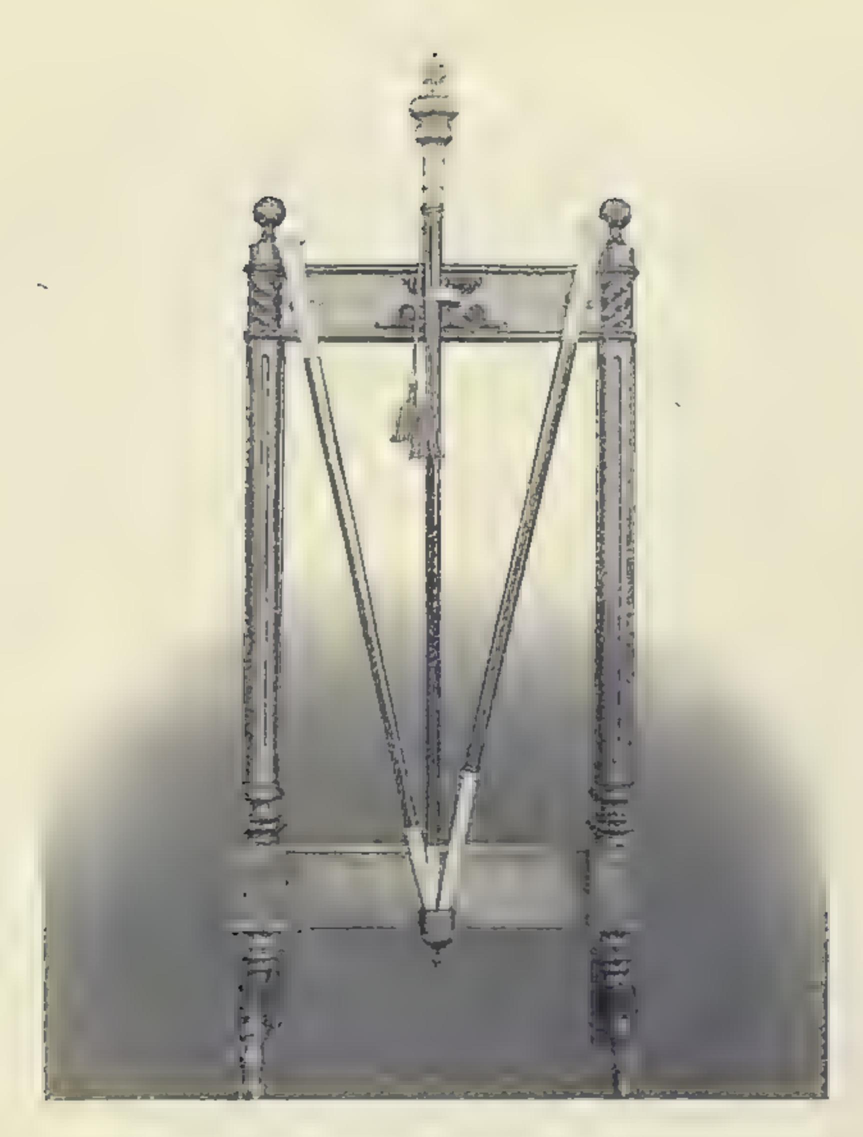
Камень тотъ священъ для насъ,
Гдѣ казакъ Петра намъ спасъ,
И ударъ, летящій зря—
Грудью заслонилъ царя.

Палъ казакъ, но подвигъ живъ:
Славной смертью онъ счастливъ:
Онъ Россіи спасъ царя.

Казаки участвовали вмѣстѣ съ русскими драгунами въ разбитіи шведскаго генерала Шлиппенбаха при Эрестферѣ и имъ же было поручено разорить большой рижскій путь. Здѣсь между Юрьевомъ, Вольмаромъ и Маріенбургомъ казаки разорили болѣе 600 мызъ и деревень и забрали много скота и всякаго имущества.

Государь остался очень доволенъ службою донцовъ въ Шведскую войну и 5 декабря 1703 года пожаловалъ Донъ своею царскою грамотою. Онъ щедро наградилъ усиленнымъ жалованьемъ полковника Фролова, атамановъ и казаковъ.

Война со шведами шла съ необыкновеннымъ упорствомъ, но уже Петръ одолѣвалъ Карла XII. Въ 1704 г. была взята Нарва, въ 1708 г. русскія войска одержали громкую побѣду подъ Лѣсной и въ 1709 г. подъ Полтавой. Донцы въ этой войнѣ участвовали лишь малыми партіями. На самомъ Дону и на Волгѣ имъ предстояло большое дѣло, они нужны были Петру тамъ. Къ знаменитому Полтавскому бою, гдѣ Петръ совершенно разбилъ Карла XII и разсѣялъ его войска, донскіе казаки опоздали. Они пришли цѣлымъ войскомъ на другой день и сейчасъ же были посланы преслѣдовать и истреблять шведовъ. На Дону и на югѣ, на Волгѣ, у Астрахани въ это время было неспокойно. Вѣрнымъ царю казакамъ нельзя было оставлять югъ Россіи безъ присмотра.

ВОЙСКОВЫЯ РЕГАЛІИ.
По серединѣ: насѣка войскового наказного атамана, пожалованная Императрицею Екатериною II въ 1776 году. По бокамъ: насѣки войсковыхъ есауловъ.

26. Пожалованіе казакамъ клейнодовъ за усмиреніе бунта стрѣльцовъ въ Астрахани.

1706 г.

Царь Петръ, желая возможно скорѣе дать русскому народу европейское просвѣщеніе, рѣшилъ измѣнить и внѣшній видъ людей, и ихъ одежду. Русскіе до Петра носили длинное, просторное, мягкое платье, отпускали бороды. Брить бороду, курить табакъ считалось большимъ грѣхомъ.

Петръ былъ за границей. Онъ видѣлъ, что тамъ народъ ходитъ въ короткомъ, свободномъ, не мѣшающемъ работать платьѣ, всѣ брѣютъ бороды и свободно курятъ, не считая баловство табакомъ за грѣхъ. И Петръ, вернувшись изъ чужихъ земель, одѣлся въ короткій, до колѣнъ, кафтанъ, надѣлъ узкіе штаны и высокіе сапоги съ раструбами и шпорами. Такъ же онъ сталъ одѣвать и своихъ приближенныхъ. Всѣ бояре

должны были одѣться по-нѣмецки и обрить бороды. Тѣхъ, кто не дѣлалъ этого добровольно, заставляли исполнить волю царя силою. Самъ Петръ курилъ изъ трубки крѣпкій голландскій табакъ—кнастеръ; начали курить и его приближенные. Старинныя русскія названія были замѣнены новыми. Воеводу стали звать генераломъ, сраженіе называли баталіей, укрѣпленіе—шанцами, или ретраншаментомъ. Тогда-то и появились тѣ слова, которыя и у насъ теперь въ ходу и къ которымъ мы такъ привыкли, что и не замѣчаемъ, что они не русскія:—солдатъ, офицеръ, бригада, дивизія, штабъ, капитанъ, ротмистръ и т. д.

И старымъ русскимъ стрѣлецкимъ полкамъ приказано было брить бороды. Ихъ понемногу переименовывали въ солдатскіе пѣхотные полки и заставляли надѣвать нѣмецкое платье.

Не тронуты были только казаки. Петру уже въ первое пребываніе его на Дону такъ понравилось простое, свободное платье казаковъ, онъ такъ полюбилъ казаковъ за ихъ удаль, проворство и смышленость, что имъ оставлены были навсегда и ихъ свободная одежда, и право носить бороду, и ихъ вѣра—старая и новая, и названія сотенъ, атамановъ, войсковыхъ старшинъ, есауловъ и сотниковъ.

Многимъ въ Россіи «новшества» Петра не нравились. Русскій народъ былъ тяжелъ на подъемъ. Старики берегли свои бороды, нѣмецкое платье имъ было не по нутру. Кое-гдѣ ворчали, кое-гдѣ роптали, а кое-гдѣ и прямо противились царскимъ указамъ. Началось бѣгство людей изъ Россіи—куда? Въ казаки. Поднимался ропотъ, бунты. Въ самое тяжелое время шведской войны бунтовали въ Москвѣ стрѣльцы. Стрѣлецкіе полки въ Азовѣ поднимали ропотъ. А царь былъ крутъ. Жестокими мѣрами онъ подавилъ мятежи. Въ Москвѣ палачи уставали рубить головы стрѣльцамъ. Висѣлицы стояли на площади. Страхомъ приводилъ царь народъ къ покорности. Но, когда усмиряли бунтъ въ одномъ городѣ, онъ вспыхивалъ съ невѣроятною силою въ другомъ. За право носить бороду, за то, чтобы креститься двоеперстнымъ знаменіемъ и писать вмѣсто Іисусъ—Ісусъ, люди шли на плаху, подъ топоръ палача и думали, что они умираютъ за вѣру, что они мученики!

Лѣтомъ 1705 года поднялся бунтъ въ Астрахани. Бывшіе тамъ стрѣльцы не пожелали брить бороды и надѣвать солдатскіе, новой формы, кафтаны. 30 іюля 1705 года, ночью, они убили астраханскаго воеводу Ржевскаго съ дѣтьми и перебили 300 человѣкъ чиновниковъ. Кровавые потоки снова полились по Астрахани, еще не забывшей Разинскія неистовства. Къ астраханцамъ пристали стрѣльцы городовъ Краснаго и Чернаго Яра. Заволновались гребенскіе и терскіе казаки. Мятежники отправили на Донъ стрѣльца Михаила Скорнякова съ семью товарищами. Они

послали донцамъ призывъ отойти отъ государя, соединиться съ астраханцами, терцами, привлечь на свою сторону запорожцевъ и править самостоятельно, черезъ выборныхъ лицъ.—«Царю теперь не до насъ!—писали стрѣльцы.—Вооружайтесь, пока не поздно! Смотрите, и вамъ сбрѣютъ бороды и васъ запишутъ въ регулярство!»

Собрался кругъ войсковой. Атаманъ Лукьянъ Максимовъ прочелъ стрѣлецкое письмо.

Но стрѣльцы не смутили казаковъ. Измѣнниками царю донцы никогда не были. Они заблуждались, они разбойничали, своевольничали, но все, что они дѣлали, они дѣлали для большаго прославленія государства, для того, чтобы увеличить его земли.

Кругъ постановилъ остаться вѣрными государю. Всѣ, бывшіе на кругу, казаки цѣловали крестъ и евангеліе, а стрѣльцовъ арестовали и, заковавъ, отправили подъ охраною станичнаго атамана Саввы Кочета въ Москву.

Государь прислалъ казакамъ грамоту, повелѣвая имъ и впредь оставаться вѣрными ему и Россіи. Войсковой атаманъ сейчасъ же снарядилъ противъ астраханцевъ отрядъ подъ начальствомъ походныхъ атамановъ Максима Фролова и Василія Поздѣева. Астраханцы, узнавъ, что казаки находятся уже въ калмыцкихъ улусахъ, послали сказать имъ, что они хотятъ переговорить о сдачѣ, и назначили мѣсто на Волгѣ, ниже г. Чернаго Яра, для свиданья.

Казаки отправили часть своихъ силъ въ указанное мятежниками мѣсто. Астраханцы воспользовались этимъ, ночью большими силами по Волгѣ проскочили къ Царицыну, нашли и тамъ измѣнниковъ, которые провели ихъ на казачью заставу. Ночью напали они на казаковъ, захватили 70 казаковъ и донской бунчукъ. На другой день они подошли къ Царицыну и потребовали его сдачи. Атаманъ Фроловъ съ казаками вышелъ изъ Царицына, атаковалъ мятежныхъ стрѣльцовъ и разбилъ ихъ. Между тѣмъ, во время самаго сраженія, въ Царицынѣ взбунтовалось сто солдатъ Петровскаго пѣхотнаго полка. Казаки схватили ихъ, пытали, а потомъ казнили. Освободивши Царицынъ отъ мятежниковъ, казаки, въ виду недостатка въ городѣ припасовъ для большого отряда, оставили въ Царицынѣ 900 человѣкъ подъ начальствомъ войсковыхъ старшинъ Тимофея Пирожникова и Леонтія Поздѣева, а сами ушли на Донъ. Пирожниковъ и Поздѣевъ прошли къ Черному Яру и заставили засѣвшихъ тамъ мятежниковъ сдаться.

Когда пали Царицынъ и Черный Яръ, мятежные стрѣльцы заперлись въ Астрахани и здѣсь были взяты бояриномъ Шереметевымъ съ русскими войсками.

Въ награду за помощь, оказанную войскамъ въ тяжелое для Россіи время повсемѣстной смуты, государь пожаловалъ *5-го марта 1706 года* войску Донскому грамоту и *честныя клейноды.*

Клейнодъ по-нѣмецки значитъ сокровище. Этимъ именемъ назвалъ государь посланныя въ войско знаки атаманскаго и войсковаго достоинства, чтобы казаки хранили ихъ, какъ сокровища, въ воспоминаніе заслугъ, за которыя онѣ пожалованы.

«Знатныя войскія клейноды», какъ называлъ ихъ Петръ въ своей грамотѣ, состояли изъ:

Серебрянаго пернача съ цвѣтными камнями, позолоченнаго; изъ *бунчука* съ яблокомъ и доскою и серебряною позолоченною трубкою; *знамени* съ золотымъ тканьемъ—*атаманамъ*, какъ знаки ихъ войскаго достоинства *«въ вѣчную несмертельную память»* и *войску шесть писанныхъ золотомъ и серебромъ станичныхъ знаменъ* и *грамоту* на пергаментѣ съ государственною печатью.

Клейноды эти были посланы войску съ атаманомъ зимовой станицы Ефремомъ Петровымъ, который повезъ также казакамъ и жалованье, большее, нежели обыкновенно.

Съ этого времени у казаковъ вошло въ обычай на кругъ выносить клейноды и подъ Петровскими знаменами принимать присягу *).

Много гуляли казаки въ Черкасскѣ по случаю полученія этихъ знаковъ царской милости и въ томъ же 1706 г., при атаманѣ Максимовѣ, заложили въ Черкасскѣ большой каменный соборъ, который былъ оконченъ и освященъ 1 февраля 1719 года.

Вскорѣ послѣ этого радостнаго праздника страшныя кровавыя событія произошли на Дону. Виновникомъ ихъ былъ Трехъизбянской станицы (на р. Донцѣ) казакъ *Кондратій Булавинъ.*

*) Присланныя Петромъ честныя клейноды при пожарѣ, бывшемъ въ Черкасскѣ въ 1741 году, сгорѣли и вмѣсто нихъ были пожалованы императрицею Елизаветою Петровною другія, сдѣланныя точно такъ же, какъ и Петровскія. Онѣ цѣлы и до сихъ поръ.

От лѣвой руки къ правой. Георгіевское знамя за войну 1853—1856 г. Полковое знамя „за отличіе въ персидскую и турецкую войну 1827—1829 г.". Знамя за усмиренія Астраханскаго бунта въ 1705 г., Георгіевское знамя за войну 1812—1814 г. Знамя въ память трехсотлѣтія войска Донского 1570—1870 г. Полковое знамя.

27. Булавинъ.

Среди домовитыхъ, вѣрныхъ и преданныхъ государю и родинѣ казаковъ на Дону было много и всякаго сброда, казаковъ только по названію, недавно пришедшихъ на Донъ изъ Россіи. Еще неустроившіеся, не поселившіеся ни въ какомъ юртѣ, буйной и шумной ватагой шатались они по войску, ища наживы или добычи. Если не было похода, они работали, торговали, но какъ только заводились у нихъ деньги, они ихъ пропивали. Какъ всегда, казаки принимали къ себѣ всякаго, кто вѣровалъ во Христа, кто просилъ у нихъ защиты отъ утѣснителей.

Въ 1675 году отъ казаковъ потребовали, чтобы они выдали нѣсколькихъ людей, обвинявшихся въ разбояхъ и бѣжавшихъ на Донъ.

Казаки отвѣчали: «мы никогда не выдавали людей съ Дона; Донъ только и держится пришлыми людьми. Если мы станемъ выдавать, то и весь Донъ разойдется. Каждый будетъ искать другого пристанища».

Тогда въ 1682 году было издано запрещеніе казакамъ принимать свободныхъ и помѣщичьихъ людей. По войсковой границѣ поставили пропускные посты и стали осматривать идущихъ въ войско людей. Но, тѣмъ не менѣе, люди продолжали идти на Донъ изъ Россіи. Когда началось въ Москвѣ преслѣдованіе людей старой вѣры, преслѣдованіе за бороды и ношеніе старциннаго платья—все больше и больше стало бѣжать народа на Донъ. Окрестные помѣщики жаловались, что у нихъ не хватаетъ крестьянъ для обработки полей, что они не могутъ выполнять правильно службу, такъ какъ люди отъ нихъ уходятъ въ казаки.

Въ 1703 году на Донъ были присланы изъ Москвы чиновники для переписи казаковъ. Они же обязывали подпиской станичныхъ атамановъ не принимать больше бѣглыхъ людей. Казаки просили оставить хотя бы тѣхъ, которые пришли на Донъ въ 1695 году. Имъ въ этомъ было отказано, а на Донъ присланъ былъ воевода для уничтоженія вновь построенныхъ по рѣчкѣ Айдару городковъ. Все это произвело въ верховьяхъ Дона смуту. Казаки были недовольны приказами и нехотя исполняли царскую волю.

Въ 1701 году за соль стали брать налогъ. Но налогъ этотъ не касался казаковъ. У казаковъ были свои солеварни въ Бахмутскомъ городкѣ. Противъ нихъ стоялъ Изюмскій полкъ малороссійскихъ казаковъ. Полковникъ этого полка сталъ притѣснять казаковъ, требовать съ нихъ налогъ за солеварни. Между изюмскими казаками и донцами произошла изъ-за этого ссора. Бывшій въ Бахмутскомъ городкѣ станичнымъ атаманомъ Кондратій Булавинъ горячо заступился за казаковъ. Когда Изюмскому полку было приказано отобрать въ казну Бахмутскія солеварни, Булавинъ ихъ не отдалъ, собралъ казаковъ и разорилъ угодья Изюмскаго полка. Началась открытая война между изюмцами и донцами.

И вотъ изъ-за этой борьбы съ изюмцами разгорѣлось по Дону настоящее возстаніе. Атаманъ Максимовъ поддерживалъ Булавина, говоря, что онъ творитъ правое дѣло, и въ то же время отписывалъ о немъ въ Москву. Изъ Москвы прислали воеводу съ наказомъ отобрать въ казну спорныя солеварни. Тогда Булавинъ отправился въ верховья Дона, на Хоперъ, и тамъ сталъ поднимать казаковъ вступиться за свои права.

Въ это время на Хопрѣ стоялъ воевода князь Долгорукій съ бригадою пѣхоты. Войска его были раздѣлены на маленькіе отряды. Эти отряды стояли по станицамъ, и офицеры ихъ были заняты переписью бѣглыхъ людей.

Казаки были возбуждены противъ воеводы и его офицеровъ, пьянствовавшихъ и безобразившихъ по станицамъ. Въ станицахъ шумѣли смутьяны, подговаривая перебить русскихъ офицеровъ. Въ это время среди нихъ появился Булавинъ. Онъ уже снесся съ атаманомъ Максимовымъ, и Максимовъ, явно помогая князю Долгорукому, тайно содѣйствовалъ Булавину.

И вотъ, къ Булавину начали сходиться «голутвенные» казаки, бѣглые крестьяне, стрѣльцы, бѣжавшіе изъ Москвы. Образовалась шайка отчаянныхъ людей, среди которыхъ было много преступниковъ, приговоренныхъ въ Москвѣ къ смертной казни. Глухою темною ночью, осенью 1707 года, Булавинъ подкрался къ Шульгинскому городку, убилъ тамъ князя Долгорукаго, 10 офицеровъ и около 1.000 человѣкъ стрѣльцовъ. Послѣ этого злодѣйства, Булавинъ сталъ во главѣ 20.000 бѣглыхъ людей и пошелъ съ ними по Дону. Народъ собрался безлошадный, большинство не имѣло и оружія, одѣты были плохо. Булавинъ зналъ, что на Дону, если посулить добычу, дадутъ и коней, и оружіе, и одежду. Онъ велъ свою вольницу, увѣренный въ успѣхѣ. И, дѣйствительно, атаманъ стараго Боровскаго городка встрѣтилъ Булавина съ хлѣбомъ, виномъ и медомъ и принималъ его въ станичной избѣ. У Булавина составилась и старшина, казакъ *Лоскутъ* назывался полковникомъ, онъ былъ изъ Россіи, пришлецъ изъ Валуйки; ходилъ въ разбояхъ еще съ Разинымъ. Это былъ человѣкъ привычный ко всякому кровопролитію; были и другіе опытные разбойники.

Заколыхали вы всѣмъ государствомъ,—говорилъ Булавину Боровскій атаманъ:—что вамъ дѣлать, если придутъ войска изъ Руси: тогда и сами пропадете, и намъ пропасть.

— Не бойтесь,—отвѣчалъ Булавинъ:—началъ я дѣло не просто: былъ я въ Астрахани и въ Запорожьѣ, и на Терекѣ. Астраханцы, запорожцы и терчане всѣ мнѣ присягу дали, что они помогутъ мнѣ. А теперь мы пойдемъ по казачьимъ городкамъ и будемъ къ себѣ казаковъ приворачивать, а которые къ намъ не пойдутъ, такихъ мы, назадъ вернувшись, будемъ жечь и рѣзать. Пойдемъ мы и на Украйну, наберемъ коней, оружія, одежды. А затѣмъ возьмемъ Азовъ и Таганрогъ, освободимъ ссыльныхъ и каторжныхъ, а на весну пойдемъ на Воронежъ и на Москву.

Лоскутъ ободрилъ Булавина.

— Не бойся,—сказалъ онъ,—я—прямой Стенька Разинъ. Но не какъ тотъ Стенька безъ ума голову потерялъ. Я васъ поведу».

И, дѣйствительно, Булавинъ переписывался съ атаманомъ запорожскихъ казаковъ, гетманомъ Мазепой, который измѣнилъ царю Петру и

вошелъ въ сношенія съ шведскимъ королемъ Карломъ XII. Булавинъ зналъ, что въ Черкасскѣ и Азовѣ придонскіе казаки недовольны тѣмъ, что на морѣ стоитъ царскій государственный флотъ, а не ихъ вольные челны, и что нельзя имъ больше «охотниками» гулять по синему морю и разбивать «бусы-корабли»... Онъ готовилъ мятежъ болѣе страшный, нежели былъ у Разина.

Боровская станица передалась Булавину. За нею начали сдаваться и еще нѣкоторые донскіе городки, но по Дону казаки не желали слушать самозваннаго атамана. Зимою по Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Донцу всѣ казаки признавали только одного атамана—Кондратія Булавина. Но особенно вѣрили ему раскольники, которые сотнями бѣжали изъ Москвы.

Въ Черкасскѣ казаки волновались и шумѣли. Среди казаковъ раздавались голоса:

— А вѣдь за правое дѣло идетъ Булавинъ. Онъ не мятежникъ, онъ стоитъ лишь за то, чтобы все было, какъ было. *Нашъ Азовъ* московскіе люди у насъ взяли, теперь мы не можемъ гулять по морю, какъ раньше. Теперь брѣютъ бороды и въ солдаты пишутъ стрѣльцовъ — доберутся и до насъ.

Булавинъ эту зиму провелъ на Днѣпрѣ. Рѣшительно и быстро дѣйствовалъ царь, въ разгарѣ шведской войны собирая противъ Булавина большое войско, но не менѣе рѣшителенъ былъ и Булавинъ. Онъ объявилъ гетману Мазепѣ, что Донское войско отложилось отъ Москвы, получилъ подкрѣпленіе 3.000 запорожскихъ казаковъ, и, раннею весною 1708 года, онъ явился передъ Черкасскомъ. Къ нему навстрѣчу вышелъ атаманъ Максимовъ. Братъ шелъ на брата. Отчаянно боролись вѣрные царю казаки, но Булавинъ взялъ ихъ силою и атаманъ отступилъ къ Черкасску.

Булавинъ шелъ за нимъ по пятамъ. По его пути станицы примыкали къ бунтовщику и войско его становилось все больше, сильнѣе и многолюднѣе. Средняя и Нижнерыковскія станицы первыя изъ черкасскихъ станицъ передались мятежнику, открыли ему ворота Черкасскаго городка и булавинцы ворвались въ Черкасскъ. Они изрубили караулы, шумною толпою разсѣялись по городу; войсковому атаману Максимову и четыремъ старшинамъ отрубили головы, пятому же старшинѣ, Ефрему Петрову, тому самому, который привезъ войску изъ Москвы клейноды, накинули на шею веревку и задушили.

Булавинъ сейчасъ же собралъ кругъ, и кругъ, составленный изъ преданныхъ ему казаковъ, избралъ его войсковымъ атаманомъ.

Въ это время, по приказу государеву, весьма поспѣшно, дѣлая

двойные переходы, шли войска, посланныя противъ Булавина. Число ихъ доходило до 20.000. Велъ ихъ гвардіи полковникъ князь Долгорукій, братъ убитаго Булавинымъ.

Булавинъ отправилъ навстрѣчу войскамъ Петра 15.000 бунтовщиковъ подъ начальствомъ *Лучко Хохлача.*

Мятежники дрались робко. Они чуяли неправду за собой, чуяли мерзость своего поступка. Царскія войска ихъ легко разсѣяли. Булавинъ находился въ Черкасскѣ, но положеніе его было непрочное. При первыхъ же извѣстіяхъ о пораженіи его войска казаки толпами стали уходить отъ него. Шли въ свои станицы; шли и къ Долгорукому на помощь. Нѣсколько благоразумныхъ казаковъ собрались вмѣстѣ, избрали себѣ атаманомъ старшину Илью Зерщикова и рѣшили взять Булавина и отдать его московскому войску. 7-го іюля ночью они ворвались въ Черкасскъ и напали на домъ атамана. Булавинъ съ нѣсколькими преданными ему казаками отчаянно защищался. Онъ понималъ, что его дѣло погибло, настали послѣднія минуты жизни. Собственноручно онъ убилъ двухъ казаковъ, хотѣвшихъ ворваться въ избу. Никто не смѣлъ подойти близко къ его маленькому домику. Привезли пушки, и ядра начали разрушать его. Кругомъ таскали хворостъ, собираясь сжечь Булавина живьемъ. Всѣ его покинули. Онъ одинъ метался по горницѣ, ища спасенія. Но спасенія не было, и Булавинъ застрѣлилъ себя самъ изъ пистолета.

Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Петра, Петръ приказалъ отслужить молебенъ, стрѣлять въ знакъ радости изъ ружей и пушекъ, всѣмъ казакамъ, бывшимъ въ отрядѣ Долгорукаго пожаловалъ жалованье, а атаманамъ Извалову и Ѳедосѣеву выдалъ по сту рублей.

На мѣсто Булавина *войсковымъ атаманомъ государь приказалъ избрать Петра Ромазанова.* Это былъ первый атаманъ, избранный казаками войска и утвержденный въ званіи государемъ Россійскимъ. Съ 1708 года войсковые атаманы на атаманство сажаются уже по волѣ царя.

Долгорукій продолжалъ усмиреніе Дона. Большинство мятежниковъ быстро сдавалось при приближеніи войска. Среди нихъ почти не было казаковъ. Это былъ тотъ пришлый сбродъ, тѣ толпы распущенныхъ, лѣнивыхъ крестьянъ, которыя легко было замутить, поднять, но которыя также легко и сдавались. Лишь небольшая партія казаковъ съ атаманомъ *Некрасовымъ* ни за что не желала покориться. Она перешла турецкую границу и просила султана принять ихъ къ себѣ. Султанъ отвелъ имъ мѣсто для поселенія. Некрасовцы участвовали потомъ во многихъ войнахъ султана и считались храбрѣйшею конницею въ Турціи.

Дѣти, внуки и правнуки ихъ живы и до сихъ поръ и носятъ названіе Некрасовцевъ. Они всѣ живутъ по старой вѣрѣ, въ чистотѣ сохранили свои казачьи обычаи и русскій языкъ. Во время послѣдней турецкой войны они были гребцами на лодкѣ, перевозившей государя черезъ Дунай. Большинство изъ нихъ занимается извознымъ промысломъ въ городахъ Турціи, Болгаріи и Сербіи.

Такъ кончился мятежъ Булавина, всколыхнувшій все войско Донское. Много низкой подлости и гадкаго расчета было въ этомъ движеніи. Молодая Россія вела тяжелую войну со шведами. Всѣ войска были заняты отраженіемъ врага внѣшняго, который былъ уже на русской землѣ Къ бунту пристали всѣ недовольные. Войско Булавина достигало нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, оно было вооружено, руководили имъ опытные казаки. И, тѣмъ не менѣе, князь Долгорукій менѣе чѣмъ въ годъ подавилъ волненіе, захватившее весь югъ Россіи.

Казаки были недовольны новыми распоряженіями. Особенно стѣсняло ихъ то, что Азовъ былъ занятъ русскимъ государственнымъ флотомъ. Отъ нихъ какъ бы отняли то море, владѣть которымъ они привыкли многія сотни лѣтъ. Они думали возмущеніемъ вернуть себѣ прежнее значеніе на морѣ, вернуть прежнюю самостоятельность, вольность Донского войска...

Послѣ возмущенія они потеряли право избирать себѣ атамана. Вскорѣ послѣдовалъ и еще рядъ приказовъ, сильно измѣнившихъ старое вольное устройство Донского войска.

Булавинъ думалъ пріобрѣсти славу войску Донскому — но далъ ему только безславіе и позоръ. Онъ былъ хуже Разина. Разинъ былъ разбойникъ, былъ гулебщикъ, охотникъ, былъ старый вольный казакъ. Идя противъ царскихъ войскъ, онъ шелъ не противъ царя, а противъ бояръ. Да и шелъ противъ нихъ онъ подъ вліяніемъ вина. Трезвый онъ нашелъ бы другое мѣсто для набѣговъ.

Булавинъ возсталъ противъ царя! Этого на Дону никогда не бывало. Изъ-за мелкой, личной обиды онъ повергъ войско Донское въ великій позоръ. 17 тысячъ казненныхъ помощниковъ его лягутъ на его совѣсть. И умеръ онъ подлою смертью—смертью самоубійцы.

Булавинъ хотѣлъ дать войску славу, а далъ ему безславіе! Онъ лишилъ донцовъ возможности участвовать въ величайшихъ и славнѣйшихъ побѣдахъ Россіи. Казаки не были въ Полтавской битвѣ 27 іюня 1709 года. Они опоздали къ ней, и виною тому—Булавинъ.

А вѣдь Булавинъ желалъ пользы войску... Но онъ не понялъ, что сыну нельзя возставать на мать, а Тихій Донъ, искони русскій — не могъ и не долженъ былъ идти противъ Россіи. Слава донская такъ

тѣсно связана со славою русскою, что донцы всѣми силами должны отстаивать славу, величіе и неприкосновенность Россіи и ея Государя. И, какъ мы увидимъ дальше, донцы поняли это. Бокъ-о-бокъ, стремя къ стремени сражаясь съ русскими полками, они въ вѣковую славу русскихъ знаменъ вплели имена своихъ донскихъ генераловъ, полковниковъ, офицеровъ и казаковъ.

Домъ казака въ Правоторовской станицѣ.

Разливъ Дона въ Старочеркасскѣ.

28. Конецъ донской вольницы.

20 апрѣля 1709 года царь Петръ гулялъ по Черкасску. Въ тѣ времена старый Черкасскъ мало походилъ на нынѣшнюю Старочеркасскую станицу. Это былъ обширный, многолюдный, сильно укрѣпленный городъ. По р. Дону стояли удобныя пристани и при Петрѣ здѣсь шла обширная торговля. Городъ былъ окруженъ стѣною съ десятью «раскатами» (бастіонами — выступами особаго вида). На раскатахъ стояло сто мѣдныхъ и желѣзныхъ пушекъ. Въ городъ вело четверо большихъ воротъ и десять малыхъ.

Стѣны Черкасска были деревянныя, въ два бревенчатыхъ забора, промежутокъ между ними былъ набитъ землею и щебнемъ. Концы бревенъ были заострены. Каменная стѣна была только съ одной стороны города.

Отъ стѣнъ этихъ остались только обломки каменной стѣны.

Со стороны рѣки Дона былъ устроенъ высокій острый «тынъ». Черкасскій городъ состоялъ изъ одиннадцати станицъ, изъ которыхъ одна была татарская (Базовая). Дома въ городѣ были большею частью деревянные, построенные на сваяхъ. Стояли они очень тѣсно одинъ къ другому. Пожары часто опустошали городъ, не разъ взлетала отъ нихъ на

воздухъ и «пороховая казна» и гибли люди. Отъ одного изъ такихъ взрывовъ образовалась такая глубокая воронка, что сдѣлалось озеро. Оно и теперь существуетъ.

Но еще больше, чѣмъ отъ огня, Черкасскъ страдалъ отъ наводненій. Бывали годы, когда весь городъ и всѣ окрестности были заливаемы весеннею водою. И несмотря на такія неудобства, жители любили его, онъ быстро разростался и былъ всегда полонъ и пришлаго, и тамъ живущаго народа.

На узкихъ и кривыхъ, по-азіатски строенныхъ, или, вѣрнѣе, совсѣмъ не строенныхъ, а сами собою образовавшихся улицахъ, на площадяхъ, на пристаняхъ всегда сновалъ народъ.

Такъ было и 20 апрѣля 1709 года, когда внезапно въ Черкасскъ пріѣхалъ государь. Онъ провожалъ въ Азовъ четыре большихъ корабля, только что спущенныхъ на воду въ Воронежѣ. Теплый весенній день, яркое солнце, невиданныя на Дону громады кораблей съ десятками ярко блестѣвшихъ пушекъ вызвали весь Черкасскъ на улицы.

Ногайскіе татары на маленькихъ косматыхъ лошадяхъ, калмыки въ пестрыхъ халатахъ, въ высокихъ остроконечныхъ шапкахъ, опушенныхъ лисьимъ, собачьимъ, а кто побогаче, то и собольимъ мѣхомъ, русскіе купцы въ кафтанахъ немного длиннѣе того, какъ указано было Петромъ, казаки въ пестрыхъ зипунахъ и высокихъ остроконечныхъ шапкахъ ходили по улицамъ. Говоръ тысячи людей гомономъ стоялъ надъ городомъ. Но особено сильно толпился народъ на площадяхъ, у кабаковъ. Здѣсь съ казаками вмѣстѣ гуляли и матросы русскаго царя, въ синихъ матросскихъ голландскаго покроя рубахахъ и круглыхъ черныхъ лакированныхъ шляпахъ. Пили вино и водку въ кабакахъ, откуда неслись нестройныя пьяныя пѣсни, пили вино и на площадяхъ, куда выкатывали цѣлыя бочки его. Въ эти дни гульбы, когда казаки говорили— «хоть день—да мой»,—пропивалось все. Вся добыча многихъ лѣтъ, долгихъ утомительныхъ, кровавыхъ походовъ ставилась на карту. Иной угощалъ всѣхъ проходящихъ и для платы за угощеніе скидывалъ постепенно съ себя и суконный зипунъ, и шаровары, и сапоги, и, наконецъ, исподнее бѣлье. Вотъ такого-то, именно, молодца, пропившаго все, даже нижнюю рубаху, и сидѣвшаго на боченкѣ, при саблѣ, опершись на ружье въ грустномъ раздумьѣ, увидалъ царь.

Петръ, въ простомъ нѣмецкомъ платьѣ, со своею дубинкою въ рукахъ, въ сопровожденіи дежурнаго при немъ офицера, которые назывались «денщиками», гулялъ по городу. Петръ любилъ веселье народное, любилъ гульбу, она напоминала ему заграничные города, гдѣ всѣ веселы и подвижны, и оживленіе шумнаго Черкасска ему нравилось. Увидѣвъ

молодца въ однихъ портахъ, но съ саблей и ружьемъ, Петръ подошелъ къ нему.

— Эй, отвага-молодецъ,—сказалъ царь казаку,—для чего не продалъ ты ружье, вмѣсто рубахи? За него дали бы много. А за рубаху ты и осьмухи не получилъ.

— Сбыть ружье казаку не пригоже,—мрачно отвѣчалъ казакъ,— съ ружьемъ я и службу царскую отбуду, и шелковую рубаху добуду!

Понравился отвѣтъ царю.

Уѣзжая въ тотъ же день и прощаясь съ провожавшимъ его атаманомъ, царь спросилъ:

— А что, есть въ войскѣ Донскомъ—гербъ?

Ему отвѣчали, что на отпискахъ донскихъ атамановъ изъ древнихъ временъ ставилась войсковая печать: иногда—олень, пронзенный стрѣлою, иногда—казакъ верхомъ на бочкѣ. Петру понравился второй гербъ и онъ приказалъ его такъ рисовать: на боченкѣ сидитъ казакъ, нагой до пояса, поднявшій надъ головою ружье. Гербъ этотъ былъ въ войскѣ съ 1709 года до 1805 года, почти сто лѣтъ...

Перемѣны, которыя дѣлалъ въ управленіи Россіею Петръ, коснулись и войска Донского. Раньше перепискою съ войскомъ, посылкою жалованья, жалобами, или, какъ тогда называли—челобитными—казаковъ вѣдалъ *Посольскій приказъ,* то-есть на казаковъ смотрѣли въ Москвѣ какъ бы на другое государство. Посольскій приказъ переписывался съ Турецкимъ султаномъ, Польскимъ королемъ, королемъ Свѣйской земли (Шведскимъ), Римскимъ императоромъ и другими государями, онъ былъ то же, что теперь министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ же во времена царей Московскихъ переписывался и съ «верхними и нижними юртами Дона, съ атаманами и казаками».

Въ 1716 году войско Донское перешло изъ Посольскаго приказа въ вѣдѣніе только что учрежденнаго Петромъ *Правительствующаго Сената.*

Государь весьма былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы дать возможность казакамъ жить на Дону не только охотою, добычею военною и царскимъ жалованьемъ. Онъ обратилъ вниманіе на богатство Донского края, онъ первый нашелъ на Дону каменный уголь и, показывая его приближеннымъ, сказалъ знаменательныя, пророческія слова:

«Сей минералъ (камень) если не намъ, то нашимъ потомкамъ зѣло полезенъ будетъ!»

Государь выписалъ изъ Франціи опытныхъ виноделовъ и чубуки винныхъ сортовъ винограда и приказалъ имъ насадить близъ Цымлянской станицы виноградные сады и научить казаковъ дѣлать вино.

По всему Дону Петромъ приказано было казакамъ разводить фруктовые и виноградные сады и *сѣять хлѣбъ*.

При Петрѣ на Дону начали строить церкви и часовни; такъ, въ его время построены:

Каменный соборный храмъ въ *Черкасскѣ*, сгорѣвшій въ 1741 году вмѣстѣ съ клейнодами и потомъ отстроенный вновь. Это, можно сказать, прадѣдъ донскихъ церквей. Въ *Казанской станицѣ* въ 1700 году устроена церковь во имя Архистратига Михаила, деревянная, такая же церковь и во имя того же святого—въ *Добринской станицѣ*, въ *Михайловской станицѣ*—деревянная Богоявленская церковь, въ *Верхне-Чирской станицѣ*—часовня святителя и чудотворца Николая. Во многихъ станицахъ были построены и еще церкви и къ 1709 году ихъ на Дону уже было 24. Съ 1709 года по 1718 на Дону было построено еще много церквей, но все деревянныхъ.

Въ 1718 году войско Донское было присоединено къ *Воронежской епархіи*, которою управлялъ въ то время митрополитъ Пахомій. Казаки ходатайствовали передъ Петромъ, чтобы казачьими церквами вѣдалъ непосредственно Святѣйшій Сунодъ. Но царь отказалъ въ этомъ казакамъ.

Вмѣстѣ съ постройкой церквей государь *запретилъ казакамъ жениться безъ священника*.

Но самыя главныя перемѣны, совершенно измѣнившія жизнь и обычаи донскихъ казаковъ, касались управленія войскомъ.

Въ 1700 году царь приказалъ для выборовъ атамана, для обсужденія дѣлъ, касающихся всего войска, на войсковой кругъ въ Черкасскѣ собираться *не всѣмъ атаманамъ и казакамъ*, не всему великому войску Донскому, а только *станичнымъ атаманамъ и* съ ними *по два старика, выборныхъ отъ станицы*. Учреждено было *Правленіе старшинъ*.

Самовольно собирать казаковъ въ походы было запрещено. Въ походы стали назначать для службы казаковъ по очереди. Полки начали оставлять на службѣ не только во время войны и похода, но иногда и въ мирное время. Зимовая станица изъ одного атамана, одного есаула и 100 казаковъ остается въ Москвѣ постоянно.

Въ первую очередь, на смѣну казаковъ были назначены всѣ гуляки, бездомовные казаки и всѣ булавинцы, помилованные государемъ. Эти буйныя головы служили государю усердно и бились смѣло и отчаянно. Они участвовали въ новой Турецкой войнѣ, начатой Петромъ въ 1711 году, и были во флотѣ у адмирала Апраксина. Эта Турецкая война была неудачна для Петра. Петръ былъ окруженъ съ 38.000 войскомъ 200.000 арміей султана на рѣкѣ Прутѣ и долженъ былъ заклю-

чить невыгодный миръ съ турками. По этому миру Азовъ возвращенъ туркамъ со срытыми укрѣпленіями и крѣпость Таганрогъ снята.

Въ 1709 году Петръ поставилъ *въ атаманы Петра Емельяновича Рамазанова безсмѣнно.* Послѣ его смерти войско избрало атаманомъ Кумшацкаго, а потомъ черезъ годъ Василія Фролова. Петръ, любившій сыновей Фрола Минаева, съ которымъ онъ одержалъ первую морскую побѣду, утвердилъ выборы войска и повелѣлъ Фролову быть атаманомъ впредь до указа.

Съ 1723 года войско Донское перешло въ вѣдѣніе *военной коллегіи* и съ этого же времени *войсковой атаманъ назначается коллегіею* и получаетъ названіе *наказного атамана.*

Въ 1725 году великій Преобразователь Россіи Петръ умеръ, простудившись во время спасанія тонувшихъ въ морѣ солдатъ. Онъ умеръ уже Императоромъ, умеръ Великимъ. За его побѣды надъ шведами, за удивительное знаніе военнаго дѣла—его считаютъ величайшимъ полководцемъ всего міра. При заключеніи мира со шведами—ему было поднесено наименованіе Императора и царская Русь становится Русью *Императорскою.*

При Петрѣ Великомъ закончилась самостоятельная, вольная жизнь донскихъ казаковъ. Они вошли въ составъ громадной Россійской Имперіи не столько какъ земельная область, сколько какъ военная община. Раньше походы совершало все войско. Говоря о дѣйствіяхъ донцовъ, мы говорили и о всемъ войскѣ. Да оно и было не велико: 8—10 тысячъ человѣкъ всего. При Петрѣ войско наполнилось людьми. Но это уже не были охотники, гулебщики, промышлявшіе добычей, а были прикрѣпленные къ землѣ трудомъ хлѣбопашца свободные люди. Ихъ вызывалъ императоръ на войну, и они собирались въ полки и шли воевать уже по царской волѣ.

Съ этого времени кончается исторія войска Донского какъ самостоятельнаго военнаго братства, и начинается исторія его какъ части Русскаго государства, части русской арміи.

Съ этого времени героями Дона становятся не вольные атаманы донскихъ дружинъ, но донскіе генералы и офицеры, простые казаки, прославившіе имя свое въ бояхъ и сраженіяхъ или въ мирномъ трудѣ ради государства Русскаго, ради Русской имперіи. Но и въ это время, какъ и раньше, больше всего отличались казаки на войнѣ. Военная, боевая слава почиталась ими выше всего.

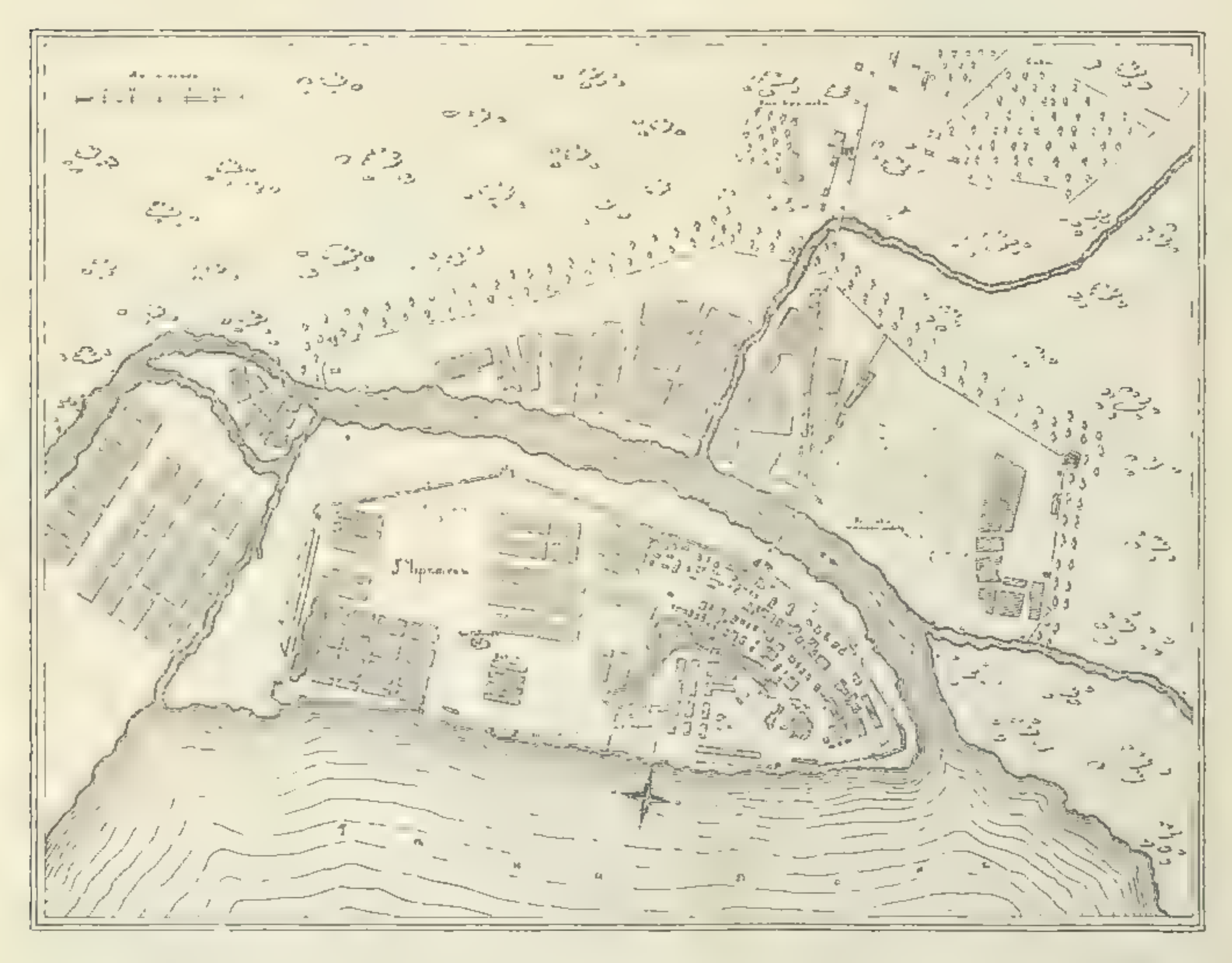
Боевыми рыцарями они были, боевыми рыцарями они и остались.

Не было похода, въ которомъ не участвовали бы донцы. Не было

войны, гдѣ бы они не отличались, не было сраженія, гдѣ бы они не проливали кровь свою за императора и родную Россію.

Слава былого вольнаго общества казачьяго преобразилась въ славу великаго войска Донского и прокатилась волною отъ береговъ Атлантическаго до береговъ Великаго океана.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Планъ Черкасскаго городка. Снятъ въ 1767 году.

ЧАСТЬ
II.

Казаки на Кавказѣ.

29. Иванъ Матвѣевичъ Краснощековъ, первый бригадиръ *) войска Донского.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Петра Великаго Россія начала войну съ Персіей. Императоръ Петръ стремился всѣми силами обогатить Россію. Онъ искалъ случая завести торговыя сношенія съ народами, окружавшими его государство. Достигнувши владычества на сѣверѣ, на Финскомъ заливѣ, императоръ задумалъ проложить дорогу русскимъ купцамъ къ богатой Индіи и добывать оттуда дорогіе заморскіе товары. Но на пути лежала Персія. Въ 1712 году, во время безпорядковъ, бывшихъ въ Персіи, въ городѣ Шемахѣ были убиты 300 русскихъ купцовъ и разграблено товара на 4 милліона рублей. Петръ ожидалъ только окончанія войны со шведами, чтобы наказать персовъ, и, какъ только заключилъ въ 1721 году миръ со Швеціей, онъ въ слѣдующемъ же году началъ войну съ персами.

*) Бригадиръ въ тѣ времена соотвѣтствовалъ теперешнему генералу.

15 іюня 1722 г. въ Астрахань прибылъ Петръ. Черезъ мѣсяцъ послѣ его прибытія, громадный флотъ изъ 274 судовъ съ 20 тысячами человѣкъ пѣхоты, посаженной на нихъ, пошелъ по Каспійскому морю. Въ то же время берегомъ двинулась конница и донскіе казаки съ калмыками. Въ этомъ персидскомъ походѣ среди донцовъ выдѣлился и обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго молодой донской казакъ Иванъ Матвѣевъ, по прозванью—*Краснощековъ*.

Суровыя Кавказскія горы съ снѣговыми хребтами, густые дремучіе лѣса, богатые звѣремъ, глухіе чеченскіе аулы съ дикими и смѣлыми горцами, голубое море Хвалынское—были знакомы Краснощекову съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Мальчикомъ, лѣтъ 15-ти, со станицею удалыхъ казаковъ-охотниковъ ушелъ онъ на Кавказъ. Охота и война съ горцами научили его ѣздить на конѣ, охота и война сдѣлали изъ него стрѣлка на рѣдкость. Въ этихъ набѣгахъ молодой казакъ былъ раненъ въ ногу. Лѣчить было некому, да и некогда. Врагъ былъ кругомъ. Краснощековъ съ товарищами охотились за добычею едва не во вражескомъ станѣ. Богатырское здоровье и молодость вылѣчили Краснощекова, но рана давала себя чувствовать. Краснощековъ слегка прихрамывалъ. Однако, и раненый онъ продолжалъ свои набѣги на татаръ и горцевъ, и тѣ прозвали его «Аксакъ», что на языкѣ горцевъ означаетъ—хромой.

Черкесы и боялись, и уважали Краснощекова. Они считали его героемъ. «Аксакомъ» пугали дѣтей. И у нихъ былъ богатырь черкесъ по прозвищу «Авшаръ». Сильно хотѣлось обоимъ богатырямъ, донскому и черкесскому, встрѣтиться и свести между собою счеты. Разъ осенью Краснощековъ ѣхалъ по опушкѣ лѣса. Вечерѣло. Вдругъ на обрывистомъ берегу горной рѣчки онъ увидалъ притаившагося въ кустахъ черкеса. По всему обличью, по тому, какъ хитро притаился въ кустахъ черкесъ, Краснощековъ догадался, что это «Авшаръ». «Авшаръ» тоже сейчасъ узналъ донского витязя. Въ тяжелое положеніе попалъ Краснощековъ. Ружье у него было очень плохое, било недалеко. У «Авшара» же ружье было отличное, длинное, нарѣзное, съ золотою и серебряною насѣчкою. Хорошо зналъ его Краснощековъ. Не одного удалого донца уложило оно въ схваткахъ богатырскихъ. Живо соскочилъ онъ съ лошади, подкрался къ берегу, спрятался въ кустахъ, и только успѣлъ выставить въ сторону свою высокую баранью шапку, какъ пуля «Авшара» пронзила ее. Этого только и ждалъ Краснощековъ. Онъ зналъ, что теперь «Авшару» придется заряжать снова ружье, пройдетъ время; онъ вскочилъ, въ нѣсколько прыжковъ достигнулъ «Авшара» и почти въ упоръ уложилъ его на мѣстѣ. Отличное оружіе и дивный жеребецъ-аргамакъ достались въ добычу Краснощекову. Отъ этой лошади Красно-

щековъ впослѣдствіи развелъ по Дону породу легкихъ лошадей, которая долгое время называлась «*Авшарской*».

Петръ Великій давно слышалъ про Краснощекова, зналъ его и по шведской войнѣ, гдѣ онъ оставилъ по себѣ хорошую память въ войскахъ.

Въ персидскій походъ императоръ назначилъ Краснощекова походнымъ атаманомъ. Подъ его начальствомъ были донскіе казаки и калмыки.

19 августа 1722 года казаки столкнулись съ десяти-тысячнымъ отрядомъ султана Махмуда. Казаки, послѣ долгаго сраженія и многихъ атакъ, во время которыхъ донцы стрѣляли изъ ружей и изъ луковъ, разбили султанскую конницу. 23 августа Петръ Великій подошелъ къ Дербенту Жители Дербента, безъ всякаго сопротивленія, открыли ворота и приняли русское войско съ полною покорностью.

Городъ за городомъ по побережью Каспійскаго моря предлагали сдаваться императору. Государь былъ близокъ уже къ большимъ персидскимъ городамъ, откуда шла караванная дорога на Бухару и въ Индію. Но въ это время буря разбила корабли съ продовольствіемъ. и императоръ не рѣшился безъ запасовъ продолжать походъ. Онъ тронулся къ Астрахани и на берегу Каспійскаго моря, близъ Сулака, заложилъ крѣпость Св. Креста.

Съ этого мѣста Петръ Великій отправилъ атамана Краснощекова съ тысячью донцовъ и четырьмя тысячами калмыковъ для разгрома владѣній Оттемишскаго султана. Быстрою лавою пронесся донской атаманъ по деревнямъ и ауламъ. По его пути пылали зажженные дома, и тысячи изрубленныхъ тѣлъ оставили казаки за собою въ этомъ набѣгѣ. Краснощекова послѣ этого назвали грозою Кавказа.

Въ 1723 году императоръ Петръ Великій заключилъ выгодный миръ съ Персіей. Донцамъ, въ награду за дѣйствія въ эту войну, было пожаловано 26½ тысячъ рублей. Въ томъ же году умеръ войсковой атаманъ Василій Фроловъ. Войсковой кругъ избралъ атаманомъ Ивана Матвѣевича Краснощекова. Но, по несчастью, во время персидскаго похода казаки и калмыки обижали турокъ, за это дѣло Краснощековъ находился подъ судомъ и государь не утвердилъ выборовъ круга и на мѣсто Краснощекова назначилъ атаманомъ Лопатина.

Судъ оправдалъ Краснощекова.

Въ 1725 году императоръ Петръ Великій скончался и на престолъ императорскій вступила супруга его, императрица Екатерина I. При ней Краснощековъ былъ назначенъ опять на Кавказъ, въ крѣпость Св. Креста.

Старинный серебряный ларецъ для храненія Всемилостивѣйше пожалованныхъ грамотъ.

30. Набѣги Краснощекова въ Задонскую и Прикубанскую степи.

Югъ Россіи, оставленный нами послѣ очищенія Азова, часто подвергался татарскимъ набѣгамъ. Напрасно изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, замѣнившей Посольскій Приказъ, писали письма турецкому султану съ требованіемъ обуздать татаръ. Султанъ или не хотѣлъ, или не могъ этого сдѣлать. Тогда русская императрица Анна Іоанновна въ 1736 году объявила Турціи войну, и фельдмаршалъ графъ Минихъ съ 6 пѣхотными, 3 драгунскими полками и 3.000 донскихъ казаковъ обложилъ Азовъ.

Опять подъ Азовомъ стояли казачьи полки, опять отецъ показывалъ сыну, гдѣ были казаки и какъ были устроены укрѣпленія Азовскія при Петрѣ. Казаками командовалъ любимый ихъ атаманъ Краснощековъ.

Въ первый же день спѣшенные казаки и пѣхота рѣшительнымъ приступомъ взяли два передовыхъ укрѣпленія и закрѣпили ихъ за собою. Казаки здѣсь и послѣ, во время осады Азова, дѣйствовали какъ пѣхота, при чемъ отличались мѣткою стрѣльбою.

19 мая къ Азову подошелъ нашъ флотъ, и 2 іюня Азовъ опять попалъ въ наши руки.

Незадолго до сдачи Азова главная армія наша, состоявшая изъ 54.000 человѣкъ солдатъ и 5.000 казаковъ, которыми командовалъ атаманъ Красно-

щековъ, вызванный отъ Азова, медленно двигалась къ Крыму. Командовалъ ею фельдмаршалъ Минихъ. Онъ велъ армію громаднымъ четырехугольникомъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ казаками. Минихъ занялъ почти безъ потерь Перекопъ, Бахчисарай и Акъ-Мечеть. Сдѣлавъ этотъ походъ, Минихъ на зиму ушелъ въ Украйну и расположился въ окрестностяхъ городка Изюма по р. Донцу.

Едва только корпусъ фельдмаршала Ласси, бывшій у Миниха, сталъ на квартиры, какъ явились конныя полчища татаръ, разорили почти на глазахъ у русскихъ солдатъ много деревень и съ богатою добычею бѣжали на югъ. Къ фельдмаршалу вызвали Краснощекова, бывшаго тогда уже въ чинѣ полковника. Онъ получилъ приказаніе догнать татаръ.

Уже подъ вечеръ полковникъ Краснощековъ собралъ 2.000 казаковъ и калмыковъ и бросился съ ними въ степь. Была поздняя осень съ заморозками. Степь гудѣла подъ ударами конскихъ копытъ. Краснощековъ вихремъ летѣлъ по горячимъ слѣдамъ татаръ. Почти безъ отдыха, останавливаясь только для корма лошадей, шелъ донской полковникъ съ казаками. 27 октября, передъ разсвѣтомъ, когда чуть стало видно, Краснощековъ замѣтилъ въ степи небольшой конный отрядъ.

Татары шли вдоль хребта между рѣчками Конскія и Молочныя воды, по мѣстности, называемой Волчій буеракъ. Краснощековъ повелъ свои полки полнымъ ходомъ на татаръ. Сверкнули въ лучахъ восходящаго солнца острыя шашки, 170 человѣкъ было изрублено въ первый же мигъ столкновенія. 30 человѣкъ Краснощековъ взялъ въ плѣнъ.

Ихъ допросили и они показали, что главная партія татаръ въ 800 человѣкъ съ тремя тысячами русскихъ плѣнныхъ ушла впередъ. Краснощековъ тотчасъ же помчался за ними и въ полдень настигъ и этотъ отрядъ. Татары, увидавши казаковъ, бросили плѣнныхъ и разсѣялись по степи. Краснощековъ съ донцами преслѣдовалъ ихъ и порубилъ 300 человѣкъ, а 50 взялъ въ плѣнъ. Вся добыча была отнята и плѣнные освобождены.

Краснощековъ со своими лихими конными донцами вернулся въ лагерь для зимняго отдыха... Но отдыхать ему не пришлось.

Въ эти первые годы послѣ смерти Петра Великаго молодой Россійской Имперіи пришлось вести кровавыя войны въ низовьяхъ Днѣпра и на Кубани. Россія приводила въ исполненіе пожеланія Петра и, шагъ за шагомъ, медленно подвигалась на югъ, къ Черному морю, стремясь занять обширныя степи, тѣ мѣста, гдѣ теперь вольно раскинулось Кубанское войско и гдѣ, при синемъ морѣ, стоятъ богатые города Одесса и Николаевъ. Ради этого ей пришлось въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ

вести почти непрерывныя войны съ турками. Турки возбуждали противъ насъ прикубанскихъ татаръ. Въ войскѣ Донскомъ казаковъ было мало. Большинство находилось въ полкахъ при арміи. Татары пользовались этимъ и дѣлали кровавые набѣги на Донъ. Казаки отвѣчали имъ тѣмъ же, и вотъ, широко начало развиваться на Дону наѣздничанье на лошадяхъ. До Петра Великаго казаки совершали свои удалые набѣги вдоль рѣкъ, двигались на лодкахъ; на лодкахъ Ермакъ покорилъ Сибирь, на лодкахъ ходили казаки по Каспійскому и Черному морямъ. И первая побѣда донцовъ, совершенная ими на глазахъ царя, была морская побѣда.

Теперь море для казаковъ было закрыто. Донцы составили изъ себя завѣсу тяжелой русской арміи, ея защиту отъ татарскихъ набѣговъ и налетовъ. На степныхъ коняхъ они переносились съ одного края Россіи на другой, ходили поперекъ рѣкъ. Часто приходилось переплывать широкія рѣки, часто по только что ставшей, затянутой льдомъ рѣкѣ приходилось переходить самимъ и переводить лошадей.

Донскіе казаки въ этихъ первыхъ конныхъ набѣгахъ были вооружены саблями, ружьями и луками со стрѣлами. Несмотря на то, что ружья били достаточно далеко и, во всякомъ случаѣ, гораздо дальше, нежели стрѣлы, казаки возили съ собою и луки. Ружья были однозарядныя, заряжались съ дула. Послѣ выстрѣла нужно было вставать, сыпать порохъ, забивать пулю и пыжи. Это могла дѣлать пѣхота, которая всегда дѣйствовала отрядами,—одни стрѣляютъ, другіе заряжаютъ; но казакамъ, которые на развѣдку часто ходили въ одиночку, нужно было имѣть возможность, въ случаѣ нужды, поразить многихъ непріятелей, а для этого лукъ и стрѣлы, пока не было лучшаго ружья, были незамѣнимы. Всѣ казаки того времени были отличными стрѣлками изъ лука. Пикъ казаки не имѣли.

Только что Краснощековъ устроился въ Украйнѣ на зимнихъ квартирахъ, какъ съ востока, изъ Задонской степи, стали получаться тревожныя вѣсти. Тамъ кочевали дружественные намъ калмыки, воевавшіе за наше дѣло съ татарами подъ начальствомъ *Дундукъ-Омбо.* Лѣтомъ калмыки разбили татаръ, взяли главное ихъ укрѣпленіе, недалеко отъ р. Кубани, а на зиму отошли къ Егорлыку. Но татарская орда собралась въ громадныхъ силахъ и окружила Дундука-Омбо.

Онъ просилъ прислать помощь. И вотъ, только что вернувшемуся изъ набѣга Краснощекову приказано было спѣшно выступить на востокъ, на помощь калмыкамъ. Предстоялъ новый и быстрый походъ, безъ малаго на тысячу верстъ, по замерзшей степи...

Съ Краснощековымъ пошелъ Ефремовъ. При ихъ приближеніи

Ногайскій ханъ съ 900 мурзами, осаждавшій Дундука-Омбо, сдался и присягнулъ на вѣрность Россіи.

Дундуку-Омбо было приказано пройти на Кубань и наказать татаръ за ихъ набѣги. 30 ноября Дундукъ-Омбо выступилъ въ удалой налетъ. Съ нимъ было около 20.000 калмыковъ и около 4.000 донскихъ казаковъ подъ командою Краснощекова и Ефремова. Вскорѣ разъѣзды казачьи донесли, что кубанскіе татары, въ виду наступившей зимы и недостатка корма для скота въ горахъ, вышли изъ горъ и кочуютъ по нашу, правую, сторону Кубани. Этого только и нужно было казакамъ. Полки казачьи понеслись широкою лавою по ровной степи. Краснощековъ звеньями своей лавы, бывшей впереди всѣхъ, высмотрѣлъ мѣста всѣхъ татарскихъ *карауловъ* (по-теперешнему — заставъ), ночью самъ повелъ казаковъ на главный караулъ, гдѣ было до 1.000 человѣкъ татаръ, перерубилъ ихъ, оставивъ лишь одного мурзу, котораго допросилъ. Казаки забрали татарскихъ лошадей, совершенно свѣжихъ, и продолжали свой быстрый набѣгъ.

1 декабря они вошли въ степь, занятую татарскими кочевьями. Отрядъ Дундука-Омбо шелъ тремя колоннами—одна подъ его начальствомъ, одна подъ начальствомъ Ефремова и одна подъ начальствомъ Краснощекова. Дундукъ-Омбо занялъ главный городъ татарскаго хана, обнесенный стѣнами, *Копылъ*, и въ 14 дней разорилъ весь край. Все, чего казаки не могли взять съ собой, они жгли. Сама степь, покрытая сухою травою, была подожжена, и земля, по которой прошли калмыки и казаки, стала черною отъ пожаровъ. Все было разграблено и разорено. Десять тысячъ женщинъ и дѣтей были взяты въ неволю, двадцать тысячъ лошадей, огромное количество рогатаго скота досталось казакамъ и калмыкамъ. Татары въ ужасѣ бѣжали за Кубань. Многіе утонули, переплывая въ зимнюю стужу рѣку. Край былъ совершенно разоренъ, и сдѣлано это было коннымъ отрядомъ всего въ 14 дней!

Какъ раньше казаки не разставались со своими челнами — такъ теперь конь сталъ ихъ постояннымъ боевымъ товарищемъ. По верховьямъ Дона теперь уже прочно стали казачьи городки и станицы. Повелѣніе императора Петра сѣять хлѣбъ исполнялось точно, и бѣдные до этой поры казачьи городки стали богатѣть и привлекать къ себѣ татаръ. Казакамъ нужно было каждую минуту быть готовыми отразить ихъ конныя толпы, встрѣтить ихъ и преслѣдовать. Татары приходили быстро и такъ же быстро и уходили. Нужно было имѣть добрыхъ коней, чтобы успѣть ихъ нагнать и отбить добычу и плѣнныхъ. Много безпокойства и хлопотъ доставляли эти набѣги наказному атаману Фролову.

Грамота Императрицы Екатерины II объ утвержденіи границы земель Войска Донского, пожалованныхъ 27-го мая 1793 года.

31. Разореніе татарами Быстрянскаго городка.

1738 г.

15 августа 1738 года въ Быстрянскій городокъ прискакали два испуганныхъ всадника. Они мчались къ избѣ станичнаго атамана и кричали по улицамъ:

— Валитъ на насъ Касай-мурза съ черкесскою силою видимо-невидимо!

Ударили «всполохъ», и къ станичной избѣ сбѣжались станичники. Поднялся споръ. Одни говорили, какъ лучше «ухлѣбосолить» горцевъ, другіе предлагали отразить ихъ, третьи только причитали безпомощно. Среди гомона, крика и шума раздался громкій голосъ есаула:

— Помолчите, помолчите, атаманы молодцы!

Говоръ затихъ. Стали въ кружокъ.

— Ну, атаманы молодцы!—заговорилъ станичный атаманъ, опираясь на свою насѣку, — застала насъ зима въ лѣтнемъ платьѣ. Теперь не время замышлять о шубѣ, надо подумать, какъ бы голытьбѣ выдержать морозы! Не учить мнѣ васъ, атаманы молодцы, какъ рѣзаться съ басурманами: это дѣло казацкое, обычное. Но о томъ не смолчать мнѣ, что всѣхъ-то насъ теперь—первый, второй, да и конецъ счета; татарской же силы сложилось по наши головы тысячъ до тридцати, аль и больше...

— Счетъ-то великъ,—перебилъ его старшина Роба,—да цѣна въ алтынъ: Касай-мурза громоздокъ ордою, а лихихъ начальниковъ и молодцовъ-наѣздниковъ у него всѣхъ по пальцамъ перечесть можно. Такъ не лучше ли не терять поры, залечь по концамъ городка и нажидать татаръ на дуло? А тамъ, гляди, и войсковой атаманъ нашъ съ войскомъ подмогу подастъ. А нѣтъ, то лучше—голова съ плечъ, чѣмъ живыя ноги въ кандалы татарскіе!

— То-то вотъ: голова съ плечъ!—въ раздумьи проговорилъ атаманъ.—Головы казакамъ складывать не диковина, да какова про мертвыхъ въ войскѣ рѣчь пройдетъ!..

Вдругъ вошелъ старый, сѣдой казакъ Булатовъ и заговорилъ:

— Не подъ стать намъ теперь, атаманы, смутные заводы заводить. Того и гляди, татарская сила накроетъ нашъ городокъ. Разсудимся послѣ. Къ вечеру, можетъ, припадетъ намъ въ новоселье скочевать, въ матушку сырую землю: тамъ будетъ каждому расправа на чистоту. Подумаемъ о другомъ. Вѣдь дѣлу конецъ и теперь виденъ; помочи ждать неоткуда; живыми отдаться стыдно, да и не за обычай, а пока у насъ шашки и ружья и порохъ есть, и головы на плечахъ—надо биться, вотъ и все тутъ! Давайте-ка раздѣлимся на десятки, да раскинемъ умомъ-разумомъ, гдѣ кому засѣсть въ концахъ городка. Я, примѣрно, покладаю вотъ какъ: Афанасію Меркуловичу быть на конѣ, съ конными и сначала выскакать за городокъ; мнѣ, Булатову, въ передовыхъ лежать на валу; Михаилу Ивановичу—по базамъ и за городомъ сѣсть, а тебѣ, атаману, оставаться съ подмогою недалеко отъ боя и быть надо всѣми старшимъ. Ну, станичники, какъ присудите, пригадаете?

— Быть по-твоему! — раздались голоса казаковъ.—Къ дѣлу рѣчь! Дай Богъ добрый часъ!

И только казаки успѣли занять назначенныя мѣста, какъ татары нахлынули на городокъ. Началось сраженіе...

Два сильныхъ татарскихъ приступа быстрянцы отразили успѣшно. Надѣялись они на помощь войскового атамана, но при третьемъ натискѣ потеряли половину казаковъ и начали отступать. Свирѣпые закубанцы, какъ бурный потокъ, разорвали сплотившіеся для рукопашнаго боя ряды казаковъ и съ громкими криками бросились въ улицы.

— Гайда, адынъ-джуръ!.. Впередъ, впередъ!—вопили черкесы. Нѣсколько человѣкъ уже поломали плетни и въ улицахъ городка мелькнули черные, стройные удальцы. Сверкнуло пламя отъ вздутыхъ факеловъ и загорѣлись здѣсь и тамъ казачьи курени.

— Пожаръ въ городкѣ!—крикнулъ атаманъ.—Бабы! тушите пламя!

Послѣдній резервъ бросился на татаръ и погибъ въ кровавой сѣчѣ.

Уже вечерѣло, когда татары кончили вьючить своихъ лошадей и, обремененные добычей, уходили въ задонскую степь. Городокъ догоралъ. Торчали кирпичныя обгорѣлыя печи и трубы, да огонь еще перебѣгалъ по угольямъ. Старикъ Булатовъ погибъ со всею семьею. Съ окровавленными сѣдинами, раскинувшись на горячей золѣ своего куреня, спалъ онъ непробуднымъ, вѣковѣчнымъ сномъ. Возлѣ него умирали: старая жена его, Нефедьевна, и меньшой внукъ; старшій, молодой и бравый казакъ, метался на площади въ предсмертныхъ мукахъ. Татары отрубили у него обѣ руки въ то время, когда онъ хотѣлъ вырвать у татарина страшный арканъ, захлестнувшій его невѣсту.

Такъ погибла Быстрянская станица.

Но на старое пепелище пришли казаки и снова начали ставить свои курени, и на мѣстѣ стараго городка выростала новая станица.

И до сихъ поръ въ станицахъ Быстрянской и Нижне-Каргальской (теперь Маріинской) держится обычай звонить три раза вечеромъ въ колоколъ рѣдкимъ звономъ. Встарину такъ звонили, напоминая работавшимъ въ полѣ, что послѣ третьяго удара ворота запрутъ и никого въ станицу не впустятъ. Ежегодно, 15 августа, служатъ панихиды по убіеннымъ въ 1738 году, станичники готовятъ поминальные обѣды. Быстрянская станица помнитъ своихъ погибшихъ отъ татаръ предковъ.

Такъ часто гибли и другія станицы и городки отъ татарскихъ набѣговъ. Но жестоко мстили донцы за эти набѣги.

Въ вѣчной готовности къ конному набѣгу жили тогдашніе казаки, потому что они знали, что лучшею защитою ихъ постепенно крѣпнувшихъ городковъ будетъ нападеніе и разореніе татарскихъ станицъ — *улусовъ*.

32. Морское дѣло казаковъ у береговъ Крыма.

1738 г.

Въ то время, когда старики, женщины и дѣти охраняли станицы, взрослые казаки сражались съ турками. Донской казачій флотъ на легкихъ судахъ стоялъ въ низовьяхъ Дона и у Азова, готовый помогать русскимъ судамъ. Легкіе конные полки казачьи продолжали воевать съ главною арміею въ Крыму. *Въ 1738 году казаки первый разъ выступили въ походъ, вооруженные копьями* (пиками и дротиками), вмѣсто луковъ и стрѣлъ. Но еще долго искусство стрѣльбы изъ лука процвѣтало на Дону; донцы въ свободное время упражнялись въ метаніи стрѣлъ, что развивало ихъ глазъ и подготовляло ихъ къ стрѣльбѣ изъ ружей.

Въ маѣ 1738 года сухопутная армія генерала Ласси прибыла къ Бердянской косѣ. Къ этому же мѣсту подошли и корабли наши, а съ ними 100 донскихъ казачьихъ лодокъ подъ командою походнаго *атамана Петрова.* Русскими кораблями командовалъ адмиралъ Бредаль. Онъ былъ неискусенъ въ морскихъ дѣлахъ, матросы его тоже не были подготовлены къ трудной работѣ на морѣ. Русскіе корабли непремѣнно погибли бы, если бы всюду турокъ не встрѣчали казачьи лодки. Смѣ-

лою завѣсою нашего флота являлись утлыя казачьи лады атамана Петрова и давали время Бредалю укрыться подъ защиту сухопутныхъ батарей. Турки были искусны въ морской войнѣ, но казаки имъ не уступали и легкія лодки защищали весь флотъ.

Осенью адмиралъ Бредаль, по болѣзни, съѣхалъ съ кораблей и флотъ былъ порученъ воронежскому вице-губернатору Лукину. Лукинъ никогда въ морѣ не бывалъ и кораблями не командовалъ. Онъ былъ такъ неловокъ, что турки истребили весь нашъ флотъ, спаслись только казаки съ атаманомъ Петровымъ.

Въ 1739 году война съ турками была окончена. Казаки вернулись по станицамъ. Вернулся на рѣку Калитву и полковникъ Краснощековъ. Здѣсь онъ сталъ устраивать хутора. На хутора эти онъ принималъ бѣглыхъ крестьянъ, которымъ давалъ по пяти рублей на обзаведеніе, да льготы отъ барской работы на помѣщика, на пять лѣтъ. Слухъ объ этомъ скоро прошелъ по окрестнымъ мѣстамъ и многіе крестьяне шли селиться къ Краснощекову на хутора. Такъ появились на Дону крестьяне.

Въ 1738 году 18 марта Высочайшею грамотою войсковымъ атаманомъ былъ *пожалованъ Данило Ефремовичъ Ефремовъ.* Это былъ первый атаманъ войска Донского, пожалованный на атаманство не по выбору казаковъ, а по волѣ Императорской.

Войсковой атаманъ Донского войска Данило Ефремовичъ Ефремовъ, 1738—1753 г.

33. Смерть бригадира Краснощекова.

1742 г.

Недолго пробылъ Краснощековъ на Дону. Въ 1741 году началась новая война со шведами и бригадиру Краснощекову повелѣно было идти въ Финляндію. Собрались полки казачьи и выступили въ походъ на двѣ тысячи верстъ. Изъ знойныхъ степей Прикубанья, гдѣ воевали они съ Дундукъ-Омбой противъ татаръ, съ побережья Чернаго моря, гдѣ дрались они съ турками, казаки прошли въ густые сосновые и еловые лѣса, въ горы и скалы Финляндіи.

Наши войска скоро заняли городъ Фридрихсгамъ, а шведская армія пошла на сѣверъ къ Гельсингфорсу и Або. Казаки ее преслѣдовали. Краснощековъ сурово расправлялся со шведами. Одно имя его наводило трепетъ на угрюмыхъ шведскихъ солдатъ. За голову его было назначено вознагражденіе. Недалеко отъ Гельсингфорса между русскими и шведскими войсками произошло упорное сраженіе. Но шведы были побѣждены и начали отступать. Преслѣдовать ихъ помчался бригадиръ Краснощековъ съ донскими казаками, драгунами и гусарами. Краснощекову было поручено обойти шведовъ и не дать имъ войти въ Гельсингфорсъ.

Рѣшительный и быстрый Краснощековъ хотѣлъ самъ развѣдать дорогу отряду. Взявши нѣсколько казаковъ, онъ помчался съ ними черезъ лѣса и болота, по узкому проселку. Настала ночь. Казаки неожиданно

наткнулись на шведскій отрядъ изъ ста человѣкъ, подъ начальствомъ маіора Шаумана. Завязалась перестрѣлка; на разсвѣтѣ Краснощековъ атаковалъ своими малыми силами шведовъ, но въ рукопашномъ бою почти всѣ казаки были переранены и по приказу Краснощекова начали отступать вразсыпную. Краснощековъ и конь его были тяжело ранены. Уходя отъ шведовъ, онъ попалъ въ болото. Вѣрный конь авшарской породы не вынесъ казачьяго бригадира. Здѣсь окружили его шведы, и почти въ безпамятствѣ Краснощековъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Шведы помнили «прежнія его озлобленія на нихъ» и жестоко ему отомстили. Полуживого Краснощекова привели въ шведскій лагерь и здѣсь содрали съ него кожу... Въ страшныхъ мукахъ умеръ донской герой.

Командовавшій русской арміей фельдмаршалъ Ласси просилъ выдать ему тѣло Краснощекова. Шведы согласились. Тѣло покойника одѣли въ его парадный кафтанъ, отслужили по немъ панихиду. Сынъ убитаго перваго бригадира войска Донского, полковникъ Ѳедоръ Ивановичъ Краснощековъ отвезъ его въ Черкасскъ, гдѣ его и похоронили. Казаки сложили про смерть его пѣсню.

Какъ во славномъ было городѣ, каменной Москвѣ,
Какъ стоялъ ли тамъ православный Царь у заутрени
Со своими-то князьями, со боярами.
На князьяхъ-то, боярахъ было платье цвѣтное,
Платье цвѣтное было все кармазинное,
На самомъ-то Царѣ платье кручинное.
Не золотая трубочка она вострубила,
Не серебряная вѣстушка жалобно возговорила.
Какъ возговоритъ нашъ батюшка, православный царь:
„Ай вы, слуги мои, слуги, слуги вѣрные!
Ничего-то вы, мои слуги, да не знаете!
Какъ сегодняшнею зарею кульеръ прибѣгъ.
Онъ привезъ намъ нерадостную вѣсть!
Пріуныли, пріумолкли въ саду пташечки,
Такъ пріуныло, пріумолкло войско Донское,
Что безъ вѣрнаго молоденькаго садовничка,
Что безъ вѣрнаго служителя Государева,
Безъ Ивана Матвѣевича Краснощекова.
Какъ узяли, добра молодца, въ полонъ шведы,
Повели, добра молодца къ князю Ивальгутову *),
Какъ Ивальгутовъ князь добра молодца сталъ спрашивать:
—„Ты въ какомъ чинѣ, младецъ, служилъ Царю Бѣлому?
Аль ты сотникомъ служилъ, аль полковникомъ?“

*) Ивальгутову—исковерканное имя Левенгаупта.

—Я не сотникомъ служилъ, не полковникомъ,
Я служилъ молодцомъ, рядовымъ казакомъ!
—„Вотъ ты врешь, добрый молодецъ, облыгаешься:
На тебѣ-то платье—не казацкое,
На тебѣ-то была сбруя бригадирская!"

Обычная донская пѣсня, которою всѣ полковые пѣсенники казачьи начинають пѣть, чтобы дать разойтись голосу—

„Ой вы, братцы, мои братцы, атаманы молодцы!
Не покиньте меня, молодцы, при бѣдности,
При бѣдности, да при печали моей при большой!
Еще въ нѣкоторое время пригожуся вамъ:
Замѣню я вашу смерть животомъ *) моимъ.
Животомъ моимъ, грудью бѣлою!"...

сложена тоже про бригадира Краснощекова. Съ этими словами ясный соколъ, Краснощековъ, обращается къ окружавшимъ его воронамъ—шведамъ.

Въ 1743 году Россія заключила миръ съ Швеціею. По этому миру къ Россіи отошла большая часть Финляндіи съ городами Фридрихсгамомъ, Вильманстрандомъ и Нейшлотомъ. завоеванная русскими солдатами Ласси и казаками Краснощекова и закрѣпленная кровью и смертными муками донского героя.

За участіе въ этой войнѣ, въ 1744 году войску Донскому было пожаловано бѣлое знамя, съ надписью:—«за подвиги въ шведскую войну въ 1741—43 годахъ».

Славную доблесть Краснощекова, его мужество и распорядительность въ бояхъ наслѣдовали и сыновья его. Одинъ изъ нихъ—Өедоръ Ивановичъ, особенно отличался во время войны нашей съ нѣмцами. длившейся семь лѣтъ, съ 1756 по 1763 годъ, и потому названной *Семилѣтней войною.* Въ эту войну донскимъ казакамъ пришлось сразиться съ войсками великаго нѣмецкаго полководца Фридриха, войсками. отлично обученными, и не разъ разбивать ихъ.

---

*) Животомъ—значитъ жизнью.

Войсковой атаманъ войска Донского Степанъ Даниловичъ Ефремовъ, 1753—1772.

34. Семилѣтняя война.

1756—1763 г.

Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра Великаго, Россія объявила войну лежащей отъ нея къ западу Пруссіи. Королемъ Прусскимъ въ это время былъ Фридрихъ, знаменитый полководецъ. Его войска были великолѣпно обучены. Пѣхота его отличалась стрѣльбою и необыкновенною стойкостью при оборонахъ; конница же его прославилась во всѣхъ бояхъ лихими атаками. Всѣ сраженія выигрывала она. Послѣ тяжелыхъ атакъ развернутыми линіями полковъ—оставались ряды изрубленныхъ людей. Никто до сихъ поръ не могъ противостоять атакамъ нѣмецкихъ кирасиръ и драгунъ, никто не былъ такъ искусенъ въ развѣдкѣ, какъ прусскіе гусары. Фридрихъ уже много нанесъ пораженій австрійцамъ и французамъ, и, вотъ, ему пришлось столкнуться съ русскими.

Какъ и во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россіею гдѣ бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было, и въ этой войнѣ дѣятельное участіе принимали донскіе казаки. Они приходили въ армію съ Дона, боролись съ врагомъ до полнаго истощенія своихъ и конскихъ силъ, теряли убитыхъ и раненыхъ и, когда одни приходили въ полную слабость отъ долгаго похода, ихъ смѣняли съ Дона новые полки. Старые опытные казаки оставались съ прибывшею съ Дона молодежью и учили ее, какъ быть въ дозорахъ, или какъ тогда называли—*пикетахъ*, какъ лавою заманивать непріятеля на своихъ драгунъ или пѣхоту, въ какое мѣсто и какъ колоть одѣтыхъ въ металлическія латы кирасиръ короля Фридриха. Война длилась семь лѣтъ. За эти семь лѣтъ въ нѣмецкой землѣ перебывало 16.000 казаковъ и калмыковъ, подъ командою генералъ-маіора Данилы Ефремова. Они раздѣлены были на полки Краснощекова, Пушкарева, Луковкина, Попова, Себрякова, Дячкина, Туровѣрова, Перфилова, Ребрикова и Машлыкина.

Первый разъ казаковъ увидали на нѣмецкой землѣ. Нѣмецкій священникъ, пасторъ Теге, такъ описываетъ ихъ вступленіе въ Пруссію:— «нѣсколько тысячъ казаковъ и калмыковъ, съ длинными бородами и суровымъ взглядомъ, невиданнымъ вооруженьемъ — луками, стрѣлами и пиками — проходили по улицѣ. Видъ ихъ былъ страшенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величественъ. Они тихо и въ порядкѣ прошли городъ и размѣстились по деревнямъ, гдѣ имъ были отведены квартиры»...

Невозможно перечислить всѣ тѣ стычки, мелкіе бои, въ которыхъ участвовали казаки. Они были развѣдчиками русской арміи, они же хранили ея покой на походѣ и на отдыхѣ.

19 іюля 1757 года казакамъ пришлось отличиться въ сраженіи у деревни *Гросъ-Эгерсдорфъ*. Въ 1 часъ ночи нѣмецкіе полки начали стягиваться къ одному мѣсту и строить боевой порядокъ. Длинныя линіи, построенныхъ въ три шеренги, нѣмецкихъ гренадеръ скоро показались въ разсвѣтѣ лѣтняго дня. Гремѣли барабаны, тихо колыхались знамена и тяжелымъ, все сокрушающимъ шагомъ наступали полки на нашъ бивакъ, только что по тревогѣ разбуженный. Въ тѣ времена, послѣ короткаго «батальнаго» огня переходили къ атакѣ въ штыки. Патроны жалѣли. Они были тяжелы, и солдаты не могли ихъ имѣть по много. Штыковыя свалки были ужасны. Громадные люди—въ пѣхоту брали крупныхъ высокихъ людей—со стиснутыми зубами, съ огнемъ горящими глазами бросались въ штыки другъ на друга. Одна шеренга стремилась сломить другую, образовать прорывъ, чтобы бить сзади и съ боковъ.

Конница Фридриха, сидѣвшая на крупныхъ тяжелыхъ лошадяхъ, строила длинныя линіи, безъ интерваловъ, и галопомъ, а въ послѣднюю минуту въ карьеръ бросалась на пѣхоту и конницу. Казаки не могли

сломить ихъ атакъ. Казачьи лошади были мельче, слабѣе, и при столкновеніи онѣ были бы опрокинуты. Но казаки били конницу Фридриха. Били лавою!..

Первая атака нѣмецкой пѣхоты была отбита. Нѣмцы бросились на середину нашей позиціи, но и тутъ не могли прорвать тѣсно сомкнувшихся рядовъ гренадеръ императрицы Елизаветы. Пруссаки уже готовили свои тяжелые конные полки, чтобы поддержать пѣхоту. Драгуны нѣмецкаго принца Брауншвейгскаго строили боевой порядокъ...

Въ это время изъ-за края боровшихся русскихъ полковъ показались донскіе казаки. Это былъ полкъ *Себрякова*. Не спѣша, казаки объѣхали болото колонною, потомъ быстро разсѣялись тонкою лавою и съ пронзительнымъ гикомъ понеслись на прусскихъ драгунъ.

Когда драгуны уже готовились ринуться имъ навстрѣчу, казаки внезапно остановились, ловкія лошади донцовъ живо повернулись и казаки пошли назадъ. Драгуны понеслись за казаками.

— Заманивай!—раздалась по казачьимъ рядамъ команда. Казачья лава вдругъ стала рѣдкой и совсѣмъ исчезла... Казаки, совершенно незамѣтно для нѣмцевъ, собрались на флангѣ. Передъ пруссаками стояли, держа ружья на изготовку, 15 совершенно готовыхъ къ бою батальоновъ, а за ними 40 заряженныхъ картечью пушекъ. Пруссаки не могли сдержать разскакавшихся въ тѣсной толпѣ лошадей. Да и было поздно. Наша пѣхота раздалась, пушки окутались бѣлымъ дымомъ, завизжала картечь, и, внося смятеніе и безпорядокъ въ ряды пруссаковъ, начали падать лошади и люди. Знаменитые драгуны Фридриха повернули лошадей и въ безпорядкѣ начали уходить. Тутъ насѣли на нихъ казаки Себрякова, и поработала казачья пика! Казаки собрали потомъ чепраки съ драгунскихъ лошадей, сняли съ нихъ нашитые черные прусскіе орлы и сдѣлали изъ нихъ покровъ на аналой. Покровъ этотъ хранится теперь въ ризницѣ Старочеркасскаго собора...

Подъ прикрытіемъ казаковъ наша армія отошла съ поля сраженія и зазимовала. Нѣкоторое время война совсѣмъ прекратилась, и даже опытные нѣмецкіе развѣдчики не могли узнать, что дѣлаютъ русскія войска и гдѣ они... Такъ оберегали ихъ донскіе казаки.

14 августа 1758 года произошло другое знаменитое въ эту войну *сраженіе, подъ Цорндорфомъ*. Въ немъ отличились казаки походнаго атамана генерала *Краснощекова*.

Уже больше мѣсяца русская армія осаждала нѣмецкую крѣпость Кюстринъ, лежащую при р. Одерѣ. По одну сторону этой рѣки стояли наши полки, другая была занята нѣмцами. Тамъ со дня на день ожидали прибытія самого знаменитаго своими побѣдами короля Фридриха.

Всѣ деревни и мѣстечки кишѣли нѣмецкими солдатами, повсюду стояли гусарскіе эскадроны и сновали ихъ патрули. Казалось, мышь—и та не могла бы проскочить черезъ ихъ посты. Но казаки проскакивали. Какое-то особенное удовольствіе находили они переплыть синій Одеръ и съ налета схватить партію скота, транспортъ съ хлѣбомъ, или, ночью, пустить краснаго пѣтуха въ занятую нѣмецкимъ отрядомъ деревню. Федоръ Ивановичъ Краснощековъ, еще мальчикомъ сопровождавшій своего отца, знаменитаго «Аксака», во всѣ походы, много разъ переплывавшій Донъ и Кубань, особенно любилъ эти лихіе набѣги за Одеръ.

Въ самый праздникъ Преображенія, 6 августа, Краснощековъ захватилъ на нѣмецкомъ берегу 1½ тысячи головъ рогатаго скота, взялъ полтораста лошадей и три барки съ мукою. На глазахъ у нѣмцевъ казаки погрузили быками и лошадьми эти барки и увезли на свою сторону. Нѣмцы усилили свои эскадроны, за Краснощековымъ слѣдили цѣлые полки гусаръ, казалось, уже теперь не придется казакамъ хозяйничать на нѣмецкой сторонѣ... Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ казаки изъ-подъ самаго носа гусаръ отбили 2½ сотни кавалерійскихъ лошадей и 2 тысячи головъ скота. Они же выслѣдили и самого короля. Неуловимымъ коннымъ строемъ окружили они его колонны, налетали на нихъ, стрѣляли съ коня чуть не въ упоръ, и только нѣмцы начинали строиться, они исчезали въ лѣсахъ и за холмами.

Прусская армія подошла къ нашей и въ ночь на 14 августа у деревни Цорндорфъ начала дѣлать свои построенія. Первый ударъ нѣмецкихъ гренадеръ потѣснилъ наши полки и припёръ ихъ въ уголъ, образуемый двумя рѣчками. Но здѣсь наши полки такъ уперлись, точно въ землю вросли. Напрасно нѣмецкіе батальоны кидались на нашихъ, осыпая ихъ пулями, разбивая штыками, — на мѣсто раненыхъ и убитыхъ становились новые солдаты, и слышна была среди треска разбиваемыхъ прикладами череповъ, среди шуршанія разрываемыхъ штыками мундировъ одна грозная, суровая команда офицеровъ: *сомкнись*.

Король былъ внѣ себя. «Русскаго солдата мало убить,—сказалъ онъ:—его нужно еще и повалить!»

Было далеко за полдень. Семь часовъ уже боролись обѣ арміи, и не могли нѣмцы сломить упорства русскихъ. Артиллерія уже давно смолкла, не трещала и ружейная перестрѣлка: враги сошлись грудь съ грудью, дрались страшнымъ рукопашнымъ боемъ.

Краснощековъ съ донцами въ это время забрался въ тылъ къ непріятелю, зажегъ деревню, отнялъ обозъ, оставленный подъ защитою крестьянъ, и отдалъ его на разграбленіе казакамъ.

Наконецъ, король приказалъ своей арміи отойти. На другой день

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА
МАСШТАБЪ 1:12,000,000.
ШВЕЦІЯ
Сѣверное Море
ФРАНЦІЯ
ВЕНГРІЯ
АЛЖИРЪ

обѣ арміи двигались одна подлѣ другой, но казаки не допускали пруссаковъ до нашихъ войскъ. Тогда знаменитый начальникъ нѣмецкихъ гусаръ, Зейдлицъ, лучшій кавалеристъ того времени, построилъ гусаръ и бросился съ ними на казаковъ. И опять разсыпалась казачья лава, и за ея завѣсою показались наши пушки и картечь опрокинула безсмертныхъ гусаръ. Тогда казаки бросились за ними, съ налету ворвались въ ряды нѣмецкой пѣхоты и взяли батарею въ 8 орудій. Этимъ и окончился двухдневный бой у Цорндорфа, начатый и завершенный донскими казаками.

Годъ шелъ за годомъ. Русскія войска медленно подавались впередъ и занимались осадою городовъ. По обычаямъ тогдашней войны, на зиму войска отходили другъ отъ друга и устраивались на зимнихъ квартирахъ. Военныя дѣйствія начинались съ наступленіемъ лѣта.

Въ 1759 году военныя дѣйствія начались ранѣе, чѣмъ обыкновенно. Уже 23 мая казачьи полки стали нащупывать непріятеля. Впереди всѣхъ были полки Краснощекова и Луковкина.

Полковникъ Луковкинъ ворвался въ мѣстность, называемую Силезіею, съ 300 казаками и въ 8 дней прошелъ ее всю опустошительнымъ набѣгомъ. 5 іюня при мѣстечкѣ Гарау онъ столкнулся съ безсмертными черными гусарами Цитена. Цитенъ былъ такой же славный кавалеристъ, какъ и Зейдлицъ, а черные гусары носили названіе безсмертныхъ потому, что ихъ никто еще не могъ разбить. Но казаки бросились на нихъ и такъ рѣшительно взяли ихъ въ пики, или, какъ тогда говорили, «въ дротики», что гусары были разбиты. 8 іюня, при деревнѣ Гурѣ, Луковкинъ разбилъ еще два эскадрона черныхъ гусаръ, положилъ на мѣстѣ 40 человѣкъ, взялъ въ плѣнъ 20 и возвратился къ арміи съ потерею только пяти казаковъ.

Полкъ Луковкина въ эту войну постоянно имѣлъ дѣло съ гусарами. Гусары со своими саблями, не имѣя пикъ, ничего не могли сдѣлать противъ острыхъ копій казачьихъ дротиковъ. Они сидѣли на лучшихъ лошадяхъ, ихъ красивое, расшитое шнурами одѣяніе, ихъ пестрые чепраки играли на солнцѣ, ихъ учили знаменитѣйшіе кавалеристы всего міра, Зейдлицъ и Цитенъ, и они все-таки не выдерживали атакъ и бѣжали передъ донскими казаками, учениками бригадира Краснощекова и его сына. 19 января 1760 года Луковкинъ опять привелъ въ армію 21 гусара.

Казаки навели уже на нѣмцевъ такой страхъ, что легкія ихъ партіи брали города. Такъ, 23 января 1760 года полкъ казаковъ съ 50-ю нашими гусарами выгналъ врага изъ г. Ландсберга и взялъ съ жителей штрафъ въ $2^1/_2$ тысячи рублей!

Наши войска, прикрываемыя такими смѣлыми и удачными налетами

донцовъ, приблизились уже къ самой столицѣ прусскаго короля—Берлину. Нашъ главнокомандующій графъ Салтыковъ собралъ всѣ легкія войска и всѣхъ казаковъ и подъ начальствомъ генераловъ Тотлебена, Чернышева и Панина двинулъ къ самому *Берлину.*

Въ ночь на 27-е сентября прусская двадцати-тысячная армія отступила къ небольшому городку Потсдаму, находящемуся недалеко отъ Берлина. Графъ Панинъ, получившій извѣстіе объ отступленіи нѣмцевъ, напалъ на ихъ арьергардъ, настигъ его въ лѣсу и весь истребилъ.

Краснощековъ съ казачьими полками полнымъ ходомъ пустился въ преслѣдованіе главныхъ силъ, нагналъ ихъ и загналъ къ самымъ стѣнамъ Потсдама. Съ другой стороны Чернышевъ подошелъ къ Берлину, и Берлинъ сдался. Первый разъ появились казаки на улицахъ большой европейской столицы. Стройными рядами, со склоненными пиками входили они на каменныя мостовыя и шли по длиннымъ улицамъ, между рядами высокихъ домовъ. Берлинскіе нѣмцы съ любопытствомъ смотрѣли на этихъ не виданныхъ еще ими людей, на побѣдителей ихъ славныхъ гусаръ.

Чернышевъ забралъ въ Берлинѣ королевскую казну, приказалъ казакамъ истребить всѣ магазины, склады оружія, арсеналъ, пушечный и литейный заводы, и потомъ отступилъ. Въ Берлинѣ донскіе казаки захватили одежду прусскаго короля Фридриха Великаго—мундиръ его синяго сукна съ красными обшлагами, съ серебрянымъ аксельбантомъ и шитою звѣздою ордена Чернаго Орла, пару его перчатокъ и его бѣлье. Все это казаки сдали Чернышеву, и теперь эти вещи хранятся въ С.-Петербургѣ въ артиллерійскомъ историческомъ музеѣ, въ Петропавловской крѣпости.

Весь слѣдующій годъ наши войска были заняты осадою нѣмецкой *крѣпости Кольберга.* Въ то время, какъ осадный корпусъ рылъ траншеи и готовился прочно осадить крѣпость, король прусскій составилъ легкій корпусъ, которому поручилъ нападать на наши склады продовольствія и мѣшать подвозу припасовъ. Тогда и у насъ образовали такой же корпусъ. Большую часть его составили казаки.

Однажды изъ этого корпуса потребовали сотню казаковъ въ распоряженіе полковника *Александра Васильевича Суворова.* Явившіеся къ нему казаки увидали молодого, необыкновенно живого человѣка. Онъ былъ очень худой. Лицо его было обтянуто кожей. Большіе глаза смотрѣли смѣло и отличались особеннымъ блескомъ. Онъ сидѣлъ на казачьей лошади. Суворовъ повелъ казаковъ къ р. Нетцѣ, подошелъ къ берегу, вошелъ въ воду, за нимъ пошли и казаки и съ ними нѣмецъ-проводникъ. Быстро переплыли они рѣку и въ наступившей ночи по-

шли по глухому проселку. Въ ночь они сдѣлали 45 верстъ. Передъ разсвѣтомъ показались каменныя стѣны небольшого городка Ландсберга. Увидавъ его, Суворовъ обернулся къ казакамъ и воскликнулъ:

— Городъ нашъ! Ура! Нападемъ!

— Тамъ прусскіе гусары,—боязливо шепнулъ ему проводникъ.

— Помилуй Богъ, какъ это хорошо!—сказалъ Суворовъ, — ихъ-то мы и ищемъ!

Казаки поскакали за Суворовымъ къ воротамъ городка, но ворота оказались запертыми. Однако не впервой было донцамъ врываться въ городки и селенія. Раздобыли откуда-то бревно.

— Ломи ихъ! крикнулъ Суворовъ.

Казаки раскачали бревно на рукахъ, ударили разъ, другой—ворота разлетѣлись. Съ гикомъ и пальбою казаки вскочили въ городъ, часть гусаръ перебили, часть перехватали.

— Одно ломи! другое жги!—кричалъ Суворовъ, когда казаки подскочили къ мосту. Быстро соскочили казаки съ лошадей, появились у нихъ въ рукахъ факелы, раздобылись ломами, соломой, настелили солому по мосту, пуками повязали по сваямъ, уже рыбалки изъ низовыхъ разстарались откуда-то лодками и жгли мостъ. Суворовъ всюду былъ вмѣстѣ съ казаками. И они ему нравились, и онъ ихъ увлекалъ. Все кипѣло у него въ рукахъ. Получаса не прошло, какъ уже казаковъ не было въ Ландсбергѣ, но не было и моста, по которому должна была наступать нѣмецкая армія.

Суворову дали три гусарскихъ и семь казачьихъ полковъ. Съ этими силами Суворовъ постоянно тревожилъ пруссаковъ.

Такъ впервые стали донцы подъ команду знаменитѣйшаго впослѣдствіи полководца россійскаго Суворова. Они сопровождали его потомъ во всѣхъ его побѣдоносныхъ походахъ, они составляли ему славу, такъ же какъ онъ составлялъ славу имъ. Съ нимъ ходили и у него учились лучшіе герои Дона этого времени: Платовъ, Орловъ, Денисовъ, Исаевъ, Сысоевъ, Луковкинъ, Красновъ, Иловайскій и другіе. Слава Суворова до того тѣсно сплелась со славою Дона, онъ сталъ такимъ *роднымъ* казакамъ, что въ 1900 году, въ столѣтнюю годовщину его смерти, 1-й Донской казачій полкъ получилъ наименованіе 1-го Донского генералиссимуса Суворова полка.

Въ 1761 году военныя дѣйствія противъ пруссаковъ были окончены. Миръ былъ заключенъ въ 1763 году. За боевые подвиги въ эту войну войску Донскому было пожаловано *большое бѣлое знамя*. Получили награды и казачьи полковники. Имена героевъ этой войны—генераловъ Ѳеодора Ивановича Краснощекова и Луковкина, не были забыты

и потомками. Въ 1904 году, по повелѣнію нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II Александровича, донскіе казачьи полки: № 6 былъ названъ полкомъ генерала Краснощекова и № 10—полкомъ Луковкина.

Знамя, пожалованное войску Донскому Императрицею Екатериною II въ 1764 г. за Семилѣтнюю войну въ Пруссіи.

Императрица Екатерина II. 1762—1796.

35. Первая война съ турками императрицы Екатерины II.

1762—1774 г.

13 сентября 1761 года, въ 30 верстахъ отъ города Черкасска, при урочищѣ Богатомъ Источникѣ, на правомъ нагорномъ берегу Дона, у впаденія его въ Азовское море, построена была крѣпость св. Димитрія Ростовскаго. По обѣ стороны крѣпостного вала были выстроены двѣ городскія слободы. Строителемъ крѣпости этой былъ инженерный подполковникъ Ригельманъ. Жители слободъ, составившихъ потомъ городъ *Ростовъ*, состояли изъ русскихъ купцовъ, мелкихъ русскихъ дворянъ, малороссіянъ, грековъ и грузинъ. Изъ этой крѣпости вскорѣ выросъ большой торговый городъ. Иностранные: греческіе, турецкіе, италья-

скіе и венеціанскіе корабли приходили сюда изъ Средиземнаго и Чернаго морей, привозили дорогіе товары, которые отсюда шли въ Черкасскъ и по Дону въ Россію.

Черезъ восемь лѣтъ послѣ закладки Ростова возобновлены были города Азовъ и Таганрогъ. Но для того, чтобы русскимъ было позволено устроить эти города, имъ пришлось вынести тяжелую войну съ Турціей, продолжавшуюся съ 1762 по 1774 годъ. Война эта была необыкновенно удачная для русскихъ. Въ ней участвовало до 22.000 донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ походныхъ атамановъ *Михаила Поздѣева*, *Тимоѳея Грекова*, *Дмитрія Мартынова* и *Никифора Сулина*. Русская армія била турецкую въ большихъ сраженіяхъ на морѣ и на сушѣ, казакамъ же приходилось нести по преимуществу сторожевую службу.

Войну эту начала императрица Екатерина II, правившая Россіею съ 1762 по 1796 годъ, заслужившая отъ своихъ подданныхъ за мудрое управленіе наименованіе Великой. Народъ русскій и казаки такъ любили свою царицу, что обычное названіе ея было: Матушка Царица, Матушка Екатерина. И теперь еще старики казаки, вспоминая своихъ дѣдовъ, говорятъ: «онъ служилъ при Матушкѣ-Царицѣ», или просто: «убитъ онъ при Матушкѣ въ такомъ-то году».

Нахожденіе полковъ донскихъ при блестящей русской арміи не мѣшало казакамъ отличаться въ смѣлыхъ рукопашныхъ схваткахъ съ турецкими наѣздниками. 6 марта 1769 года были отстроены Азовъ и Таганрогъ; поселенные въ нихъ, большею частью въ наказаніе, казаки наряжались въ солдаты и не считались казаками. Такимъ образомъ, донцы постепенно отходили отъ моря и мѣсто ихъ и охрану береговъ занимали солдатскіе полки. Удаленіе отъ моря заставило казаковъ прочнѣе осѣсть на землѣ, обратить вниманіе на земледѣліе, на скотоводство и коневодство. Всѣ отряды казачьи съ этого времени выходили въ походъ на коняхъ. Изъ войнъ и походовъ казаки приводили лошадей той породы, какая находилась у врага. Эти лошади, смѣшиваясь въ табунахъ съ степною лошадью калмыцкой породы, и дали ту казачью донскую лошадь, которая такъ прославилась во всѣ войны рѣзвостью и выносливостью. Больше всего приводили казаки лошадей турецкихъ, арабскихъ, персидскихъ и кавказскихъ. Эти лошади не очень крупныя, но нарядныя, въ походѣ ходили подъ казаками, а на Дону поступали въ казачьи косяки. Донцы отлично ѣздили на нихъ. Любимымъ ихъ оружіемъ стала пика. Грозна и страшна была казачья пика врагамъ Россіи.

Первыя восемь лѣтъ война съ турками шла безъ большого успѣха. Наши войска двигались медленно, занимались больше осадами крѣпостей

и побѣдъ большихъ не одерживали. Но на девятый годъ, въ 1770 году, во главѣ нашихъ войскъ сталъ фельдмаршалъ Румянцевъ.

Онъ сразу оживилъ войска. Облегчивши обозы, уменьшивши ношу солдата, Румянцевъ смѣло пошелъ къ Крыму. 7 іюля 1770 года онъ разбилъ Крымскаго хана, подкрѣпленнаго турками на берегахъ рѣчки Ларги.

18 іюля онъ подошелъ къ рѣчкѣ Кагулу, за которою расположена была вся турецкая армія. Ею командовалъ первый генералъ султана— великій визирь.

Между тѣмъ, еще 15 іюля, къ нашей арміи, съ Дона прибылъ новый полкъ *Иловайскаго*. Казаки этого полка, большею частью молодежь, наслушавшись разсказовъ старыхъ, бывалыхъ казаковъ, желали поскорѣе отличиться. 18 іюля казаки Иловайскаго занимали передовые посты. Въ это время великій визирь, окруженный большою толпою своихъ генераловъ и сильнымъ конвоемъ, выѣхалъ осмотрѣть расположеніе нашего войска. Полкъ Иловайскаго живо собрался съ постовъ и, на глазахъ всего русскаго лагеря, сразился съ турецкимъ конвоемъ. Казаки такъ ловко дѣйствовали пиками и шашками, что визирь, со всѣми окружавшими его турками, помчался во весь опоръ къ своему лагерю. Одинъ казакъ уже схватилъ его за длинную сѣдую бороду, но визирь вырвался у него и ушелъ; 15 богато одѣтыхъ наѣздниковъ турецкихъ положили казаки на мѣстѣ.

Когда усталые, а многіе и перераненные, казаки возвращались въ лагерь, армія, по приказу Румянцева, встрѣтила молодыхъ удальцовъ музыкою, барабаннымъ боемъ и громкими кликами ура...

21 іюля Румянцевъ въ кровопролитномъ сраженіи на рѣчкѣ Кагулѣ разбилъ великаго визиря и преслѣдовалъ остатки его арміи на нѣсколько верстъ. Этими побѣдами, совершенными въ Турціи, султанъ былъ сильно потрясенъ.

Въ то же время другая наша армія, подъ начальствомъ князя Долгорукова, занимала Крымъ. Въ этой арміи, состоявшей изъ 11 пѣхотныхъ и 13 конныхъ полковъ, находилось 7.000 казаковъ подъ командой походнаго атамана *Себрякова*. Тотъ самый Крымъ, который былъ цѣлью отважныхъ морскихъ поисковъ и набѣговъ казаковъ встарину, былъ скоро занятъ арміею Долгорукова.

Въ эту войну казакамъ не пришлось дѣйствовать цѣлыми полками, не пришлось и особенно отличиться крупными побѣдами надъ непріятелемъ. Они несли невидную, но страшно тяжелую службу мелкими партіями. На этой службѣ каждый казакъ былъ героемъ. Имена отличившихся перечислить невозможно. Войско Донское служило такъ образ-

цово въ эту войну, что графъ Румянцевъ выдалъ казакамъ похвальное свидѣтельство. Въ этомъ свидѣтельствѣ онъ пишетъ о всѣхъ старшинахъ и казакахъ войска Донского, что — «подвиги ихъ противъ непріятеля отлично споспѣшествовали *) всѣ славные успѣхи россійскаго оружія. Они составляли зимою и лѣтомъ первую стражу арміи, не утомляясь ни нуждою, ни невыгодами, особенно въ необитаемыхъ мѣстахъ. Ихъ бдѣнію и врожденному въ нихъ военному искусству, мы особенно обязаны тѣмъ, что непріятель нигдѣ не могъ во вредъ нашъ скрыть своего движенія, но былъ часто самими казаками отбитъ. Казаки, побуждаемые доброю волею и ревніемъ къ службѣ всюду, гдѣ было столкновеніе съ непріятелемъ, въ малыхъ и большихъ стычкахъ и въ самыхъ генеральныхъ сраженіяхъ, пускались въ огонь первые, отличаясь храбростью чрезвычайною, повиновеніемъ власти и жертвованіемъ самой жизни обрѣтали многія надъ непріятелемъ побѣды. Доказательства ихъ мужества, военнаго искусства, старанія и послушанія въ дѣйствіяхъ, которыя я, или генералы, командовавшіе отрядами имъ поручали—такъ велики, что описать ихъ трудно и нельзя достаточно похвалить. Я заключаю свое свидѣтельство тѣмъ, что храброе и полезное отечеству Донское войско по отличнымъ своимъ заслугамъ, въ войнѣ доказаннымъ, достойно Высочайшаго благоволенія и милостей Монаршихъ».

И императрица Екатерина при пожалованіи наградъ войскамъ не забыла и донскихъ казаковъ: за участіе въ этой войнѣ она пожаловала войско *28 іюня 1775 года похвальною грамотою* и *10 іюля 1775 года* бѣлымъ, великолѣпно украшеннымъ *знаменемъ*. На знамени была надпись: «нашему вѣрнолюбезному войску Донскому за храбрые и мужественные подвиги во время минувшей войны съ турками».

Во время этой войны Дону пришлось испытать сильное искушеніе. Весь югъ Россіи, все низовье Волги были охвачены страшнымъ крестьянскимъ бунтомъ, съ которымъ съ трудомъ могли справиться русскія войска. Во главѣ этого бунта стоялъ донской казакъ, Зимовейской станицы, *Емельянъ Пугачевъ*.

---

*) Споспѣшествовали—то-есть сопровождали.

36. Пугачевъ.

1770—1775 г.

Рядомъ съ войскомъ Донскимъ, къ востоку отъ него, захватывая нынѣшнюю Астраханскую губернію, лежало Волжское казачье войско. Теперь его нѣтъ больше, и бывшіе волжскіе казаки составили Астраханское казачье войско, выставляющее въ мирное время одинъ полкъ. Еще дальше, за Волгой, по рѣкѣ Яику, какъ тогда называли Уралъ, лежало Яицкое казачье войско, теперь Уральское.

Извѣстія изъ Петербурга въ эту далекую окраину тогдашней Россіи доходили медленно. Мало было охотниковъ ѣздить въ глухія степи, гдѣ бродили шайки татаръ, калмыковъ и киргизовъ. Туда спасались всѣ тѣ, кто исповѣдывалъ старую вѣру и кто боялся преслѣдованія за это. Много бѣжало туда и казаковъ съ Дона. Тамъ, да на Терекѣ,

какъ нѣкогда на Дону, не спрашивали—почему и отъ кого бѣжитъ человѣкъ. Русскихъ людей было мало, ими дорожили, каждый лишній пришелецъ былъ нуженъ для защиты маленькихъ станицъ и хуторовъ.

Казаки съ Дона уходили въ это время изъ-за притѣсненій войскового атамана Данилы Ефремова и изъ-за нелѣпыхъ слуховъ, пущенныхъ имъ по Дону о томъ, что казаковъ будутъ *«писать въ регулярство»*, дѣлать солдатами, что поступятъ они подъ команду русскихъ офицеровъ. Дѣйствительно, казаки, посланные для заселенія Азова и Таганрога, поступили подъ начальство поручиковъ и ротмистровъ. Это казаковъ волновало, и они писали жалобныя письма на Донъ.

Дономъ правилъ атаманъ Ефремовъ. Онъ расширилъ свои владѣнія по р. Донцу и Калитвѣ и неправильно наряжалъ казаковъ на службу. Объ этомъ узнала императрица и приказала русскому генералу Черепову арестовать Ефремова и послать его въ Петербургъ для суда. Череповъ хотѣлъ взять Ефремова силою, но казаки заступились за атамана, избили Черепова и хотѣли его бросить въ воду. Ефремову едва удалось спасти Черепова.

Когда императрица узнала объ этомъ, она прислала новую команду для ареста Ефремова, его взяли и отвезли въ Петербургъ. Казаки нѣкоторое время пошумѣли, но вскорѣ успокоились.

Какъ разъ въ то время, когда по Дону волновались казаки, боясь, что ихъ станутъ «писать въ регулярство», то-есть сдѣлаютъ солдатами, на Донъ пришли извѣстія о смутѣ въ Яицкомъ войскѣ, явились подстрекатели отъ виновника этой смуты, Пугачева, сулившаго донцамъ всякія льготы и называвшаго себя императоромъ Петромъ III. Но донцы не пристали къ этой смутѣ, дали ей суровый отпоръ и въ бурномъ движеніи бунта, захватившаго тысячи людей, поднявшаго Яицкое и Волжское войска, многихъ регулярныхъ солдатъ, крестьянъ и даже дворянъ, остались вѣрными своей матушкѣ-царицѣ!

Вотъ какъ произошла эта смута: незадолго до этого времени въ Яицкѣ былъ арестованъ яицкій казакъ Богомоловъ. Сидя подъ арестомъ, онъ показалъ караульнымъ солдатамъ какіе-то слѣды на своемъ тѣлѣ и увѣрилъ, что это крестъ.

— Крестъ этотъ означаетъ,—говорилъ Богомоловъ,—что я вовсе не казакъ Богомоловъ, а императоръ Петръ III Ѳеодоровичъ.

За такія нелѣпыя рѣчи Богомолова вскорѣ сослали въ Сибирь. Но сослали его тайно, никто не видалъ этого, и вотъ, по Яицкому войску пошелъ слухъ, что Богомоловъ бѣжалъ, что онъ скитается по войску и ищетъ людей, которые вступились бы за него и помогли ему сѣсть снова на царское мѣсто.

Слухи эти дошли и до Дона. И там по городкамъ и станицамъ стали шептаться, что императоръ Петръ III Өеодоровичъ живъ, что онъ скоро взойдетъ на престолъ, прогонитъ бояръ и дворянъ и объявитъ всякія милости казакамъ и крестьянамъ и заступится за старую вѣру отцовъ.

Чѣмъ невѣроятнѣе слухъ, тѣмъ легче ему вѣрится въ темномъ народѣ. И вотъ, въ народѣ стали ожидать пришествія императора Петра и обѣщанныхъ имъ милостей.

Въ это время по яицкимъ степямъ скитался донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, спасавшійся отъ войскового суда. Пугачевъ родился въ Зимовейской станицѣ и въ молодыхъ годахъ занимался съ отцомъ хлѣбопашествомъ. 17-ти лѣтъ онъ женился и, проживъ съ женою всего одну недѣлю, былъ отправленъ въ Пруссію, гдѣ былъ во время Семилѣтней войны въ отрядѣ генерала Чернышева. Полковникъ Денисовъ взялъ его вѣстовымъ къ себѣ. Во время ночного нападенія пруссаковъ Пугачевъ упустилъ одну изъ лошадей Денисова и за это былъ жестоко наказанъ плетьми.

Въ Турецкой войнѣ Пугачевъ участвовалъ уже въ чинѣ хорунжаго. Онъ былъ отличный стрѣлокъ, наѣздникъ, прекрасно кололъ пикой. притомъ былъ тихій и покорный казакъ, и начальство его отличало. На этой войнѣ Пугачевъ захворалъ чирьями, покрывшими его грудь и ноги. и, какъ больной, отправленъ былъ на Донъ. Живя на Дону, Пугачевъ помогъ своему зятю бѣжать на Терекъ. Это было запрещено. Зятя его поймали, и Пугачеву грозило жестокое наказаніе. Пугачевъ бѣжалъ и скитался подъ видомъ раскольника, пришлеца изъ Польши.

Былъ онъ и въ Яицкомъ войскѣ и здѣсь слышалъ разсказы объ императорѣ Петрѣ III. Однажды Пугачевъ парился въ банѣ съ другимъ яицкимъ казакомъ. Тотъ замѣтилъ у него на груди на кожѣ слѣды его болѣзни и спросилъ: что это такое? Пугачевъ промолчалъ. Когда вышли изъ бани, Пугачевъ подозвалъ этого человѣка и сказалъ ему, что это знаки креста, и что онъ вовсе не Пугачевъ, а императоръ Петръ III.

Какъ ни мало похожъ былъ простой рябоватый донецъ, съ лицомъ поросшимъ жесткой бородой, не только необразованный, но неграмотный, на императора,—ему повѣрили, и вокругъ Пугачева стали собираться яицкіе казаки.

Взволновалось Яицкое войско. Толпы крестьянъ, бѣглыхъ солдатъ стали сходиться къ Пугачеву. Пугачевъ былъ казакъ смышленый. Онъ видалъ виды во время Прусской войны, кое-чему научился, состоя въ штабѣ генерала Чернышева. Онъ устроилъ себѣ войско, составилъ свою гвардію; яицкихъ, оренбургскихъ казаковъ, бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ,

калмыковъ и башкиръ онъ раздѣлилъ на полки, назначилъ полковниковъ, атамановъ, сотниковъ и хорунжихъ. Каждому полку далъ свое знамя. Знамена у него были красныя и желтыя. На знаменахъ онъ нашилъ кресты и образа. И вотъ съ этою ратью Пугачевъ двинулся вверхъ по Волгѣ. Онъ подвергалъ мучительнымъ казнямъ всѣхъ тѣхъ, кто не признавалъ въ немъ императора, онъ рубилъ, жегъ и рѣзалъ помѣщиковъ, обращая въ пустыню мѣста, гдѣ проходилъ. Грубый и невѣжественный, онъ въ церкви входилъ въ царскія врата и садился на престолъ съ Св. Дарами, думая, что это престолъ царскій. Онъ посылалъ повсюду грамоты, называлъ себя Петромъ III, говорилъ, что онъ идетъ за старую вѣру и за свободу крестьянъ,—но подписать эти грамоты онъ не могъ по безграмотству.

Съ толпою обезумѣвшаго народа Пугачевъ осадилъ и взялъ Оренбургъ, занялъ Казань, захватилъ въ свои руки все теченіе Волги. Вездѣ признавали его государемъ, и онъ правилъ, какъ умѣлъ, то объявляя милости, то казня немилосердно.

Императрица должна была собрать противъ него громадное войско, во главѣ котораго стали лучшіе ея генералы, и повести правильную войну съ Пугачевымъ.

Вѣсти о побѣдахъ, славѣ и завоеваніяхъ Пугачева дошли и до Дона. Въ станицы и городки казачьи посылались Пугачевымъ грамоты съ увѣщаніями донцовъ, и ѣздили туда тайные подговорщики.

Но донцы съ отвращеніемъ выслушивали тотъ вздоръ, который имъ разсказывали про Пугачева. Для недопущенія въ войско пугачевскихъ сообщниковъ войско Донское, въ октябрѣ 1772 года, постановило выбрать тысячу человѣкъ изъ лучшихъ казаковъ съ тѣмъ, чтобы они были готовы къ походу по первому требованію. Станичные атаманы обязаны были зорко слѣдить за всѣми пріѣзжающими и приходящими, «особливо изъ бродягъ и носящихъ на себѣ образъ нищаго». Въ ноябрѣ 1773 года полковникъ Денисовъ, тотъ самый, у котораго Пугачевъ былъ вѣстовымъ, просилъ разрѣшенія военной коллегіи *) собрать въ войскѣ 500 человѣкъ казаковъ и съ ними идти прямо на Оренбургъ для пораженія самозванца. Отрядъ Денисова, по повелѣнію императрицы Екатерины II, поступилъ въ вѣдѣніе генерала Мансурова, стоявшаго у Самары.

Казакамъ омерзительно было слушать о казняхъ и неистовствахъ, творимыхъ Пугачевымъ. Жена и дѣти Пугачева ходили, побираясь милостынью. Казаки отреклись и отъ нихъ. Въ нихъ приняла участіе императрица Екатерина и приказала отправить жену Пугачева въ его станъ, въ

*) Такъ называлось тогда Военное Министерство.

надеждѣ, что жена уличитъ мужа въ самозванствѣ. Домъ самозванца въ Зимовейской станицѣ былъ уничтоженъ, и мѣсто оставлено порожнимъ. Станичники Пугачева просили разрѣшенія выселиться на другое мѣсто, чтобы не жить имъ на томъ мѣстѣ, которое осквернено было мерзкими поступками Пугачева.

Между тѣмъ русская армія, предводительствуемая генераломъ Михельсономъ, постепенно тѣснила Пугачева. Уже Самара и Оренбургъ были освобождены отъ бунтовщиковъ, уже многіе изъ сообщниковъ Пугачева кончили жизнь свою презрѣнною смертью на висѣлицѣ. Пугачевъ задумалъ тогда идти на Донъ и тамъ искать себѣ помощи. Однажды онъ прошелъ въ палатку къ своей женѣ и сказалъ ей:

— Что, Дмитріевна, какъ ты думаешь обо мнѣ?

— Да что думать-то,—отвѣчала она,—буде не отопрешься, такъ я твоя жена, а вотъ это твои дѣти.

— Это правда: я не отопрусь отъ васъ, только слушай, Дмитріевна, что я тебѣ скажу: теперь пристали ко мнѣ наши донскіе казаки и хотятъ у меня служить, такъ я тебѣ приказываю, неравно между ними случатся знакомые, не называй меня Пугачевымъ, а говори, что я у васъ въ домѣ жилъ, знакомъ тебѣ и твоему мужу; и сказывай, что твоего мужа въ судѣ замучили до смерти за то, что меня у себя держалъ въ домѣ.

— Какъ я стану это говорить?! Я, право, не знаю.

— Такъ и сказывай, что ты жена Пугачева, да не сказывай, что моя, и не говори, что я Пугачевъ. Ты видишь, что я называюсь нынѣ государемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, и всѣ меня за такого почитаютъ. Такъ смотри же, Дмитріевна, исполняй то, что я тебѣ велю, а я, когда Богъ велитъ мнѣ быть въ Петербургѣ и меня тамъ примутъ, тогда тебя не оставлю, а буде не то, такъ не пеняй—изъ своихъ рукъ саблею голову срублю.

Послѣ этого жена безпрекословно исполняла приказанія мужа.

Пугачевъ послалъ на Донъ воззваніе, гдѣ, обѣщая донцамъ всяческія вольности, повелѣвалъ имъ стать на его сторону.

Но на Дону воззванія Пугачева не имѣли успѣха. Атаманъ *Сулинъ* объявилъ по войску, что тому, кто поймаетъ злодѣя, будетъ выдано 25.000 рублей и золотая медаль. На Дону стали собирать казаковъ. Начальствовать ими было поручено полковнику Алексѣю Иловайскому. Но на Дону трудно было собрать большое войско. Почти всѣ способные носить оружіе казаки находились на войнѣ съ турками, въ Крыму и въ Турціи. Собиравшіеся казаки приходили съ дурнымъ вооруженіемъ и на плохихъ лошадяхъ. Отряды устраивались въ Скуришенской и Ар-

чадинской станицахъ. Составилось три отряда—однимъ командовалъ полковникъ *Луковкинъ*, другимъ—*Максимъ Яновъ* и третьимъ—*Андрей Вуколовъ.* Эти силы должны были отразить Пугачева, съ громадною толпою надвигавшагося на Донъ со стороны Камышина.

Въ августѣ мѣсяцѣ самозванецъ ворвался въ предѣлы Донского войска. Одна партія бунтовщиковъ пошла по берегамъ р. Медвѣдицы, другая—по Иловлѣ и третья—по Хопру. Мятежники на своемъ пути разоряли и сжигали все. Жители не могли имъ оказать никакого сопротивленія. Въ станицахъ оставались только старики, женщины и дѣти. Они спасались въ лѣса, оставляя все имущество пугачевской толпѣ. 14 августа Пугачевъ разорилъ станицы: Березовскую, Малодѣльскую, Заполянскую, Орловскую и Раздорскую на Медвѣдицѣ. Въ Березовской станицѣ мятежники потребовали станичный конный табунъ и выбрали изъ него самыхъ лучшихъ лошадей, въ Малодѣльской—повѣсили нѣсколько казаковъ, а въ Заполянской—жестоко избили станичнаго атамана и двухъ стариковъ за то, что они не могли ихъ снабдить овсомъ и сѣномъ.

Нашествіе Пугачева съ толпами мятежныхъ крестьянъ было хуже татарскаго набѣга.

Походный атаманъ Луковкинъ, со старшинами Яновымъ и Вуколовымъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ всего 550 казаковъ, пошелъ на мятежниковъ, бывшихъ у Етеревской станицы. Ночью на 17-е августа Луковкинъ выступилъ съ казаками противъ Пугачева. Въ одну ночь казаки прошли 80 верстъ и днемъ совершенно неожиданно напали на мятежниковъ, пьянствовавшихъ въ Етеревской станицѣ. Многіе были убиты, многихъ забрали въ плѣнъ, но большая часть бѣжала къ Заполянской станицѣ. Съ маленькимъ, но храбрымъ отрядомъ Луковкинъ преслѣдовалъ ихъ, разбилъ еще разъ у Малодѣльской станицы при курганѣ Караулъ и выгналъ ихъ совсѣмъ изъ войска.

Послѣ этого казаки Луковкина соединились съ отрядомъ Иловайскаго и отправились въ Воронежскую губернію.

Пугачевъ послалъ было еще грамоты на Донъ, но казаки арестовали его людей и приготовились встрѣтить Пугачева.

Пугачевъ не рѣшился идти въ войско Донское, и пошелъ назадъ къ Царицыну. Онъ двигался такъ быстро, что войска едва успѣвали его настигать. Кругомъ Царицына всѣ крестьяне бунтовали и царицынскій комендантъ просилъ помощи у донцовъ. По приказанію войскового наказного атамана войска Донского Сулина, всѣ служилые казаки, состоявшіе на льготѣ до отставки и жившіе отъ Маноцкой до Тарновской станицъ, и казаки донецкихъ станицъ были вызваны на службу. Соста-

влено было два полка—*Макара Грекова* и *Акима Карпова*. Изъ возвратившихся съ Кубани на льготу полковъ Павла Кирсанова, Матвѣя Платова и Акима Уварова было выбрано тысяча доброконныхъ казаковъ и изъ нихъ составлено еще два полка—Кирсанова и Платова. Эти полки поспѣшно выступили къ Царицыну.

Туда же шелъ полковникъ Өедоръ Кутейниковъ, соединившійся съ полковниками Василіемъ Маньковымъ, Карпомъ и Михайломъ Денисовыми. На *р. Мечетной* казаки встрѣтились съ Пугачевымъ. Кутейниковъ, Маньковъ и Денисовъ три раза атаковали мятежниковъ и всѣ три раза прогоняли толпы до самыхъ пушекъ Пугачева, но пушекъ захватить не могли. Въ третью атаку Кутейниковъ столкнулся съ однимъ яицкимъ казакомъ. Онъ зарубилъ его, но казакъ успѣлъ нанести Кутейникову двѣ раны: въ грудь и лѣвый бокъ. Кутейниковъ отъ этихъ ударовъ упалъ съ копя и былъ схваченъ бунтовщиками. Съ него содрали платье и аммуницію, связали ему назадъ руки, таскали его за волосы, били, надѣли на шею ременный арканъ, которымъ едва не удавили, и, наконецъ, привязали его къ колесу. Такъ оставался привязаннымъ Кутейниковъ до тѣхъ поръ, пока его не потребовали къ Пугачеву. Когда Кутейникова привели къ самозванцу, Пугачевъ сидѣлъ у себя въ шатрѣ за столомъ, окруженный своими товарищами. Подлѣ него стоялъ штофъ водки. Пугачевъ спросилъ Кутейникова его фамилію. Кутейниковъ назвалъ себя.

— Такъ ты, братъ, мнѣ и роднею причелся,—сказалъ Пугачевъ.— Ты Пугачева домъ разорялъ?—спросилъ онъ Кутейникова.

— Не разорялъ, а исполнялъ волю командирскую.

Пугачевъ приказалъ ввести въ палатку свою жену и спросилъ Кутейникова:

— Узнаешь ли Пугачиху?

— Не знаю,—отвѣчалъ Кутейниковъ.

— Вотъ Пугачиха,—сказалъ Пугачевъ, показывая на жену.

— Я ее никогда не видывалъ,—сказалъ Кутейниковъ.

— Выведите его и завтра повѣсьте,—приказалъ Пугачевъ.

Но прежде чѣмъ повѣсить Кутейникова, Пугачевъ приказалъ пытками заставить его измѣнить присягѣ и передаться на сторону самозванца. Сначала грозили его повѣсить, но Кутейниковъ промолчалъ; тогда обѣщали его разстрѣлять, потомъ четвертовать и, наконецъ, отрѣзать пятки и вытянуть изъ ногъ жилы. Кутейниковъ ничего не отвѣчалъ Пугачеву. Тогда Пугачевъ приказалъ казанскому татарину пристрѣлить Кутейникова. Кутейникова вывели изъ обоза, перевели черезъ буеракъ, посадили въ полѣ и татаринъ приказалъ стрѣлять въ него. Три

раза ружье татарина давало осѣчку и Кутейниковъ ожидалъ смерти. На четвертый разъ татаринъ стрѣлялъ въ Кутейникова въ упоръ, въ лѣвый бокъ. Кутейниковъ свалился въ оврагъ и два часа пролежалъ безъ чувствъ. Когда онъ очнулся, Пугачевъ ушелъ уже къ Царицыну. Полумертвый донской полковникъ былъ найденъ двумя казаками, уходившими отъ Пугачева, и доставленъ ими въ Качалинскую станицу.

Между тѣмъ Царицынъ отстоялся отъ пугачевской толпы и Пугачевъ пошелъ по Волгѣ къ Черному Яру.

Передавшіеся на его сторону донцы скоро узнали его. По лагерю пошли разговоры, что Пугачевъ ихъ донской казакъ, бывшій въ прусскую войну хорунжимъ. Донцы, убѣдившись, что «конечно, онъ не государь», стали уходить изъ лагеря самозванца. И вскорѣ ни одного донского казака уже не было съ Пугачевымъ. Сомнѣніе зародилось въ толпѣ. Стали разсказывать, что во время переговоровъ съ царицынцами одинъ донской казакъ, стоя на валу, кричалъ Пугачеву:—«здорово, Емельянъ Ивановичъ!» Замѣтили и то, что Пугачевъ сторонился донскихъ казаковъ и, проходя мимо нихъ, отворачивался.

Пугачевъ, чуя недоброе, спѣшилъ къ Яику. За нимъ шелъ генералъ Михельсонъ и съ нимъ нѣсколько донскихъ казачьихъ полковъ. Донцы рѣшили возможно скорѣе извести измѣнника, порочившаго честное имя донского казака.

Въ самомъ станѣ Пугачева началось просвѣщеніе умовъ. Яицкіе казаки увидали, въ какой позоръ ихъ вовлекъ Пугачевъ, схватили его и выдали русскимъ войскамъ. Скованнаго по рукамъ и по ногамъ Пугачева въ большой клѣткѣ привезли въ Москву. Сопровождалъ его генералъ Александръ Васильевичъ Суворовъ. Въ Москвѣ Пугачевъ признался во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ. Выведенный на казнь, Пугачевъ перекрестился, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, кланялся въ землю народу и говорилъ прерывающимся голосомъ:—«прости, народъ православный, отпусти мнѣ въ чемъ я согрубилъ передъ тобою! прости, народъ православный!»—Потомъ кинулся на плаху. Палачъ отрубилъ ему голову.

Казаки черезъ правившаго всѣмъ югомъ Россіи Потемкина просили императрицу о перенесеніи Зимовейской станицы на другое мѣсто. Просьба ихъ была исполнена. Станицу перенесли на другой берегъ рѣки и назвали *Потемкинской*. Самый родъ Пугачевыхъ былъ переименованъ въ *Сычевыхъ*, и на Дону не осталось ничего, что напоминало бы объ этомъ извергѣ, опозорившемъ войско Донское.

Тогда же послѣдовалъ указъ о переименованіи города Яицка, гдѣ больше всего было измѣнниковъ, въ Уральскъ, рѣки Яика—въ Уралъ и Яицкаго войска—въ войско Уральское.

Императрица, въ награду войску за его ничѣмъ не поколебленную вѣрность и помощь, оказанную при преслѣдованіи Пугачева, приказала выслать въ Москву 65 человѣкъ казаковъ, «самыхъ лучшихъ и способнѣйшихъ въ оборотахъ казацкихъ». Выбранные казаки должны были прибыть въ Москву къ январю 1775 года и составить *почетный конвой Императрицы*; впослѣдствіи они переведены были въ Петербургъ, составили лейбъ-гвардіи казачій эскадронъ и послужили основаніемъ первому донскому гвардейскому полку — Лейбъ-гвардіи Казачьему Его Величества полку.

Въ то же время и на Дону нашли необходимымъ имѣть у атамана всегда подъ рукою надежный и хорошо обученный полкъ постоянной службы. По приказанію Потемкина, завѣдывавшаго тогда всѣми казачьими полками, атаманомъ Иловайскимъ былъ собранъ изо всѣхъ станицъ тысячный полкъ, получившій наименованіе *Атаманскаго*.

Изъ конвойной команды императрицы Екатерины II образовался такимъ образомъ Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ, а войска Донского Атаманскій полкъ потомъ сдѣлался Лейбъ-гвардіи Атаманскимъ Государя Наслѣдника Цесаревича полкомъ.

Пугачевъ.

Казаки на Кубани.

37. Казаки на Кубани.

Изъ Дона черезъ станицы Раздорскую и Цымлянскую шла большая дорога въ Задонскую степь и на Кубань. Раньше по этой дорогѣ ходили казаки искать добычи въ Кубанскихъ степяхъ и въ Кавказскихъ горахъ, по этой же дорогѣ приходили на Донъ за добычей и плѣнными татары. Не одинъ казакъ томился въ плѣну у закубанскихъ татаръ и не одна черкешенка была увезена оттуда же казаками и стала казачьей женою. Это былъ широкій боевой путь. Здѣсь, на границѣ, и во времена Екатерины война была всегда. Здѣсь научались воевать донскіе казаки и съ этой *линіи* вышли почти всѣ донскіе герои. Казакъ, попадавшій сюда на службу, сразу обучался и вниманію, и сторожкости. Эта линія была школою храбрецовъ. Раньше на нее шли казаки охотою, собираясь станицами, или ватагами. При императрицѣ Екатеринѣ Великой по этой линіи были поставлены казачьи полки. Они должны были не допускать никакого прорыва въ русскіе города, на нихъ лежала священная обязанность охранять дома казачьи, казачьи станицы и городки.

Противъ казаковъ стояло дикое и храброе племя закубанскихъ татаръ. Ловкіе и смѣлые, какъ хищные звѣри, подкрадывались они къ казачьимъ бивакамъ, нападали неожиданно, и казакамъ нужно было имѣть особенное искусство, чтобы не поддаваться этимъ атакамъ. Ихъ лихіе наѣздники—*джигиты*, ихъ начальники—*уздени*, не разъ похвалялись пройти весь Донъ, снести съ лица всѣ городки казачьи.

Про это у казаковъ и пѣсня была сложена:

На усть, было, батюшки тиха Дона
Не черные вороны въ стадо слеталися,
Собирались, съѣзжались въ кругъ Донскіе казаки;
Среди круга стоитъ золотой Царскій бунчукъ,
Подъ бунчукомъ стоитъ стулечко распущенное,
На стулѣ сидитъ войсковой нашъ атаманъ.
Не золотая то трубочка вострубила
И не серебряная рѣчь возговоритъ:
—Вы други, мои други, вы Донскіе казаки!
Вы послушайте мои други, что я буду говорить:
Хвалится, похваляется Закубанскій Большой Ханъ,
Онъ хвалится, похваляется на тихій Донъ побывать
И батюшку, славный тихій Донъ, наскрозь пройтить,
А матушку, широку Волгу, въ обретки перебресть,
Яикъ-то, славный городъ, онъ шапками заметать!
Неужто у насъ не стало на тихомъ Дону казаковъ?
Неужто они не станутъ за отцовъ своихъ, матерей?
Неужто не станутъ за женъ своихъ, за дѣтей?

И казаки грудью вставали за тихій Донъ. Здѣсь, въ Закубаньѣ, казачья кровь лилась рѣкою. Въ 1773 году крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, чуя погибель Крыма, покоряемаго русскими войсками Долгорукаго, возмутилъ кубанскихъ татаръ, и они стали собирать большую рать.

Въ это время на Кубань шелъ обозъ. Везли казакамъ на линію провіантъ и припасы, ѣхали переселенцы на новыя мѣста, гнали скотъ, верблюдовъ. Этотъ огромный обозъ велъ полковникъ Бухвостовъ съ двумя полками казаковъ—Матвѣя Платова и Ларіонова, и двумя пушками.

Въ авангардѣ шли Платовъ и Ларіоновъ. Была ранняя весна, степь зацвѣтала. 3 апрѣля полкъ Платова расположился на ночлегъ въ глухой степи у р. Калалахъ, недалеко отъ Ейска. Стихъ гомонъ казачьихъ голосовъ, лошади поѣли кормъ и дремали, переминаясь съ ноги на ногу. Платовъ, молодой 23-лѣтній полковникъ, только что устроился спать,

какъ къ нему въ палатку заглянулъ старый, не разъ бывавшій въ Закубанской степи казакъ.

— Матвѣй Ивановичъ,—тихо сказалъ онъ,—подь сюда на минуту.

Платовъ быстро одѣлся и вышелъ съ казакомъ въ открытую степь.

— А ну, прилягъ ухомъ къ землѣ,—сказалъ Платову казакъ.

Платовъ прилегъ.

— Ну, что слышишь, Матвѣй Ивановичъ?

— Слышу какой-то шумъ, похожій на крикъ птицъ,—сказалъ, приподнимаясь, Платовъ.

— Да развѣ птица кричитъ въ темную ночь? Она сидитъ смирно,—сказалъ старый донецъ.

— Такъ что же это такое?—спросилъ Платовъ.

— А вотъ что. Непріятель недалеко. Онъ сталъ лагеремъ, разложилъ огни, на свѣтъ поднялась птица и кричитъ. По большому крику надо полагать, что огней много, значитъ много и басурманъ. Теперь нужно держать ухо востро и ждать на зарѣ нападенія. Поживешь, Матвѣй Ивановичъ, довольно—узнаешь и больше.

Платовъ выслушалъ слова сметливаго казака, тихо прошелъ въ лагерь, поднялъ свой полкъ, окопался, составилъ повозки внутрь своего бивака и сталъ ждать нападенія. На разсвѣтѣ появилась орда. Девлетъ-Гирей съ 20.000 всадниковъ надвигался на полки Платова и Ларіонова, окопавшіеся въ степи. Послали двухъ казаковъ съ донесеніемъ Бухвостову. Одинъ тутъ же былъ убитъ, другой ускакалъ благополучно.

Поднявшееся солнце освѣтило пеструю орду татарскую. Красныя и бѣлыя чалмы, пестрыя куртки татаръ цвѣтнымъ ковромъ облегли казачій лагерь. Среди этой толпы серебряными искрами сверкали панцыри, сдѣланные изъ стальныхъ цѣпочекъ, кавказскихъ рыцарей изъ Кабарды. Они гарцовали на легкихъ лошадяхъ подлѣ самыхъ окоповъ, метали стрѣлы и пронзительно кричали. Все поле было покрыто всадниками.

Ларіоновъ былъ старше Платова, но Платовъ, видя колебанія товарища, взялъ командованіе на себя и рѣшилъ отбиться отъ непріятеля во что бы то ни стало. Семь разъ атаковали татары лагерь Платова и семь разъ двѣ его пушки и дружные залпы казачьихъ ружей отбивали ихъ натискъ. Много полегло казаковъ за валами, многіе были изранены; укрѣпленіе было разбито въ нѣсколькихъ мѣстахъ, повозки поломаны. Треть лошадей, стоявшихъ въ серединѣ окопа, была перебита. Отчаяніе охватило казаковъ. Патроновъ было мало, солнце наступившаго дня пекло невыносимо, нечѣмъ было утолить жажду, и помощь не шла ниоткуда.

Задумчивый и печальный стоялъ при своемъ полку полковникъ Ларіоновъ. Вдругъ онъ подошелъ къ Платову.

— Матвѣй Ивановичъ,—тихо сказалъ онъ,—намъ придется сдаться. Сопротивленіе безполезно. Мы зря погубимъ казаковъ.

— Нѣтъ! — рѣшительно сказалъ молодой полковникъ, — пускай лучше я умру съ честью и славою, чѣмъ отдамся врагу на поруганіе, къ стыду моего отечества. Что будетъ, то будетъ. Я надѣюсь на Бога. Онъ не оставитъ насъ безъ помощи!

И снова казаки стали заряжать ружья и выстрѣлами отбивать приближавшихся татаръ... И вдругъ раздался радостный крикъ:

— Пыль вдали! Это наши!

И, дѣйствительно, вдали показалась колонна. Вотъ передніе сдержали скокъ своихъ лошадей, перевели ихъ на рысь, вотъ задніе надвинулись и широкая казачья лава развернулась и понеслась на татаръ. Это былъ полкъ Уварова.

«На коней!» крикнулъ одушевленнымъ голосомъ Платовъ—и его казаки и казаки Ларіонова выскочили изъ укрѣпленія и бросились на татаръ. Атакованные съ двухъ сторонъ казаками татары кинулись на утекъ, въ степь. Казаки ихъ преслѣдовали. Такъ скакали татары пять верстъ, когда неожиданно налетѣли на гусарскій полкъ Бухвостова, принявшій ихъ въ шашки. Все поле покрылось убитыми. Кабардинскія лошади, лишившись всадниковъ, носились со ржаніемъ по полю. Казаки разлавливали ихъ.

Побѣдой надъ татарами на р. Калалахъ казаки были обязаны молодому своему герою—Платову.

Казачьи полки остались на линіи. Въ 1770 году къ нимъ пріѣхалъ генералъ Суворовъ. По его указаніямъ вдоль Кубани, до самаго устья ея было построено 4 крѣпости и 20 небольшихъ укрѣпленій—редутовъ. Ихъ оберегали солдатскіе и донскіе полки. Казачьи полки приходили и уходили, смѣняясь чуть не ежегодно. И каждому полку приходилось сразиться хотя разъ съ черкесами и татарами, которые не оставляли въ покоѣ нашей линіи. Особенно усилили они свои нападенія въ 1777 году. Тогда линію охраняли два казачьихъ полка: *Кульбакова* и *Буколова*. Они были растянуты по постамъ. На каждомъ посту стояло по тридцати человѣкъ при старшемъ. Казаки построили вышки для часовыхъ. Выставляли часового, подчаска, посылали дозоры. Ночью высылали дозоры и закладывали секреты. Здѣсь, въ Кубанской степи, въ постоянной опасности отъ врага, казаки составили способъ охраненія линіи. Ихъ способъ потомъ вошелъ во всѣ наши уставы полевой службы, былъ принятъ и за границей. И теперь мы охраняемъ себя такъ, какъ придумали охранять себя наши дѣды во время службы на Кубанской линіи, во времена Суворова и Платова.

6 іюня 1777 года съ Темрюкскаго поста донесли, что тамъ видѣли лодку, быстро исчезнувшую въ камышахъ. Доносившій хорунжій сообщилъ, что, вѣроятно, будетъ нападеніе, но потомъ прислалъ вторичное донесеніе, сообщая, что все спокойно. Но Кульбаковъ зналъ, что на Кубани ничто не случается зря и появленіе лодки что-либо обозначаетъ. Онъ захватилъ съ собою 200 казаковъ и эскадронъ гусаръ и къ ночи пришелъ къ Темрюкскому посту. Ночь была бурная. Вѣтеръ шумѣлъ ивами и прибрежными камышами, вода бурлила и плескалась въ Кубани. Усталые казаки позаснули подъ вой вѣтра. Ночью надвинулась мелкая хмара. Въ пяти шагахъ ничего не было видно.

Вдругъ раздались отчаянные крики и стоны. 500 черкесовъ напали на сонный бивакъ. Но Кульбаковъ громкимъ голосомъ привелъ казаковъ въ порядокъ, казаки сѣли на лошадей, не разсѣдланныхъ съ вечера, бросились на черкесовъ и прогнали ихъ за Кубань. Все дѣло продолжалось четверть часа. Черкесовъ порубили порядочно. 20 тѣлъ черкесскихъ осталось на нашемъ берегу, да неизвѣстно сколько увезли, по своему обычаю, черкесы за рѣку. Но и казаки потеряли убитыми есаула Персидскаго и 5 казаковъ, и ранеными есаула Попова, хорунжаго Кондратова и 26 казаковъ, и 2 пропали безъ вѣсти.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ такомъ же нападеніи казаки потеряли полковника Вуколова и много убитыхъ и раненыхъ казаковъ. Одни говорили, что Вуколова лошадь занесла къ черкесамъ, другіе, что онъ утонулъ въ Кубани. Казаки сулили черкесамъ выкупъ за своего полковника, но не отыскали его.

Иногда татары собирались большими толпами и, прорвавши линію заставъ, устремлялись на Донъ. Такъ, въ 1782 году ногайцы громадною толпою бросились за Кубань и вошли въ задонскую степь. Живо собрались донцы на защиту своихъ домовъ. Три полка — Себрякова, Ильи Денисова и Петра Попова, открыли ихъ на Куго-Еѣ и 10 сентября нанесли имъ жестокое пораженіе.

Атаманъ Иловайскій, донося объ этомъ Потемкину, писалъ, что необходимо предпринять казакамъ походъ за Кубань и разорить ногайское гнѣздо.

Для разгрома ногайскихъ ордъ былъ назначенъ *Суворовъ*. Въ его отрядѣ находилось 16 ротъ пѣхоты, 16 эскадроновъ, 16 орудій и 16 донскихъ полковъ подъ командою *атамана Иловайскаго*. Съ Иловайскимъ пошли полки: Атаманскій, Себрякова, Денисова, Кутейникова, Яновскаго, Сычева, Попова съ донскими пушками, Денисова, Кульбакова, Грекова, Харитонова, Барабанщикова, Леонова, Пантелѣева, Исаева и Астахова.

1 октября 1782 года отрядъ подошелъ къ урочищу *Керменчикъ* и здѣсь казаки увидали многое множество татарскихъ ауловъ *) и большія толпы ногайцевъ. Донскіе полки атаковали татаръ. Началась страшная сѣча, продолжавшаяся съ разсвѣта почти до полудня. Ногаи бѣжали. Казаки подожгли ихъ аулы, врывались въ улицы, забирали плѣнныхъ, женщинъ, лошадей и скотъ. Въ этомъ разгромѣ 5.000 татаръ было убито, 4.000 взято въ плѣнъ. Казаки получили 3 тысячи лошадей, 4 тысячи головъ скота и болѣе 2 тысячъ головъ овецъ.

Суворовъ, не разъ бывавшій въ дѣлахъ съ казаками, первый разъ видалъ работу почти всего войска. Онъ былъ восхищенъ.

«Храбрость, стремительный ударъ и неутомимость Донского войска»—писалъ онъ Потемкину»—не могу довольно восхвалить передъ Вашею Свѣтлостью и Государынею Императрицею».

Атаманъ Иловайскій былъ награжденъ чиномъ генералъ-поручика и орденомъ св. Владиміра 2-й степени, полковники: Илья Денисовъ, Ѳедоръ Денисовъ и Михаилъ Себряковъ пожалованы въ бригадиры. Всѣ старшины произведены въ полковники.

На мѣсто разгромленной татарской орды въ 1792 году были поселены запорожскіе казаки **) и донскіе охотники, они поставили 40 куреней и заложили крѣпость Екатеринодаръ. Войско это было названо Черноморскимъ казачьимъ войскомъ. Впослѣдствіи они составили Кубанское казачье войско.

Съ устройствомъ Черноморскаго войска въ Задонской степи стало совершенно спокойно. Станицы Раздорская и Цымлянская, бывшія раньше на самомъ боевомъ пути—стали на пути торговомъ, черезъ нихъ потянулись гурты скота и торговые караваны за Кубань и обратно.

Но донскимъ казакамъ еще много и долго пришлось воевать на Кубани.

Съ этого времени, въ теченіе почти двадцати лѣтъ донцы становятся неразлучными спутниками и боевыми товарищами знаменитѣйшаго полководца русскаго Александра Васильевича Суворова. Съ этого времени Суворовъ въ походахъ и бояхъ ѣздитъ не иначе, какъ на казачьей лошади и на казачьемъ сѣдлѣ, съ казачьею нагайкой въ рукахъ. Эта плеть казачья служила Суворову въ сраженіяхъ вмѣсто фельдмаршальскаго жезла. Съ нею онъ не разставался.

Съ этого же закубанскаго набѣга *Суворовъ* не разстается съ донскимъ казакомъ *Иваномъ*. Этотъ Иванъ неотступно сопровождалъ Суво-

*) Ауломъ называется деревня татаръ.

**) Донцы называли ихъ черкасами.

рова во всѣхъ походахъ. Онъ былъ тѣлохранителемъ великаго полководца, онъ былъ безсмѣннымъ ординарцемъ, онъ былъ и вѣстовымъ и денщикомъ. Никто не зналъ его фамиліи, не дошла она и до насъ, но донского казака Ивана знали всѣ страны, которыя проходилъ Суворовъ, его знали императоры и короли.

Въ разгромленномъ краю.

Генералъ-фельдмаршалъ
Александръ Васильевичъ Суворовъ.

38. Суворовъ.

Александръ Васильевичъ Суворовъ былъ русскимъ и родился въ Москвѣ 13 ноября 1730 года. Въ продолженіе почти всей своей боевой дѣятельности онъ былъ окруженъ донскими казаками. Они учились у него той «наукѣ побѣждать», которою Суворовъ знаменитъ не менѣе, чѣмъ самими побѣдами. Можетъ быть, и сама наука побѣждать сложилась у Суворова, отчасти, благодаря донцамъ. Въ нихъ онъ видѣлъ всегдашній порывъ впередъ, желаніе наступать и завоевывать, а не отступать и отдавать свое.

Еще ребенкомъ Суворовъ любилъ все военное. Едва онъ научился читать и писать, едва справился съ иностранными языками, какъ уже принялся читать книги, въ которыхъ описывались войны, побѣды древнихъ, жизнеописанія великихъ полководцевъ. Онъ мечталъ быть солда-

томъ. *Выше солдатскаго дѣла онъ не признавалъ ничего.* 15-лѣтнимъ мальчикомъ его мечты сбылись. Онъ поступилъ рядовымъ въ Л.-Гв. Семеновскій полкъ. Съ увлеченіемъ отдался онъ солдатской службѣ. Не было солдата въ полку исправнѣе рядового Суворова. Первую награду свою Суворовъ получилъ мальчикомъ-солдатомъ. И до глубокой старости гордился онъ этою наградою. Онъ былъ первымъ генераломъ—фельдмаршаломъ, имѣлъ всѣ ордена русскіе и иностранные, а съ удовольствіемъ вспоминалъ о той наградѣ, которую онъ получилъ солдатомъ. А получилъ онъ ее за отличное знаніе караульной службы. Однажды, лѣтомъ, Семеновскій полкъ содержалъ караулы въ Петергофѣ, въ тридцати верстахъ отъ Петербурга. Суворовъ, наряженный въ караулъ, стоялъ у дворца императрицы на часахъ. Когда мимо проходила императрица Елизавета Петровна, Суворовъ такъ лихо взялъ на караулъ, что императрица остановилась, посмотрѣла на него и спросила, какъ его зовутъ. Узнавъ, что онъ сынъ генерала Василія Ивановича Суворова, императрица вынула изъ кармана серебряный рубль и подала ему.

— Государыня!—сказалъ мальчикъ,—не возьму! Законъ запрещаетъ солдату брать деньги, стоя на часахъ.

— Молодецъ!—отвѣтила императрица, потрепала его по щекѣ, дозволила поцѣловать руку и положила рубль на землѣ, сказавъ:—«возьми, когда смѣнишься!»

Этотъ рубль Суворовъ берегъ всю жизнь.

Въ казармахъ Суворовъ жилъ среди солдатъ, сиживалъ за ихъ обѣдомъ, бесѣдовалъ съ ними у бивачныхъ огней. Онъ зналъ солдата и любилъ стараго солдата, служившаго въ рядахъ по двадцать лѣтъ. Онъ умѣлъ говорить съ солдатами такъ, что тѣ его сразу понимали.

Послѣ Семилѣтней войны, гдѣ Суворовъ познакомился съ донскими казаками, онъ получилъ въ командованіе Суздальскій полкъ. Онъ училъ его по-своему. Тяжелы были его ученья солдатамъ, но солдаты понимали ихъ и любили.

— Солдатъ любитъ ученье,—говаривалъ Суворовъ,—тяжело въ ученьѣ—легко въ походѣ; легко въ ученьѣ—тяжело на походѣ.

Отъ солдата Суворовъ требовалъ любви къ Богу и къ матушкѣ государынѣ, слѣпое повиновеніе начальникамъ, пониманіе своего маневра.—«Словъ «назадъ» говаривалъ Суворовъ—«и «отступать» и въ словарѣ нѣтъ, широкій шагъ ведетъ къ побѣдѣ, а побѣда къ славѣ». Суворовъ и командиромъ полка самъ то же дѣлалъ, что и солдаты, умѣлъ все показать, всему научить. Онъ былъ и майоръ, и адъютантъ, и ефрейторъ.

Суворовскій полкъ скоро замѣтили, стали отличать и Суворова. Ему было поручено проводить взятаго Пугачева, его назначали всюду,

гдѣ было опасно. Онъ устраивалъ покоренную Финляндію, его же мы видали и на Кубани. И вездѣ онъ училъ солдатъ и казаковъ дѣлу.

При взятіи городовъ и крѣпостей онъ говорилъ своимъ войскамъ:— «въ дома не забѣгать, непріятеля, просящаго пощады, щадить; безоружнаго не убивать; съ бабами не воевать; малолѣтковъ не трогать. Кого изъ насъ убьютъ—царство небесное, живымъ—слава! слава! слава!»...

Въ бояхъ одѣвался онъ просто и бѣдно. Да вѣдь такъ дѣлали и казаки! На бивакѣ спалъ на соломѣ, накрываясь старенькимъ темносинимъ плащомъ, который солдаты называли—*родительскимъ*.

Терпѣть не могъ Суворовъ, когда ему отвѣчали «*не могу знать*». «Немогузнайки, лживки, лукавки»—этихъ онъ не любилъ. Этимъ наградъ не было. Только разъ немогузнайка порадовалъ Суворова. Дѣло было такъ:—однажды при объѣздѣ войскъ Суворовъ встрѣтилъ одного молодого кавалерійскаго офицера.—«Что такое отступленіе?»—спросилъ онъ его.

— Не могу знать,—отвѣчалъ офицеръ.

Суворовъ нахмурился.

— Въ нашемъ полку это слово неизвѣстно,—продолжалъ офицеръ,— я его тамъ никогда не слыхалъ.

Хорошій полкъ,—сказалъ Суворовъ,—очень хорошій полкъ. Первый разъ въ жизни немогузнайка доставилъ мнѣ истинное удовольствіе.

Суворовъ воспитывалъ солдатъ въ сознаніи ими долга. «Долгъ къ императорской службѣ»—говорилъ онъ—«столь обширенъ, что всякій другой долгъ въ немъ исчезаетъ. Родство и свойство мое съ долгомъ моимъ:—Богъ, Государыня, отечество». Онъ горячо любилъ Россію. «Горжусь, что я русскій»,—говорилъ онъ.

Суворовъ любилъ войну: «одно мое желаніе»,—говорилъ онъ,— «кончить Высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ».

Съ дѣтства Суворовъ отличался набожностью и благочестіемъ. Библія и евангеліе были его любимыми книгами, за ними, да въ церкви онъ отдыхалъ отъ боевыхъ трудовъ.

Суворовъ былъ храбръ. Много разъ онъ былъ раненъ, вылѣчивался, часто безъ доктора, безъ перевязки, и снова шелъ въ бой, навстрѣчу опасности.

Суворовъ былъ величайшій полководецъ Россіи и всего міра. Онъ ни разу не былъ побѣжденъ. Гдѣ былъ Суворовъ—тамъ была и побѣда. Донцы, вступавшіе въ ряды русской арміи, имѣли своимъ учителемъ вождя непобѣдимаго. Съ нимъ они учились побѣдамъ... Только однѣмъ побѣдамъ! Но особенно отличались донцы съ Суворовымъ во вторую Турецкую войну, въ войну съ поляками и въ Итальянскомъ его походѣ.

Много пѣсенъ поютъ казаки про Суворова, вспоминаютъ въ этихъ пѣсняхъ его смѣлые походы за Кубань и въ Турцію.

Войсковой Атаманъ войска Донского Алексѣй Ивановичъ Иловайскій. 1775—1797.

39. Вторая Турецкая война. Кинбурнъ.

1787—1791 г.

Въ 1783 году императрица Екатерина Великая объявила Крымъ русскою губерніею. Въ то же время и Кубань вошла въ предѣлы Россіи. Такое большое расширеніе Русскаго государства возбудило зависть въ нашихъ врагахъ. Англичане и нѣмцы стали уговаривать турецкаго султана объявить войну Россіи. Четыре года колебался султанъ, наконецъ, осенью 1787 года, началъ военныя дѣйствія противъ русскихъ. 5.000 отборныхъ турецкихъ войскъ высадились на Кинбурнскую косу, гдѣ въ крѣпости Кинбурнъ находился Суворовъ. У Суворова войска состояли изъ пѣхоты, легкой конницы—драгунъ, и съ нимъ же было три казачьихъ полка: Орлова, Исаева и Иловайскаго. Казаки и драгуны стояли лагеремъ, верстахъ въ 30-ти отъ крѣпости.

Съ разсвѣтомъ, 1 октября, турки начали обстрѣливать крѣпость. На страшную бомбардировку Суворовъ не приказалъ отвѣчать ни однимъ

выстрѣломъ. Въ 9 часовъ утра турецкіе корабли подошли къ косѣ съ двухъ сторонъ и на самомъ концѣ косы начали высаживаться. Первыми подъѣхали на лодкахъ запорожскіе казаки, бѣжавшіе въ Турцію, и начали выходить на берегъ. Донцы приняли было ихъ за своихъ, бѣжавшихъ изъ плѣна, но увидавъ, что они подъ начальствомъ турецкихъ пашей, атаковали ихъ и пиками прогнали опять на лодки. Въ глубокомъ молчаніи встрѣчала русская крѣпость турецкія войска. Лодка подходила за лодкой, полки устраивались, свозили лошадей, пушки, а изъ крѣпости не раздавалось ни одного ружейнаго, ни одного пушечнаго выстрѣла. Звонили только въ церкви колокола по случаю праздника Покрова Пресвятыя Богородицы. Тамъ съ офицерами молился Суворовъ. Туда доставляли ему и донесенія съ берега. Донесенія эти дѣлались все тревожнѣе и тревожнѣе: сила турецкая росла непомѣрно.

Зазвонили къ «Достойно». Опять пришли къ Суворову офицеры и стали докладывать, что турки готовятся къ штурму. Послѣдніе ихъ полки выгружаются на берегъ.

— Не прикажете ли открыть по нимъ огонь?—спросили Суворова.

— Нѣтъ. Подождемъ: пускай всѣ повылѣзутъ,—коротко отвѣчалъ Суворовъ.

Турки высаживались съ ломами и лопатами и сейчасъ же по высадкѣ начинали рыть окопы, насыпать мѣшки съ землею.

Суворовъ устроилъ свою пѣхоту въ двѣ линіи. Кавалерія стала лѣвѣе пѣхоты и впереди ея помѣстились казачьи полки.

Послѣ полудня турки, на глазахъ у русскихъ, помолились и стали приближаться къ крѣпости. Около трехъ часовъ дня они подошли на 200 шаговъ къ передовому рву, и тогда, по приказу Суворова, былъ данъ залпъ изо всѣхъ орудій и наша пѣхота пошла на турокъ. Казаки пустились рысью въ объѣздъ турецкихъ полковъ. Донцы налетѣли на турецкія штурмовыя колонны, состоявшія изъ людей несшихъ лѣстницы для того, чтобы взбираться на стѣны Кинбурна, перекололи пиками турокъ и убили полковника—*агу*, который ихъ велъ.

Въ это время пѣхота, Орловскій и Шлиссельбургскій полки, несмотря на страшный огонь съ турецкихъ кораблей, осыпаемые сотнями ядеръ, бросились въ штыки на турокъ. И впереди ихъ на казачьей лошади Суворовъ. Подъ нимъ убили лошадь—онъ пошелъ пѣшкомъ. Пѣхота забрала подъ-рядъ три окопа, коса стала узкой, все перемѣшалось. Пушки турецкія перестали стрѣлять: можно было перебить своихъ. Въ тяжеломъ молчаніи грудь съ грудью дрались орловцы и шлиссельбуржцы съ турками. Въ это время показались турецкіе янычары. Въ бѣлыхъ чалмахъ и курткахъ, съ кинжалами въ зубахъ, прочищали они острыми

кривыми саблями дорогу среди русскихъ солдатъ. Суворовъ послалъ за резервомъ.

Подошли новые полки, и на тѣсной косѣ пошла всеобщая свалка. Тѣснимые янычарами, наши пѣхотинцы подались назадъ. Суворовъ остался одинъ, безъ лошади, окруженный турками. Турки бросились на него. Но храбрый русскій солдатъ, гренадеръ Новиковъ, увидавъ Суворова одного, бросился ему на выручку, одного турка застрѣлилъ, другого закололъ... Увидали Суворова и другіе солдаты. Кто-то крикнулъ: «братцы, генералъ остался впереди».

Всѣ повернули и снова ударили на турокъ. Обстрѣливаемые съ судовъ ружейнымъ огнемъ дрались наши войска. Уже темнѣло. Въ самую свалку подоспѣли казаки и петербургскіе драгуны *). Тѣсно было драться. Наши напирали на турокъ и сталкивали ихъ въ воду. Въ это время Суворовъ былъ раненъ въ лѣвую руку пулей на вылетъ. Вѣрный его ординарецъ, казакъ Иванъ, съ другими казаками подхватилъ его и отнесъ въ сторону. Здѣсь донской есаулъ Кутейниковъ перевязалъ ему своимъ галстукомъ рану.

— Помилуй Богъ, благодарю,—воскликнулъ Суворовъ,—помогло, тотчасъ помогло! Прогонимъ, богатыри, всѣхъ турокъ въ море—и раненыхъ и здоровыхъ.

И Суворовъ бросился снова въ бой.

Но велика была сила турецкая. Среди ожесточенныхъ янычаръ сновали турецкіе монахи-дервиши, возбуждая турокъ къ яростному нападенію. Огонь изъ пушекъ съ турецкихъ судовъ косилъ наши полки, стоявшіе въ резервахъ. Кривыя сабли сверкали въ надвигавшихся сумеркахъ, русскіе устали колоть, патроновъ не хватало, наступало тяжелое время. Турки подавались впередъ и впередъ. Въ эту трудную минуту Суворовъ обратился къ находившемуся при немъ донскому есаулу Краснову и приказалъ ему привести послѣдніе резервы.

Красновъ прискакалъ къ батальону, стоявшему далеко сзади, и хотѣлъ передать приказаніе Суворова командирамъ, но всѣ офицеры были перебиты или ранены, некому было вести солдатъ въ бой.

— Друзья! — воскликнулъ тогда Красновъ, — Суворовъ приказалъ ударить въ штыки! Ура!..

И онъ повелъ батальонъ на окопы, уже занятые турками. Начался страшный штыковой бой. Красновъ былъ раненъ въ ногу, но продолжалъ сражаться. За этими свѣжими войсками помчались еще разъ въ

---

*) Теперь это 2-й Петербургскій уланскій полкъ, который состоитъ въ 1-й кавалерійской дивизіи и служитъ вмѣстѣ съ 1-мъ Донскимъ Суворова полкомъ.

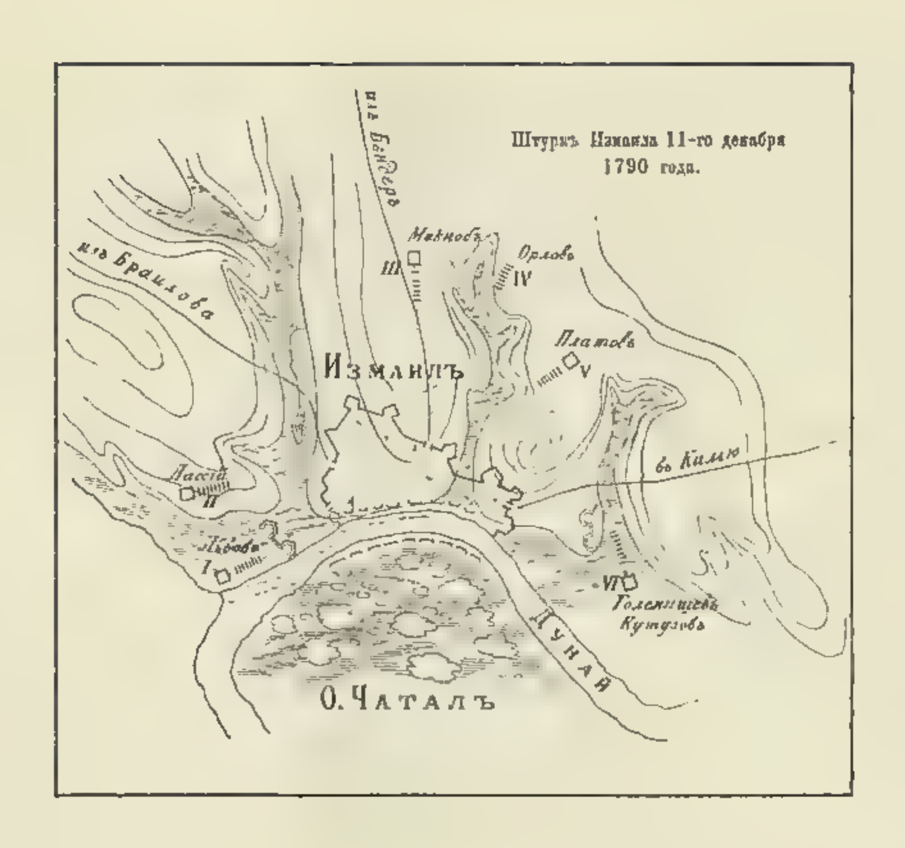
атаку казаки. Въ темнотѣ среди прибрежныхъ кустовъ, между убитыми и ранеными, фыркая и храпя пробирались казачьи лошади и у самой воды наткнулись на отступавшихъ турокъ.

Сбитые со всѣхъ позицій турки бросились въ море. Кто умѣлъ плавать—тотъ поплылъ на корабли, кто не умѣлъ плавать—сидѣлъ всю ночь по горло въ водѣ, спасаясь отъ выстрѣловъ, которые нѣтъ-нѣтъ, да и раздавались съ нашей стороны, огоньками вспыхивая въ ночной темнотѣ и гулкими ударами разносясь надъ моремъ.

Около 2.000 турокъ пало въ этомъ страшномъ рукопашномъ бою, мы потеряли около 1.000 человѣкъ.

На другой день, 2 октября, на полѣ битвы были собраны всѣ участники славнаго боя. Вынесли аналой, раздалось молебное пѣніе. Блѣдный отъ раны Суворовъ горячо молился со своими войсками.

Кинбурнъ, отстоять который въ Россіи считали невозможнымъ, такъ слабъ онъ былъ своими укрѣпленіями, былъ силенъ Суворовымъ и его лихими гренадерами, драгунами и донскими казаками. Слабый отрядъ его побѣдилъ турокъ, и городъ, надъ которымъ былъ однажды поднятъ русскій флагъ, не спустилъ его, не сдался передъ громадными полчищами турокъ.

40. Измаилъ.

11 декабря 1790 года.

Два года тянулась война съ турками. Много славныхъ побѣдъ одержали русскія войска за эти два года. Мы взяли крѣпость Очаковъ, подъ Рымникомъ Суворовъ совершенно разбилъ турецкую армію и за эту побѣду былъ пожалованъ императрицею Екатериною II наименованіемъ *Рымникскаго*. Начался третій годъ войны — 1790-й. Русскія войска дошли до Дуная. Намъ нужно было взять крѣпость Измаилъ.

Со взятіемъ этой крѣпости погибла бы и вся турецкая армія, которая въ ней заперлась.

Донскіе полки, бывшіе въ эту войну подъ начальствомъ походныхъ атамановъ—Денисова, Орлова, Платова и Исаева, обезлошадѣли. Многіе полки должны были, по приказанію главнокомандующаго Потемкина, отдать не только своихъ лошадей, но и оружіе гусарамъ, другіе потеряли лошадей во время тяжелаго похода. И вотъ, подъ Измаиломъ, въ числѣ 30-тысячнаго русскаго корпуса было 13.000 пѣшихъ донскихъ казаковъ, вооруженныхъ однѣми пиками. Про это тяжелое, безлошадное время на Дону и пѣсня сложилась:

Ахъ ты батюшка, воеводушка!
Ты за что на насъ прогнѣвался?
Или сдѣлали тебѣ измѣнушку,

Измѣнушку, перемѣнушку?
Ты зачѣмъ у насъ коней побралъ;
Ты коней побралъ, по полкамъ раздалъ,
Ты по тѣмъ полкамъ, по гусарскимъ?
Ты полковничка у насъ разжаловалъ,
Есаулушковъ на часы ставилъ!
Аль мы въ чемъ тебѣ прослужилися?
„Я затѣмъ у васъ коней обралъ,
Я коней обралъ, по полкамъ раздалъ,
Что во всѣхъ полкахъ кони выпали,
Генералушки всѣ пріопѣшали,
Канонерушки пѣшкомъ идутъ,
Они лямочки на плечахъ незутъ,
А орудія на себѣ ведутъ!“

Въ тяжеломъ состояніи была армія наша, стоявшая подъ Измаиломъ. Былъ ноябрь мѣсяцъ, лили дожди, всюду была грязь непролазная. Отъ непогоды солдаты хворали. Осада затягивалась. Нужно было взять крѣпость приступомъ, но Измаилъ, великолѣпно укрѣпленный французскимъ инженеромъ, имѣвшій болѣе 200 орудій и 3.000 защитниковъ, всѣми считался крѣпостью неприступной.

Потемкинъ, ведшій осаду крѣпости, вызвалъ къ себѣ Суворова. Суворовъ находился при арміи въ 100 верстахъ отъ Измаила. Получивъ приглашеніе идти къ Измаилу, Суворовъ, 30 ноября, выѣхалъ въ сопровожденіи 40 казаковъ. Время было дорого. Суворовъ оставилъ свой конвой и въ сопровожденіи своего вѣрнаго Ивана, везшаго въ узелкѣ вещи главнокомандующаго, пріѣхалъ къ Измаилу.

Осмотрѣвшись, Суворовъ увидалъ, что отъ него требовали невозможнаго. Крѣпость была, дѣйствительно, неприступная. Начальникомъ ея былъ посѣдѣлый въ бояхъ Айдосъ-Мехмедъ паша, человѣкъ твердый и безстрашный. У насъ же не было даже осадныхъ пушекъ, боевыхъ припасовъ было мало, въ продовольствіи былъ недостатокъ. Взять крѣпость предстояло почти голыми руками, открытымъ приступомъ.

Суворовъ началъ къ нему готовиться. Закипѣла работа повсюду. Заготовляли 40 штурмовыхъ лѣстницъ и 2.000 большихъ связокъ хвороста, называемыхъ фашинами, для закидыванія рвовъ. Суворовъ непрерывно объѣзжалъ полки, разговаривалъ съ солдатами.

— Валы Измаила высоки,—говорилъ онъ имъ,—рвы глубоки, а всетаки намъ нужно его взять. Такова воля матушки Государыни.

— Съ тобой возьмемъ, —спокойно и увѣренно говорили солдаты Суворову.

По ночамъ шли ученья. Солдаты штыками, казаки пиками кололи связки хвороста, изображавшія турокъ.

7 декабря Суворовъ послалъ начальнику крѣпости краткую записку съ предложеніемъ сдать Измаилъ.—«Сераскиру *), старшинамъ и всему обществу»,—писалъ Суворовъ.—«Я съ войсками сюда прибылъ. Двадцать четыре часа на размышленіе—воля;—первый мой выстрѣлъ—уже неволя;—штурмъ—смерть. Что оставляю вамъ на размышленіе».

— «Скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи и небо упадетъ на землю, чѣмъ сдастся Измаилъ»,—говорили турки.

Сераскиръ отвѣчалъ отказомъ.

Суворовъ ожидалъ до 9-го числа. Бѣлое знамя—знакъ сдачи и покорности, не показалось надъ стѣнами крѣпости, и Суворовъ, 9 же декабря, собралъ военный совѣтъ. На совѣтѣ этомъ было 13 генераловъ. Младшій изъ нихъ былъ походный атаманъ, донской бригадиръ *Матвѣй Ивановичъ Платовъ*. Суворовъ коротко разсказалъ всѣмъ, въ какомъ положеніи находятся войска, объяснилъ всю опасность штурма и предложилъ каждому, начиная съ младшаго, сказать, что хотятъ они дѣлать съ Измаиломъ.

Платовъ всталъ и громко и отчетливо сказалъ:

— Штурмовать!

За нимъ повторили это же слово и всѣ остальные; Суворовъ всѣхъ перецѣловалъ, вышелъ изъ палатки и отдалъ приказъ о подготовкѣ къ штурму.

— Сегодня молиться,—говорилъ Суворовъ командирамъ полковъ, - завтра учиться, послѣзавтра или побѣда, или славная смерть!

На 11-е декабря былъ назначенъ приступъ всѣхъ войскъ. Шесть колоннъ было приготовлено для атаки съ сухого пути и три колонны съ резервомъ со стороны Дуная для высадки.

Платовъ командовалъ пятою колонною. Казаки шли въ этомъ штурмѣ наравнѣ съ пѣхотою, пѣшкомъ, вооруженные легкими, укороченными пиками. Часть ихъ была совсѣмъ безъ оружія. Они несли лѣстницы и фашины. Казачья колонна была раздѣлена на двѣ части. Одною командовалъ Платовъ, другою Орловъ.

Ночью были вызваны охотники идти впередъ съ фашинами и засыпать ими рвы. Вышли отчаяннѣйшіе казаки. За ними построились полки съ пиками. Въ полночь, молча и тихо подошли колонны къ крѣпости и ожидали сигнала.

Стояла зимняя темная, беззвѣздная ночь. Въ глубокомъ волненіи,

---

*) Сераскиръ—такъ назывался турецкій главнокомандующій.

ШВЕЦІЯ
ДАНІЯ
Сѣверное Море
ФРАНЦІЯ
ВЕНГРІЯ
БАНАТЪ
МАРОККО
АЛЖИРЪ
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА
МАСШТАБЪ 1:12.000.000.

съ молитвою въ сердцѣ, ожидали донцы сигнала для штурма. И вотъ, шурша взлетѣли въ воздухъ ракеты и разорвались гдѣ-то высоко въ темномъ небѣ. Казаки побѣжали ко рвамъ. У самыхъ рвовъ турки ихъ встрѣтили картечнымъ огнемъ. Многіе тутъ упали убитыми и ранеными. Но казаки шли впередъ за своими командирами. Они спустились во рвы, живо приставили лѣстницы, по лѣстницамъ кинулись казаки и офицеры. Одними изъ первыхъ взобрались на стѣны Платовъ, Орловъ, Адріанъ Карповичъ Денисовъ, войсковой старшина Иванъ Ивановичъ Грековъ и Красновъ. Турки встрѣтили ихъ ручными ядрами и быстрой стрѣльбой изъ ружей. Турецкими ятаганами *) пики были обращены въ щепы, и казаки, многіе безъ оружія, были сброшены обратно въ ровъ и здѣсь столпились. Тогда Платовъ схватилъ въ руки лѣстницу, снова приставилъ ее къ стѣнѣ и съ крикомъ:—«Съ нами Богъ и Екатерина! товарищи, за мной!»—первый полѣзъ на стѣну. Дрогнувшіе и перемѣшавшіеся въ тѣсномъ рву казаки живо разобрались по полкамъ, опять приставили лѣстницы, и неудержимымъ потокомъ казаки перекинулись черезъ стѣну. Началась страшная рукопашная схватка. Безоружные казаки выхватывали ружья у турокъ и штыками прокладывали себѣ путь.

Въ одномъ мѣстѣ цѣлый отрядъ казаковъ былъ окруженъ янычарами. Съ изрубленными пиками, безъ шашекъ, казаки гибли подъ ударами турецкихъ ятагановъ. Имъ нечѣмъ было обороняться. Но на выручку имъ прибѣжалъ батальонъ егерей, опрокинулъ янычаръ и выручилъ донцовъ. Казаки похватали турецкіе ятаганы у убитыхъ турокъ и бросились для новаго боя, мстить за убитыхъ товарищей.

«Съ нами Богъ и Екатерина!»—раздавались голоса въ тѣсныхъ улицахъ. Все больше и больше покрывались онѣ трупами. Хмурое зимнее утро застало крѣпость въ рукахъ русскихъ. Бой перешелъ въ улицы. Изъ домовъ стрѣляли турки, каждая большая постройка, гостинница—была какъ новая крѣпость. Особенно трудно было казакамъ, не имѣвшимъ ничего кромѣ пикъ. И съ одпѣми пиками бросались они на дома, врывались въ тѣсные переулки, гибли и побѣждали! Къ часу дня войска достигли середины города. Во всѣхъ улицахъ турки были перебиты, защищались только въ главной мечети, двухъ гостинницахъ и срединной крѣпости Табія. Наконецъ и они сдались.

Начальникъ крѣпости, старый Айдосъ-Мехмедъ заперся съ 2.000 янычаръ въ каменной гостинницѣ. Гренадеры Фанагорійскаго полка ворвались туда, и въ тѣсномъ дворѣ произошла страшная свалка. Вывели

---

*) Ятаганъ—кривая турецкая сабля. Турки владѣли ятаганами мастерски и въ пѣшемъ, и въ конномъ строю.

оттуда и Айдосъ-Мехмеда. Въ суматохѣ боя не него наскочили солдаты и убили его.

Въ 4 часа дня вся крѣпость была занята солдатами. Съ разрѣшенія Суворова солдаты и казаки три дня ее грабили. На другой день былъ молебенъ и начали убирать трупы. Непріятелей было убито въ крѣпости 26.000, плѣнныхъ взяли 9.000, женщинъ, дѣтей и мирныхъ жителей осталось 9.000. Въ крѣпости было взято 265 пушекъ, 364 знамени и 7 бунчуковъ. Около 10.000 лошадей досталось побѣдителямъ. Казакамъ явилась возможность вернуться на Донъ на коняхъ.

Мы потеряли убитыми и ранеными 10.000 человѣкъ, изъ 650 офицеровъ—400 пало при штурмѣ. Войска получили богатѣйшую добычу, но себѣ Суворовъ не взялъ ничего. Ему привели великолѣпнаго въ богатомъ уборѣ арабскаго коня, но Суворовъ отказался отъ него.

— «Донской конь привезъ меня сюда,—сказалъ онъ,—на немъ же я отсюда и уѣду».

— Ваше превосходительство,—сказалъ Суворову одинъ изъ генераловъ,—тяжело будетъ коню вашему везти добытую вами славу.

— Донской конь всегда выносилъ меня и мое счастье,—отвѣчалъ Суворовъ.

И солдаты, и казаки говорили о немъ:—«нашъ Суворовъ въ побѣдахъ и во всемъ съ нами въ паю, но только не въ добычѣ».

И, дѣйствительно, черезъ девять дней, отдавъ всѣ распоряженія по крѣпости и назначивши въ ней комендантомъ Кутузова, Суворовъ, такъ же бѣдно одѣтый, на той же казачьей лошади уѣхалъ изъ Измаила. Сзади него трусилъ его вѣрный донецъ Иванъ съ узелкомъ подъ-мышкой. Въ узелкѣ были сложены мундиръ и амуниція Суворова. Иванъ былъ такъ же безкорыстенъ, какъ и его генералъ.

Нельзя достаточно надивиться мужеству казаковъ при штурмѣ Измаила. Въ пѣшемъ строю, съ однѣми пиками, почти безоружные шли они на каменныя твердыни и одолѣли свирѣпаго врага.

За эту войну войску Донскому пожаловано бѣлое знамя. Большія золотыя медали выданы полковнику Иловайскому и есаулу Денисову, каждому съ надписью:—«за отличную его храбрость при взятіи города Измаила и преслѣдованіи обращеннаго въ бѣгъ непріятеля». Всѣ прочіе офицеры и чиновники получили медали и награды. Казаки увезли богатую добычу.

Война съ турками продолжалась еще годъ. Казаки, подъ начальствомъ походнаго атамана Орлова, участвовали во многихъ дѣлахъ. Въ 1791 году, въ Яссахъ былъ заключенъ миръ. По этому миру Россія пріобрѣла очень много земель: теперешнія Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губерніи и окончательно укрѣпилась на Кубани.

И со страхомъ вспоминали турки о казакахъ, о ихъ смѣлой атакѣ, о ихъ лавѣ, о страшныхъ ихъ пикахъ. И словами донского сочинителя А. Леонова казаки могли сказать туркамъ:

Вы узнали нашу лаву,
Нашъ казачій дружный гикъ—
И воспомнили отраву
Смертоносныхъ нашихъ пикъ.
Отчего жъ вы, басурманы,
Не обернитесь лицомъ,
Отчего же въ ятаганы
Не ударите съ копьемъ?
Оттого, что ваши дѣды
Вамъ твердятъ про казаковъ,
И про наши встарь побѣды,
И про старый вашъ Азовъ *).

*) Изъ стихотвореній Алексѣя Леонова.

Донецъ.

41. Война съ поляками.

1794 годъ.

Адріанъ Карповичъ Денисовъ, храбро командовавшій казаками при штурмѣ Измаила, особенно отличился во время войны съ поляками. Польша въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II была занята русскими войсками и въ Варшавѣ, бывшей столицѣ свободнаго Польскаго королевства, стояли русскіе полки. Это очень не нравилось полякамъ. Они помнили тѣ времена, когда ихъ короли угрожали самой Москвѣ, когда границы Польши захватывали Вильно и Смоленскъ. Крестьянамъ польскимъ при русскомъ управленіи жилось лучше, но помѣщики—паны ненавидѣли русскихъ и ждали случая, чтобы поднять возстаніе. Въ

1794 году въ Польшу пріѣхалъ изъ Америки полякъ *Костюшко.* Въ Америкѣ онъ былъ на войнѣ и прославилъ себя, какъ искусный полководецъ. Вмѣстѣ со знатными польскими панами онъ задумалъ поднять польскій народъ и истребить всѣ русскія войска въ Польшѣ.

4 апрѣля 1794 года, въ ночь на Свѣтло-Христово Воскресеніе, поляки вѣроломно напали въ Варшавѣ на русскія войска и перерѣзали всѣхъ офицеровъ и солдатъ. Такъ же они сдѣлали и во всѣхъ другихъ городахъ Польши, гдѣ были русскія войска. Они назвали этотъ низкій поступокъ—кровавою заутренею.

Императрица приказала Суворову и Ферзену примѣрно наказать поляковъ и привести Польшу въ повиновеніе императорской власти.

Между тѣмъ, по всѣмъ городамъ, деревнямъ и помѣстьямъ паны собирали крестьянъ, вооружали ихъ ружьями, пиками и косами, составляли полки, пѣшія и конныя дружины и готовились къ страшному кровавому сопротивленію. Всѣмъ завѣдывалъ и всѣхъ училъ и ободрялъ Костюшко.

Польская земля покрыта большими лѣсами и болотами. Дѣйствовать сильными, многолюдными отрядами было нельзя. Да и врагъ былъ повсюду. Въ каждой деревнѣ, въ каждомъ селѣ—была измѣна. Ни одного ночлега нельзя было провести спокойно.

Разбившись на маленькіе отряды, большую часть которыхъ составляли казаки, привыкшіе къ такой боевой осторожности, русскія войска весною 1794 года вошли въ Польшу и направились къ Варшавѣ, уничтожая польскихъ бунтовщиковъ и стараясь захватить главнаго вождя ихъ Костюшку.

Казачьими отрядами руководилъ генералъ, графъ Өедоръ Петровичъ Денисовъ.

Много было оказано казаками въ этой войнѣ подвиговъ храбрости. Попадая въ самыя тяжелыя, казалось бы безвыходныя положенія, казаки дѣлались побѣдителями благодаря своей сметливости, ловкости и отвагѣ.

Въ серединѣ мая одинъ изъ полковыхъ командировъ, полковникъ Адріанъ Карповичъ Денисовъ, племянникъ графа Денисова, получилъ приказаніе достать во что бы то ни стало поляковъ. Онъ послалъ разъѣздъ, но разъѣздъ вернулся со многими ранеными, а поляковъ не привезъ. Денисовъ отписалъ, что взять по заказу поляковъ онъ не можетъ, а беретъ плѣнныхъ только тогда, когда случай представится. Но больно было донскому командиру не исполнить приказанія начальника. Обидно ему было, что не нашлось у него такихъ удальцовъ, которые могли бы выхватить враговъ изъ самаго ихъ стана. Печальный ходилъ Денисовъ по лагерю. У своей палатки онъ встрѣтилъ казака своего полка *Быка-*

дорова. Тотъ отдалъ Денисову честь и спросилъ полковника, почему онъ такой печальный. Денисовъ разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

— Позвольте попытать счастье, Адріанъ Карповичъ,—сказалъ Быкадоровъ.—Быть можетъ, мнѣ и будетъ удача.

— Что же. Попробуй. Бери себѣ людей сколько хочешь и кого хочешь. Только знай, что дѣло не легкое.

— Понимаю,—отвѣчалъ Быкадоровъ и пошелъ въ лагерь.

Быкадоровъ былъ человѣкъ горячій и гордый. Любилъ иногда и выпить, хотя въ сраженіи и передъ сраженіемъ всегда былъ трезвый. Онъ выбралъ себѣ въ товарищи немолодого уже, тихаго, богобоязненнаго, но очень стойкаго казака—*Черникова.* Они были разныхъ станицъ и артелей *), но въ бою всегда одинъ выручалъ другого. Они были очень дружны; кромѣ Черникова, онъ взялъ еще одного казака.

Казаки живо посѣдлали лошадей и поѣхали—Быкадоровъ далеко впереди, Черниковъ съ товарищемъ на такомъ разстояніи, чтобы имъ только видѣть Быкадорова. Быкадоровъ приказалъ помогать ему, но если его отхватитъ сильный непріятель, то оставить его, а самимъ спасаться. Передъ полуднемъ два польскихъ копника встрѣтились съ Быкадоровымъ въ одной деревнѣ и поскакали отъ него. Быкадоровъ погнался за ними. Они проскакали мимо часового и крикнули ему, что за ними погоня. Но часовой зазѣвался, принялъ Быкадорова, на которомъ былъ синій мундиръ, за своего, и не сдѣлалъ выстрѣла. Быкадоровъ налетѣлъ на него, выхватилъ у него саблю и пистолеты и далеко отбросилъ ихъ въ сторону. Тѣмъ временемъ подскакали и товарищи Быкадорова, окружили часового, и не успѣлъ онъ опомниться и понять, что происходитъ, какъ казаки увели его назадъ въ свой лагерь.

Такъ казаки дѣйствовали и по одному, и по два, и маленькими партіями, показывали свою удаль и смышленость и прославляли имя донского казака. И не было имъ равныхъ въ одиночномъ бою. Ихъ офицеры показывали примѣръ смѣлости, находчивости и ловкости. Съ полковникомъ Денисовымъ былъ такой случай: 22 іюня у мѣстечка *Бѣлобреги* Денисовъ получилъ отъ маіора Грузинова донесеніе, что въ лѣсу скрывается непріятель. Денисовъ пошелъ за р. Пилицу и сталъ недалеко отъ поляковъ. Вдругъ раздались сзади колонны Денисова выстрѣлы. Непріятельская шайка заняла Бѣлобреги, изъ которой только что ушелъ Денисовъ. Что дѣлать! Впереди 5.000-й отрядъ, который еще не знаетъ о приближеніи Денисова, сзади открывшій его и тоже большой конный отрядъ, густою колонною стоящій въ деревнѣ. Казаки бро-

*) Артель—сотня.

сились въ рѣку, переплыли черезъ нее, стремительно атаковали стоявшихъ въ деревнѣ и выгнали ихъ вонъ. Но за деревней былъ лѣсъ и поле, покрытое глубокимъ, сыпучимъ пескомъ. Лошади по этому песку не могли быстро скакать, строй смѣшался и поляки перемѣшались съ казаками. Вдругъ Денисовъ увидалъ, что одинъ *пятидесятникъ* его полка окруженъ поляками. Денисовъ бросился ему на выручку. Онъ заскакалъ сбоку поляка, рубившаго пятидесятника палашомъ, и ударилъ его саблею въ плечо. Но ударъ пришелся какъ разъ въ бляху перевязи. Клинокъ у Денисова былъ турецкій, очень крѣпкой закалки. Отъ удара онъ переломился и въ рукахъ Денисова остались рукоятка да небольшой кусокъ полоски. Полякъ, замѣтивъ это, остановилъ лошадь, круто повернулъ ее и размахнулся, чтобы рубить Денисова. Но Денисовъ не растерялся. Онъ съ силою бросилъ поляку въ лицо остатокъ шашки и ошеломилъ его. Полякъ бросился въ сторону, Денисовъ въ другую и здѣсь вѣткою дерева былъ сброшенъ съ сѣдла, но не ушибся.

Такъ въ боевыхъ схваткахъ—въ рукопашномъ тяжеломъ бою казакъ выручалъ офицера, а офицеръ спасалъ казака, и всѣ были одинаково озабочены лишь тѣмъ, чтобы побѣдить непріятеля.

Трудная это была война. Потому трудная, что всюду была измѣна, что жители всѣми силами помогали возставшимъ и нельзя было ни на кого положиться.

Къ осени наши войска прогнали польскія шайки за рѣку Вислу и приближались къ Варшавѣ. Костюшко, собравшій 10.000 лучшаго своего войска, преслѣдуемый Ферзеномъ, окопался 27 сентября на крѣпкой позиціи у деревни *Мацѣевичи* и рѣшилъ здѣсь обороняться. На разсвѣтѣ, 29 сентября, генералъ Денисовъ съ 5-ю казачьими полками: *Орлова*, которымъ командовалъ маіоръ Себряковъ, *Лащилина*, *Янова*, маіора *Денисова* и полковника *Денисова*, съ 10 эскадронами драгунъ и 4 батальонами пѣхоты шелъ по одной дорогѣ на Мацѣевичи, а по другой шелъ генералъ *Ферзенъ* съ 14 батальонами, 33 эскадронами и 36 пушками.

Графъ Денисовъ, знавшій хорошо дорогу, прошелъ къ деревнѣ и, оставивъ часть полковъ въ лѣсу, два казачьихъ полка подъ командою полковника *Денисова* послалъ къ польскому лагерю, чтобы достать плѣнныхъ для допроса. Полковникъ Денисовъ послалъ разъѣзды, которые напали на непріятельскія заставы. Такъ начался быстрый и рѣшительный кавалерійскій бой. Изъ лагеря на выручку своимъ выскочили польскіе эскадроны и атаковали казаковъ. На полковника Денисова налетѣлъ польскій всадникъ и взмахнулъ надъ нимъ палашомъ, но Денисовъ своею саблею отбилъ ударъ. Полякъ хотѣлъ ударить второй разъ, Денисову удалось отбить и этотъ ударъ, но въ это время на Денисова

наскочилъ и еще полякъ... Тутъ къ Денисову подскочилъ казакъ Качалинской станицы Василій *Варламовъ*, нацѣлился въ поляка пикой, но не ударилъ его. Денисовъ крикнулъ ему—*бей!* и казакъ прокололъ поляка, а другой полякъ ускакалъ. Казаку Варламову было всего 19 лѣтъ, онъ первый разъ былъ въ бою и немного растерялся...

Между тѣмъ поляки стали преслѣдовать казаковъ и подошли къ лѣсу. Этого только и нужно было Денисову. Стоявшіе лавой въ лѣсу полки казачьи понеслись съ гикомъ на поляковъ, многихъ покололи и пятьдесятъ человѣкъ забрали въ плѣнъ.

Въ это время подошли пѣхота и артиллерія, и графъ Денисовъ, приказавши имъ выстраивать боевой порядокъ, смѣло выѣхалъ впередъ. Его сопровождалъ полковникъ Денисовъ. Оба донца стали недалеко отъ поляковъ и поляки пустили въ нихъ ядро. Полковникъ Денисовъ сталъ уговаривать графа Денисова отъѣхать въ сторону.

— Ежели трусишь—поѣзжай прочь,—сказалъ ему графъ.

Самолюбивый казакъ выѣхалъ тогда еще болѣе впередъ. Поляки выстрѣлили картечью и перебили заднія ноги лошади графа Денисова. Полковникъ Денисовъ соскочилъ со своей лошади и подвелъ ее графу, но графъ отказался. Ему подвели заводного коня, онъ сѣлъ на него и поскакалъ къ пѣхотѣ.

По его приказанію пѣхота выдвинулась впередъ и открыла стрѣльбу. Но польская пѣхота, которой было больше, чѣмъ нашей, вышла изъ-за окоповъ и скорымъ шагомъ пошла на наши войска. Поляки могли охватить наши фланги. Это замѣтилъ полковникъ Денисовъ и бросился съ двумя казачьими полками на ихъ правый флангъ. На лѣвый флангъ поскакалъ полковникъ Вульфъ съ конными егерями. Казаки и конноегеря старались другъ передъ другомъ.—Кто храбрѣе, кто безстрашнѣе! Страшная сѣча началась. Въ эту рѣшительную минуту показались колонны генерала Ферзена и Смоленскій драгунскій полкъ, бывшій у него, поскакалъ на помощь казакамъ и конно-егерямъ.

Въ разгаръ боя полковникъ Денисовъ быстрымъ своимъ казачьимъ глазомъ увидалъ, какъ какой-то всадникъ въ прекрасной польской одеждѣ на великолѣпной бурой лошади рысью проѣхалъ между казаковъ и конно-егерей, показалъ что-то своей пѣхотѣ и помчался во весь опоръ отъ лагеря. За нимъ бросилось нѣсколько казаковъ, но онъ рапилъ ихъ и успѣлъ доскакать до своей конницы.

«Навѣрное это Костюшко», подумалъ Денисовъ, подозвалъ къ себѣ маіора Карпова, нѣсколькихъ офицеровъ и казаковъ и приказалъ имъ бросить взятыя ими пять пушекъ, разсыпать сотни четыре казаковъ и искать этого всадника.

Бой кончался. Польское укрѣпленіе было занято нашею пѣхотою, по всѣмъ направленіямъ бѣжали пѣшіе и конные поляки. Денисовъ погнался за ними и увидѣлъ, что поляки уходятъ по тремъ дорогамъ. Денисовъ раздѣлилъ и свой отрядъ на три части. Карпову приказалъ гнать прямою дорогой, Нечаеву приказалъ идти вправо, а самъ пошелъ влѣво. Всѣмъ казакамъ Денисовъ строго приказалъ, чтобы они безъ Костюшки не смѣли возвращаться.

Казаки поскакали въ разныя стороны, а Денисовъ остался на нѣкоторое время у деревни.

Дороги въ Польшѣ огорожены отъ полей легкими деревянными заборами. Нѣсколько казаковъ, доѣхавъ до перекрестка, увидали, что на углу двухъ дорогъ заборъ поломанъ и видны слѣды копытъ. Они поскакали по слѣду и вскорѣ замѣтили нѣсколько человѣкъ на прекрасныхъ лошадяхъ. Казаки погнались за ними. Часть пошла по дорогѣ, а часть, и среди нихъ одинъ на прекрасной лошади, поскакали по полю, за заборомъ. Шедшіе по дорогѣ начали быстро уходить отъ казаковъ, но тѣ, которые скакали по полю, попали въ болото. Лошади ихъ загрузли, и казаки *Лосевъ* и *Топилинъ* настигли ихъ. Казаки убили одного—маіора и ранили поляка—солдата, а начальникъ справился, выскочилъ изъ болота, но, проскакавъ нѣсколько шаговъ, опять попалъ въ болото, соскочилъ съ лошади и, накрывшись плащомъ, притворился мертвымъ. Одинъ изъ казаковъ кольнулъ его два раза дротикомъ и приказалъ выйти изъ болота. Лошадь его справилась и ускакала,—тогда и начальникъ сдался. Казаки вывели его изъ болота и плѣнникъ сталъ отдавать имъ золотыя деньги и часы. Въ это время къ казакамъ подскочилъ вахмистръ конноегерскаго полка и ударилъ польскаго начальника палашомъ по головѣ. Онъ поблѣднѣлъ и упалъ. Увидавшій это раненый полякъ крикнулъ:— «не убивайте его. Это самый нашъ главный начальникъ!» Тогда казаки послали за Денисовымъ. Денисовъ, видавшій Костюшку раньше, тотчасъ же узналъ, что это онъ и есть. Голова Костюшки была въ крови, ноги безъ сапогъ, одѣтъ онъ былъ въ кафтанъ, атласный жилетъ и штаны. Денисовъ приказалъ его накрыть шинелями и спросилъ, не хочетъ ли онъ чего.

— Ничего,—отвѣчалъ Костюшко.

— Я знаю, что вы Костюшко, храбрый и великій начальникъ,—сказалъ ему Денисовъ,—я готовъ вамъ помочь.

— Я знаю, что вы Денисовъ, полковникъ,—отвѣчалъ Костюшко.

Костюшку перевязали платками и галстуками, сдѣлали изъ пикъ носилки и понесли. Денисовъ же собралъ свои полки и вернулся къ генералу Ферзену. Такъ донскіе казаки въ эту войну взяли въ плѣнъ главнаго вождя поляковъ. Они объ этомъ и пѣсню сложили: -

Не ясенъ то соколъ по крутымъ горамъ летаетъ,
То Костюшко варваръ по своей армеюшкѣ разъѣзжаетъ.
Онъ фронты то свои, знаменушки украшаетъ,
Своихъ мызничковъ, генералушковъ ублажаетъ:
„Вы не плачьте же мои мызнички, право, генералы,
Не рыдайте жъ вы, мои свирѣпые кавалеры!
Какъ заутра у Бѣла Царя будетъ праздникъ,
Не маленькій праздникъ, праздничекъ Петровъ день,
Всѣ рынушки, трактирушки будутъ растворены,
Всѣ гусарушки, всѣ уланушки будутъ пьяны,
Казаки наши донецкіе всѣ загуляютъ".
Какъ на тотъ-то разъ казаки други были осторожны,
Всю ночушку казаки-други не спали,
Во рукахъ-то своихъ борзыхъ коней продержали,
На бѣлой-то зарѣ, на утренней, ура закричали,
Закричали они загичали—Костюшку поймали,
Да велѣли жъ его, Костюшку, накрѣпко связать,
Приказали у него скоро допросъ допросить...

Гибель Костюшки, взятаго въ плѣнъ донскими казаками, тяжело отозвалась на полякахъ. Предводители польскихъ шаекъ, которыхъ пѣсня донская называетъ «мызничками-генералами» потому, что они были помѣщиками мелкихъ имѣній, мызъ, — стали отступать къ Варшавѣ и занимать укрѣпленное предмѣстье Варшавы—Прагу. Туда же спѣшилъ Суворовъ, соединившійся съ Ферзеномъ. 24 октября Суворовъ началъ штурмовать Прагу. Ночь спустилась тихая, но темная и мглистая; было холодно и сыро. Въ сотняхъ запылали костры. Казаки и солдаты надѣвали чистое бѣлье, осматривали оружіе, молились передъ образами, поставленными у огней. Въ 3 часа ночи полки построились и приготовились къ штурму. Въ 5 часовъ утра взвилась сигнальная ракета и войска бросились на крѣпость. Это былъ страшно кровопролитный штурмъ. Истребляя все на пути, пѣхотные полки ворвались въ Прагу и къ 11-ти часамъ вся Прага была въ нашихъ рукахъ.

Едва только пѣхота кончила свое дѣло, Денисовъ съ полками: своимъ, подполковника Краснова и Орлова, выскочилъ за укрѣпленіе и тутъ увидѣлъ польскую конницу, настроившуюся противъ него. Поляковъ было больше, нежели казаковъ, и лава казачья не знала что дѣлать, но, по приказанію Денисова, бросилась въ атаку. Казакъ *Быкадоровъ*, тотъ самый, который въ самомъ началѣ войны бралъ плѣннаго, бывшій теперь знаменнымъ, на лихомъ конѣ опередилъ полки шаговъ на 20 и полетѣлъ на поляковъ. Поляки встрѣтили казаковъ залпомъ изъ ружей.

За дымомъ и поднятой тропувшимися эскадронами пылью ничего не стало видно. И вдругъ, уже сзади польскихъ рядовъ послышался голосъ Быкадорова:

— Коли! ребятушки, коли!

Поляки повернули своихъ лошадей и поскакали къ Вислѣ. Казаки вогнали ихъ въ воду и заставили сдаться. Много забрали тутъ лошадей казаки. Но добыча была неважная. Лошади были худы, изнурены, фуражъ было негдѣ доставать, и казаки продавали ихъ жидамъ по два рубля за лошадь.

Послѣ штурма Праги пала и Варшава. Война была окончена. Россія получила земли до р. Нѣмана и Буга и Курляндскую губернію.

Императрица за польскую войну пожаловала Донскому войску знамя.

До конца 1795 года казачьи полки простояли въ Польшѣ. Зимою казаки вернулись домой и были распущены по домамъ, но не долго простояли они у себя. Ихъ ожидалъ новый походъ: въ Италію и Швейцарію.

Казачій денежный ящикъ.

Съ нѣмецкой картины начала XIX вѣка.

Атака Донскихъ казаковъ въ сраженіи при р. Требіи 7 іюня 1799.
(По рисунку того времени).

42. Донскіе казаки съ Суворовымъ въ Италіи.

1799 годъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ и удивленіемъ читаешь теперь о томъ, что дѣлали наши дѣды сто лѣтъ тому назадъ. Почти поголовно уходили казаки съ полками на войны. Одни возвращались, другіе уходили. Сегодня съ ружейною пальбою и криками встрѣчали станицы героевъ, вернувшихся съ похода, сегодня за чарою вина слушали казаки разсказы о богатырскихъ подвигахъ и побѣдахъ, о славныхъ поискахъ и лихихъ атакахъ, о Суворовѣ и о плѣненіи Костюшки, сегодня отецъ любовался на сына-героя, съ отличіемъ, съ медалями и ранами, еле зажившими, вернувшагося изъ похода, а завтра самъ бралъ пику, сѣдлалъ иногда того же коня и шелъ въ полкъ въ другой походъ. Въ это время зародилась на Дону и эта грустная пѣсня:

Чѣмъ то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами то славная земелюшка наша распахана, не плугами,
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами,
А засѣяна славная земелюшка казацкими головами.
Чѣмъ то нашъ батюшка славный, тихій Донъ украшенъ?
Украшенъ то нашъ тихій Донъ молодыми вдовами.
Чѣмъ то нашъ батюшка тихій Донъ цвѣтенъ?

Цвѣтенъ нашъ батюшка славный, тихій Донъ сиротами.
Чѣмъ то во славномъ тихомъ Дону волна наполнена?
Наполнена волна въ тихомъ Дону отцовскими, материми слезами...

Въ одномъ и томъ же полку служили и сынъ и отецъ. 19-лѣтніе малолѣтки шли на ряду съ 40—50-лѣтними казаками. Съ одного мѣста уходили полки на всѣ четыре стороны свѣта—и на сѣверъ, и на югъ, и на востокъ и на западъ. Въ эти годы, когда Россія, поставленная императоромъ Петромъ Великимъ въ ряды Европейскихъ государствъ, росла и ширилась, укрѣпляя свои границы, ведя войны съ сосѣдями, донцы посылали полки въ одно и то же время и на далекій сѣверъ въ Швецію, гдѣ завоевывали Финляндію, и на югъ, въ Турцію и Крымъ, и на востокъ, на Кубань и въ Персію, и на западъ, въ Польшу и Италію!..

Дома не оставалось почти никого. Станицы продолжали быть станомъ военнымъ, жили жалованьемъ, да тѣми грошами, что приносили изъ походовъ. Жили, быть можетъ, и не богато, но славно.

Казаки дрались на коняхъ, дрались ружейнымъ огнемъ въ пѣшей цѣпи, ходили на крѣпостныя стѣны, атаковывали турецкія суда на лодкахъ. Для славы донской не хватало побывать въ страшной выси уходящихъ за облака горъ и тамъ своею кровью запечатлѣть свою вѣрность Государю и родному тихому Дону.

Вступившій, послѣ смерти императрицы Екатерины II, въ 1796 году на русскій престолъ императоръ Павелъ заступился за итальянцевъ и австрійцевъ, разоряемыхъ французами, и въ 1799 году объявилъ французамъ войну. Съ Дону приказано было послать полки съ Суворовымъ въ Италію. Въ этомъ походѣ казакамъ пришлось перейти черезъ такія крутыя и высокія горы, черезъ которыя ни до, ни послѣ никто не проходилъ.

Въ Итальянскій походъ съ Дона было назначено восемь полковъ: Денисова, Поздѣева 1-го, Грекова 8-го, Молчанова, Семерникова, Курнакова, Сычева и Поздѣева 2-го—всего 4.162 человѣка. Всѣми этими полками командовалъ Адріанъ Карповичъ Денисовъ.

Полкамъ этимъ нужно было пройти походомъ Австро-Венгрію и вступить въ Италію, гдѣ на чужой землѣ и за чужое дѣло сражаться, исполняя волю государеву и добывая славу казачью. Походъ этотъ, несмотря на зимнее время, казаки сдѣлали легко. Стоянки на ночлегахъ были вездѣ хорошія, продовольствія достаточно. Въ городѣ Брюннѣ австрійскій императоръ и императрица смотрѣли казачьи полки и были восхищены лихостью на конѣ казаковъ и умѣньемъ на коняхъ проходить самыя трудныя препятствія; казаки ночевали и въ Вѣнѣ, столицѣ

Австро-Венгріи. Наконецъ, казаки прибыли въ Итальянскій городокъ Валеджіо. 9 апрѣля 1799 года казаки были распредѣлены Суворовымъ по всѣмъ отрядамъ и имъ было приказано дѣйствовать впереди всѣхъ.

Суворовъ былъ уже старый фельдмаршалъ, то-есть первый генералъ всей русской арміи. Онъ командовалъ не только русскими, но и австрійскими войсками. Воевать же пришлось съ французами, только занявшими Италію. Не легко приходилось казакамъ въ этомъ походѣ. Карты были итальянскія и австрійскія, жители говорили по-итальянски, непріятель—французъ. Но казаки справились съ этимъ. Въ своихъ развѣдкахъ и поискахъ казаки запоминали видъ селеній, башни, церкви, мѣстоположеніе ихъ и по пріѣздѣ разсказывали, и притомъ такъ ясно и подробно, что австрійцы и итальянцы легко находили по картѣ тѣ мѣста, гдѣ были казаки и гдѣ видали они непріятеля. Начальникъ штаба арміи, австрійскій генералъ Шателеръ, былъ удивленъ и восхищенъ умѣньемъ казаковъ распознаваться на совершенно незнакомой мѣстности.

Уже 13 апрѣля казакамъ удалось отличиться передъ главнокомандующимъ. Полки Денисова и Грекова находились въ колоннѣ князя Багратіона и подходили къ небольшому городку *Бергамо*. Подъ вечеръ, 12 апрѣля, казаки наткнулись на французскій авангардъ, потѣснили французовъ и взяли нѣсколько плѣнныхъ. Ночью шелъ дождь. Поля размокли, и лошади на нихъ увязли и не могли скакать. На разсвѣтѣ Денисовъ началъ подходить къ городку Бергамо. Французы захотѣли укрыться въ замкѣ этого города и стали входить въ его тѣсныя улицы. Увлекшіеся казаки полка Грекова вскочили за ними и начали колоть ихъ пиками. Поднялся страшный крикъ и смятеніе. Французы, въ первый разъ ознакомившіеся съ тѣмъ, что такое казачья пика, въ ужасѣ напирали другъ на друга. Казаки, чтобы удобнѣе колоть въ тѣсныхъ переулкахъ, соскакивали съ лошадей и избивали врага. Въ это время въ городокъ вскочилъ и Денисовъ.

— Любезные друзья, впередъ!—кричалъ онъ казакамъ, и казаки прогнали непріятеля черезъ укрѣпленный городокъ, а сами остались, по приказанію Денисова, въ крѣпости. Здѣсь захватили они 19 осадныхъ орудій, много ружей, военныхъ запасовъ и знамя. Начальникъ города поднесъ Денисову ключи его. Денисовъ послалъ донесеніе Суворову. Ночью, по грязной размытой дорогѣ, подъ проливнымъ дождемъ прискакалъ фельдмаршалъ Суворовъ. Его родительскій плащъ намокъ, и весь онъ былъ забрызганъ грязью. Сопровождалъ его почтенный донецъ, лѣтъ 40, урядникъ Березовской станицы *Евсей Селезневъ.*

— Спасибо, Карповичъ, спасибо,—говорилъ Суворовъ Адріану Карповичу Денисову:—порадовалъ старика.

Суворовъ приказалъ позвать Грекова, офицеровъ и казаковъ и горячо благодарилъ ихъ за славную побѣду, за взятіе крѣпости конной атакой.

Ночью пришелъ въ Бергамо и Багратіонъ съ пѣхотой. Суворовъ торопилъ Денисова съ выступленіемъ, но половина лошадей у казаковъ отъ атаки по грязи и по каменной мостовой городка расковалась, и Денисовъ, оставивъ часть казаковъ ковать лошадей, съ остальными рано утромъ выступилъ и нагналъ французовъ у озера Лекко. Атаковать было невозможно. Дорога уходила въ крутыя горы, французы укрывались за каменными постройками и за скалами. Денисовъ спѣшилъ сто человѣкъ и завязалъ съ французами перестрѣлку. Казаки держались до подхода пѣхоты Багратіона.

Такъ, то въ конномъ, то въ пѣшемъ строю сражались донцы съ новымъ непріятелемъ, сражались среди крутыхъ горъ, въ маленькихъ каменныхъ городкахъ, всюду оказывая большую помощь своей пѣхотѣ.

Суворовъ, какъ и всегда, двигался быстро. 14 апрѣля онъ побилъ французовъ на р. Аддѣ, а 17-го его полки торжественно вступали въ Миланъ, главный городъ сѣверной Италіи.

Первый подошелъ къ Милану донской маіоръ Мироновъ.

Разспросивъ жителей и узнавъ отъ нихъ, что французы ушли изъ Милана, онъ послалъ о томъ донесеніе Денисову. Начальникъ города выѣхалъ за ворота. Въ это время подъѣхалъ съ тремя казачьими полками и Денисовъ. Адріанъ Карповичъ разспросилъ Миронова. Мироновъ передавалъ, что въ городѣ до 40.000 жителей, весь народъ на улицахъ, идетъ гулянье, такъ какъ это канунъ дня Свѣтло-Христова Воскресенія. Всѣ разодѣты, но всѣ мужчины при оружіи.

Тогда Денисовъ обратился къ начальнику города и сказалъ ему по-французски:

— Мнѣ приказано занять Миланъ. Объявите жителямъ, чтобы они соблюдали тишину и дружелюбіе. Мои казаки ихъ не тронутъ. Но если на меня сдѣлаютъ нападеніе, то тогда пусть пеняютъ сами на себя — камня на камнѣ не оставлю! Черезъ часъ я буду входить въ городъ.

Начальникъ города провѣрилъ часы и поскакалъ, разославши по улицамъ разныхъ людей. Денисовъ же, приказавъ двумъ полкамъ обойти Миланъ и занять противоположныя ворота, съ третьимъ полкомъ ровно черезъ часъ вошелъ въ Миланъ. Онъ велъ свой полкъ рысью, торопясь занять крѣпость, находившуюся внутри города. Но едва казаки подошли къ ней, какъ оттуда вышла французская колонна и дала залпъ по казакамъ. 2 офицера и около 10 казаковъ были ранены. Ранено было и нѣсколько жителей. Казаки не смутились. Они бросились впередъ, загнали французовъ въ крѣпость, подняли мостъ черезъ ровъ, окружавшій крѣ-

пость, и заняли ворота. Поставивъ одинъ полкъ стеречь крѣпость, а остальные два разставивъ по улицамъ и площадямъ, Денисовъ отправилъ донесеніе австрійскому генералу Меласу.

Три донскихъ полка до вечера оставались одни въ громадномъ городѣ, полномъ чужого народа, въ виду крѣпости, въ которой заперлись французы. Они не разсѣдлывали лошадей и не могли даже ихъ накормить, и сами ничего не ѣли.

Только вечеромъ пришли австрійцы и вошли въ городъ съ музыкою, барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами.

На другой день утромъ, въ самый первый день Пасхи, въ Миланъ торжественно въѣхалъ и Суворовъ.

Увидавъ Денисова, Суворовъ сказалъ ему:

— Спасибо, Карповичъ! Съ Богомъ, поѣзжай къ своимъ казакамъ!..

Послѣ занятія Милана Суворовъ скоро очистилъ всю сѣверную Италію отъ французовъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая французскій начальникъ, генералъ *Макдональдъ* получилъ подкрѣпленія изъ Франціи, со свѣжими войсками разбилъ австрійцевъ и спѣшилъ соединиться съ другимъ французскимъ генераломъ Моро. Если бы они соединились—маленькому отряду Суворова пришлось бы очень плохо. И вотъ, Суворовъ рѣшилъ броситься навстрѣчу Макдональду и разбить его до соединенія съ Моро.

По страшной жарѣ, большими переходами, скорымъ шагомъ велъ Суворовъ свои войска. Извѣстія, которыя онъ получалъ отъ австрійцевъ, были неутѣшительны. Французы ихъ били. Нужно было торопиться на помощь.

5 іюня русскіе дошли до небольшого городка Александріи и здѣсь въ казачьемъ станѣ читали слѣдующій приказъ Суворова:

1. Непріятельскую армію взять въ полонъ.

2. Казаки колоть будутъ; но жестоко бы слушали, когда французы кричать будутъ «пардонъ» или бить «шамадъ». Казакамъ самимъ въ атакѣ кричать: «балезармъ, пардонъ, жетелезармъ», и симъ пользуясь, кавалерію жестоко рубить и на батареи быстро пускаться, что особливо внушить.

3. Казакамъ, коимъ удобно, испортить на р. Таро мостъ, и затѣмъ начать отступленіе. Съ плѣнными быть милосерду; при ударахъ дѣлать большой крикъ, крѣпко бить въ барабанъ; музыкѣ играть, гдѣ случится, но особенно при погонѣ, когда кавалерія будетъ колоть и рубить, чтобы слышно было своимъ. Ихъ генераловъ, особливо казаки, и прочіе, примѣчаютъ по кучкамъ около ихъ; кричать «пардонъ», а ежели не сдаются—убивать!» *Подписалъ Суворовъ.*

Напряженіе всѣхъ силъ въ войскахъ было полное. Солдаты не шли, а летѣли. Но Суворовъ чувствовалъ, что наступаетъ рѣшительная минута. Передъ нимъ разбитые австрійцы и побѣдоносный Макдональдъ, у котораго вдвое больше войска, чѣмъ у Суворова. Теперь надлежало побѣдить или умереть! Сильно надѣялся Суворовъ на казаковъ и на своихъ чудо-богатырей — русскихъ солдатъ. 6 іюня утромъ войска подошли къ городку Страделла и здѣсь на каменной дорогѣ, вдоль каменныхъ заборовъ расположились на отдыхъ. Всѣ полегли. Казалось, и встать не будутъ въ состояніи. Измученныя лошади стояли опустивши головы, казаки, опершись на пики, дремали. Солнце пекло невыносимо. Голубое небо было безъ облака, камни были раскалены, отъ цвѣтущихъ розъ и отъ полей кукурузы, только что зацвѣтавшей, несся пряный запахъ. Поднятая было пыль тихо улеглась. Красивые смуглые итальянцы и итальянки пугливо высматривали казаковъ...

Вотъ бѣлый австріецъ, съ пыльнымъ и потнымъ лицомъ, привезъ одно донесеніе. Вонъ скачетъ другой...

Австрійцы погибаютъ, нужна немедленная подмога!

Суворовъ приказалъ четыремъ казачьимъ полкамъ садиться. Сѣли на коней и пошли рысью... Шли около пяти часовъ.

Тамъ, куда они шли, французы приканчивали австрійцевъ. Они взяли у нихъ восемь пушекъ и готовили послѣднюю рѣшительную атаку, чтобы уничтожить австрійскіе полки. Макдональдъ перешелъ черезъ рѣку *Тидоне* и войска дрались въ поляхъ, пересѣченныхъ сотнями канавъ, обсаженныхъ кустами... Къ самой отчаяшной сѣчѣ подвелъ Суворовъ казаковъ. Его нельзя было узнать. Въ бѣлой рубашкѣ, съ непокрытой головою, онъ погонялъ свою лошадь нагайкой и, показывая казакамъ на французовъ, воскликнулъ:

— Помилуй Богъ, какъ хорошо! Атака! руби, коли, ура!..

Казаки съ полуслова поняли своего начальника. Черезъ десятки рвовъ и канавъ, склонивши копья, понеслись они на французовъ. Ихъ была горсть, въ сравненіи съ громадными каре *) французовъ. Но полки врубались въ эти каре и казачья пика дѣлала чудеса. Громадная армія Макдональда была остановлена въ своемъ напорѣ Суворовымъ съ четырьмя полками донскихъ удальцовъ! Прошло около получаса, пока французы опомнились, но эти полчаса рѣшили дѣло въ пользу Суворова. На дорогѣ показались русскіе полки. Ихъ велъ великій князь Константинъ Павловичъ. Подъ палящимъ, полуденнымъ зноемъ пѣхота не шла, а бѣ-

*) Каре четыреугольная колонна, въ которую строилась тогда пѣхота при атакѣ на нее конницы.

жала, люди выбились изъ силъ; растянулись полки. Солдаты падали и многіе изъ упавшихъ уже не вставали. Но остальные шли. Это были храбрые изъ храбрыхъ, чудо-богатыри!

Войска подходили и выстраивались противъ фланговъ непріятеля, но полки были очень слабы. Не хватало людей. Многіе не дошли. Сейчасъ же было приказано и атаковать. Багратіонъ подошелъ къ Суворову и вполголоса сказалъ, что нужно повременить.

— Въ ротахъ, — говорилъ онъ,—не насчитывается и по 40 человѣкъ. Люди измучены...

— А у Макдональда нѣтъ и 20-ти,—на ухо сказалъ Суворовъ Багратіону.—Атакуй съ Богомъ.

Музыка и барабаны загремѣли. Солдаты запѣли пѣсни и пошли на французовъ. Французы усилили огонь, много нашихъ падало, но смыкались за ними ряды и Суворовскіе полки кидались въ бой. Суворовъ, сопровождаемый вѣрнымъ урядникомъ Селезневымъ, разъѣзжалъ между полковъ, осыпаемый пулями, и говорилъ:—впередъ, впередъ, коли!

Иногда Суворовъ заѣзжалъ слишкомъ далеко впередъ, и тогда Селезневъ хваталъ за поводья его лошадь и поворачивалъ назадъ.

— Ты что,—кричалъ Суворовъ на преданнаго донца,—какъ ты смѣешь! Генерала! Фельдмаршала!.. и билъ Селезнева плетью, но Селезневъ упрямо сворачивалъ лошадь и говорилъ:—«не пущу! Прикажи — и безъ тебя пойдутъ! а жизнь твоя дороже для насъ!»..

Казаки возобновили свои атаки. Они прорывали французскія цѣпи и налетали на резервы. Каждый дрался за десятерыхъ. Лучшія французскія войска генерала Виктора были смяты казаками подъ командой князя Багратіона...

Остатки разбитой французской арміи съ трудомъ перебрались черезъ рѣку Тидоне и отступали въ безпорядкѣ.

Суворовъ ихъ не преслѣдовалъ. Это было не подъ силу и его чудо-богатырямъ. Казачьи лошади, утомленныя многими атаками, которыя онѣ сдѣлали черезъ рвы и канавы, ложились подъ сѣдлами и отказывались отъ корма. Вездѣ валялись убитые и раненые донцы. Но дѣло было сдѣлано. Макдональдъ былъ разбитъ.

Только ночь и далъ на отдыхъ войскамъ Суворовъ. Въ 10 часовъ утра, 7 іюня, онъ повелъ ихъ впередъ, чтобы не дать Макдональду получить подкрѣпленія. Уже подъ вечеръ русскіе настигли на р. *Треббіи* французовъ. Казаки Грекова и Поздѣева атаковали ихъ съ фланга, въ то же время Багратіонъ тѣснилъ съ фронта. Французы отступили, потерявши 600 человѣкъ плѣнными и одно знамя. Наступила теплая лунная ночь. Между врагами, журча и шумя среди камней, бѣжала мел-

кая рѣчка Треббія... Ночью въ руслѣ ея произошелъ бой, онъ стихъ, но изъ-за него казакамъ не пришлось разсѣдлывать. Съ разсвѣтомъ Суворовъ началъ наступленіе. Между тѣмъ, къ французамъ подошло подкрѣпленіе и теперь они были вдвое сильнѣе, нежели русскіе и австрійцы. Наши атаки были всюду отбиты. Казачьи лошади уже не могли ни скакать, ни перепрыгивать черезъ канавы. Они атаковали рысью...

Суворовъ отдыхалъ подъ большимъ камнемъ въ двухъ верстахъ отъ мѣста боя. Къ нему подъѣхалъ генералъ Розенбергъ и доложилъ, что держаться больше нельзя, необходимо отступать.

— Попробуйте сдвинуть этотъ камень,—сказалъ Суворовъ Розенбергу, — не можете? Ну, такъ и русскіе не могутъ отступить... Извольте держаться крѣпко, и ни шагу назадъ!..

Розенбергъ уѣхалъ. Но нашимъ войскамъ приходилось плохо. Нѣкоторые полки были совершенно окружены французами и отчаянно отбивались во всѣ стороны. Иные отходили.

Любимый Суворовымъ начальникъ авангарда князь Багратіонъ подъѣхалъ къ нему и доложилъ, что солдаты выбились изъ силъ, ружья не стрѣляютъ, больше половины людей пало подъ ударами французовъ.

— Не хорошо, князь Петръ!—сердито сказалъ Суворовъ.—Коня!

Селезневъ подвелъ ему лошадь. Суворовъ сѣлъ на нее и поскакалъ къ мѣсту боя. Но, повидимому, было уже поздно. Навстрѣчу Суворову стали все чаще и чаще попадаться наши солдаты. Сначала одиночные, потомъ цѣлыя шеренги ихъ мрачно отступали. Суворовъ подскакалъ къ нимъ.

— «Заманивай! ребята, заманивай!»—закричалъ онъ,—«шибче, бѣгомъ»,—и самъ, повернувши свою лошадь, ѣхалъ впереди отступающихъ. Проѣхавъ съ ними шаговъ двѣсти, онъ остановилъ лошадь и крикнулъ:—«Стой!.. Теперь—впередъ, бѣгомъ!» и кинулся съ солдатами въ новую атаку.

Французы не выдержали этого удара и отступили за Треббію.

Въ этомъ, почти непрерывно три дня продолжавшемся бою, на рѣкахъ Треббіи и Тидоне, почти вся французская армія была истреблена,—Суворовъ уже задумывалъ идти по пятамъ ея, идти во Францію, на Парижъ.

Но судьба рѣшила иначе. Австрійцы, наши союзники, не столько помогали намъ, сколько мѣшали. Они потребовали завоеванія крѣпостей. Два мѣсяца прошло въ крѣпостныхъ бояхъ. Донскимъ казакамъ въ это время не было дѣла и они занимались ученьями. Въ концѣ августа Суворовъ получилъ приказаніе выручить русскія войска, дѣйствовавшія за громадными Альпійскими горами, въ Швейцаріи, и окружаемыя французами. Ему предстояло совершить невозможное — перейти съ войскомъ черезъ горы, черезъ которыя перелетали только орлы.

Но орламъ русскимъ и это оказалось подъ силу.

Спускъ Суворова съ Альпійскихъ горъ зимою 1799 года.

43. Донскіе казаки съ Суворовымъ переходятъ черезъ Альпы.

1799 г.

Альпійскія горы отрѣзывали одинъ русскій отрядъ—Римскаго-Корсакова отъ другого—Суворова. Соединиться нужно было быстро, нужно было перешагнуть черезъ эти горы. Дороги, которыя шли черезъ нихъ, сначала петлями поднимались наверхъ, потомъ дорогъ уже не было. Среди угрюмыхъ скалъ, темныхъ и гладкихъ, шумя и пѣнясь, бѣжала рѣка. По ея берегу, по узкому каменному уступу, была пробита тропинка. Она поднималась высоко надъ рѣкою, и съ одной стороны отвѣсной стѣною стояли черныя скалы, а съ другой былъ крутой обрывъ, внизу же бѣлѣла и пѣнилась быстрая рѣка. Сначала росли сосны и много было площадокъ, на которыхъ войска могли располагаться для отдыха, но чѣмъ дальше, тѣмъ уже становилась тропинка, площадокъ

не было и вмѣсто сосенъ, лишь кое-гдѣ, росли чахлые кусты. Еще дальше не было и кустовъ, и только зеленый мохъ поросъ по камнямъ. Самая вершина горы была покрыта снѣгомъ. Десятки верстъ тянулась эта тропинка. По ней ходили только пѣшеходы, смѣлые охотники за дикими козами, родившіеся и выросшіе въ горахъ. И вотъ по этому пути должны были теперь идти солдаты съ пушками и казаки. Мало того, они должны были на самой вершинѣ сбить французскія войска!

4 сентября 1799 года Суворовъ подошелъ съ войсками къ началу подъема на Альпійскія горы и здѣсь узналъ, что австрійцы не доставили муловъ *), которые были необходимы подъ вьюки. Тогда приказано было казакамъ отдать своихъ лошадей въ пѣхоту и артиллерію, а самимъ идти пѣшкомъ. Безропотно исполнили донцы это приказаніе. 1.500 лошадей казачьихъ было отдано въ обозъ.

И вотъ начался подъемъ. Часть казаковъ, оставшаяся на коняхъ, двигалась впереди, по одному, и продолжала нести развѣдку. На самой вершинѣ Альпійскихъ горъ, на Сенъ-Готардѣ казаки приняли участіе въ бою пѣхоты и сбили французовъ. Потомъ стали спускаться. Дорога была такъ узка, что казаки шли пѣшкомъ, держась за хвосты лошадей. Иногда лошадь дѣлала невѣрный шагъ и, оступившись, падала съ вьюкомъ и сѣдломъ и вмѣстѣ съ нею гибло и все имущество казака. Многіе казаки плакали, видя это, видя, что остались они при одномъ платьѣ... А впереди ихъ ожидалъ длинный походъ и суровая зима. Холодный вѣтеръ дулъ на вершинахъ Альпъ. Мятель крутила. Лицо знобило, руки кочепѣли. Многіе солдаты замерзали здѣсь. Но казаки шли впередъ и впередъ. На привалахъ и ночлегахъ становились гдѣ шли и коротали ночь, прижавшись другъ къ другу или къ лошадямъ. На вершинѣ Сенъ-Готарда они ночевали, составивъ лошадей въ кругъ, головами во внутрь, защищаясь ими отъ вѣтра и согрѣваясь ихъ дыханіемъ. Нигдѣ не было никакого топлива и нельзя было развести огонь.

14 сентября Суворовъ уже выходилъ въ болѣе широкую долину. Но тутъ его ожидало новое препятствіе. На узкой дорогѣ, по которой могутъ идти рядомъ только два человѣка, французы поставили пушку. И вотъ—впереди была пушка и горсть французовъ, съ боковъ крутыя неодолимыя скалы, внизу водопадами срывалась между камней быстрая рѣчка Рейсса, черезъ которую былъ перекинутъ мостъ. Но нашихъ солдатъ это не устрашило. Между ледяныхъ брызгъ водопада, по поясъ въ водѣ перебрались наши охотники черезъ рѣку, по каменнымъ глыбамъ взобрались на противоположный берегъ и очутились надъ головами

*) Мулъ происходитъ отъ осла—жеребца и кобылы. Очень выносливое животное.

французовъ. Французы сбросили пушку въ рѣку и отступили. Не успѣвши разрушить моста черезъ Рейссу, они сломали дорогу, насыпанную изъ камней надъ пропастью, и устроили провалъ.

Изъ досокъ бывшаго здѣсь сарая, на скорую руку связали мостъ, безъ перилъ, шаткій и зыбкій, и по нему повели казаки лошадей и стала переходить пѣхота.

Къ вечеру Суворовъ спустился въ долину и 15 сентября подошелъ къ дер. Альторфу...

Впереди предстоялъ путь еще болѣе трудный. Нужно было перейти еще болѣе страшныя горы. Безъ отдыха, на другой же день—16 сентября—Суворовъ спѣшилъ на выручку товарищамъ,—и понимая, что каждая минута дорога, онъ пошелъ въ горы.

Въ тяжелую ночь послѣ страшнаго перехода, когда всѣ войска спали, казаки ходили на развѣдку о непріятелѣ. По незнакомымъ горнымъ дорогамъ рыскали они между угрюмыхъ скалъ, не зная отдыха, не зная сна.

Съ великими трудами, борясь и одолѣвая французовъ, двинулись за Суворовымъ русскіе полки. По крутому подъему, на высокій снѣговой хребетъ извивалась тропинка. Шли темною ночью, мокрые и продрогшіе, подъ снѣгомъ и дождемъ по размокшей и скользкой землѣ. Многіе казаки шли босые, потому что сапоги ихъ, истертые о камни, развалились. Тучи, въ видѣ непроницаемаго тумана, окутывали ихъ, и они шли, не видя куда идутъ. Огромные камни катились изъ-подъ ногъ въ бездны, вѣтеръ завывалъ и вьюги скрывали слѣды тропинки. Кто ѣхалъ верхомъ—могъ слѣзть, только спустившись черезъ крупъ лошади, и шелъ, держась за хвостъ. Многіе тутъ замерзли. И въ этотъ тяжелый путь казаки Денисова и Курнакова, по словамъ Суворова:—«много способствовали. Они открывали разсѣяннаго непріятеля въ выгодныхъ для него мѣстахъ и вмѣстѣ съ пѣхотою били и брали въ плѣнъ». 1 октября кончился этотъ страшный походъ черезъ заоблачныя выси.

Вся Европа съ удивленіемъ и ужасомъ слѣдила за движеніемъ Суворова. Никто не вѣрилъ, что онъ перейдетъ черезъ Альпійскія горы. И вотъ, онъ перешелъ! Его ожидалъ приказъ вернуться домой, въ Россію. Императоръ Павелъ, недовольный дѣйствіями австрійцевъ, прекратилъ войну и заключилъ миръ съ французами.

Слава русскаго полководца и его чудо-богатырей будетъ вѣчно жить въ памяти нашей арміи и одушевлять ее на новые подвиги. И не только у русскихъ людей, а и среди смѣлыхъ швейцарскихъ горцевъ живетъ и до сихъ поръ преданіе о невѣроятныхъ подвигахъ сѣверныхъ воиновъ и ихъ бородатыхъ казаковъ. Старый альпійскій охотникъ, указы-

вая путникамъ на едва замѣтную тропинку на голыхъ скалахъ грознаго Росштока, говоритъ съ благоговѣйнымъ изумленіемъ:—*здѣсь проходилъ Суворовъ!..*

И съ нимъ около 4.000 донскихъ казаковъ,—добавляетъ справедливая исторія!

Безъ лошадей, безъ обуви, безъ одежды, безъ всякой добычи вернулись донскіе казаки по станицамъ. И не успѣли они отдохнуть, не успѣли оправиться, не успѣли даже хорошенько разсказать товарищамъ о страшныхъ, небывалыхъ подвигахъ, какъ пришло повелѣніе императора Павла—всему войску собираться въ походъ поголовно.

Объявленъ былъ походъ на Индію!

Войсковой атаманъ войска Донского
Василій Петровичъ Орловъ.
1797—1801.

44. Поголовный походъ донскихъ казаковъ на Индію.

1801 г.

12 января 1801 года императоръ Павелъ I повелѣть соизволилъ: собрать все войско Донское. Куда, *зачѣмъ замышлялся походъ* — про то никто не зналъ. *Войсковой наказной атаманъ Василій Петровичъ Орловъ* предписалъ готовиться всѣмъ офицерамъ, урядникамъ и казакамъ. Всѣ, до послѣдняго, должны были въ шесть дней быть готовы къ выступленію о-дву-конь съ полуторамѣсячнымъ провіантомъ. Казаки обязаны были имѣть при себѣ ружья и дротики. И раньше бывало такъ, что подымалось все войско Донское. Старики помнили такіе случаи. Въ 1737 и въ 1741 годахъ донцы поднимались поголовно. Но тогда была опасность отъ татаръ, татары шли на Донъ, была нужда отстоять родныя станицы. Теперь про татарскіе набѣги говорили только старые люди. На Кубани крѣпко стояло Черноморское войско. Дону опасность ни откуда не угрожала. Куда пойдетъ войско Донское—этого никто не зналъ. Въ войскѣ числилось 800 больныхъ, но и имъ приказано было *явиться на смотръ. Шли недужные, опухшіе отъ ранъ, искалѣченные. Круглые сироты и безпомощные бѣдняки приготовлялись къ походу; у многихъ казаковъ не было форменныхъ куртокъ и чекменей, ихъ одѣ-*

вали въ сѣрые халаты, въ сермяжное одѣяніе. Никому не дѣлали уваженія. Хотя домъ сгорѣлъ, хотя все погорѣло—иди, все равно, за счетъ станицы. Богатые казаки снаряжали бѣдныхъ. Въ Черкасской станицѣ шесть казаковъ собрали 2.000 рублей и дали деньги на обмундированіе и снаряженіе пѣшихъ казаковъ. Двадцать душъ семейства въ одномъ домѣ остались безъ хозяина и пропитанія. На очередь не смотрѣли. Атаманъ приказалъ брать *безъ очереди*, и пошелъ послѣдній хозяинъ, хотя два брата его уже служили въ полкахъ. Полки, только что пришедшіе съ Кавказской линіи, изъ Итальянскаго похода, снова зачислили на службу. Церкви остались безъ пономарей, станичныя правленія—безъ писарей, всѣхъ забрали. Ополченіе было поголовное!

Потребовали и калмыковъ на службу. Офицерамъ-помѣщикамъ не разрѣшено было съѣздить на свои хутора. Жены не простились съ мужьями, дѣти—съ отцами. Спѣшно, по царскому указу собиралось войско.

Сборными мѣстами были назначены станицы: Бузулуцкая, Медвѣдицкая, Усть-Медвѣдицкая и Качалинская. Въ зимнюю стужу, въ концѣ февраля мѣсяца, собрались казаки на смотръ атамана. Всего съ войска набрали 510 офицеровъ, 20.497 казаковъ конныхъ полковъ, 500 артиллеристовъ и 500 калмыковъ. Люди эти составили 41 конный полкъ.

Орловъ раздѣлилъ ихъ на 4 части. 1-ую, изъ 13 полковъ, повелъ *генералъ-маіоръ Платовъ;* 2-ую, изъ 8 полковъ, *генералъ-маіоръ Бузинъ;* 3-ью, изъ 10 полковъ, *генералъ-маіоръ Боковъ,* и 4-ую, изъ 10 полковъ, *генералъ-маіоръ Денисовъ,* только-что вернувшійся изъ Италіи. Съ отрядомъ генерала Платова шелъ и атаманъ Орловъ и съ нимъ двѣ роты донской конной артиллеріи и войсковые инженеры. Артиллеріею командовалъ *полковникъ Карповъ.*

27 и 28 февраля полки выступили въ неизвѣстный походъ. Путь ихъ лежалъ къ сторонѣ Оренбурга.

Больше никто, кромѣ атамана и начальниковъ колоннъ, ничего не зналъ.

Что же произошло и почему отъ войска Донского потребовали такого страшнаго напряженія силъ?

Императоръ Павелъ I внезапно поссорился со своими союзниками, англичанами, и, въ союзѣ съ французскимъ императоромъ Наполеономъ, рѣшилъ объявить войну Англіи. Главное богатство Англійской земли заключается въ громадной, плодородной, поросшей лѣсами рѣдкихъ деревъ Индіи. Изъ Индійской земли добываются и камни самоцвѣтные, тамъ же приготовляютъ драгоцѣнныя шелковыя ткани. Произведеніями Индіи, ея хлѣбомъ и матеріями торгуетъ Англія и ею она богата. Императоръ Павелъ рѣшилъ отнять Индію у Англіи, и сдѣлать это поручилъ

донскимъ казакамъ. Имъ предстояло пройти тысячи верстъ по безлюдной степи, потомъ по песчаной пустынѣ, перевалить черезъ горы и вторгнуться въ Индійскія земли.

— Индія,—писалъ государь Орлову,—куда вы назначаетесь, управляется однимъ главнымъ владѣльцемъ и многими малыми. Англичане имѣютъ у нихъ свои заведенія торговыя, пріобрѣтенныя или деньгами, или оружіемъ. Вамъ надо все это разорить, угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и землю привести Россіи въ ту же зависимость, въ какой она у англичанъ. Торгъ ея обратить къ намъ.

Атаману была прислана и карта Индіи. По пути донскимъ казакамъ надлежало занять Бухару, въ Хивѣ освободить нашихъ плѣнныхъ. *Все богатство Индіи было обѣщано казакамъ въ награду.*

Если бы атаманъ Орловъ и донскіе казаки успѣли исполнить это порученіе, они прославили бы себя болѣе, нежели Ермакъ—покоритель Сибири... Но не судилъ Господь совершить великій замыселъ государя!

Уже съ первыхъ же шаговъ въ задонской степи страшныя трудности встрѣчались казакамъ. Дороги были занесены снѣгомъ и артиллерія выбивалась изъ силъ, вытаскивая пушки изъ глубокихъ сугробовъ. Нигдѣ не было квартиръ для обогрѣванія, и люди и лошади стыли и мерзли на холодномъ вѣтру въ степи. Не было топлива, не хватало провіанта, не было сѣна и овса. Некормленныя лошади еле брели навстрѣчу жестокимъ холоднымъ буранамъ.

Въ началѣ марта вдругъ настала оттепель. Заиграли ручьи, размокла степь, грязь стала непроходимая. Каждая балка сдѣлалась страшнымъ препятствіемъ. Черезъ пустую, обыкновенно, рѣчку Таловку войсковой старшина Папузинъ еле переправился. Сорокъ верстъ шелъ онъ по колѣно въ грязи, а черезъ самую Таловку переходилъ по устроенному имъ изъ хвороста, хуторскихъ огорожей, воротъ и крышъ мосту.

Наконецъ, подошли къ Волгѣ. Ледъ вздулся и побурѣлъ. Лошади проваливались на немъ. Мѣстами онъ уже тронулся. Денисовъ со своею колонною подошелъ къ нему и увидѣлъ, что переправа опасна. Черезъ всю рѣку поставилъ онъ мужиковъ съ веревками и имъ придалъ по нѣсколько казаковъ для оказанія помощи. Начали вести лошадей, но онѣ проваливались и шли по дну. Однако Денисовъ зналъ, что на большихъ рѣкахъ ледъ въ серединѣ всегда толще, и, вотъ, онъ приказалъ повести своихъ рослыхъ и сытыхъ лошадей впередъ. Сначала онѣ проваливались, но потомъ перешли. За ними потянулись и казаки. До 700 лошадей провалилось, но казаки вытащили ихъ всѣхъ. Пять часовъ длилась переправа.

И опять пошли, сперва по Волгѣ, потомъ по теченію рѣки Иргиза.

Степь становилась все безлюднѣе и пустыннѣе. Коммиссіонеръ Терешинъ, обязавшійся доставлять хлѣбъ и фуражъ, не выполнялъ своего обязательства: на Волгѣ это лѣто былъ неурожай, и онъ не могъ собрать продовольствія. По приходѣ на ночлегъ не находили овса, да и сѣно было пополамъ съ мусоромъ. Лошади падали отъ безкормицы, и путь, пройденный казаками, обозначался длинной вереницей вздувшихся конскихъ труповъ, да черными стаями воронъ.

Громадною толпою втянулись донцы въ безграничныя степи и затерялись въ нихъ, какъ песчинка. Замолкли удалыя пѣсни. Мерзли по ночамъ казаки, а днемъ мучились въ грязи и лужахъ, въ которыя обращало степь весеннее солнце. Много было ужъ и больныхъ казаковъ. Цынга появлялась.

А впереди была все та же степь и конца края ей не было. И солнце вставало тамъ въ золотистомъ туманѣ и равнина тянулась весь день, сегодня, какъ вчера, какъ будетъ и завтра.

Тяжело было казакамъ, но молча, безъ ропота шли они воевать съ невѣдомымъ врагомъ, завоевывать для Россіи далекую Индію.

Прошли отъ Дона безъ малаго семьсотъ верстъ по пустынѣ. 23 марта, накапунѣ Свѣтло-Христова Воскресенья казачій отрядъ, находившійся въ селѣ Мечетномъ Вольскаго уѣзда Саратовской губ., догналъ курьеръ изъ Петербурга. Въ ночь съ 11 на 12 марта скончался императоръ Павелъ I и на престолъ вступилъ императоръ Александръ I Павловичъ. Онъ повелѣвалъ вернуться домой. Сейчасъ же приказано было собрать полки. Къ нимъ вышелъ атаманъ Орловъ и воодушевленнымъ, дрожащимъ отъ радостнаго волненія голосомъ сказалъ:

— «Жалуетъ васъ, ребята, Богъ и государь родительскими домами!»

Въ первый день Пасхи атаманъ и нѣкоторые полки слушали обѣдню въ Старообрядческомъ монастырѣ недалеко отъ Мечетнаго. Весело было въ этотъ день въ казачьемъ лагерѣ. Стрѣляли пушки, палили изъ ружей, пѣли пѣсни.

Въ день Благовѣщенія пошли въ обратный путь. Обратный путь былъ легче. Наступала весна. Становилось теплѣе, но мѣстами еще грязь лежала непролазная. Между 9 и 17 апрѣля полки вернулись домой. Хоперскіе, медвѣдицкіе, бузулуцкіе, верхне-донскіе и донецкіе казаки были отпущены прямо съ границы, остальные съ офицерами лѣвою стороною Дона пошли къ Черкасску.

2 мая атаманъ прибылъ въ Черкасскъ.

Послѣ Суворовскаго перехода черезъ Альпы—Оренбургскій походъ донскихъ казаковъ самое трудное изъ походныхъ движеній. 1.564 версты сдѣланы 20-тысячнымъ коннымъ отрядомъ въ два мѣсяца по безлюдной

степи въ весеннюю распутицу. Сдѣлано безъ потерь въ людяхъ и безъ отсталыхъ. И лошади вынесли этотъ походъ, несмотря на безкормицу, хорошо. На полкъ пришлось павшихъ лошадей отъ 62 (въ Атаманскомъ полку) до 12-ти (въ полку Миронова).

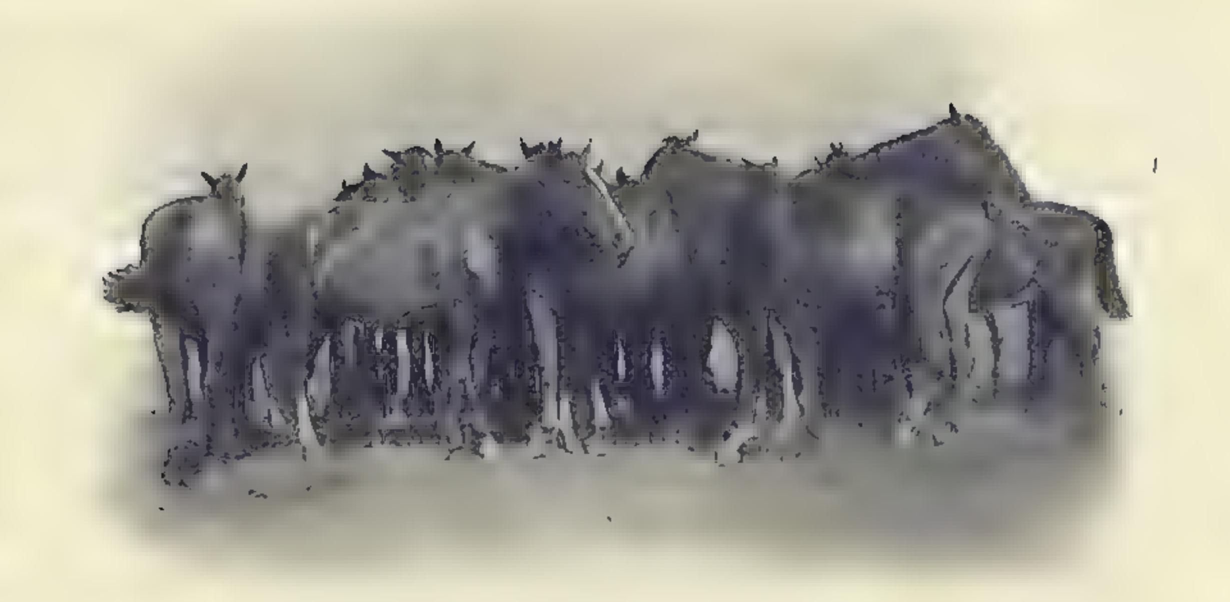
Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, уже нѣтъ въ живыхъ никого изъ участниковъ этого похода, но старики еще помнятъ разсказы отцовъ о таинственномъ походѣ къ сторонѣ Оренбурга, о томъ времени, когда на Дону казаковъ какъ повымело: — никого не осталось и бабы работали всѣ работы. Помнятъ это страшное, тяжелое время вѣчныхъ походовъ.

А молодежь, разсуждая объ этомъ походѣ на Индію, часто задаетъ вопросъ—могли ли бы казаки дойти до Индіи, могли ли бы разорить ее?..

Много великихъ подвиговъ совершили казаки. Съ однѣми пиками, пѣшкомъ, брали они Измаильскія твердыни, на легкихъ лодкахъ переплывали Черное море, отъ себя воевали, на свой страхъ брали Азовъ, съ Суворовымъ перешли они заоблачныя выси Альпійскихъ горъ, но это повелѣніе—завоевать далекую Индію—было невыполнимо. Не знали тѣ, кто посылалъ ихъ, какъ далекъ и труденъ былъ этотъ путь и сколько препятствій на немъ встрѣтилось бы казакамъ. Дойти до Индіи по безлюдной пустынѣ, безъ продовольствія и фуража было невозможно. Но войско Донское пустилось исполнять волю государеву безъ разсужденія—возможно это, или нѣтъ. Если бы походъ продолжился, можетъ быть, всѣ казаки погибли бы въ немъ. Походъ на Индію замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ казаки показали, какъ велика и отлична у нихъ была дисциплина и преданность государю, какъ закалены они были въ походныхъ невзгодахъ.

Въ умиленномъ восхищеніи слушаешь разсказы стариковъ о переправѣ черезъ Волгу. Тонетъ въ студеной водѣ одна лошадь и съ нею казакъ, но по тому же страшному мѣсту идетъ другой, третій. Часами по грудь въ водѣ спасаютъ казаки лошадей и другъ друга, а потомъ голодные идутъ, сами не зная куда, по холодной безлюдной степи.

Наши дѣды всею своею доблестною службою учили насъ совершать подвиги, и походъ на Индію—примѣръ высокаго мужества, отчаянной рѣшимости, святой покорности государевой волѣ!..

Табунъ въ степи.
(Зимовникъ Подкопаева въ 1908 г.).

45. Войско Донское при императрицѣ Екатеринѣ Великой и императорѣ Павлѣ I.

Въ то время, когда по всему свѣту ходили казачьи полки и имя казака дѣлалось славнымъ и страшнымъ и французамъ, и нѣмцамъ, и шведамъ, и полякамъ, и туркамъ, и татарамъ, и черкесамъ, когда войско Донское головами своихъ сыновей заслуживало одно бѣлое знамя за другимъ,—въ это время внутри войска произошли большія перемѣны.

Уже со временъ Петра Великаго шумный кругъ войсковой не сходился на Черкасской площади для выбора войскового атамана. Вопросъ о томъ, быть или не быть войнѣ или походу, рѣшался не всѣмъ войскомъ Донскимъ на кругу, а рѣшался въ новой столицѣ Россійской Имперіи — городѣ Санктъ-Петербургѣ; тамъ опредѣлялось также и сколько полковъ должно выставить войско Донское въ походъ, и только нарядъ этихъ полковъ дѣлалъ войсковой атаманъ. И войскового атамана ставило уже не войско, а государь императоръ выбиралъ въ атаманы казака изъ прославившихся въ войскахъ, или заявившихъ себя умомъ, сметливостью и распорядительностью.

Атаманами за это время были:

Василій Фроловичъ Фроловъ съ 1718—1723 г.

Андрей Ивановичъ Лопатинъ съ 1723—1735 г.

Императоръ Александръ I.

Иванъ Ивановичъ Фроловъ съ 1735—1738 г.

Данило Ефремовичъ Ефремовъ съ 1738—1753 г.

Степанъ Даниловичъ Ефремовъ съ 1753—1772 г.

Получивъ атаманство отъ отца, Степанъ Даниловичъ Ефремовъ одно время мечталъ, чтобы сынъ его былъ тоже войсковымъ атаманомъ и передалъ атаманство внуку, словомъ—хотѣлъ сдѣлать атаманство наслѣдственнымъ, что совсѣмъ не подходило для войска Донского, ставшаго тогда уже частью великой Россійской Имперіи.

Поэтому послѣ него атаманами были назначены:

Василій Акимовичъ Машлыкинъ съ 1772—1773 г., потомъ

Семенъ Никитичъ Сулинъ съ 1773—1774 г.

Алексѣй Ивановичъ Иловайскій съ 1775—1797 г. и

Василій Петровичъ Орловъ съ 1797—1801 г.

Въ 1801 году атаманомъ былъ назначенъ *генералъ-маіоръ Платовъ.*

За это время станицы пріучались къ мирной жизни земледѣльца, татары и черкесы ихъ не тревожили. Въ городкахъ казачьихъ стѣны начали разрушаться. Ихъ никто не возстановлялъ, онѣ сослужили свою службу и были больше не нужны. Вмѣсто этого стали появляться болѣе прочные домики у станичниковъ, стали садить фруктовые и виноградные сады, стали строить церкви и соборы. Усердные въ вѣрѣ Христовой казаки часть приносимой съ войны добычи непремѣнно удѣляли на построеніе, а потомъ и на украшеніе родного храма.

Такъ, въ 1720 году въ станицахъ Кочетовской, Черновской и Ведерниковской начали строить деревянныя церкви. Съ 1720 по 1743 годъ были построены церкви въ станицахъ: Старо-Григорьевской, Малодѣльской и Бурацкой (1722 г.), Усть-Хоперской, Тишанской, Алексѣевской и Терновской (1724 г.), Раздорской, Семикаракорской, Усть-Быстрянской, Нижне-Курмоярской, Нагавской и Бесергеневской (1726 и 1727 г.), Дурновской, Филоповской, Лукьяновской, Есауловской и Луковской (1728 и 1729 г.), Митякинской, Еланской, Кумылженской, Безплемяновской, Орловской и Котовской (1730—1731 г.), Ямпской, Верхне-Чирской, Верхне-Курмоярской, Зимовейской, Луганской, Етеревской и Казанской (1732—1733 г.), Нижне-Каргальской, Верхне-Каргальской, Кепинской и Голубинской (1735 г.), Березовской, Ѳедосѣевской и Калитвенской (1736 г.), Кумшацкой, Распопинской, Быстрянской, Кременской и Глазуновской (1737—1739 г.), Урюпинской, Манычевской, Богаевской, Мелеховской, Верхне-Кундрюческой, Усть-Бѣло-Калитвенской, Каменской, Гундоровской, Золотовской, Траилинской, Камышевской, Верхне-Михалевской, Пятиизбянской, Романовской, Вешенской, Филиповской, Новогригорьевской, Букановской, Правоторовской, Арженовской

и Островской (1740 г.), Нижне-Михалевской, Тишанской, Ерыженской, Карповской, Мартыновской, Перекопской, Усть-Быстрянской и Арчадинской (1742 г.).

Почти каждая станица имѣла свою церковь, а всего на Дону къ 1764 году считалось 4 каменныхъ церкви—всѣ въ Черкасскѣ, и 103 деревянныхъ. Деревянныя церкви строились, большею частью, изъ сосноваго лѣса, но были церкви липовыя и дубовыя.

Духовенство въ эти церкви назначалось Воронежскими епископами, которые съ 1795 года носятъ уже наименованіе епископовъ Воронежскихъ и *Черкасскихъ*. Священники, первое время, были изъ русскихъ губерній, но въ 1748 году въ Черкасскѣ была основана «*войсковая латинская семинарія*» для подготовленія казачьихъ дѣтей къ духовному званію. Это было первое по времени учебное заведеніе на Дону.

Всѣ церкви донскія были съ 1751 года подчинены тремъ духовнымъ правленіямъ: Черкасскому, Усть-Медвѣдицкому и Хоперскому.

Потребность въ грамотныхъ казакахъ была очень сильна. При атаманѣ Степанѣ Даниловичѣ Ефремовѣ въ 1765 году было положено заводить въ станицахъ *публичныя училища*.

Но самыя большія перемѣны въ жизни донцовъ произошли въ царствованіе императрицы Екатерины Великой, когда всѣмъ югомъ Россіи и всѣми казачьими войсками правилъ князь Потемкинъ. Это былъ образованный и просвѣщенный человѣкъ. Во время походовъ и войнъ, которые онъ дѣлалъ съ казаками, онъ видѣлъ многое, что требовало перемѣны. Онъ такъ много поработалъ съ казаками и для казаковъ, что 12-й Донской казачій полкъ въ память его носитъ имя 12-го Донского казачьяго генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго полка. Вся Россія послѣ Петра Великаго измѣнилась. Прежней простоты уже въ жизни не было. Государство стало больше, многолюднѣе, появились различные классы общества, появилось дворянство служилое, получившее свои права за службу Государю и Родинѣ, явился торговый классъ, мѣщане, крестьяне стали въ иныя условія. Казаки, жившіе до этого времени своею, особенною жизнью на границѣ, бывавшіе въ Москвѣ только съ зимовою станицей, въ войскахъ русскихъ занимавшіе особенное мѣсто, перемѣшались теперь съ русскими войсками, стали часто бывать въ Москвѣ и Петербургѣ. Донскіе полки, сотни, отдѣльные казаки стали поступать подъ команду русскихъ—*регулярныхъ*, или, какъ называли на Дону—*солдатскихъ* офицеровъ. Донскіе генералы командовали въ отрядахъ русскими полками. У графа Денисова въ сраженіи при Мацѣевичахъ была подъ командою пѣхота. Платовъ на Кубани не разъ въ отрядѣ имѣлъ гусарскіе эскадроны. Нужно было уравнять казачьихъ офи-

церовъ съ офицерами регулярными. Раньше было такъ, что казакъ на войнѣ исполнялъ обязанности старшины, есаула, производился въ хорунжіе, а приходилъ домой и становился опять простымъ казакомъ. Русскіе офицеры, оставаясь всегда въ своихъ чинахъ, получая съ офицерскимъ чиномъ и дворянство, были отъ этого какъ бы выше офицеровъ донскихъ. Пока казаки жили сами по себѣ, они могли быть всегда равными между собою, но какъ только они вошли въ семью Русской арміи, въ составъ Россійскаго государства, и имъ пришлось получить тѣ же права, которыя имѣли и русскіе служилые люди. Такъ донскіе офицеры, оставаясь *казаками,* стали дѣлаться вмѣстѣ съ тѣмъ *дворянами Россійской имперіи.*

Для веденія правильнаго наряда на службу, для наблюденія за производствомъ въ офицеры, или, какъ тогда называли, въ *чиновники,* нужно было назначить особыхъ лицъ. Одинъ атаманъ съ старшинами, дьякомъ да есаулами съ такимъ громаднымъ дѣломъ уже не могъ справиться. На рукахъ у атамана скоплялись большія деньги. Громадныя права были у атамана. Въ тѣ времена—сказалъ кто-нибудь атаману не такъ, какъ должно, — «сѣки его!», показался отвѣтъ грубымъ:—«на линію на двѣ перемѣны». Вздумалъ атаманъ устроить праздникъ, или скачки—«взять изъ войсковыхъ суммъ сколько нужно»... Нужно было, чтобы все шло по закону, и вотъ—князь Потемкинъ въ 1775 году учреждаетъ на Дону *войсковую канцелярію.* Въ войсковую канцелярію князь Потемкинъ по своему выбору назначалъ двухъ старшинъ, а четырехъ старшинъ выбирало правленіе старшинъ. Предсѣдателемъ въ канцеляріи былъ атаманъ. Войсковая канцелярія *на основаніи законовъ Россійской имперіи* судила преступниковъ, отдавала всѣ распоряженія по войску, собирала доходы, провѣряла расходы и наблюдала все, что касалось промысловъ и торговли.

Тогда же всѣ *войсковые старшины,* командовавшіе въ походѣ полками, были пожалованы въ штабъ-офицерскій чинъ и сравнены съ *армейскими секундъ-маіорами.* Ихъ стали производить потомъ въ полковники. *Есаулы* и *сотники* должны во всей арміи считаться *оберъ-офицерами.*

Чинъ полковника давалъ права потомственнаго дворянства, то-есть полковничьи дѣти уже считались отъ рожденія дворянами. Съ этого времени на Дону появляются казаки дворяне.

При императорѣ Павлѣ I за подвиги донскихъ казаковъ, оказанные въ войнахъ, повелѣно было, въ 1798 году, сравнять донскихъ офицеровъ чинами съ офицерами регулярными, старшинъ называть маіорами и жаловать ихъ дальше въ подполковники и полковники, а есауламъ и хорунжимъ считаться наравнѣ съ гусарскими ротмистрами и корнетами.

Въ это же время на Дону появляются и гражданскіе чиновники; такъ, атаманъ Иловайскій считался тайнымъ совѣтникомъ.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I въ управленіи войскомъ произошли и еще перемѣны.

Указомъ 29 сентября 1802 года повелѣно: *войсковой канцеляріи* состоять подъ предсѣдательствомъ войскового атамана и въ ней присутствовать двумъ непремѣннымъ членамъ и четыремъ *ассесорамъ*. Члены и ассесоры служатъ по выбору дворянства по три года. Канцелярія раздѣлена на три *экспедиціи*: воинскую, гражданскую и экономическую. Для судебныхъ дѣлъ учреждены *сыскныя начальства*, въ Черкасскѣ учреждена *полиція*, а при войсковой канцеляріи назначены *землемѣръ* и *архитекторъ*.

Съ этого времени и войсковой и станичный круги совершенно измѣняютъ свое значеніе.

Войсковымъ кругомъ называется уже только церковный парадъ, устраиваемый въ опредѣленные дни, въ воспоминаніе былого круга. На этомъ парадѣ войсковой атаманъ съ булавою въ рукахъ идетъ въ соборъ. Впереди него несутъ войсковыя регаліи и знамена, а сзади идутъ чиновники.

Станичный кругъ избираетъ себѣ станичнаго атамана, но на кругу рѣшаются уже не войсковыя дѣла, а дѣла домашнія — раздѣлъ сѣнокосовъ, полей и проч.

Появленіе на Дону дворянства и чиновниковъ потребовало и лучшаго образованія на Дону. Дѣти донскихъ дворянъ и зажиточныхъ казаковъ того времени отправлялись въ Москву, въ Воронежъ, въ Тамбовъ, гдѣ учились въ училищахъ, или въ пансіонахъ, содержимыхъ частными лицами, по большей части нѣмцами. Многіе донцы этого времени были достаточно образованы. Мы знаемъ, напримѣръ, что полковникъ Адріанъ Карповичъ Денисовъ, спутникъ Суворова во многихъ походахъ, говорилъ по-французски и очень хорошо и грамотно писалъ. Многіе донскіе казаки отправлялись, по приказу войска или по волѣ родителей, въ московскія гимназіи и университетъ.

Но не всѣ это могли сдѣлать. Жизнь мальчика въ чужомъ городѣ стоила дорого, а нужда въ хорошо обученныхъ людяхъ была велика, и вотъ, въ 1790 году, въ Черкасскѣ открывается «*главное народное училище*». Открытіе училища было отпраздновано въ Черкасскѣ торжественно. Стрѣляли изъ пушекъ, а вечеромъ жгли иллюминацію. Во всѣхъ станицахъ было приказано въ этотъ день отслужить благодарственное молебствіе. Главное народное училище помѣщено было въ предмѣстьѣ города Черкасска, близъ Преображенской церкви. Тамъ въ это время черезъ

Черкасскую протоку былъ устроенъ громадный мостъ на дубовыхъ сваяхъ, по одну сторону моста находилась войсковая аптека съ госпиталемъ, а по другую, рядомъ съ богадѣльней, было помѣщено и училище. Директоромъ этого училища былъ назначенъ сынъ атамана, полковникъ *Петръ Алексѣевичъ Иловайскій.*

Учителя были присланы изъ Петербурга. Ихъ было четыре: Дмитрій Яновскій съ товарищами. До 1798 года въ училище принимались и мальчики и дѣвочки, потомъ только одни мальчики. Въ училищѣ сначала было четыре класса, потомъ былъ добавленъ пятый—рисовальный. Ученики 2-го, 3-го и 4-го классовъ обучались французскому и нѣмецкому языкамъ. Учебниковъ было мало, и мальчики-донцы должны были переписывать себѣ сами учебники грамматики и ариѳметики. На выпускномъ экзаменѣ изъ этого училища присутствовалъ и войсковой атаманъ Платовъ.

11 іюля 1805 года въ Черкасскѣ, въ присутствіи войскового атамана Платова, была открыта и первая *донская гимназія.* Сначала она находилась на томъ же мѣстѣ, гдѣ и главное народное училище, потомъ въ Ратномъ урочищѣ, а съ постройкой города Новочеркасска она перенесена была въ нарочно построенное для нея каменное зданіе. Первымъ директоромъ ея былъ *Алексѣй Григорьевичъ Поповъ.* 10-лѣтнимъ мальчикомъ Поповъ былъ опредѣленъ въ войсковую канцелярію для обученія письмоводству, а черезъ два года былъ отправленъ въ открытый въ 1755 году Московскій университетъ. 7 лѣтъ провелъ молодой казакъ въ университетѣ, а потомъ поступилъ въ войсковую канцелярію сначала писаремъ, а затѣмъ землемѣромъ. Поѣздка для обмѣриванія юртовыхъ участковъ по Дону ознакомила Попова съ жизнью донцовъ. За его справедливое и разумное отношеніе къ работамъ его произвели въ есаулы. Во время войнъ на Кубани Поповъ отыскивалъ мѣста переправъ черезъ рѣки, устраивалъ мосты, выбиралъ мѣста биваковъ, командовалъ артиллеріею, то-есть несъ обязанности, говоря по-нынѣшнему, офицера генеральнаго штаба. Съ 1801 года онъ былъ начальникомъ учебныхъ заведеній въ войскѣ Донскомъ, а въ 1805 году былъ назначенъ директоромъ гимназіи.

Такъ началось на Дону и просвѣщеніе среди донскихъ казаковъ.

Промысловъ у казаковъ въ это время было не много. Казаки занимались земледѣліемъ, охотою, рыбною ловлею и скотоводствомъ. Рыбы на Дону ловилось безчисленное множество, въ особенности тарани, которую чумаки вывозили въ Малороссію и Польшу. Цѣны на эту рыбу стояли низкія, иногда продавали за 10 коп. 1.000 штукъ, не считая,— на глазомѣръ. Во время большого разлива тарань плотною массою шла

на поверхности воды, такъ что трудно было почерпнуть воду ведромъ. Жители Черкасска ловили рыбу изъ оконъ домовъ. Нѣкоторые казаки строили плотины черезъ мелкіе протоки въ гирлахъ Дона, чтобы рыба не вся ушла въ море.

Важнымъ промысломъ казачьимъ тогда было и скотоводство. У богатыхъ казаковъ скотъ считался тысячами головъ. Разводили голландскій, венгерскій и калмыцкій скотъ. Голландскій скотъ разводили на заводѣ Мартынова, калмыцкій у Богачева и венгерскій у Кирпичева. Больше всего скота было во 2-мъ Донскомъ округѣ, потомъ въ Донецкомъ и меньше всего въ Усть-Медвѣдицкомъ.

Много было на Дону и табуновъ лошадей разныхъ породъ, происшедшихъ отъ смѣси донскихъ жеребцовъ съ персидскими, черкесскими, татарскими, турецкими и русскими матками. Цѣны на верховыхъ лошадей стояли отъ 40—80 рублей. Лучшія верховыя лошади разводились въ табунахъ Ефремова, Краснощекова (авшарской, кабардинской породы), Грекова, Иловайскаго, Харитонова, Мартынова, Краснова, Кирсанова, Платова и Орлова-Денисова. Лучшій конскій заводъ былъ у Платова. Онъ былъ разведенъ отъ отбитаго въ 1806 году у кубанцевъ табуна и улучшенъ горскими и персидскими жеребцами.

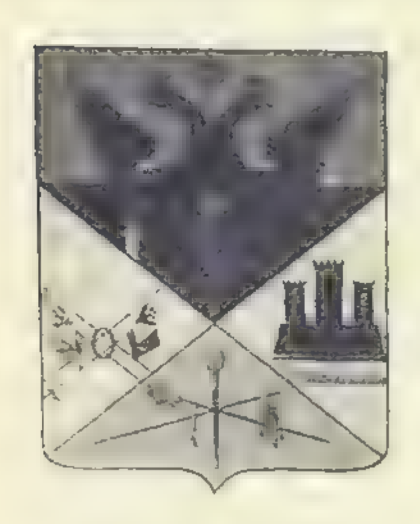
Земледѣліемъ казаки занимались мало, но такъ какъ хлѣба на сторону совсѣмъ не продавали, то хлѣба было много. Многіе казаки уже занимались торговлей. Они назывались *торговыми казаками.* Они лучше одѣвались, чѣмъ казаки земледѣльцы, выходя на службу имѣли лучшихъ коней и вооруженіе. Наиболѣе богатыми торговыми казаками считались Шапошниковы и Корнѣевы. Торговые казаки торговали привозными товарами: строительнымъ лѣсомъ, желѣзомъ, канатами, дегтемъ, кожами, мѣхами, сукнами, полотнами, шелковыми и шерстяными матеріями, чаемъ, сахаромъ, кофе. Все это покупали тогда въ Москвѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ на Макарьевской ярмаркѣ, въ Харьковѣ и на Урюпинской ярмаркѣ. Сами казаки продавали шерсть, рогатый скотъ, лошадей, овецъ, вино и рыбу. Ярмарки на Дону бывали въ станицахъ: Михайловской (Крещенская), Митякинской, Цымлянской, Пятиизбянской, Урюпинской, Луганской, Раздорской и въ селѣ Криворожьѣ. На этихъ ярмаркахъ продавали не только различные товары, рогатый скотъ и лошадей, но и людей—невольниковъ, приводимыхъ казаками изъ Азіи.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II на Дону поселились армяне, устроившіе свой городъ Нахичевань. Черезъ нихъ казаки торговали съ Крымомъ, Турціей и Персіей.

Торговымъ казакамъ трудно было уходить въ походы и бросать начатое дѣло, и потому они нанимали за себя наемниковъ, людей отпѣ-

тыхъ, которые шли за нихъ не въ свою очередь. Но это было неудобно, и вотъ, атаманъ Платовъ ходатайствовалъ объ избавленіи торговыхъ казаковъ отъ военной службы. По его просьбѣ послѣдовалъ, 12 сентября 1804 года, указъ, которымъ опредѣлено было на Дону 300 человѣкъ торговыхъ казаковъ, отставленныхъ вовсе отъ службы. Они обязаны были вносить за каждый годъ, который ихъ товарищи находятся на службѣ, по 100 рублей. Впослѣдствіи, *въ 1834 году*, учреждено было *Донское торговое общество.*

Въ 1805 году измѣненъ былъ и *гербъ войска Донского.* Вмѣсто стараго Петровскаго герба былъ пожалованъ новый, существующій и до настоящаго времени. Щитъ этого герба раздѣленъ поперекъ на двѣ части: всю верхнюю часть занимаетъ вылетающій двуглавый орелъ русскаго государственнаго герба; нижняя же часть образуетъ четыре треугольника, изъ которыхъ въ двухъ—изображены жалованные Донскому войску Петромъ I атаманскіе клейноды—перначъ, насѣка и соболевъ хвостъ, а въ остальныхъ двухъ треугольникахъ — съ одной стороны рѣка Донъ и на берегу ея крѣпость, съ другой—нѣсколько скрещенныхъ казачьихъ пикъ, увѣнчанныхъ лавровыми вѣнками.

Гербъ войска Донского 1803 года.

Главнымъ городомъ войска, его столицею, былъ Черкасскій городокъ. Онъ былъ обнесенъ стѣнами и потому внутри его постройки были поставлены очень тѣсно. Среди построекъ на площадяхъ были озера, въ которыя жители сваливали всяческіе отбросы и оттого въ городѣ стояла лѣтомъ страшная вонь. Улицы не были освѣщены. По ночамъ по нимъ шатались подгулявшіе казаки, и ходить по Черкасску вечеромъ было не безопасно. Каждый годъ Черкасскъ страдалъ отъ наводненій. Во время наводненій торговля на базарѣ производилась на лодкахъ. Расширить городъ было некуда: съ одной стороны, съ юга, Донъ, а съ остальныхъ затопляемый весною лугъ. Во время весеннихъ бурь сообщеніе съ правой, нагорной стороною Дона прекращалось, и курьерамъ, ѣдущимъ на Кавказъ, приходилось подолго просиживать въ Черкасскѣ, или въ Аксаѣ.

Всѣ эти неудобства, грязь и скученность построекъ, невозможность раздвинуть границы города въ стороны, постоянные убытки отъ наводненій обратили вниманіе атамана Платова, и онъ рѣшилъ перенести главный городъ Донского войска на другое мѣсто. Такимъ образомъ возникъ городъ Новочеркасскъ.

Закладка перваго собора и города Новочеркасска въ 1805 году.
Картина художника Ив. Попова, находящаяся въ Новочеркасскомъ соборѣ.

46. Основаніе города Новочеркасска.

1805 годъ.

Объ основаніи Новочеркасска казачье преданье говоритъ, что Платовъ разсердился на казаковъ и поставилъ имъ главный городъ «на горѣ— на горе».

Атаманъ Платовъ долго думалъ и выбиралъ мѣсто, гдѣ бы поставить новый городъ. Сначала хотѣли оставить городъ на старомъ его мѣстѣ, но построить кругомъ насыпь, и поднять городъ. Потомъ хотѣли прорыть вокругъ Черкасска каналы, въ которые вода могла бы уходить. Но исполненіе этихъ громадныхъ земляныхъ работъ требовало денегъ, времени и большого числа рабочихъ. Въ 1802 году въ Черкасскъ былъ присланъ инженерный подполковникъ де-Романо, который и принялся

было за очистку и перестройку Черкасска. Первымъ дѣломъ въ городѣ засыпаны были два вонючихъ озера. Однако жители этимъ не остались довольны: имъ пришлось далеко носить нечистоты и негдѣ было откармливать утокъ. Де-Романо составилъ новый планъ города, и согласно этого плана жителямъ нужно было переносить ихъ дома. Но казаки неохотно исполняли эту работу и сходили съ насиженныхъ мѣстъ. Въ то же время и расчистка гирлъ донскихъ стоила дорого и подвигалась медленно. Тогда Платовъ рѣшилъ избрать для города совершенно новое мѣсто, построить тамъ всѣ казенныя зданія и побудить жителей переселиться туда. Государь одобрилъ рѣшеніе атамана, и въ 1804 году для выбора мѣста и разбивки улицъ и площадей былъ присланъ изъ Петербурга инженерный генералъ *де-Волантъ*. Отъ войска было выбрано 12 депутатовъ съ самимъ Платовымъ во главѣ.

Подходящими мѣстами для города были признаны: Аксайская станица, Черкасскія горы, Бирючій кутъ, на Красномъ Яру, выше Кривянской станицы и Манычская станица. Много было споровъ изъ-за того, какое мѣсто избрать. Особенно Аксайская станица всѣмъ нравилась. Мѣсто красивое и удобное. Высокая, просторная гора полого спускается къ Дону, за Дономъ обширный лугъ съ лѣсомъ, озерами и рѣчками. Донъ здѣсь широкъ и глубокъ. Переселеніе удобное, дома и имущество можно сплавить водою на плотахъ и на баржахъ...

Но... мѣсто было выбрано на Черкасскихъ горахъ при сліяніи двухъ маленькихъ рѣчекъ: Тузлова и Аксая. Планъ новаго города былъ утвержденъ государемъ 31 декабря 1804 года. Наименованіе ему дано: Новый Черкасскъ.

Весною 1805 года закипѣла работа по разбивкѣ улицъ и постройкѣ казенныхъ зданій. Въ Усть-Бѣло-Калитвенской станицѣ добывали сѣрый камень и сплавляли его по Донцу и Дону въ Аксай. Везли лѣсъ, желѣзо, щебень, песокъ. Тысячи казенныхъ рабочихъ изъ донскихъ крестьянъ, сотни мастеровъ — землемѣровъ, каменщиковъ, плотниковъ, садовниковъ и землекоповъ руководили работами. Платовъ разбивалъ городъ по образцу лучшихъ, видѣнныхъ имъ въ походахъ городовъ. Широкія прямыя улицы съ бульварами, большіе сады, всюду деревья—все это дѣлалось, какъ за границей. Улицы перекрещивались подъ прямыми углами, оставлены были большія мѣста для площадей. Не вина Платова, что городъ не разросся такъ, какъ онъ предполагалъ, что вмѣсто большихъ многоэтажныхъ домовъ, какіе онъ видалъ въ Петербургѣ и Варшавѣ, стали маленькіе домики, которые свободно обвѣваетъ холодный зимою и знойный лѣтомъ степной вѣтеръ...

За исполненіемъ работъ по плану наблюдали: инженерный капи-

танъ Ефимовъ и войсковой строитель Бельтрами. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ станицъ Заплавской, Грушевской и Кривянской были потребованы плуги и проложены бороздами мѣста улицъ. Мѣста домовъ обозначены были кольями.

18 мая 1805 года, въ день праздника Вознесенія Господня, назначена была закладка города. Къ этому дню собрались къ мѣсту закладки станичные атаманы и всѣ служилые казаки окрестныхъ станицъ. Всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, болѣе 30 станицъ со своими знаменами прибыли къ мѣсту закладки. По совершеніи молебствія у временной деревянной часовни съ колокольнею, всѣ присутствующіе торжественнымъ крестнымъ ходомъ прошли къ тому мѣсту, гдѣ теперь стоитъ новый соборъ, и здѣсь совершилась торжественная его закладка. Въ нарочно изготовленный къ этому дню кирпичный ящикъ войсковой атаманъ Платовъ и епископъ воронежскій и черкасскій вложили серебряную доску съ надписью:

«Городъ войска Донского, именуемый новый Черкасскъ, основанъ въ царствованіе Государя Императора и Самодержца Всероссійскаго Александра Перваго, лѣта отъ Рождества Христова 1805 года, мая 18 дня, который до сего существовалъ двѣсти тридцать пять лѣтъ при берегѣ Дона на островѣ, отъ сего мѣста прямо на югъ, разстояніемъ въ двадцати верстахъ, подъ названіемъ Черкасска». На оборотѣ доски былъ изображенъ гербъ войска Донского. Послѣ закладки собора заложили церковь во имя св. Александра Невскаго, гостиный дворъ, войсковую канцелярію и гимназію.

Войсковая канцелярія въ Новочеркасскѣ.

По окончаніи закладки и благодарственнаго молебствія, при которомъ стрѣляли изъ пушекъ и ружей, было устроено народное гулянье. По всему Задонью зажгли костры, всюду горѣла иллюминація и у бочекъ съ виномъ гуляли казаки.

Но туго заселялся Новочеркасскъ. За водой жителямъ приходилось ѣздить къ Аксаю по крутой горѣ. Неохотно селились казаки на новомъ мѣстѣ и, если бы не суровые приказы атамана, новый городъ никогда бы не устроился.

Въ слѣдующемъ, 1806 году, 9 мая, съ громадною торжественностью совершился переѣздъ войсковой канцеляріи съ войсковыми регаліями и знаменами изъ Черкасска въ новой городъ. Къ этому дню Платовъ приказалъ всѣмъ станичнымъ атаманамъ станицъ, отъ Грушевской и Мелеховской до Кочетовской и всѣхъ Донецкихъ, выслать въ Черкасскъ служилыхъ казаковъ и выростковъ, конными съ вооруженіемъ и при станичныхъ знаменахъ. Казаки эти поступили въ распоряженіе полковника Слюсарева. Съ остальныхъ станицъ должно было прибыть по три старика и по три выростка отъ 13 до 16 лѣтъ, чтобы они запомнили это торжество и передали бы память о немъ своимъ дѣтямъ.

А торжество было великое. Казаковъ собралось нѣсколько десятковъ тысячъ. Въ лучшихъ одеждахъ, одни въ голубыхъ Екатерининскихъ кафтанахъ, другіе въ новыхъ чекменяхъ темно-синяго цвѣта съ алымъ приборомъ, кто въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, кто въ новыхъ блестящихъ киверахъ, на коняхъ и пѣшіе, съ пестрыми станичными знаменами съѣхались донцы со всего Дона. Беззубые, старые, сѣдобородые старики и мальчики съ пухлыми, розовыми щеками и черными кудрями, генералы въ орденахъ и звѣздахъ съ большими портретами матушки Екатерины на груди и юные хорунжіе—всѣ были тутъ.

Раздался благовѣстъ Старочеркасскаго собора. Печальнымъ показался звукъ стараго колокола. Обнажили головы старо-черкассцы, глубоко вздохнули и перекрестились. «Прощай, наша древняя столица, городъ Черкасскъ! Много крови отцовъ и дѣдовъ пролито подъ твоими стѣнами. Прощай, батюшка тихій Донъ, и ты, Монастырское! Прощайте вы, свидѣтели славныхъ битвъ и подвиговъ донского казачества, святыя знамена и жалованные Россійскими государями клейноды и грамоты! Не увидите вы уже больше древняго черкасскаго собора!»... Такъ прощались черкассцы со своимъ старымъ городомъ!

По отслуженіи божественной литургіи и молебствія, при громѣ 51 выстрѣла, атаманъ, сопровождаемый регаліями, чиновниками, духовенствомъ и казаками, медленно пошелъ къ пристанямъ. Тамъ уже были приготовлены суда. Торжественно, съ пушечной пальбой, тронулись лодки.

Впереди знамена, духовенство, регаліи, потомъ атаманъ, генералы и офицеры, за ними Старочеркасскія станицы и станицы Бесергеневская, Заплавская, Маноцкая, Багаевская, Александровская, Гниловская и Аксайская, потомъ шли лодки съ директоромъ гимназіи и учениками ея и приходское училище.

Чудная погода была въ этотъ майскій день. Среди цвѣтущей степи, по голубой лентѣ тихаго Дона медленно шли разукрашенныя ладьи. Проходя мимо Аннинской крѣпости, съ лодокъ станицъ стрѣляли изъ ружей, а изъ крѣпости грянулъ 31 пушечный выстрѣлъ. По широко разлившемуся Дону разносилось мѣрное и торжественное пѣніе молебновъ. Когда суда стали приближаться къ Новочеркасску, съ горъ новаго города загремѣли пушечные выстрѣлы полевой артиллеріи. У особо построенной пристани начали причаливать лодки съ регаліями, атаманомъ и станицами.

Въ томъ же порядкѣ, въ торжественномъ шествіи, атаманъ прошелъ по Крещенской улицѣ къ мѣсту будущаго собора. Тамъ былъ отслуженъ молебенъ, и затѣмъ по нынѣшнему Платовскому проспекту, уставленному рядами войскъ, прошли къ войсковой канцеляріи, помѣщавшейся противъ нынѣшняго донского музея, и тамъ сложили знамена и регаліи.

На другой день былъ войсковой кругъ. Послѣ него было угощеніе для казаковъ, разныя игры, вызваны были и пѣсенники. За убранными всякимъ жаренымъ столами, уставленными виномъ,

Бойцы вспоминали минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Въ 7 часовъ вечера, 10 мая, на особомъ полѣ за городомъ состоялись *первыя скачки въ г. Новочеркасскѣ*. Участвовало въ нихъ 500 казаковъ. Скакали семь верстъ со многими препятствіями: плетнями, валами, канавами и оврагами. Пришедшій первымъ получилъ большую серебряную, вызолоченную кружку съ надписью: «Побѣдителю скачки мѣсяца мая 9 дня 1806 года». Второй и третій получили такіе же серебряные стаканы, а «въ утѣшеніе послѣднихъ, чтобы знать о добротѣ ихъ коней», имъ было предложено хорошее угощеніе «съ выпивкой и заѣдкой».

Послѣ скачекъ, окончившихся съ захожденіемъ солнца, атаманъ и всѣ чины возвратились въ новый городокъ къ атаманской ставкѣ. Тамъ угощеніе и пѣсни шли далеко за полночь...

Невеселый видъ имѣлъ Новочеркасскъ въ первые годы своего существованія. Теперешній Платовскій проспектъ представлялъ изъ себя

пустыню: маленькія лавчонки, два-три дома побольше, раскинутыхъ одинъ отъ другого на сотни саженъ, немощеная улица и тамъ и сямъ груды мусора. Вдали темнѣла груда камней—основаніе будущаго собора; стояло двухъ-этажное зданіе войсковой канцеляріи, да еще выдѣлялся большой домъ съ колоннами и огромнымъ балкономъ Семена Курнакова. Домъ Платова былъ небольшой, но уютный, съ большимъ дворомъ, среди котораго былъ насыпной курганъ и на немъ бесѣдка. Больше ничего не было въ этомъ городѣ. Началъ онъ отстраиваться уже позже, послѣ того, какъ стали возвращаться съ войны съ французами усыпанные орденами, покрытые славой и ранами герои Отечественной войны, и главный ея герой атаманъ Платовъ поселился на постоянное жительство въ свой Новочеркасскъ.

Гауптвахта въ Новочеркасскѣ и старое зданіе войсковой канцеляріи.

Проводы казака на службу.

47. Донской казачій полкъ во время Суворовскихъ походовъ.

Казачьи полки въ это время собирались всего за нѣсколько мѣсяцевъ до начала похода. Являлся указъ войсковому атаману отъ военной коллегіи о сборѣ извѣстнаго числа полковъ и тогда атаманъ разсылалъ нарядъ по станицамъ. Составъ донского казачьяго полка былъ приблизительно одинаковъ.

Полковникъ	1
Есауловъ (сотенныхъ командировъ)	5
Сотниковъ (субалтернъ-офицеровъ)	5
Хорунжихъ	5
Квартермистръ	1
Писарь	1
Казаковъ	483
Всего	501

Офицеры, или, какъ тогда говорили, чиновники, и казаки содержанія не получали, но, пользуясь земельными льготами и свободою отъ податей, обязаны были, по первому требованію, явиться на конѣ и съ оружіемъ: шашкою, дротикомъ, ружьемъ и иногда пистолетомъ, и по формѣ одѣтые. По указу 4 декабря 1779 года, во время отдаленія казаковъ на службу отъ дома болѣе чѣмъ на 100 верстъ, они получали жалованье въ размѣрѣ:

Полковнику	300 р.	въ мѣсяцъ
Есауламъ, сотникамъ и хорунжимъ . . .	50 » »	»
Полковому писарю	30 » »	»
Казакамъ	1 » »	»

Кромѣ того, всѣмъ полагался мѣсячный провіантъ и фуражъ на ихъ собственныхъ лошадей; полковникамъ—на восемь, старшинамъ—на три и казакамъ на двѣ лошади каждому.

Полкъ собирался, распредѣлялся на сотни, самымъ простымъ и чисто товарищескимъ способомъ.

Получивъ предписаніе военной коллегіи, атаманъ выбиралъ изъ числа богатыхъ и извѣстныхъ ему казаковъ *полковыхъ командировъ*. Лицамъ этимъ давалось предписаніе о *сборѣ полка своего имени*. Въ предписаніи указывались станицы, изъ которыхъ должны быть выбраны люди на службу, и давалось нѣсколько мундировъ для образца и сукно на все число людей полка, сѣдельныя щепы, кожи, ремни и все необходимое для подѣлки снаряженія и человѣкъ 50 казаковъ опытныхъ для обученія.

Полковой командиръ былъ хозяиномъ и создателемъ своего полка. Ему только указывался срокъ, 4—6 мѣсяцевъ, къ которому полкъ долженъ быть обученъ; въ остальныя распоряженія его не вмѣшивались.

Большая часть времени уходила на устройство полкового хозяйства, обозовъ, на выѣздку и усмиреніе лошадей; только самые послѣдніе дни можно было посвятить на занятіе «экзерцированіемъ» или «наѣздничаньемъ». Казаки строили лаву и потомъ снова собирались *въ кучу* за начальникомъ, скакали черезъ рвы, нарочно для того вырытые, и джигитовали. Большаго и не требовалось.

Полковой командиръ дѣлалъ представленія о производствѣ въ офицерскіе чины, ставилъ урядниковъ. Онъ писалъ уставъ строевой и гарнизонной службы на основаніи или личнаго опыта, если онъ былъ пожилой человѣкъ, или совѣтовъ бывалыхъ товарищей, если онъ былъ молодъ,—въ 19 лѣтъ тогда уже командовали полками. Командиръ полка

былъ всегда грамотенъ, были даже командиры, знавшіе иностранные языки. Въ бою онъ управлялъ строемъ, но въ виду своеобразности дѣйствій казаковъ, распоряжавшихся вполнѣ самостоятельно, онъ самъ нерѣдко рубилъ и кололъ наравнѣ съ казаками, а иногда даже отмѣнялъ свои приказанія по просьбѣ болѣе старыхъ, бывалыхъ и опытныхъ казаковъ, позволялъ сдерживать и поправлять себя. Въ бою полковой командиръ указывалъ цѣль боя, предоставляя способъ дѣйствія самимъ казакамъ.

Офицеры полка были старшіе товарищи, назначенные полковымъ командиромъ изъ среды казаковъ же и утвержденные за свои подвиги въ офицерскомъ званіи. Воспитанные такъ же, какъ и казаки, такъ же, какъ они, полуграмотные, они ничѣмъ не выдѣлялись изъ фронта, кромѣ своихъ эполетъ да болѣе богатой одежды. Офицеры представлялись къ награжденію, не всегда держась старшинства, а за храбрость и распорядительность въ бою. Разницы между офицеромъ и казакомъ не было. *Всякій казакъ могъ дослужиться до офицера.* Офицеръ не чуждался общества казаковъ, проводилъ время въ ихъ кругу, принималъ участіе въ ихъ играхъ. Уже въ 1828 году на походѣ изъ Турціи полковой командиръ одного изъ казачьихъ полковъ замѣтилъ, что люди заскучали. Приказано было дать водки, потомъ затѣяли игры, между прочимъ чехарду. Офицеры полка играли на ряду съ казаками, при чемъ не только сами прыгали черезъ казаковъ, но и казакамъ давали прыгать черезъ себя. Образованіе въ тѣ отдаленныя времена на Дону получить было трудно. Платовъ, считавшійся образованнымъ человѣкомъ, писалъ весьма безграмотно. Сметка выручала офицера, какъ выручала и казака. Въ Итальянскій походъ Суворова Денисову на его полкъ были розданы карты. Денисовъ находился въ сильномъ смущеніи, такъ какъ, по откровенному его признанію, не только казаки, но и офицеры не умѣли читать топографическихъ знаковъ и не всѣ разбирали названія на нѣмецкомъ языкѣ. Однако онъ сумѣлъ вывернуться. Офицеры запоминали наружный видъ всякаго селенья, моста и т. п., а австрійцы находили уже, что было нужно. То же самое, къ удивленію австрійцевъ, продѣлывали и простые казаки. Въ строю офицеръ былъ впереди и, сидя на лучшей лошади, былъ примѣромъ казакамъ и одною изъ тѣхъ матокъ улья, за которыми слѣдуетъ рой.

Урядники и *казаки* другъ отъ друга мало отличались. Урядникъ ѣздилъ на ординарцы къ болѣе высокопоставленнымъ лицамъ, водилъ разъѣзды, былъ старшимъ на заставѣ или на пропускномъ посту; по большей части это былъ служилый казакъ, живой уставъ полевой службы и первый воспитатель молодого казака. Разсказами своими во время

длинныхъ переходовъ, безсонныхъ ночей въ караулѣ онъ обучалъ казака всему, что ему было нужно узнать на войнѣ.

Воинъ по рожденію и по воспитанію, *казакъ* съ дѣтства пріучался думать и чувствовать по-военному. Сынъ, внукъ и правнукъ служилаго казака, онъ ребенкомъ — уже былъ казакомъ. Мальчики семи, восьми лѣтъ безстрашно скакали по степи, безъ сѣдла, на полудикихъ коняхъ, знали, какая лошадь молодая и какая старая, знали качества и недостатки каждой лошади. Зимою, построивъ изъ снѣга городокъ, они вооружались снѣжками, одни нападали, другіе обороняли свое укрѣпленіе. По праздникамъ, послѣ обѣдни, молодежь, а нерѣдко и старые казаки бились на кулачки, ходили стѣна на стѣну, играли въ игры, доставали на всемъ скаку платки и монеты, стрѣляли въ цѣль и рубили столбики и вѣтки. Бывалые казаки давали наставленія, разсказывали случаи изъ своей жизни; офицеръ, живущій въ станицѣ, вмѣшивался въ кругъ казаковъ, гдѣ всѣ были съ нимъ ровня, называли его по имени и отчеству, гдѣ и онъ и казаки чувствовали себя совершенно равными. «Кордоны», «авангардъ», «позиція»—все это были знакомыя молодежи слова—ихъ понимали даже казаки. Молодые казаки видѣли, какимъ почетомъ окружены урядники и, особенно, «кавалеры», и, придя на службу, ихъ мечтой было заслужить галуны. Пришедшіе со службы казаки разсказывали про свою службу и про службу товарищей-одностаничниковъ, и понятно, что казакамъ желательно было, чтобы разсказы были въ ихъ пользу. Съ древнѣйшихъ временъ установившійся взглядъ на службу, какъ на нѣчто прибыльное, сохранился даже и теперь, а тогда, во времена завоевательныхъ войнъ императрицы Екатерины Великой, вернуться домой безъ маленькой добычи, безъ лишняго платка или мониста для молодой жены было не принято. Вслѣдствіе этого-то казакъ хваталъ и пряталъ въ свою суму все, что ему подъ руку попадалось: склянку, старую подкову, костяную пуговицу, изломанный желѣзный подсвѣчникъ, однимъ словомъ, весь тотъ скарбъ, отъ котораго отказывались хозяева его двора. Но, чтобы казакъ былъ воръ—до этого далеко. Во всѣхъ войнахъ казакъ былъ честнымъ, храбрымъ и сметливымъ воиномъ.

Казаки почти всегда выступали *о-дву-конь*, при чемъ на второго навьючивалось кое-что изъ «домашности» и могущая достаться казакамъ добыча. Тогда Донъ славился лошадьми. Терпѣливая и покорная, но строгая, въ то же время быстрая и увертливая казачья лошадь неизмѣнно служила своему хозяину.

Обмундированіе казаковъ было разнообразно. Хотя и полагалось казенное сукно, но его не всегда хватало и его берегли для смотра. Въ походѣ казакъ носилъ домашнюю куртку форменнаго покроя, или

длиннополый зипунъ, или чекмень, или шинель регулярнаго образца. Рядомъ съ киверомъ-ведромъ виднѣлась баранья шапка-папаха. Только офицеры и казаки полковъ, близко стоящихъ къ атаману, одѣвались по формѣ, всѣ остальные были одѣты какъ сумѣлъ смастерить имъ мундиры станичный портной, а то и рукодѣльница-жена. Но, вообще, казакъ былъ одѣтъ свободно, такъ, чтобы могъ дѣйствовать какъ верхомъ, такъ и пѣшкомъ. Разнообразная и свободная одежда казаковъ возбуждала насмѣшки регулярныхъ чиновъ, но возбуждала и завпсть. «Для полезнаго дѣйствія пикою,—писалъ князь Багратіонъ,—надобно быть одѣтымъ какъ можно легче и удобнѣе, безъ затяжки и натяжки, одѣтымъ какъ наши *безцеремонные* казаки».

Вооруженіе тоже не отличалось однообразіемъ. Казакъ на станичномъ рынкѣ покупалъ все нужное для похода. Бѣдный пріобрѣталъ шашку и ружье подешевле, или выходилъ съ дѣдовскимъ, у турка отбитымъ, кривымъ ятаганомъ; богатый покупалъ шашку доброй стали, украшалъ эфесъ и ножны золотомъ и серебромъ. Пика или дротикъ были разной длины и вѣса «по рукѣ», у однихъ были только ружья, другіе пріобрѣтали пистолеты. Относительно ружей, въ виду крайняго разнообразія этой части вооруженія, доходившей до того, что были ружья, стрѣлявшія при помощи фитиля, не говоря уже о полномъ разнообразіи калибровъ, генералъ-лейтенантъ Платовъ, атаманъ войска Донского, просилъ позволить сдѣлать, подрядомъ изъ суммы войсковой, однокалиберныя ружья по образцу казачьему на тульскомъ заводѣ, для снабженія казаковъ, наряженныхъ въ походъ, съ вычетомъ изъ жалованья казаковъ въ треть по 1 рублю, да изъ фуража, который имъ полагается на вьючную лошадь не въ натурѣ, но деньгами, пятой части.

Сѣдла были казачьяго образца, съ суконной или кожаной подушкой, въ которую укладывались кое-какія вещи казачьяго обихода.

Какой же строй, какія команды могъ имѣть полкъ безъ устава, безъ обученныхъ начальниковъ, безъ установленныхъ командъ и сигналовъ? Собравшись, всѣ люди полка были заняты выѣздкой дикихъ и весьма злыхъ лошадей, приготовленіемъ сѣделъ, шитьемъ мундировъ, заготовкой военнаго обихода. На ученье оборотамъ «казачьей службы, на хитрыя шермиціи» *), подобныя регулярнымъ, оставалось весьма мало времени. Прохожденія «словесности», порядка караульной службы, аванпостной и разъѣздной не было вовсе.

А между тѣмъ, когда казаки стояли въ передовой цѣпи, отрядъ спалъ спокойно. Ребенкомъ, малолѣткой, казакъ уже кое-что слыхалъ отъ слу-

*) Шермиціями—назывались маневры.

жилыхъ казаковъ, но главное свое образованіе, свою сметку и всю ту «словесность», которую въ солдатскихъ частяхъ учили наизусть, казакъ шутя проходилъ во время скучныхъ походныхъ движеній. Передвиженія полка съ Дона на линію или въ какой-либо городъ, или къ арміи для военныхъ дѣйствій, были лучшей и полезнѣйшей школой для казака.

Казаки къ арміи отправлялись звеньями, т. е. по частямъ и по разнымъ дорогамъ. Обыкновенно полковникъ, собравъ свой полкъ, говорилъ, что къ такому-то числу казакамъ быть тамъ-то. «Смотри, ребята, говорилъ командиръ полка,—веди себя хорошо, какъ того требуетъ служба и честь казачья, а коли ежели что, никакъ либо что, али тамъ что-либо того—запорю! какъ Богъ святъ, запорю, не погляжу на комъ какія регаліи. Ну, съ Богомъ, ступай!» И полки шли и шли. Длинна бывала дорога. Приходилось донцамъ и голодать, и терпѣть всякія лишенія. Опытные и бывалые урядники дорогой учили молодежь военной хитрости и смекалкѣ. Голодъ училъ ихъ, какъ обращаться съ жителями: гдѣ брали силкомъ, гдѣ хитрецой, гдѣ просьбой, а гдѣ и покупали на взятыя изъ дома деньги. Всего полка деревня не прокормитъ, а десять, пятнадцать человѣкъ она съ удовольствіемъ приметъ. И полки шли частями отъ селенья до селенья, дѣлая въ день по 40 и болѣе верстъ. По свойственному русскимъ людямъ гостепріимству, казака вездѣ радушно принимали въ хату, кормили и слушали его замысловатые разсказы про горы «высочепныя и страшенныя», что довелось имъ проходить, про горы «игольныя и сахарныя», откуда сыплются иглы и добывается сахаръ, про бѣлую Арапію и двухголовыхъ людей, про колдуновъ и чертей... или про вурдалаковъ и упырей, которыхъ въ Молдавіи встрѣчали, про покойниковъ и еретиковъ, которыхъ земля не принимаетъ... И разинутъ рты простоватые хохлы, слушая вранье казака, а тотъ знай себѣ уплетаетъ или галушки съ саломъ, или вареники со сметаной и еще съ большей охотою несетъ всякую чушь своимъ темнымъ слушателямъ.

— А може, панъ козаче и самаго биса бачивъ?—полюбопытствуетъ какой-либо хохолъ, пользуясь тѣмъ временемъ, когда разсказчикъ прожевываетъ огромный вареникъ, больше его ладони.

— А то и не бачилъ? Бачилъ сколько разъ и за рога его таскалъ.

— А якій же винъ будэ?

— А вродѣ человѣка, только на головѣ рога и ноги козьи; на шеѣ грива и по спинѣ длинная шерсть и перья... пуза голая.

— Ось якій страшенный!—удивляются хохлы.

— А може, панъ козаче и на войни бувъ? — любопытствуютъ хохлы.

— Какъ не быть, былъ. Всю жизнь воевалъ.

— А и пули бачивъ? изъ рушныци стрылявъ?

— Какъ не стрѣлять, стрѣлялъ. И пикой кололъ, и шашкой рубилъ. Чикъ—и голова летитъ. А пули, что пчелы: жи, жи... такъ мимо головы и летятъ.

— Борони Боже, якъ въ око попадэ! — крестится и шепчетъ хохлушка, стоя у припечка съ ухватомъ, готовая ко всякимъ услугамъ такому необыкновенному воину, что и чертей за рога таскалъ и головы рубилъ, даже и пуль не боится.

А казакъ давно сытъ по-горло; онъ уже спряталъ за голенище ложку, которой ѣлъ «галушки», высыпалъ уже въ кормушку для коня цѣлый четверикъ овса, что хохолъ приготовилъ для посѣва.

Прибывъ на мѣсто службы, полкъ нерѣдко попадалъ въ передовую часть, прямо въ бой.

Въ бою казаки дѣйствовали *лавой.*

Лава не есть строй, но самобытный казачій способъ воевать. Лава сегодня строилась такъ, а завтра уже иначе, въ зависимости отъ цѣли ея—атаковать или заманивать, и отъ желаній командира полка; командъ въ ней не было, сигналы замѣнялись свистомъ, лаемъ, особымъ крикомъ.

Въ то время какъ солдатскіе полки имѣли развернутый строй, какъ первоначальное построеніе и строй для атаки, колонны маневренныя и походныя, сомкнутыя и разомкнутыя справа и слѣва, разсыпной строй, управлялись командами и сигналами, казаки не имѣли никакого строя.

Полкъ становился *кучей* или *кучами по-сотенно.* Было много мѣста по фронту—куча походила на развернутый строй, мало—на колонну. Каждый казакъ искалъ своего урядника-одностаничника и пристраивался къ нему, а урядникъ имѣлъ въ виду своего хорунжаго или сотника, и всѣ слѣдили за сотеннымъ командиромъ и станичнымъ или полковымъ знаменемъ. Доносили передовые разъѣзды о приближеніи непріятеля—полковой командиръ созывалъ къ себѣ сотенныхъ и говорилъ имъ, какъ онъ думаетъ атаковать или заманить на сзади находящееся подкрѣпленіе; говорилъ съ чего начнутъ, кому и какъ стрѣлять, съ коня или спѣшившись; объяснялъ имъ тѣ знаки, которые онъ будетъ подавать. Сотенные разсказывали младшимъ офицерамъ, младшіе — всѣмъ казакамъ. Иногда послѣ этого объясненія, въ виду уже непріятеля, командиръ полка говорилъ казакамъ при распущенныхъ знаменахъ слово и просилъ ихъ убѣдительно, чтобы храбро атаковали непріятеля и не устыдили бы своего начальника. Казаки въ одинъ голосъ отвѣчали, что умрутъ или составятъ славу полку и войску!

Разъѣхавшись на протяженіи двухъ верстъ, казаки не могли слы-

шать команды своего командира, да и сотенные были далеко. Управленіе было нѣмое. Казаки непрестанно слѣдили за своими офицерами, какъ рой за маткой, и всѣ повороты, перемѣна аллюра, самая атака происходили по нѣмому знаку шашкой, рукой или движеніемъ лошади. Пускай, напримѣръ, лава заняла двѣ версты, тутъ и тонкій ручей, и маленькій оврагъ; казаки хотятъ «заманить» непріятеля» на стоящую въ четырехъ верстахъ и прикрытую скатомъ, поросшимъ мелкимъ кустарникомъ, пѣхоту и артиллерію. Лава наступаетъ шагомъ. Дойдя до ручейка, всѣ всадники, которымъ придется черезъ него переходить, по знаку своего начальника «падаютъ» съ лошадей, которыхъ отдаютъ одному, двумъ, становящимся скрыто сзади; затѣмъ примащиваются со своими ружьями сзади ручья и ждутъ. Сосѣди, пройдя ручей, сейчасъ же затягиваютъ его мѣсто и лава продолжаетъ свое движеніе. Дойдя до овражка, шаговъ за триста, часть казаковъ останавливается и смыкается въ кучу, на подобіе развернутаго строя. Послѣ этого лава становится жиже, но протяженіе ея остается то же. Теперь начинается рѣшительное и задорное наступленіе. Если непріятельская колонна не обращаетъ вниманія на казаковъ, казаки стрѣляютъ съ коня чуть не въ упоръ, наскакиваютъ на нее на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, но лишь только она вышлетъ одинъ, два взвода для отогнанія дерзкихъ всадниковъ, лава подается назадъ, фланговые взводы сгущаются и съ гикомъ съ боковъ и съ тыла несутся на преслѣдователей. Наконецъ, это «наѣздничанье» лавой надоѣдаетъ непріятелю. Онъ высылаетъ большую часть, полкъ или два, для наказанія казаковъ. Тогда, уходя, казаки собираются, какъ разъ въ двѣ кучи, изъ которыхъ одна несется прямо къ ручью, другая имѣетъ направленіе на оврагъ. Въ 20-ти, 30-ти шагахъ отъ препятствія казаки въ каждой кучѣ быстро поворачиваются направо и налѣво и обходятъ препятствіе. Сомкнутые, стройные, увлекшіеся преслѣдованіемъ, эскадроны не могутъ такъ скоро измѣнить направленія атаки и одни вязнутъ и тонутъ въ ручьѣ подъ выстрѣлами спѣшенныхъ казаковъ, другіе, по переходѣ черезъ оврагъ, сильно разстроенные атакованы засадой. Въ то же время и лава уже повернула назадъ и ударила съ фланговъ и съ тыла. Непріятель отходитъ, высылаетъ болѣе значительныя части, и его снова заманиваютъ на уже болѣе сильную пѣхотную или артиллерійскую засаду. Для такихъ дѣйствій ни командъ, ни сигналовъ не было нужно. Каждый казакъ долженъ былъ понимать, что ему нужно дѣлать. Командиръ полка и офицеры кричали иногда: «братцы — впередъ!», или: «станичники — увиливай»!

Если полковъ было нѣсколько, то строили лаву, а когда для этого

не хватало мѣста, то оставшіеся становились сзади и бывали въ засадѣ, на которую нужно заманивать.

Лава дѣйствовала еще и *«вентеремъ»*. «Вентеремъ» называется рыболовная сѣть, натянутая на рядъ уменьшающихся обручей и оканчивающаяся мѣшкомъ. Рыба, обманутая первоначальнымъ просторомъ, въ концѣ концовъ оказывается замкнутой въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ не имѣетъ возможности повернуться. Подобно этому, казаки придумали: на мѣстности пересѣченной, съ нѣсколькими тѣсными проходами, заманивать непріятеля въ засаду и въ ней приканчивать съ нимъ, или избивая, или беря въ плѣнъ. Лава примѣнялась на мѣстности ровной, открытой, гдѣ было мѣсто развернуться, вентеръ—на мѣстности пересѣченной, гдѣ можно было сдѣлать засаду.

Другихъ построеній казаки не знали. Тамъ, гдѣ нельзя было работать пикой и шашкой на конѣ, казаки спѣшивались и винтовкой владѣли не хуже, чѣмъ пикой. Спѣшивалась обыкновенно цѣлая сотня, оставляя лошадей сбатованными за полкомъ. Имѣя свою артиллерію, казаки умѣли превосходно прикрывать ее, и не было случая, чтобы хотя одно донское орудіе попало въ руки непріятеля.

Порядокъ службы *въ сторожевой цѣпи* весь былъ основанъ на секретахъ, на подслушиваніи и выглядываніи одиночныхъ всадниковъ. Нерѣдко передовая застава, разсѣдлавъ коней, крѣпко спала. За нее не спитъ часовой, притаившись лежащій съ односумомъ-товарищемъ «на курганчикѣ» и зорко глядящій на всѣ стороны; за нее не спитъ и тотъ любитель-казакъ, что за двѣ версты ушелъ и залегъ въ укромномъ мѣстечкѣ; наконецъ, не спитъ далеко впередъ съ офицеромъ убѣжавшая партія... Стоитъ только появиться непріятелю—сдѣлаетъ «выпалъ» секретъ, подхватитъ часовой, и въ нѣсколько минутъ застава, совсѣмъ готовая, подкрѣпленная сномъ, бѣжитъ навстрѣчу противнику.

Въ партіяхъ казаку было гораздо труднѣе. Ѣздили почти всегда безъ картъ, а время опредѣляли «по солнышку». Часы, по бѣдности, немногіе и офицеры имѣли.

Такъ составлялся, служилъ и работалъ въ походѣ и въ бою донской казачій полкъ. Успѣхъ побѣдъ казачьихъ заключался въ томъ, что и отецъ, и мать, и дѣдъ любовно снаряжали сына на военную службу. Они говорили ему о чести быть воиномъ, внушали быть храбрымъ. Казакъ въ бою, на чужой сторонѣ, всегда помнилъ Донъ. Помнилъ, какъ провожала семья, весь хуторъ, вся станица его на службу, что говорилъ ему отецъ. А провожали такъ, какъ поется въ этой прекрасной пѣснѣ:

Конь боевой съ походнымъ вьюкомъ
У церкви ржетъ:—кого-то ждетъ.
Въ оградѣ бабка плачетъ съ внукомъ,
Молодка возлѣ слезы льетъ.

А изъ дверей святого храма
Казакъ въ доспѣхахъ боевыхъ
Идетъ къ коню, изъ церкви прямо
Съ отцомъ, въ кругу своихъ родныхъ.

Жена коня подводитъ мужу,
Племянникъ пику подаетъ.
„Вотъ"—говоритъ отецъ—„послушай
„Моихъ рѣчей ты напередъ.

„Мы послужили Государю,
„Теперь тебѣ чередъ служить.
„Ну, поцѣлуй же женку Варю,
„И Богъ тебя благословитъ!

„И да пошлетъ тебѣ Онъ силы
„Долгъ службы свято соблюдать,
„Служить, какъ мы Царю служили,
„И славу рода поддержать.

„Иди туда, куда укажутъ
„Господь, начальство и чередъ,
„Когда же въ бой летѣть прикажутъ,
„Благословясь ступай впередъ!..

„Но ни въ бою, ни передъ боемъ
„Ты не бранися, не ругай;
„Будь христіанинъ и предъ боемъ
„Крестомъ себя ты осѣняй...

„Коня даю тебѣ лихого,
„Онъ добровитъ былъ у меня,
„Онъ твоего отца сѣдого
„Носилъ въ огонь и изъ огня.

„А добрый конь—все наше счастье,
„И честь, и слава казака,
„Онъ нуженъ въ счастьѣ и въ напасти,
„И за врагомъ, и на врага!

„Конь боевой всего дороже,
„И ты, мой сынъ, имъ дорожи;
„И лучше самъ ты ѣшь поплоше,
„А лошадь въ холѣ содержи!

„Тотъ колетъ пикою ловчѣе,
„И въ дѣлѣ тотъ и молодецъ,
„Кому коня добылъ добрѣе
„Дѣдъ, прадѣдъ, дядя иль отецъ...

„А вотъ и пика родовая,
„Подруга славы и побѣдъ,
„И наша шашка боевая—
„Съ ней бился я и бился дѣдъ!

„Исправенъ будь! И старшихъ слушай,
„Найди товарища себѣ.
„Живите съ нимъ душа вы въ душу,
„Клянитесь выручить въ бѣдѣ!..

„Куда придешь—ты, первымъ дѣломъ,
„Развѣдай все,—до пустяка.
„Гдѣ трактъ какой, кто есть, примѣромъ,
„Гдѣ лѣсъ, гдѣ села, гдѣ рѣка.

„Тогда ты свой въ чужой сторонкѣ,
„И командирамъ ты рука!
„Вѣдь ловкость, сметка да сноровка:—
„Весь капиталъ у казака!.. *).

Конь боевой, съ походнымъ вьюкомъ
У церкви ржетъ; кого-то ждетъ...

*) Изъ стихотвореній донского казака А. Туровѣрова.

Аустерлицъ.

48. Война съ французами 1805 года. Аустерлицъ.

Въ 1805 году государь императоръ Александръ I назначилъ въ помощь австрійскому императору, оборонявшемуся отъ Наполеона, корпусъ своихъ войскъ подъ начальствомъ фельдмаршала Кутузова. Въ войскахъ Кутузова находилось два донскихъ казачьихъ полка—*полкъ № 2 Сысоева* и *№ 3 Ханженкова.*

Когда русскія войска пришли въ Австрію, они узнали, что австрійцы разбиты Наполеономъ и ихъ армія уничтожена. Маленькому русскому корпусу пришлось бороться противъ цѣлой французской арміи, бывшей подъ предводительствомъ непобѣдимаго Наполеона. Рѣшивши отойти къ столицѣ Австріи—Вѣнѣ, куда подходили наши гвардейскія войска вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ I, Кутузовъ началъ отступать. Для прикрытія отступленія былъ назначенъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ князя Багратіона. Въ этотъ отрядъ попали и донскіе полки.

4 ноября 1805 года Багратіонъ занялъ своими войсками, которыхъ было всего 5.000 человѣкъ, деревню *Шенграбенъ* и рѣшилъ умереть, но задержать французовъ на сутки, чтобы дать время Кутузову отойти къ деревнѣ Погорлицу и тамъ соединиться съ австрійцами.

Уже смеркалось, когда къ Шенграбену стали подходить французскія войска. Ихъ велъ лучшій генералъ Наполеона—Мюратъ. Съ нимъ было 30.000, и этою, сравнительно съ пятью тысячами Багратіона, громадною силою онъ началъ давить наши войска. Нашей артиллеріи удалось зажечь деревню Шенграбенъ. При свѣтѣ пожара русскіе солдаты отражали всѣ атаки французовъ. Не разъ съ протяжнымъ гикомъ неслись донскіе полки въ атаку и копьями прогоняли французовъ. Превосходившіе въ шесть разъ Багратіона французы обошли его...

Русскій отрядъ ожидало истребленіе, или плѣнъ. Тогда, построивши остатки своихъ полковъ, Багратіонъ двинулъ впередъ полки Сысоева и Ханженкова; за ними, работая штыками, кинулась пѣхота, и русскій отрядъ пробилъ себѣ дорогу.

Армія Кутузова за время этого отчаяннаго боя дошла до Погорлица и была спасена горстью храбрецовъ. За подвиги у Шенграбена императоръ Александръ I пожаловалъ многимъ полкамъ еще небывалую награду—*Георгіевскія знамена*. И вотъ, въ числѣ первыхъ, удостоившихся этой высокой награды, заслуженной цѣлою частью, были донскіе полки Ханженкова и Сысоева. На знаменахъ этихъ была сдѣлана надпись:— *«за подвиги при Шенграбенѣ 4 ноября 1805 года въ сраженіи 5 тысячнаго корпуса съ непріятельскимъ, изъ 30 тысячъ состоявшимъ»*. Кромѣ того, казаки получили еще отъ государя императора по 2 рубля награды...

Этотъ геройскій подвигъ нашихъ войскъ вдохновилъ императоровъ Александра I и Австрійскаго, и они рѣшили перейти въ наступленіе. По невылазной осенней грязи наша армія тронулась въ путь и 19 ноября достигла до деревни *Аустерлицъ*, у которой стоялъ Наполеонъ. На разсвѣтѣ 20 ноября, подъ Аустерлицемъ, начался жестокій бой. Австрійцы намъ помогали плохо. Въ самомъ началѣ боя мы потеряли горы, раздѣлявшія наше расположеніе, и Наполеонъ сталъ бить наши полки въ обѣ стороны. Положеніе русскихъ войскъ было тяжелое. На помощь имъ была двинута наша гвардейская пѣхота. Ее должны были поддержать австрійцы, но австрійцы опоздали, и наши гвардейскіе пѣхотные полки попали подъ удары многочисленнаго непріятеля. Ихъ выручила гвардейская кавалерія, и въ ея рядахъ *лейбъ-казаки*.

Въ лейбъ-казаки назначались лучшіе люди со всего Дона. Громаднаго роста, на отличныхъ лошадяхъ, великолѣпно одѣтые въ алые

мундиры,—это были краса Донского войска, удальцы, которые признавали только побѣду или смерть. Все начало Аустерлицкаго боя они простояли въ бездѣйствіи. Они слышали жестокій бой и грохотъ пушекъ вдали, но ихъ не требовали. И скучали удалые казаки. Но вдругъ къ полку подскакалъ ординарецъ отъ государя и передалъ приказаніе командиру полка полковнику *Чернозубову* спѣшить на помощь гвардіи. Живо сѣли лейбъ-казаки на лошадей и полнымъ наметомъ понеслись по замерзшей землѣ, черезъ лужи и канавы. Они скакали къ мѣсту

Французы провозятъ взятыя подъ Аустерлицемъ знамена мимо Наполеона.

боя 10 верстъ. И вотъ увидали они вдали лейбъ-гусаръ, атакованныхъ французской конницей, и наши пѣхотныя каре, въ которыя врубились французскіе кирасиры. Въ томъ углу уже не стрѣляли. Молча, штыками отражали солдаты напоръ копей и отбивали удары тяжелыхъ палашей. Навстрѣчу несшейся атакѣ французскихъ латниковъ, рѣшившись умереть, кинулись наши кавалергарды. Всѣ офицеры этого полка погибли смертью храбрыхъ. Ихъ подкрѣпили лихою атакою лейбъ-казаки. Подъ напоромъ красныхъ гвардейскихъ донскихъ пикъ французская конница оставила пѣхоту и кинулась сражаться съ казаками. И казаки боролись страшнымъ боемъ грудь съ грудью, прикрывая собою пѣхоту. Лейбъ-казаки

потеряли убитыми 1 офицера и 22 казаковъ, и много было казаковъ переранено.

Французская кавалерія была отбита. Наша армія отступала. Ея отступленіе прикрывали л.-гв. Измайловскій полкъ, спѣшенные лейбъ-казаки и остатки кавалергардовъ. До глубокой ночи гремѣли выстрѣлы на переправѣ, которую защищали лейбъ-казаки... Къ утру бой стихъ. Страшное Аустерлицкое сраженіе окончилось. Мы потеряли въ этомъ бою 21.000 человѣкъ—половину всей своей арміи. 130 орудій и 30 знаменъ нашихъ погибло въ этомъ дѣлѣ и стали добычею французовъ, но единственный донской казачій полкъ, участвовавшій въ этомъ дѣлѣ—лейбъ-казаки, прославился славною и лихою атакой и участвовалъ въ спасеніи гвардейской пѣхоты.

На другой день Австрія покорилась Наполеону. Нашему государю пришлось поневолѣ заключить миръ съ французами. Но миръ этотъ продолжался недолго: уже въ слѣдующемъ году наши войска воевали съ Наполеономъ, но на этотъ разъ уже въ союзѣ съ нѣмцами—пруссаками.

Атака гусаръ передъ Наполеономъ. 1807 годъ.

49. Война съ французами 1806 и 1807 гг.

Русскія войска начали войну съ французами въ нѣмецкой землѣ въ концѣ 1806 года. Въ это же время противъ Россіи вооружался и турецкій султанъ, и нашему государю нужно было готовиться къ войнѣ и на сѣверѣ и на югѣ. Пришелъ приказъ и въ войско Донское готовить полки на войну. Семь казачьихъ полковъ были двинуты на берега Дуная, а позднею осенью атаманъ Платовъ съ 13-ю казачьими полками двинулся къ русской арміи, дѣйствовавшей въ Пруссіи. Это былъ тяжелый зимній походъ. Полки подходили къ границамъ прусской земли въ началѣ 1807 года, тогда, когда Наполеонъ уже разбилъ нѣмцевъ и всѣ свои силы обратилъ противъ русскихъ.

Въ нашей арміи, бывшей подъ начальствомъ генерала Беннигсена, едва насчитывалось 60.000 человѣкъ, Наполеонъ же наступалъ на него съ 70.000 арміей испытанныхъ, не разъ одерживавшихъ съ нимъ побѣды

и вѣрящихъ ему солдатъ. 26 января 1807 года наши войска рѣшили встрѣтить противника недалеко отъ деревни *Прейсишъ-Эйлау.* При русскихъ войскахъ въ это время находились донскіе полки: *Иловайскаго 9*, *Андронова*, *Сысоева 3*, *Малахова*, *Грекова 18*, *Ефремова 3*, *Киселева 2* и *Панузина.* Наполеонъ со всею своею арміею ломилъ на наши полки, но они держались. Два дня гремѣли пушки, два дня атаки французовъ были отбиты русскими полками... 27 января пошелъ снѣгъ, за бѣлой пеленою его было плохо видно, что дѣлается кругомъ. Въ это время, прикрываясь лѣсомъ, три эскадрона французской гвардіи бросились въ промежутокъ между нашими полками и съ криками понеслись между резервовъ. Въ снѣжной бурѣ нельзя было видѣть, сколько враговъ несется, и атака французовъ могла быть удачной. Увидавши это, войсковой старшина *Киселевъ* бросился съ донскимъ своимъ полкомъ на французовъ. Какъ вихрь налетѣли казаки. Снѣгъ слѣпилъ имъ глаза, руки, сжимавшія пики, кочепѣли. Французы боролись отчаянно; но казаки сломили ихъ. Уже командиръ эскадрона, 2 офицера и 30 рядовыхъ отхвачены въ плѣнъ, уже много убитыхъ лежитъ на землѣ и казаки преслѣдуютъ остальныхъ. Донцы и въ снѣжную бурю не прозѣвали врага и не дали ему напасть на насъ неожиданно.

Русскія войска остались на своихъ мѣстахъ, французы не могли сломить ихъ. Первый разъ Наполеонъ не одержалъ побѣды, первый разъ его войска не опрокинули противника, и этимъ противникомъ, не побѣжденнымъ Наполеономъ, оказались—русскіе.

На другой день наши войска отошли отъ Прейсишъ-Эйлау. Наполеонъ простоялъ въ немъ девять дней, а потомъ отошелъ за рѣку Пассаргу. Слѣдить за французской арміей были назначены казаки. Какъ разъ въ это время подошли и остальные полки съ Дона вмѣстѣ съ атаманомъ Платовымъ, пришли *Атаманскій полкъ* и полки *Ефремова 3*, *Карпова, Селиванова, Иловайскаго 10, Иловайскаго 5* и рота конной артиллеріи. Лейбъ-гвардіи казачій полкъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ гвардейскими полками...

Какъ и въ прежнія войны, на казаковъ возложили тяжелую обязанность беречь покой войскъ. Едва только наша армія тронулась съ Прейсишъ-Эйлаускаго поля, какъ казаки густою сѣтью своихъ разъѣздовъ и заставъ закрыли ея движеніе. Французы бросились было на нихъ, но казаки подполковника *Андронова*, 2 февраля, заманили ихъ въ засаду, многихъ покололи, а 10 офицеровъ и 167 рядовыхъ со штандартомъ взяли въ плѣнъ. Каждый день казаки имѣли перестрѣлки, каждый день слѣдили за непріятелемъ и не давали ему покоя. Внимательные, зоркіе наблюдали казаки за врагомъ. Ихъ посты стояли противъ по-

стовъ непріятеля, и казаки день и ночь, не разсѣдлывая, слѣдили за французами. Полкъ *Кутейникова* содержалъ цѣпь вдоль рѣки Наревы. По одну сторону стояли казаки, по другую французы. Замѣтили казаки, что французы каждый день приходятъ на одно и то же мѣсто, разводятъ костеръ и варятъ себѣ пищу, а потомъ уходятъ. И вотъ, нѣсколько казаковъ переправились на французскую сторону, закопали гранату на мѣстѣ костра, присыпали старымъ пепломъ, а сами спрятались и стали наблюдать, что будетъ. Въ обычное время пришли французы, разставили котелъ и разложили огонь. Земля нагрѣлась, и граната лопнула. Многіе французы были переранены, другіе были захвачены казаками въ плѣнъ. Казаки переплыли съ плѣнными Наревъ и доставили ихъ командиру полка.

Наступила весна, снѣгъ началъ таять, полили дожди. Донцы безсмѣнно берегли покой нашей арміи.

Наполеонъ собралъ громадную армію и *29 мая* у городка *Гейльсберга* началъ наступленіе на наши войска. Длинныя цѣпи пѣхоты растянулись одна противъ другой и окутались бѣлыми дымками выстрѣловъ. Заревѣли пушки. Казаки разсѣялись по флангамъ и начали искать случая броситься на непріятеля. Полки Адріана Карповича Денисова находились на нашемъ правомъ флангѣ. Къ нему присоединилось еще пять казачьихъ полковъ, стоявшихъ на передовыхъ постахъ. Денисовъ собралъ всѣ эти полки и атаковалъ непріятельскую конницу, отогнавши ее далеко отъ мѣста боя. Здѣсь противъ казаковъ выѣхала артиллерія и начала осыпать казачьи полки ядрами и гранатами. Казаки быстро отступили. За ними бросилась и французская конница, и тогда, ведшій казаковъ полковникъ *Ефремовъ* повернулъ ихъ кругомъ, ударилъ на французовъ, прогналъ ихъ снова и отбилъ у нихъ двѣ пушки. Но увезти эти пушки казакамъ не удалось. Къ французамъ подходили новые полки, и казаки второй разъ должны были отойти. Эти атаки казачьи отличались большимъ упорствомъ. Но донцы встрѣтили здѣсь серьезнаго врага. Много казаковъ полегло на этомъ полѣ, по которому взадъ и впередъ, колыхаясь, ходила смертоносная казачья лава. Денисовъ отошелъ назадъ, устроилъ свои полки и отправилъ три полка къ арміи, гдѣ въ это время разгоралась перестрѣлка.

И только-что эти полки отошли, какъ Денисовъ увидалъ два эскадрона французовъ, смѣло направлявшихся къ казакамъ.

— Латники! Латники!—раздалось въ рядахъ казаковъ.

И, дѣйствительно, закованные въ стальные доспѣхи люди, въ стальныхъ шапкахъ, смѣло шли на казаковъ. Они были увѣрены, что казаки не смогутъ ихъ проколоть.

Французскіе латники, называвшіеся кирасирами, переправились черезъ ручей и галопомъ начали выстраивать фронтъ. Первый разъ увидали такіе полки донскіе казаки. На громадныхъ лошадяхъ, большіе люди, закованные въ желѣзо, готовы были разсѣять и разметать тяжелыми палашами казаковъ. Денисовъ приказалъ Ефремову съ двумя полками отрѣзать кирасиръ отъ ручья. Но не успѣли казачьи полки развернуться, какъ уже кирасиры полнымъ махомъ влетѣли въ ихъ ряды и смѣшали казаковъ. Казаки ударяли ихъ пиками, но дротики или ломались, или гнулись. Кирасиры же смѣло рубили казаковъ своими длинными палашами. И вдругъ кто-то изъ казаковъ догадался крикнуть: «колпаки долой!»

— Колпаки долой!—понеслось по казачьимъ сотнямъ.

Сразу поняли казаки, въ чемъ дѣло. Они стали направлять удары пикъ въ лицо, подъ шапку, и кирасиры начали падать на землю... Еще мгновенье—и кирасиры уже скакали назадъ, преслѣдуемые казаками: только одна треть ихъ спаслась...

Отогнавши кирасиръ, казаки, однако, не остались безъ работы. Едва казачьи полки пришли въ порядокъ, какъ изъ-за лѣса показались длинныя линіи французской кавалеріи. Новая атака готовилась на донскіе полки.

Въ это время къ казакамъ подскакало два нѣмецкихъ, союзныхъ, драгунскихъ полка. Командовавшій ими генералъ, большого роста, рябоватый, съ большимъ носомъ и со шрамомъ отъ старой раны на лицѣ, подъѣхалъ къ Денисову. Генералъ говорилъ по-французски, Денисовъ—тоже, и Денисовъ предложилъ нѣмцамъ атаковать французовъ вмѣстѣ съ казаками.

И вотъ, подъ командою донского генерала, понеслись нѣмецкіе и казачьи полки въ атаку и, смяли французовъ и погнали ихъ къ лѣсу. Но въ лѣсу была пѣхота. Подъ ея выстрѣлы попали казаки и должны были, разсѣявшись, вернуться на прежнее мѣсто.

Уже вечерѣло. Французская артиллерія обстрѣливала гранатами казаковъ, и они медленно отходили, разсыпавшись рѣдкой и длинною лавой. Въ это время къ полкамъ подъѣхалъ Платовъ.

Наступила ночь. Казаки ничего не ѣли, не разсѣдлывали лошадей и все такъ же стояли, свернувшись лишь въ звенья. На разсвѣтѣ Платовъ приказалъ Денисову съ тремя полками занять одно мѣсто на лѣвомъ флангѣ и не допускать до него французовъ. Едва Денисовъ дошелъ до этого мѣста, какъ французы направили противъ него большой отрядъ конницы и пѣхоты. Съ пѣхотою шли и пушки, у Денисова же никакой артиллеріи не было. Вѣрный ученикъ Суворова, Адріанъ Карпо-

вичъ Денисовъ рѣшилъ, что *лучшій способъ обороняться—это атаковать самому.* Французскій отрядъ, выставивъ противъ Денисова конницу, направилъ пѣхоту въ лѣсъ для обхода его фланга. Тогда Денисовъ двинулъ полкъ Ефремова въ сомкнутомъ строю на конницу, полковнику *Астахову* приказалъ, разсыпавшись лавою, стать противъ лѣса, а самъ остался въ резервѣ. Видѣвшій все это Платовъ приказалъ другимъ полкамъ спѣшить на помощь Денисову, но Денисовъ справился самъ съ врагомъ. Полкъ Ефремова такъ смѣло набросился на французскихъ всадниковъ, что они повернули, и казаки Ефремова загнали ихъ очень далеко; полкъ Астахова бросился лавою на пѣхоту, и она, не выдержавъ атаки казаковъ, ушла въ лѣсъ. Побѣда была полная. Самъ Денисовъ не вѣрилъ тому, что видѣлъ. «Видя сіе,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ,—не постигалъ я, какимъ образомъ остаюсь побѣдителемъ. Ясно видѣлъ я, что сіе произошло отъ единой благости Всевышняго Творца къ намъ».

И генералъ Денисовъ, тутъ же на полѣ, слѣзъ съ коня и, ставши на колѣни, горячо молился, благодаря Бога за дарованную побѣду.

И каждый казакъ творилъ крестное знаменіе и понималъ, что Господь Богъ помогъ ему въ побѣдѣ.

Французы не рѣшились больше нападать на смѣлыхъ казаковъ Денисова, и онъ оставался на своемъ мѣстѣ до ночи. Ночью онъ узналъ, что наша армія отступаетъ. Казаки должны были ее прикрывать. Эти іюньскіе дни Платовъ, руководя полками, не слѣзалъ съ лошади. Онъ былъ всюду, гдѣ опасность была больше, гдѣ врагъ рѣшительнѣе напиралъ.

Подъ Фридландомъ, 2 іюня, наши войска имѣли снова кровавый бой съ французами. Во время этого жестокаго сраженія казаки охраняли фланги. Когда же наши войска, сильно потерпѣвшія въ этомъ сраженіи, отступали, Платовъ прикрылъ ихъ отступленіе. Казаки грудью своею заслонили русскія войска, и, отступая, Платовъ умѣлъ наносить врагу пораженія. Казаки и отступая наступали. Какъ только врагъ насѣдалъ на казаковъ, казачьи полки брали пики на-перевѣсъ и неслись на французовъ; гдѣ только было какое-либо препятствіе, тѣснина, лѣсъ, плотина, мостъ,—казаки уже слѣзали съ лошадей и, въ пѣшемъ бою, при содѣйствіи своей артиллеріи, задерживали непріятеля. *4 іюня, на Таплакенской плотинѣ,* казачья артиллерія стала на позицію и вмѣстѣ съ казаками отбила французовъ, а потомъ, уходя, казаки сожгли мостъ. *5 іюня, въ Кучелакскомъ лѣсу* казаки оборонялись за засѣкою, а полки Грекова 18 и Иловайскаго 10 атаковали врага въ дротики. 4 часа противникъ стоялъ и не могъ одолѣть казаковъ. Наконецъ, подошли главныя силы французовъ. Платовъ выдвинулъ тогда свои полки длинной линіей и, охватывая непріятельскіе фланги, атаковалъ французовъ. Многіе

эскадроны французовъ не выдержали дружнаго гика казачьихъ сотенъ, ихъ сурово склоненныхъ пикъ, и умчались за свою пѣхоту. Много полегло здѣсь французовъ. 7 іюня казаки отошли за Нѣманъ. Здѣсь они узнали, что императоръ Александръ I заключилъ въ Тильзитѣ миръ съ французами.

За эту войну 11 августа 1811 года войску Донскому пожаловано Георгіевское знамя. Въ грамотѣ, присланной войску при этомъ знамени, было сказано: «врожденная бдительность донскихъ воиновъ ограждала спокойствіе нашей арміи, а главнокомандующему служила вмѣсто недремлющаго ока». Этою же грамотою, въ первый разъ послѣ жалованной грамоты императрицы Екатерины Великой, подтверждались всѣ права и преимущества Донского войска и утверждалась «ненарушимость настоящаго образа его служенія и неприкосновенность всей окружности его владѣній».

Въ эту войну прославилъ свое имя донской атаманъ Платовъ и его атаманскій полкъ неоднократно отличился во многихъ бояхъ.

По темнымъ лѣсамъ Прусской земли гремѣли въ эту войну, не умолкая, выстрѣлы казачьихъ ружей, казаки были въ болотахъ, на рѣкахъ, въ деревняхъ—вездѣ. Французская конница не могла ничего сдѣлать противъ казачьей лавы, и только изматывала своихъ лошадей напрасными атаками. На прекрасныхъ лошадяхъ, смѣлая, рѣшительная, до этого времени непобѣдимая, она терялась передъ казаками. Она атакуетъ—казаки отступаютъ, она дѣлаетъ остановку, а уже казаки сидятъ на ней и колютъ своими страшными пиками. Первый разъ столкнулись казаки съ кирасирами и съ перваго же раза научились ихъ бить. Въ эту войну, неудачную для Россіи, донскіе казаки пріобрѣли своимъ мужествомъ всесвѣтную славу. Про войну эту у казаковъ была сложена пѣсня:

Подъ славнымъ было городомъ подъ Гутштадтомъ,
Протекала тамъ рѣчушка, рѣчка слезовая,
А на рѣчушкѣ струя бѣжитъ, струя кровавая;
Но надъ рѣчушкой сады цвѣтутъ, сады зеленые,
Въ зеленомъ то саду не кукушечка, она куковала,
Жалко, жалобно голосочекъ свой она выносила,
Она всю-то нашу армеюшку прослезила...
Ну вы стойте наши казаченьки, стойте, не робѣйте,
Государева свинцу, пороху не жалѣйте,
Какъ заутра будетъ вамъ, казаченьки, награжденье:
Будетъ жаловать Государь, жаловать крестами,
Еще жаловать своимъ Царскимъ знаменемъ.
Но молодые тутъ малолѣточки не испужались,
По темнымъ лѣсамъ они разъѣзжали.

Въ эту войну съ французами, на ряду съ молодыми казаками, пошло много донскихъ стариковъ. Платовъ охотно бралъ ихъ съ собою. Онъ зналъ, что старики воодушевятъ молодежь, и не ошибся.

Вмѣстѣ съ урядникомъ *Тропинымъ* на войнѣ былъ и его отецъ. Въ схваткѣ казаковъ у деревни Едвабно вдругъ сынъ узналъ, что его отецъ захваченъ французами въ плѣнъ. Велико было горе сына. Любовь и жалость къ родному отцу закипѣли въ немъ. Онъ рѣшилъ или погибнуть, или выручить своего отца. Онъ зналъ, что французы поведутъ плѣнника въ тылъ. И вотъ, онъ бросилъ свой полкъ и одинъ помчался обскакивать фланги французскаго войска. Когда онъ былъ сзади, онъ увидалъ, что два француза ведутъ его отца. Живо скинулъ Тропинъ съ себя ружье, застрѣлилъ одного изъ французовъ, другого свалилъ пикой—и освободилъ отца. Отецъ сѣлъ на французскую лошадь, сынъ поймалъ и другую, и они прискакали къ своимъ. Платовъ собственноручно навѣсилъ молодому Тропину георгіевскій крестъ за его подвигъ.

Пошелъ съ полками Платова и Березовской станицы урядникъ *Евсѣй Селезневъ*, бывшій ординарецъ Суворова, тридцать лѣтъ прослужившій въ казачьихъ полкахъ. Своими разсказами про Суворова и про то, какъ онъ билъ французовъ въ Италіи, онъ вдохновлялъ молодежь. Онъ возилъ за Платовымъ войсковое знамя. Съ нимъ ѣздилъ и другой семидесятилѣтній старикъ, казакъ Усть-Бѣлокалитвенской станицы *Обуховъ*. Онъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, въ первой и второй Турецкихъ войнахъ, былъ подъ Измаиломъ, а теперь пошелъ за сына.

Пошелъ на войну вмѣстѣ съ сыномъ и поручикъ *Гавриловъ*. Одиннадцать ранъ было на его тѣлѣ. Онъ давно считался въ отставкѣ; но сталъ собираться на войну его сынъ, и загорѣлось сердце стараго воина. Онъ сталъ проситься въ полкъ. Напрасно друзья его отговаривали, говорили ему, что онъ старъ, что гдѣ ему воевать,—старикъ не слушалъ никого.

— «Друзья мои,—говорилъ онъ,—я иду на войну, чтобы научить моего сына, какъ разить враговъ отечества, хочу видѣть, какъ онъ будетъ слѣдовать по стопамъ отцовъ своихъ. Рука моя, конечно, слаба и не въ состояніи сбить всадника дротикомъ, но я буду при сынѣ и укажу ему, какъ управляться съ врагомъ».

И старикъ такъ и сдѣлалъ. Въ ночныхъ партіяхъ, пикетахъ, говоря по-теперешнему—на заставахъ, Гавриловъ нигдѣ не отходилъ отъ сына и передавалъ ему свои знанія. 24 мая 1807 года на рѣкѣ Алле онъ былъ убитъ...

Грозные для врага, донцы были внимательны и добры къ мирнымъ жителямъ. Нѣмцы скоро ихъ полюбили. При приближеніи отряда Пла-

това къ какому-нибудь городку или мѣстечку, всѣ школьники выбѣгали навстрѣчу къ казакамъ и пѣли сложенныя ими пѣсни, подражая казачьимъ. Во время битвы подъ Пассенгеймомъ всѣ школьники вышли изъ города и наблюдали, кто побѣдитъ. И когда казаки возвратились побѣдителями, мальчики пошли съ пѣснями имъ навстрѣчу. Въ это время въ городъ шли женщины и несли на продажу молоко. Школьники съ казачьимъ гикомъ атаковали ихъ, отняли молоко и отдали его утомленнымъ боемъ казакамъ.

Кончилась война, и друзья нѣмцевъ—донскіе казаки пошли съ полками. Одни шли на сѣверъ, гдѣ была война со Швеціей, другіе на югъ, гдѣ требовалась помощь въ войнѣ съ турками...

Домой, на тихій Донъ, казакамъ не скоро пришлось вернуться.

Казаки высматриваютъ французскій бивуакъ.

Очень старый нѣмецкій рисунокъ 1813 года.

Въ Финляндіи.

50. Донскіе казаки въ Финляндіи.

1808 и 1809 гг.

Въ 1808 и 1809 годахъ Россія вела войну со Швеціей. Въ русскую армію, бывшую подъ начальствомъ генерала Буксгевдена, было назначено два донскихъ казачьихъ полка: *л.-гв. Казачій Его Величества полкъ* и *полкъ Киселева.*

Казаки съ Прусской границы пошли сначала въ Петербургъ, а потомъ, зимою 1808 года, начали тяжелый походъ въ Финляндію. За какія-нибудь 10 лѣтъ донцы повидали и заоблачныя выси Альпійскихъ горъ, страдали отъ жары въ Италіи, испытывали голодъ и холодъ въ

степяхъ у Оренбурга, вязли и тонули въ болотистыхъ рѣчкахъ Пруссіи. Теперь ихъ ожидала борьба не только со злымъ и упорнымъ врагомъ, но и съ жестокими морозами и снѣгами.

Какъ только казаки перешли нашу границу, началась для нихъ тяжелая, полная опасностей служба. Вся Финляндія лежала подъ толстымъ снѣговымъ покровомъ, жестокіе морозы обмораживали лица и руки. Узкая, тѣсная дорожка вилась среди лѣсовъ, между полей, отгороженныхъ жердяными заборами, среди горъ и скалъ. Одинъ шагъ съ этой дорожки—и лошадь проваливалась въ снѣгъ по брюхо и нельзя было идти, нечего было и думать объ атакахъ.

Врагъ раздѣлился на маленькіе отряды. За каждымъ деревомъ, за всякою скалою можно было ожидать засады. Много требовалось вниманія и искусства отъ казаковъ, чтобы не погибнуть. На жителей—финновъ надежда была плоха. Они готовы были не только выдать расположеніе русскихъ войскъ шведамъ, но и сами прирѣзывали заспавшихся казаковъ.

Но завоеваніе Финляндіи шло, хотя и медленно, но вѣрно. По глубокому снѣгу, казалось, невозможно было атаковать, но казаки атаковали. 12 февраля 1808 года лейбъ-казаки подъ командою генерала Орлова-Денисова, идя между скалъ, въ снѣжную бурю и жестокій морозъ гнали передъ собою шведскій отрядъ. У деревни *Ильби*, въ большой тѣснинѣ шведы выставили пушки и остановили казаковъ. Дорога была узкая, кругомъ снѣжные сугробы, никуда не свернешь. Тогда казаки быстро спѣшились, и пѣшкомъ, съ пиками въ рукахъ ударили на батарею. Шведы не выдержали стремительнаго натиска казачьяго и поспѣшно отступили къ городу Борго, казаки преслѣдовали ихъ и захватили и самый городъ.

Прошла зима, наступило блѣдное, хмурое сѣверное лѣто, а война продолжалась. Нашимъ войскамъ приходилось брать съ боя едва не каждое мѣстечко. Вся Финляндія обагрена была русскою кровью, и не одно казачье тѣло покоилось подъ мхомъ въ угрюмомъ сосновомъ лѣсу.

Зимою 1809 года рѣшено было перенести войну въ самую Швецію, и для этого русскимъ войскамъ предстояло совершить небывалый подвигъ. Съ обозами и пушками нужно было перейти по льду черезъ море, раздѣлявшее наши владѣнія отъ владѣній шведскихъ. Развѣдать путь черезъ море были вызваны донцы полка Киселева. Въ мартѣ 1809 г. казаки вошли на ледъ Ботническаго залива и потянулись по ледяной пустынѣ. Мѣстами ледъ лежалъ гладкій и ровный, и люди и лошади падали на немъ; въ другихъ мѣстахъ бури нагромоздили цѣлыя горы льдинъ; тамъ метели намели глубокіе сугробы, въ которыхъ вязли и

тонули лошади: тамъ были глубокія проруби. Но ледъ держалъ людей, и нашъ отрядъ съ пушками и обозами прошелъ на шведскій берегъ. На обратномъ пути бушевала вьюга. Ничего не было видно, пѣхотные солдаты падали и замерзали, лошади отказывались везти по снѣговымъ сугробамъ поставленныя на санки пушки. Казаки полка Киселева отдавали своихъ лошадей пѣхотнымъ солдатамъ, спасая этимъ замерзавшихъ, припрягали коней своихъ къ пушкамъ, и, благодаря казакамъ, отрядъ благополучно достигъ береговъ Финляндіи.

Осенью 1809 года былъ заключенъ миръ со Швеціей, и по этому миру завоеванная нами Финляндія отошла къ Россіи и составила часть Русскаго государства. Долгое время, охраняя покой и порядокъ, въ Финляндіи стояли донскіе казаки. Въ воспоминаніе финляндской службы во многихъ полкахъ казачьихъ и въ станицахъ на Дону и теперь еще поется слѣдующая красивая пѣсня, сочиненная малороссійскимъ сочинителемъ Гребенкой:

Поѣхалъ казакъ далеко на чужбину
На добромъ конѣ ворономъ,
Свою онъ на вѣки покинулъ краину,
Ему не вернуться въ отеческій домъ.
　　Напрасно казачка его молодая
　　И утро и вечеръ на сѣверъ глядитъ,
　　Все ждетъ, поджидаетъ, съ далекаго края
　　Когда же къ ней милый казакъ прилетитъ.
А тамъ, за горами, гдѣ вьются метели
И страшны морозы зимою трещатъ,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны и ели,—
Тамъ—кости казачьи подъ снѣгомъ лежатъ.
　　Казакъ и молилъ, и просилъ, умирая,
　　Насыпать курганчикъ ему въ головахъ:—
　　„И пусть на курганѣ калина родная
　　Растетъ и красуется въ пышныхъ цвѣтахъ,
Пусть вольная пташка на этой калинѣ
Порой пропоетъ эту пѣсенку мнѣ,
Какъ жилъ-былъ казакъ далеко на чужбинѣ
И помнилъ про Донъ на чужой сторонѣ“.

51. Война съ Турціей 1806—1812 г.г.

Въ тѣ тяжелые годы, когда Россія воевала одновременно и со шведами и съ турками, сложилась на Дону пѣсня:

Пишетъ, пишетъ султанъ турецкій Царю Бѣлому,
И хочетъ султанъ турецкій Русскую землю взять:
—„Отберу я всю Русскую землю,
Въ кременну Москву стоять пойду,
Поставлю своихъ благовѣровъ по купеческимъ домамъ,
А самъ я, султанъ, стану въ Николаевскомъ дворцѣ!"
Затужился, загоревался Александрушка,
И пошелъ въ кручинѣ по кременной Москвѣ,
И сталъ спрашивать посланца, турецкаго маіорина:
—„Ты скажи, скажи, маіоринъ, всю правду:
Много ли вашей силушки турецкой собралося?"
—„Сорокъ тысячъ батальоновъ, а эскадроновъ смѣты нѣтъ!"
Тутъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ приподнялся,
И возговорилъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
—„Врешь ты, врешь, маіоринъ, облыгаешься,
Ты, маіоринъ, дюже выхваляешься;
Я вашей силушки не боюся
И во славный Царь-градъ уберуся!"
—„Ты не бойся, нашъ православный Царь!
Встрѣчать его пошли гренадерушковъ,
Подчивать его заставь канонерушковъ,
Столъ поставь изъ мѣдныхъ пушечекъ,
А скатерти постели все лафетушки,
Закусочки имъ поставь мелкія пулечки,
А провожать ихъ пошли Донскихъ казаковъ".

Война съ турками началась еще въ 1806 году. Но до 1809 года наши войска дѣйствовали медленно. Главныя наши силы, лучшіе генералы находились въ это время въ войнѣ съ Наполеономъ. Только послѣ заключенія мира съ французами войска наши были усилены, и мы начали

быстро подходить къ Дунаю и осадили Силистрію. Во время нашихъ дѣйствій на Дунаѣ туда пришли и донскіе казачьи полки подъ командою атамана Платова: Атаманскій, Денисова 4, Денисова 7, Карпова, Гордѣева, Иловайскаго 8 и Иловайскаго 11, и донская артиллерія. Казаки были распредѣлены по отрядамъ; часть находилась при войскахъ, осаждавшихъ крѣпость Силистрію, оберегая осадный корпусъ, часть—при войскахъ, дѣйствовавшихъ въ полѣ. И въ эту войну казакамъ пришлось воевать небольшими частями: сотнями, разъѣздами, маленькими партіями. Отличались офицеры, урядники, казаки. Исторія этой войны пестритъ подвигами казачьими.

Донская артиллерія явилась дѣятельной помощницей казаковъ и русскихъ войскъ. Во время осады крѣпости *Гирсова*, въ августѣ 1809 года, хорунжій Богаевскій замѣтилъ на рѣкѣ Дунаѣ большую баржу, плывшую къ Гирсову.

— Достанемъ до баржи, ребятушки?--обратился молодой офицеръ къ казакамъ.

— Можно попытать,—отвѣчалъ старый канониръ. Прислуга стала по мѣстамъ. Въ тѣ времена пушки нашей артиллеріи были мѣдныя, стрѣляли отъ пальника калеными, или разрывными чугунными ядрами, и не очень далеко. Цѣлились прямо на глазъ: отъ бомбардира-наводчика требовалось много опытности и искусства.

Навели пушку, приложили пальникъ, и шурша и визжа полетѣло ядро... и прямо въ баржу. За нимъ другое, третье. Баржа повернула къ противоположному берегу, но казаки мѣткими выстрѣлами догоняли ее. И вотъ зоркій глазъ казака увидалъ, что турецкіе солдаты ее покидаютъ. Она пуста. Живо сбѣжали къ водѣ артиллеристы; тамъ были челны. Казаки переплыли на ту сторону Дуная и нашли на баржѣ 19.000 ружейныхъ патроновъ.

Во время осады Силистріи турки не разъ дѣлали вылазки. Ихъ пестрыя толпы съ знаменами зеленаго цвѣта врывались яростно на наши окопы, и шли жестокіе бои. Во время такихъ вылазокъ, 23 и 24 сентября, особенно отличились урядники полка Кутейникова 2 *Колобродовъ* и *Семенцовъ*.

Пестрая ватага смѣлыхъ турецкихъ наѣздниковъ на превосходныхъ арабскихъ лошадяхъ съ отчаянною смѣлостью понеслась на казаковъ. Колобродовъ врубился въ толпу турокъ, пробилъ себѣ кровавый путь къ турецкому знамени. За нимъ, увлеченные его примѣромъ, мчались казаки. Колобродовъ свалилъ турецкаго знаменщика, отнялъ знамя и съ товарищами своими забралъ въ плѣнъ турецкаго полковника, а Семенцовъ захватилъ въ плѣнъ и самого пашу турецкаго.

Въ сраженіи подъ *Рассеватомъ, 4 сентября 1810 года,* казачьи полки были собраны всѣ вмѣстѣ и находились подъ командою графа Строганова и генерала Кутейникова. Сраженіе было упорное. Цѣлый день держались турецкіе полки, и лишь подъ вечеръ дрогнули и начали отступать къ рѣкѣ Дунаю.

Казаки бросились ихъ преслѣдовать. Тутъ начался рядъ смѣлыхъ подвиговъ. Особенно отличался въ этомъ бою *Атаманскій полкъ.* Синія куртки и голубые верхи киверовъ атаманцевъ мелькали по всему полю. Среди виноградныхъ садовъ, по мелкому кустарнику, по глубокимъ балкамъ и оврагамъ разсѣялись турки. Все спѣшило къ рѣкѣ Дунаю. Послѣдніе выстрѣлы пушекъ гремѣли по полю и—розовый подъ заходящими лучами солнца—расходился дымъ. Урядники Атаманскаго полка *Сердюковъ, Терсковъ, Чеботаревъ* и казаки *Пахомовъ, Коноваловъ* и *Ковалевъ* отбили 6 знаменъ, казаки *Цыгановъ* и *Назаровъ* взяли въ плѣнъ непріятельскаго мурзу, а хорунжій *Мельниковъ* взялъ въ плѣнъ пашу и его знамя.

Уже солнце опускалось за горы и послѣдніе турки убѣгали на лодки. Вдругъ Атаманскаго полка сотникъ Яновскій замѣтилъ турецкія парусныя лодки, наполненныя людьми и плывущія на ту сторону Дуная.

– За мною, друзья!—крикнулъ Яновскій и съ полнаго хода лошади вскочилъ въ мутныя волны рѣки.

И вотъ, вошли за нимъ въ воду казаки и поплыли черезъ Дунай.

Турки выбросили весла, гребутъ, стрѣляютъ по атаманцамъ. Уже близокъ берегъ, но и казаки близко. Переплывши черезъ Дунай, казаки успѣли поколоть часть турокъ, забрали лодки, сѣли на нихъ, погрузили лошадей и съ пѣснями вернулись къ своимъ...

Всю эту войну казаки провели на берегу Дуная. Сколько разъ переплывали они его на лодкахъ и на лошадяхъ, сколько знаменъ и турокъ они забрали! Собирались охотники, собирались люди разныхъ сотенъ и дерзко нападали на врага. Недаромъ пѣлась пѣсня:

Двадцать пять ребятъ, лихіе
Отважные молодцы,
Съ разныхъ сотенъ собирались
И за Дунай отправлялись.
Дунай рѣчушка рѣка
Широка и глубока,
Шириною шире Дона.
Приставали у кордона,
Вкругъ костра турки сидѣли,
Надъ огнемъ „чегось-то“ грѣли...

Сколько было такихъ нападеній на турокъ, и не перечесть! Три года провели здѣсь казаки, все время дѣйствуя малыми партіями...

Въ 1811 году Кутузовъ, принявшій командованіе надъ русскою арміею, нанесъ туркамъ большія пораженія. Въ самомъ началѣ 1812 году турецкая армія была окружена русскими войсками и положила оружіе. Турки просили мира, и императоръ Александръ I согласился на него. Россіи миръ былъ нуженъ. Наступалъ страшный 1812 годъ.

Наполеонъ.

52. Отечественная война. Кореличи, Миръ, Романовъ.

1812 годъ.

Съ французами былъ миръ, но миръ непрочный. Каждый часъ можно было ожидать войны. Наполеоновскія войска стояли въ Польшѣ на самой границѣ Россіи. Поляки, передавшіеся Наполеону, выставили въ его армію много полковъ. И особенно хороши были польскіе уланы. Французы увѣряли императора Александра въ дружбѣ, а сами усиленно готовились къ войнѣ. На Вислѣ устраивали склады продовольствія, изъ Франціи приходили все новые и новые полки. Наполеонъ замышлялъ походъ,—никто не сомнѣвался, что походъ противъ Россіи. Ему хотѣлось пройти со своими непобѣдимыми солдатами русскія степи и занять Москву. Громадная армія собиралась для этого. Армія — «дванадесяти языковъ», — двѣнадцати народовъ,—готовилась обрушиться на Русскую землю. Въ ней были и пылкіе маленькіе французы, и итальянцы, и тяжелые нѣмцы, и поляки. Лучшіе генералы Наполеона готовились идти съ нимъ на Россію.

По лѣвую сторону Вислы, лѣтомъ 1812 года, города и села полны были Наполеоновыхъ солдатъ. По ночамъ небо краснѣло отъ зарева бивачныхъ костровъ и гомонъ тысячи людскихъ голосовъ гулкимъ шумомъ доносился по рѣкѣ до русской стороны.

Вдоль праваго, русскаго берега стояли посты лейбъ-гвардіи казачьяго полка.

Въ темную ночь, съ 12-го на 13-е іюня 1812 года, на лейбъ-казачьей заставѣ услыхали топотъ копытъ и скрипъ колесъ на томъ берегу. Въ темнотѣ было видно необычайное скопленіе людей, сновали лодки, подвозили понтоны. Первое донесеніе, которое получилъ государь императоръ Александръ I, находившійся въ Вильнѣ, о наступленіи французовъ, было доставлено лейбъ-казакомъ. И первыя пули, которыми встрѣтили врага на русской землѣ, были выпущены изъ донского лейбъ-казачьяго ружья.

Какъ встарину нашествія татарскихъ полчищъ, двигавшихся на Москву, встрѣчали донскіе казаки, такъ и теперь донцы встрѣтили движеніе двунадесяти языковъ и грудью стали на защиту родной земли, русскаго народа.

Въ тотъ же день, 12 іюня, по арміямъ русскимъ читался приказъ императора Александра I.—«Не нужно»—говорилось въ приказѣ—«напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу! Я съ вами. На зачинающаго Богъ!»

Наша армія раздѣлена была на двѣ части. Одною частью командовалъ генералъ Барклай де-Толли—она находилась въ Вильнѣ; другою командовалъ князь Багратіонъ, и она находилась у Волковыска. Намъ необходимо было успѣть соединить обѣ арміи, задержать сколько можно Наполеона, мѣшать ему двигаться въ Россію. Прикрывать наши арміи, безпокоить врага всѣми силами было поручено атаману войска Донского *Платову*, находившемуся при арміи князя Багратіона.

Платовъ оставилъ за себя въ Новочеркасскѣ наказнымъ атаманомъ Адріана Карповича Денисова и поручилъ ему готовить полки. При Платовѣ было 14 донскихъ полковъ и рота конной артиллеріи. Въ сѣверной арміи князя Витгенштейна было 3 донскихъ полка, во второй арміи князя Багратіона—9 полковъ и рота донской артиллеріи, у генерала Тучкова—1 полкъ, у генерала Тормасова—9 полковъ, и на Дунаѣ оставалось 14 полковъ. Всего же войско Донское выставило къ началу войны *50 казачьихъ полковъ*.

Корпусъ атамана Платова первымъ столкнулся съ французскою кон-

ницею. При всякомъ движеніи французовъ—впереди нихъ шли казаки. Ни одинъ непріятельскій разъѣздъ не могъ безнаказанно осмотрѣть деревню, подойти къ русскимъ войскамъ. Французамъ постоянно приходилось быть на чеку.

26 іюня первый разъ Платовъ столкнулся съ большими силами французовъ и произошло дѣло у деревни *Кореличи*. Польскіе уланы графа Турно налетѣли на казаковъ, отходившихъ къ деревнѣ Кореличи. Платовъ рѣшилъ ихъ проучить, и приказалъ Атаманскому полку заманить ихъ въ вентерь. Быстро разсыпались атаманцы по колосящимся рожью полямъ. Рѣдкая и бойкая лава задорно стала наступать на поляковъ, застучали ружья казачьи, тамъ и тамъ отдѣльныя звенья съ пронзительнымъ гикомъ бросались на уланъ. Уланы развернули эскадроны. Между тѣмъ, за тонкой завѣсой атаманской лавы, Платовъ собралъ полки Сысоева 3 и Иловайскаго 5 и спряталъ ихъ за деревней Кореличи. И только тронулись уланы въ атаку, какъ лава казачья повернула назадъ и пошла уходить. Уланы пошли рысью, рысью пошли и казаки.

Они дразнили уланъ своими маневрами. Разсерженные уланы рѣшили ихъ истребить. Они бросились полнымъ ходомъ на атаманцевъ, но атаманцы быстро и неуловимо свернулись по флангамъ, широкій вентерь казачій раздался и въ него влетѣли эскадроны графа Турно. И тутъ ихъ приняла подъ выстрѣлы донская артиллерія и съ гикомъ понеслись полки Сысоева и Иловайскаго. Замкнулся вентерь. Съ фланговъ летѣли атаманскія сотни,—всюду были казаки. Польскіе уланы начали уходить, но казаки ихъ преслѣдовали и наносили имъ страшныя раны пиками. Много поляковъ попало въ плѣнъ. Болѣе 250 человѣкъ израненныхъ уланъ было доставлено донцами своему атаману.

— «У насъ»,—писалъ атаманъ въ своемъ донесеніи,—«уронъ былъ не великъ, потому что перестрѣлкой занимались мало, но дружно атаковали въ дротики». Въ этомъ бою, кромѣ Атаманскаго и полковъ Сысоева и Иловайскаго 5, приняли участіе полки: Краснова 1, Иловайскаго 10, Иловайскаго 11, Перекопскій татарскій и Ставропольскій калмыкскій.

И такъ было почти каждый день. И хотя уронъ былъ малъ,—какъ писалъ атаманъ, но онъ былъ, и былъ каждый день. «Объ убитыхъ и раненыхъ»—у атамана велся «домашній счетъ», но полки сильно страдали отъ этой непрерывной работы. Особенно выбивались лошади. Лѣто было жаркое. Донцы шли за арміей, шли по обобранному солдатами пути. Крестьяне, не желая, чтобы ихъ дома доставались французамъ, жгли свои избы, уничтожали запасы хлѣба и фуража и сами уходили

въ лѣса. Французы ночевали на пожарищахъ и не могли найти продовольствія, но вмѣстѣ съ французами, немного впереди ихъ, на тѣхъ же пожарищахъ ночевали и казаки.

Получивши донесеніе о неудачѣ конницы графа Турно у деревни Кореличи, начальникъ авангарда Наполеона, генералъ Латуръ-Мобуръ, приказалъ генералу Рожнецкому 28 іюня занять городокъ *Миръ* и двигаться далѣе по направленію къ городу Несвижу.

Возлѣ Мира стоялъ Платовъ. Къ нему подошло подкрѣпленіе. Пришли: донской полкъ Иловайскаго 12 и отрядъ генерала Васильчикова въ составѣ 5-го егерскаго полка, Кіевскаго драгунскаго, Ахтырскаго гусарскаго и Литовскаго уланскаго полковъ. Всего у Платова собралось 1.000 человѣкъ пѣхоты, $2^1/_2$ тысячи драгунъ, гусаръ и уланъ и 4.400 казаковъ съ 12-ю пушками донской артиллеріи. Платовъ рѣшилъ напасть на французскую конницу и атаковать ее, и для этого приказалъ генералу Кутейникову спѣшить на помощь съ донскими полками.

Опять долженъ былъ развернуться широко казачій вентерь. Заманивать лавою казаки должны были на артиллерію, пѣхоту и подъ удары драгунъ, гусаръ и уланъ.

Въ полдень *28 іюня* дивизія генерала Рожнецкаго, имѣя въ головѣ бригаду польскихъ уланъ графа Турно, ту самую, которая такъ пострадала у Кореличъ, выступила изъ мѣстечка Мира и пошла по несвижской дорогѣ. Турно прошелъ уже пять верстъ за Миръ, миновалъ деревню Симаково и здѣсь его передовые дозоры увидали на опушкѣ лѣса казаковъ. Но казаки сейчасъ же и скрылись, и Турно спокойно продолжалъ свой путь. Кругомъ были песчаные бугры, маленькія рощи и перелѣски зеленѣли тамъ и тамъ, попадались болотца, мѣстность становилась все болѣе и болѣе пересѣченной. Вскорѣ поперекъ пути уланъ стали попадаться одиночные казаки, которые растянулись длинною цѣпью и скрывались гдѣ-то въ лѣсу. Загремѣли выстрѣлы съ коня, отдѣльныя звенья казачьей лавы кидались на боковые дозоры поляковъ и уничтожали ихъ. Пришлось развернуться. Поляки остановились. Ихъ дозоры донесли, что въ небольшомъ дубовомъ лѣску стоятъ русскіе конные полки силою до пяти тысячъ, но при приближеніи польскихъ разъѣздовъ они отошли и скрылись въ лѣсу.

Наступила жуткая тишина. Къ бригадѣ Турно пріѣхалъ начальникъ дивизіи генералъ Рожнецкій и приказалъ спѣшиться бригадѣ, размундштучить лошадей и кормить ихъ, а людямъ варить пищу.

Въ знойномъ воздухѣ іюльскаго дня было душно. Овода носились надъ лошадьми, да въ пахучей цвѣтущей травѣ носились съ жужжаніемъ мохнатые шмели. Солдаты разбрелись за дровами, лошади мирно щи-

пали траву, и только по холмамъ стояли уланы бригады Дзѣвановскаго на заставахъ.

Но, вотъ, оттуда прискакалъ офицеръ. Запыхавшійся отъ долгой скачки, онъ только что началъ докладъ о томъ, что съ трехъ сторонъ видна пыль и слышенъ топотъ коней, что русскіе въ большихъ силахъ наступаютъ на поляковъ, какъ уже въ ясномъ синемъ небѣ сверкнуло желтое пламя, вылетѣлъ большой бѣлый клубъ дыма и засвистѣло ядро, за нимъ другое, третье... Заговорили донскія пушки.

Поляки побросали свои котелки и сѣли на коней. Платовъ ожидалъ, что они, не видя передъ собою никого, кромѣ жидкой казачьей лавы, бросятся на него, но Рожнецкій былъ остороженъ. Тогда Платовъ рѣшилъ атаковать самъ. Вся мѣстность: холмы, долины, рѣчки, перелѣски наполнились казаками. Казалось, безъ всякаго порядка неслись они впередъ къ полкамъ Рожнецкаго. Сверкали копья пикъ, краснѣли алые лампасы, слышенъ былъ страшный гикъ несущихся всадниковъ. Они были вездѣ, ихъ тонкій фронтъ былъ такъ широкъ, что не хватало полковъ ударить на нихъ. При первой же атакѣ уланъ графа Турно они разсѣялись и за ними оказались донскія пушки и эскадроны ахтырскихъ гусаръ. Ахтырскіе гусары опрокинули поляковъ: поляки устроились, хотѣли ударить снова, но попали подъ пики казаковъ, дрогнули, повернули и бѣжали. Поляки Турно, Дзѣвановскаго и Рожнецкаго хотѣли биться сомкнуто, но на нихъ налетали сомкнутые эскадроны ахтырскихъ гусаръ и кіевскихъ драгунъ и отовсюду щипали, кололи и стрѣляли по нимъ казаки. Поляки трогались въ атаку мимо перелѣска, повидимому, никѣмъ не занятаго, а оттуда гремѣли выстрѣлы казачьихъ ружей. Они посылали туда часть эскадроновъ и попадали флангомъ подъ страшную атаку казачьихъ пикъ.

Такова была Платовская лава! Безконечно разнообразная, вполнѣ самостоятельная. Каждый урядникъ—начальникъ звена, каждый хорунжій—командиръ взвода, дѣйствовали въ ней самостоятельно, но у всѣхъ была одна цѣль, одно желаніе:—истребить непріятеля. Одни помогали другимъ. Чуть видѣлъ станичникъ, что другому грозитъ бѣда, уже вихремъ летѣлъ на выручку.

Разсѣялись по громадному полю уланскіе полки Рожнецкаго. Ни впередъ, ни назадъ. Вездѣ были казаки. Былъ девятый часъ вечера, солнце спускалось за горы и свѣтило въ глаза казакамъ, когда поляки совершенно неожиданно для себя увидали облако пыли. Позлащенное послѣдними лучами догоравшаго дня, это облако быстро неслось къ полю битвы. Это была бригада Кутейникова. На полномъ ходу разсыпалась казачья лава. Дзѣвановскій пытался атаковать ее, но казаки живо вы-

били 11-й уланскій полкъ, за нимъ заколебался и 2-й уланскій полкъ, и вотъ—оба понеслись вразсыпную къ Миру. Теперь все перемѣшалось. Поля окутались пылью. Крики и протяжное гиканье казаковъ заглушали команды польскихъ офицеровъ и звуки трубъ; на самого графа Турно наскочилъ лихой донецъ и схватилъ графа за эполетъ. Добрый конь спасъ графа отъ плѣна, но эполетъ остался въ рукахъ у казака. Атаманцы, донцы Иловайскаго 5, Сысоева 3, Иловайскаго 10, Иловайскаго 11, Иловайскаго 12, Грекова 18, Харитонова 7, Симферопольскіе и Перекопскіе татары, Ставропольскіе калмыки и съ ними Ахтырскіе гусары и Кіевскіе драгуны приняли участіе въ этомъ славномъ бою. Въ немъ не было отличившихся, потому что отличились всѣ. Дрались пиками и саблями весь день. Устали страшно. Но велика была и побѣда! Однихъ плѣнныхъ было взято 12 офицеровъ и 163 нижнихъ чина, а въ тѣ времена плѣнныхъ не любили брать, считая, что они стѣсняютъ армію. До 600 убитыхъ уланъ лежали на полѣ возлѣ Мира. Славна была побѣда наша, и совершилъ ее Платовъ, все время, не слѣзая съ коня, распоряжавшійся боемъ и атаками.

Хитрыми дѣйствіями лавою казаки совершенно измучили поляковъ.

— «Не знаешь»,—писали въ тѣ времена про казаковъ французы,— «какъ противъ нихъ дѣйствовать; развернешь линію—они мгновенно соберутся въ колонну и прорвутъ линію; хочешь атаковать ихъ колонною—они быстро развертываются и охватываютъ ее со всѣхъ сторонъ»...

Казаки остались ночевать подъ Миромъ. Но 30-го они получили приказаніе отходить къ Несвижу. Отступала русская армія, должны были отступать и прикрывавшіе ее донскіе полки Платова.

На разсвѣтѣ *2 іюля* польскій конно-егерскій полкъ Пшепендовскаго у мѣстечка *Романова* столкнулся съ казаками Карпова. Донцы развернули лаву и начали отходить. Карповъ отлично зналъ свое дѣло. Платовъ такъ писалъ о Карповѣ Багратіону:—«велъ онъ непріятеля черезъ цѣлыя сутки, въ виду его, до самаго мѣста сраженія передъ мѣстечкомъ Романовымъ, донося мнѣ почасту и акуратно о наступленіи непріятельскомъ».

Получая такія донесенія отъ Карпова, Платовъ собралъ Атаманскій полкъ и полки Иловайскаго 4, Иловайскаго 12 и Мельникова 3 и по густому кустарнику повелъ ихъ черезъ рѣку Морочу и дальше къ Романову. Казаки атаковали конно-егерей Пшепендовскаго и, несмотря на жестокій огонь изъ карабиновъ, отбросили его. На помощь конно-егерямъ прискакалъ эскадронъ 12-го уланскаго полка. Казаки живо расправились и съ нимъ. Въ то время, какъ передовые казачьи полки тѣснили полки Пшепендовскаго, Платовъ подвелъ 5-й егерскій полкъ и

донскую конно-артиллерійскую роту къ Романову и поставилъ ихъ тамъ на позиціи, а въ резервѣ оставилъ ахтырскихъ гусаръ, кіевскихъ драгунъ и литовскихъ уланъ подъ начальствомъ князя Васильчикова.

Передовымъ казачьимъ полкамъ Платовъ приказалъ заманить вентеремъ поляковъ на Романовъ. Но на этотъ разъ французскій генералъ Латуръ-Мобуръ шелъ осторожно. Едва только загремѣли выстрѣлы казачьихъ пушекъ, онъ выставилъ свою батарею и дальше не пошелъ. Всю ночь на 3-е іюля и весь день 3 іюля простоялъ Платовъ у Романова, и Латуръ-Мобуръ не посмѣлъ его атаковать. Во время же первыхъ атакъ на полки Пшепендовскаго поляки потеряли многихъ убитыми и ранеными, да 17 офицеровъ и болѣе 350 нижнихъ чиновъ захватили казаки въ плѣнъ.

3 іюля Платовъ получилъ приказаніе отходить на Слуцкъ. Уходя, Платовъ приказалъ всѣхъ тяжело раненыхъ поляковъ перевязать и отлично устроилъ ихъ въ небольшой часовнѣ подлѣ Романова, гдѣ ихъ и нашли полки Латуръ-Мобура.

Такъ дѣлами подъ Кореличами, Миромъ и Романовымъ Платовъ остановилъ наступленіе французовъ и задержалъ ихъ настолько, насколько это было нужно для Багратіона. Въ этихъ дѣлахъ Платовъ выказалъ себя выдающимся кавалерійскимъ начальникомъ, а казаки подъ его начальствомъ свободно побѣждали лучшіе полки Наполеоновой конницы— польскихъ уланъ.

Казаки задержали наступленіе Наполеоновыхъ полковъ и дали возможность нашимъ арміямъ Барклая и Багратіона соединиться, кромѣ того, постоянныя нападенія казаковъ измотали французскую конницу. Французамъ не хватало продовольствія. Наступать по разоренной жителями и казаками мѣстности становилось невозможно. Наполеонъ старался вынудить у русскихъ сраженіе, но русскіе отступали передъ его полками, и вскорѣ понялъ Наполеонъ, что отступленіе русскихъ вызвано не доблестью его полковъ, а производится умышленно. Такъ отошли русскіе за Витебскъ, такъ, прикрываемый казаками, Багратіонъ соединился съ Барклаемъ.

12 іюля атаману Платову было поручено произвести *набѣгъ въ тылъ непріятелю*. Раздѣливши свой отрядъ на небольшія партіи,—безконечно гибкою линіею лавъ казачьихъ—Платовъ прошмыгнулъ въ тылъ непріятелю и явился одновременно повсюду. Въ занятыхъ французами Могилевѣ и Оршѣ, въ Шкловѣ и Копысѣ—вездѣ хозяйничали донскіе казаки. Плѣнныхъ не брали. Некуда было ихъ дѣвать, да они и не поспѣли бы за казаками. Какъ рой мошекъ налетѣли донцы на тылъ французской арміи. Подъ ихъ ударами гибло все: отдѣльныя партіи, послан-

ныя за фуражемъ, были разсѣиваемы, горѣли продовольственные магазины и запасы фуража. Вдругъ, сразу, за спиною у французовъ поднялись зарева пожаровъ, черный дымъ потянулся къ небу, отовсюду шли донесенія съ просьбой о помощи, и, когда утомленная французская конница примчалась,—никого уже не было въ тылу.

О! Казаки знали, какъ дѣлать набѣги! Ихъ учили этому черкесы и татары, и набѣгъ казачій былъ быстръ и внезапенъ. 15 іюля разсѣявшіеся по всему тылу французовъ казаки стали собираться въ Дубровну, гдѣ перешли Днѣпръ и соединились съ 1-ю арміею. За этотъ набѣгъ казаки истребили болѣе 2.000 непріятеля, взяли въ плѣнъ 13 офицеровъ и 630 человѣкъ. Такой же набѣгъ повторилъ Платовъ и между 1-мъ и 4-мъ августа.

Никто во французской арміи и нигдѣ не могъ быть спокоенъ, что на него не налетятъ казаки. Они были вездѣ. Каждая деревня, каждая роща, каждый кустъ скрывалъ казака. Они безстрашно кидались на французовъ и ничто ихъ не могло смутить. Однажды казаки напали на нѣмецкій гусарскій эскадронъ и разсѣяли его. Во время преслѣдованія одинъ изъ казаковъ замѣтилъ богато одѣтаго всадника и рѣшился захватить его въ плѣнъ. Онъ бросился на него съ пикой, но офицеръ перерубилъ древко пики; казакъ выхватилъ саблю, но офицеръ, повидимому, отличный фехтовальщикъ, выбилъ ловкимъ ударомъ ее изъ рукъ донца. Тогда казакъ сразу заскочилъ сзади офицера и такъ перетянулъ его по спинѣ плетью, что тотъ безъ чувствъ свалился на землю.

Другой разъ, въ сраженіи подъ Витебскомъ, 15 іюля, когда графъ Орловъ-Денисовъ съ лейбъ-казаками атаковалъ французскую конницу и опрокинулъ ее, четыре лейбъ-казака такъ увлеклись преслѣдованіемъ, что незамѣтно вскочили на французскую батарею, на которой стоялъ самъ Наполеонъ. Ихъ схватили въ плѣнъ. Наполеонъ залюбовался удальцами, призвалъ ихъ къ себѣ, поговорилъ съ ними и приказалъ угостить. Послѣ обѣда казаки стали говорить, что имъ очень жарко, и просили пойти прогуляться къ рѣкѣ. Конвойные согласились подойти къ берегу. Только казаки подошли къ рѣкѣ, одинъ изъ нихъ сказалъ:—«ну!»... И всѣ поняли. Разомъ, какъ по командѣ, всѣ четверо съ крутого обрыва бросились къ рѣкѣ Двинѣ, въ воду, и поплыли. Конвойные открыли по нимъ огонь. Донцы, знай себѣ, плывутъ да ныряютъ, выплыли на тотъ берегъ и ушли къ своимъ, только лошадей своихъ потеряли.

Ни про кого такъ много не говорили, никто не произвелъ на французовъ и на всѣ двунадесять языковъ такого впечатлѣнія, какъ казаки. Наполеонъ ихъ ненавидѣлъ. Онъ называлъ ихъ «поношеніемъ рода человѣческаго». Въ эту пору имя донского казака прогремѣло по всей За-

Атаманъ Платовъ.
1801—1818 г.г.

падной Европѣ. Да и какъ было не прогремѣть! Изобрѣтательности донскихъ казаковъ въ придумываніи средствъ къ пораженію врага не было предѣла.

Лейбъ-казаки стояли постами по рѣкѣ Западной Двинѣ. Противъ нихъ были посты французской конницы. Командиръ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка графъ Орловъ-Денисовъ замѣтилъ, что одинъ французскій пикетъ слишкомъ выдвинулся впередъ и стоитъ въ удаленіи отъ прочихъ войскъ. Онъ вызвалъ охотниковъ снять этотъ пикетъ. Вызвалось двадцать пять удальцовъ, съ поручикомъ Венедиктомъ Коньковымъ во главѣ. Казаки раздѣлись до нага, забрали съ собою только пики, потихоньку прошли къ рѣкѣ, переплыли ее, поднялись на кручу лѣваго берега и стремительно бросились на пикетъ. Французы не успѣли даже дать выстрѣла, какъ были частью поколоты, частью забраны въ плѣнъ. Отправивъ плѣнныхъ на свой берегъ, Коньковъ выстраиваетъ голыхъ казаковъ и кидается съ ними на самый лагерь. Тамъ онъ колетъ все, что попадается подъ руку. Во всемъ кавалерійскомъ станѣ поднимается тревога. Цѣлый полкъ вылетаетъ, чтобы покончить съ отчаянными лейбъ-казаками. Коньковъ несется къ берегу. Передъ нимъ крутой обрывъ... Плотно обхватили голыми ногами бока своихъ умныхъ коней казаки, отдали поводъ—и смѣлыя степныя лошади сползли по кручѣ въ воду и уже плывутъ стаей, и только верхи ихъ мордъ видны надъ водою, раздуваются храпки, блестятъ черные глаза, да подлѣ машутъ бѣлыя руки саженками загребающихъ казаковъ.

Вездѣ съ казаками былъ Платовъ. Его добрый сѣрый конь рѣдко разсѣдлывался въ это тяжелое лѣто, и самъ атаманъ не одну безсонную ночь провелъ у костра. Лежа на пескѣ, онъ писалъ донесенія, онъ придумывалъ всевозможные набѣги въ тылъ и на фланги и самъ руководилъ боемъ. «Вихрь-атаманъ»—звали его въ Россіи.

Стихотворецъ Жуковскій такъ написалъ о немъ *):

Хвала! нашъ вихорь-атаманъ!
    Вождь невредимыхъ Платовъ.
Твой очарованный арканъ—
    Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
    По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
    Бѣдой—имъ въ уши свищешь!

*) Стихотвореніе В. А. Жуковскаго «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ».

Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ:
Деревья сыплютъ стрѣлы.
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ.
Лишь къ селамъ—пышутъ селы...

Наконецъ, былъ назначенъ новый главнокомандующій—фельдмаршалъ *Кутузовъ*. Старые казаки знали его. Послѣ штурма Суворовымъ Измаила Кутузовъ оставался тамъ комендантомъ, въ послѣднюю Турецкую войну онъ былъ главнокомандующимъ. Ему вѣрили, его любили, онъ былъ сотрудникъ Суворова, *онъ былъ русскій*. Солдаты надѣялись, что отступленіе нашей арміи, наконецъ, кончится, что мы перейдемъ въ наступленіе. «Пріѣхалъ Кутузовъ—бить французовъ»,—говорили въ войскахъ, и всѣ готовились къ упорному бою защищать первопрестольную Москву!

Разосланъ былъ приказъ готовиться разбить французскую армію подъ Москвою. Вызваны были всѣ старшіе начальники къ Кутузову въ село Бородино. Платовъ уѣхалъ и поручилъ свой корпусъ генералъ-маіору Ивану Козьмичу Краснову. Красновъ былъ сынъ казака Букановской станицы. Онъ началъ службу простымъ казакомъ въ 1773 году. Хорошо грамотный, распорядительный и отчаянно храбрый Красновъ скоро былъ произведенъ въ офицеры. Онъ былъ два раза раненъ, состоялъ долго при Суворовѣ и съ нимъ штурмовалъ Измаилъ. Оставшись за Платова начальникомъ всѣхъ казачьихъ полковъ, Красновъ 25 августа сдерживалъ напоръ французовъ. Наши войска отходили къ передовому укрѣпленію у Бородина—Шевардину. Казаки остановились у *Полоцкаго монастыря*. Часть полковъ спѣшилась, донская артиллерія стала на позицію. Начался артиллерійскій бой. Ядра летали съ одной стороны на другую, французы лѣзли впередъ. Генералъ Красновъ переѣзжалъ вдоль фронта полковъ, ободряя казаковъ. Ядро раздробило ему всю правую ногу. Невозможно было сдѣлать перевязку. Въ это время французская конница готовилась атаковать казаковъ. Безъ перевязки, страшно страдая, поддерживаемый есауломъ Галдинымъ, поѣхалъ Красновъ въ лазаретъ. По дорогѣ его встрѣтилъ генералъ Иловайскій 5-й.

— Отражай враговъ,—сказалъ ему Красновъ,—а я умру радостно, услыша, что врагъ побѣжденъ.

У перевязочнаго пункта его сняли съ сѣдла, положили на коверъ и отняли ногу. Онъ молчалъ. Онъ зналъ, что умираетъ. На томъ же самомъ коврѣ его отнесли къ палаткѣ Кутузова. Онъ все приподнимался и спрашивалъ:—«что наши?»

Смерть приближалась. Холодный потъ выступилъ на лбу. Красновъ собралъ послѣднія силы и приподнялся.

— Приподнимите меня, — сказалъ онъ, — я самъ посмотрю, что наши дѣлаютъ!

Но уже глаза не видѣли.

— Бьютъ французовъ наши,—сказалъ ему Платовъ.

— Дай Богъ!—сказалъ Красновъ и умеръ, какъ подобаетъ донскому казаку, на полѣ битвы, подъ грохотъ пушекъ. Имя генерала Краснова 1-го носитъ теперь Донской казачій № 15 полкъ...

Смерть Краснова весьма опечалила Платова. Онъ потерялъ въ немъ не только друга и боевого товарища, но и опытнаго и храбраго помощника. Но на войнѣ грустить и думать о потеряхъ близкихъ не приходится. На другой день произошла величайшая битва этого времени — *Бородинское сраженіе.*

Бородино.

53. Бородинское сраженіе.

26 августа 1812 года.

Въ Бородинскомъ сраженіи у русскихъ было 103 тысячи человѣкъ солдатъ, у Наполеона 130.000.—25 августа, въ жаркій августовскій день, въ лагерь русскихъ войскъ привезли чудотворную икону Смоленской Божіей Матери. Торжественная молитвенная тишина стояла на громадномъ полѣ подлѣ Бородина, на которомъ стали на позиціи русскіе полки. Всюду земля была изрыта. Тянулись длинные рвы окоповъ, насыпи, стояли плетеные туры батарей. Мѣдныя пушки сверкали на солнцѣ. Солдаты надѣли на себя чистыя рубахи: всѣ готовились къ смерти.

Въ казачьемъ лагерѣ, раскинувшемся болѣе чѣмъ на версту, лошади стояли по коновязямъ, пики были составлены въ костры, а казаки выстроены впереди коновязей. Медленно шли мимо казаковъ священники въ золотыхъ, серебряныхъ и малиновыхъ ризахъ, несли хоругви, иконы, и на особенныхъ носилкахъ проносили чудотворную икону. Казаки стояли на колѣняхъ на сжатомъ полѣ и горячо молились.

20*

— «Святый Боже, святый Крѣпкій, святый Безсмертный, помилуй насъ!» — слышались голоса пѣвчихъ. Донцы брались рукою за ладанки, висѣвшія на груди. Въ этихъ ладанкахъ со словами молитвы была зашита горсть родной донской земли. Истлѣлъ холстъ ладанокъ, истлѣла и рубаха на черной груди казака. Имъ нечего было переодѣть, имъ и некогда было переодѣться. Лишь къ вечеру пришли они сюда послѣ жаркаго боя, въ которомъ потеряли генерала Краснова и многихъ казаковъ. Пришли и застали окончаніе молебна — и вотъ, молятся:

— Святый Безсмертный! Помилуй насъ!..

Темная ночь спустилась надъ громаднымъ станомъ. Спятъ утомленные боями казаки, и лишь иногда, просыпаясь, слышатъ легкій шорохъ кругомъ. То не спитъ и шевелится, въ ожиданіи страшнаго боя, громадный лагерь Кутузова. И перекрестится казакъ, и уста его тихо произнесутъ: — «Святый Крѣпкій, помилуй насъ!»

Спать... Спать... нужно набраться силы для завтрашняго подвига...

И только первые лучи солнца показались надъ покрытой туманомъ землею, какъ 100-орудійная французская батарея окуталась дымомъ и грохотъ пушекъ пронесся надъ полемъ и эхомъ отразился о далекіе лѣса.

Бой начался...

Вамъ не видать такихъ сраженій!
Носились знамена, какъ тѣни,
Вдали картечь визжала,
И ядрамъ пролетать мѣшала —
Гора кровавыхъ тѣлъ *).

Побѣдоносная французская армія разбилась тутъ о стойкость русскаго солдата. Французы отнимали у русскихъ укрѣпленія, но русскіе полки вновь врывались, опрокидывали французовъ и занимали окопы. Среди мертвыхъ тѣлъ, между раненыхъ и стонущихъ своихъ товарищей дрались солдаты. Гнулись и ломались штыки, въ щепы обращались приклады, не хватало патроновъ, зарядовъ, пороха. Ѣдкій пороховой дымъ туманомъ застилалъ поле, и въ этомъ туманѣ дрались послѣднимъ смертнымъ боемъ солдаты. Дрались за Москву!

Былъ первый часъ дня, и Наполеонъ выстраивалъ всю свою армію, чтобы обрушиться на русскіе полки, чтобы добить живыхъ. И у насъ готовились принять врага какъ слѣдуетъ, торопились устроить укрѣпленія, изъ мертвыхъ тѣлъ складывали закрытія, собирали патроны, чистили ружья, банили раскаленныя пушки.

---

*) Изъ стихотворенія М. Ю. Лермонтова «Бородино».

Но войска французскія медлили послѣднимъ ударомъ. Наполеонъ ускакалъ назадъ. Тревога показалась на лицахъ его генераловъ. Что случилось?

Въ тылу, какъ у себя дома, хозяйничали донскіе казаки Платова!..

Какъ только началось сраженіе, Платовъ съ нѣсколькими полками перешелъ въ бродъ рѣку Калочу, обогнулъ лѣвый флангъ французской позиціи и налетѣлъ сначала на какой-то французскій резервный батальонъ, разсѣялъ его, а потомъ казаки попали въ громадный обозъ великой арміи. И вотъ въ тылу застучали ружейные выстрѣлы, раздались крики о помощи, и вниманіе Наполеона въ самую важную минуту сраженія было отвлечено казаками.

Но, къ сожалѣнію, казаки не исполнили всего, что могли они сдѣлать, проникнувши въ тылъ французской позиціи. Бѣдные и оборванные, потерявшіе почти все свое обмундированіе за время отступленія, они, попавши въ обозъ, увлеклись грабежомъ. Вмѣсто того, чтобы ударить на резервные полки, захватывать съ тыла батареи, они, не слушая начальниковъ, разсыпались по повозкамъ, рылись въ сундукахъ, хватали мундиры, патроны, хлѣбъ, кули съ овсомъ. Какъ саранча нападаетъ на хлѣбное поле, такъ напали казаки на французскій обозъ. Забывши о томъ, что идетъ жестокій бой и рѣшается участь всей войны, голодные донцы дѣлили добычу, вьючили матеріи, набивали сумы продовольствіемъ и вещами; ихъ не останавливали.

Платовъ въ этотъ день былъ удрученъ потерями минувшихъ дней и мало распоряжался...

А между тѣмъ, каждая минута была дорога. Встревоженный Наполеонъ при первыхъ выстрѣлахъ въ тылу послалъ туда всю свою конницу. И она появилась передъ обозами тогда, когда казаки не успѣли еще устроиться, — и потому казаки живо разсыпались въ лаву и начали отходить.

Набѣгъ казаковъ Платова въ тылъ Бородинской позиціи Наполеона могъ бы сломить всѣ силы Наполеона и даровать намъ полную побѣду. Но этому помѣшала нѣкоторая жадность казаковъ. Едва увидали наши дѣды богатства Наполеоновскаго обоза, какъ забыли и цѣль, и назначеніе набѣга. Сильно раскаивались въ этомъ потомъ казаки, да было уже поздно: потеряннаго не вернешь.

Набѣгъ казачьихъ полковъ въ тылъ французовъ остановилъ на цѣлый часъ атаку на русскую позицію. За этотъ часъ защитники главной нашей батареи Раевскаго были подкрѣплены, и французская атака разбилась о твердость нашихъ войскъ. Четыре часа боролись на тѣсномъ полѣ. Четыре часа гремѣлъ и перекатывался бѣглый огонь по линіи

стрѣлковъ и съ музыкою и развернутыми знаменами ходили полки. Четыре часа орлы французскихъ знаменъ сталкивались съ русскими орлами и не могли ихъ одолѣть. Въ 6 часовъ вечера бой стихъ. Утомленные разошлись враги и заночевали на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ стояли и раньше. Мы не уступили врагу ни пяди земли...

На другой день войска отошли на $1^1/_2$ версты, а потомъ двинулись къ Москвѣ. 2 сентября, въ виду первопрестольной, въ маленькой деревушкѣ Фили собрался военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ рѣшено было пожертвовать Москвою, но спасти армію. Всѣмъ приказано было отступать за Москву.

Но еще раньше этого совѣта въ Филяхъ. 29 августа, атаманъ Платовъ въ почтовой бричкѣ помчался на Донъ—поднимать казаковъ на защиту Россіи отъ антихриста въ лицѣ Бонапарта!

— Родную дочь свою отдамъ замужъ за того казачишку, который возьметъ мнѣ въ плѣнъ Наполеона!—повторялъ разсерженный и разобиженный донской атаманъ.

3 сентября послѣдніе полки наши вышли изъ заставы и пошли по Рязанской дорогѣ, и въ этотъ же день Наполеонъ вступилъ въ Москву. Долго стоялъ онъ на Воробьевыхъ горахъ и, скрестивши руки, любовался Москвой. Горѣли на солнцѣ купола и кресты сорока сороковъ церквей, красиво высился Кремль, вся Москва, окутанная зеленью полей, играла передъ нимъ въ лучахъ утренняго солнца.

— Такъ вотъ онъ, этотъ священный городъ!—задумчиво сказалъ Наполеонъ.

Онъ ждалъ, что къ нему выйдутъ жители, что начальникъ города поднесетъ ему на бархатной подушкѣ ключи. Такъ было при взятіи имъ Вѣны, Берлина и другихъ городовъ. Но изъ Москвы никто не приходилъ. Онъ послалъ въ городъ поторопить, — ему донесли, что Москва пуста.

Жители бѣжали изъ Москвы, все, что можно было увезти—было увезено. Наполеонъ вошелъ въ покинутую жителями, разоренную Москву.

Онъ послалъ изъ Москвы императору Александру предложеніе о мирѣ.

— Я не положу оружія,—отвѣчалъ ему нашъ государь,—доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ!..

Москва начала горѣть. Таинственные люди поджигали ее со всѣхъ сторонъ. Французскіе разъѣзды ловили ихъ. Разстрѣливали... На мѣсто разстрѣлянныхъ являлись новые, и Москва продолжала горѣть. Въ арміи Наполеона началъ ощущаться недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Солдаты находили мебель, шелковыя матеріи, бархатъ, чай и сахаръ, но

не имѣли хлѣба, муки, мяса, овса и сѣна. Наполеонъ посылалъ партіи на розыски продовольствія въ окрестности, но на партіи эти нападали казаки, нападали вооруженные крестьяне, и онѣ или гибли, или возвращались съ пустыми руками.

Въ богатомъ городѣ армія Наполеона страдала отъ голода. Солдаты начинали не слушаться своихъ офицеровъ, и въ такъ страстно ожидаемой французами Москвѣ армія страдала больше. чѣмъ во время сраженій.

Какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ 1612 году, по призыву князя Пожарскаго и Минина поднялся старъ и младъ на защиту родины, такъ и теперь по слову Государеву вся Россія поднималась противъ французовъ. Дворяне за свой счетъ составляли, обмундировывали и снаряжали полки, готовились народныя ополченія.

Но особенно возмутился и вознегодовалъ тихій Донъ. Тамъ готовилось поголовное ополченіе казаковъ противъ Наполеона.

Смятеніе въ французскомъ войскѣ при появленіи казаковъ.

54. Поголовное ополченіе войска Донского.

1812 г.

Въ концѣ августа мѣсяца на Тихій Донъ прискакалъ атаманъ Платовъ. Сейчасъ же по всѣмъ станицамъ поѣхали гонцы. Собирали казаковъ на кругъ и объявляли имъ, что врагъ въ несмѣтномъ количествѣ пришелъ разорить Россію:

— Похваляется онъ, — говорили Платовскіе посланцы, — пройти Русь до самыхъ береговъ тихаго Дона. Если Богъ попуститъ врага осквернить своимъ присутствіемъ казачью землю, тогда не пощадитъ онъ ни женъ, ни дѣтей нашихъ, поругаетъ онъ храмы Господни, встревожитъ прахъ отцовъ нашихъ и смѣшаетъ горячую казачью кровь съ волнами тихаго Дона!..

Молча, съ опущенными головами, слушали казаки эту рѣчь. Слышались тихіе вздохи, иногда кто-нибудь творилъ крестное знаменіе.

— Атаманъ—продолжалъ гонецъ—призываетъ всѣхъ вѣрныхъ донцовъ стать на защиту Царя и Отечества!

— Скорѣе умремъ, но не выдадимъ Россію и тихій Донъ на поруганіе французамъ!—кричали казаки.

Весь Донъ шумѣлъ отъ казачьихъ голосовъ. Поднимались верхніе и нижніе юрты. Безъ царскаго указа, по одному слову своего атамана, и старые и молодые, и богатые и бѣдные становились подъ станичныя знамена. Шли люди давно уволенные въ отставку, шли единственные сыновья—опора всей семьи. Пустѣлъ Донъ. По станицамъ и хуторамъ оставались только немощные столѣтніе старики, да женщины, да малыя дѣти. Донъ весь пошелъ выручать свою мать—Россію.

Ой ты, батюшка нашъ, славный тихій Донъ!
Ты кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ!
Про тебя-то лежитъ слава добрая!
Слава добрая, рѣчь хорошая!
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь, все чистехонекъ,
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь.
Помутился ты, Донъ, сверху до низу!
Рѣчь возговоритъ славный тихій Донъ:—
Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть:
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ!
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ!

Донское дворянство выставило 1500 лошадей. Торговые казаки пожертвовали 100 тысячъ рублей на нужды поголовнаго донского ополченія. Каждый жертвовалъ еще, кто чѣмъ могъ. У кого было два сѣдла — отдавалъ сѣдло неимущему; помогали оружіемъ, одеждой. Въ самое короткое время было собрано 26 полковъ и снаряжено шесть орудій донской конной артиллеріи. Безъ дневокъ и безъ отдыховъ тронулись эти полки съ Дона и пошли, дѣлая по 60-ти верстъ въ день, на выручку русской арміи, къ Тарутинскому лагерю...

Казаки шли бодро и смѣло, готовые на подвигъ и на смерть.

— Одинъ разъ родила казака мати, говорили они,—одинъ разъ и умирати!..

—

Въ засадѣ. Мужики—партизаны. Зима 1812 года.
Съ картины В. Верещагина.

55. Изгнаніе французовъ изъ Россіи.

Москва догорала. Стоялъ конецъ сентября. По ночамъ было холодно и солдатамъ великой арміи Наполеона негдѣ было укрыться. Голодные и оборванные, они начали гибнуть отъ болѣзней. Между тѣмъ русская армія усиливалась ополченіями, бодрое настроеніе было въ русскихъ войскахъ. Всѣ желали наступленія на французовъ, жаждали побѣды и вѣрили въ нее...

Наполеонъ рѣшилъ отступать... И только вышелъ онъ изъ Москвы, какъ русскіе перешли въ наступленіе.

5 октября русская армія тронулась изъ Тарутина. Вечеромъ, шестью колоннами, двинулась она къ французскому авангарду Мюрата, стоявшему отдѣльно въ 60-ти верстахъ отъ главной арміи Наполеона. Въ

правой колоннѣ нашей шло десять казачьихъ полковъ подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова.

Всѣ эти колонны должны были одновременно на разсвѣтѣ подойти къ французскому лагерю и атаковать его. Ночь наступила темная, подулъ холодный сырой вѣтеръ; по грязнымъ дорогамъ пѣхота еле тянулась, пушки увязали, и только казачья колонна графа Орлова-Денисова къ назначенному часу пришла на мѣсто. Казаки вытянулись длинною лавою на опушкѣ густого ольховаго лѣса.

Свѣтало; вѣтеръ билъ голыми вѣтвями, срывая съ нихъ послѣдніе, бурые листья. Накрапывалъ мелкій дождь. Тревожно выжидая, ходилъ взадъ и впередъ Орловъ-Денисовъ. По времени пора было начинать. Но русскихъ колоннъ еще не было. Тихо спалъ въ сыромъ осеннемъ утрѣ французскій лагерь... Вотъ начали и въ немъ просыпаться. Показались кавалеристы. Они, безъ оружія и безъ сѣделъ, ѣхали съ лошадьми на водопой.

— Что же, начинать, что ли?—спрашивали казачьи полковники графа.

Орловъ-Денисовъ посматривалъ то на часы, то на востокъ, откуда должны были появиться пѣхотныя колонны. Но тамъ не было замѣтно никакого движенія.

— Ну, съ Богомъ!

Казаки сѣли на лошадей, оправились и... ги-ги!—сотня за сотней, какъ изъ мѣшка, полетѣли пятьдесятъ казачьихъ сотенъ на пробуждающійся бивакъ французской арміи. Весь лагерь лѣваго крыла и 38 орудій были отхвачены казаками. Казаки разсыпались по биваку, били отсталыхъ, хватали оружіе, вывозили пушки, поджигали зарядные ящики, всюду внося тревогу и безпокойство. Французы устраивались въ серединѣ, и въ это же время показалась первая русская колонна.

Кое-какъ устроившіеся кирасиры понеслись на казаковъ.

Бой разгорался по всей линіи. Мюратъ постепенно вводилъ свои полки; но русскіе тѣснили французовъ, и они начали отступать.

Сраженіе при Тарутинѣ рѣшило исходъ войны въ нашу пользу. Это было первое сраженіе со времени перехода французовъ черезъ Нѣманъ, гдѣ мы одержали полную побѣду. И эту побѣду русской арміи дали донскіе казаки. За время нахожденія Наполеона въ Москвѣ — его армія ослабѣла, наша же усилилась. Тарутинское сраженіе показало русскимъ, что французы уже не въ силахъ бороться съ нами, и сами французы это поняли и начали отступать.

Какъ при вступленіи Наполеона въ Русскую землю донцы насѣдали на французовъ и всюду тѣснили ихъ, такъ и теперь, при отходѣ врага донскіе казаки неустанно преслѣдовали его. Они навели панику и уны-

ніе на французскихъ начальниковъ. Вотъ что писали о нихъ въ это время лучшіе знатоки кавалерійскаго дѣла:

...«Казаки дѣлаютъ войну весьма опасною», — писалъ о донцахъ французъ *де-Бракъ*,—«и въ особенности для тѣхъ офицеровъ, которые назначены производить развѣдки. Многіе изъ нихъ, въ особенности офицеры генеральнаго штаба, довольствовались обыкновенно тѣмъ, что успѣвали узнать отъ мѣстныхъ жителей, и, изъ опасенія наткнуться на казаковъ, никогда не повѣряли на мѣстѣ этихъ показаній, а потому императоръ не могъ узнать того, что происходило въ непріятельскихъ войскахъ»...

Другой французъ, *генералъ Моранъ*, поражается лихостью и увертливостью донскихъ казаковъ.

...«Казаки, кидаясь въ атаку»,—пишетъ онъ,—«обыкновенно несутся маршъ маршемъ и хорошо останавливаются на этомъ аллюрѣ. Ихъ лошади много способствуютъ смѣлости и съ своими всадниками составляютъ какъ будто одно цѣлое. Эти люди, будучи осторожны, не требуютъ особыхъ попеченій о себѣ, отличаются необыкновенною стремительностью въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣдкою смѣлостью въ своихъ движеніяхъ.

«Какое великолѣпное зрѣлище представляла наша кавалерія, когда, блистая при лучахъ іюньскаго солнца золотомъ и сталью, пылая отвагою, она гордо развертывала свои стройныя линіи на берегахъ Нѣмана! Какія грустныя размышленія возбуждали эти перестроенія, утомлявшія только лошадей и оказавшіяся совершенно безполезными въ дѣлахъ съ тѣми самыми казаками, которые до сихъ поръ были презираемы всѣми, но которые такъ много сдѣлали для славы Россіи. Каждый день видѣли ихъ въ видѣ огромной завѣсы, покрывающей горизонтъ, отъ которой отдѣлялись смѣлые наѣздники и подъѣзжали къ самымъ нашимъ рядамъ. Мы развертываемся, смѣло кидаемся въ атаку и совершенно уже настигаемъ ихъ линіи, но они пропадаютъ какъ сонъ, и на мѣстѣ ихъ видны только голыя березы и сосны... По прошествіи часа, когда мы начинаемъ кормить лошадей, черная линія казаковъ снова показывается на горизонтѣ и снова угрожаетъ намъ своимъ нападеніемъ. Мы повторяемъ тотъ же маневръ и по-прежнему не имѣемъ успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ... Такимъ образомъ, одна изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ кавалерій, какую только когда-либо видѣли, утомлялась и приходила въ разстройство въ дѣлахъ съ тѣми людьми, которыхъ она постоянно считала недостойными себя, но которые, тѣмъ не менѣе, были истинными освободителями своего отечества!»...

...«Военная исторія представляетъ намъ много весьма поучительныхъ примѣровъ»—пишетъ англичанинъ *Поланъ*—«того превосходства

казаковъ надъ регулярною кавалеріею, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать и которое не должно забывать».

Такую славу пріобрѣли себѣ донскіе казаки въ это тяжелое боевое время.

Въ полкахъ Наполеоновскихъ уже не было ни порядка, ни дисциплины. Съ этого дня казаки насѣли на армію Наполеона, какъ надоѣдливыя мухи, и гнали и преслѣдовали ее, не давая отдыха.

13 октября, рано утромъ, Наполеонъ отправился верхомъ съ конвоемъ и съ генералами Раппомъ и Коленкуромъ осмотрѣть мѣсто бывшаго 12 октября подъ Малоярославцемъ сраженія. Они не отъѣхали и версты отъ бивака своей гвардіи, какъ увидали у деревни Городни выходящую изъ лѣса стройную колонну. Люди ѣхали, равняясь въ отдѣленіяхъ, начальники были впереди частей. Наполеонъ ѣхалъ спокойно. Онъ думалъ, что это идетъ французская конница. Но вдругъ его спутники замѣтили, что колонны выстраиваютъ фронтъ, размыкаются по полю. Показались зловѣщія пики.

— Государь! Это казаки!—въ испугѣ воскликнулъ Коленкуръ.

— Не можетъ быть,—сказалъ Наполеонъ.

Казаки, между тѣмъ, уже неслись къ дорогѣ.

Дѣло у Городни. Атака донцовъ на Наполеона. 1812 года.

Остатки арміи Наполеона.

Рапъ схватилъ подъ уздцы лошадь Наполеона и насильно поворотилъ ее назадъ.

— Да это наши,—увѣряю васъ,—снова сказалъ Наполеонъ. Ему не вѣрилось, чтобы казаки могли быть въ серединѣ его войскъ. подлѣ самаго его императорскаго лагеря.

— Это казаки! Медлить нельзя, государь!—проговорилъ Рапъ.

— Точно, это они!

Наполеонъ выхватилъ шпагу и помчался къ лагерю, приказавъ своему конвою встрѣтить казаковъ.

Казаки разметали конвой, схватили бы и самого Наполеона, если бы Платовъ не увидалъ стоящій въ сторонѣ артиллерійскій бивакъ и не направилъ свои полки на него. Казаки взяли 40 орудій гвардейской артиллеріи, 11 они успѣли увезти, а 29 испортили, такъ какъ были атакованы гвардейской конницей подъ командою маршала Бессьера.

Съ первыхъ дней ноября мѣсяца начались морозы и посыпалъ снѣгъ. Наполеонъ со своею арміею проходилъ теперь тѣмъ же путемъ, которымъ онъ шелъ и на Москву, и который былъ разоренъ русскими. Нигдѣ нельзя было найти ни продовольствія, ни фуража. Жестокая стужа увеличивала страданія французовъ. Они отмораживали руки и ноги, падали

въ глубокомъ снѣгу и замерзали. Казаки находили цѣлые биваки замерзшихъ людей. Прогнавши разъ небольшую кучу французовъ, сидѣвшихъ у костра, казаки нашли въ котлѣ человѣческое мясо! Полки и батареи бросали оружіе и сдавались передъ маленькимъ казачьимъ разъѣздомъ.

И опять всѣ труды, всѣ ужасы голодныхъ морозныхъ бивуаковъ, которые приходилось испытывать французамъ, испытывали и казаки. Они также отмораживали себѣ руки и ноги, также стыли на своихъ лошадяхъ, умирали отъ холода. Полки таяли. Въ тысячномъ Атаманскомъ полку оставалось только полтораста человѣкъ; но эти полтораста неутомимо гнали Наполеона!

Эту полузамерзшую французскую армію со всѣхъ сторонъ окружили маленькіе отряды, дѣйствовавшіе сами по себѣ и уничтожавшіе, гдѣ только можно, французовъ. Отряды эти назывались *партизанскими* отрядами. Руководили ими отчаянные люди — Денисъ Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ и другіе. Они состояли изъ гусаръ и охотниковъ изъ мужиковъ, но каждому изъ нихъ была придана гдѣ сотня, а гдѣ и болѣе казаковъ, и донцы работали вмѣстѣ съ партизанами, въ связи съ ними.

Плѣнныхъ уже не считали и не брали. Отъ нихъ отбирали оружіе и предоставляли имъ идти, куда глаза глядятъ. Они все равно погибали. Подъ напоромъ казачьихъ сотенъ сдавались генералы и маршалы. Казаки отбирали назадъ обозы, нагруженные богатой добычей, набранной французами въ Москвѣ. Среди этой добычи донцы находили священные сосуды изъ церквей, серебряныя ризы, содранныя со святыхъ иконъ. Бережно собирали все это наши дѣды. Они не продавали серебра никому. Однажды донской казакъ подъѣхалъ къ гвардейскому корпусу и продавалъ разныя вещи, отнятыя у французовъ. Тутъ были часы, кольца, табакерки, пистолеты, сабли. Покупатель, чиновникъ Литовскаго полка Щегловъ, увидалъ у казака большой и тяжелый мѣшокъ, висѣвшій поперекъ холки его лошади.

— А тутъ у тебя нѣтъ ли чего продажнаго, станичникъ?—спросилъ онъ у казака.

— Нѣтъ, это церковное серебро. Я обѣщалъ пожертвовать его въ какую-нибудь церковь. Боже сохрани, чтобы я пользовался хотя однимъ золотникомъ.

— Отдай тогда на нашу церковь,—сказалъ ему чиновникъ.

— Это ладно. Бери!

Казакъ снялъ тяжелый мѣшокъ съ сѣдла и передалъ его чиновнику, а потомъ беззаботно свистнулъ и уѣхалъ, не назвавши даже своего имени.

Уже съ октября начались жестокіе морозы. Рѣки неслись холодныя, темныя, покрытыя льдинами. Мосты были снесены осеннимъ ледоходомъ,

или испорчены жителями. *28 октября* отрядъ итальянцевъ подъ командою вице-короля подошелъ къ рѣкѣ *Вопи* и не нашелъ моста. Пришлось проходить по поясъ въ водѣ. Берега были круты и обледенѣли, люди скатывались въ воду, ушибались о замерзшую землю и тонули. Хотѣли строить мостъ, но подъ руками не было готоваго лѣса, а ѣхать собирать лѣсъ побоялись — казаки насѣдали. Суетно и торопливо шла переправа. Въ туманной дали короткаго сѣраго осенняго дня слышались частые выстрѣлы. Итальянцы торопились переправлять пушки, но дно рѣки было вязкое и пушки застрѣвали. Между тѣмъ выстрѣлы становились слышнѣе: казаки приближались. Тогда, въ отчаяніи, итальянцы бросили обозъ и пушки и торопливо перешли рѣку. Казаки захватили здѣсь весь обозъ, 23 пушки и 2.000 плѣнныхъ.

Тяжелый бивакъ предстоялъ Итальянскому корпусу. Дулъ пронизывающій холодный вѣтеръ и задувалъ костры. Измокшимъ на переправѣ итальянскимъ солдатамъ негдѣ было обсушиться и согрѣться. Въ ближайшемъ селеніи Духовщинѣ стояло два казачьихъ полка генерала Иловайскаго 12-го. Итальянцы гибли на своемъ холодномъ бивакѣ, падали въ тяжеломъ бреду и умирали.

На утро 29-го числа вице-король Итальянскій со всею арміею тронулся къ *Духовщинѣ* и заставилъ Иловайскаго очистить деревню, но къ Иловайскому подошелъ Платовъ они насѣли на вице-короля, уничтожили его конницу, забрали остальныя пушки и 1 ноября вогнали въ *Смоленскъ* безъ конницы и съ 12-ю только пушками.

За эти дѣла подъ Вопью и Смоленскомъ Платовъ былъ пожалованъ въ графское достоинство.

Французская конница гибла подъ ударами казаковъ. Отощавшія отъ безкормицы лошади, не имѣвшія хорошей ковки, отказывались идти по обледенѣлымъ дорогамъ. Люди выбивались изъ силъ, погоняя ихъ. Они отставали отъ своей пѣхоты и гибли подъ ударами казаковъ.

Безъ конницы французская армія была какъ безъ глазъ и безъ ушей. Ни на одномъ бивакѣ не было спокойствія, и измученные дневнымъ маршемъ люди не имѣли отдыха ночью. Имъ снились казаки.

3 ноября подъ городомъ Краснымъ наша армія насѣла на французовъ и заставила ихъ бѣжать. Ночью послѣ сраженія никто не спалъ. Въ мѣстечкѣ *Лядахъ* двѣ сотни казаковъ съ крестьянами заставили всю армію провести ночь подъ ружьемъ...

7 ноября остатки Наполеоновской арміи прибыли въ г. Оршу. Изъ полутораста тысячъ, выступившихъ изъ Москвы, сюда дошло едва 30.000. Да и эти тридцать тысячъ уже не могли называться солдатами. Это были оборванцы, на половину безоружные и больные, неспособные къ

Отступленіе арміи Наполеона изъ Россіи.

сопротивленію. Въ такой видъ привели ихъ боевыя невзгоды и постоянныя нападенія казаковъ.

Графъ Платовъ преслѣдовалъ наиболѣе стойкаго и мужественнаго генерала Наполеоновской арміи, маршала Нея. 5 ноября Платовъ вошелъ въ Смоленскъ, изъ котораго только-что вышелъ Ней. Оставивши въ Смоленскѣ 20-й егерскій полкъ и сотню казаковъ, самъ Платовъ бросился преслѣдовать по обѣимъ сторонамъ Днѣпра уходившаго Нея.

Сотникъ Наркинъ, шедшій въ авангардѣ отряда генералъ-маіора Денисова, скоро нашелъ 112 орудій, брошенныхъ французами на большой дорогѣ, въ 17-ти верстахъ отъ Смоленска.

Атаманъ съ 12-ю полками шелъ по глубокому снѣгу, по узкимъ дорогамъ, а мѣстами прямо полями, пересѣченными канавами, наперерѣзъ самому маршалу Нею. Лошади проваливались въ снѣжныхъ сугробахъ, падали въ запорошенныя снѣгомъ канавы, но шли впередъ.

Ней велъ свои полки въ густыхъ колоннахъ по самому берегу Днѣпра. Вправо и влѣво отъ колоннъ были высланы стрѣлковыя цѣпи. Недалеко отъ села *Гусинаго* на полянѣ между двумя лѣсами Платовъ нагналъ Нея, обстрѣлялъ его изъ пушекъ и отхватилъ часть колонны.

Отъѣздъ Наполеона изъ Россіи 23 ноября 1812 года.

Въ то же время часть казаковъ, съ пушками, съ невѣроятными усиліями пробилась сквозь густой лѣсъ и вышла наперерѣзъ французовъ. Произошла страшная схватка. Французы, надѣявшіеся спастись въ лѣсу, были встрѣчены оттуда картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Солдаты, бросая ружья, бѣжали въ разныя стороны. Ней на крестьянской лошади кинулся къ нимъ.

— Солдаты! — громовымъ голосомъ кричалъ онъ, — неужели вы предпочтете постыдный плѣнъ славной смерти за императора и Францію!?

И изнемогшіе солдаты послушали своего маршала. Они устроили колонну и бросились къ лѣсу. Но Платовъ уже вывелъ оттуда казаковъ.

Французы вошли въ дремучій лѣсъ, съ трудомъ прошли черезъ него, побросавши ранцы, и лишь далеко за полночь дошли до села Дубровны. Но на разсвѣтѣ передъ ними опять явился Платовъ и выгналъ ихъ изъ Дубровны...

Только 8 ноября Ней пѣшкомъ дошелъ съ остатками своихъ войскъ до города Орши и здѣсь соединился съ Наполеоновыми войсками.

12 ноября Наполеонъ съ остатками своей арміи началъ переправляться черезъ Березину. Платовъ шелъ за нимъ по пятамъ.

23 ноября Наполеонъ оставилъ армію и, подъ именемъ Коленкура, въ почтовой каретѣ уѣхалъ въ Парижъ. Теперь бѣгущую французскую армію прикрывалъ мужественный Ней.

Онъ шелъ такъ быстро, что наша армія не поспѣвала за нимъ.

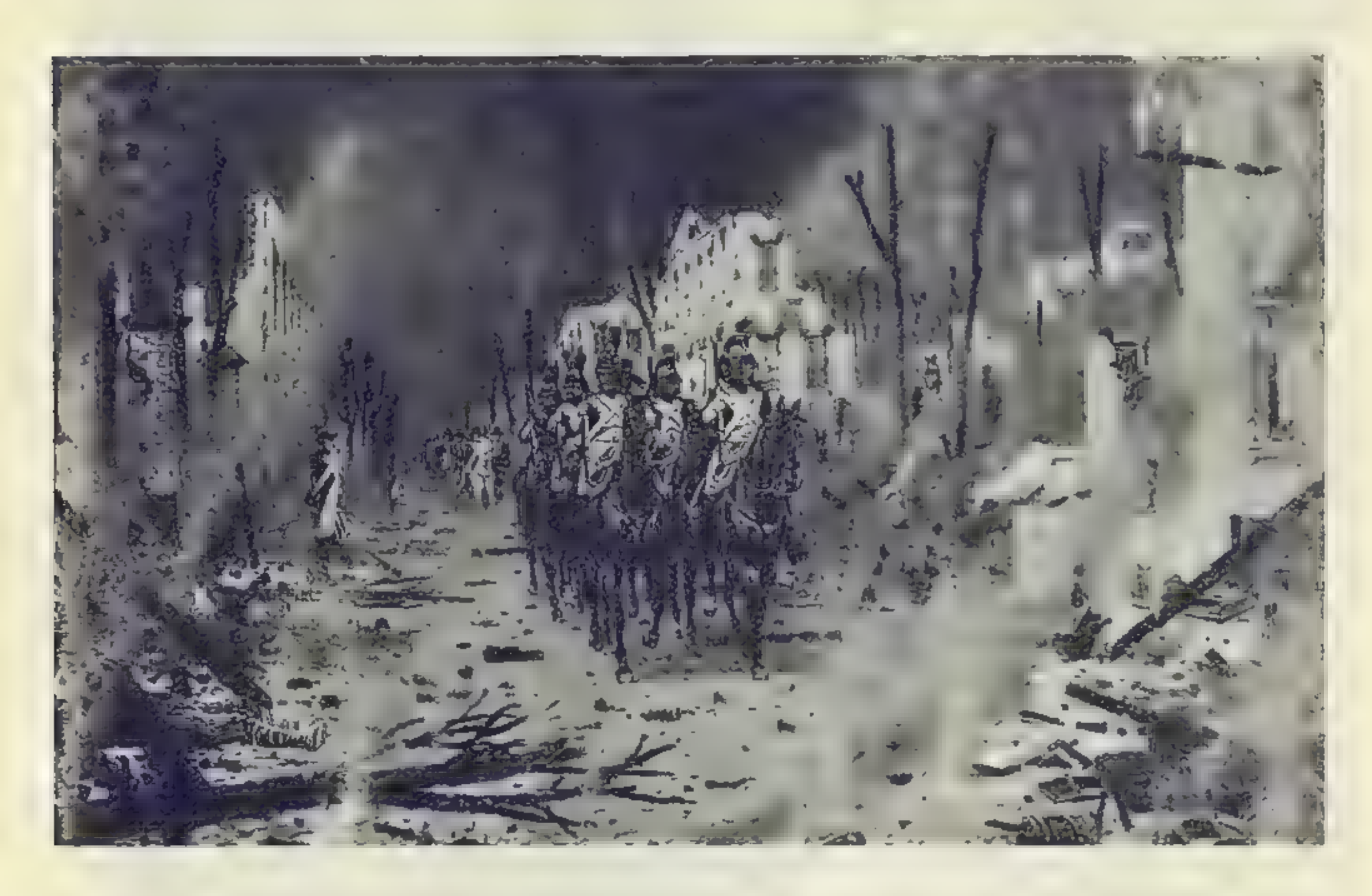

Штурмъ Измаила.

Его преслѣдовалъ только Платовъ съ конными полками и донскими пушками, поставленными на полозья.

29 ноября самъ маршалъ взялъ ружье и съ нѣсколькими солдатами пошелъ отражать натискъ казаковъ. Его солдаты разбѣжались, и маршалъ Ней не былъ взятъ въ плѣнъ только потому, что никто изъ казаковъ не призналъ его за перваго генерала Наполеона: такъ плохо онъ былъ одѣтъ.

Какъ толпа оборванныхъ нищихъ, голодная и обмерзшая шла армія Наполеона. Ней еще пытался обороняться въ Ковно, гдѣ были

Наполеонъ объѣзжаетъ пылающую Москву въ сентябрѣ 1812 г.
Съ картины В. Верещагина.

пушки и свѣжія нѣмецкія войска. Но нѣмцы при приближеніи русскихъ войскъ перепились и разбѣжались. Ней пытался съ горстью храбрецовъ удержать русскія войска, но казаки обошли Ковно, и Ней съ 200 гренадеръ старой императорской гвардіи спасся въ лѣсу... Послѣдніе остатки французской арміи перешли черезъ Нѣманъ.

Ни одного француза не было на Русской землѣ. Это было передъ Рождествомъ. И съ той поры, на всенощной въ Рождественскій сочельникъ во всѣхъ церквахъ поютъ торжественную молитву: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» Этимъ вспоминаютъ освобожденіе Россіи отъ Наполеоновыхъ полчищъ.

Казачій корпусъ Платова остановился на берегахъ рѣки Нѣмана, тамъ, гдѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ началъ свои дѣйствія. Командиры полковъ здѣсь приводили въ порядокъ лошадей, снаряженіе, пополняли ряды, считали добычу.

Велика была эта добыча, отнятая казаками графа Платова въ 1812 году!

За шесть мѣсяцевъ борьбы съ Наполеономъ донскіе казаки истребили болѣе 18.000 французовъ, взяли въ плѣнъ 10 генераловъ, 1.047 штабъ и оберъ-офицеровъ и около 40.000 нижнихъ чиновъ. Знаменъ отбито 15, пушекъ 364 и 1.066 зарядныхъ ящиковъ.

Громадное количество серебра казаки сдали Кутузову для пожертвованія на церкви.

Въ Казанскомъ соборѣ въ Санктъ-Петербургѣ сдѣлана изъ этого серебра тяжелая рѣшетка вдоль главнаго амвона храма. На этой рѣшеткѣ есть только скромная надпись: «*усердное приношеніе войска Донского*». Въ рѣшеткѣ этой 40 пудовъ вѣса.

Кромѣ того, Платовъ передалъ 10 пудовъ серебра и 20.000 рублей на возобновленіе ограбленныхъ французами храмовъ Донского монастыря въ Москвѣ...

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ нашей арміи прибылъ императоръ Александръ I и приказалъ войскамъ переходить черезъ Нѣманъ и преслѣдовать французовъ за границей.

Начинался заграничный походъ казаковъ.

Бивакъ казаковъ въ Гамбургѣ въ 1813 году.
(По рисунку того времени, сдѣланному Гамбургскимъ нѣмцемъ Хр. Зуръ).

56. Лейпцигъ. Феръ-Шампенуазъ. Намуръ. Парижъ.

1813—1814 гг.

Въ началѣ заграничнаго похода графъ Платовъ былъ отозванъ въ главную квартиру государя императора, и донскіе полки распредѣлены по корпусамъ. Въ февралѣ 1813 года генералъ Чернышевъ составилъ летучій отрядъ изъ шести казачьихъ полковъ, шести эскадроновъ гусаръ и драгунъ и бросился къ Берлину, столицѣ Прусскаго королевства, занятому французами. Русскихъ тамъ совсѣмъ не ожидали. Чернышевъ отдалъ распоряженіе о медленномъ, осторожномъ и постепенномъ занятіи Берлина, но когда полкъ Киселева подошелъ къ воротамъ, оттуда выѣхало тридцать французскихъ всадниковъ. Казаки съ мѣста въ карьеръ кинулись на нихъ, вогнали ихъ въ городъ и влетѣли за ними въ ворота. За полкомъ Киселева вскочилъ и полкъ Власова, а за ними и Чернышевъ. Казаки промчались по улицамъ Берлина и выскочили на рѣку

Шпрее, протекающую черезъ Берлинъ. Всѣ мосты черезъ рѣку были сломаны, кромѣ одного каменнаго. На этомъ мосту стояла батарея изъ шести пушекъ. Подъ выстрѣлами французской пѣхоты казаки пронеслись по всѣмъ улицамъ Берлина и потомъ ушли, по приказанію Чернышева, изъ города, наведя ужасъ на весь французскій отрядъ.

Русскія войска шагъ за шагомъ подавались въ глубь Германіи. Оставленные въ Нѣмецкой землѣ полки французскіе не могли противостоять нашимъ и отступали. Наполеонъ требовалъ подкрѣпленій изъ Франціи, собиралъ войска, готовясь перейти въ наступленіе на русскихъ и однимъ ударомъ покончить съ императоромъ Александромъ и его союзникомъ, Прусскимъ королемъ.

Къ осени 1813 года онъ собралъ громадную армію, силою въ 130.000 человѣкъ, и рѣшилъ подъ городомъ Лейпцигомъ атаковать союзныя войска. Но у союзниковъ собрались тоже большія силы, до 280.000 человѣкъ. Это сраженіе должно было рѣшить войну.

Утромъ *4 октября* союзныя русско-нѣмецкія войска атаковали французовъ. Наполеонъ отбилъ всѣ атаки, собралъ 100 эскадроновъ кавалеріи, массу, около 8.000, закованныхъ въ стальныя латы всадниковъ и послалъ ихъ на русскія войска. Подъ страшною силою конной атаки до послѣдняго человѣка погибъ цѣлый батальонъ Кременчугскаго пѣхотнаго полка, въ артиллерійской ротѣ графа Аракчеева вся прислуга была изрублена тяжелыми палашами и орудія захвачены французами. Стремительнымъ потокомъ, все сокрушая подъ страшными ударами сабель и палашей, неслась французская конница. Она прорвала линіи 2-го пѣхотнаго корпуса и внезапно появилась у селенія Госсы, тамъ, гдѣ стоялъ, окруженный свитой, государь императоръ Александръ I.

Несмотря на страшную опасность, императоръ Александръ продолжалъ стоять у деревни Госсы. Онъ смотрѣлъ на опрокинутыя войска и на поддержку, которая шла къ нимъ. Между тѣмъ, непріятельская конница была совсѣмъ близко... Еще мгновеніе—и русскій царь былъ бы въ плѣну.

Выручили его, спасли, заслонили своею грудью, да мало того, что заслонили, но прогнали и уничтожили и самую конницу французскую наши лейбъ-казаки.

Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ стоялъ тутъ же у подошвы холма, на которомъ былъ императоръ. Всѣ походы лейбъ-казаки сопровождали своего государя, составляя его почетный конвой. Лейбъ-казакамъ, заслоненнымъ отъ поля холмомъ, не было видно, что такое произошло, но по суматохѣ, по тому, что въ свитѣ государевой началась суета—они чувствовали, что что-то неладно. Имъ было видно, какъ государь, подо-

Казаки въ Берлинѣ въ 1813 году.
(Съ картины того времени, рисованной нѣмцами).

звалъ къ себѣ стоявшаго позади царской свиты ихъ командира, графа Орлова-Денисова, отдалъ ему какое-то приказаніе и Орловъ на своемъ рыжемъ конѣ помчался куда-то назадъ и скрылся изъ вида. И казаки догадались, что государь потребовалъ резервы.

Вдругъ раздались изъ свиты встревоженные голоса:

— Позвать полковника Ефремова!..

— Полковника Ефремова къ государю!

Ефремовъ былъ старшимъ послѣ Орлова-Денисова и стоялъ передъ полкомъ. Въ одну минуту Ефремовъ былъ подлѣ государя. Государь сказалъ ему что-то, и сейчасъ же Ефремовъ обернулъ свою лошадь и скомандовалъ:

— Полкъ! Отдѣленіями по четыре направо! заѣзжай, рысью, — маршъ! За мной!

И онъ понесся впередъ, не ожидая полка.

— Не отставай отъ командира!—крикнулъ кто-то въ рядахъ, и казаки ударили шпорами своихъ лошадей и пустили ихъ въ карьеръ. И сейчасъ же они попали въ топкій болотистый ручей, который нельзя было обскакать. Началась суматоха. Плотина узкая, вдвоемъ не проскачешь,— скакать по одному—длинная исторія.

Эскадроны разсыпались по берегу, точно табунъ лошадей, пригнанный къ водопою. Вдругъ кто-то крикнулъ:—пошелъ!—и казаки, кто гдѣ стоялъ, кинулись напрямикъ: кто пробирался по мосту, кто плылъ, кто, забравшись въ тину, барахтался въ ней по самое брюхо лошади. И вотъ лейбъ-эскадронъ уже на томъ берегу, за нимъ выбираются и остальные. Странное зрѣлище увидали лейбъ-казаки. Нашихъ гонятъ... французскіе латники совсѣмъ близко къ государю.

— Эскадронъ! благословляю! — крикнулъ Ефремовъ и, поднявъ обнаженную саблю, сдѣлалъ ею крестное знаменіе.

Казаки схватили наперевѣсъ свои дротики, гикнули и ринулись на латниковъ.

Лихой вахмистръ лейбъ-эскадрона Тимофей Ивановичъ Першиковъ, казакъ Казанской станицы, скакалъ и въ это время раздумывалъ—на кого ему напасть? «Дай»—думаетъ, «ссажу французскаго генерала». Намѣтилъ онъ его, вырвался изъ фронта и понесся. Генералъ повернулъ коня и пошелъ навстрѣчу лейбъ-казачьему вахмистру легкимъ галопомъ. Весь онъ закованъ въ латы, сверкаетъ на немъ мѣдь и сталь, въ рукахъ у него огромный палашъ. И понялъ вахмистръ, что генералъ французскій не новичекъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ, ведетъ коня прямо въ разрѣзъ и норовитъ ударить грудью своей большой лошади въ бокъ донскому мерину; ударь онъ такъ, и казакъ три раза бы перевернулся кубаремъ. И рѣшилъ казакъ хитростью обойти француза такъ, какъ его учили дѣды. Конь у него былъ добрый, голоса его слушалъ. Доморощенный конь, изъ отцовскаго табуна. Чуть только поровнялся Першиковъ съ французомъ, мотнулъ своего коня въ сторону, да какъ крикнетъ—тпру!—конь и уперся въ землю всѣми четырьмя ногами. Въ ту же минуту Першиковъ отнесъ пику въ сторону, да какъ махнетъ ею наотмашь—угодилъ генералу прямо подъ девятое ребро, пика просадила его насквозь. Упалъ онъ отъ такого молодецкаго удара вмѣстѣ съ конемъ, схватился за древко обѣими руками и чуть не стянулъ Перши-

Лейпцигъ. 4 октября 1813 г.

кова съ лошади. Уперся Першиковъ въ стремя лѣвою ногою, встряхнулъ француза на пикѣ, что было силы, да такъ рванулъ его, что чуть и самъ изъ сѣдла не вылетѣлъ. Французъ тутъ же и померъ.

Все это случилось такъ быстро:—глазомъ моргнуть... Эскадронъ, между тѣмъ, уже врѣзался въ ряды французовъ съ такимъ гикомъ, гамомъ и ревомъ, что французы сразу оробѣли, да какъ загалдятъ между собою—и давай Богъ ноги. Лейбъ-казаки за ними—и очутились въ самой серединѣ ихъ конницы. Врѣзаться-то лейбъ-казаки врѣзались, а справиться и не могутъ, стоятъ передъ ними кирасиры, какъ мѣдная стѣна.

Казаки на главной улицѣ Берлина „Подъ липами".
Очень старинный нѣмецкій рисунокъ.

— Коли его въ пузо, да подъ мышки!—крикнулъ Ефремовъ.

Пошли работать казаки!.. Першиковъ первый толкнулъ пикой въ морду французской лошади, по мундштуку, она взвилась на дыбы, поддала задомъ и французъ грохнулся о земь, только латы звякнули. Тогда пошли казаки шпырять лошадей, кто въ морду, кто въ ноздри, кто въ ухо,—лошади взбѣсились, начали прядать одна на другую, стали бить задомъ и передомъ, французамъ уже стало не до того, чтобы рубить, дай Богъ въ сѣдлѣ усидѣть... И пошла у нихъ каша! Давятъ другъ друга, топчутъ... А тутъ и наши подоспѣли. Налетѣла гвардейская кавалерія подъ командою генерала Шевича, ударили пушки конной артиллеріи, съ другого фланга на французовъ наскочили нѣмецкіе полки—кирасирскій и драгунскій. Французы бросились назадъ. Лейбъ-казаки за ними... Поработала тутъ донская пика! Командиры сами записались въ чернорабочіе, знай колютъ и рубятъ! Иной казакъ собьетъ пикою съ француза каску, тотъ спрячетъ голову, согнется, выставитъ задъ, на заду-то латъ у него нѣтъ, и казакъ такъ и просадитъ его пикою до самыхъ плечъ, подыметъ пику, а кирасиръ у него на пикѣ, какъ турокъ на колу! Много поломали въ тотъ памятный день лейбъ-казаки пикъ.

Они гнали французовъ до самой пѣхоты. Разсвирѣпѣли страшно. Спасаясь отъ донскихъ пикъ, французы не попали въ интервалы своей пѣхоты и помяли ея ряды. Только выѣхавшая навстрѣчу лейбъ-казачьему полку батарея картечью и остановила ихъ. Лейбъ-казаки выскочили изъ-подъ картечнаго огня и пошли шагомъ. Никто ихъ не преслѣдовалъ.

Тихо возвращались эскадроны съ мѣста страшнаго побоища; многихъ лошадей вели за полкомъ въ поводу; казаки, у которыхъ лошади были ранены, шли рядомъ. Полковникъ Чеботаревъ и 18 казаковъ были убиты, поручики Орловъ 2 и Безкровный, корнетъ Николаевъ и 31 казакъ были ранены...

Не веселые шли казаки. Вдругъ въ лейбъ-эскадронѣ казаки заговорили:—«давай, братцы, пѣсню споемъ!»

Першиковъ, у котораго все лицо было разсѣчено въ схваткѣ концомъ кирасирскаго палаша, подъѣхалъ къ своему эскадронному командиру и говоритъ:

— Дозвольте, ваше высокоблагородіе, казакамъ пѣсню сыграть...

— Нельзя, братцы,—задумчиво проговорилъ командиръ, -видишь, царь смотритъ!

— Тѣмъ лучше, что смотритъ,—бойко отвѣчалъ вахмистръ,—онъ самъ послалъ насъ на латниковъ и его же молитвами мы возвращаемся живы и невредимы.

— А это что?—сказалъ командиръ, указывая на щеку вахмистра, разсѣченную палашомъ. Вахмистръ провелъ рукою по щекѣ, посмотрѣлъ на кровь и отвѣчалъ серьезно:

— Это пустяки, ваше высокоблагородіе. А вотъ что я доложу вамъ: намъ дѣдами и отцами данъ великій завѣтъ—не только быть тѣлохранителями царя, а и веселить его душу и сердце!

— Валяй!—улыбаясь сказалъ командиръ.

Вихремъ вынеслись пѣсенники, и на полѣ, усѣянномъ трупами кирасиръ, грянула разудалая пѣсня:

„Во лузяхъ, во зеленыхъ во лузяхъ“...

Хору вторилъ мѣдный рожокъ, звенѣли тарелки, гудѣла волынка.

Ефремовъ ѣхалъ передъ пѣсенниками и, понуривъ голову, задумчиво говорилъ:—хорошо! хорошо!..

— А откуда они волынку достали?—спросилъ онъ у эскадроннаго командира.

— А тутъ у нѣмца купили. Ну, да и волынка жъ попалась славная: гудитъ, точно нашей побѣдѣ радуется.

Атаманъ Платовъ на походѣ.

(Съ рисунка, сдѣланнаго въ 1813 году).

А вотъ и плотина. За нею, на холмѣ, по-прежнему видна была величавая фигура государя императора, священную особу котораго охраняли лейбъ-казаки. Онъ все видѣлъ. Онъ видѣлъ и большое зеленое поле, истоптанное лошадьми, залитое кровью, покрытое тѣлами казаковъ и кирасиръ. Въ братскихъ объятіяхъ смерти лежали они, положившіе душу свою за други своя...

Казаки подтянулись и молодцевато прошли мимо своего обожаемаго государя. Ихъ потныя лошади были залиты грязью и кровью, ихъ алыя куртки разорваны и загрязнены, и руки и лица были въ крови. Многіе были блѣдны отъ полученныхъ ранъ, но восторгомъ горѣли ихъ лица, и молодцами прошли мимо своего государя лейбъ-казаки, только что сокрушившіе мощнымъ натискомъ французскую конницу.

Ефремовъ подскакалъ къ государю. Когда онъ возвращался, острый глазъ лейбъ-казака явственно различилъ на шеѣ его что-то бѣлое. И, когда онъ подъѣхалъ ближе, всѣ ясно увидали, что это былъ Георгіевскій крестъ 3-й степени. Ефремовъ получилъ его изъ рукъ самого государя на полѣ сраженія.

И загремѣло по счастливымъ рядамъ лейбъ-казаковъ неудержимое, величественное ура! Стихло оно, и Ефремовъ сказалъ своимъ удалымъ лейбъ-казакамъ:

— Полкъ! Государь благодаритъ всѣхъ васъ за вашъ нынѣшній славный подвигъ. Онъ мнѣ сказалъ, что всѣми вами доволенъ въ душѣ своей и въ сердцѣ; благодаритъ Бога, что вы изъ страшнаго, смертнаго боя возвратились съ ничтожною потерею, молитъ Его, чтобы вы и въ будущихъ вашихъ подвигахъ были такъ же счастливы, какъ сегодня!..

И опять ура!

Славная атака лейбъ-казаковъ подъ Лейпцигомъ навсегда запечатлѣна въ памяти полка. Въ 1832 году полковой праздникъ полку былъ установленъ на 4-е октября. Въ этотъ день лейбъ-казаки вспоминаютъ великій день славной побѣды своей надъ французами.

Блестящей атакой лейбъ-казаковъ, поддержанной гвардейской конницей, побѣда рѣшилась въ нашу пользу. 5-го и 6-го октября еще были бои, но въ послѣдней своей атакѣ, вечеромъ 6-го октября, французы были разбиты и отступили...

Ихъ опять погнали казаки. Теперь Платовъ былъ снова во главѣ ихъ. Всю холодную зиму преслѣдовали донцы отступавшую французскую армію. Они шли по чужой сторонѣ. И зима была здѣсь чужая, безъ снѣга. Дожди смѣнялись морозами, и опять были дожди. Тяжело отзывалась такая зима на казачьихъ лошадяхъ. Въ ту пору и пѣсня сложилась:

Привалъ донскихъ казаковъ въ Германіи.

На рынкѣ то было на рыночкѣ,
На желтенькомъ песочкѣ
Тамъ сидятъ два братца родимые,
Сидятъ то ружья чистятъ,
Изъ ружейца ржаву вычищаютъ,
Французскую сторону проклинаютъ:
„Французская зима, она студеная!
Перевела много казачьихъ полковъ,
Познобила-то она табунъ коней!
Жаль-то мнѣ, жаль одну лошадь:
Какъ по гребню эта лошадь пробѣгала,
Копытомъ она огонь вырубала,
Волновитымъ хвостомъ огонь раздувала!“

Имѣя впереди себя самого государя императора, армія наша бодро и смѣло подвигалась къ столицѣ Французской земли—городу Парижу.

Вечеромъ, *13 марта 1814 года,* государь императоръ остановился на почлегъ недалеко отъ Парижа, въ мѣстечкѣ *Феръ Шампенуазъ.* Только-что расположились на почлегъ, какъ раздались ружейные вы-

стрѣлы и показалась пѣхота. Государь приказалъ своему конвою—лейбъ-казакамъ атаковать ихъ. Французы живо построили каре и начали стрѣлять залпами по лейбъ-казакамъ. Но это не остановило лейбъ-казаковъ. Они налетѣли на ощетинившееся штыками каре и въ одну минуту смяли его. Французы бросали оружіе и просили пощады, а кто защищался—попадалъ подъ пики лейбъ-казаковъ.

Часть французовъ наскочила на нашу батарею. Тогда лейбъ-казаки подъ командою полковника Ефремова и ротмистра Орлова пробились къ батареѣ, и Ефремовъ, несмотря на то, что былъ раненъ штыкомъ въ голову, сражался до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли наши гусары и пѣхота.

Между тѣмъ графъ Платовъ продолжалъ также дѣйствовать со своими казаками. *4 февраля 1814 года* онъ подошелъ къ сильно укрѣпленному городу *Намуру*. Съ нимъ были только казаки. Подойдя къ Намуру, Платовъ послалъ переговорщика и потребовалъ сдачи города. Но комендантъ города отвѣтилъ:—«рвы наполнятся трупами, рѣка обагрится кровью, а города не сдамъ! Храбрость и рѣшительность французовъ всѣмъ извѣстны!»

Получивъ такой отвѣтъ, Платовъ приступилъ къ правильной осадѣ города. Спѣшивши казачьи полки, онъ расположилъ лошадей сзади. орудія донской артиллеріи поставилъ на позицію и сталъ бомбардировать городъ. Удачными выстрѣлами казачьихъ пушекъ два орудія въ крѣпости были подбиты и много прислуги было перебито.

До самой ночи шла артиллерійская перестрѣлка. Съ наступленіемъ сумерекъ Платовъ приказалъ разложить большіе костры при обозахъ и лошадяхъ и затѣмъ постепенно раскладывать огни все дальше и дальше отъ города такъ, какъ будто бы это подходятъ новыя войска. Потомъ онъ призвалъ къ себѣ полковыхъ командировъ и сказалъ имъ:

— Съ Божьею помощью я рѣшился въ эту ночь взять городъ приступомъ. Мы русскіе и, слѣдовательно, должны ожидать удачи. Съ именемъ Бога и Государя приступимъ къ дѣлу...

Въ то же время въ полкахъ казачьихъ читали слѣдующій его приказъ:

— «Съ твердымъ упованіемъ на Бога, съ ревностнымъ усердіемъ къ Государю и съ пламенною любовью къ Отечеству совершимъ въ сію ночь приступъ къ городу Намуру. Со всѣхъ полковъ наряжаются по три, а съ Атаманскаго полка пять сотенъ пѣшихъ казаковъ съ дротиками. У кого есть патроны, тотъ долженъ быть съ ружьемъ. Наблюдать тишину: а подступя къ городу съ трехъ назначенныхъ мѣстъ, производить безпрерывный крикъ. У страха глаза большіе; непріятелю сила наша не-

извѣстна. Городъ кругомъ окованъ нашею цѣпью; никто не подастъ вѣсти врагу. Вспомните Измаильскій приступъ: къ стѣнамъ его казаки шли съ открытою грудью. Вѣра и вѣрность увѣнчались тамъ успѣхомъ; и здѣсь, уповая на Бога, ожидаемъ несомнѣнно славы и побѣды. Овладѣвъ городомъ, не чинить жителямъ никакого вреда, никакой обиды. Покажемъ врагамъ нашимъ, что мы побѣждаемъ сопротивниковъ вѣрою, мужествомъ и великодушіемъ»...

Наступила темная ночь. Платовъ сидѣлъ на камнѣ и сидя дремалъ. Ему донесли, что казаки готовы на штурмъ. Платовъ всталъ, перекрестился и сказалъ полковнику Шпербергу, назначенному командовать спѣшенными казаками:

— Съ Божьею помощью ступайте, начинайте. Приближайтесь къ городу скрытными путями, тихомолкомъ, чтобы врагъ и шороху нашего не услышалъ. Увѣдомляйте меня обо всемъ. Подошедши къ городу— пустите ракету. Дай Богъ, чтобы непріятель сдался безъ кровопролитія. Богъ всѣмъ располагаетъ; да будетъ по Его святой волѣ!

Казаки пошли на приступъ. Подойдя къ городу, они подняли страшный крикъ, и 2 орудія донской артиллеріи начали стрѣльбу по городу. Французы открыли огонь со стѣнъ. Донскія пушки разбивали ворота. Первый приступъ казаковъ на стѣны былъ отбитъ. Тогда Платовъ послалъ на помощь Шпербергу генералъ-маіора Грекова 8-го съ казаками и приказалъ ему непремѣнно зажечь ворота.

Казаки живо подскочили къ воротамъ, принесли солому, порохъ, и вскорѣ зарево озарило темноту ночи. Ворота города горѣли. Казаки съ крикомъ ура кинулись съ одними дротиками на приступъ, черноморскія сотни открыли сильную стрѣльбу по стѣнамъ... И вдругъ, среди трескотни ружей и криковъ ура! раздались рѣзкіе звуки трубы. Непріятель трубилъ о сдачѣ.

Платовъ предложилъ гарнизону идти изъ города въ плѣнъ и сдать оружіе. Онъ обѣщалъ, что спокойствіе жителей ничѣмъ не будетъ нарушено.

Къ разсвѣту все было кончено. Большой отрядъ французовъ былъ обезоруженъ и приведенъ къ Платову.

— Мы возложили упованіе наше на Бога,—сказалъ Платовъ генералъ-маіору Грекову 8-му и полковнику Шпербергу,—Богъ увѣнчалъ надежду нашу. Принесемъ Ему благодареніе.

Насталъ разсвѣтъ. Плѣнники сидѣли въ казачьемъ лагерѣ и видѣли кругомъ себя лишь небольшой конный отрядъ донскихъ и черноморскихъ казаковъ. Платовъ позвалъ къ своему шатру коменданта крѣпости Намура закусить чѣмъ Богъ послалъ.

— А гдѣ же ваша пѣхота?—спросилъ комендантъ у Платова.

Платовъ показалъ ему на казаковъ.

— Вотъ тѣ люди,—сказалъ онъ,—которые штурмовали васъ ночью.

— Я долженъ быть разстрѣлянъ за мою оплошность!—вскричалъ французскій полковникъ, — никогда бы я не сдалъ города, если бы я зналъ, что тутъ одни казаки.

Бивакъ Донцовъ въ Парижѣ въ 1814 году.

— Э, другъ мой!—сказалъ на это Платовъ,—прежде не хвались, а Богу помолись! Напишите-ка лучше Наполеону, что съ нашимъ государемъ ополчился на него самъ Богъ, и мы не желаемъ зла французамъ, но хотимъ только истребить его, общаго нашего врага.

Торжественно, во главѣ своего Атаманскаго полка, вступилъ въ Намуръ Платовъ. Жители привѣтствовали казаковъ радостными криками. Въ городѣ Платовъ взялъ 4 орудія и много всякихъ военныхъ запасовъ.

18 марта подъ стѣнами *Парижа* было послѣднее сраженіе. Къ утру 19 марта русскіе овладѣли всѣми валами и рвами Парижа, и въ

10 часовъ утра государь императоръ Александръ I вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ вступилъ въ завоеванный городъ.

Донскіе казаки стали бивакомъ въ большомъ городскомъ саду, въ Елисейскихъ поляхъ; и цѣлыми днями ходили къ нимъ жители Парижа и смотрѣли, и дивились на доблестныхъ казаковъ. Два года съ лишнимъ воевали они, два года съ лишнимъ они побѣждали непобѣдимую до той поры французскую армію. Ихъ атаманъ — графъ Платовъ, возбуждалъ особенное вниманіе. Англичане пригласили его посѣтить Лондонъ и тамъ подарили ему драгоцѣнную, украшенную бриллiантами саблю; они удивлялись его храбрости и восхищались его умомъ. На французскихъ фабрикахъ стали выдѣлывать блюдца и чашки съ изображеніемъ донского атамана, на платкахъ изображали его вмѣстѣ съ казаками.

Война, вѣрнѣе сказать, цѣлый рядъ войнъ съ Наполеономъ былъ окончень. Самъ Наполеонъ былъ свергнутъ съ французскаго престола и долженъ былъ уѣхать изъ Франціи, и наступилъ для Россіи прочный и долгій миръ.

Донскіе полки, одинъ за однимъ, потянулись изъ Франціи домой, на тихій Донъ.

Донскіе казаки въ 1815 году. Обратный путь.
Съ нѣмецкой картины того времени.

57. Послѣ Отечественной войны.

Конченъ безконечный дальній путь. Роскошная столица Франціи, Парижъ, осталась позади, далеко позади остались и нарядныя горы, и дивные лѣса, и голубыя зеркальныя озера и рѣки, на которыхъ казаки дивовались паромъ движущейся лодкой—первымъ пароходомъ. Вотъ и степи родныя. Пахнуло полынью, горѣлой соломой, показались бѣлыя мазанки родныхъ хуторовъ и станицъ.

И слѣзали съ усталыхъ коней наши дѣды, и прежде чѣмъ поздороваться съ родными, со всѣми станичниками, вышедшими на встрѣчу, становились они на колѣни, цѣловали землю и говорили: — «да, заслужили наши казаки Богу, Государю и всевеликому войску Донскому».

А когда прослышали на Дону, что самъ графъ Платовъ ѣдетъ домой, всѣ, кто служилъ съ атаманомъ,—а служили съ нимъ всѣ и знали

его всѣ,—выходили по пути его на встрѣчу. Ѣздили на дорогу даже изъ дальнихъ станицъ и хуторовъ. Ожидали проѣзда любимаго героя-атамана по нѣскольку сутокъ. Каждая станица принимала его хлѣбомъ-солью и провожала его на коняхъ, съ пѣснями и ружейной пальбою. Толпа провожающихъ все увеличивалась и увеличивалась, и къ Новочеркасску Платовъ подъѣзжалъ сопровождаемый почти всѣмъ войскомъ Донскимъ.

Наконецъ показался и Новочеркасскъ. Маленькая кучка домиковъ, два-три золотыхъ креста на церквахъ лѣпились на крутой горѣ. Платовъ остановилъ коляску, вылѣзъ изъ нея, сталъ на колѣни и положилъ три земныхъ поклона.

— «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ!»—сказалъ онъ тѣснившимся вокругъ него казакамъ.—«Послужилъ я Царю и постранствовалъ по чужбинѣ довольно; теперь возвратился на родину и молю Бога, да успокоитъ Онъ кости мои на землѣ моихъ предковъ».

Онъ взялъ горсть земли и крѣпко поцѣловалъ ее.

— «Здравствуй, нашъ атаманъ, на многія, многія лѣта!»—кричали казаки, и слезы восторженнаго умиленія капали изъ ихъ глазъ.

У самаго Новочеркасска Платова встрѣтилъ наказной атаманъ Иловайскій, смѣнившій въ 1813 году Денисова, генералы и офицеры. Донская артиллерія палила изъ пушекъ, звонили колокола. Платовъ верхомъ въѣзжалъ въ свой городъ. Навстрѣчу были вынесены всѣ войсковыя регаліи. Платовъ въ сопровожденіи своего Атаманскаго полка проѣхалъ въ Вознесенскій соборъ, гдѣ ожидало его духовенство. Здѣсь былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, при чемъ во время многолѣтія Государю Императору донская артиллерія произвела 101 выстрѣлъ. Послѣ молебна Платовъ вышелъ къ собравшимся на площади казакамъ и привѣтствовалъ ихъ рѣчью.

Нѣсколько дней еще продолжались въ Новочеркасскѣ празднества. Устроены были скачки.

Да и какъ было не праздновать! Въ каждомъ домѣ были люди, вернувшіеся съ похода, были кавалеры съ крестами, каждый полкъ получилъ отличіе, и все войско—милостивую грамоту и Георгіевское бѣлое знамя.

Л.-гв. Казачій полкъ получилъ георгіевскій штандартъ и серебряныя трубы за Лейпцигъ, Атаманскій полкъ получилъ георгіевское бѣлое знамя и голубой бунчукъ съ надписью: «Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя», полки Дячкина, Жирова, Власова 3, Иловайскаго 11, Грекова 18, Мельникова 4 и Мельникова 5 получили георгіевскія знамена. Атаманъ Платовъ возведенъ въ потомственное Россійской Имперіи графское достоинство.

Въ Высочайшей грамотѣ войску Донскому за службу 1812 г. значилось:

«Божіею поспѣшествующею милостью МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр. и пр. *На Донъ въ нижнія и верхнія юрты, нашимъ атаманамъ и казакамъ, войсковому атаману генералу-отъ-кавалеріи графу Платову, правительству войска Донского и всему оному знаменитому войску, Намъ вѣрнолюбезному:*

Донское наше воинство въ минувшую съ французами войну усердіемъ, подвижностью и храбрыми дѣйствіями своими оказало важныя отечеству услуги. Поголовное ополченіе и прибытіе онаго въ знатныхъ силахъ къ нашей арміи было толь поспѣшное и скорое, которое тогда токмо бываетъ, когда совершенная къ исполненію долга своего ревность всѣхъ и каждаго одушевляетъ и движетъ. Мужественная и неутомимая бдительность войскового атамана графа Платова, также и сподвизавшихся съ нимъ всѣхъ войска сего храбрыхъ генераловъ, офицеровъ и всѣхъ вообще Донскихъ урядниковъ и казаковъ, много способствовала къ преодолѣнію великихъ силъ непріятельскихъ и къ одержанію надъ нимъ полныхъ и знаменитыхъ побѣдъ. Они непрестанными на него нападеніями и частыми съ нимъ битвами вездѣ возбраняли ему способы къ продовольствію и чрезъ то привели всю многочисленную конницу его въ совершенное изнуреніе и ничтожество. Когда потомъ, послѣ многихъ бѣдственныхъ для него сраженій, былъ онъ побѣдоносным нашимъ воинствомъ пораженъ, обращенъ въ бѣгство и преслѣдованъ, тогда на пути въ новыхъ съ нимъ жаркихъ сраженіяхъ отбито у него бывшими подъ предводительствомъ Нашего храбраго атамана графа Платова Донскими казаками знатное число артиллеріи со многими взятыми въ плѣнъ генералами ихъ, офицерами и солдатами. Сверхъ сего непріятель, безпрестанно ими обезпокоиваемый, принужденъ былъ многія орудія свои, со всѣми къ нимъ принадлежностями, затоплять въ болотахъ и рѣкахъ или, не успѣвая и того сдѣлать, оставлять намъ въ добычу, такъ, что въ продолженіе бѣгства своего за предѣлы Россійскіе, претерпѣлъ всеконечное и совершенное истребленіе.

Толь знаменитыя заслуги и подвиги Донского войска нашего, коими ознаменовало оно себя подъ начальствомъ Намъ вѣрностью преданнаго войскового атамана графа Платова, въ кампанію 1812 года, и болѣе въ продолженіе войны во многихъ битвахъ, съ изданія манифеста 13 апрѣля 1813 года до заключенія мирнаго трактата въ Парижѣ, налагаютъ на Насъ долгъ предъ цѣлымъ свѣтомъ засвидѣтельствовать и повторить изъявленныя въ помянутомъ манифестѣ справедливую Нашу къ нему признательность и благоволеніе. Да сохранится сіе свидѣтельство въ честь и славу его въ памяти потомковъ.

Въ справедливомъ уваженіи къ симъ отличнымъ подвигамъ знаме-

нитаго Донского войска и въ знакъ Монаршаго попеченія Нашего о его славѣ, жалуемъ Мы ему, отъ лица благодарнаго отечества, знамя, отличныя дѣянія войска въ незабвенную для Россіи войну изображающее.

Знамя, пожалованное войску Донскому Императоромъ Александромъ I въ 1817 г.

Да нѣкогда сыны сыновъ вѣрнолюбезнаго Намъ войска Донского, предносяя предъ рядами своими сію святую хоругвь славы и отечества, воспомнятъ дѣянія отцовъ своихъ и послѣдуютъ ихъ примѣру.

Въ довершеніе всемилостивѣйшаго благоволенія Нашего къ Донскому войску, Мы подтверждаемъ всѣ права и преимущества, въ Бозѣ почивающими высокими предками Нашими ему дарованныя, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, толикою славою покрытаго; неприкосновенность всей окружности его владѣній со всѣми выгодами и угодіями, граматами любезнѣйшей бабки Нашей Государыни Императрицы Екатерины Великія 27 маія 1793 и Нами въ 1811 году августа въ 6-й день утвержденную и толиками трудами, заслугами и кровію отцовъ его пріобрѣтенную.

Мы надѣемся, что таковая признательность Наша, вѣрнолюбезному войску Донскому нынѣ изъявляемая, обратится ему въ священную обязанность стремиться съ новою ревностью къ новымъ подвигамъ по первому воззванію отечества. Пребывая ко всему Донскому войску и къ каждому чину и чиновнику онаго въ особенности Императорскою Нашею милостью благосклонны, благоволили Мы подписать сію грамату собственною нашею рукою и Государственною печатью утвердить повелѣли»...

Возвращеніе казаковъ на Донъ съ Отечественной войны.

Памятникъ на могилѣ графа Матвѣя Ивановича Платова.

58. Атаманъ Платовъ.

Род. 6 августа 1751 года, скончался 3 января 1818 года.

Послѣ Ермака Тимофеевича врядъ ли кто изъ донскихъ героевъ такъ хорошо всѣмъ памятенъ и извѣстенъ, какъ атаманъ Платовъ. Съ его именемъ тѣсно связано заложеніе города Новочеркасска, подъ его начальствомъ одержаны донскими казаками славныя побѣды надъ французами, турками и татарами. Почти пятьдесятъ лѣтъ провелъ Платовъ въ походахъ и войнахъ съ казаками, тонко изучилъ онъ всѣ казачьи сноровки, отлично зналъ лаву и тщательно готовилъ каждаго казака для боя. Слава казачья была ему всего дороже.

Матвѣй Ивановичъ Платовъ родился 6 августа 1751 года въ *Старо-Черкасской станицѣ*. Отецъ его былъ заслуженный войсковой старшина. Народное преданье сохранило слѣдующій разсказъ о рожденіи Платова. Въ этотъ день отецъ его, занимавшійся судоходствомъ, пошелъ на протоку посмотрѣть свое судно. Вдругъ птица, летѣвшая надъ нимъ, уронила ему на шапку кусокъ хлѣба. Почтенный старикъ перекрестился, взялъ этотъ кусокъ и положилъ къ себѣ въ карманъ. Когда же онъ подошелъ къ берегу, то къ ногамъ его изъ воды выпрыгнулъ гро-

мадный сазанъ. Взволнованный этими происшествіями идетъ Платовъ домой и тутъ узнаетъ, что у него родился сынъ. Онъ собралъ своихъ друзей, помолился съ ними передъ образомъ, угостилъ ихъ рюмкой водки, закусилъ хлѣбомъ, оброненнымъ птицею, и угостилъ гостей жаренымъ сазаномъ, такъ чудесно ему доставшимся.

Родители Матвѣя Ивановича были люди небогатые. Въ тѣ времена научить чему-либо сына, дать ему какое-либо образованіе стоило большихъ денегъ. Нужно было посылать въ Москву, или Кіевъ, или Воронежъ; въ Черкасскѣ училищъ еще не было. И потому Платова могли научить только читать и писать по-русски. Но недостатокъ образованія своего сына отецъ и мать Матвѣя Ивановича старались пополнить воспитаніемъ. И вотъ это-то воспитаніе и помогало Платову во всѣ тяжелыя времена боевой его жизни.

Они наставили его въ твердой православной вѣрѣ, научили его повиноваться и почитать начальниковъ, вдохнули въ него горячую любовь и преданность государямъ, страстное обожаніе родины—Россіи и тихаго Дона, и, какъ могли, разсказали ему славное прошлое Донской земли.

Мальчикъ росъ необыкновенный. Онъ быстро схватывалъ всякую науку, сразу запоминалъ то, что ему говорили, былъ ловокъ и проворенъ. Съ любовью занимался онъ верховою ѣздою, рыбною ловлею и охотою. Никто не умѣлъ такъ ловко и красиво ѣздить, никто не былъ такъ проворенъ и искусенъ въ рубкѣ или въ стрѣльбѣ изъ лука, какъ сынъ войскового старшины Платова—Матвѣй Ивановичъ.

Ему минуло всего тринадцать лѣтъ, когда отецъ зачислилъ его на дѣйствительную службу урядникомъ.

— Смотри, Матвѣй, — сказалъ ему отецъ, — служи государю и тихому Дону примѣрно. Помни меня. Изъ простыхъ казаковъ дошелъ я до чина войскового старшины — храбростью да примѣрною службою. Береги отцовскіе обычаи; — *будь казакомъ!* Уповай на Господа Бога, и Онъ тебя не оставитъ. Слушай начальниковъ. Будь внимателенъ къ равнымъ тебѣ, снисходителенъ къ низшимъ и строгъ болѣе всего къ самому себѣ. Но помни всегда, никогда, Матвѣй, и думать не моги забыть нашъ тихій Донъ, вскормившій и взлелѣявшій тебя. Аминь!..

Отецъ и сынъ поцѣловались. Всплакнула мать, вышедшая провожать. Сѣлъ мальчикъ на коня, отецъ подалъ ему пику—и началась суровая полевая служба молодого казака. Рано тогда начинали служить и долго служили казаки.

Ловкій, смѣтливый мальчикъ казакъ, отличный ѣздокъ, толково передававшій всѣ приказанія, скоро обратилъ на себя вниманіе и былъ произведенъ въ хорунжіе. Его стали назначать на ординарцы къ гене-

Войсковой Атаманъ войска Донского графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.
Родился 6 августа 1751 года, скончался 3 января 1818 года.
(Съ старинной англійской картины).

раламъ и другимъ начальникамъ, и тѣ такъ полюбили смѣлаго и ловкаго донца, что не разъ удостоивали молодого офицера приглашать къ своему столу. И вотъ, юноша столкнулся съ блестящими, учеными офицерами, бывшими тогда въ арміи императрицы Екатерины. Многое, о чемъ кругомъ него говорилось, ему было непонятно. И сообразилъ Матвѣй Ивановичъ, что ему недостаетъ науки. Теперь всѣ досуги онъ посвящалъ чтенію книгъ, изучалъ прежде бывшія войны, учился наукѣ военной.

Незадолго до первой Турецкой войны отецъ его былъ отправленъ въ Петербургъ и всѣ свои рыболовныя заведенія поручилъ сыну. Но едва началась война—Платовъ не выдержалъ, сдалъ все отцовское дѣло на попеченіе приказчиковъ, а самъ помчался въ Крымъ, къ арміи, гдѣ явился къ главнокомандующему князю Долгорукому. Платову было 19 лѣтъ. Это былъ молодецъ офицеръ, полный отваги и силы. Князь Долгорукій оставилъ его при себѣ и вскорѣ произвелъ въ есаулы и назначилъ его командиромъ состоявшей при немъ сотни казаковъ, собранной изъ разныхъ полковъ. Платовъ такъ хорошо командовалъ ею, что вскорѣ былъ пожалованъ чиномъ войскового старшины и назначенъ командиромъ полка.

Въ тѣ времена Кубань была школою для казаковъ и ихъ молодыхъ командировъ. Въ 1774 году молодой, 23-лѣтній полковникъ Платовъ попалъ на Кубань и здѣсь въ битвѣ на рѣкѣ Калалахъ 3-го апрѣля показалъ и мужество, и стойкость, и распорядительность.

Съ Кубани онъ былъ назначенъ въ отрядъ Суворова, посланнаго для розысканія и разсѣянія разбойническихъ шаекъ Пугачева. Здѣсь впервые встрѣтились извѣстный всему міру генералъ Суворовъ и Платовъ. Здѣсь началъ Платовъ учиться наукѣ побѣждать, началъ понимать въ чемъ состоитъ обязанность полководца.

Начало второй Турецкой войны Платовъ провелъ съ Потемкинымъ, а потомъ, въ 1790 году, командовалъ казаками, шедшими на штурмъ Измаила.

Съ этого времени имя Платова уже становится извѣстнымъ всему Дону. Потемкинъ назначилъ его атаманомъ только что собранныхъ Екатеринославскихъ и Чугуевскихъ казаковъ. Теперь казаковъ этихъ нѣтъ, а казачьи полки, когда-то составленные Платовымъ, образовали Екатеринославскій кирасирскій и Чугуевскій уланскій полки...

И вотъ, молва о молодомъ донскомъ генералѣ дошла и до Петербурга. Императрица Екатерина Великая пожелала повидать Матвѣя Ивановича Платова. Въ 1791 году, сорокалѣтній донской генералъ слѣзъ со своего боевого коня, сѣлъ на почтовую тройку и поскакалъ въ Петербургъ. Императрица ласково приняла Матвѣя Ивановича Платова, долго бесѣ-

довала съ нимъ о казакахъ, о войскѣ Донскомъ и отличила его передъ другими генералами. Всѣ въ Петербургѣ знали, что молодой донской генералъ — тотъ самый, который на совѣтѣ, собранномъ Суворовымъ передъ штурмомъ Измаила, первый произнесъ славное слово: — штурмовать. Здѣсь, въ Петербургѣ, императрица наградила Донского героя орденомъ св. равноапостольнаго Владиміра 2-ой степени и саблею, украшенною алмазами, съ надписью «за храбрость». Сабля эта хранится теперь въ Донскомъ музеѣ, въ городѣ Новочеркасскѣ.

Въ 1796 году скончалась императрица Екатерина Великая и на престолъ всероссійскій вступилъ императоръ Павелъ Петровичъ. Онъ ласково принялъ Платова, и вотъ эта ласка императора послужила къ тому, что Платову стали завидовать. Нашлись такіе негодяи, которые оклеветали Платова въ глазахъ императора. Всю свою жизнь Платовъ думалъ только о службѣ, ради службы онъ жертвовалъ и самою дружбою. Онъ былъ справедливъ и пылокъ въ бою, и донскіе казаки и калмыки его очень любили.

Платовъ въ 1799 году, находясь въ Петербургѣ, просился въ отпускъ, на Донъ; онъ хотѣлъ побывать въ семьѣ своей. Едва онъ уѣхалъ, какъ про него сказали государю, что онъ поѣхалъ поднимать донскихъ казаковъ на бунтъ. На полъ-пути нарочно посланный отъ государя офицеръ остановилъ донского генерала и отвезъ его въ Кострому. Изъ Костромы Платова перевезли въ Петербургъ и заключили въ холодный и сырой казематъ Петропавловской крѣпости.

Увѣренный въ своей правотѣ отправился Платовъ въ тюрьму, зная, что все разъяснится. И, дѣйствительно, клевета скоро обнаружилась и Платовъ былъ освобожденъ и назначенъ на Донъ командовать полками, шедшими завоевывать Индію.

По возвращеніи изъ Оренбургскаго похода Платовъ былъ назначенъ атаманомъ войска Донского.

Такъ, доблестною и честною службою дослужился сынъ войскового старшины и внукъ простого казака до высокаго званія атамана войска Донского.

Но и атаманомъ Платовъ былъ особеннымъ. Едва вступилъ онъ въ управленіе войскомъ, какъ задумалъ много различныхъ перемѣнъ для усиленія воинскаго духа донскихъ казаковъ. Казака онъ считалъ природнымъ воиномъ и требовалъ, чтобы отцы учили дѣтей казачьему военному дѣлу и сами его не забывали. Атаманъ жилъ просто. Часто, глядя на роскошныя палаты, которыми обзаводились казаки, Платовъ говаривалъ:

— «Мы не рождены ходить по паркетамъ, да сидѣть на бархатныхъ

подушкахъ; тамъ вовсе можно забыть родное ремесло. Наше дѣло ходить по полю, по болотамъ, а сидѣть въ шалашахъ или, еще лучше, подъ открытымъ небомъ, чтобы и зной солнечный и всякая непогода не были намъ въ тягость. Такъ и будешь всегда донскимъ казакомъ. *Всякое дѣло тогда и хорошо, пока всегда съ нимъ, а то ты отъ него на вершокъ, а оно отъ тебя на аршинъ, и такъ и пойдете вы врозь: хорошъ будетъ толкъ»*.

Желаніе поставить казаковъ въ болѣе военныя условія жизни, приблизить ихъ къ степи и усилить въ нихъ любовь къ верховой ѣздѣ заставило Платова искать другого мѣста для столицы войска Донского, заставило устраивать скачки. Эти скачки были всегда на большое разстояніе: 5—7 верстъ, всегда по неровной мѣстности и всегда съ препятствіями. Платовъ понималъ, что нужно для войны, и дѣятельно готовилъ казака къ войнѣ.

И труды его увѣнчались громкимъ успѣхомъ. Наступало время непрерывныхъ войнъ, борьбы съ Наполеономъ. И вотъ Платовъ явился на войну уже не полковымъ командиромъ, не начальникомъ двухъ-трехъ полковъ, а начальникомъ всего войска Донского. 10, 12, 20 полковъ бывали одновременно подъ его командой. Казаки, артиллерія, гусары, уланы, драгуны, пѣхота егеря входили въ отрядъ Платова. Тутъ уже мало было одной храбрости да сметки казачьей, нуженъ былъ свѣтлый умъ и широкое военное образованіе.

Умомъ Господь Богъ не обидѣлъ донского казака; пригодились Платову и тѣ книжки, которыя онъ прочиталъ въ свободные часы. Платовъ, щеголявшій простотою рѣчи, нарочно, вмѣсто Варшава, говорившій Аршава, называвшій французскаго министра Талейрана — Тейлараномъ, оказался высоко-даровитымъ начальникомъ конницы. Теперь мы учимся на высокихъ примѣрахъ Платова лавѣ казачьей, отъ него мы узнали, что такое вентерь. Лава была и раньше у казаковъ, но Платовъ первый примѣнилъ ее такъ широко. Онъ замоталъ и измучилъ ею лучшую конницу Наполеона, онъ такъ прославилъ себя, что о немъ заговорили не только въ Россіи, но и за границей.

Врагъ Россіи и врагъ его—Платова—Наполеонъ желалъ познакомиться съ Платовымъ. Дѣло было въ Тильзитѣ, послѣ войны 1807 года, въ которой особенно отличились донскіе казаки, предводительствуемые Платовымъ. Цѣлый рядъ праздниковъ былъ устроенъ тогда по случаю заключенія мира и союза съ Наполеономъ. На одномъ изъ этихъ праздниковъ Наполеонъ заговорилъ съ Платовымъ и сказалъ ему, что онъ слышалъ, что донской атаманъ великолѣпно стрѣляетъ изъ лука, и просилъ его показать свое искусство. Платову принесли его богато укра-

шенный лукъ, и онъ въ присутствіи императоровъ Александра и Наполеона пустилъ нѣсколько стрѣлъ въ мишень. Наполеонъ очень былъ удивленъ мѣткостью и силою выстрѣловъ и подарилъ донскому атаману дорогую табакерку. Платовъ не пожелалъ оставаться въ долгу и отдалъ Наполеону на память свой лукъ.

Съ этой войны Платовъ лишь на короткое время попалъ въ Новочеркасскъ. Онъ былъ занятъ устройствомъ гимназіи, насаждалъ въ самомъ городѣ Аптекарскій садъ, хлопоталъ и работалъ на пользу Дона, не покладая рукъ. Самъ онъ и дома жилъ такъ же просто, какъ и на войнѣ. Въ Новочеркасскѣ у него не было своего собственнаго дома, и жилъ онъ въ небольшомъ домикѣ на хуторѣ Мишкинѣ, недалеко отъ Новочеркасска *).

Новая война потребовала его сначала въ Турцію, на берега Дуная, а потомъ на берега рѣки Нѣмана. Наступало время великой борьбы съ Наполеономъ.

1812, 1813 и 1814-й годы, можно сказать, Платовъ не слѣзалъ съ лошади. Его небольшой сѣрый конь хорошо былъ знакомъ его отряду. Ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ, но вѣчные походы, тяжелая боевая жизнь закалили его, и онъ былъ крѣпокъ и тѣломъ и душою. На немъ одномъ лежала громадная работа не только по командованію коннымъ отрядомъ, но и по снабженію его всѣмъ необходимымъ. За завѣсою донской казачьей лавы спокойно спали русскіе полки и всѣ донесенія о движеніи непріятеля получали отъ Платова. Платова зналъ весь міръ. Начавши службу простымъ урядникомъ, онъ былъ теперь генераломъ отъ-кавалеріи, то-есть получилъ высшій генеральскій чинъ, и за изгнаніе французовъ изъ Россіи былъ пожалованъ въ графское достоинство, сталъ—его сіятельствомъ. Это былъ второй графъ послѣ Орлова-Денисова въ войскѣ Донскомъ. И послѣ Платова никто изъ донскихъ казаковъ еще не получалъ этого высокаго отличія.

Въ Парижѣ и въ Лондонѣ, куда по приглашенію ѣздилъ Платовъ, всѣ съ такимъ обожаніемъ и восхищеніемъ смотрѣли на донского героя. Имя донского казака, прогремѣвшее тогда по всему міру, было неразрывно связано съименемъ донского атамана графа Платова. Его портреты рисовали на фарфоровыхъ тарелкахъ и чашкахъ, ткали на платкахъ, изображали на хрустальныхъ чаркахъ. Англичане поднесли ему дорогую, бриліантами украшенную саблю. Дѣйствія Платова на войнѣ изучались и его имя стало на ряду со славнѣйшими именами кавале-

---

*) Теперешняя Архіерейская дача подъ Новочеркасскомъ.

рійскихъ начальниковъ. Лихая и бодрая пѣсня сложилась тогда про славу Платова и его казаковъ:

Слава Платову герою! Побѣдитель былъ врагамъ!
Слава Платову герою! Слава донскимъ казакамъ!

Одаренный отъ Господа Бога свѣтлымъ умомъ, Платовъ остался простъ и своеобразенъ. Достаточно почитать письма Платова, чтобы понять, какой это былъ особенный человѣкъ.

Вдовствующая императрица Марія Θеодоровна, супруга императора Павла, особенно любила донского атамана за его простыя и смѣлыя рѣчи. Платовъ со всѣхъ войнъ, съ полей сраженія писалъ ей свои письма. Въ 1807 году такъ описывалъ онъ государынѣ дѣйствія донскихъ казаковъ противъ французовъ:

...«По долгу моему, сколько силъ моихъ и знанія доставало, трудился я, всемилостивѣйшая Государыня. Не въ похвалу себѣ, а по истинѣ подданнической—донесу: въ прошедшіе мѣсяцы до сего времени шпиговалъ ихъ по Вашему благословенію изрядно. Бралъ много въ плѣнъ ихъ дерзкихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, а сколько—я и счетъ имъ потерялъ; знаетъ про то главнокомандующій арміею, коему я ихъ доставлялъ. Гордость, а болѣе—дерзость французовъ выбита изъ головы ихъ. Доведены они до изнуренія; кавалерія ихъ дерзкая донскими казаками вся истреблена, а пѣхоты потеряли они много и много. Сидятъ они теперь, кромѣ Данцига, противъ насъ, какъ мыши въ норахъ»...

Церковь на Архіерейской дачѣ, гдѣ покоится прахъ
Матвѣя Ивановича Платова.

Горячо любили Платова казаки. Онъ умѣлъ вдохновить ихъ на подвиги. Когда собралось великое ополченіе войска Донского, чтобы идти подъ Тарутино выгонять французовъ, пріѣхалъ къ нему и Платовъ. Въ рядахъ полковъ стояли дряхлые дѣды и юноши. Всѣ, кто только могъ держать пику въ рукахъ, пошли по призыву атамана.

Платовъ приказалъ съѣхаться всѣмъ въ кругъ, а самъ сталъ по серединѣ ихъ. Былъ тихій и теплый осенній день, пахло полынью въ степи, тихо плавала въ прозрачномъ воздухѣ бѣлая паутинка.

— Друзья,—проговорилъ Платовъ,—самъ милосердый Богъ ускорилъ вашъ путь! Наступило время донцамъ доказать всю силу вашего усердія къ Богу, государю и отечеству. Мы въ душахъ запечатлѣли милости царскія; у насъ въ душахъ и отечество. Не щадя головъ своихъ, докажемъ мы снова наше рвеніе, нашу любовь!..

Прервался голосъ старика атамана. Слеза заиграла въ глазу алмазомъ. Всѣ вздохнули...

— Вы донцы!—продолжалъ съ новою силою Платовъ,—вы сыны земли Русской. Не утерпѣли ваши сердца. Вы прилетѣли, соучастники общей славы. Друзья! злодѣй въ стѣнахъ Москвы, онъ все въ пепелъ обращаетъ: онъ, можетъ быть, алчетъ распространить звѣрство свое и въ дальнюю внутренность Россіи. Преградимъ путь врагу свирѣпому: умремъ здѣсь, или выгонимъ его изъ земли Русской. Вы охотно пришли подкрѣпить насъ. Правосудный Богъ намъ поможетъ. Врагъ идетъ на насъ съ адомъ—мы на него пойдемъ съ крестомъ животворящимъ. Если бы Богъ попустилъ, если бы врагъ прорвался до береговъ тихаго Дона, не пощадилъ бы онъ ни женъ, ни дѣтей нашихъ!.. Кровь наша смѣшалась бы съ волнами тихаго Дона! Поруганы бы были храмы Господни. Встревожили бы прахъ отцовъ нашихъ!...

Въ глубокой тишинѣ слушали казаки своего атамана. Иногда поднимется костлявая рука и сотворитъ крестное знаменіе.

— Друзья и братья!—съ одушевленіемъ говорилъ Платовъ,—воскликнемъ къ Господу силъ:—не для насъ, Господи, для имени Твоего вспомоществуй намъ поразить, устыдить и изгнать врага!...

И вотъ, изъ рядовъ раздались громкіе и смѣлые, бодрые голоса:

— Готовы умереть вездѣ, гдѣ ты, нашъ отецъ, намъ прикажешь. Отмстимъ, отмстимъ злодѣямъ за кровь братьевъ нашихъ! Умремъ, а далѣе врага не пустимъ!

Въ этомъ умѣніи воодушевить казаковъ, вдохнуть въ нихъ свою бодрую и смѣлую душу и скрывалась причина обаянія Платова на донцовъ.

Кончились войны. Наполеонъ томился въ заточеніи на далекомъ и

одинокомъ морскомъ островѣ, казаки со своимъ атаманомъ шли изъ Парижа домой, на тихій Донъ. Обгонявшій ихъ атаманъ часто останавливался въ полкахъ и подолгу сживалъ съ офицерами и казаками. Здѣсь атаманъ Платовъ болѣе походилъ на отца семейства, нежели на начальника.

Онъ разговаривалъ съ каждымъ офицеромъ, вспоминалъ его родственниковъ, вспоминалъ его подвиги и постоянно говорилъ и казакамъ и офицерамъ:

— Помните славу и добродѣтели и держитесь обычаевъ отцовъ своихъ.

Послѣ Отечественной войны Платовъ прожилъ три года въ Новочеркасскѣ, заботясь о благоустройствѣ войска.

Платова знала вся Россія, болѣе того, его знала вся Европа. А между тѣмъ Платовъ былъ и остался простымъ человѣкомъ и не измѣнилъ простымъ казачьимъ обычаямъ. Обладая громадною памятью, онъ помнилъ и зналъ не только всѣхъ генераловъ и офицеровъ въ войскѣ, но помнилъ и всѣхъ казаковъ. Честь и славу войска Донского онъ ставилъ выше всего. Онъ былъ привѣтливъ со всѣми. Часто, на Кавказѣ, онъ входилъ въ хижину простого горца и запросто съ нимъ обѣдалъ. Онъ не брезговалъ и простымъ татарскимъ обѣдомъ, и оттого его уважали и любили всѣ татары и горцы, жившіе тогда въ войскѣ Донскомъ.

Платову, выросшему въ станицѣ и дѣтство свое проведшему въ походахъ и войнахъ, пришлось попасть во дворцы, разговаривать съ императорами, бывать за царскимъ столомъ. Здѣсь умъ и находчивость Платова не разъ выручали его. Передъ отъѣздомъ Платова изъ Петербурга въ Турецкую войну государыня императрица Марія Ѳеодоровна пожелала повидать его у себя и просила его отобѣдать запросто во дворцѣ. Послѣ обѣда, когда въ одной изъ парадныхъ залъ Платовъ откланивался императрицѣ, онъ нечаянно задѣлъ своею саблею фарфоровую вазу и опрокинулъ ее на полъ. Смущенный атаманъ отскочилъ въ сторону, но зацѣпился шпорами и упалъ бы, если бы государыня не поддержала его.

Платовъ не смутился.

— Государыня,—сказалъ онъ,—и паденіе мое меня возвышаетъ, потому что я имѣю счастіе еще разъ поцѣловать ручку моей Монархини, премилосердой матери.

А потомъ, обратившись къ придворнымъ, сказалъ имъ:

— Вотъ пословица-то и на дѣлѣ сбылась: говорятъ, что если казакъ чего не возьметъ, такъ разобьетъ; первое не правда, а второе и со мною сбылось.

Непріятный случай во дворцѣ былъ забытъ и всѣ были восхищены находчивостью атамана.

Большая часть жизни Платова прошла на войнѣ, на передовыхъ постахъ. И оттого онъ привыкъ не спать по ночамъ, до свѣта. И въ мирное время онъ ложился не ранѣе 4—5 часовъ утра, просыпался же въ 8, но, чтобы отдохнуть, обыкновенно не вставалъ ранѣе 10—11 часовъ утра. Вставши, онъ долго и усердно молился Богу, а потомъ занимался дѣлами.

Въ Новочеркасскъ послѣ войны Платовъ вернулся значительно постарѣвшимъ. Ему уже было 64 года. Онъ овдовѣлъ во время войны. Дѣти его уже выросли, внуку было 10 лѣтъ.

Опытный, храбрый и рѣшительный вождь донскихъ казаковъ на войнѣ, графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ и по возвращеніи съ войны былъ очень озабоченъ, чтобы казаки не потеряли своей воинской доблести. Во время войнъ казаки убѣдились въ пользѣ конной артиллеріи, учрежденной въ войскѣ еще въ 1797 году. Въ 1813 году Высочайше повелѣно было имѣть на Дону три роты конной артиллеріи; въ каждой ротѣ было по 12 пушекъ, т. е., считая по-нынѣшнему, войско Донское выставляло шесть батарей, по 6 орудій каждая. Завѣдывалъ при атаманѣ Платовѣ артиллерійскими ротами *генералъ-лейтенантъ Карповъ 2,* первый донской артиллеристъ, основатель донской конной артиллеріи. Для обученія казаковъ артиллерійскому дѣлу возлѣ Новочеркасска было устроено артиллерійское стрѣльбище, на которое очень часто пріѣзжалъ и графъ Платовъ. При Платовѣ же установленъ былъ, въ 1802 году, срокъ службы полковъ. Раньше полки уходили на линію и никто изъ казаковъ не зналъ, когда онъ вернется домой. Теперь было постановлено, что полки, находившіеся на границахъ и вообще въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, должны были смѣняться черезъ 3 года, а внутри Россіи, въ Грузіи и на Кавказѣ черезъ 2 года. Но на Кавказѣ шла безпрерывная война съ врагомъ хитрымъ и смѣлымъ, — казаки за два года только-только начинали усвоивать боевыя сноровки кавказскихъ войскъ; двухъ лѣтъ оказалось мало, и въ 1820 году для полковъ, находящихся на Кавказѣ, на границахъ Турецкой, Австрійской, Прусской и Шведской, т. е. по побережью Чернаго моря, въ теперешнемъ царствѣ Польскомъ и Финляндіи—срокъ службы былъ установленъ четырехлѣтній. Раньше донскіе полки уходили изъ войска только въ случаѣ войны, иногда ихъ задерживали нѣкоторое время во вновь покоренномъ краю,—теперь началась постоянная служба войска Донского въ Россіи, для охраненія границъ. Войско Донское обязывалось имѣть наготовѣ извѣстное число, или *комплектъ полковъ,* которые и выставлялись по требованію военнаго

министерства, замѣнившаго въ 1812 году военную коллегію. Въ 1802 году установленъ былъ *комплектъ въ 80 пятисотенныхъ полковъ.*

До 1801 года казаки одѣвались, какъ кто хотѣлъ. Носили и свои домашніе зипуны, носили и кавказскія черкески, и польское и азіатское платье. Въ 1801 году всѣмъ донскимъ казакамъ дана была *однообразная форма одежды.* Они носили куртки и чекмени; вмѣсто барашковой шапки, на голову надѣвался киверъ, на шароварахъ положено было имѣть широкій алый лампасъ. Старикамъ сначала эта форма не понравилась. Куртка особенно. Она напоминала имъ солдатъ, и по станицамъ ворчали и говорили, что казаковъ теперь станутъ писать въ регулярство и сдѣлаютъ ихъ солдатами, устроивъ уланскіе полки. Но когда въ этихъ чекменяхъ и куртахъ казаки отбыли всѣ войны съ Наполеономъ, когда киверъ казачій былъ грозою для французовъ и повидалъ и Германію, и Францію, побывалъ и въ Парижѣ,—на Дону полюбили и кивера, и застегивающіеся посрединѣ на крючкахъ чекмени, и шаровары съ алымъ лампасомъ. Эта форма стала напоминать донцамъ время великой борьбы съ Наполеономъ, время наибольшей славы, славы всесвѣтной...

Построивши городъ Новочеркасскъ, Платовъ неутомимо трудился надъ его украшеніемъ. Онъ заботился и о просвѣщеніи донцовъ. Въ устроенную имъ донскую гимназію онъ часто хаживалъ. При немъ директоръ ея, Поповъ, началъ впервые составлять *исторію войска Донского.* Въ 1817 году Платовъ устроилъ въ Новочеркасскѣ первую на Дону *типографію.* Платовъ очень любилъ скачки и джигитовки. Донцы привели много лошадей изъ-за границы. Это были лошади наиболѣе рѣзвой, англійской породы. Смѣшавшись съ донскими лошадьми, эта лошадь и дала сухую, рослую, горбоносую, сильную и рѣзвую породу лошадей, которыми потомъ Донъ славился долгое время. Воинъ всю жизнь—Платовъ заботился о поддержаніи среди казаковъ любви къ военному дѣлу, къ ѣздѣ и стрѣльбѣ въ цѣль. Неутомимо разъѣзжалъ онъ по войску. Уже годы и здоровье, надломленное во многихъ походахъ, сказывались, графъ часто хворалъ, но не переставалъ трудиться на пользу войску. Когда ему говорили, что онъ долженъ поберечься, онъ отвѣчалъ:

— «Чѣмъ вы хотите меня сдѣлать? Ребенкомъ, что ли? На что я буду похожъ, когда послѣ неисчетныхъ милостей ко мнѣ государя, посмѣю испрашивать хотя минуту отдохновенія отъ должности? Легче я умру, нежели рѣшусь на это!»

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1817 года Донъ посѣтилъ великій князь Михаилъ Павловичъ, братъ государевъ. Съ трогательнымъ радушіемъ встрѣтили его донцы. Въ Новочеркасскѣ были выстроены красивыя въѣздныя ворота. Полки въ конномъ строю встрѣчали великаго князя.

Памятникъ атаману Платову въ Новочеркасскѣ.

Въ послѣдній разъ увидалъ здѣсь атаманъ графъ Платовъ брата государева. На слѣдующій годъ атамана не стало. Онъ умеръ 3 января 1818 года. Несмотря на жестокій морозъ, все войско Донское, генералы, офицеры и очень много казаковъ явилось проводить до могилы своего «вихря-атамана». Тѣло донского героя было погребено въ новостроившемся соборѣ, съ лѣвой стороны его. При опусканіи тѣла въ могилу раздался залпъ изъ орудій и ружейная трескотня понеслась по полю. Дрогнулъ и заколыхался морозный воздухъ и полились горькія слезы по лицамъ генераловъ, офицеровъ и простыхъ рядовыхъ казаковъ. Не стало у нихъ отца—атамана, грудью отстаивавшаго ихъ дѣла, любившаго ихъ, какъ своихъ «дѣтушекъ»...

Умеръ великій герой войска Донского, умеръ спокойный. Господь и государь наградили его за подвиги его, за жизнь, принесенную родинѣ, всѣмъ, чѣмъ можно было наградить. Платовъ имѣлъ высшій генеральскій чинъ—генерала отъ кавалеріи, имѣлъ графское достоинство, кромѣ того, онъ носилъ ордена: св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, алмазами украшенный, св. великомученика и побѣдоносца Георгія 2-й степени большого креста, св. равноапостольнаго князя Владиміра 1-й степени и св. Іоанна Іерусалимскаго, австрійскій крестъ Маріи-Терезіи 3-й степени, нѣмецкіе кресты Чернаго и Краснаго Орла 1-хъ степеней, портретъ англійскаго принца-регента на лентѣ Голубой Подвязки, саблю съ надписью «за храбрость», алмазами украшенную, жалованную императрицею Екатериною II, брилліантовое перо на киверъ съ вензелемъ государя Александра I, пожалованное послѣ Лейпцигскаго сраженія, саблю отъ города Лондона (англійскаго) и три медали: за взятіе Измаила—именную, за 1812 годъ и дворянскую.

Но дороже и важнѣе всѣхъ этихъ титуловъ, званій, орденовъ и медалей была та величайшая слава полководца и кавалерійскаго начальника, которая тѣсно сплела имя Платова съ славнымъ именемъ донскихъ казаковъ, которая сдѣлала то, что имя его теперь носитъ *4-й донской казачій полкъ*, а знаетъ «Платова героя—побѣдителя всѣхъ враговъ» весь Тихій Донъ, знаетъ и чтитъ своего славнаго, боевого атамана!..

Въ 1853 году въ г. Новочеркасскѣ, противъ атаманскаго дворца, донцы, на деньги, собранныя по добровольной подпискѣ, поставили своему атаману, графу Платову, бронзовый памятникъ. Платовъ изображенъ пѣшимъ, въ киверѣ, въ донскомъ чекменѣ, за которымъ виситъ раздуваемая вѣтромъ короткая бурка, въ правой рукѣ у него обнаженная сабля, въ лѣвой — атаманскій перначъ. На гранитной подстановкѣ золотыми буквами написано: «*Атаману графу Платову за военные*

подвиги 1770 — 1816. Признательные донцы». Вокругъ памятника стоятъ отбитыя у французовъ въ 1812 году пушки.

Въ 1875 году, когда начались работы по устройству новаго собора, прахъ Платова былъ съ большимъ торжествомъ вынутъ и перенесенъ въ семейное его кладбище, въ бывшемъ его имѣніи, а теперь — Голицынская архіерейская дача.

Въѣздныя ворота въ городѣ Новочеркасскѣ, устроенныя въ 1817 году для встрѣчи Великаго Князя Михаила Павловича.

Войсковой атаманъ войска Донского
Адріанъ Карповичъ Денисовъ. 1818—1821 гг.

59. «Положеніе о войскѣ Донскомъ».

1835 годъ.

На мѣсто графа Платова войсковымъ наказнымъ атаманомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ *Адріанъ Карповичъ Денисовъ.* Вся его долгая жизнь прошла въ походахъ. Молодымъ человѣкомъ, но уже командиромъ полка, онъ штурмовалъ съ Суворовымъ Измаилъ, сдѣлалъ съ Суворовымъ и Итальянскій походъ и съ казаками переходилъ черезъ Альпы. Во время Отечественной войны онъ оставался на Дону и готовилъ поголовное ополченіе войска Донского. Распустивши «ясныхъ соколовъ, донскихъ казаковъ», онъ объѣзжалъ станицы казачьи, посѣщалъ семьи простыхъ казаковъ, и много повидалъ онъ казачьяго горя. Сильно страдали казаки отъ того, что не было ясно опредѣленнаго закона о ихъ службѣ, о надѣлѣ ихъ землями. Однѣ станицы страдали отъ малоземелья, въ другихъ земли было слишкомъ много, не хватало работниковъ. Всюду царилъ произволъ. Среди казаковъ жили крестьяне, выведенные изъ Россіи помѣщиками-казаками. Помѣщики-казаки тоже—одни имѣли такъ много крестьянъ, что ихъ некуда было селить, у другихъ некому

было обрабатывать землю. И сами крестьяне не знали — останутся они просто крестьянами, или ихъ будутъ обращать въ казаковъ. Нужно было составить обо всемъ этомъ точные законы, написать «*положеніе о службѣ войска Донского*». Сдѣлавшись атаманомъ, Адріанъ Карповичъ Денисовъ сталъ усиленно хлопотать объ устройствѣ такого положенія.

Въ 1818 году, первый разъ послѣ императора Петра Великаго, Донъ удостоился царскаго посѣщенія. 23-го мая государь императоръ Александръ I Павловичъ прибылъ въ городъ Новочеркасскъ. Государь прямо проѣхалъ къ собору, гдѣ отслужилъ молебенъ. Вечеромъ государь изволилъ быть на балу, данномъ въ домѣ генерала Курнакова донскимъ дворянствомъ. Ночевать государь императоръ изволилъ въ домѣ генералъ-лейтенанта Николая Васильевича Иловайскаго, и на другой день, 24-го мая, государь посѣтилъ госпиталь, аптеку, острогъ и новый соборъ. Вечеромъ 24-го мая государь изволилъ отбыть изъ города Новочеркасска.

Второй разъ донцы удостоились счастія увидать своего государя въ 1825 году, передъ его кончиною. Государь проѣзжалъ чрезъ Новочеркасскъ и Старочеркасскую станицу въ Таганрогъ. Императоръ Александръ I скончался въ г. Таганрогѣ. У гроба его держали караулъ лейбъ-казаки и атаманцы. Лейбъ-казаки сопровождали и тѣло своего государя, котораго они защитили подъ Лейпцигомъ, до самаго Петербурга. Донцы во время войнъ много разъ видали государя. Вѣсть о его смерти быстро пронеслась по тихому Дону, и сложилась у казаковъ объ этомъ пѣсня—сказаніе:

Ты нашъ батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Ты свѣтишь не по старому, а по новому!
Покрывали тебя тучи грозныя, непогожія!
Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ кременной Москвѣ, въ соборѣ Митревскомъ,
Какъ ударили въ большой колоколъ, —
Православный Царь Александръ преставился!
Какъ и сдѣлали ему кипарисный гробъ,
Обили его золотою парчей,
На часахъ стоитъ младъ донской казакъ.
Разступись, мать сырая земля!
Расколись ты, дубовая доска!
Ты встань, проснись, православный Царь,
Государь ты нашъ, Александръ Павловичъ!
Погляди, посмотри свои войска Донскія,
Они въ строю стоятъ, обучаются,
Они дѣлаютъ не по старому, а по новому!

Въ бытность государя Александра Павловича на Дону въ 1818 году, атаманъ Денисовъ переговорилъ съ нимъ о необходимости издать Положеніе о войскѣ Донскомъ. Въ 1819 году для этого былъ назначенъ особый комитетъ. Дѣлами этого комитета долженъ былъ завѣдывать присланный отъ государя *генералъ-адъютантъ Чернышевъ,* отъ его имени и комитетъ этотъ получилъ названіе Чернышевскаго.

Генералъ Чернышевъ началъ внимательно изучать жизнь донскихъ казаковъ и вмѣстѣ съ донскими генералами Карповымъ, Черевковымъ, полковникомъ Андріяновымъ, подполковникомъ Шамшевымъ и статскимъ совѣтникомъ Болгарскимъ составлять «Положеніе о внутреннемъ и военномъ управленіи войска Донского».

Войсковой атаманъ войска Донского Алексѣй Васильевичъ Иловайскій съ 1821 по 1826 годъ.

Въ 1821 году атаманъ Денисовъ попалъ въ опалу, нѣкоторое время лишенъ былъ права выѣзда изъ Новочеркасска и сдалъ должность войскового наказнаго атамана *Алексѣю Васильевичу Иловайскому.*

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій очень заботился о томъ, чтобы въ Новочеркасскѣ стало сносно жить. Онъ началъ устраивать въ Новочеркасскѣ вечернія собранія съ танцами и самъ часто бывалъ на вечерахъ у новочеркасскихъ жителей. При немъ въ Новочеркасскѣ начались театральныя представленія и начали мостить улицы. Ѣздилъ атаманъ тогда по городу весьма торжественно. Впереди скакалъ обыкновенно полиціймейстеръ, а сзади взводъ Атаманскаго полка.

Съ 1826 года по 1827 годъ атаманомъ былъ *Иванъ Адріановичъ Андріановъ.* а съ 1827 по 1836 годъ—*Дмитрій Ефимовичъ Кутейниковъ.* При атаманѣ Кутейниковѣ, 2 октября 1827 года, государь императоръ, во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ заслугамъ Донского войска, соизволилъ изъявить новое Высочайшее благоволеніе свое — назначеніемъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника, великаго князя Александра Николаевича *Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ,* въ

томъ числѣ и главнаго *Донского*. Тѣмъ же приказомъ августѣйшій Атаманъ былъ назначенъ шефомъ Атаманскаго полка.

При Кутейниковѣ стали поговаривать въ Новочеркасскѣ о томъ, что мѣсто, выбранное графомъ Платовымъ подъ главный городъ войска Донского, весьма неудачно. Сильные вѣтры, постоянно дующіе по его улицамъ, дѣлаютъ жизнь въ немъ непріятной, недостатокъ воды заставляетъ страдать жителей. Лѣтомъ страшная пыль, весною непролазная грязь, зимою гололедка одолѣвали жителей Новочеркасска, и атаманъ Кутейниковъ составилъ проектъ перенесенія города на мѣсто Аксайской станицы. При немъ же предположено было открыть женскую гимназію и юнкерское училище, но устройство этихъ учебныхъ заведеній не состоялось и для молодыхъ донцовъ повелѣно было имѣть нѣсколько мѣстъ въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Наконецъ, 26 мая 1835 года Чернышевскій комитетъ закончилъ работы по составленію «Положенія объ управленіи Донского войска», и 1-го января 1836 года состоялось объявленіе его по всему войску. Къ этому времени въ Новочеркасскъ съѣхались донскіе дворяне, станичные атаманы и представители отъ каждой станицы. При звонѣ колоколовъ изъ дома войсковой канцеляріи выступило торжественное шествіе. Несли всѣ войсковыя знамена и клейноды, грамоты, жалованныя войску Донскому, и среди нихъ начальникъ войскового штаба несъ на бархатной подушкѣ вставленное въ золотой переплетъ «Войсковое Положеніе».

Шествіе это прошло въ Вознесенскій соборъ, гдѣ было отслужено торжественное молебствіе, а послѣ него, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ на кругу, собравшемся на площади, было объявлено казакамъ объ изданіи новыхъ законовъ для войска Донского.

По новому «Положенію» управленіе войскомъ Донскимъ было раздѣлено на *военное* и *гражданское*. Высшая власть какъ по тому, такъ и другому управленію принадлежала *войсковому наказному атаману*. При атаманѣ состояли: *войсковая канцелярія, адъютанты* и *войсковые есаулы*. Вторымъ лицомъ послѣ атамана являлся по своему значенію *начальникъ штаба войска Донского*. Войско Донское раздѣлено было на *четыре округа*. Каждымъ округомъ завѣдывалъ *окружный генералъ*.

Для гражданскаго управленія войскомъ было учреждено *Войсковое правленіе*.

Кромѣ того, учреждены были: *войсковые суды — уголовный* и *гражданскій, коммерческій судъ* въ Новочеркасскѣ, *войсковой приказъ общественнаго призрѣнія, войсковая врачебная управа, войсковая почтовая контора* и *войсковое депутатское дворянское собраніе*. Такія же учрежденія были заведены и по всѣмъ округамъ.

Для управленія станицами назначено было имѣть *станичнаго атамана* и *двухъ судей*, избиравшихся на три года, и *двухъ станичныхъ писарей*.

Въ Новочеркасскѣ была учреждена *Новочеркасская полицейская управа*.

Для полковъ была издана *полковая инструкція*. Не были забыты и живущіе на войсковой землѣ *калмыки*. Для нихъ постановлено было имѣть *калмыцкое правленіе*. Кочевье калмыковъ было раздѣлено на *три улуса*, улусы дѣлились на *сотни* и сотни на *хотуны*. Всѣ должности калмыцкаго управленія были выборными.

Новый законъ объ управленіи войскомъ Донскимъ сразу поставилъ войско въ положеніе не обособленной части Россійской имперіи, но отдѣльной области съ управленіемъ, сходнымъ съ управленіями русскихъ губерній. По войску Донскому пошла правильная почта, начались частыя сношенія съ другими губерніями, и только особенность военной казачьей службы отличала казака отъ другихъ подданныхъ Русскаго царя. Такое объединеніе съ другими губерніями должно было непремѣнно совершиться когда-нибудь. Это «Положеніе» создали не генералъ Чернышевъ и не атаманы Денисовъ, Иловайскій и Кутейниковъ, но создала сама жизнь. Изъ вольнаго самостоятельнаго общества, ведшаго войны съ сосѣдями по своей волѣ, — Донское войско обратилось въ часть Русской имперіи. Сосѣди казаковъ — крымскіе татары и ногаи были покорены. Азовское море, бывшее когда-то турецкимъ,—стало всѣми берегами своими принадлежать Россіи. Весь Крымъ былъ русскій. При участіи донскихъ казаковъ шло покореніе Кавказа. Донскіе казаки, воюя съ турками, поляками, шведами и французами бокъ о бокъ, стремя къ стремени съ русскими полками, незамѣтно, но прочно вошли въ составъ русской арміи. Донская область была окружена русскими губерніями— Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической, Тамбовской, Саратовской,—она должна была управляться одними и тѣми же законами, какъ и эти губерніи, стать въ смыслѣ подчиненія законамъ такою же, какъ и онѣ. «Положеніе объ управленіи войскомъ Донскимъ» и привело его къ тому же виду, какой имѣли губерніи. Разница была лишь въ названіяхъ, да въ нѣкоторыхъ особенностяхъ управленія и отбыванія воинской повинности.

Въ 1828 году Высочайше повелѣно было казачьимъ чинамъ имѣть слѣдующія наименованія: *казакъ, урядникъ, хорунжій, сотникъ, есаулъ. войсковой старшина, подполковникъ* и *полковникъ*.

Служба казаковъ тогда раздѣлялась на *полевую* и *внутреннюю*. Полевою службою называлась служба въ строевыхъ частяхъ. Внутреннею—

въ качествѣ прислуги, посыльныхъ, сторожей, писарей, вообще нестроевыхъ, а также въ полиціи.

Полевая служба была *внѣшняя*, т. е. внѣ войска, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Варшавѣ, въ Финляндіи, и *линейная* — по Кавказской границѣ. Общій срокъ службы опредѣлялся въ 30 лѣтъ, изъ нихъ 25 лѣтъ полевой и 5 лѣтъ внутренней службы. 17-ти лѣтъ казакъ считался малолѣткомъ и до 19-ти лѣтъ отбывалъ «сидѣночную» повинность, а на двадцатомъ году шелъ на службу въ полкъ на три года, а на Кавказѣ на четыре года. Послѣ трехъ лѣтъ казакъ возвращался домой на два года, а потомъ снова шелъ на службу опять на три года, и такъ до четырехъ разъ. Поэтому на службѣ были казаки 20-ти лѣтъ, 25-ти, 30-ти и 40 лѣтъ—такъ по «Положенію» была устроена казачья служба.

«Положеніе» разсмотрѣло и земли казачьи. Оно озаботилось правильнымъ раздѣломъ станичныхъ юртовъ, отвело земли, на которыхъ былъ каменный уголь, въ собственность войска и нарѣзало на каждую станицу такой участокъ, чтобы на казака пришлось по 30-ти десятинъ паевой земли. Каждая станица должна была раздѣлить свои земли и отвести участокъ для пашни, для сѣнокосовъ, для пастьбы скота и рабочихъ лошадей и для конскаго табуна и гулевого скота. Пахотная и сѣнокосная земля раздѣлялась на *паи* и на нее имѣли право всѣ служилые казаки. Вдовы и сироты — женщины получали полъ-пая.

Южная часть Задонской степи была отведена для зимовниковъ и для содержанія частныхъ конскихъ табуновъ.

Офицерамъ за службу полагались въ пожизненное владѣніе участки земли.

Таковы были перемѣны, внесенныя въ жизнь донскихъ казаковъ временемъ и утвержденныя «Положеніемъ».

Почти сейчасъ же вслѣдъ за объявленіемъ «Положенія» войсковой наказный атаманъ генералъ-отъ-кавалеріи Кутейниковъ, въ 1836 году, былъ отставленъ отъ атаманства и на его мѣсто назначенъ генералъ-отъ-кавалеріи *Максимъ Григорьевичъ Власовъ*. Онъ былъ атаманомъ до 1848 года. Это былъ послѣдній атаманъ-казакъ по происхожденію. Вся служба его прошла въ суровое время императора Николая I Павловича, когда на военное дѣло, на обученіе полковъ и ихъ дисциплину было обращено много вниманія. И войска Донского коснулись нѣкоторыя перемѣны. Перемѣны эти были слѣдствіемъ участія казаковъ въ войнахъ Персидской и Турецкой въ 1828 — 1829 годахъ и усмиреніи польскаго мятежа 1831 года.

Старикъ дѣдъ. Казакъ Верхне-Курмоярской станицы. Снятъ на фотографію въ 1869 году. Участвовалъ въ войнѣ 1812 года и былъ раненъ французами.

60. Домашняя жизнь казаковъ во время царствованія императора Александра I.

Послѣ войнъ съ Наполеономъ многое перемѣнилось въ домашней жизни донскихъ казаковъ. Много повидали за это время донскіе казаки, во многихъ походахъ участвовали они, видѣли хорошо и заграничную жизнь. Стали среди казаковъ появляться люди, которые одѣвались уже не въ старинную одежду, а по-модному, по-французски. Начали носить фраки, сюртуки, пиджаки. Атаманъ Платовъ преслѣдовалъ это и строго взыскивалъ съ модниковъ. Разъ какъ-то, проѣзжая по Новочеркасску, атаманъ встрѣтилъ двухъ молодыхъ людей, шедшихъ по улицѣ во фракахъ со свѣтлыми пуговицами. Они остановились и поклонились графу. Графъ принялъ было ихъ за проѣзжихъ и спросилъ у сопровождавшаго его полиціймейстера:

— Куда проѣзжаютъ эти «синуташки» *), на кавказскую линію, что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ полиціймейстеръ,— это наши донскіе студенты, которые учатся въ Харьковскомъ университетѣ.

— Какъ донскіе? Какъ же смѣютъ они носить здѣсь «синовскій» мундиръ, да еще съ «гуцикамн»? Позови ихъ сейчасъ ко мнѣ!

Коляска остановилась. Подошли студенты.

— Кто вы такіе?—спросилъ ихъ атаманъ.

— Студенты Харьковскаго университета,—робко отвѣтили молодые люди.

— Въ первый и послѣдній разъ прощаю,—строго сказалъ имъ графъ,— да смотрите, коли покажетесь на улицахъ въ этихъ «синовкахъ», то непремѣнно въ тюрьму засажу. Когда вы на Дону, носите казачьи чекмени...

Такъ знаменитый герой и побѣдитель Наполеоновыхъ полчищъ смотрѣлъ на необходимость поддержать въ казакахъ преданность старымъ обычаямъ.

Но если молодежь и была легкомысленна, то старики на Дону и тогда твердо держались вѣками установившихся обычаевъ. Казаки были гостепріимны, набожны, почитали родителей, повиновались начальникамъ и съ благоговѣніемъ чтили имя своего государя. На Дону въ это время уже всѣ занимались земледѣліемъ, и весь Донъ сверху до низу былъ распаханъ. И распахала, и засѣяла, и сжала, и въ снопы повязала, и вымолотила—все за казака сдѣлала—его жена, чернобровая, осанистая донская казачка. И тогда казаки жили, какъ и въ пѣснѣ поется:—«не ткутъ, не прядутъ, не сѣютъ, не жнутъ, а хорошо живутъ». То въ походѣ, то на службѣ, казакъ больше половины жизни проводилъ внѣ дома. Съ Кавказской линіи шелъ въ Польшу, а изъ Польши попадалъ въ Шведскую сторону—въ Финляндію. На нивѣ работала его жена, скапливая ему богатство, устраивая ему домъ, да посылая ему на службу трудовые рубли. Если донскіе казаки во время долгихъ походовъ добыли великую славу войску Донскому, то трудолюбивыя, домовитыя казачки, наши бабки и прабабки, сохранили и земли, и богатство нашимъ дѣдамъ.

Станицы и хутора свои казаки ставили, не заботясь о правильности улицъ. Каждый ставилъ домъ, гдѣ хотѣлъ. Станица представляла изъ себя кучу домовъ и домиковъ, разсѣянныхъ по балкѣ, по берегу рѣки,

*) „Синою“ на Дону называли иногороднихъ. Слово это презрительное.

въ степи. Улицы, улички, переулки и переулочки, тупики—все перемѣшалось въ кучу. И непремѣнно въ станицѣ есть площадь, гдѣ казаки собираются потолковать о дѣлахъ, да попѣть свои пѣсни. Хорошо тогда пѣли казаки свои старыя пѣсни. Въ Новочеркасскѣ пѣсенники Атаманскаго полка пѣли на обѣдахъ у атамана. Пѣніе сопровождала очень часто скрипка, вывезенная казаками изъ Италіи. Въ скрипачахъ-самоучкахъ недостатка не было.

Богатые, зажиточные казаки носили свою военную одежду и дома. Такъ какъ въ это время казаки часто бывали на Кавказѣ, то и одежда казаковъ стала походить на черкесскій нарядъ. Казаки надѣвали *кафтанъ*, спускавшійся ниже колѣнъ и сдѣланный изъ парчи или другой дорогой матеріи, и застегивающійся на пуговки. Кафтанъ подпоясывали дорогимъ поясомъ. Поверхъ кафтана надѣвали черкеску съ патронными гозырями. На поясѣ носили, по черкесскому обычаю, кинжалъ. Шашку носили на поясной портупеѣ. Шашка была въ сафьянныхъ ножнахъ, богато украшенныхъ золотомъ, серебромъ, а иногда и самоцвѣтными камнями. Сапоги носили высокіе, краснаго или желтаго сафьяна, и шаровары убирали въ сапоги. Шапку дома носили съ собольимъ околышемъ, а верхъ ея вышивали золотомъ и обкладывали позументомъ. Въ зимнее время носили дорогія шубы, покрытыя бархатомъ, на лисьемъ или собольемъ мѣху. Носили осенью и бурки, и башлыки, и азямы—широкіе халаты изъ верблюжьей ткани. Менѣе богатые казаки носили форменную одежду, которая очень нравилась казакамъ.

Женщины носили на головѣ *повойникъ* изъ парчи, на повойникъ повязывали платокъ, къ которому прикалывали цвѣты или разноцвѣтныя страусовыя перья. Въ праздники носили собольи шапки, вышитыя жемчугомъ, алмазами и яхонтами. Изъ-подъ шапки, какъ и встарину, свѣшивались *чикилики*, вынизанныя жемчугомъ; поверхъ рубашки и штановъ, скроенныхъ широко по-турецки, носили *кубелекъ*, длинное платье, украшенное подъ мышками *ластовками*, по поясницѣ *уперами*, на груди — *капкачемъ*. Кубелекъ застегивали пуговицами жемчужными или золотыми, имѣющими форму небольшой груши. При выходѣ изъ дома богатыя казачки поверхъ кубелека одѣвали *кавракъ*. Казачки носили ожерелья, браслеты изъ золота и жемчуговъ. Вообще жемчугъ былъ любимымъ украшеніемъ донскихъ женщинъ. На ноги надѣвали туфли.

Но въ Новочеркасскѣ уже только старыя женщины сохраняли этотъ старинный казачій нарядъ. При атаманѣ Иловайскомъ новочеркасскія женщины начали одѣваться во французскія платья и на Дону появились первыя портнихи изъ Москвы и изъ Варшавы.

Въ станицахъ казаки носили или форменные чекмени, или кафтаны синяго сукна, шаровары съ лампасомъ, высокіе сапоги и барашковыя шапки. Одѣваться въ форменную одежду, носить щегольскія сабли, украшенныя золотомъ и серебромъ, надѣвать ордена и медали, старые кивера—считалось щегольствомъ. Въ станичную церковь казакъ ходилъ не иначе, какъ въ томъ самомъ мундирѣ, въ которомъ онъ былъ на войнѣ. Сабля хранилась изъ рода въ родъ, переходила отъ отца къ сыну, потомъ къ внуку. Ее украшали, вѣшали подъ образа, давали ей почетное мѣсто. Такимъ же почетомъ пользовалась и *пика*, которую называли—*дончихою*. Много поработала въ это время дончиха и много славы доставила казакамъ. Сохранялось и дѣдовское ружье.

Простыя казачки носили повойникъ и кубелекъ. И то и другое дѣлалось изъ простого чернаго сукна.

Казакъ рождался воиномъ. Въ семьѣ его не называли мальчикомъ, а казакомъ, казачьимъ сыномъ. Новорожденному всѣ друзья и знакомые отца приносили что-либо на зубокъ. Этотъ подарокъ непремѣнно былъ военный: патронъ пороха, стрѣла, лукъ, пуля,—дѣдъ дарилъ и шашку, или ружье. Дареныя вещи развѣшивались по стѣнѣ въ той горницѣ, гдѣ лежала мать. Когда по истеченіи сорока дней мать съ сыномъ возвращалась изъ церкви, ее встрѣчалъ отецъ. Онъ бралъ сына на руки, надѣвалъ на него какую-нибудь саблю, сажалъ на лошадь, подстригалъ ножницами волосы въ кружокъ и возвращалъ матери, поздравляя ее съ казакомъ.

Когда у младенца прорѣзывались зубы, отецъ бралъ его на лошадь и ѣхалъ съ нимъ въ церковь, гдѣ служили молебенъ Іоанну-воину о томъ, чтобы сынъ ихъ былъ храбрымъ казакомъ. Трехлѣтніе казачата уже сами ѣздили верхомъ по двору, а пяти лѣтъ уже скакали, отводя лошадь въ табунъ.

Съ этого времени мать уже не видала сына. Ей доставались одни страхи за его жизнь, одна боязнь, что онъ расшибется. «Болѣзненькій ты мой», жалостливо причитаетъ казачка-мать надъ сыномъ, а онъ стоитъ и глаза его дышутъ отвагою, и жажда подвиговъ въ его душѣ, и сердце колотится удалью.

17-ти лѣтъ онъ -*малолѣтка*. Со многихъ станицъ въ одно мѣсто собираются казаки-малолѣтки на смотръ. Что смотрѣть?—когда ихъ никто ничему не училъ. И вотъ начинались скачки, стрѣльба въ цѣль, стрѣльба на всемъ скаку, рубка и фланкировка. Разгорѣвшись отвагою, цѣлыя станицы малолѣтковъ съ полнаго разгона кидались въ рѣку и плыли на ту сторону съ лошадьми, аммуниціей и пиками. Они разсыпались лавою, скакали другъ противъ друга, схватывались въ объятья

и боролись на конѣ. Зимою строили изъ снѣга городъ, водружали на вершинѣ его знамя и атаковывали на коняхъ и пѣшкомъ.

— Чего не могу! Все могу! — говорили казаки и самоувѣренно смотрѣли на всякую опасность, на всякую удалую потѣху. Это были живыя игры, гдѣ нужна была отвага, смѣлое сердце, крѣпкія руки и сильныя ноги. Онѣ подготовляли казака къ его будущей, тяжелой военной службѣ.

Влюбиться въ женщину, грезить дѣвушкой—казаку было постыдно. И дѣвушки казачки, любуясь играми казаковъ, слушая ихъ пѣсни, даря имъ цвѣты и ленты, угощая ихъ стаканомъ вина, любили ихъ всѣхъ, любили казачество и молодцовъ малолѣтковъ своей станицы. Влюбиться дѣвушкѣ въ казака было большимъ срамомъ.

Приходило время жениться—объ этомъ думали родители. Въ отцовскомъ и материнскомъ сердцѣ давно облюбована была невѣста сыну и женихъ дочери. Невѣста и женихъ достойные и по положенію, и по достатку. И между собою родители сговорились давно. Однако нужно было учинить *сватовство*.

За нѣсколько дней до этого времени отецъ или мать говорили сыну:

— Сынокъ, тебѣ время жениться. Мы съ матерью выбрали тебѣ невѣсту. Она хозяйка домовитая и работящая.

— Воля ваша,—отвѣчалъ сынъ и кланялся отцу въ ноги.

Послѣ этого устраивались смотрины невѣсты. Родители жениха отправлялись въ домъ родителей невѣсты на вечеринку. Собирались гости. Гости заводили разговоръ о хозяйской дочери, хвалили ея красоту, умъ, называли ее доброю хозяйкой и просили, чтобы она поднесла имъ. Мать звала дочь. Та выходила, одѣтая по-домашнему, но принаряженная, приносила подносъ съ кубками и чарками, налитыми виномъ, и обносила гостей. А сама потомъ скромно становилась въ углу. Гости медленно пили, похваливали вино, а женихъ смотрѣлъ на невѣсту.

— Богъ дастъ,—говорили гости,—она и насъ полюбитъ!

Всѣ узнавали въ чемъ тутъ дѣло, но никто и вида не показывалъ, что знаетъ. Послѣ этого засылали *сватовъ*. Сваты начинали дѣло просто.

— Урядникъ Мосѣй Карповичъ и Маланья Петровна желаютъ вступить съ вами въ родство,—говорили они.

Если имъ отвѣчали: — «благодаримъ покорно за доброе мнѣніе о дочери, но только мы не можемъ собрать свадьбу», это значило— отказъ. Если же отецъ соглашался, то онъ говорилъ: — «дайте мнѣ посовѣтоваться, да и ее самою поспрошать, заходите на послѣзавтра».

Невѣсту хотя иногда и спрашивали, но она не смѣла отвѣтить иначе какъ:—«воля ваша».

Въ назначенный день сваты приходили уже съ хлѣбомъ-солью.

— Отецъ и мать Гаврилы Миронова,—говорили они,—кланяются и просятъ принять хлѣбъ-соль.

Хозяева, вмѣсто отвѣта, цѣловали гостинецъ.

— Дай Богъ,—говорили сваты на прощанье,—въ добрый часъ!

— Въ добрый часъ!—отвѣчали родители и подавали другъ другу руки не иначе, какъ обернувъ ихъ суконною полою.

Въ этотъ же день вечеромъ въ домѣ невѣсты справлялось *рукобитье.* Женихъ приходилъ съ родителями. Его поздравляли съ невѣстою и онъ кланялся въ ноги будущему тестю и тещѣ. Собирались гости, устраивалась вечеринка и дѣвушки пѣли пѣсни:

По рукамъ ударили,
Зарядъ *) положили,
Грунюшку пропили,
Пропили и хвалятся:
Что жъ мы за пьяницы,
Что жъ мы за пропойцы...

Помолчатъ немного и начинаютъ отвѣтъ:

Родимый мой батенька,
Нельзя ли передумати?
Нельзя ли отказати?
— Нельзя, мое дитятко,
Нельзя передумати,
Нельзя отказати:
По рукамъ ударили,
Зарядъ положили.

О приданомъ тогда никогда не говорили. Это было бы униженіемъ чистоты брака. Сватъ выводилъ на середину комнаты жениха, по лѣвую сторону ставили невѣсту и женихъ цѣловалъ ее. Родители соединяли ихъ руки и отецъ жениха говорилъ торжественно:

— Сынъ, вотъ тебѣ невѣста. Да благословитъ Господь Богъ союзъ вашъ.

Иногда при этомъ женихъ и невѣста дарили другъ друга чѣмънибудь. Дѣвушки снова пѣли:

По рукамъ ударили,
Зарядъ положили...

*) Зарядъ—закладъ.

На рукобитьѣ долго не сидѣли, назначали день сговора и расходились по домамъ. Женщины, проходя по станицѣ, пѣли: «Ой заюшка горностай молодой» и «Перепелушка рябыя перушки». И вся станица знала, что рукобитье состоялось.

За рукобитьемъ слѣдовалъ новый праздникъ—*сговоръ*. На сговоръ сзывалась чуть не вся станица. Ярко горѣли свѣчи въ мѣдныхъ шандалахъ; всѣ были принаряжены. На столахъ, накрытыхъ скатертями, разложены были гостинцы и сѣмячки. Женщины и дѣвушки садились въ отдѣльной комнатѣ. Въ домѣ жениха готовили 10—20 блюдъ съ кренделями, пряниками, орѣхами, винными ягодами, финиками и всякими сластями, готовили медъ и вино, и длинной вереницей несли все это въ домъ невѣсты. Тамъ, въ присутствіи всѣхъ, повторялось то же, что было на рукобитьѣ. Потомъ женихъ съ невѣстой обносили гостей виномъ. Отъ послѣдняго гостя невѣста убѣгала къ дѣвушкамъ, и если женихъ не успѣвалъ ее обогнать, то онъ долженъ былъ ее выкупать.

Молодая дѣвица казачка.
(Березовской станицы).

Начинался торгъ. Дѣвушки ни за что не уступали невѣсту.

— Она у насъ золотая, недешево вамъ достанется,—приговаривали онѣ.

Всѣ собирались смотрѣть этотъ торгъ; наконецъ, женихъ выкупалъ ее и ее ставили въ уголъ комнаты. Наступала тишина, а потомъ черезъ полчаса все оживлялось и начинались танцы. Танцовали больше два танца—*журавель* и *казачка*.

Во время ужина пѣли пѣсни. Сначала пѣли пѣсни о геройскихъ подвигахъ донцовъ, протяжныя, потомъ плясовыя.

За два дня до свадьбы праздновали *подушки*, а наканунѣ свадьбы—*дѣвишникъ*.

Въ день «подушекъ» приходили знакомые и родня жениха и смотрѣли приданое. Въ комнатахъ были положены подушки. Женихъ съ невѣстою садились первыми на нихъ. Швеи, шившія приданое, подносили имъ медъ; женихъ выпивалъ медъ маленькими глотками, послѣ каждаго глотка цѣловалъ невѣсту, приговаривая:—«медъ горекъ, надобно

подсластить». Осушивъ бокалъ, женихъ клалъ на подносъ швеямъ деньги. Послѣ жениха и невѣсты на подушки садились и другіе казаки и казачки, пили медъ и цѣловались, а въ нихъ въ это время бросали подушками. Бывала въ день подушекъ и музыка и тоже танцовали.

Дѣвишникъ—это былъ послѣдній праздникъ молодой казачки. Вечеромъ передъ заходомъ солнца одна, или съ какою-нибудь старою женщиною или съ нянею ходила она на кладбище, молилась на могилахъ родныхъ и просила благословенія на новую жизнь.

Въ ея домѣ тѣмъ временемъ собирались гости «наволакивать подушки». Въ домѣ жениха съѣзжались «каравай сажать». Каравай пекли торжественно. Всѣ гости держались за лопату, дружко и свахи освѣщали печь свѣчами яраго воска, обвитыми цвѣтными лентами. Эти свѣчи давались жениху и невѣстѣ при вѣнчаньи. Во время закладки каравая всѣ гости пѣли:

„Каравай мой раю!
Сажаю—играю,
Сыромъ посыпаю,
Масломъ поливаю.

Каравайное тѣсто
Побѣгло къ мѣсту.
По медъ, по горѣлку,
По красную дѣвку.

Вечеромъ гости жениха, набравъ караваевъ, отправлялись въ домъ невѣсты. Невѣста сидѣла среди подругъ. На ея головѣ надѣта была высокая шапка, украшенная цвѣтами и перьями, а въ косѣ былъ заплетенъ золотой косникъ. Подруги ея пѣли ей грустныя пѣсни.

Кукуй, кукушка, не умолкай,
Не долго тебѣ куковать:
Отъ велика дня до Петра.
Плачь, Грунюшка, не умолкай,
Не долго тебѣ дѣвовать:
А и съ вечера до утра,
А и съ утрева до обѣда,
А и съ обѣда часину—
Тамъ тебѣ косушку расплетутъ,
Шелковый колпачекъ надѣнутъ.

Съ приходомъ жениха пѣсни смолкали. Садились опять на подушки, пили медъ, а потомъ женщины разбирали легкія вещи изъ приданаго и шли въ домъ жениха съ пѣснею:

Оглянися, мати,
Каково у тебя въ хатѣ?
Пустымъ пустехонько,
Дурнымъ дурнешонько!
Сестрицы подружки,
Да несите подушки,
Сестрицы Катерины,
Да несите перины.
А сестрицы Алены,
Да несите павильоны!
Метеная дорожка метена—
Туда наша Грунечка везена!
По дорожкѣ василечки поросли,
Туда нашу Грунечку повезли,
Повезли ее, помчали,
Въ одинъ часочекъ свѣнчали!

Свадьба справлялась особенно торжественно. Это былъ самый торжественный день, быть можетъ, единственный праздникъ въ жизни женщины казачки. Все, что было богатаго въ домѣ ея родителей, доставалось для этого дня. Жемчуга и золото блистали на ней. Какъ только раздавался благовѣстъ къ обѣднѣ, отецъ и мать благословляли невѣсту, она цѣловала икону и прощалась съ родителями и родными. Слезы лились безъ конца.

Между тѣмъ женихъ въ богатомъ платьѣ шелъ къ невѣстѣ. Платье жениха сохранялось изъ рода въ родъ. Часто сынъ вѣнчался въ кафтанѣ, въ которомъ вѣнчался и его дѣдъ, жалованномъ царемъ кафтанѣ. Иногда вѣнчальное платье было одно на всю станицу. Оно хранилось въ станичной избѣ и надѣвали его всѣ женихи, а по окончаніи свадьбы возвращали обратно въ станицу. Жениха велъ «вѣдунъ», онъ долженъ былъ предупреждать его о всѣхъ порогахъ. Впереди его шелъ священникъ съ крестомъ, а за нимъ мальчики несли благословенные образа съ пеленами; кругомъ шли товарищи жениха, или *поѣзжане*. По окончаніи вѣнчанія въ церкви, еще въ притворѣ молодой расплетали косу и укладывали волосы по-женски—на двое, обвивали ими голову и надѣвали шапку или *повойникъ*. При расплетаніи косы дѣвушки пѣли:

Не золотая трубушка вострубила,
Рано на зарѣ восплакала Грунюшка
По своей русой косѣ.
Свѣтъ моя косушка русая,
Что родная маменька плела,

Она мелко на мелко переплетывала,
Мелкимъ жемчугомъ усаживала.

Поѣздъ съ молодыми, окруженный верховыми поѣзжанами, ѣхалъ въ домъ жениха. На крыльцѣ молодыхъ встрѣчали родители съ хлѣбомъ-солью, подъ хлѣбомъ-солью долженъ былъ пройти весь поѣздъ. Когда проходили молодые, на нихъ сыпали пшеницу и другія хлѣбныя зерна, перемѣшанныя съ хмѣлемъ, орѣхами, пряниками, мелкими монетами,—это означало пожеланіе молодымъ жить богато...

Всѣ садились за столъ. Начинались тосты—первый тостъ былъ всегда за Царя, потомъ за войскового атамана, за все великое войско Донское, за *молодого князя и княгиню*. Тутъ обыкновенно родные и тесть одаривали ихъ. Дарили дорогія вещи, оружіе, иногда тесть отдавалъ молодому своего залетнаго скакуна съ сѣдломъ и родители жениха одаривали невѣсту платьями и матеріями. Пиръ шелъ иногда до утра. Пѣли свадебныя пѣсни. Смолкали онѣ, поднимался старый казакъ и, держа въ рукѣ серебряный кубокъ, можетъ быть, отбитый у турокъ еще въ Азовскіе походы, говорилъ:

— Желаю здравствовать князю молодому съ княгинею! Княжому отцу, матери, дружкѣ съ свахами и всѣмъ любящимъ гостямъ на бесѣдѣ, не всѣмъ поименно, но всѣмъ поровенно. Что задумали загадали, опредѣли Господи таланъ и счастье. Слышанное видѣть, желаемое получить, въ чести и въ радости нерушимо...

И собраніе въ голосъ отвѣчало:—опредѣли Господи!—А потомъ снова пѣли свадебныя пѣсни.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы родители молодой давали всѣмъ гостямъ *отводы*—прощальный обѣдъ.

Очень часто и мѣсяца не проходило послѣ свадьбы, какъ молодой мужъ получалъ нарядъ и шелъ на службу. Жена терпѣливо ждала три года смѣны. Тяжело жилось ей въ чужомъ домѣ. И вотъ:

Всѣмъ-то полкамъ
Съ Дона смѣна идетъ,
А мому-то дружку
Перемѣны нѣтъ...

Какъ часто бывало и такъ, что ждетъ жена мужа, идутъ полки домой:

Какъ и всѣ полки съ моря домой идутъ,
А мово-то друга милаго—коня ведутъ!
А на конѣ-то лежитъ сѣдельце черкесское,

На сѣделичкѣ лежитъ подушка козловая,
Во подушечкѣ лежитъ рубашечка бѣлая...
Не чистымъ-то чисто она вымыта
Да въ крови-то вся она измазана...
Умиралъ молодецъ, друзьямъ приказывалъ:
„Какъ лучитъ Господь васъ на тихій Донъ,
Отнесите вы моей женѣ поклонъ!
Скажите, чтобы не мыла рубашечку въ рѣчной водѣ,
А чтобъ выбанила ее горючей слезой,
Да чтобъ не сушила ее на солнышкѣ,
А чтобъ высушила ее—на своей груди“!

Каждый походъ приносилъ славу Дону. Въ Новочеркасскѣ прибавлялось жалованныхъ знаменъ, говорившихъ казакамъ о ихъ недавней славѣ. Приносили станичники изъ похода дорогія хоругви, иконы и паникадила и ставили ихъ въ родную церковь, но прибавлялось въ этой церкви на иконѣ Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ Заступницѣ —жемчуговъ на окладѣ. Этотъ жемчугъ, какъ слезы клали казачки за своихъ убитыхъ мужей...

Старуха-казачка.
(Березовской станицы).

Въ походахъ и бояхъ проходила жизнь донского казака. Вернулся съ третьей перемѣны, а въ четвертую уже и сына повелъ. Всѣ жили внѣ Дона, въ чужой землѣ.

И только старики собирались на *рундукахъ*, или на кладбищѣ, на *голубцахъ*, пѣли боевыя пѣсни и пили медъ. Пропоютъ они пѣсню, помолчатъ и кто-либо скажетъ:

— Да, заслужили наши казаки Богу, государю и великому войску Донскому!

Такова была жизнь и обычаи донскихъ казаковъ въ пору величайшей ихъ славы, въ пору войнъ съ французами. Этими обычаями крѣпко держалась старина, славное прошлое. Дѣти, почитая родителей, росли добрыми казаками и, возвращаясь со службы, по чести могли сказать:

— Да, заслужили наши казаки Богу, государю и великому войску Донскому!

Ларецъ и сабля, которую носилъ Государь Императоръ Александръ I, подаренныя войску Донскому.

61. Войны съ Турціей.

1828—1829 годы.

Послѣ смерти государя императора Александра I Павловича на престолъ Россійскихъ государей вступилъ родной братъ его, императоръ Николай I Павловичъ. Императоръ Николай I съ дѣтства любилъ военную службу. Будучи наслѣдникомъ, онъ отбывалъ обязанности унтеръ-офицера, а потомъ и младшаго офицера, отлично зналъ службу и уставы. Онъ самъ лично провѣрялъ знаніе службы полковъ, стремился высоко поставить военное дѣло. Наблюдалъ за обученіемъ кадетъ, требовалъ отъ офицеровъ точнаго исполненія долга. Русскіе солдаты въ его время были стойки и непобѣдимы и, кромѣ того, честны и исправны. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много воды утекло, а и до сихъ поръ, когда мы хотимъ сказать про кого-либо, что онъ образцово служитъ, мы говоримъ:—«это Николаевскій служака». Всю жизнь служилъ Николаевскій солдатъ на военной службѣ. Молодымъ безусымъ рекрутомъ приходилъ онъ въ полкъ изъ деревни и сѣдымъ старикомъ возвращался домой. Служба казаковъ въ тѣ времена была легче солдатской: казакъ служилъ съ перемѣной, со льготой. Но и отъ казака требовалась такая же точность и исполнительность. Государь императоръ не разъ лично видѣлъ боевую работу донцовъ и всегда восхищался ею. Въ тѣ времена казаку было нелегко. Требовалась исправность въ одеждѣ, гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Казаки и въ походѣ были затянуты въ мундиры и не снимали киверовъ.

А походовъ было много. Съ 1801 года, еще со временъ императора Александра I велась непрестанная война на Кавказѣ,—тамъ работали казаки. Въ 1826 году началась война съ Персіей, а въ 1828 году и съ Турціей. Донскіе полки участвовали во всѣхъ трехъ войнахъ.

8 октября 1828 года соединенные турецкіе и египетскіе корабли были разбиты и уничтожены соединенными кораблями Россіи, Англіи и

Франціи подъ Наварпномъ. Соединенныя великія европейскія державы наказали турецкаго султана за тѣ обиды, которыя испытывали богомольцы, ходившіе ко гробу Господню. Султанъ, взбѣшенный этимъ, приказалъ всѣмъ своимъ подданнымъ готовиться къ войнѣ съ Россіею. Тогда государь императоръ Николай I, 14 апрѣля 1828 года, объявилъ войну Турціи. Пятью армейскими корпусами двинулась наша армія въ Турцію. Три корпуса шли на Дунай, одинъ шелъ моремъ на корабляхъ черезъ Черное море и одинъ на Кавказъ. Во всѣхъ корпусахъ находились донскіе казачьи полки.

Какъ и всегда, казаки дѣйствовали впереди всѣхъ. Въ концѣ мая мѣсяца 3-й корпусъ подошелъ къ Дунаю возлѣ Браилова. Къ корпусу прибылъ государь императоръ и приказалъ приступить къ переправѣ. Въ этомъ мѣстѣ рѣка Дунай имѣетъ 300 саженей ширины. Только что получено было приказаніе государя о переправѣ и пѣхота и артиллерія стали готовить плоты и понтоны, какъ казаки полковъ *Ступачева* и *Секретарева* раздѣлись, сдали одежду на понтоны и, захвативши патроны и пики, бросились въ волны Дуная. Этимъ донскіе казаки ускорили переправу третьяго корпуса и помогли нашей пѣхотѣ укрѣпиться на турецкомъ берегу.

Наша армія быстро подавалась къ главной турецкой крѣпости Силистріи. Для развѣдки крѣпости, въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ посланъ регулярный полкъ подъ командою полковника Хомутова и донской казачій *№ 2 Тацына* полкъ. День былъ жаркій. Дорога шла по прекрасной мѣстности. Въ полдень оба полка стали на привалѣ въ лѣсу на тѣнистой полянѣ. Прилегли отдохнуть. Въ назначенный для выступленія часъ полкъ Хомутова поднялся и ушелъ, казаки же, утомленные походомъ, безсонными ночами на сторожевой службѣ, разморились на жарѣ и теперь на холодкѣ такъ разоспались, что и не видали, какъ ушла кавалерія. Вдругъ часовой сдѣлалъ выстрѣлъ, другой и третій. Въ казачьемъ станѣ поднялась тревога. Съ просонокъ казаки не знали, куда сунуться. Кинулись къ лошадямъ, да было уже поздно. На казачій привалъ налетѣли турки. Въ полку было много молодыхъ казаковъ. Они растерялись. Кто схватилъ пику и не знаетъ, что дѣлать съ нею безъ коня, другой несъ вьюкъ, да такъ со вьюкомъ и замеръ съ разинутымъ ртомъ. Старые казаки схватились за ружья — да старое ружье не то, что теперешняя винтовка, — одинъ выстрѣлъ сдѣлалъ, а потомъ надо заряжать, возиться долго... Одинъ изъ первыхъ погибъ полковникъ Тацынъ. Его такъ изрубили турки, что тѣло его потомъ узнали только по рукамъ да по золотому кольцу на пальцѣ. Пять сотенъ казаковъ погибло подъ ударами кривыхъ турецкихъ ятагановъ, лишь шестая успѣла

Императоръ Николай I.

сѣсть на лошадей и подъ командою есаула Вильфинга прорубилась сквозь турокъ.

За Дунаемъ война шла большею частью подъ крѣпостями. Осаждали Варну, Силистрію и Шумлу и брали эти крѣпости штурмами. Казакамъ приходилось нести только сторожевую и охранную службу, содержать летучую почту, стоять на заставахъ.

И на Кавказѣ наши войска должны были одолѣть много крѣпостей. Въ августѣ 1828 года наши войска осадили сильную крѣпость Ахалцыхъ. Къ туркамъ подошла помощь, но наши солдаты отбили подкрѣпленіе. У насъ не хватало снарядовъ, не было продовольствія, а между тѣмъ къ турецкой крѣпости шла подмога. 15 августа наши войска бросились на штурмъ. Вмѣстѣ съ егерями въ городъ вскочили донскіе казаки 4-го взвода донской артиллеріи.

Передъ ними была тѣсная улица, стрѣлять некуда. Казаки живо раздобыли доски и балки, устроили на скорую руку помостъ и втянули на рукахъ пушки на крышу одного изъ домовъ. Тутъ передъ ними открылись цѣлыя площади, покрытыя турецкими солдатами. Донскіе артиллеристы начали обстрѣливать ихъ ядрами. И сейчасъ же изо всѣхъ окрестныхъ домовъ со свистомъ полетѣли въ нихъ пули. Онѣ рѣшетили лафеты и колеса орудій и убивали и ранили ничѣмъ не прикрытыхъ казаковъ. Вдругъ крыша дома, не выдержавъ тяжести орудій, провалилась. Пушки опустились до самаго клина, которымъ запиралась тогда казна. Турки сейчасъ же бросились на казаковъ.

— Ребята!—крикнулъ ихъ офицеръ,—неужели намъ придется разстаться съ нашими друзьями—пушками!?

— Нѣтъ, ваше благородіе, не бывать тому! — крикнулъ казакъ Кундрюковъ, высокій, дюжій, широкоплечій донецъ.

— Не бывать тому! — подхватилъ и малолѣтокъ Григорій Силкинъ, только что пришедшій съ Дона. — Умремъ, а не отдадимъ! Позвольте хоть передъ смертью покончить саблями, по-казачьи, этихъ гололобыхъ!

И восемь донскихъ артиллеристовъ-канонировъ, оставшихся въ живыхъ изъ цѣлаго взвода, соскочили съ крыши назадъ, на улицу, гдѣ стояли ихъ лошади, и съ обнаженными саблями вынеслись на турокъ...

Туркамъ и въ голову не пришло, что казаковъ только восемь. Они думали, что цѣлая колонна помчится за донцами, и побѣжали назадъ. Казаки вернулись къ пушкамъ, съ помощью егерей вытащили ихъ и продолжали стрѣльбу...

Вскорѣ городъ былъ взятъ.

Въ слѣдующемъ году тамъ же, на Кавказѣ, отличался нашъ донской

казачій № 12 полкъ, носившій тогда названіе—полка полковника Шамшева, и бывшій въ Закавказьѣ подъ крѣпостью Баязетомъ. На крѣпость Баязетъ шла 19-ти-тысячная турецкая армія. Полкъ Шамшева первый встрѣтилъ турецкую кавалерію и атаковалъ ее, поколовъ и порубивъ до 200 человѣкъ.

Турецкая армія осадила Баязетъ. Донцы оказались въ маленькой крѣпости. Имъ было поручено вмѣстѣ съ пѣхотою и городскими жителями оборонять часть стѣны. Въ продолженіе 38 часовъ донцы 12-го полка отражали всѣ атаки турокъ; они сваливали ихъ лѣстницы, обстрѣливали изъ пушекъ и изъ ружей и при всякомъ отступленіи турокъ Шамшевъ бросался за ними. Пѣхота колола ихъ штыками, казаки—пиками. Самъ Шамшевъ получилъ тяжелую рану въ грудь. 13 дней Баязетъ былъ окруженъ турецкими войсками. Безъ воды и при уменьшенномъ довольствіи, а послѣдніе дни и совсѣмъ безъ ѣды оборонялись наши войска и съ ними казаки 12-го донского полка. Оборонялись до тѣхъ поръ, пока не подошла къ нимъ выручка. За эту оборону полкъ Шамшева получилъ георгіевское знамя съ надписью: «За оборону крѣпости Баязета 20 и 21 іюня 1829 года».

Адріанопольскимъ миромъ закончилась эта побѣдоносная война. Наши войска прошли на Кавказѣ далеко за теперешнюю границу, а на Балканскомъ полуостровѣ стояли подъ самымъ Константинополемъ. Турціи грозилъ полный разгромъ. Но императоръ Николай великодушно возвратилъ почти всѣ завоеванія въ Турціи и только на Кавказѣ къ намъ отошелъ богатый Закавказскій край съ городами Поти, Анапою, Ахалцыхомъ и Ахалкалаки. Турецкій султанъ потерялъ свое могущество, и съ этой нашей войны Турція начала слабѣть и падать.

Но и намъ война далась не дешево. Въ войскахъ, вслѣдствіе тяжелаго климата, было много больныхъ. За два года войны въ нашей арміи умерло до 80.000 человѣкъ. Не мало погибло отъ болѣзней и донскихъ казаковъ.

Донскому войску «отъ лица благодарнаго отечества» было пожаловано бѣлое георгіевское знамя съ надписью: «Вѣрноподданному войску Донскому за оказанныя заслуги въ продолженіе кампаніи противу персіянъ въ 1826, 1827 и 1828 и противу турокъ въ 1828 и 1829 годахъ».

Полки Сергѣева, Карпова, Леонова и Басова получили знамена за Персидскую и Турецкую войны и полки Бегидова, Рыковскаго, Ильина, Платова 2, Бакланова, Золотарева 4, Борисова и Чернушкина 2—за Турецкую войну.

Наказный атаманъ войска Донского, Генералъ-Лейтенантъ
Максимъ Григорьевичъ Власовъ.
Съ 1836 года по 1848 годъ.

62. Польское возстаніе.

1831 годъ.

25 ноября 1830 года въ Петербургѣ было получено извѣстіе, какъ громомъ поразившее всю русскую столицу: 17 ноября въ Варшавѣ, главномъ городѣ царства Польскаго, вспыхнуло возстаніе. Поляки убивали генераловъ, офицеровъ и солдатъ, покушались и на жизнь родного брата государева, цесаревича Константина Павловича, бывшаго намѣстникомъ государя въ Царствѣ Польскомъ.

У поляковъ было свое, отлично вооруженное и обученное войско. Оно стало на сторону мятежниковъ, и скоро у предводителя возстанія, генерала Хлопицкаго, собралось до 130.000 человѣкъ солдатъ. Императоръ Николай Павловичъ двинулъ противъ нихъ армію, возвращавшуюся

изъ Турціи, подъ начальствомъ генерала Дибича. Эта армія была подкрѣплена полками изъ Петербурга, и всего собралось до 190.000 чел.

На усмиреніе поляковъ пошли полки: изъ Петербурга *л.-гв. Казачій* и съ Дона—*Атаманскій, Грекова 5, Ильина, Андреянова, Катасонова, Секретева, Кутейникова, Борисова, Карпова 4, Егорова, Карпова, Платова 2, Пименова* и *Кирѣева.*

Многіе изъ этихъ полковъ шли прямо изъ Турціи на Польшу. Походнымъ атаманомъ всѣхъ донскихъ полковъ былъ назначенъ генералъ *Максимъ Григорьевичъ Власовъ.*

Отряды русскихъ войскъ, входившіе въ Польшу, должны были раздѣляться на небольшія части. Къ каждой такой части придавали нѣсколько казаковъ: сотню, двѣ; очень рѣдко полкъ дѣйствовалъ вмѣстѣ.

Казакамъ приходилось работать маленькими партіями, почти въ одиночку.

Максимъ Григорьевичъ Власовъ, сынъ бѣднаго казачьяго офицера, казакъ Раздорской на Дону станицы, назначенный руководить всѣми казачьими полками въ Польшѣ, родился въ 1767 году. Его отецъ оставилъ его проѣздомъ на службу въ Польшу девятилѣтнимъ мальчикомъ у монаховъ Кіево-Печерской лавры, и у нихъ онъ научился грамотѣ. Когда отецъ его возвращался изъ Польши, онъ взялъ мальчика отъ монаховъ и опредѣлилъ его писаремъ въ «гражданское правленіе». Но мальчика работа въ канцеляріи не увлекала; онъ родился и хотѣлъ быть казакомъ. И вотъ, онъ поступилъ въ полкъ Грекова. Онъ сражался съ Суворовымъ въ Польшѣ, съ Платовымъ ходилъ на защиту Пруссіи. Въ Турецкую войну 1808—1812 гг. Власовъ былъ въ Атаманскомъ полку. Всѣ войны съ Наполеономъ онъ продѣлалъ съ полкомъ своего имени. Онъ былъ въ очень тяжелыхъ бояхъ, сражался на Кавказѣ и ни разу не былъ раненъ. Теперь онъ пріѣхалъ руководить дѣлами донцовъ противъ поляковъ. Но въ его распоряженіи не было ни одного цѣлаго полка. Онъ могъ только наблюдать по донесеніямъ, что дѣлаютъ донцы. Власову было 64 года, это былъ старый казакъ, старый воинъ. Не могъ онъ оставаться въ тылу. Его богатырское, казачье сердце рвалось къ роднымъ станичникамъ въ самую сумятицу вѣчнаго боя на передовыхъ постахъ.

7 февраля 1831 года онъ повелъ самъ казаковъ въ атаку на польскихъ уланъ. У польскихъ уланъ тоже были пики, какъ у казаковъ, но только съ маленькими флачками у копья. Сѣдой генералъ врубился въ ряды поляковъ. Но рука старика уже не была такъ сильна, какъ прежде. Уланы его окружили. Онъ получилъ восемь сабельныхъ ранъ, ему разбили челюсть. Онъ упалъ съ лошади. Уланы начали колоть его

пиками, но въ это время налетѣли на нихъ казаки и перекололи ихъ всѣхъ. Замертво вынесли казаки своего походнаго атамана изъ боя. Три мѣсяца онъ пролежалъ въ госпиталѣ, лечась отъ ранъ, но едва всталъ, снова сѣлъ на коня и сталъ по-Суворовски водить казачьи полки въ бой. 14 іюля Власовъ разсѣялъ поляковъ при Неборовѣ, а 2 августа при деревнѣ Мацѣевичахъ неожиданно напалъ на поляковъ, покололъ пиками 2 батальона пѣхоты, разбилъ и разсѣялъ восемь эскадроновъ конницы и взялъ два легкихъ орудія. Отомстилъ полякамъ за свои раны старый донской генералъ.

Имя этого славнаго генерала, бывшаго потомъ войсковымъ атаманомъ, носитъ теперь *5-й донской казачій полкъ.*

Много подвиговъ совершили донскіе казаки въ эту войну. Въ маѣ мѣсяцѣ одинъ изъ начальниковъ отрядовъ, генералъ Остенъ-Сакенъ, приказалъ состоявшему въ отрядѣ лейбъ-казачьему полку достать «кракуса». Кракусами, въ эту войну, въ нашемъ войскѣ называли плохо вооруженныхъ поляковъ.

Полковникъ Красновъ вызвалъ унтеръ-офицера *Воронкова* и сказалъ ему, чтобы онъ постарался взять въ плѣнъ поляка.

— Поѣзжай сейчасъ, и смотри же, хотя и въ торокахъ, а непремѣнно привези живого.

— Сколько прикажете привезти ихъ, ваше высокоблагородіе?

— Сколько можешь, молодецъ!—сказалъ Красновъ.

Воронковъ взялъ съ собою нѣсколько казаковъ и въ ночь на 21-е мая отправился глухою дорогой къ Рожанамъ. Не доѣзжая до мѣстечка, онъ засѣлъ въ кустахъ. Начало свѣтать. Отъ Рожанъ выѣхало полъ-эскадрона, пятеро поляковъ выскочили впередъ въ дозоръ. Только что поравнялись они съ засадою Воронкова, лейбъ-казаки выскочили на нихъ, троихъ покололи, а остальныхъ схватили за поводья и во весь опоръ примчали къ своему отряду...

Въ бою на Понарскихъ высотахъ, 7 іюня, казакъ *Подкатиловъ* во время атаки на уланъ сбилъ улана съ лошади, но переломилъ свою пику. На помощь упавшему улану подскочили его товарищи и заставили казака отступить безъ пики. Лейбъ-казаки отошли назадъ и выстроили фронтъ. Сталъ и Подкатиловъ на свое мѣсто. Поляки, разсыпавшись цѣпью, наѣздничали передъ казаками, и одинъ изъ уланъ игралъ и похвалялся поднятой сломанной лейбъ-казачьей пикой.

Зло взяло Подкатилова.

— Ишь, братцы, гляньте, какъ уланъ моею пикою чванится, какъ будто онъ ее изъ рукъ вырвалъ! А жаль! Славная была пика! Въ Турціи я ею съ полдюжины некрещеныхъ прикололъ. Ладно, братъ, вотъ

тебѣ и званый гость за пикою!—и Подкатиловъ, выхвативъ саблю, быстро подскакалъ къ поляку, могучимъ ударомъ разрубилъ ему голову, и, выручивъ пику, поскакалъ къ своему эскадрону, гдѣ явился командиру, ротмистру графу Орлову-Денисову, и доложилъ:

— Виноватъ, ваше сіятельство, что осмѣлился безъ вашего приказанія выѣхать изъ фронта, но вы сами изволили видѣть, можно ли было утерпѣть? да притомъ пика еще и сроку не выслужила: жаль ее было потерять!

Наши войска стягивались и медленно подвигались къ Варшавѣ, гдѣ въ городскихъ укрѣпленіяхъ заперлись мятежники. 25 и 26 августа мы начали бомбардировку и штурмъ Варшавы. Мятежники, чувствуя, что имъ уже никакъ не удержаться, на разсвѣтѣ очистили Варшаву, и Польша снова покорилась намъ.

За взятіе Варшавы Атаманскому Наслѣдника Цесаревича полку были пожалованы на кивера отличія съ надписью: «За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года».

Остатки польскихъ мятежническихъ бандъ уходили въ Пруссію. И казаки до самой границы ихъ преслѣдовали. Во главѣ ихъ стоялъ ихъ походный атаманъ—генералъ Власовъ. Донцы отбивали цѣлыя шайки поляковъ и отправляли ихъ къ нашей арміи. Однажды донского казачьяго *Секретева* полка старшина *Поповъ* съ небольшимъ отрядомъ сопровождалъ польскихъ плѣнниковъ въ городъ Ломжу. Около деревни Хормеля на него напали мятежники, у которыхъ было 2 эскадрона, 2 пушки и 1 рота пѣхоты. Поповъ не растерялся. Онъ отправилъ плѣнныхъ съ небольшимъ прикрытіемъ, а самъ съ 29-ю казаками встрѣтилъ атакою атаку польской конницы, мужественно врубился въ ихъ середину, убилъ командовавшаго отрядомъ полковника, двухъ офицеровъ, многихъ рядовыхъ поляковъ, далеко преслѣдовалъ ихъ и остановился только тогда, когда наткнулся на пѣхоту. Съ плѣнными маіоромъ, 3 офицерами и 3 рядовыми Поповъ догналъ свою партію плѣнныхъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свое движеніе на Ломжу...

Усмиреніе поляковъ окончилось со взятіемъ Варшавы, но еще долго стояли казачьи полки по границѣ и по всѣмъ почтовымъ трактамъ. Они несли ту службу, которую теперь несетъ пограничная стража. Взводами, полусотнями, рѣдко гдѣ сотнями были раскинуты они по Польшѣ и служили безъ отдыха, безъ перемѣны. Про эту польскую службу на границѣ, гдѣ въ приграничныхъ корчмахъ *) встрѣчались и нѣмцы, и поляки, и казаки, поется въ полкахъ много пѣсенъ.

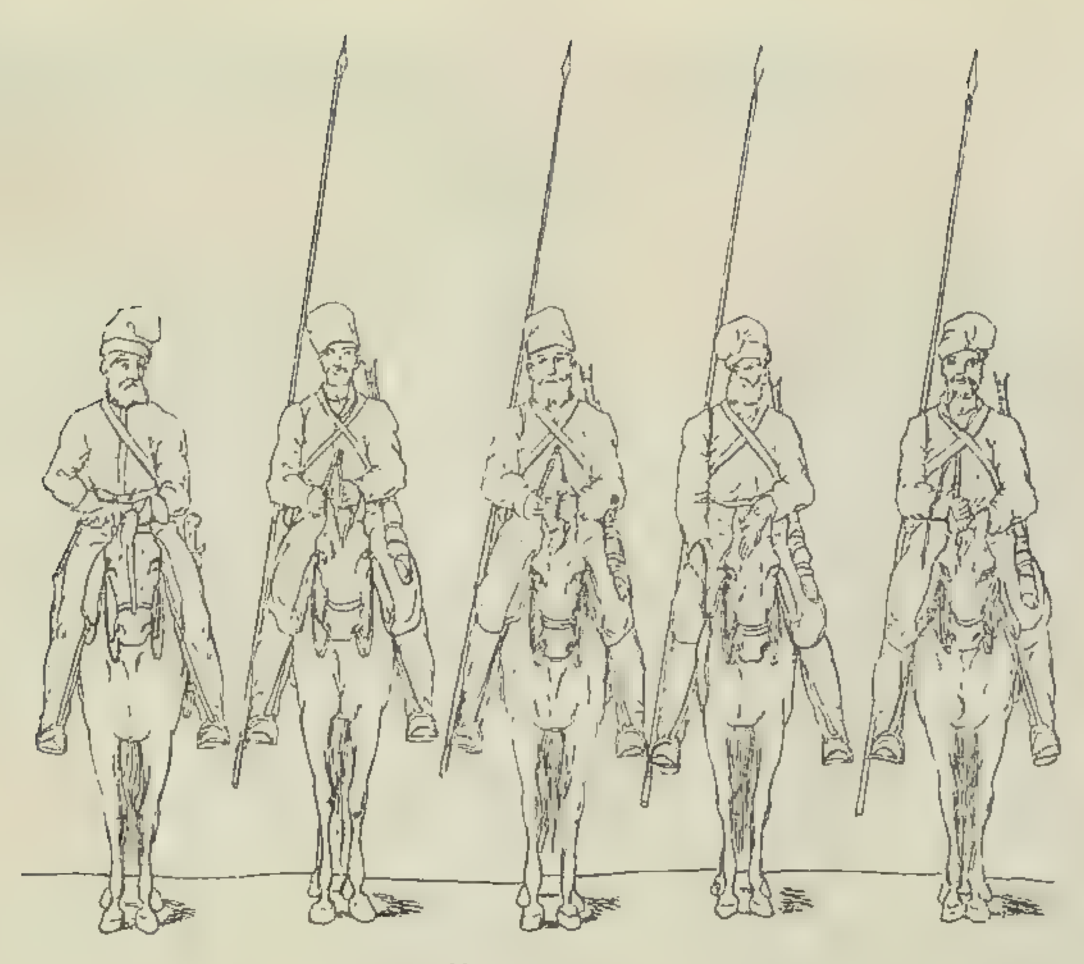
*) Корчмою на западѣ Россіи называется—трактиръ, кабакъ.

Вотъ самая распространенная:

Говорили про Польшу, что богатая.
А мы разузнали—голь проклятая!
У этой у Польши—корчемка стоитъ,
Корчма польская, королевская.
У этой корчемки три молодца пьютъ,
Прусакъ да полякъ, да младъ донской казакъ.
Прусакъ водку пьетъ—монеты кладетъ,
Полякъ водку пьетъ—червонцы кладетъ,
Казакъ водку пьетъ, да ничто не кладетъ.
Онъ по корчмѣ ходитъ, шпорами гремитъ,
Шпорами гремитъ—шинкарку манитъ.
— Шинкарочка душечка, поѣдемъ со мной,
Поѣдемъ со мной, къ намъ на тихій Донъ,
У насъ на Дону, да не по вашему,
Не ткутъ, не прядутъ, не сѣютъ, не жнутъ,
Не сѣютъ, не жнутъ, да чисто ходютъ!

На польской границѣ.

Казачій строй.
Изъ устава строевой казачьей службы 1837 года.

63. Императоръ Николай I Павловичъ на Дону.

1837 г.

Въ 1836 году генералъ-лейтенантъ Максимъ Григорьевичъ Власовъ былъ назначенъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ войска Донского. Императоръ Николай I, отправляя его изъ Петербурга въ Новочеркасскъ, сказалъ ему:

— Послужи мнѣ еще, Максимъ Григорьевичъ. Знаю, что ты страдаешь отъ ранъ, но эти раны такъ почетны, такъ славны, что жаль бы было запрятать ихъ въ какую-нибудь глушь. Пусть онѣ будутъ на виду всего Дона и служатъ его молодежи примѣромъ, какъ служили отечеству старые его слуги. Пусть въ тебѣ будетъ живой примѣръ, что и такія раны не прекращаютъ дѣятельности въ подобныхъ тебѣ богатыряхъ, а такихъ богатырей было много въ царствованіе покойнаго брата Нашего! Я помощникъ твой во всѣхъ случаяхъ. Если встрѣтишь какое затрудненіе или какой недостатокъ средствъ для пользы Дона, пиши

прямо ко мнѣ, да помни все, что я говорилъ тебѣ. Я люблю казаковъ, но не желалъ бы видѣть ихъ *не-казаками:* надобно, чтобы на Донъ не доходили никакія перемѣны ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ. Пускай казаки остаются славными казаками двѣнадцатаго года!

Быстрый взглядъ Императора Николая I подмѣчалъ все. Когда атаманъ Власовъ откланивался у Государя, Государь разспрашивалъ у него о вооруженіи казаковъ.

— Ты хорошо знаешь эту часть,—сказалъ Императоръ,—кажется, у нихъ все оружіе не однообразное. Я замѣтилъ это въ Калишѣ. Разнокалиберность бросается въ глаза.

Когда разговоръ зашелъ о лошадяхъ, Государь сказалъ:

— Хорошо ли соблюдается порода донскихъ лошадей?

Атаманъ отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, эта часть запущена.

Государь пожалѣлъ о такой небрежности казаковъ.

— Конь—душа казака,—сказалъ Государь,—конь казака долженъ быть вполнѣ пригоднымъ для казачьей службы! Я боюсь, что, пренебрегая этимъ важнымъ предметомъ, у меня, чего смотри, и казаковъ не будетъ. Позаботься всячески сохранить породу донскихъ лошадей, надобно заимствовать эти породы отъ горскихъ, отъ киргизскихъ: съ одной стороны горы, съ другой степи—хорошее ручательство въ требуемой для казаковъ породѣ лошадей...

Въ 1837 году Государь Николай Павловичъ, возвращаясь съ Кавказа изъ Грузіи, вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ проѣхалъ черезъ Аксайскую станицу въ Новочеркасскъ.

19 октября Государь былъ въ Новочеркасскѣ. При проѣздѣ черезъ Аксайскую станицу, атаманъ Власовъ докладывалъ о переводѣ столицы войска Донского на Аксай. Но Государь замѣтилъ, что и на Аксаѣ только часть жителей будетъ близко воды, остальные же точно также будутъ страдать отъ недостатка воды и вѣтровъ, и потому рѣшено было оставить Новочеркасскъ на старомъ его мѣстѣ.

Въ Новочеркасскъ и Государь, и Наслѣдникъ въѣзжали верхомъ. У западныхъ тріумфальныхъ воротъ были выстроены эскадроны л.-гв. Казачьяго и Атаманскаго полковъ. Государь поѣхалъ по Платовскому проспекту къ собору, гдѣ былъ собранъ войсковой кругъ. При звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ проѣхалъ царь въ кругъ, выслушалъ привѣтственное слово донского архіепископа Афанасія и, приложившись ко кресту, сказалъ казакамъ:

— Любезные донцы! Ваши предки и отцы сослужили много службъ государямъ и отечеству, и признательность монарховъ показываютъ эти грамоты, эти знамена и прочія царскія клейноды. Я хотѣлъ явить новый

знакъ своего расположенія къ вамъ и назначилъ атаманомъ своего перваго сына, Наслѣдника престола нашего. Надѣюсь, что вы и потомки ваши не перестанете идти по пути славныхъ предковъ вашихъ и заслуживать признательность отечества!..

Громовое «ура»! потрясло воздухъ, загрохотали пушки, загудѣли колокола. Государь взялъ поднесенный Власовымъ на бархатной подушкѣ *перначъ* и, обнявъ Наслѣдника Цесаревича, вручилъ ему этотъ знакъ атаманскаго достоинства. И сейчасъ же донскіе генералы окружили Наслѣдника и подъ сѣнью знаменъ подняли его на рукахъ надъ головами народной толпы. Трудно описать, какой восторгъ охватилъ казаковъ. По старымъ, загорѣлымъ, морщинистымъ лицамъ текли слезы умиленія. Крестясь, поднимались и опускались руки.

— Батюшка ты нашъ, атаманъ войсковой!—умиленно говорили донцы.

— Надёжа наша, красное солнышко наше! Пойдемъ въ огонь и въ воду за тебя, нашъ красавецъ ненаглядный!

— Да хранитъ же тебя Царь Небесный для счастья нашего.

Такъ совершилось торжественное передъ всѣмъ войскомъ Донскимъ назначеніе атаманомъ Наслѣдника...

На другой день, 20-го октября, Государь Императоръ посѣтилъ строящійся соборъ, войсковое правленіе, госпиталь и гимназію. Въ гимназіи Государь сказалъ столпившимся вокругъ него дѣтямъ:

— Учитесь, дѣти, усердно. Я хочу, чтобы со временемъ и изъ донцовъ были сенаторы, министры, главнокомандующіе.

21-го октября Государь Императоръ Николай I дѣлалъ смотръ собравшимся въ Новочеркасскѣ донскимъ полкамъ. На смотръ собралось 2 дивизіона л.-гв. Казачьяго полка, 2 дивизіона Атаманскаго полка, 2 дивизіона л.-гв. Донской конно-артиллерійской батареи, 22 полевыхъ полка, временно сформированныхъ изъ наличныхъ въ войскѣ офицеровъ и казаковъ, и 3 донскихъ полевыхъ конно-артиллерійскихъ батареи.

Смотръ былъ неудачный. Дулъ холодный вѣтеръ, поднимая и крутя столбы пыли. Люди полевыхъ полковъ не равнялись, офицеры и урядники не знали своихъ мѣстъ, но главное—лошади были очень плохи, казаки скверно сидѣли и были грязно и неряшливо одѣты.

Государь въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ сказалъ Власову:

— Я ожидалъ видѣть двадцать два полка казаковъ, а вижу какихъ-то мужиковъ! Никто не имѣетъ понятія о фронтѣ. А лошади!.. Это не казачьи лошади, а мужичьи!..

Тяжелый это былъ день для Донского войска.

22 октября Государь изволилъ отбыть изъ Новочеркасска. За-

кипѣла въ войскѣ работа. Донцы убѣдились, что нужно учиться и учить лошадей, что нужно дѣйствовать по какимъ-либо однообразнымъ правиламъ. Атаманъ Власовъ былъ боевой генералъ, онъ много воевалъ вмѣстѣ съ казаками и умѣлъ ихъ учить. По его наставленіямъ, уже въ 1838 году были изданы «*Правила для состава и построенія казачьихъ полковъ*». Это былъ первый строевой казачій уставъ въ войскѣ Донскомъ. По этимъ правиламъ, въ казачьемъ полку положено было имѣть—1 полкового командира, 1 войскового старшину, 5 есауловъ, 6 сотниковъ, 7 хорунжихъ, 19 старшихъ урядниковъ и 19 младшихъ, и изъ нихъ 1 старшій урядникъ—знаменщикъ и 1 младшій урядникъ—его ассистентъ, 60 приказныхъ, 1 полковой писарь, 1 лекарскій ученикъ и 750 казаковъ. Полкъ дѣлился на 6 сотенъ. Въ сотнѣ полагалось 4 взвода. Сотня строилась въ двѣ шеренги, или лавы. Въ правилахъ были указаны повороты сотни по три и по-взводно, построенія колоннъ, лавы, правила пѣшаго строя, церемоніальнаго марша, относа и приноса знамени.

Но Власовъ зналъ, что главная причина неудачи смотра и плохой подготовки офицеровъ происходила не оттого, что не было писаннаго устава, а оттого, что офицеръ казачій такъ мало получалъ жалованья, что не могъ посвятить свое время военному дѣлу, не могъ имѣть порядочной лошади, не могъ чисто и по формѣ одѣваться. Офицеръ получалъ всего 71 рубль въ годъ. На эти деньги онъ долженъ былъ содержать себя, свою семью, имѣть лошадь и чисто одѣваться. Власовъ нѣсколько разъ просилъ о прибавкѣ содержанія офицерамъ, но прибавка не выходила. Въ день свадьбы Государя Наслѣдника, августѣйшаго атамана, 16 апрѣля 1841 года, Государь послѣ свадебнаго обѣда обходилъ гостей. Въ числѣ ихъ былъ и донской атаманъ Власовъ. Государь подошелъ къ атаману, положилъ ему на плечо руку и сказалъ:

— Ну, слава Богу, обвѣнчали мы атамана вашего. Любите и атаманшу, какъ его любите.

— У донцовъ, Ваше Величество,—отвѣчалъ Власовъ,—любовь къ Монарху и августѣйшей фамиліи его составляютъ другую религію ихъ. Семейную радость вашу они примутъ, какъ радость собственную свою. Позволь, Государь, въ этотъ радостный для всей Россіи день, попросить у тебя особую милость твоимъ вѣрнымъ донцамъ.

И, не обращая вниманія на то, что зала была полна русскими и иностранными генералами, посланниками и дамами, атаманъ войска Донского, прося за своихъ подчиненныхъ, сталъ на колѣни и подалъ Государю бумагу, въ которой была написана просьба о прибавкѣ жалованья донскимъ офицерамъ.

Государь, видимо, былъ недоволенъ. Онъ схватилъ атамана за руку и сказалъ:

— Нашелъ, когда просить! И какъ просить! Ты меня стыдишь передъ чужими послами!

Но Власовъ думалъ иначе. «Да чортъ бы побралъ всѣхъ иностранныхъ пословъ вашихъ,—говорилъ онъ потомъ военному министру, генералу Чернышеву,—что мнѣ они! Да передъ кѣмъ сталъ я на колѣни, вѣдь передъ своимъ царемъ! Да и зачѣмъ я сталъ передъ нимъ на колѣни! Себѣ, что ли, милость выпрашивалъ какую,—нѣтъ, я просилъ за его же царскихъ вѣрныхъ слугъ, которымъ ѣсть нечего! А что онъ сердится на меня!—Сердце царево въ руцѣ Божіей!!..»

Но Государь не сердился на атамана. На другой день на балу онъ былъ очень милостивъ къ нему.

Для улучшенія лошадей, въ 1844 году издано было положеніе о конскихъ табунахъ войска Донского и устроенъ былъ Провальскій войсковой конскій заводъ. На заводѣ опредѣлено было имѣть 34 жеребца и 250 кобылъ лучшихъ русскихъ, донскихъ и кавказскихъ породъ. Въ 1851 году были открыты первыя скаковыя общества на Дону: Новочеркасское и Урюпинское.

1847 годъ надолго останется въ памяти донскихъ казаковъ. На Дону появилась холера. Она пришла на Донъ изъ Грузіи, появилась въ Егорлыцкой станицѣ, перекинулась въ Ольгинскую, а потомъ въ Аксайскую станицы и, наконецъ, пришла и въ Новочеркасскъ. По 200, по 250 человѣкъ заболѣвало въ Новочеркасскѣ въ сутки, умирало до 200. Не было улицы, по которой не несли бы гробовъ, не было дома, гдѣ не стоялъ бы покойникъ. Въ церквахъ отпѣвали по нѣскольку умершихъ сразу. Страхъ охватилъ населеніе Новочеркасска. Не боялись казаки непріятеля съ пулями и ядрами, но этого таинственнаго врага испугались. Отъ него одна защита была—вѣра въ милосердіе Божіе и усердная молитва. 29 августа изъ Аксайской станицы привезли чудотворную икону Божіей Матери. Горячо молились передъ нею новочеркассцы, молились о чудѣ... И чудо совершилось. На другой день холера стала ослабѣвать. Народъ повеселѣлъ. Скоро холера и совсѣмъ прекратилась. За шесть недѣль холеры въ Новочеркасскѣ умерло до 5.000 человѣкъ.

Съ 1858 года войско Донское входитъ въ подчиненіе особому, вновь учрежденному *управленію иррегулярныхъ войскъ*.

Во время холеры многіе жители лѣчились особою *Баклановскою* настойкой и вѣрили, что она помогаетъ. Вѣрили потому, что любили

вновь народившагося на Дону героя-казака, казака-богатыря, о которомъ приходившіе изъ Грузіи полки разсказывали чудеса, вѣрили въ то, что Яковъ Петровичъ Баклановъ всѣхъ побѣждалъ своимъ оружіемъ, побѣдитъ и холеру своею жестокой настойкой!..

Черноморскій казакъ въ 1830 году.
Съ рѣдкой картины Орловскаго.

Генералъ-лейтенантъ Яковъ Петровичъ Баклановъ.

64. Яковъ Петровичъ Баклановъ.

Родился 15 марта 1809 г., умеръ 18 февраля 1873 г.

Въ 1801 году, въ царствованіе Государя Императора Александра I, къ Россіи добровольно присоединилось большое и богатое Грузинское царство, лежащее за Кавказскими горами. Сообщеніе между Terекомъ, лежащимъ по нашу сторону Кавказскаго хребта, и Грузіею, лежащею по ту сторону горъ, могло быть только черезъ горы, по такъ-называемой Военно-Грузинской дорогѣ. Эта дорога шла черезъ владѣнія кавказскихъ горцевъ, черкесовъ, чеченцевъ и татаръ, постоянно нападавшихъ на русскихъ людей; нужно было смирить ихъ, сдѣлать Кавказъ безопаснымъ для его жителей. Для этого Россіи пришлось приступить къ постепенному завоеванію Кавказа, къ постройкѣ цѣлаго ряда небольшихъ

шихъ укрѣпленій. Шагъ за шагомъ подавались русскія войска въ горы, занимая и умиротворяя Кавказъ. Эта Кавказская война тянулась 63 года, съ 1801 года по 1864 годъ, когда покореніе Кавказа было, наконецъ, окончено.

Кавказская война не походила ни на одну изъ войнъ. Врагъ былъ повсюду. Сегодня «мирной» татаринъ — завтра брался за винтовку и изъ-за скалы стрѣлялъ по нашимъ казакамъ и солдатамъ. Все населеніе Кавказа,—юноши, старики, женщины—были прекрасными воинами и отличными наѣздниками. Жители исповѣдывали магометанскую вѣру. Ихъ священники призывали ихъ къ войнѣ съ христіанами, обѣщая имъ очищеніе отъ грѣховъ и вѣчную жизнь за убійство русскихъ. Ко всему этому мѣстность была такова, что дѣйствовать большими отрядами было невозможно. Отряды двигались... да что двигались—отряды дрались на тропинкахъ, по которымъ ходили только козы. Одинъ невѣрный шагъ, и падаешь съ громадной кручи въ каменный мѣшокъ. Въ долинахъ росли дремучіе лѣса. Дубы, орѣшины, вязы, дикая яблонь буйной толпою спускались съ горъ въ долины. Плющъ обвивалъ ихъ стволы; кусты ягодъ и терна, перемѣшавшись съ высокою травою, образовали такую чащу, черезъ которую могъ пробраться только дикій барсъ или чеченецъ, выросшій въ этихъ лѣсахъ. Тропинки были рѣдки—каждая вела въ засаду, на вѣрную смерть. Тутъ мира не было никогда. Иногда по нѣскольку мѣсяцевъ все тихо: притаились чеченцы въ горахъ... Вдругъ грянетъ вѣстовая пушка и подыметъ тревогу въ нашемъ укрѣпленіи. Бѣда, если прозѣваютъ казаки!—пожаръ поднимется заревомъ къ небу, и обезглавлены острыми шашками защитники городка... Тутъ, на Кавказѣ, была жизнь такая же, какую нѣкогда вели въ донскихъ степяхъ казаки, борясь съ татарами.

Сюда, на эту вѣчную войну, шли донскіе казаки. Они шли сюда, не обученные владѣть пикою, шашкою и ружьемъ, а между тѣмъ, тутъ побѣждалъ тотъ, кто ловчѣе рубилъ, сильнѣе кололъ, мѣтче стрѣлялъ. Казаки шли сюда на плохихъ лошадяхъ, а тутъ были лихіе аргамаки, ловкіе и быстрые кабардинцы, золотистые карабахи. Тутъ побѣждалъ тотъ, у кого лошадь была вѣрнѣе. Тутъ нужно было вѣчно учиться, тутъ надо было имѣть полки вмѣстѣ, всегда на примѣтѣ... А донскихъ казаковъ разбирали повсюду. Они сопровождали почту, чиновниковъ, у каждаго человѣка, служащаго на Кавказѣ, былъ непремѣнно донской казакъ. Ослабленныя сотни не учились, и, когда наступалъ бой, они были хуже черноморскихъ или линейныхъ казаковъ, нынѣшнихъ терцевъ и кубанцевъ. Горцы не боялись донцовъ, смѣялись надъ грозными казачьими пиками и называли донскихъ казаковъ «камышомъ». И бѣдные

донцы только гибли безропотно подъ ударами острыхъ шашекъ, подъ мѣткими выстрѣлами чеченцевъ.

Но все это быстро перемѣнилось, когда, въ 1846 году, на Кавказъ съ № 20 полкомъ прибылъ войсковой старшина Яковъ Петровичъ Баклановъ.

Яковъ Петровичъ родился 15 марта 1809 года въ Гугнинской станицѣ. Отецъ его былъ простой, неграмотный казакъ, заслужившій расторопностью и хорошею службою чинъ хорунжаго. Тогда первый офицерскій чинъ давалъ права потомственнаго дворянства, и Яковъ Петровичъ считался дворяниномъ. Отцу заниматься сыномъ было некогда. Наступалъ знаменательный 1812-й годъ, и отецъ Якова Петровича ушелъ съ полкомъ въ армію выгонять французовъ. Мальчикъ росъ самъ по себѣ, на улицѣ, съ дѣтьми другихъ казаковъ Гугнинской станицы. Когда мальчику минуло пять лѣтъ, бабка его отдала старухѣ Кудимовнѣ въ науку. У Кудимовны Яковъ Петровичъ изучилъ азы, его передали приходскому пономарю, а потомъ и станичному дьячку, и мальчикъ изучилъ псалтирь и часословъ. Дальше учиться Бакланову уже не пришлось. Отецъ его, вернувшійся въ 1815 году домой, пробылъ въ семьѣ недолго. Изъ Бессарабіи на Россію шла чума, донскіе полки были разставлены по кордонамъ. Пошелъ на границу и отецъ Якова Петровича и взялъ мальчика съ собой—пусть-де учится у полковыхъ писарей. Не столько учился грамотѣ молодой Баклановъ, сколько сидѣлъ въ хатѣ со старыми казаками и слушалъ ихъ разсказы про войны, про Наполеона, про то, какъ одерживали донцы побѣды. И загоралось сердце мальчика, и хотѣлось и ему такихъ же великихъ подвиговъ, такой же славы. Яковъ Петровичъ былъ отличный стрѣлокъ изъ ружья.—здѣсь, въ полку, онъ сталъ и лихимъ наѣздникомъ, научился колоть пикою и стрѣлять. И росъ мальчикъ богатыремъ. Рослый, могучаго сложенія, крѣпкій и сильный, безстрашный—Баклановъ былъ настоящимъ казакомъ.

Шестнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ Баклановъ былъ зачисленъ на службу урядникомъ въ казачій Попова полкъ и вмѣстѣ съ отцомъ, командовавшимъ въ этомъ же полку сотнею, пошелъ въ Крымъ. Въ самый день отхода Якова Петровича на службу, отецъ его отслужилъ молебенъ и сказалъ ему:

— Служи, Яковъ, вѣрою и правдою Богу, Государю и нашему великому Донскому войску. Помни всегда, что твой отецъ безъ малѣйшаго покровительства, одною честною службою дошелъ до штабъ-офицерскаго чина. Храни ненарушимо простоту отцовскихъ обычаевъ, будь строгъ къ себѣ, а больше всего—не забывай свою благодатную родину, нашъ Тихій Донъ, который вскормилъ, взлелѣялъ и воспиталъ тебя!..

Тотъ самый завѣтъ, что былъ данъ Платову, и почти тѣми же словами, былъ данъ и молодому Бакланову.

Всю жизнь помнилъ и свято хранилъ отцовскій завѣтъ Баклановъ.

Такъ началась служба Якова Петровича и начались его странствованія съ полкомъ то въ Турцію, то на Кавказъ. Въ Турціи, въ дѣлѣ подъ Бургасомъ, онъ участвовалъ съ сотней своего отца въ атакѣ на турецкую конницу. Въ эту атаку подъ нимъ была убита лошадь.

Въ 1834 году съ донскимъ казачьимъ Жирова полкомъ Баклановъ первый разъ попалъ за Кубань, въ кавказскія войска, бывшія подъ начальствомъ генерала Засса.

Этотъ генералъ отъ обороны перешелъ къ наступленію, двинулъ наши полки за Кубань и началъ цѣлый рядъ набѣговъ на татаръ, жившихъ между рѣками Кубанью и Лабою.

Здѣсь Баклановъ впервые узналъ, что такое Кавказская война. Недешево далась она ему,—«но спасибо Зассу и горцамъ»,—говорилъ Яковъ Петровичъ,—«они меня научили многому»...

Однажды, въ набѣгѣ на Чамлыкское укрѣпленіе, Баклановъ, своею храбростью обратившій на себя вниманіе генерала Засса, командовалъ всѣми казаками отряда. А ихъ было около $2^1/_2$ тысячъ. Баклановъ былъ въ это время въ чинѣ сотника. Ему было приказано остаться на лѣвомъ берегу рѣки Лабы и прикрывать отходъ отряда генерала Засса.

Баклановъ выбралъ позицію около одной весьма крутой и лѣсистой горы и раскинулъ здѣсь лаву. Однако, держаться противъ стремительныхъ атакъ горцевъ, налетавшихъ то на одинъ, то на другой флангъ, было трудно. Напрасно Баклановъ скакалъ съ одного фланга на другой, ободряя казаковъ. Только удержитъ на одномъ флангѣ, глядишь, сорвался другой и подается назадъ. Вдругъ онъ увидалъ, что громадная толпа горцевъ кинулась на самую середину лавы, стремительнымъ натискомъ опрокинула и прорвала ряды казачьи, и разрѣзала ихъ надвое. Все перемѣшалось. Казаки бросились назадъ. Баклановъ поскакалъ устраивать порядокъ, но, проскакивая черезъ лѣсъ, попалъ на засаду. Четверо спѣшенныхъ горцевъ караулили его. Едва онъ поровнялся съ ними, раздался залпъ и лошадь Бакланова упала, пораженная двумя пулями въ голову. Баклановъ очутился одинъ въ лѣсу противъ четырехъ горцевъ. Тутъ сообразилъ онъ, что у него есть двухстволка, которая была за плечами, и пара пистолетовъ, которые онъ носилъ за поясомъ, подражая черкесамъ. Баклановъ сознавался потомъ, что первое чувство было чувство необычайнаго страха, онъ могъ только схватить свою двухстволку. Это движеніе спасло его. Черкесы, видя передъ собою богатыря съ ружьемъ, поняли, что онъ дешево не отдастъ свою жизнь, и

медлили нападеніемъ. Тихо было въ лѣсу. И конница черкесская, и казаки умчались далеко. Здѣсь было только четверо враговъ противъ одного казака. И, вотъ, въ эту минуту Баклановъ вспомнилъ, какъ хорошо онъ стрѣлялъ съ самаго дѣтства. Онъ живо приложился и однимъ выстрѣломъ убилъ двухъ враговъ... Остальные готовились кинуться на него, но тутъ послышались топотъ конскихъ копытъ, трескъ ломаемыхъ сучьевъ, и горцы, оставшіеся противъ него, оба съ ружьями, засуетились и не стрѣляли.

И вдругъ мимо Бакланова понеслись горцы. Казаки гнали ихъ. Притиснутые ими пѣшіе черкесы стояли рядомъ съ Баклановымъ и ни одному изъ нихъ не пришло въ голову пырнуть кинжаломъ казака. На Якова Петровича налетали и конные горцы. Одного изъ нихъ, чуть было не опрокинувшаго его своею лошадью, Яковъ Петровичъ свалилъ пистолетнымъ выстрѣломъ. Отъ него шарахнулись въ сторону. Тутъ чьи-то сильныя руки подхватили его. Это были его ординарцы. Ему подвели заводную лошадь. Могучимъ прыжкомъ вскочилъ на нее Баклановъ и помчался впередъ останавливать увлекшихся преслѣдованіемъ казаковъ. Въ это время за Лабою раздался пушечный выстрѣлъ. Это былъ условный знакъ, что казаки могутъ возвращаться домой.

Баклановъ спасся.

Въ 1837 году Баклановъ былъ отправленъ на Донъ, а въ 1839 году назначенъ въ только что собранный въ Новочеркасскѣ *учебный полкъ,* гдѣ казаки должны были изучать новый уставъ. Служба Бакланова въ этомъ полку принесла ему впослѣдствіи много пользы.

Въ 1845 году Баклановъ, въ чинѣ войскового старшины, былъ назначенъ въ № 20 казачій полкъ, а въ 1846 году принялъ этотъ полкъ на законномъ основаніи.

Прежняя служба его на Кавказѣ, приключеніе, когда онъ на Лабѣ былъ окруженъ четырьмя горцами и когда спасло его умѣнье стрѣлять, да ловкость на конѣ, живо вспомнились ему въ этотъ годъ. Въ учебномъ полку Баклановъ многому научился, много читалъ онъ книгъ, особенно по военной исторіи, и сталъ за эти годы образованнымъ человѣкомъ. Онъ понялъ, что оставлять донскіе казачьи полки въ томъ положеніи, какъ они были на Кавказѣ, разобранными на ординарцы и денщики, нельзя. Понялъ онъ, что неумѣющій владѣть оружіемъ, на плохой, заморенной лошади, донецъ станетъ легкою добычею ловкаго черкеса-джигита. И, вотъ, Баклановъ сталъ дѣлать то, чего до него еще никто не дѣлалъ. Прежде всего онъ собралъ свой полкъ. Онъ вытребовалъ со всѣхъ станицъ, отъ всѣхъ чиновниковъ, изъ всѣхъ штабовъ казаковъ своего полка. Нужно было исписать дести бумаги, испытать много не-

пріятностей, чтобы получить отъ Бакланова хотя одного казака вѣстовымъ или ординарцемъ. Потомъ онъ одѣлъ полкъ. Форменные мундиры и шаровары были запрятаны въ сундуки для смотровъ и парадовъ. Каждый казакъ самъ долженъ былъ достать себѣ одежду. Съ убитыхъ татаръ снимали черкески и въ нихъ одѣвались донцы Баклановскаго № 20 полка. Появились у казаковъ и отличныя черкесскія шашки, и кинжалы, и мѣткія нарѣзныя чеченскія ружья. Кони казачьи не стояли худые и заморенные, съ пропитымъ овсомъ и не знающіе чистки. Баклановъ потребовалъ отъ казаковъ холи лошади и корма. За одну украденную овсинку онъ могъ запороть казака, и казаки это знали. И вскорѣ лошади въ его полку стали неузнаваемы. Онѣ стали сильными и ловкими, и не страшны были казакамъ черкесскіе кони.

Но нужно было обучить полкъ. И, вотъ, Баклановъ устроилъ вечернія бесѣды съ офицерами.

— О храбрости казака,—часто говаривалъ Яковъ Петровичъ на этихъ бесѣдахъ,—заботиться не надо, потому что донскому казаку нельзя не быть храбрымъ, но надо, чтобы этотъ казакъ смыслилъ что-нибудь и побольше одной только храбрости.

И онъ неутомимо обучалъ казаковъ развѣдывательной службѣ, саперному и артиллерійскому дѣлу. Чтобы легче сдѣлать это, онъ собралъ особую седьмую учебную сотню. Въ ней готовились учителя на весь полкъ подъ его наблюденіемъ. Въ каждой сотнѣ одинъ взводъ былъ снабженъ шанцевымъ инструментомъ, и люди его особо обучались саперному дѣлу. При полку были собраны еще пластунская команда изъ лучшихъ стрѣлковъ и наѣздниковъ, употреблявшаяся на самыя опасныя развѣдки, и ракетная, которая работала, какъ конногорная батарея, посылая въ непріятеля особыя, начиненныя порохомъ и пулями, ракеты.

Баклановъ беззавѣтно любилъ родной ему тихій Донъ, онъ и мысли не допускалъ, чтобы донской казакъ могъ въ чемъ-нибудь уступить линейному, а, между тѣмъ, не могъ Яковъ Петровичъ не сознаться, что приходившіе съ Дона казаки не обладали ни тою опытностью, ни тѣми боевыми сноровками, которыя имѣли линейцы. И, вотъ, Яковъ Петровичъ лично водилъ разъѣзды и пріучалъ казаковъ развѣдывать въ новой и непривычной для донскихъ казаковъ горной странѣ.

— Все замѣть,—говорилъ онъ казакамъ,—ничего не моги проглядѣть, а тебя чтобъ никто не видѣлъ.

Никто въ Баклановскомъ полку не смѣлъ во время боя покинуть рядовъ; легко раненые должны были оставаться во фронтѣ, тѣ, кто лишился лошади, должны были биться до той поры, пока не добывали себѣ новой.

— Покажи врагамъ,—говорилъ Баклановъ,—что думка твоя не о жизни, а о славѣ и чести донского казачества.

Самъ Баклановъ былъ необыкновенно примѣтливъ и памятливъ на мѣстность. Казаки знали, что съ нимъ не пропадутъ. Такъ обучивъ свой полкъ, Баклановъ началъ дѣлать со своими донцами набѣги на чеченскіе аулы, отбивать у нихъ скотъ, врываться въ самое гнѣздо ихъ, дѣлать то, на что раньше немногіе и изъ линейцевъ отваживались. Имѣя лазутчиковъ изъ мѣстныхъ жителей, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны—Али-Бей и Ибрагимъ, Баклановъ всегда врасплохъ налеталъ на непріятеля, появлялся, какъ снѣгъ на голову. Чеченцы трепетали передъ нимъ, и скоро имя грознаго *Боклю,* какъ называли горцы Бакланова, стало страшнымъ для всей Чечни. Донскіе дротики уже не называли болѣе презрительно камышомъ. «Даджалъ»—что значитъ—дьяволъ,—вотъ было обычное наименованіе чеченцами Бакланова.

А онъ и лицомъ, и сложеніемъ былъ грозенъ. Лицо его было изрыто оспою, громадный носъ, густыя, нависшія на глаза брови, глаза, мечущіе молніи, толстыя губы и бакенбарды, вьющіяся по вѣтру.

Разсказываютъ, что разъ пришли къ казакамъ черкесы и просили казаковъ показать имъ Бакланова. Они хотѣли убѣдиться, правда ли, что грозный Боклю, дѣйствительно, «даджалъ», то-есть чортъ.

Очередной казакъ доложилъ объ этомъ Бакланову.

— Проси!—сказалъ Баклановъ. Живо засунулъ онъ руку въ печь и сажей вымазалъ себѣ лицо.

Черкесы вошли, встали въ избѣ и въ страхѣ жались другъ къ другу. Яковъ Петровичъ сидѣлъ и дико водилъ глазами, выворачивая ихъ. Потомъ онъ поднялся и медленно сталъ приближаться къ гостямъ, щелкая зубами. Испуганные черкесы начали пятиться къ дверямъ и, наконецъ, шарахнулись изъ комнаты.

— Даджалъ! Даджалъ!—кричали они.

То, что Баклановъ кидался въ самую сѣчу боя и выходилъ цѣлымъ и невредимымъ, то, что, будучи даже тяжко раненъ, онъ оставался въ строю, внушило и казакамъ и солдатамъ мысль, что онъ заколдованный, заговоренный, что его можно убить только серебряной пулей. И вѣрили въ него, и боялись, и обожали его казаки!

Скоро съ молодцами-донцами, готовыми жизнь свою отдать за него, за славу Дона, Баклановъ сталъ страшенъ всему Кавказу. Имя донского казака снова было такъ же грозно, какъ и въ двѣнадцатомъ году, какъ во время Азовскихъ походовъ. Съ уваженіемъ говорили о донскихъ казакахъ въ арміи, со страхомъ думали о нихъ черкесы и татары.

Во всей кавказской арміи, казачьихъ и солдатскихъ полкахъ знали тогда пѣсню про Бакланова.

Честь прадѣдовъ-атамановъ,
Богатырь, боецъ лихой,
Здравствуй, храбрый нашъ Баклановъ,
Разудалый нашъ герой!

Славой, честію завидной
Ты сумѣлъ себя покрыть:
Про тебя, ей-ей, не стыдно
Пѣсню громкую сложить!

Ты геройскими дѣлами
Славу дѣдовъ и отцовъ
Воскресилъ опять межъ нами,
Ты—казакъ изъ казаковъ!

Шашка, пика, вѣрный конь,
Рой наѣздниковъ любимый—
Съ ними ты, неотразимый,
Мчишься въ воду и въ огонь.

Древней славы Ермаковой
Надъ тобою блещетъ лучъ;
Ты, какъ соколъ изъ-за тучъ,
Бьешь сноровкою Платовой.

Честь геройскую любя,
Мчишься въ бой напропалую:
За Царя и Русь святую
Не жалѣешь самъ себя.

Баютъ: вольный по горамъ,
По кустамъ, тернамъ колючимъ
Лѣзешь змѣемъ здѣсь и тамъ,
Сѣрымъ волкомъ въ полѣ рыщешь,

Бродишь лѣшимъ по горамъ,
И себѣ ты славы ищешь,
И несешь ты смерть врагамъ;
Ходишь въ шапкѣ-невидимкѣ,

Въ скороходахъ-сапогахъ,
И летишь на буркѣ-сивкѣ,
Какъ колдунъ на облакахъ.
Свистнешь—листъ съ деревъ валится,

Гаркнешь—вмигъ передъ тобой
Рать удалая родится—
Точно въ сказочкѣ какой!

Сытъ желѣзной просфорою,
Спишь на конскомъ арчакѣ,—
И за то прослылъ грозою
Въ Малой и Большой Чечнѣ.

И за то тебѣ мы, воинъ,
Пѣсню громкую споемъ:
Ты герой нашъ, ты достоинъ
Называться казакомъ!

5 декабря 1848 года въ Куринскомъ укрѣпленіи, гдѣ стояли Тенгинскій пѣхотный и 20-й донской казачій полки, произошла тревога. Горцы напали на баталіонъ Тенгинскаго полка, занимавшійся въ лѣсу рубкой дровъ. Дѣло вышло пустое, такъ какъ по первому выстрѣлу уже летѣли Баклановскія сотни, и передъ ними живо умчались чеченцы. Началась погоня. Одинъ казакъ, занесенный лошадью, былъ схваченъ чеченцами, да двое свалились, прострѣленные пулями. Самъ Баклановъ былъ раненъ. Онъ вдругъ пошатнулся и выпустилъ поводья. Казаки хотѣли уже было подхватить его, но онъ схватилъ поводья въ правую руку, крикнулъ «впередъ» и помчался отдавать распоряженія. Пуля перебила ему ключицу лѣвой руки. Кровь проступила черезъ рукавъ желтой черкески и окрасила ее. Но Баклановъ, превозмогая страшную боль, продолжалъ распоряжаться въ бою. Только тогда, когда все было кончено, казаки сняли съ убитыхъ оружіе; Баклановъ прилегъ на бурку и казакъ платкомъ перевязалъ ему руку. Верхомъ вернулся онъ въ Куринское, и туда казаки привезли искуснаго горскаго врача.

Вечеромъ казаки разговорились между собою.

— Какъ же это могло случиться,—спрашивалъ молодой казакъ, — что самъ заколдованный Баклановъ получилъ такую сильную рану?

— Э, другъ... Онъ не поладилъ *съ самимъ,* — сказалъ старый казакъ,—вотъ онъ его и подвелъ.

— Ну, да это ему нисколько и не больно, — замѣтилъ сидѣвшій тутъ же урядникъ, — потому что сила дана ему отъ Бога страшенная!..

Замолчали казаки. Храбрость и выносливость Бакланова были такъ велики, что казакамъ не вѣрилось, чтобы обыкновенный человѣкъ могъ все это переносить.

Несмотря на жестокую боль, черезъ четыре дня Баклановъ уже стоялъ въ строю и руководилъ войсками. Онъ въ это время былъ назначенъ начальникомъ подвижного резерва въ Куринскомъ укрѣпленіи.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1849 года Баклановъ сталъ часто пропадать изъ своей квартиры. Возьметъ съ собою двухъ—трехъ пластуновъ, сядетъ

на коня еще до свѣта и уѣдетъ съ ними. Пропадаетъ весь день, а вернется къ ночи. Спрашивать, куда ѣздитъ Баклановъ у пластуновъ, это былъ бы напрасный трудъ. Они были нѣмы, какъ рыбы.

Какъ-то. незадолго до Пасхи, приходятъ вахмистры къ Бакланову и докладываютъ ему, что людямъ нечѣмъ будетъ разговѣться: всѣ бараны поѣдены.

– Экія прорвы станичники!—сказалъ Баклановъ.—Да вѣдь барановъ-то этихъ было до тысячи. Неужли поѣли?

— Поѣли, ваше высокоблагородіе.

— Ну, надо купить новыхъ. Деньги есть.

— Купить, ваше высокоблагородіе, такъ что невозможно. На линіи не продаютъ. Самимъ надо разговѣться, а сосѣди мичиковцы, зная наши волчьи повадки, такъ ихъ запрятали, что и нашими цѣпкими руками ихъ не добыть.

— Ну, надо добыть. Ступайте съ Богомъ.

Вахмистры ушли. а Баклановъ легъ на лежанку. У него былъ такой обычай: какъ задумаетъ набѣгъ, такъ и ляжетъ на печь, лежитъ и въ это время каждую мелочь обдумаетъ. Казаки это живо подмѣтили.

Заходятъ на другой день, спрашиваютъ у ординарца:—что полковникъ?

— Лежитъ.

— Ну, быть дѣлу.—И по всѣмъ сотнямъ стали готовиться къ набѣгу.

И, дѣйствительно, послѣ полудня Баклановъ потребовалъ къ себѣ сотенныхъ командировъ и отдалъ имъ приказаніе:

— Накормить лошадей, дать людямъ поужинать и затѣмъ къ 8-ми часамъ вечера тремъ сотнямъ быть въ совершенной готовности на Герзель-аульской дорогѣ.

Ровно въ 8 часовъ Баклановъ выѣхалъ къ построеннымъ на дорогѣ сотнямъ, снялъ папаху, перекрестился, и сотни тронулись въ путь.

— Часъ добрый, — говорили имъ пѣхотинцы, вышедшіе ихъ провожать.

— Спасибо,—отвѣчали казаки, и сотня за сотней скрывались за воротами Куринскаго укрѣпленія.

Спустились внизъ, перешли черезъ рѣчку Яманъ-Су и вступили въ горное ущелье. Ночь была темна, какъ могила; поднялся вѣтеръ и закрутилъ снѣжною метелью. Ничего не стало видно. Забросивъ пики за плечо, быстро подавались казаки въ неизвѣстную даль. Баклановъ ѣхалъ впереди отряда. Вдругъ онъ остановился и заявилъ, что отрядъ идетъ не по той дорогѣ. Проводникъ, человѣкъ испытанной честности, родившійся въ этомъ краю, сталъ клясться и божиться, что онъ не ошибается.

Атака Бакланова на р. Мичикѣ.

— Не по той дорогѣ ведешь, негодяй!—кричалъ на татарина Баклановъ.

— По той дорогѣ, полковникъ! Ты не знаешь, ты не можешь знать дороги, потому что ты не былъ здѣсь, а я былъ, — кричалъ и обиженный татаринъ.

— А гдѣ же сухое дерево, которое должно быть вправо отъ дороги? — вдругъ спросилъ его Баклановъ. — Я его вотъ уже часъ, какъ ищу; ты видѣлъ самъ, сколько разъ слѣзалъ я съ лошади и ложился на землю.

Проводникъ такъ и присѣлъ въ ужасѣ.

— Сухое дерево?.. Точно должно было быть здѣсь сухое дерево.

Остановились, разослали пластуновъ искать сухое дерево и точно нашли его вправо отъ покинутой дороги. А, между тѣмъ, Баклановъ здѣсь никогда не былъ. И пошли между казаками таинственные разсказы о томъ, что «значитъ, ужъ такъ ему отъ Бога дано знать дороги, гдѣ никогда не бывалъ»...

А, между тѣмъ, въ свои тайныя поѣздки Великимъ постомъ Баклановъ развѣдалъ, разсмотрѣлъ и запомнилъ всѣ тропинки и дорожки вокругъ Куринскаго укрѣпленія, и зналъ пути не хуже мѣстныхъ жителей.

Отыскавши сухое дерево, Баклановъ повелъ казаковъ къ хорошо знакомому ему хутору, куда на ночь загоняли чеченцы громадныя отары овецъ и барановъ.

Осторожно по вѣтру прокрались баклановскіе пластуны къ овечьимъ загонамъ. И не успѣли ихъ почуять злобныя собаки, какъ грянулъ одиночный выстрѣлъ, упалъ часовой пастухъ, быстро прикончили и его товарищей, согнали овецъ и прямо черезъ горы, по еле виднымъ тропинкамъ, вглядываясь въ Большую Медвѣдицу да Волосожарь, пошли за Баклановымъ домой.

— Съ нимъ не пропадешь,—говорили казаки, указывая на Бакланова, ѣхавшаго впереди отряда.

Въ половинѣ января 1850 года военныя дѣйствія главнаго чеченскаго отряда были перенесены за Аргунь. Нужно было проложить широкую просѣку черезъ Большую Чечню. Баклановъ въ это время произвелъ набѣгъ къ Мичику и на аулъ Ауху и на его хутора Сатый-Юртъ, Марцыкъ-Юртъ и Мустажа-Отаръ.

Въ полночь 23 февраля Баклановъ со своимъ полкомъ пришелъ изъ Куринскаго укрѣпленія въ аулъ Хасавъ-Юртъ, куда собралось пять батальоновъ пѣхоты и восемь орудій. Поджидали гребенскихъ казаковъ, но они опоздали. Начальникъ отряда, полковникъ Майдель, боялся потерять время и рѣшилъ идти на чеченцевъ безъ гребенцовъ. Въ авангардъ былъ посланъ Баклановъ съ донскими казаками. Ночь была темная. Отрядъ шелъ ощупью, между двумя рѣками, волны которыхъ плескались о камни и заглушали шумъ шаговъ пѣхоты и топотъ конницы. Вскорѣ дорога спустилась въ глубокій оврагъ, за которымъ было первое препятствіе—длинный ровъ, нарочно выкопанный горцами. Здѣсь не было караула. Пѣхота живо повязала фашины и фашинами, хворостомъ и землею забросала канаву. Но дальше было препятствіе посерьезнѣе. Ауховскіе горцы считали его защитою всего своего аула. Это были такъ называемыя *Гойтемировскія ворота.* Дорога подходила къ высокой горѣ, такой крутой, что подняться на нее можно было только по узенькой дорожкѣ. Эта дорожка у самой вершины упиралась въ ворота, сдѣланныя

изъ громадныхъ бревенъ, скованныхъ между собою толстыми желѣзными цѣпями. По сторонамъ воротъ тянулись канавы, обнесенныя плетнями изъ колючаго кустарника. Канавы эти уходили въ дремучій, непроходимый лѣсъ. Гойтемировскія ворота были заняты очень сильнымъ карауломъ.

Свѣтало. Казаки маршъ-маршемъ неслись на плетни. Испуганные часовые, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ, бѣжали. Казаки перепрыгнули на лихихъ коняхъ плетни и канавы и широкою лавою прикрыли рабочихъ, разбиравшихъ въ сумеркахъ начинавшагося дня ворота.

Медлить было нельзя. Ближайшіе аулы лежали всего въ двухъ, трехъ верстахъ отъ Гойтемировскихъ воротъ. Казаки поскакали къ нимъ. Часть пѣхотинцевъ, не желая отставать отъ казаковъ, бѣжала рядомъ съ лошадьми, хватаясь за гривы, за хвостъ, за стремена. Наконецъ, показались и аулы. Горцы встрѣтили нашъ отрядъ частой стрѣльбой изъ-за плетней, а потомъ бѣжали. Аулы были пусты. Казаки нашли тамъ только стариковъ. При первыхъ выстрѣлахъ у Гойтемировскихъ воротъ. чеченцы угнали свои стада и увели семейства далеко въ горы, а сами, схвативъ оружіе, ускакали, чтобы отрѣзать путь нашимъ войскамъ. Майдель съ Баклановымъ зажгли аулы и начали отступать.

До Гойтемировскихъ воротъ отступленіе шло безъ потерь, но у Гойтемировскихъ воротъ собрались толпы конныхъ черкесовъ, пѣшіе засѣли по обѣимъ сторонамъ узкой тропинки и приготовились принять нашъ отрядъ подъ перекрестный огонь. Яковъ Петровичъ хотѣлъ было насѣсть на кавалерію, но едва онъ скомандовалъ: «стой», какъ чеченская конница повернула назадъ и исчезла въ лѣсу. Тогда Баклановъ, перевернувъ фронтъ налѣво въ карьеръ, схватилъ въ свои руки значекъ и кинулся съ кручи прямо въ лѣсистый оврагъ, внизу котораго протекала рѣчка Яманъ-Су. Не только горцы, но и наша пѣхота были ошеломлены видомъ казаковъ, скакавшихъ полнымъ ходомъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ только съ трудомъ могли пробираться пѣшіе. Ружейный огонь горцевъ сразу умолкъ. Они сбѣгались въ кучи, чтобы принять Бакланова въ кинжалы и шашки. Но казаки, по знаку Бакланова, на полномъ скаку спѣшились и съ пиками въ рукахъ пѣшкомъ бросились на черкесовъ. Два батальона Кабардинскаго полка, бѣжавшіе за казаками, оцѣпили оставленныхъ казаками лошадей. Началась рукопашная свалка. А въ это время человѣкъ 80 горцевъ залѣзли на высокій курганъ, стоявшій сбоку, и начали обстрѣливать казаковъ. Никто не рѣшался пойти и выбить ихъ. Доложили объ этомъ Бакланову. Онъ весь перемѣнился въ лицѣ. И обида за казаковъ, и гнѣвъ на нихъ охватили его.

Прискакавъ къ кургану и жестоко отпоровъ казаковъ плетью, Баклановъ крикнулъ: впередъ! и, выхвативъ шашку, повелъ на приступъ. Черезъ минуту курганъ былъ взятъ; мы потеряли шесть казаковъ убитыми, ранеными хорунжаго Стоцкаго и 25 казаковъ.

Горцы бѣжали, оставивъ 17 тѣлъ на мѣстѣ. Это было славное дѣло, и Баклановъ получилъ за него чинъ полковника.

Въ апрѣлѣ 1850 года предстояла смѣна донскимъ полкамъ, находившимся на Кавказѣ. Донской казачій № 20 полкъ долженъ былъ идти домой, а съ нимъ вмѣстѣ и его командиръ, грозный для горцевъ Боклю. Но Баклановъ былъ такъ нуженъ на Кавказѣ, безъ него такъ осиротѣли бы полки кавказскіе, что князь Воронцовъ очень просилъ атамана и военнаго министра объ оставленіи Бакланова на линіи и о назначеніи его командовать вновь прибывающимъ полкомъ. Просьба эта была исполнена, и Баклановъ получилъ въ команду донской казачій № 17 полкъ. Съ нимъ осталось, по доброй волѣ, пять сотенныхъ командировъ: Березовскій, Банниковъ, Поляковъ, Захаровъ и Балабинъ и адъютантъ его Одноглазковъ. Осталось и нѣсколько казаковъ.

Трогательно было прощаніе Бакланова съ № 20 полкомъ. Когда онъ выѣхалъ къ полку — всѣ эти желѣзные богатыри, увѣшанные крестами, плакали отъ праваго до лѣваго фланга, какъ малыя дѣти. Сжалось сердце у грознаго «Даджала», онъ отвернулся въ сторону, махнулъ рукою и, молча, выѣхалъ изъ воротъ укрѣпленія. За нимъ потянулись и его сотни. Онъ проводилъ ихъ до Карасинскаго поста и тамъ распростился со своими боевыми товарищами.

Пришедшіе съ Дона казаки разспрашивали у старыхъ, что за командиръ Баклановъ.

— Командиръ такой,—говорили казаки,—что при немъ и отца родного не надо. Если есть нужда—иди прямо къ нему: поможетъ и добрымъ словомъ, и совѣтомъ, и деньгами. Простота такая, что ничего не пожалѣетъ, послѣднюю рубашку сниметъ и отдастъ, а тебя въ нуждѣ твоей выручитъ. Но на службѣ, братцы мои, держите ухо востро: вы не бойтесь чеченцевъ, а бойтесь своего асмодѣя: шагъ назадъ — въ куски изрубитъ.

Баклановъ сейчасъ же принялся и изъ новаго полка готовить желѣзныхъ богатырей, героевъ баклановцевъ.

Въ этомъ году мы проводили новую линію и прорубали въ лѣсахъ широкія просѣки для того, чтобы обезопасить себя отъ нечаянныхъ нападеній непріятеля. 8 августа, когда назначенныя на рубку лѣса *на рѣкѣ Мичикъ* части стали подходить къ лѣсу, онѣ были встрѣчены ружейнымъ огнемъ. Лѣсъ оказался занятымъ горцами. Послали за орудіями. Но

орудія еще не прибыли, какъ 5-я рота Кабардинскаго полка, составлявшая правую цѣпь, спустилась въ оврагъ и съ крикомъ «ура» кинулась въ лѣсъ. Загремѣли изъ лѣса мѣткіе чеченскіе выстрѣлы и начали валиться люди. На поддержку пятой ротѣ побѣжали двѣ роты резерва. Начался жестокій рукопашный бой въ лѣсной чащѣ. Уже девяносто солдатъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными, чеченцы начали одолѣвать нашихъ.

Баклановъ въ это время находился на лѣвомъ флангѣ, гдѣ разставлялъ цѣпь. Вдругъ на взмыленной, запыхавшейся лошади подскакиваетъ къ нему офицеръ Кабардинскаго пѣхотнаго полка и докладываетъ:

— Полковникъ, спасайте кабардинцевъ! Насъ рубятъ! Весь правый флангъ въ чрезвычайной опасности!

Разспрашивать было некогда. Дѣло требовало немедленной помощи. Баклановъ схватилъ ракетную команду и карьеромъ помчался на мѣсто боя. Быстро скатились въ глубокій оврагъ казаки и начали устанавливать ракетные станки. Толпа чеченцевъ съ поднятыми шашками полетѣла на казаковъ. Молодые казаки смѣшались... Пошатнись они, и вся ракетная команда досталась бы чеченцамъ. Но выручилъ Баклановъ.

Онъ спрыгнулъ съ коня, выхватилъ изъ рукъ оторопѣлаго урядника ракету и самъ положилъ ее на станокъ. Его примѣръ ободрилъ людей. Казаки оправились. Раздалась команда: «батарея пли»! и восемнадцать огненныхъ змѣй съ шумомъ и трескомъ влетѣли въ ряды непріятеля. Въ эту же минуту прискакало 2 сотни 17-го полка, они побросали коней и пѣшкомъ, съ пиками на перевѣсъ, кинулись на чеченцевъ. Лѣсъ остался за нами и началась рубка его для прокладки новой линіи.

Въ началѣ 1851 года въ Куринское съ прибывшимъ туда почтовымъ обозомъ Бакланову доставлена была неизвѣстно отъ кого и откуда посылка. Развернули ее и въ ней оказался черный значекъ, на которомъ вышита была адамова голова съ двумя перекрещенными костями подъ нею и съ вышитой кругомъ надписью: *«чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь»*. Когда значекъ этотъ впервые появился передъ полкомъ, казаки были смущены его печальнымъ видомъ, навѣвавшимъ мрачныя думы о смерти. Но, когда казаки увидали, что этотъ черный значекъ наводитъ ужасъ на чеченцевъ — они полюбили его. Баклановъ же съ нимъ не разставался до конца жизни.

Одолѣваемые со всѣхъ сторонъ нашими войсками, чеченцы рѣшились на отчаянное предпріятіе. Они задумали напасть на Куринское укрѣпленіе. Въ день Успенія Богородицы было особенно жарко и душно. Баклановъ, пообѣдавши, легъ отдохнуть въ своемъ домикѣ на горскомъ

коврѣ. Жара сморила его. Онъ совершенно раздѣлся, снялъ даже рубашку и остался въ однихъ чувякахъ. Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ совсѣмъ близко, зазвенѣли окна въ той комнаткѣ, гдѣ спалъ Баклановъ, и къ нему влетѣлъ растерявшійся ординарецъ.

— Чеченцы въ предмѣстьи,—крикнулъ онъ.

Выстрѣлы участились; шумъ, крикъ, скачка и суматоха на улицѣ показывали, что дѣло не шуточное. Баклановъ съ просонья, какъ былъ безъ одежды, бросился къ двери, вырвалъ изъ рукъ ординарца шашку, надѣлъ ее прямо на голое тѣло, накинулъ какую-то бурку и явился въ такомъ видѣ передъ казаками. Двѣ сотни, собравшіяся по тревогѣ, кинулись за нимъ. Едва казаки вышли изъ укрѣпленія—они увидали человѣкъ до восьмисотъ конныхъ чеченцевъ, спускавшихся съ горъ. Казаки замялись. Но Баклановъ выхватилъ изъ рукъ своего ординарца пику, крикнулъ «впередъ!» и помчался въ рукопашную свалку. Казаки не отстали отъ своего любимаго начальника и горсть ихъ врѣзалась въ толпу непріятельской конницы. Работая пикой, Баклановъ, какъ сказочный богатырь, валилъ вокругъ себя толпы непріятеля. Горцы, дрогнувшіе на первыхъ порахъ, не могли поправиться и скоро бѣжали.

Казаки забрали плѣнныхъ, и плѣнные были увѣрены, что страшный Баклановъ, если и не настоящій даджалъ, то уже, навѣрное, приходится съ родни ему.

Вскорѣ горцамъ пришлось окончательно убѣдиться, что грозный «Боклю», дѣйствительно, настоящій дьяволъ. Какъ-то разъ вечеромъ, у Бакланова собралось большое общество. Много было офицеровъ русскихъ полковъ, пили чай, играли въ карты, разговаривали. Было уже за десять, когда къ Бакланову прошелъ ординарецъ и доложилъ, что его желаетъ видѣть лазутчикъ.

— Который?—спросилъ Баклановъ.

— Али-бей,—отвѣтилъ ординарецъ.

— Проси сюда.

Тихо, неслышными шагами прошелъ преданный Бакланову горецъ и таинственнымъ шопотомъ сталъ докладывать.

— Шамиль, грозный предводитель чеченцевъ, узналъ, что просѣка на рѣкѣ Мичикъ окончена русскими. Ему доложили, что чеченцы не могутъ тебя остановить, и вотъ онъ... я боюсь и говорить, господинъ полковникъ.

— Ну!—ободрилъ его Баклановъ.

— Шамиль тогда позвалъ изъ горъ стрѣлка, и стрѣлокъ на Коранѣ *) поклялся тебя убить. Стрѣлокъ пріѣхалъ въ нашъ аулъ. Много

*) Коранъ—священная книга магометанъ.

хвасталъ. Онъ говоритъ, что на пятьдесятъ шаговъ разбиваетъ куриное яйцо, подброшенное кверху. Ну, только наши старики ему говорятъ, что они видали, какъ ты на полтораста шаговъ убиваешь муху. «Смотри Джанемъ, — говорятъ ему наши старики, — если ты промахнешься— Боклю положитъ тебя на мѣстѣ».

— Ну что же горецъ?—спросили Али-бея офицеры.

— Ничего,—отвѣчалъ чеченецъ,—поблѣднѣлъ немного, однако, скоро оправился. Я, говоритъ, только разъ въ жизни промахъ давалъ, да и то мнѣ тогда всего семь лѣтъ было. Я, говоритъ, на Коранѣ клялся. Онъ завтра на батарейкѣ за рѣкою Мичикомъ засядетъ и будетъ тебя ждать,—сказалъ Али-бей Бакланову.—Ты завтра не ѣзди на курганъ,—добавилъ онъ.

— Ладно,—сказалъ Баклановъ,—щедро наградилъ чеченца и отпустилъ его.

На другой день, въ обычное время, войска вышли изъ Куринскаго укрѣпленія. Баклановъ, переправившись черезъ рѣку Мичикъ, остановилъ колонну нѣсколько раньше, чѣмъ обыкновенно, и въ сопровожденіи одного ординарца поѣхалъ къ батарейкѣ, гдѣ его ожидалъ знаменитый стрѣлокъ Джанемъ. Поднимаясь на пригорокъ, Баклановъ взялъ ружье изъ рукъ ординарца и, оставивъ казака, одинъ выѣхалъ на батарейку, остановилъ лошадь и сталъ вглядываться въ кусты. И, вотъ, онъ увидалъ среди листвы черную шапку чеченца, и въ ту же минуту сверкнулъ стволъ ружья и грянулъ выстрѣлъ. Богъ спасъ Бакланова. Джанемъ промахнулся второй разъ въ жизни; пуля только чуть задѣла край полушубка Бакланова. Чеченецъ поднялся до пояса и съ ужасомъ увидалъ, что Баклановъ, цѣлый и невредимый, сидитъ на конѣ. Чеченецъ пригнулся за валомъ и сталъ вторично заряжать винтовку. Но руки у него тряслись и самъ онъ суетился, и Баклановъ понялъ, что второй выстрѣлъ не можетъ быть вѣрнымъ. Тогда Баклановъ вынулъ ногу изъ стремени, положилъ ее на шею лошади, оперся на нее рукою и приготовилъ свое ружье. Раздался выстрѣлъ. Чеченецъ опять промахнулся, и какъ только онъ немного высунулся, Баклановъ спустилъ курокъ, и чеченецъ упалъ навзничь: пуля ему попала между бровей и прошла черезъ голову.

И наши, и чеченцы внимательно слѣдили за этимъ состязаніемъ и, когда Баклановъ медленно поѣхалъ къ своимъ, наши войска привѣтствовали его громкимъ ура, а чеченцы, махая папахами, вскочили на завалы и кричали: «якши Боклю! Браво Боклю! молодецъ Боклю!»

И долго послѣ этого въ Чечнѣ говорили: «не хочешь ли убить

Бакланова?» — и останавливали этимъ вопросомъ расхваставшихся стрѣлковъ.

30 декабря 1852 года Баклановъ получилъ давно заслуженный имъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

Въ 1855 году, уже въ чинѣ генералъ-маіора, Баклановъ участвовалъ съ казаками въ развѣдкѣ подступовъ къ Карсу и въ штурмѣ Карса. 16 ноября этого года Карсъ былъ взятъ, и вскорѣ послѣ этого Баклановъ былъ назначенъ въ Кутаисъ. Тогдашній намѣстникъ Кавказа генералъ Муравьевъ, призвавши Бакланова къ себѣ, сказалъ ему:

— Я назначаю васъ въ Кутаисъ... Когда вы можете отправиться?

— На Дону есть поговорка, — отвѣчалъ Баклановъ, — голому собраться—только подпоясаться. Черезъ два часа я могу быть въ дорогѣ.

— Этого не нужно. Но я прошу васъ отправиться не позже завтрашняго утра.

Но Бакланову не пришлось быть въ Кутаисѣ, онъ долженъ былъ уѣхать на Донъ, а оттуда вскорѣ получилъ назначеніе въ Польшу командовать собранными тамъ для усмиренія взбунтовавшихся поляковъ казачьими полками. Тамъ генералъ Баклановъ управлялъ нѣкоторое время Августовскою губерніею. Но желѣзное здоровье Бакланова пошатнулось. Хотя ему всего было 55 лѣтъ, но годы его жизни прожиты были во время постоянныхъ походовъ и боевыхъ тревогъ. Баклановъ отпросился въ отпускъ на Донъ. Но на Дону онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Перемогаясь, онъ вернулся въ Вильно и продолжалъ командовать до 1867 года донскими полками, расположенными въ Польшѣ. Зачисленный въ этомъ году по войску Донскому, Баклановъ остальное время жизни провелъ въ Петербургѣ. 18 января 1873 года не стало казака-богатыря. Его похоронили въ Петербургѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и тамъ его друзья поставили надъ могилой его памятникъ. На гранитной скалѣ брошена кавказская бурка и на нее донская папаха. Подъ папахою лежитъ знаменитый баклановскій черный значекъ—гроза Большой и Малой Чечни. Подъ значкомъ вѣнокъ съ надписью: «войска Донского Яковъ Петровичъ Баклановъ. Родился 1809 г., умеръ 1873 г.»; на подстановкѣ памятника изображены названія всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ сражался Яковъ Петровичъ. Имя Бакланова носитъ теперь *17-й донской казачій полкъ.*

Жизнь Якова Петровича Бакланова весьма поучительна для донскихъ казаковъ. Сынъ простого казака, онъ любовью къ военному дѣлу, непрерывными упражненіями въ ѣздѣ, рубкѣ и стрѣльбѣ, отвагою и усердною работою — достигъ высокаго званія генералъ-лейтенанта, про-

славилъ свое имя, но, что дороже всего, прославилъ имя донского казака, неувядаемою славою покрылъ и нашъ тихій Донъ.

Въ 1909 году 15 марта, въ день столѣтія со дня рожденія Якова Петровича, и въ Новочеркасскѣ возлѣ войскового собора, и въ Петербургѣ на могилѣ Бакланова торжественно служили панихиды. Добрымъ словомъ, вѣчною памятью помянули донцы своего героя и постановили собирать деньги на постройку памятника Бакланову въ Новочеркасскѣ.

Памятникъ на могилѣ Бакланова на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря въ С.-Петербургѣ.

65. Донцы на Кавказѣ.

1801—1864 годъ.

Во время тяжелой борьбы съ кавказскими горцами много было совершено подвиговъ донскими казаками. Очень часто имъ приходилось въ одиночку обороняться отъ многочисленнаго и злобнаго непріятеля. Подвиги, совершенные донскими казаками во время этой шестидесятилѣтней войны, такъ многочисленны, что нѣтъ возможности перечислить ихъ всѣ. Много казаковъ полегло въ горахъ и долинахъ Кавказа и надъ ихъ никому неизвѣстными могилами нѣтъ ни креста, ни памятника. Погибшіе въ одиночку, безъ свидѣтелей, донцы умирали въ горахъ, окружен-

ные воронами, да хищными орлами. Тамъ зародилась и эта печальная пѣсня казачья:

Черный воронъ, что ты вьешься
Надъ моею головой.
Ты добычи не дождешься:
Черный воронъ!—я не твой!
Ты лети-ка, черный воронъ,
Къ намъ на славный Тихій Донъ,
Отнеси-ка, черный воронъ,
Отцу, матери поклонъ,
Отцу, матери поклонъ
И жененкѣ молодой,
Ты скажи ей, черный воронъ,
Что женился на другой,
На пулечкѣ свинцовой.
Наша свашка—была шашка,
Штыкъ булатный—былъ дружкомъ,
А вѣнчался я на полѣ
Подъ ракитовымъ кустомъ.

Кавказская война требовала особеннаго вниманія солдатъ и казаковъ. Войска, служившія на Кавказѣ, отлично умѣли ходить по горамъ, находили мѣста въ долинахъ и всюду поспѣвали. Не такъ было съ полками, приходившими изъ Россіи. Непривыкшіе къ горамъ солдаты скоро уставали, они теряли направленіе пути въ узкихъ тѣснинахъ и не поспѣвали, куда нужно.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1828 года, недалеко отъ мѣстечка *Горячія Воды*, борясь противъ закубанскихъ горцевъ, усилившихъ по случаю войны свои набѣги, погибъ геройскою смертью донской *полковникъ Михаилъ Степановичъ Родіоновъ*.

Закубанцы, чувствуя, что нашимъ не до нихъ, что мы заняты войною съ турками въ Закавказьѣ, сдѣлались дерзки до сумасбродства. Они переправились черезъ рѣку Кубань, овладѣли нѣсколькими нашими постами, сожгли станицу Неудобную, забрали много плѣнныхъ и добычи. Когда они пошли назадъ, на перерѣзъ имъ двинулся отрядъ въ 1000 человѣкъ съ 4-мя орудіями. Но пѣхота, не привыкшая къ быстрымъ дѣйствіямъ, оттянула. Горцы замѣтили это и бросились въ шашки, отбили у насъ одно орудіе и перерубили пѣхотное прикрытіе. Пѣхота и выстрѣлить не успѣла. Это увидалъ полковникъ Родіоновъ. Храбрѣйшій человѣкъ, исполинскаго роста—онъ былъ настоящій богатырь. Живо

выставилъ онъ противъ горцевъ остальныя пушки, а самъ съ горстью донскихъ казаковъ кинулся въ кровавую сѣчу. Бывшіе тутъ линейцы и пѣхота не поддержали благороднаго подвига Родіонова и онъ былъ окруженъ врагами. Отчаянно боролись казаки. Родіонову шашкою отхватили ногу, потомъ пулею прострѣлили шею. Истекая кровью, онъ упалъ съ лошади. Закубанцы налетѣли на него и шашками изрубили его.

Вѣрные донцы отбили тѣло своего полковника. Подвигъ Родіонова и маленькаго его отряда заставилъ закубанцевъ отступить и станица Горячія Воды была имъ спасена.

Казаки привезли его тѣло на Воды и тамъ похоронили. Про геройскую смерть Родіонова они сложили слѣдующую пѣсню:

Какъ на зарѣ-то было на зорюшкѣ,
На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго,
На разсвѣтѣ-то денечка прекраснаго.
Не сизые ли орлы въ полѣ солеталися,
Мурзы горскіе въ полѣ соѣзжалися;
Какъ слѣзали мурзы съ добрыхъ коней,
Выходили мурзы на высокъ курганъ,
Разстилали они черны бурочки,
Поснимали они куньи шапочки,
Какъ садились мурзы во единый кругъ
Да и думали они думушку единую,
Если бъ взять-то намъ, взять село новое, нерушимое;
Да во томъ-то селѣ убьемъ мы полковничка.
Какъ поранили они полковничка,
Какъ полковничка Михайлу Степановича,
Какъ приказывалъ онъ, Михайла Степановичъ:
„Ой, вы други мои, други станичники!
Когда Богъ васъ лучитъ быть на Тихомъ Дону,
Вы скажите тамъ моему сыну родному,
Да чтобъ онъ служилъ царю вѣрой правдою.

Такъ въ неравномъ бою гибли офицеры. Но часто, несмотря на большой перевѣсъ въ силахъ закубанцевъ, побѣда оставалась за казаками.

А какіе подвиги мужества, какую геройскую силу духа выказывали донцы въ эту войну! Да вотъ...

19 іюля 1847 года командиръ донского казачьяго № 35 полка, подполковникъ Нѣмченковъ, вызвалъ къ себѣ казака своего полка Бука-

новской станицы *Степана Полунина* и приказалъ ему отвезти бумаги съ пограничнаго поста Калали на постъ Тавшанъ Кишляхскій. Отвезъ Полунинъ пакеты, сдалъ на постъ. Надо дальше пакеты везти, а, на бѣду, на Кишляхскомъ посту всѣ люди были въ лихорадкѣ.

— Я отвезу—заявилъ Полунинъ.

Забралъ онъ сумку съ бумагами, насыпалъ на полку кремневаго ружья свѣжаго пороха, подсыпалъ пороха и подъ кремень своего пистолета и сталъ сѣдлать лошадь.

— Ты оставилъ бы это до завтра,—говорятъ ему казаки.—Дѣло не такъ спѣшно. А то, смотри, уже вечерѣетъ.

— Вотъ еще,—отвѣчалъ Полунинъ беззаботно,—дорога знакома, какъ собственный карманъ. Вы, смотрите же, на мой постъ старшому дайте знать, что я поѣхалъ.

Сѣлъ на коня и тронулъ съ постового двора. Проѣхавши недолго по патрульной тропѣ, увидалъ Полунинъ на той сторонѣ рѣки Арпачая человѣка на бѣлой лошади.

— Что онъ тутъ дѣлаетъ?—подумалъ Полунинъ, свернулъ свою лошадь внизъ и спустился къ балкѣ, выходившей къ рѣкѣ. Недолго пришлось ему ждать. Скоро увидалъ онъ человѣкъ 20 чеченцевъ, перебиравшихся черезъ рѣку. Съ ними ѣхалъ и человѣкъ на бѣлой лошади. Полунинъ пропустилъ ихъ мимо себя, а потомъ догналъ партію и выстрѣлилъ съ коня по человѣку на бѣлой лошади. Тотъ былъ раненъ этимъ выстрѣломъ. Онъ вскрикнулъ и поскакалъ къ своимъ. Тѣ остановились и дали три выстрѣла по Полунину, но промахнулись. Увидавши, что Полунинъ одинъ, они бросились на него съ обнаженными шашками. Полунинъ выстрѣлилъ изъ пистолета, но никого не ранилъ. Заряжать уже было поздно и Полунинъ, окруженный чеченцами, оборонялся пикою. Чеченцы разрубили на немъ въ трехъ мѣстахъ фуражку, перерубили оба погона на шинели и въ 17 мѣстахъ надрубили древко пики. Полунинъ во время этой отчаянной схватки успѣлъ ударить одного изъ чеченцевъ въ лѣвый бокъ такъ сильно, что тотъ упалъ мертвымъ. Пять человѣкъ подхватили его и ускакали съ нимъ за границу. Остальные пятнадцать еще яростнѣе набросились на Полунина. Но тутъ раздался топотъ конскихъ ногъ: то казаки, услыхавшіе выстрѣлъ Полунина, скакали ему на поддержку. Чеченцы повернули назадъ и поскакали къ рѣкѣ. Полунинъ одинъ за ними. На серединѣ рѣки онъ свалилъ пикою еще одного и, не желая гнать дальше, остановилъ лошадь, погрозилъ чеченцамъ плетью и поѣхалъ назадъ. Тутъ его встрѣтили казаки Степанъ Калычевъ, Петръ Красновъ, Наталюткинъ и Ефимъ Калычевъ. За подвигъ этотъ Полунинъ былъ награжденъ Геор-

гіевскимъ крестомъ, произведенъ въ урядники и получилъ 50 рублей награды. Изрубленная чеченцами пика его, по приказанію начальства, была отправлена въ Букановскую станицу на храненіе.

И не только старые, бывалые и опытные казаки, какъ Полунинъ, умѣли смѣло и стойко справляться съ чеченцами, но и молодежь не отставала отъ нихъ, когда нужно было поддержать честь казачьяго имени.

Донской № 39 казачій полкъ только что прибылъ на Кавказъ, какъ получилъ распоряженіе проводить отъ крѣпости Грозной на линію курьера. Въ конвой былъ назначенъ *хорунжій Погожинъ* съ 40 казаками. Отведя курьера на станцію Нефтянку и сдавши его другому конвою, Погожевъ пошелъ въ обратный путь. Но, едва онъ отъѣхалъ двѣ версты отъ Нефтянки, какъ 400 чеченцевъ, подъ командою своихъ старшинъ—наибовъ Талгика, Сабдуллы и Дубы, отрѣзали казакамъ путь отступленія къ Грозной и, выхвативъ шашки, понеслись на нихъ. Погожевъ спѣшилъ казаковъ, поставилъ ихъ въ кругъ и встрѣтилъ чеченцевъ залповымъ огнемъ. Чеченцы не выдержали этого натиска и отхлынули назадъ. Наибъ Талгикъ окружилъ казаковъ и тоже открылъ по нимъ огонь. Казаки отвѣчали имъ. Тогда чеченцы собрались и снова ударили на казаковъ, но, встрѣченные спокойными, выдержанными залпами, они отступили. Между тѣмъ изъ Грозной спѣшили войска на поддержку. Чеченцы съ новой силой атаковали Погожева, торопясь покончить съ нимъ до подхода подкрѣпленій. Но Погожевъ и урядникъ Назаровъ криками: «не робѣй, братцы, наши близко!» одушевили казаковъ и, они отбили и эту атаку... Послѣ этой атаки чеченцы бѣжали. Казаки во время своей получасовой отчаянной обороны потеряли изъ 40 человѣкъ — 14 ранеными, 3 контужеными, 7 лошадей убитыми и 15 ранеными...

Покореніе Кавказа приходило къ концу. Повсюду были построены наши крѣпости и городки, на всѣхъ опасныхъ мѣстахъ стояли войска. Отъ крѣпости къ крѣпости ходили почтовыя тройки, сопровождаемыя казачьимъ конвоемъ. Такъ было и *5 января 1859 года*, когда между станціями Ксинскою и Чальскою двигалась, подъ конвоемъ казаковъ *№ 15 донского казачьяго полка,* почта на двухъ тройкахъ. Поднялась метель, да такая, что ничего не стало видно. Вдругъ одна изъ повозокъ сломалась. Ее оставили въ горахъ подъ присмотромъ казака *Полякова.* Уѣзжая, ямщики совѣтовали Полякову уйти съ поста.

— Вишь ты какая метель къ намъ завернула, — говорили они. Но, вѣрный долгу службы, казакъ отвѣчалъ:

— Начальство, посылая меня, приказало мнѣ конвоировать почту

и доставить ее до слѣдующей станціи. Я не нарушу присяги и ни за что не оставлю почту такъ въ степи. Если Богъ судилъ мнѣ здѣсь смерть, то я умру на этомъ мѣстѣ, охраняя до послѣдней минуты порученные мнѣ казенные чемоданы.

И Поляковъ остался въ степи одинъ среди ночи и разыгравшейся вокругъ вьюги. Поутру его нашли замерзшимъ на его посту; замерзла и его строевая лошадь. Когда о такомъ безстрашномъ и честнѣйшемъ исполненіи долга Поляковымъ было доложено Государю, Государь Императоръ Александръ II приказалъ дѣду и матери казака Полякова выдать 100 рублей награды.

12 мая 1862 года съ поста Хамкетинскаго, занятаго 20-ю казаками 30 донского казачьяго полка, при одномъ урядникѣ, въ обычный разъѣздъ для осмотра мѣстности было послано 10 казаковъ.

Пошли казаки: *Петръ Павловъ, Дмитрій Фирсовъ* и *Иванъ Арефьевъ*—Митякинской станицы; приказный *Карнѣй Стехинъ*—Луганской станицы; казаки *Степанъ Лаптевъ*—Каменской, *Никифоръ Черемисовъ*—Бесергеневской, *Николай Прохоровъ* и *Левъ Изосимовъ*—Багаевской, *Алексѣй Ивановъ*—Старочеркасской, *Семенъ Изосимовъ*—Луганской. На вышкѣ около поста залегли часовые, пѣшіе. Разъѣздъ объѣхалъ глубокую и лѣсистую балку съ обрывистыми берегами и только что началъ спускаться въ нее, какъ на него выскочили 150 человѣкъ чеченцевъ, отрѣзали дорогу къ посту и совершенно окружили казаковъ. Казаки спѣшились, быстро привязали лошадей къ дереву, залегли въ кустахъ и открыли огонь по чеченцамъ. Чеченцы оставили 50 человѣкъ вести перестрѣлку, а сами бросились въ числѣ ста человѣкъ на постъ, гдѣ остался урядникъ *Кондратьевъ* съ 10-ю казаками. Но казаки на посту мѣткимъ огнемъ отбили нападеніе. Тогда чеченцы всѣми силами бросились на лежавшихъ казаковъ; казаки сопротивлялись отчаянно. Лаптевъ, Черемисовъ и Прохоровъ были убиты; Ивановъ, Изосимовъ и Коротышкинъ получили столь тяжелыя раны, что вскорѣ умерли. Изъ десяти казаковъ оставалось только четыре и тѣ были ранены. Чеченцы предлагали имъ сдаться, но казаки выстрѣлами отвѣчали на ихъ предложенія. Болѣе получаса длился этотъ бой, гдѣ 10 человѣкъ сражались противъ полутораста, и чеченцы не могли одолѣть ихъ... Между тѣмъ изъ станицы Губской неслась сотня на выстрѣлы, и израненые герои были спасены.

Такими подвигами мужества и храбрости донскихъ казаковъ полна Кавказская война. Правду говорилъ Яковъ Петровичъ Баклановъ, что учить казака храбрости не надо, и безъ ученья каждый казакъ долженъ быть храбрымъ. Казаки были отчаянно храбры...

Съ окончаніемъ Кавказской войны, въ 1864 году, кончилась и служба донцовъ въ Грузіи. Прощаясь съ донскими казачьими полками, тогдашній намѣстникъ на Кавказѣ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, въ приказѣ, отданномъ по Кавказскимъ войскамъ такъ изволилъ выразиться о казакахъ: «храбрые донцы въ теченіе шестидесятилѣтней Кавказской войны постоянно дѣлили съ русскими войсками и труды, и славу военныхъ подвиговъ, и многіе изъ этихъ подвиговъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи».

Достаточно сказать, что только вторую половину Кавказской войны, съ 1836 года по 1864 годъ, перебывало въ Грузіи 118 казачьихъ полковъ или около 100.000 человѣкъ, изъ нихъ убито и ранено 1.763 человѣка и умерло отъ болѣзней болѣе 16.000 человѣкъ. За это же время для образованія Сунженской и Лабинской линій было переселено съ Дона около 10.000 казачьихъ семействъ; они вошли впослѣдствіи въ составъ Терскаго казачьяго войска и своими подвигами покрыли славою знамена терскихъ полковъ. О ихъ героѣ, генералѣ Слѣпцовѣ, и на Дону поется пѣсня:

По дорогѣ пыль клубится,
Слышны выстрѣлы порой,
То съ набѣга удалого
Ѣдутъ сунженцы домой.
Много славы и добычи,
Много плѣнныхъ изъ оковъ!
Ихъ вождемъ герой былъ смѣлый,
Генералъ-маіоръ Слѣпцовъ.

Въ память боевыхъ заслугъ донскихъ казаковъ на Кавказѣ, войску Донскому пожаловано Георгіевское знамя съ надписью: «*за Кавказскую войну*».

Наказный атаманъ войска Донского
Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ. 1848—1862 гг.

66. Казаки въ Венгріи. Атаманъ Хомутовъ.

1849 годъ.

Кавказская война была особенно трудна еще и потому, что во время нея Россіи приходилось вести войны съ турками въ 1828—1829 г.г. и въ 1853—1856 г.г., съ персами въ 1827—1829 г.г.,— эти три войны большею частью прошли на Кавказѣ; два раза усмирять поляковъ: въ 1831 и въ 1863 г.г. и вести войну съ венгерцами въ 1849 году. Во всѣхъ этихъ войнахъ участвовали донскіе полки. Въ Венгерскій походъ пошли казачьи полки №№ 1, 2, 32, 41, 43, 45, 46 и 48-й и донская конно-артиллерійская № 6-й батарея. Въ походъ же къ границамъ Венгріи ходили, кромѣ того, л.-гв. казачій Его Величества и лейбъ-Атаманскій полки и двѣ донскія батареи. Походъ этотъ продолжался не долго. Венгерцы, взбунтовавшіеся противъ своего австрійскаго императора, скоро положили оружіе передъ полками нашего Государя и война окончилась. Войску Донскому пожаловано было бѣлое георгіевское знамя съ надписью: «За подвиги войска Донского въ походѣ на усмиреніе Венгріи и Трансильваніи *) въ 1849 году». Казаки въ эту войну показа. і себя молодцами. Они переплывали рѣки, броса-

*) Трансильваніей называется часть Венгріи.

лись небольшими партіями на непріятельскія батареи и отбирали у венгровъ орудія и всюду и вездѣ были впереди. Особенно отличились: полкъ № 1-й—Михайлова, который въ дѣлѣ подъ Сегезваромъ отбилъ у венгровъ 2 знамени и 8 пушекъ,—за дѣло это полку пожаловано синее георгіевское знамя,—и донская конно-артиллерійская № 6 батарея, получившая за многіе передовые бои серебряныя трубы.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, посылая грамоту войску Донскому, написалъ письмо войсковому наказному атаману Михаилу Григорьевичу Хомутову. Въ этомъ письмѣ Государь Наслѣдникъ писалъ:—«эти знамя и грамота будутъ навсегда говорить потомству о чудной храбрости и молодечествѣ сыновъ Дона въ долинахъ закарпатскихъ *), которымъ дивилась Европа и восхищалась земля русская».

Полки вернулись изъ Венгерской кампаніи и застали на Дону значительныя перемѣны. Войсковой наказный атаманъ Максимъ Григорьевичъ Власовъ скончался въ 1848 году отъ холеры въ Усть-Медвѣдицкой станицѣ. Продолжать и развивать начатое имъ дѣло просвѣщенія широко разросшагося Дона былъ призванъ генералъ-лейтенантъ *Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ*, первый атаманъ не войскового сословія.

Атаманъ Хомутовъ хорошо зналъ бытъ и нужды донскихъ казаковъ; съ 1839 года, почти 10 лѣтъ, онъ состоялъ вторымъ лицомъ въ войскѣ послѣ атамана: былъ начальникомъ штаба войска Донского. Широко образованный и умный человѣкъ, онъ сильно двинулъ впередъ все въ войскѣ. Много потрудился Хомутовъ для украшенія и благоустройства Новочеркасска. Донцы обожали его. Послѣ атамана Платова врядъ ли другой атаманъ пользовался такою любовью казаковъ, какъ Хомутовъ.

Рано утромъ его уже можно было видѣть гуляющимъ по новочеркасскимъ базарамъ. Тамъ онъ выбранитъ торговца за грязь передъ лавкой, тамъ разговорится со старухой казачкой, разспроситъ старика съ крестами за Отечественную войну. При немъ начали насаждать Александровскій садъ, устроили въ Новочеркасскѣ первыя оранжереи для вывода рѣдкихъ цвѣтовъ, провели водопроводъ; при немъ же былъ устроенъ Дворянскій клубъ и мостовыя покрыли улицы Новочеркасска. Онъ наблюдалъ за выработкой каменнаго угля въ Грушевскомъ посадѣ, и при его содѣйствіи была построена на Дону первая желѣзная дорога—Грушевско-Аксайскій путь.

Строившійся соборъ два раза рушился, въ 1846 и 1863 годахъ. Первый разъ перепилили желѣзныя подпоры главнаго купола,—второй разъ рано начали снимать лѣса изъ-подъ сводовъ, и они развалились.

---

*) Венгрія лежитъ за Карпатскими горами. Казаки въ своемъ походѣ переходили эти горы.

Въ 1850 году, 31 октября, въ городъ Новочеркасскъ изволилъ прибыть Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. На другой день послѣ пріѣзда Государя Наслѣдника былъ войсковой кругъ. На кругъ этотъ изволилъ пожаловать Наслѣдникъ и съ атаманской насѣкой и перначемъ въ рукахъ обратился къ казакамъ со слѣдующими милостивыми словами:

— «Тринадцать лѣтъ, какъ Государь Императоръ ввелъ Меня въ вашъ войсковой кругъ и вручилъ этотъ знакъ атаманскаго достоинства. Съ тѣхъ поръ Я видѣлъ, что войско Донское, издревле славное храбростью и вѣрностью, продолжало заслуживать благоволеніе Государя. Въ послѣднюю Венгерскую войну Донскіе казаки служили молодцами и пріобрѣли новые знаки Монаршей милости. Среди этихъ доспѣховъ, облитыхъ вашею кровью, по волѣ Государя Императора объявляю вамъ искреннее благоволеніе Его Величества за вашу вѣрность и храбрость. Съ моей же стороны скажу вамъ, что Я горжусь вами, горжусь быть вашимъ Атаманомъ!..»

Громко и радостно отвѣтили дружнымъ «ура» казаки на эти высокомилостивыя слова своего атамана. Окружившіе Государя Наслѣдника генералы, офицеры и старые казаки, станичные выборные цѣловали руки и одежду молодого атамана, а потомъ подняли его на рукахъ. По окончаніи круга Государю Наслѣднику были представлены раненые въ послѣднюю войну казаки и Наслѣдникъ долго бесѣдовалъ съ ними. Затѣмъ Наслѣдникъ прошелъ на обѣдъ, устроенный Торговымъ обществомъ Новочеркасска станичнымъ выборнымъ и всѣмъ георгіевскимъ кавалерамъ. Вечеромъ генералы и штабъ-офицеры обѣдали у Наслѣдника, а потомъ Государь Наслѣдникъ посѣтилъ балъ, устроенный донскимъ дворянствомъ. 2-го ноября была совершена закладка новаго собора.

Хомутовъ, много видѣвшій нужды въ войскѣ, исхлопоталъ о созывѣ Комитета для пересмотра Положенія о войскѣ Донскомъ, изданнаго атаманомъ Власовымъ и нуждавшагося въ большихъ исправленіяхъ. Въ войскѣ атамана Хомутова любили, одна изъ станицъ носитъ его имя—Хомутовская станица,—и въ Новочеркасскѣ есть улица, называемая Хомутовскимъ проспектомъ.

Атаману Хомутову пришлось выполнить очень тяжелую работу: собрать почти поголовно все войско Донское на войну, которую Россія вела съ Турціей и бывшими съ нею въ союзѣ Англіей, Франціей и Сардиніей. Война началась въ 1853 году. Во время нея мужественной обороною прославился Севастополь, отчего и война эта извѣстна больше подъ именемъ Севастопольской кампаніи.

На Кубани.

67. Война съ турками на Кавказѣ. Баяндуръ, Башъ-Кадыкъ-Ларъ, р. Чолокъ, Чингильскій перевалъ, Кюрюкъ-Дара.

1853—1855 годы.

Палестина,—гдѣ провелъ земную жизнь Спаситель, гдѣ Онъ училъ и гдѣ Онъ для спасенія міра принялъ крестную смерть,—находится на землѣ, принадлежащей туркамъ. Въ Іерусалимѣ есть храмы, построенные христіанскими государствами на мѣстѣ Рождества Христова, на мѣстѣ Голгоѳы, есть дома для странниковъ, совершающихъ паломничества, чтобы поклониться гробу Господню. Тысячи вѣрующихъ православныхъ людей ежегодно путешествуютъ туда, чтобы помолиться на христіанскихъ святыняхъ. И вотъ, по приказу турецкаго султана, обиженнаго на императора Николая I за тотъ разгромъ, который сдѣлали наши войска въ Турціи въ 1828 году, турки начали притѣснять и обижать православныхъ христіанъ. Православные обратились къ императору Николаю Павловичу, прося защиты. Между тѣмъ Англія опасалась нашихъ успѣховъ на Кавказѣ и въ Сибири, гдѣ русское государство подходило къ Восточному океану, Франція, въ которой только что вступилъ новый императоръ Наполеонъ III, была обижена на нашего государя,—и вотъ,

англичане и французы начали совѣтовать турецкому султану объявить Россіи войну и обѣщали ему помощь.

Въ 1853 году началась война между русскими и турками сразу и на Дунаѣ, и въ Закавказьѣ.

Снова потянулись полки казачьи: одни на востокъ къ Кубани, другіе на западъ, за Днѣпръ, на Дунай, третьи шли на югъ къ Азовскому морю.

Еще не былъ объявленъ манифестъ о войнѣ, какъ уже донцы прославили себя славными дѣлами. Это были донскіе артиллеристы донской конной батареи, бывшіе подъ начальствомъ лихого офицера есаула Кульгачева, отличившіеся въ цѣломъ рядѣ дѣлъ.

Только слухи носились еще о томъ, что будетъ война, когда въ 14-ти верстахъ отъ нашей кавказской границы, на высотахъ между Суботанью и Огузлами, забѣлѣли палатки 40-тысячнаго турецкаго отряда Абди-паши. Турецкая конница подошла къ нашей крѣпости Александрополю и, разсѣявшись по долинѣ рѣки Арпачая, начала грабить подвластныя намъ армянскія селенія.

Чтобы положить конецъ неистовствамъ баши-бузуковъ, начальникъ Александропольскаго отряда рѣшилъ занять селеніе *Баяндуръ*, около котораго постоянно рыскали турки.

2 ноября изъ крѣпости Александрополя выступилъ отрядъ подъ начальствомъ князя Орбеліани. Въ отрядѣ этомъ было 7 батальоновъ пѣхоты, два дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка, двѣ пѣшія и одна донская конная батарея. Война еще не была объявлена и отрядъ шелъ почти безъ всякой развѣдки.

А между тѣмъ, въ это самое время уже весь 40-тысячный турецкій корпусъ перешелъ нашу границу и стоялъ въ тѣхъ самыхъ Баяндурахъ, куда мы направлялись. И вотъ, какъ только наши войска стали подходить къ селенію, по нимъ грянулъ залпъ сорока-орудійной турецкой батареи и со свистомъ и скрежетомъ начали проноситься надъ нашими войсками турецкіе снаряды. Наши войска остановились въ полномъ недоумѣніи. Подъ цѣлою тучей артиллерійскихъ снарядовъ, крестившихъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ, рядами падали солдаты. Что было дѣлать? Атаковать съ нашими малыми силами сорока-тысячную турецкую армію было невозможно. Отступать въ первомъ бою для кавказскихъ войскъ было бы постыдно. И, вотъ, рѣшили ждать турецкой атаки и остановились. 16 нашихъ орудій стали на позицію и начали отвѣчать туркамъ.

— «Умирать, братцы, все равно, что отъ ядра, что отъ пули», говорили солдаты. Они ободрились, а въ батальонѣ Куринскаго полка даже вызвали пѣсенниковъ.

А снаряды падаютъ все гуще и гуще. Турки участили убійственный огонь до послѣдней крайности. Гибнутъ наши, но гибнутъ молча, не сдавая ни шага назадъ.

Наступили сумерки. Турки не посмѣли спуститься съ горъ на наши войска, и только пестрыя толпы ихъ конницы, обскакавъ нашъ правый флангъ, вдругъ понеслись къ обозу. Тамъ было татарское ополченіе князя Мамуки и сотня донцовъ. Татары съ дикими воплями обратились въ бѣгство, и напоръ нѣсколькихъ тысячъ баши-бузуковъ приняла одна донская сотня. Начался страшный рукопашный бой. Донцы гибли подъ ударами турецкихъ пикъ и ятагановъ. Но въ самое тяжелое время въ обозъ влетѣли донскія пушки. Храбрый есаулъ Кульгачевъ вскочилъ со своими орудіями въ самую сѣчу—и завизжала картечь. За пушками Кульгачева на выручку донскимъ казакамъ прискакали пикинерные эскадроны Нижегородскаго драгунскаго полка и прогнали турокъ.

Наступила ночь. И вдругъ, въ темнотѣ, сзади русскихъ раздался бой барабановъ. Это князь Бебутовъ велъ свои послѣднія силы—три батальона, шесть эскадроновъ и девять сотенъ казаковъ съ батареею.

Турки испугались этого ничтожнаго подкрѣпленія и, ночью, въ полномъ порядкѣ отошли за рѣку Арпачай. Селеніе Баяндуръ было занято нами.

Не дешево далась намъ побѣда. Около восьмисотъ человѣкъ потерялъ нашъ отрядъ, но показали наши туркамъ, что они не знаютъ что такое отступленіе.

Такъ началась, безъ объявленія, Восточная война. 2 ноября было дѣло подъ Баяндуромъ, а 6 ноября былъ объявленъ манифестъ о началѣ военныхъ дѣйствій.

14 ноября $8^1/_2$ тысячъ нашихъ войскъ подъ командою князя Бебутова перешли черезъ пограничную рѣку Арпачай и стали на ночлегъ у деревни Перевали.

Была непріятная осенняя погода. Дулъ рѣзкій вѣтеръ и хлопьями падалъ мокрый снѣгъ; холодно, сыро и непріютно было войскамъ. По слухамъ, турки уже уходили къ крѣпости Карсу на зимнія квартиры. 17 ноября во время фуражировки нижегородскіе драгуны открыли, что вся турецкая сорока-тысячная армія стоитъ лагеремъ на высотахъ *Башъ-Кадыкъ-Лара*. Князь Бебутовъ рѣшилъ напасть на нее.

19 ноября начался жестокій, неравный бой. Съ отчаяннымъ мужествомъ, съ необыкновеннымъ упорствомъ наступала наша пѣхота на турокъ. Наши солдаты подъ жестокимъ огнемъ захватываютъ турецкія позиціи, сламываютъ турокъ, берутъ ихъ батареи... Но турокъ сила. И вотъ, на два нашихъ батальона Эриванскаго полка обрушивается

восемнадцать турецкихъ батальоновъ. Въ тяжелой, вдругъ наступившей тишинѣ, казалось, должны были до послѣдняго погибнуть эриванцы. И вдругъ въ это время въ тылу у турокъ забухали пушки и загремѣло русское ура!..

Все перемѣнилось... Побѣда осталась за нами.

Въ тылу у турокъ гремѣли донскія пушки Кульгачева. Онъ вмѣстѣ съ 3 и 4-мъ дивизіонами Нижегородскаго полка проскочилъ на лѣвый флангъ и здѣсь замѣтилъ, что деревня Гамза-Кирякъ не занята турками. Лихой донской офицеръ быстро сообразилъ, что отсюда онъ можетъ громить турокъ во флангъ, и, вылетѣвъ со своею батареею сюда, открылъ огонь по туркамъ, отдѣленнымъ отъ него глубокимъ и крутымъ каменистымъ оврагомъ. Первымъ же выстрѣломъ донцы взорвали непріятельскій зарядный ящикъ. Турки сейчасъ же перенесли огонь своихъ батарей въ эту сторону и отъ турецкихъ ядеръ начали гибнуть нижегородцы.

Тогда нижегородцы рѣшились на отчаянный подвигъ. Подъ страшнымъ огнемъ они спустились въ оврагъ и пошли по дну его во взводной колоннѣ. Оврагомъ они зашли въ тылъ непріятеля. Съ ними вмѣстѣ, безъ дорогъ, черезъ крутой, усѣянный громадными камнями оврагъ переправилась батарея Кульгачева и, вылетѣвъ на двадцать пять шаговъ къ турецкой пѣхотѣ, готовившейся атаковать эриванцевъ, дала по ней залпъ картечью.

Вслѣдъ за этимъ въ ряды турецкой пѣхоты врубились нижегородскіе драгуны и съ налета захватили турецкую батарею...

Въ это самое время въ донской батареѣ подъ орудіемъ была убита лошадь. Упряжь перепуталась и орудіе стало. Турки кинулись толпою на него, перебили прислугу и схватились за пушку. Но это увидалъ командиръ Нижегородскаго полка князь Чавчавадзе.

— Драгуны, — крикнулъ онъ своимъ ординарцамъ,—неужели мы отдадимъ пушку!..

И четыре ординарца драгуна кинулись съ такою рѣшимостью на турокъ, что турки бросили нашу пушку.

Бой приходилъ къ концу. Турецкая армія бѣжала, оставивъ въ нашихъ рукахъ 30 орудій, 18 знаменъ, 2 лагеря и 12 тысячъ плѣнныхъ. Шесть тысячъ турокъ было убито. Нашихъ было всего 9 тысячъ и мы потеряли 57 офицеровъ и 1200 нижнихъ чиновъ.

Такъ, славными дѣлами у Баяндура и Башъ-Кадыкъ-Лара началась Турецкая война. Оба боя были побѣдные. Въ обоихъ мы дрались противъ врага, превосходившаго насъ въ четыре раза, и въ обоихъ геройски вели себя лихіе наши донцы—батарейцы батареи Кульгачева.

Наступила зима и на время прекратились военныя дѣйствія.

Лишь весною 1854 года на Кавказѣ снова начались дѣла. Къ этому времени войска кавказской арміи были расположены: у Александрополя—17.000, у Ахалцыха около 10.000 и въ окрестностяхъ Эривани до 6.000. Турки стояли подъ стѣнами Карса и небольшіе отряды ихъ были въ Батумѣ, Озургетахъ и Баязетѣ.

4 іюня князь Андрониковъ быстрымъ движеніемъ на *р. Чолокъ* напалъ на турокъ и разбилъ ихъ совершенно. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличились 4 сотни *№ 11 Харитонова донского казачьяго полка.* Въ этотъ знаменательный для 11-го донского казачьяго полка день, полкъ двигался въ резервѣ отряда, направляясь за Чолокъ. Начавшаяся впереди у пѣхоты перестрѣлка становилась все оживленнѣе и бойчѣе, и вдругъ загремѣли противъ насъ по всей линіи турецкаго расположенія громовые раскаты турецкихъ орудій. Командиръ полка полковникъ Харитоновъ послалъ своего адъютанта, хорунжаго Бабкина, за приказаніями, но не успѣлъ Бабкинъ доскакать до начальника отряда, какъ встрѣченный имъ ординарецъ генералъ-лейтенанта князя Андроникова передалъ ему приказаніе:—11-му полку скакать во весь карьеръ къ непріятельскому лагерю.

Сейчасъ же 2-я сотня полка подъ начальствомъ войскового старшины Казимирова помчалась къ правой колоннѣ нашего отряда, 1, 5 и 6-я сотни вмѣстѣ съ полковникомъ Харитоновымъ понеслись къ лѣвой колоннѣ, на непріятельскія батареи. Живо развернули лаву донскія сотни, склонили пики и съ громовымъ «ура!» понеслись на батареи. Турецкіе артиллеристы не вынесли атаки казаковъ, и, побросавъ орудія, убѣжали за валъ. Сейчасъ же за казаками вбѣжали на батарею баталіоны Куринскаго и Литовскаго полковъ. Едва сдавши имъ орудія, полковникъ Харитоновъ увидалъ громадныя толпы отчаянныхъ турецкихъ наѣздниковъ—баши-бузуковъ, съ поднятыми шашками въ конномъ строю несшихся на нашу пѣхоту. Сотни 11-го полка сейчасъ же бросились имъ навстрѣчу. Но тутъ командиръ полка полковникъ Харитоновъ былъ убитъ картечью съ верхнихъ батарей. Нѣсколько турецкихъ джигитовъ бросились, желая схватить его, но хорунжій Бабкинъ съ двумя вѣстовыми командира полка и своимъ раненымъ вѣстовымъ подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ вынесли тѣло своего командира. Принявшій командованіе полкомъ подполковникъ Евсигнѣевъ повелъ сотни впередъ. Казаки пиками поразили непріятеля и погнали его далеко за батареи. Каждый разъ, какъ турки пытались остановиться, казаки такъ принимали ихъ пиками, что они сейчасъ же поворачивались кругомъ и обращались въ полное бѣгство. Преслѣдуя конницу, донцы

налетѣли на пѣхоту, взяли и ее въ пики и отняли турецкое батальонное знамя. Подъ ударами донцовъ, грузинской конной дружины охотниковъ и 5 сотенъ имеретинской конницы непріятель бѣжалъ. Вся дорога отъ Чолока до Легвы была покрыта тѣлами убитыхъ непріятелей. Въ этомъ славномъ дѣлѣ мы взяли 13 орудій, весь чолокскій лагерь, 36 знаменъ и значковъ и множество оружія. За содѣйствіе столь блестящей побѣдѣ *донской казачій № 11 полкъ награжденъ георгіевскимъ знаменемъ* синяго цвѣта съ надписью: «За отличіе въ сраженіи противъ турокъ 4 іюня 1854 года, за рѣкою Чолокомъ»...

Если смотрѣть отъ Эривани на югъ, къ турецкой сторонѣ, то мы увидимъ широкую и ровную долину, по которой красивою змѣею вьется рѣка Араксъ. Совершенно, какъ наша задонская степь у Черкасска ровна и красива эта долина. Но наша степь уходитъ далеко, далеко и мягко и осторожно сливается съ туманнымъ небомъ, а тамъ на горизонтѣ высятся суровыя горы и надъ ними двумя крутыми вершинами, точно двѣ громадныя кучи мѣла, торчатъ покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ горы—Большой и Малый Араратъ. По библейскому преданію, на горѣ Большой Араратъ остановился Ноевъ ковчегъ. Чуть правѣе, если смотрѣть отъ Эривани, въ самой долинѣ, окруженный высокими и стройными тополями, среди яблочныхъ, персиковыхъ и виноградныхъ садовъ лежитъ небольшой городокъ Игдырь, а отъ него вьется за горы дорога на *Чингильскій перевалъ*, находящійся у самаго начала вѣчныхъ снѣговъ Большого Арарата.

Къ этому Чингильскому перевалу 17 іюля 1854 года быстро шелъ Эриванскій отрядъ генералъ-лейтенанта барона Врангеля. Въ составѣ этого отряда было семь сотенъ *№ 4 и № 23 донскихъ казачьихъ полковъ*. Турки сильно укрѣпились на Чингильскомъ хребтѣ. Ихъ тамъ было до 15.000, въ нашемъ же отрядѣ было немного болѣе 5 тысячъ человѣкъ. Отъ самаго Игдыря широкою лавою раскинулись 2 сотни № 23 полка подъ командою есаула Степюкина, сотня куртинцевъ и восемь сотенъ № 23 полка и милиціонеровъ подъ командою полковника Хрещатицкаго, командира № 23 полка. Они и начали бой и открыли первые непріятеля, засѣвшаго за черными камнями и острыми хребтами скалъ. Какъ только получилось донесеніе отъ казаковъ, пѣхота начала развертывать боевыя цѣпи, а казаки подъ огнемъ непріятеля проскакали за пѣхоту, стали сначала во второй линіи, а потомъ, когда наша пѣхота готовилась идти въ атаку, казаки налетѣли на турокъ съ лѣваго фланга, перекололи пиками прислугу у орудій и вмѣстѣ съ пѣхотою взяли ихъ. Испуганные этимъ турки начали отступать, спускаясь по пологому спуску къ сторонѣ Баязета. Тутъ налетѣлъ на нихъ полков-

никъ Хрещатицкій и гналъ и кололъ ихъ 6 верстъ,—гналъ бы и болѣе, да лошади стали отъ жары, послѣ длиннаго перехода. Когда Хрещатицкій вернулся къ отряду, войска, разбившія втрое сильнѣйшаго непріятеля, стали бивакомъ на самомъ перевалѣ, на мѣстѣ турецкой позиціи. 4 орудія, 18 знаменъ, 3 значка и весь лагерь съ запасами и орудіями достался намъ. Донскому казачьему № 23 Хрещатицкаго полку за это дѣло пожаловано знамя сине-голубого цвѣта съ надписью: «За отличіе въ сраженіи противъ турокъ 17 іюля 1854 года на Чингильскихъ высотахъ». Усердіемъ 2-го пластунскаго батальона Кубанскаго казачьяго войска, расположеннаго въ г. Игдырѣ, въ 1902 году на Чингильскомъ перевалѣ поставленъ скромный памятникъ въ ознаменованіе громкаго подвига отряда генерала Врангеля, въ которомъ отличились и наши донскіе казаки.

24 іюня отрядъ генерала князя Бебутова, стоявшій подъ Александрополемъ, перешелъ черезъ рѣку Карсъ-чай и, минуя Башъ-Кадыкъ-Ларское поле сраженія, гдѣ съ такою честью дрались войска отряда въ прошломъ году, обогнулъ Караялъ и расположился лагеремъ между деревнями Кюрюкъ-Дара и Полдырванъ. Въ отрядѣ кн. Бебутова было около 18.000 человѣкъ, въ томъ числѣ *донскіе казачьи №№ 4 и 20 полки* и *донскія №№ 6 и 7 батареи*.

Въ 12-ти верстахъ отъ нашего лагеря стояла 60-тысячная турецкая армія. И такъ, другъ противъ друга, простояли и мы, и турки, ничего не дѣлая, цѣлый мѣсяцъ.

22 іюля громъ пушекъ, доносившійся со стороны Арарата, а затѣмъ и гонцы принесли извѣстіе въ нашъ лагерь о побѣдѣ отряда генерала Врангеля на Чингильскомъ перевалѣ. 23 іюля, вечеромъ, армяне, жившіе недалеко отъ турецкаго лагеря, прибѣжали къ намъ и говорили:

— Турецкіе обозы идутъ изъ лагеря къ Карсу. Въ палаткахъ у турокъ все уложено, конница осѣдлала лошадей, у пушекъ лошади въ хомутахъ, пѣхотнымъ солдатамъ роздали ромъ.

Князь Бебутовъ, выслушавши армянъ, рѣшилъ, что турки отступаютъ, и приказалъ ихъ преслѣдовать.

Всю ночь укладывались въ нашемъ лагерѣ и незадолго до разсвѣта выступили и пошли къ Карсу. Не прошли и трехъ верстъ, какъ на востокѣ заиграла заря и въ блѣдномъ свѣтѣ утра вдали показались движущіяся черныя точки. Быстро взошло солнце, и мы увидали передъ собою всю шестидесяти-тысячную турецкую армію, въ полномъ порядкѣ наступавшую на насъ. Ни мы, ни турки не ожидали этой встрѣчи.

Пришлось принимать страшный бой не на нашей отличной позиціи

у Караяла, а на томъ мѣстѣ, гдѣ столкнулись съ непріятелемъ. Пришлось повернуть передъ непріятелемъ и пытаться снова стать на Караялѣ и устраивать позицію для боя спиною къ врагу. Чудные кавказскіе солдаты не растерялись. Казалось, каждый понималъ, какъ важно теперь спокойствіе. Три сотни линейныхъ казаковъ понеслись во весь опоръ къ Караялу, чтобы занять его до турокъ. За ними пошла пѣхота. Прикрывать ее должны были Нижегородскій и Тверской драгунскіе полки, донская № 7 казачья батарея полковника Долотина, въ которой находился и храбрый офицеръ Кульгачевъ, и три сотни донцовъ съ ракетной командой.

Но было уже поздно. Караялъ былъ занятъ турками. Почти окруженные турками должны были драться наши полки, и вотъ начался у *деревни Кюрюкъ-дара* бой, подобный тѣмъ боямъ, которые велъ Суворовъ.

Первыми кинулись во всесокрушающую атаку тверскіе драгуны и захватили турецкую батарею.

Но въ это время турецкая пѣхота, вооруженная отличными нарѣзными ружьями, кинулась на Бѣлевскій и Тульскій пѣхотные полки, только что прибывшіе изъ Россіи, и опрокинула ихъ.

На выручку пѣхотѣ понеслись эскадроны Нижегородскаго драгунскаго полка. Но пѣхота турецкая встрѣтила ихъ страшнымъ огнемъ. Падали офицеры и солдаты, драгуны не могли одолѣть пѣхоты. И вотъ въ эту кашу людей и лошадей, гдѣ падали и умирали одни и на мѣсто ихъ вставали и рубились другіе, помчался есаулъ Кульгачевъ съ четырьмя донскими орудіями. Не успѣлъ онъ сняться съ передковъ, какъ на него наскакалъ дивизіонъ нижегородцевъ подъ начальствомъ князя Чавчавадзе и перепутался съ орудіями. Въ эту тяжелую минуту страшнаго боя лошади падали, запутавшись въ постромкахъ, и люди не могли высвободить ихъ и продвинуть впередъ пушки.

Турки усилили огонь по донскимъ батарейцамъ. Подъ Кульгачевымъ была убита лошадь, другой офицеръ, есаулъ Ренсковъ, раненъ пулею въ голову. Попадали отъ этого страшнаго огня и казаки артиллеристы. Со страшными усиліями донцы оттащили два орудія, но два другихъ остались и на нихъ набросились турки.

Громко заговорила въ сердцѣ нижегородцевъ старинная слава полка, честь котораго была связана съ охраною орудій, которыя онъ прикрывалъ. Драгуны кинулись на пушки, покрытыя тѣлами убитыхъ донцовъ, опрокинули турокъ, но и сами должны были отойти, и пушки остались между нами и турками, не увезенныя.

никъ Хрещатицкій и гналъ и кололъ ихъ 6 верстъ,—гналъ бы и болѣе, да лошади стали отъ жары, послѣ длиннаго перехода. Когда Хрещатицкій вернулся къ отряду, войска, разбившія втрое сильнѣйшаго непріятеля, стали бивакомъ на самомъ перевалѣ, на мѣстѣ турецкой позиціи. 4 орудія, 18 знаменъ, 3 значка и весь лагерь съ запасами и орудіями достался намъ. Донскому казачьему № 23 Хрещатицкаго полку за это дѣло пожаловано знамя сине-голубого цвѣта съ надписью: «За отличіе въ сраженіи противъ турокъ 17 іюля 1854 года на Чингильскихъ высотахъ». Усердіемъ 2-го пластунскаго батальона Кубанскаго казачьяго войска, расположеннаго въ г. Игдырѣ, въ 1902 году на Чингильскомъ перевалѣ поставленъ скромный памятникъ въ ознаменованіе громкаго подвига отряда генерала Врангеля, въ которомъ отличились и наши донскіе казаки.

24 іюня отрядъ генерала князя Бебутова, стоявшій подъ Александрополемъ, перешелъ черезъ рѣку Карсъ-чай и, минуя Башъ-Кадыкъ-Ларское поле сраженія, гдѣ съ такою честью дрались войска отряда въ прошломъ году, обогнулъ Караялъ и расположился лагеремъ между деревнями Кюрюкъ-Дара и Полдырванъ. Въ отрядѣ кн. Бебутова было около 18.000 человѣкъ, въ томъ числѣ *донскіе казачьи №№ 4 и 20 полки* и *донскія №№ 6 и 7 батареи.*

Въ 12-ти верстахъ отъ нашего лагеря стояла 60-тысячная турецкая армія. И такъ, другъ противъ друга, простояли и мы, и турки, ничего не дѣлая, цѣлый мѣсяцъ.

22 іюля громъ пушекъ, доносившійся со стороны Арарата, а затѣмъ и гонцы принесли извѣстіе въ нашъ лагерь о побѣдѣ отряда генерала Врангеля на Чингильскомъ перевалѣ. 23 іюля, вечеромъ, армяне, жившіе недалеко отъ турецкаго лагеря, прибѣжали къ намъ и говорили:

— Турецкіе обозы идутъ изъ лагеря къ Карсу. Въ палаткахъ у турокъ все уложено, конница посѣдлала лошадей, у пушекъ лошади въ хомутахъ, пѣхотнымъ солдатамъ роздали ромъ.

Князь Бебутовъ, выслушавши армянъ, рѣшилъ, что турки отступаютъ, и приказалъ ихъ преслѣдовать.

Всю ночь укладывались въ нашемъ лагерѣ и незадолго до разсвѣта выступили и пошли къ Карсу. Не прошли и трехъ верстъ, какъ на востокѣ заиграла заря и въ блѣдномъ свѣтѣ утра вдали показались движущіяся черныя точки. Быстро взошло солнце, и мы увидали передъ собою всю шестидесяти-тысячную турецкую армію, въ полномъ порядкѣ наступавшую на насъ. Ни мы, ни турки не ожидали этой встрѣчи.

Пришлось принимать страшный бой не на нашей отличной позиціи

у Караяла, а на томъ мѣстѣ, гдѣ столкнулись съ непріятелемъ. Пришлось повернуть передъ непріятелемъ и пытаться снова стать на Караялѣ и устраивать позицію для боя спиною къ врагу. Чудные кавказскіе солдаты не растерялись. Казалось, каждый понималъ, какъ важно теперь спокойствіе. Три сотни линейныхъ казаковъ понеслись во весь опоръ къ Караялу, чтобы занять его до турокъ. За ними пошла пѣхота. Прикрывать ее должны были Нижегородскій и Тверской драгунскіе полки, донская № 7 казачья батарея полковника Долотина, въ которой находился и храбрый офицеръ Кульгачевъ, и три сотни донцовъ съ ракетной командой.

Но было уже поздно. Караялъ былъ занятъ турками. Почти окруженные турками должны были драться наши полки, и вотъ начался у *деревни Кюрюкъ-дара* бой, подобный тѣмъ боямъ, которые велъ Суворовъ.

Первыми кинулись во всесокрушающую атаку тверскіе драгуны и захватили турецкую батарею.

Но въ это время турецкая пѣхота, вооруженная отличными нарѣзными ружьями, кинулась на Бѣлевскій и Тульскій пѣхотные полки, только что прибывшіе изъ Россіи, и опрокинула ихъ.

На выручку пѣхотѣ понеслись эскадроны Нижегородскаго драгунскаго полка. Но пѣхота турецкая встрѣтила ихъ страшнымъ огнемъ. Падали офицеры и солдаты, драгуны не могли одолѣть пѣхоты. И вотъ въ эту кашу людей и лошадей, гдѣ падали и умирали одни и на мѣсто ихъ вставали и рубились другіе, помчался есаулъ Кульгачевъ съ четырьмя донскими орудіями. Не успѣлъ онъ сняться съ передковъ, какъ на него наскакалъ дивизіонъ нижегородцевъ подъ начальствомъ князя Чавчавадзе и перепутался съ орудіями. Въ эту тяжелую минуту страшнаго боя лошади падали, запутавшись въ постромкахъ, и люди не могли высвободить ихъ и продвинуть впередъ пушки.

Турки усилили огонь по донскимъ батарейцамъ. Подъ Кульгачевымъ была убита лошадь, другой офицеръ, есаулъ Репсковъ, раненъ пулею въ голову. Попадали отъ этого страшнаго огня и казаки артиллеристы. Со страшными усиліями донцы оттащили два орудія, но два другихъ остались и на нихъ набросились турки.

Громко заговорила въ сердцѣ нижегородцевъ старинная слава полка, честь котораго была связана съ охраною орудій, которыя онъ прикрывалъ. Драгуны кинулись на пушки, покрытыя тѣлами убитыхъ донцовъ, опрокинули турокъ, но и сами должны были отойти, и пушки остались между нами и турками, не увезенныя.

Турецкая пѣхота со всѣхъ сторонъ окружала драгунъ и поражала ихъ пулями.

И въ то время, какъ падали герои драгуны и валились ихъ лошади, какой-то турецкій офицеръ подбѣжалъ къ пушкамъ и схватился за нихъ.

— Господа! —закричалъ князь Чавчавадзе драгунамъ,—выручайте пушки!..

И драгуны нестройною толпою кинулись снова на пушки. Много полегло тутъ храбрыхъ нижегородцевъ, но они отбили донскія пушки.

Въ 8 часовъ утра на всемъ правомъ флангѣ турки уже отступали. Честь побѣды надъ турками принадлежала драгунамъ и донскимъ артиллеристамъ есаула Кульгачева, второй разъ показавшаго, какъ умѣетъ, жертвуя собою, дѣйствовать донская конная артиллерія.

Но въ серединѣ турки еще стояли такою стѣною, что, казалось, нѣтъ силы и средствъ пробить ее. И вдругъ вся ихъ масса съ дикимъ ревомъ и криками бросилась на наши полки. Завязался новый, уже пѣхотный бой.

Полковникъ Долотинъ съ № 7 донской батареей осыпалъ ядрами турецкія колонны. Сотни № 20 донского казачьяго полка вмѣстѣ съ сотнями иррегулярной конницы *), бывшія подъ начальствомъ полковника Скобелева, атаковали турецкую конную артиллерію и отняли три орудія. Турецкіе уланы бросились на выручку, но были истреблены донцами, драгунами и линейцами. Турки отступали, и лишь одинъ турецкій пѣхотный полкъ не желалъ сдаваться и не отступалъ. На него налетѣла 6-я донская батарея и казаки № 4 полка. Ряжскій пѣхотный полкъ и пикинеры. Послѣ упорнаго сопротивленія погибъ и онъ до послѣдняго человѣка. Поднявшееся высоко полуденное солнце пекло невыносимо. Пѣхота остановилась на мѣстѣ сраженія. Послѣ безсонной ночи, тяжелаго боя съ разсвѣта до полудня солдатъ разморило и они засыпали подлѣ убитыхъ своихъ товарищей.

Казаки, драгуны и дружинники преслѣдовали разсѣявшихся въ горахъ турокъ и уничтожали ихъ. Но они скоро остановились. Утомленіе брало свое. Люди еле держались на лошадяхъ. Отдыхъ былъ необходимъ. Въ разныхъ мѣстахъ трубили сборъ, и на усталыхъ, шатающихся отъ утомленія лошадяхъ съѣзжались къ полковымъ знаменамъ казаки.

Кюрюкъ-Даринская побѣда еще разъ показала всему міру, что сильныя духомъ, храбрыя и строго дисциплинированныя кавказскія войска

*) Иррегулярная конница состояла изъ преданныхъ намъ кавказскихъ горцевъ, осетинъ, грузинъ и гурійцевъ.

могутъ творить чудеса и дѣлать невозможное... Турки не отваживались болѣе нападать на насъ.

Въ слѣдующемъ году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, наши войска обложили Карсъ. Подъ Карсомъ работали Баклановскіе полки. Казаки-пластуны Бакланова развѣдывали силы укрѣпленій Карса, казаки же оберегали нашу армію отъ всякой нечаянности. Штурмъ Карса намъ не удался. Мы потеряли около 8.000 человѣкъ, но крѣпости не взяли. Однако штурмъ такъ встревожилъ турокъ, что спустя три недѣли послѣ него, 16 ноября 1855 года, Карсъ сдался.

Рѣшительный успѣхъ, полная побѣда одержаны были нашими войсками на Кавказѣ. Но миръ, заключенный нами въ началѣ 1856 года, былъ невыгоденъ для насъ. И виною тому были наши неудачи въ Крыму, гдѣ нашимъ войскамъ, вооруженнымъ старыми кремневыми недальнобойными ружьями, пришлось бороться противъ англичанъ и французовъ, вооруженныхъ пистонными, болѣе скорострѣльными, нарѣзными, дальнобойными ружьями, гдѣ наши парусные корабли должны были воевать съ паровыми судами союзниковъ турокъ. Тяжело пришлось тамъ нашему войску, особенно въ Севастополѣ, и часть, и не малую, этой тяготы приняли на себя донскіе казаки.

Донскіе казаки читаютъ описаніе сраженія у Синопа.
(Старинная литографія Бѣлоусова).

68. Оборона казаками Азовскаго моря.

1855 г.

Наши корабли на Черномъ морѣ въ Синопской бухтѣ захватили турецкіе корабли и всѣ ихъ, 18 ноября 1853 года, уничтожили. Тогда за Турцію вступились ея союзники англичане и французы, а впослѣдствіи и сардинцы (итальянцы), и отправили свои пароходы и свои войска во всѣ моря, принадлежащія Россіи. Русскому Государю нужно было наблюдать и оберегать и Балтійское море съ Финскимъ заливомъ, и Черное съ Азовскимъ моря, и берега далекаго Восточнаго Океана, и Бѣлое море. Всюду появлялся непріятель. Для охраны береговъ понадобилось множество конныхъ полковъ, и вотъ, по призыву императора Николая Павловича—

Всколыхнулся, взволновался
Православный тихій Донъ,
И послушно отозвался
На призывъ Монарха онъ.
Онъ дѣтей своихъ сзываетъ

На кровавый бранный пиръ,
Къ туркамъ въ гости снаряжаетъ,
Чтобъ добыть Россіи миръ.
Съ Богомъ, дѣти, вѣдь широкій
Переплыть вамъ лишь Дунай,
А за нимъ ужъ недалеко
Цареградъ и нашихъ знай.
Сорокъ лѣтъ тому въ Парижѣ
Насъ прославили отцы,
Цареградъ—еще къ намъ ближе...
Въ путь же, съ Богомъ, молодцы!
Стойте крѣпко за святую
Церковь общую намъ мать—
Богъ вамъ дастъ луну чужую
Съ храмовъ Божіихъ сорвать,
На мѣстахъ, гдѣ чтутъ пророка,
Скласть Христовы алтари,
И тогда къ звѣздѣ востока
Придутъ съ запада цари!
Надъ землею всей прольется
Мира кроткаго заря,
И до неба вознесется
Слава Русскаго Царя!

Всколыхнулось, взволновалось Донское войско; опять, какъ въ 1812 году, поголовно, безъ очереди шли всѣ. И кончающіе свой срокъ службы казаки съ сѣдыми усами становились рядомъ съ безусыми мальчиками. 87 полковъ и 14 конно-артиллерійскихъ батарей, а всего 82.000 человѣкъ выставили донцы въ это тяжелое для Россіи время. На далекомъ сѣверѣ Финляндіи—заставами и постами по берегамъ Ботническаго и Финскаго заливовъ, стали донцы. Между скалъ и сосновыхъ лѣсовъ, у холодныхъ береговъ раскинули свою наблюдательную сѣть постовъ лейбъ-казаки атаманцы и съ ними л.-гв. 6-я Донская батарея. По берегу Чернаго моря, вокругъ Азовскаго моря стали полевые полки. Началась тяжелая, изо дня въ день, изъ ночи въ ночь, безъ сна и отдыха, безсмѣнная казачья служба.

Пошли полки и на Дунай, пошли и на подкрѣпленіе частей, дѣйствовавшихъ въ Грузіи, наполнили Польшу, потому что и тамъ было неспокойно. Оставивши свои дома, покинувши родныя степи, бросивши все свое, ушли казаки—на кровавый бранный пиръ!

Непріятель заглядывалъ въ самыя глухія части нашего побережья, и его можно было ожидать вездѣ. Отъ устья Дона и до Азова растяну-

лись постами полки *№ 62 подполковника Зарубина 2* и *№ 66 подполковника Кострюкова,* въ Таганрогѣ сталъ полкъ *№ 68 подполковника Краснянскаго,* и вся эта линія была подъ начальствомъ донского генерала Краснова. Не долго простоялъ здѣсь 62-й полкъ—его отозвали на Дунай, и для защиты Азовскаго моря осталось всего два полка. Въ Таганрогѣ поставили 2 сотни полка Краснянскаго, а по всей линіи до самаго Ростова устроили сторожевые посты и поставили сигнальныя вышки. Въ Ростовѣ былъ № 59 полкъ и небольшой отрядъ подъ командою генералъ-маіора Карпова. Такъ, однимъ казакамъ было передано дѣло защиты родного имъ Азовскаго моря. Но все было тихо. Въ Таганрогѣ жители жили какъ и раньше, и полевыя работы нигдѣ не прекращались.

14 мая 1855 года пришло извѣстіе, что непріятельскіе пароходы ворвались въ городъ Керчь, разрушили его и вошли въ Азовское море. Таганрогъ рѣшилъ обороняться и не пускать къ себѣ непрошенныхъ гостей. Въ немъ было 300 человѣкъ гарнизоннаго полубатальона, 20 жандармовъ, 2 сотни полка Краснянскаго, да еще 2 сотни можно было снять съ постовъ — вотъ и все, что могъ имѣть Таганрогъ противъ неизвѣстныхъ силъ непріятеля. Изъ Таганрога отправили институтъ, вывезли присутственныя мѣста, а изъ жителей составили небольшую команду охотниковъ... Наконецъ, 19 мая, въ Таганрогъ пришелъ изъ Новочеркасска *учебный полкъ.* Съ приходомъ этихъ превосходно обученныхъ молодцовъ жители весьма ободрились. Казаки же съ нетерпѣніемъ ждали непріятеля, и не только ждали, но желали его; имъ хотѣлось оборонить священный для нихъ городъ, въ которомъ скончался ихъ обожаемый государь императоръ Александръ I Павловичъ, и доказать свое усердіе къ царской службѣ.

22 мая непріятель, наконецъ, началъ подходить къ Таганрогу. Впереди шло восемнадцать пароходовъ, за ними въ морской дали можно было разсмотрѣть еще 50 судовъ и плавучихъ батарей. Суда окружили Таганрогъ дугою и отъ нихъ отдѣлилась шлюпка съ бѣлымъ флагомъ. Непріятель послалъ переговорщиковъ. Переговорщики объявили, что адмиралъ, командующій кораблями, требуетъ:—чтобы наши войска удалились изъ города, такъ какъ онъ войдетъ въ Таганрогъ и истребитъ всѣ казенныя зданія и склады. Жителямъ не будетъ сдѣлано ни малѣйшаго вреда. Отвѣта онъ ожидаетъ—полтора часа.

Въ это время благовѣстили къ обѣднѣ, и генералъ Красновъ и губернаторъ Толстой находились въ Таганрогскомъ соборѣ. Отслуживъ молебенъ, Красновъ приказалъ передать врагу:—что военная честь запрещаетъ войскамъ оставить городъ, ввѣренный ихъ охраненію, что вой-

ска наши готовы умереть за своего Государя и предлагаютъ выйти на берегъ и оружіемъ рѣшить, кому сегодня владѣть Таганрогомъ.

Какъ только лодка съ переговорщиками дошла до судовъ, всѣ суда окутались дымомъ и въ городъ полетѣли ядра и гранаты. Началась непрерывная бомбардировка города. Подъ прикрытіемъ ея непріятель на пятидесяти лодкахъ отправилъ свои войска для высадки. Лодки шли, направляясь къ биржѣ. Не дойдя до берега на нѣсколько саженей, лодки выстроились и открыли огонь по войскамъ, бывшимъ у биржи, изъ маленькихъ пушекъ и ружей, но войска были заведены въ улицы и поставлены за зданіями въ полной готовности стать на мѣсто, какъ только непріятель подойдетъ на такое разстояніе, чтобы наше ружье могло достать до него. Съ кораблей продолжали посылать въ городъ бомбы и ядра, и скоро по всему городу начались пожары. Городская пожарная команда успѣшно боролась съ ними и тушила, гдѣ могла. Шесть часовъ продолжалась бомбардировка. Наконецъ, непріятель высадилъ около 300 человѣкъ и повелъ атаку на крутую гору, у церкви св. Константина. Наши посты замѣтили ихъ. Ближайшая рота гарнизоннаго полубатальона побѣжала туда, туда же послали учебный полкъ. Гарнизонные солдаты, подъ командою отставного подполковника Македонскаго, разсыпали цѣпь и открыли огонь, а потомъ съ крикомъ ура бросились на англичанъ и столкнули ихъ штыками съ крутой горы къ лодкамъ. Въ это время прискакалъ и учебный полкъ. Первый приступъ былъ отбитъ. Непріятель продолжалъ до сумерекъ бомбардировать городъ, но потомъ на судахъ засвѣтились огни и они отошли дальше въ море. Отъ этой бомбардировки Таганрогъ сильно пострадалъ. Многіе мирные жители были убиты и ранены сгорѣло 19 домовъ и 77 магазиновъ. Обжегшись на Таганрогѣ, англичане послали свои суда къ Маріуполю. Тамъ къ командиру № 66 казачьяго полка Кострюкову тоже являлись переговорщики съ требованіемъ сдать городъ, но Кострюковъ, имѣвшій всего 4 сотни, предложилъ имъ выйти и взять городъ. Послѣ долгой бомбардировки англичане отправили лодки съ пушками и стрѣлками въ устье рѣчки Калміуса. Кострюковъ сейчасъ же поскакалъ туда съ двумя сотнями, спѣшилъ ихъ и обстрѣлялъ лодки, входившія въ Калміусъ,—и тутъ англичане не отважились высадиться противъ казаковъ и отошли. Также, какъ и подъ Таганрогомъ, къ ночи непріятельскіе пароходы задымили и ушли въ море.

Послѣ бомбардировки Таганрога—туда пришло 800 человѣкъ матросовъ, а учебный полкъ былъ отозванъ въ Новочеркасскъ и вмѣсто него пришли полки *№ 74, подъ командою подполковника Леонова, № 76 полковника Кушнарева* и *№ 70 Демьянова.* Эти полки стали

по берегу моря для наблюденія за непріятельскими кораблями. Полки эти состояли почти сплошь изъ малолѣтковъ, но урядники въ нихъ были опытные, бывалые старики казаки, помнившіе, какъ отцы ихъ дрались въ 1812 году.

— Всталъ на Русское царство, — разсказывали они молодымъ, — племянникъ того самаго Бонапарта, про котораго вы слышали отъ дѣдовъ такія диковинки. Старый Бонапартъ былъ первый въ свѣтѣ воитель, завоевалъ всѣ царства въ Европѣ, да и пришелъ было въ нашу Москву; но дѣды наши, всѣ до единаго на Дону, и старый и малый, встали, какъ одинъ человѣкъ, прибѣжали къ Москвѣ, выгнали вмѣстѣ съ нашими храбрыми солдатами вражью силу, а послѣ проводили съ честью по всей Россіи и уложили навѣки почивать въ снѣгахъ нашихъ. Теперь же племянникъ его только что нарекся царствовать, а что задумалъ? Собирается нападать на нашу святую землю, на которой никогда, на памяти самихъ прадѣдовъ нашихъ, нечистая вражья нога не бывала. Враги похваляются отнять у насъ тихій Донъ. Да развѣ мы допустимъ такъ посмѣяться надъ нами? Съ какими глазами явимся тогда на тотъ свѣтъ, къ старикамъ нашимъ, какъ покажемся передъ батюшкою Матвѣемъ Ивановичемъ, передъ стариннымъ воителемъ Ермакомъ Тимофеевичемъ? Нѣтъ, братцы, лучше умремъ всѣ до единаго, а не дадимъ на посрамленіе родной земли нашей.

И послѣ такихъ рѣчей уважаемыхъ стариковъ всѣ казаки съ нетерпѣніемъ ожидали врага и готовы были жизнью доказать любовь свою къ тихому Дону.

Зорко глядитъ станичникъ въ зеленовато-синюю, мутную даль Азовскаго моря. Но пустынно море, ни паруса, ни темной точки на немъ... И вдругъ покажется дымъ.

— Дымъ! Дымъ! — понесется съ поста на постъ, но напрасно. Англійскій пароходъ пройдетъ далеко по морю... Все рѣже и рѣже появлялись непріятельскія суда, и казаки видѣли надъ собою только раскаленное синее небо, а впереди ровную скатерть далекаго моря...

Но, вотъ, 27 іюня загремѣли гдѣ-то далеко выстрѣлы, непріятель обстрѣлялъ Маріуполь, потомъ Петровскую станицу, Бердянскъ, Кривую Косу и 6 іюля опять подошелъ къ Таганрогу. Всюду послѣ бомбардировки англичане спускали лодки и пробовали высадиться на берегъ, но казаки ихъ вездѣ прогоняли.

Съ 6 іюля, въ продолженіе $2^1/_2$ недѣль англичане ежедневно обстрѣливали Таганрогъ; каждый день къ городу подходило два, три парохода и бросали отъ 20 до 100 бомбъ въ городъ. 9 іюля, во время всенощной, одно изъ ядеръ, вѣсомъ болѣе двухъ пудовъ, ударило въ алтарь

церкви Успенія Богоматери, обрушило штукатурку, которою засыпало и ушибло протоіерея Іоанна Себова. Священникъ Василій Шарковъ, совершавшій богослуженіе, велѣлъ діакону Моисею Егорову произнести колѣнопреклонную молитву объ избавленіи отъ нашествія враговъ. Никто изъ стоявшихъ въ церкви не вышелъ. И слышались только вздохи и тихій плачъ таганрогскихъ женщинъ.

12 іюля на Азовскомъ морѣ поднялась буря. Сильное волненіе заставило непріятельскіе корабли отойти отъ города и уйти въ море на болѣе глубокое мѣсто. Въ это время донской № 70 полкъ со своихъ постовъ увидалъ, что близъ Кривой Косы одинъ непріятельскій пароходъ сѣлъ на мель. Сейчасъ же туда былъ посланъ подполковникъ Божковскій и два орудія донской № 2 батареи подъ командою сотника Краснова. Казаки рѣшили овладѣть пароходомъ...

Еще до прибытія подкрѣпленій донцы № 70 полка пошли въ море, пока глубина позволяла идти, и открыли ружейный огонь по пароходу. Англійскіе матросы отвѣчали изъ пушекъ и ружей. Завязалось небывалое сраженіе по грудь въ водѣ. Пѣшіе дрались на морѣ казаки. На помощь англичанамъ спѣшилъ большой 18-пушечный корабль, но и къ казакамъ со всѣхъ постовъ скакала подмога. По берегу, скрываясь за буграми, собирались казаки и огнемъ подготовляли атаку парохода. И такъ шло отъ зари и до шести часовъ вечера. Въ это время выстрѣлы на пароходѣ стихли. Англичане, вѣроятно, покинули его. На пароходѣ начался пожаръ. Тогда казаки бросились вплавь и, добравшись до него, залили пожаръ и нашли на немъ все въ порядкѣ—и флаги, и книги, и незаклепанныя пушки *). Пароходъ назывался «Джасперъ» и имѣлъ въ длину 45 саженей. Двѣ пушки съ него были сняты и отправлены въ Таганрогъ, приступили уже и къ починкѣ самого парохода, но пришли непріятельскія суда и заставили прекратить работы. Такъ, безъ флота и даже безъ лодокъ казаки взяли непріятельское судно, снабженное артиллеріей.

Когда казаки привезли въ Таганрогъ англійскіе флаги и пушки— ихъ встрѣтили громкими криками ура!

23 и 24 іюля англичане опять обстрѣливали Таганрогъ, опять подходили ихъ лодки со стрѣлками, но, встрѣчаемые дружнымъ огнемъ спѣшенныхъ казаковъ, англичане боялись выйти на берегъ. Много и тутъ было оказано казаками храбрости: семидесятилѣтній сотникъ Косоротовъ во время обстрѣливанія съ лодокъ Таганрога, 24 іюля, оставался при спѣшенныхъ казакахъ все время на конѣ и увѣрялъ, что непрія-

*) Эти пушки теперь стоятъ въ Новочеркасскѣ, у входа въ Донской музей.

тельскія пули вовсе не страшны. Смотрѣли на него малолѣтки и дивились, и ободрялись и лѣзли впередъ и мѣтче стрѣляли.

Между тѣмъ, руководимые молодымъ артиллерійскимъ офицеромъ, сотникомъ Красновымъ, казаки отстроили и вооружили своими и англійскими пушками береговыя батареи, и теперь на выстрѣлы англичанъ защитники Таганрога уже могли отвѣчать и пушечнымъ огнемъ. 19 августа опять къ Таганрогу подошли три парохода, но, встрѣченные мѣткимъ огнемъ казачьихъ пушекъ, англичане отошли. Въ тотъ же день англичане сдѣлали высадку у поселка Кирпичева, но есаулъ Тарасовъ съ сотнею во-время замѣтилъ ихъ приближеніе, встрѣтилъ выстрѣлами и сейчасъ же бросился на англичанъ. Казаки погнали ихъ передъ собою и захватили въ плѣнъ двухъ офицеровъ и нѣсколькихъ матросовъ. Ихъ сейчасъ же отправили въ Таганрогъ...

Съ постройкой въ Таганрогѣ батарей англичане стали осторожнѣе и корабли ихъ уже не подходили близко къ городу. Такъ донскіе казаки въ 1855 году оборонили Таганрогъ и все побережье Азовскаго моря и не допустили враговъ высадиться на наши берега и разорить ихъ.

Его Императорское Высочество Государь
Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.
Первый Августѣйшій атаманъ казачьихъ войскъ.

На Черномъ морѣ.

69. Севастополь.

9 сентября 1854 г.—30 августа 1855 года.

1 сентября 1854 года союзные корабли французовъ и англичанъ подвезли къ Севастополю войска, 2-го начали высаживать ихъ въ 90-ти верстахъ отъ Севастополя у маленькой деревушки Евпаторіи и къ 6-му числу на Крымскомъ берегу было уже 30.000 французовъ съ 68 пушками, 22.000 англичанъ съ 54 орудіями и 7.000 турокъ съ 12 орудіями. У насъ въ Крыму было всего только 35.000 человѣкъ при 84 орудіяхъ. 8 сентября на берегахъ рѣки Альмы произошло тяжелое и кровопролитное сраженіе. Англичане и французы, вооруженные нарѣзными ружьями, поражали наши войска издали и принудили насъ къ отступленію. 8 сентября союзники уже подошли къ Севастополю. Въ этотъ день наши моряки топили свои суда у входа въ Севастопольскій заливъ, чтобы загородить проходъ. Наши парусные корабли все равно не могли сражаться съ пароходами, которые были у противниковъ. Матросы свезли пушки на берегъ и вмѣстѣ съ сухопутными войсками принялись за оборону Севастополя. На скорую руку въ кремнистой землѣ возводили громадныя укрѣпленія и боролись на нихъ до послѣдняго человѣка. 14 сентября союзники совершенно окружили крѣпость.

а защитники ея горячо помолились въ этотъ день не о спасеніи жизни своей, а о спасеніи роднаго города и славы отечества. Началась правильная осада города. 5 октября союзники закончили приготовительныя работы къ осадѣ и цѣлый день осыпали городъ тяжелыми ядрами и чиненными порохомъ гранатами. Наши батареи отвѣчали. Такъ началась небывалая, по упорству обѣихъ сторонъ, оборона Севастополя. Дневныя бомбардировки, уносившія сотни людей убитыми и ранеными, смѣнялись ночными штурмами. Земляные валы устилались тѣлами убитыхъ; раненыхъ не успѣвали свозить, но бодры были защитники... Наступила и прошла теплая зима, встрѣтили, 27 марта, севастопольцы и праздникъ Воскресенія Христова. Всѣ бастіоны къ этому дню были чисто подметены, пушки, станки и лафеты вымыты, люди одѣлись во все новое и почистились. Въ церквахъ служили заутреню и крестный ходъ ходилъ по батареямъ, гдѣ священники передъ батарейными образами пѣли молебны. Женщины и дѣти пришли въ этотъ день на укрѣпленія похристосоваться съ мужьями, но бомбардировка и въ этотъ день не прекращалась и въ этотъ великій день святой Пасхи у насъ было 10 человѣкъ убитыхъ и 21 раненыхъ. Зиму смѣнила весна. Наступило лѣто. Начались жестокіе штурмы непріятеля. Несмотря на отчаянную храбрость союзниковъ, они не могли овладѣть севастопольскими укрѣпленіями. Они врывались въ нихъ, но наши солдаты и матросы выгоняли ихъ штыками. Въ каждый штурмъ нѣсколько тысячъ союзниковъ было убито, нѣсколько тысячъ падало и нашихъ. Помощь не шла. Ея и не ждали. Рѣшили умереть, но Севастополя не сдавать. Въ августѣ мѣсяцѣ французскіе окопы были всего въ 50-ти шагахъ отъ укрѣпленій севастопольскаго Малахова кургана. Можно было слышать, какъ говорятъ противники... Наши укрѣпленія въ это время представляли груду развалинъ. Истинно можно было сказать, что *люди, а не стѣны образуютъ крѣпости*. Съ 24 августа началось непрерывное бомбардированіе Севастополя. По одному Малахову кургану дѣйствовало 110 большихъ орудій. Гулъ и ревъ пушекъ ни на минуту не прерывался. Смерть была всюду. Въ городѣ все, что могло горѣть—горѣло. Улицы обращались въ груду развалинъ. Артиллеристовъ и матросовъ не хватало къ орудіямъ, и пришлось ставить къ нимъ ополченцевъ. Каждый день выбывало изъ строя болѣе 2.000 человѣкъ убитыми и ранеными. 27 августа въ ужасномъ кровопролитномъ штурмѣ союзники овладѣли Малаховымъ курганомъ. Съ потерей Малахова кургана въ Севастополѣ нельзя было держаться, но наши не сдали крѣпости. Они зажгли все, что можно, разрушили батареи, взорвали пороховые погреба и уцѣлѣвшія суда, а сами переправились на сѣверную сторону. 30 августа—послѣ

одиннадцати-мѣсячной упорной осады и кровопролитнѣйшихъ штурмовъ, союзники вступили въ Севастополь.

Упорная оборона русскими солдатами и матросами Севастополя извѣстна всему міру. Въ ней ярко сказалась храбрость и стойкость Николаевскаго солдата. Но среди храбрыхъ и стойкихъ выдѣлялись особо храбрые, дѣлавшіе чудеса храбрости, совершавшіе сказочные подвиги. Въ числѣ такихъ отчаянно храбрыхъ людей были *матросъ Кошка* и Перекопской станицы Области войска Донского *казакъ Осипъ Ивановичъ Зубовъ*. Этого смѣлаго донца зналъ весь Севастополь. Онъ родился въ 1800 году и въ Севастополь попалъ охотникомъ, поступивши въ № 67 донской Маркова полкъ. Ему уже было 55 лѣтъ, но онъ былъ силенъ, бодръ, ловокъ и отчаянно храбръ. Послѣ сраженія на рѣчкѣ Альмѣ полкъ Маркова для несенія пикетной службы на заставахъ перешелъ въ Севастополь, и съ полкомъ попалъ въ Севастополь и Зубовъ. Зубовъ отпросился на бастіоны, туда, гдѣ служба была лицомъ къ лицу со смертью. Его назначили къ матросамъ на 3-й бастіонъ къ контръ-адмиралу Панфилову. Хорошо чувствовалъ себя въ этой страшной боевой обстановкѣ смѣлый донской казакъ.

— И, какъ хорошо я велъ себя, — говорилъ Зубовъ, разсказывая о своей службѣ, — служа, такъ сказать, на порогѣ смерти. Ни одного грѣха, ни одной дурной мысли мнѣ никогда и въ голову не приходило...

Зажжетъ, бывало, въ своей выкопанной въ землѣ между орудіями каморкѣ Зубовъ ночью лампаду передъ образомъ, станетъ на колѣни и молится. Псалмы пророка Давида читаетъ. Можно подумать, что это монахъ, или отшельникъ.

Легко у него на душѣ! Страху онъ не зналъ никогда. Летятъ бомбы, чиненныя порохомъ гранаты, убиваютъ матросовъ, знакомыхъ его, друзей, товарищей, а Зубовъ смотритъ спокойно и только, если не заняты руки, перекрестится и скажетъ:

— Господи, если и мнѣ судилъ погибнуть вмѣстѣ съ ними, не погуби мою грѣшную душу.

Какъ-то разъ въ своей каморкѣ онъ молился ночью передъ иконою. Влетѣло ядро и убило двухъ матросовъ, спавшихъ тутъ же, а Зубова только землею засыпало.

24 ноября 1854 года Зубовъ съ матросами Кошкою, Кузьменко и Болотниковымъ и нѣсколькими солдатами при офицерѣ были назначены на вылазку, на Зеленую гору, на англійскую батарею. Ночь была не темная. Осторожно сползли съ своего вала и тихо, крадучись, пошли къ непріятелю. Зубовъ шелъ и все время про себя читалъ молитвы: «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится»,

а потомъ «Возлюблю Тя, Господи, крѣпость моя». И за молитвами и страхъ у него пропадалъ. Подкрались они къ батареѣ и вдругъ, съ крикомъ «ура» бросились на англичанъ. Многихъ покололи, а шестерыхъ взяли въ плѣнъ и съ ними одно орудіе. Возвратились къ разсвѣту усталые и измученные. Зубовъ, весь облитый потомъ и кровью, былъ представленъ своему начальнику офицеромъ, ходившимъ на вылазку.

— Этотъ казакъ,—сказалъ онъ,—достоинъ перваго креста.

Послѣ этой вылазки, уже Зубовъ или Кошка назначались начальниками передовыхъ цѣпей.

Подъ 5-е декабря Зубовъ вмѣстѣ съ Кошкою повели полтораста человѣкъ солдатъ на ту же батарею. Ночь была опять такая же тихая. Звѣзды мигали на темно-синемъ небѣ. Осторожно подползли наши солдаты къ батареѣ. Вотъ и темная насыпь. Чуть замѣтенъ закутавшійся въ плащъ часовой.

— Ура!—вполголоса сказалъ начальникъ резерва.

— Ура!—закричали въ цѣпи, и Зубовъ первый вскочилъ въ окопъ. Тутъ его сильно ударило въ лѣвый високъ. Но Зубовъ не чуялъ боли. Онъ влетѣлъ въ толпу сбѣжавшихся англичанъ и давай колотить ихъ ружейнымъ прикладомъ. Да такъ избилъ ихъ, что тѣ побѣжали, а Зубовъ съ товарищами за ними. Тутъ увидалъ Зубовъ, что по траншеѣ бѣжалъ англійскій штабъ-офицеръ въ густыхъ эполетахъ. Зубовъ бросился на него и ударилъ его прикладомъ, онъ обернулся и взмахнулъ палашомъ, но старый казакъ не испугался и подставилъ ружье. Палашъ звякнулъ о стволъ и переломился на двое. Зубовъ ударилъ его опять прикладомъ, схватилъ за волосы и потащилъ изъ траншеи. Тяжелый оказался англичанинъ. Зубовъ чуть не упалъ съ нимъ. Вытащилъ его и погналъ передъ собою къ нашимъ. Наши уже кончили свое дѣло и уходили. Въ это время англичане открыли по отступавшей вылазкѣ жестокій огонь. Англичанинъ тутъ самъ побѣжалъ, да еще и кричалъ: «скорѣй руссъ! Скорѣй!»...

За это дѣло Зубовъ былъ произведенъ въ урядники, а затѣмъ и онъ и Кошка получили для ношенія на шеѣ благословенные кресты, подарокъ Императрицы Александры Ѳеодоровны...

И до послѣднихъ дней продержался Зубовъ на бастіонѣ, храбро ходя въ вылазки и отражая жестокіе штурмы.

18-го марта 1856 года былъ заключенъ, наконецъ, миръ. Донцы вернулись домой и принесли своему великому войску Донскому Высочайше пожалованную имъ грамоту и большое бѣлое георгіевское знамя съ надписью: «За храбрость и примѣрную службу въ войну противъ французовъ, англичанъ и турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ».

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Николай Александровичъ 2-й Августѣйшій атаманъ казачьихъ войскъ.

70. Усмиреніе польскаго мятежа.

1863 г.

Зимою 1862 года въ Польшѣ опять было неспокойно. Поляки стали собираться въ шайки, повсюду появились отряды крестьянъ, вооруженныхъ косами, вездѣ раздавалась польская пѣсня, призывавшая поляковъ убивать русскихъ. Въ ночь съ 11 на 12-е января 1863 года возстаніе вспыхнуло по всему краю. Безоружныхъ русскихъ людей убивали, нападали на офицеровъ и солдатъ. На этотъ разъ у поляковъ войска не было, поэтому они не могли собрать большого отряда, а дѣйствовали малыми партіями, скрывавшимися въ лѣсахъ, болотахъ, укрывавшимися за спиною мирныхъ жителей. Усмиреніе польскаго мятежа не было войною, но было рядомъ стычекъ, засадъ и перестрѣлокъ, гдѣ дѣйствовали отдѣльныя сотни, взводы, даже одиночные казаки. Съ Дона въ Польшу пошли полки: Л.-гв Казачій Его Величества, Лейбъ-

Атаманскій Наслѣдника Цесаревича, №№ 3, 4, 5, 9, 10, 12, 17, 18, 23, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 39, 41, 42, 44 и 45-й и батареи №№ 1, 7 и 8-я—всего собралось 26 полковъ при 18 орудіяхъ. Походнымъ атаманомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Орловъ I. Къ лѣту, когда мятежъ началъ стихать и отряды были расположены по губерніямъ и поступили въ вѣдѣніе военныхъ губернаторовъ, въ Польшу прибылъ знаменитый донской герой генералъ-лейтенантъ Яковъ Петровичъ Баклановъ. Принявъ въ командованіе полки, расположенные въ Вильнѣ, онъ 7-го іюля 1863 года отдалъ слѣдующій приказъ:

«Станичники и односумы!

«Я выѣхалъ изъ родного края 19-го іюня и привезъ вамъ отъ него поклонъ. Донъ завѣщаетъ вамъ бороться одному противъ десятерыхъ и охулки на руки не класть! Донъ дышетъ пламенною любовью и преданностью къ Царю нашему; онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ воли Монарха двинуться на внѣшняго врага, замышляющаго нарушить спокойствіе святой Руси. На вашу долю палъ жребій быть впереди—противъ врага внутренняго. Вы—потомки славныхъ и могучихъ предковъ нашихъ Азовскаго сидѣнья. Молодечество ваше противъ мятежниковъ радуетъ Царя, а донская семья ликуетъ за васъ!

«Братья, соберемся съ силами, окрѣпнемъ духомъ и превозмогемъ всѣ трудности и лишенія, и покажемъ, что достойны называть себя потомками славнаго тихаго Дона. Настанетъ время — я буду посреди васъ въ бесѣдѣ боевой, введу васъ въ бой съ завѣтнымъ кличемъ Ермака: «съ нами Богъ!»—силою коего булатъ нашъ остръ—и не устрашимся! Увѣренъ въ васъ, что вы такіе же чудо-богатыри, какъ были видимые мной въ бой дѣды, отцы и старшіе братья ваши!»...

И казаки оправдали довѣріе къ нимъ Бакланова. Самому Якову Петровичу не пришлось съ тяжелою шашкою въ рукахъ водить казаковъ на поляковъ. Ихъ шайки были мелки, и убивали они больше изъ-за угла, а не въ честномъ бою. Жители боялись и уважали Бакланова, а вскорѣ и полюбили прямодушнаго и честнаго донского казака. Шайки бунтовщиковъ, видя безуспѣшность мятежа, грабили несчастныхъ крестьянъ и сжигали ихъ дворы... И тутъ Баклановъ умѣлыми дѣйствіями смирилъ поляковъ. Къ ноябрю мѣсяцу мятежъ затихъ. Баклановъ съ казаками не только усмирилъ бунтовщиковъ, но заставилъ жителей уважать русскихъ начальниковъ и преклониться передъ могущественнымъ и справедливымъ русскимъ Царемъ...

Усмиреніе мятежа къ началу 1864 года было закончено, и полки возвратились домой.

Императоръ Александръ II.

Войсковой наказный атаманъ войска Донского
генералъ-адъютантъ графъ Павелъ Христофоровичъ Граббе.
1862—1866 гг.

71. На Дону при Императорѣ Александрѣ II.

18 февраля 1855 года, въ самый разгаръ Севастопольской войны скончался Императоръ Николай I Павловичъ. На престолъ вступилъ его сынъ Императоръ Александръ II Николаевичъ—Царь Освободитель.

Едва закончилась тяжелая война, какъ Государь принялся за цѣлый рядъ перемѣнъ и преобразованій въ своемъ государствѣ. Освобождены были русскіе крестьяне отъ крѣпостной зависимости, введена была всеобщая воинская повинность, замѣнившая прежніе рекрутскіе наборы. учрежденъ судъ присяжныхъ, устроено почти по всей Россіи земство, всюду строились учебныя заведенія. широко насаждалось просвѣщеніе по Россіи.

Хотя на Дону казаки были изъ вѣка въ вѣкъ люди вольные, не знающіе, что такое барщина, хотя воинскую повинность они несли по особому своему обычаю, но и Дона коснулись благодѣтельныя реформы Государя Императора Александра II и на Дону много перемѣнилось за это время.

Съ 1862 по 1866 годъ на Дону войсковымъ наказнымъ атаманомъ

былъ генералъ-адъютантъ графъ *Павелъ Христофоровичъ Граббе*. Новочеркасскіе жители часто могли видѣть своего сѣдого атамана играющимъ съ дѣтьми въ Александровскомъ саду. Онъ любилъ дѣтей и заботился о нихъ. При немъ на Дону, въ Новочеркасскѣ стала издаваться первая частная газета—«Донская газета», и графъ Граббе такъ любилъ ее читать, что и послѣ сдачи своего атаманства онъ выписывалъ ее на свой малороссійскій хуторъ.

При атаманѣ графѣ Граббе Высочайше повелѣно было, въ 1863 году, сократить срокъ службы казака и вмѣсто 25 лѣтъ опредѣлить въ 15 лѣтъ полевой службы и 7 лѣтъ службы внутренней; этимъ начался цѣлый рядъ измѣненій въ порядкѣ отбыванія службы казаками, который закончился *въ 1875 году* изданіемъ *новаго устава о воинской повинности войска Донского*. По этому уставу, дѣйствующему съ небольшими измѣненіями и теперь, воинской повинности подлежитъ все войсковое населеніе, за исключеніемъ священниковъ и православныхъ псаломщиковъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ, и сельскихъ учителей. Денежный выкупъ и замѣна охотниками не допускаются. Казаки отбываютъ службу съ собственнымъ снаряженіемъ и на своихъ лошадяхъ. Общій срокъ службы опредѣленъ въ 20 лѣтъ. *Съ 18—21 года* казаки считаются *въ приготовительномъ разрядѣ*—это бывшіе малолѣтки, *съ 21—33 лѣтъ въ строевомъ разрядѣ* и *съ 33—38 лѣтъ въ запасѣ*, послѣ чего увольняются въ отставку.

Въ приготовительномъ разрядѣ казаки обучаются у себя дома, по станицамъ и на сборахъ внутри войска. Въ строевомъ разрядѣ казакъ долженъ былъ пробыть 4 года на дѣйствительной службѣ и 8 лѣтъ на льготѣ. Донское войско должно было выставлять—въ мирное время: лейбъ-гвардіи Сводно-казачій полкъ 4-хъ эскадроннаго состава изъ одного дивизіона Лейбъ-Казачьяго Его Величества полка и одного дивизіона Лейбъ-Атаманскаго Наслѣдника Цесаревича полка, лейбъ-гвардіи Донскую Его Высочества Наслѣдника Цесаревича конно-артиллерійскую батарею 4-хъ орудійнаго состава, 20 армейскихъ конныхъ полковъ 6-ти сотеннаго состава, называемыхъ по номерамъ, отъ номера 1-го до 20-го, семь армейскихъ конно-артиллерійскихъ батарей 6-ти орудійнаго состава, тоже съ № 1 до № 7, и желѣзнодорожную команду. Въ военное время войско Донское выставляло: оба гвардейскихъ полка въ шести-эскадронномъ составѣ, гвардейскую батарею, тоже въ составѣ шести орудій, 60 армейскихъ шестисотенныхъ полковъ, 21 армейскую конно-артиллерійскую батарею, по 6 орудій каждая, два запасныхъ эскадрона гвардейскихъ полковъ и гвардейскую запасную батарею въ 4 орудія, кромѣ того, пѣшія мѣстныя команды.

Съ 18 января 1869 года Донскіе полки вошли въ подчиненіе начальникамъ кавалерійскихъ дивизій во всѣхъ округахъ, кромѣ Варшавскаго, гдѣ они оставались въ вѣдѣніи походнаго атамана. Въ каждой кавалерійской дивизіи четвертыми полками стали казачьи полки, такъ что дивизія состояла изъ одного драгунскаго, одного уланскаго, одного гусарскаго и одного казачьяго полка. Въ 1870 году общій дисциплинарный уставъ былъ распространенъ и на казачьи полки. Строевое ученье велось по уставу кавалерійскому, кромѣ 1-й его части, которая въ 1875 году была издана отдѣльно. Отъ казачьихъ полковъ требовали, чтобы они не только не отставали отъ регулярныхъ полковъ, но превосходили ихъ въ стрѣльбѣ на всѣ дистанціи, въ быстротѣ сѣдловки и выходѣ въ строй по тревогѣ, въ быстротѣ спѣшиванія и посадки на коней, въ продолжительности движенія рысью и наметомъ, въ разсыпномъ строѣ и лавѣ, въ сторожевой и развѣдывательной службѣ. Отъ казаковъ требовали плаваніе черезъ рѣки, стрѣльбу верхомъ па скаку боевыми патронами въ мишень, словомъ — съ этого времени жизнь въ казачьемъ полку повелась такъ, какъ она идетъ и теперь. Для обученія казаковъ всему этому понадобились знающіе и образованные офицеры, и вотъ, для подготовки къ тяжелому и отвѣтственному званію офицера *въ 1869 году* въ городѣ Новочеркасскѣ учреждено было *Новочеркасское юнкерское училище,* въ которое принимались урядники войска Донского въ числѣ 114 человѣкъ, а въ 1877 году, вмѣсто бывшаго раньше для подготовки артиллерійскихъ офицеровъ класса донскихъ урядниковъ, былъ устроенъ *классъ казачьихъ артиллерійскихъ юнкеровъ.* Наконецъ, съ 1858 года начинается постепенное увеличеніе жалованья казачьимъ офицерамъ—мечты и желанія атамана Власова сбылись.

Въ 1865 году, вмѣсто общества торговыхъ казаковъ, дѣйствовавшаго по особымъ правиламъ, на казаковъ стали распространять общія правила о торговлѣ, которыя были устроены во всей Россіи. *Въ 1873 году* были введены на Дону новые *военно-судебные и судебные уставы Императора Александра II.*

Такъ постепенно, шагъ за шагомъ, казаки плотно сливались съ русскимъ населеніемъ всей Имперіи. Разница оставалась только въ порядкѣ пользованія землею и отбываніи воинской повинности. Войдя своими полками въ составъ кавалерійскихъ дивизій, обучаясь по общему уставу, казаки все-таки сохранили особенности своей службы, свой духъ предпріимчивости и смѣлости и доказали, что душа у нихъ осталась казачья. И дома у себя, въ станицахъ и хуторахъ, повинуясь общимъ законамъ, казаки остались казаками съ врожденною имъ горячею

любовью къ Царю и тихому Дону, съ обычною смѣлостью и отвагой. Они доказали свою смѣлость на войнѣ 1877—78 гг. и свою преданность и любовь къ Государю въ томъ восторгѣ, съ какимъ они встрѣчали Его Наслѣдника Своего Атамана и Государыню Цесаревну.

Послѣ графа Граббе, съ 1866 года по 1868 годъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ былъ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ *Александръ Львовичъ Потаповъ,* а за нимъ съ 1868 по 1874 годъ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ *Михаилъ Ивановичъ Чертковъ.*

При атаманѣ Чертковѣ, въ 1869 году, на Донъ пожаловали дорогіе гости—Атаманъ и Атаманша. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и Супруга Его, Государыня Цесаревна Марія Өеодоровна изволили совершать путешествіе по рѣкѣ Волгѣ. 27 іюля 1869 года Ихъ Высочества въ Царицынѣ сѣли въ особый поѣздъ Волж-

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Александръ II Николаевичъ и Государыня Императрица Марія Александровна въ бытность на Дону.
(Съ очень рѣдкой литографіи Даціаро).

ско-Донской желѣзной дороги и черезъ два часа прибыли на Калачевскую станцію, гдѣ были встрѣчены атаманомъ Чертковымъ, почетнымъ карауломъ отъ гвардейскихъ казачьихъ частей и казаками. Государь Наслѣдникъ изволилъ быть въ казачьей формѣ Своего Атаманскаго полка. Этой формы Государь Наслѣдникъ не снималъ во все время пребыванія въ гостяхъ у донскихъ казаковъ. На Дону для Ихъ Высочествъ былъ приготовленъ пароходъ «Сотникъ» и для конвоя — пароходъ «Цымла». «На «Цымлѣ» во время плаванія находился хоръ трубачей Атаманскаго полка.

Среди пожелтѣвшихъ полей, вдоль луговъ широкой степи быстро и плавно шелъ пароходъ съ дорогими гостями. Отъ станицы до станицы, по берегу, неслись конные казаки, слышались выстрѣлы лихихъ наѣздниковъ. На борзыхъ коняхъ скакали они черезъ кусты, рытвины и овраги, развлекая молодечествомъ Своего Атамана. На каждой пристани Ихъ Высочествъ встрѣчали жители станицы. По одну сторону стояли казаки, по другую—казачки съ дѣтьми. Пристани были убраны коврами, цвѣтами и зеленью, стояли хлѣбные снопы, арбузы, дыни, тыквы, кукуруза и виноградъ. Строевые казаки выѣзжали со знаменами и старинными хоругвями, атаманы выходили съ насѣками. каждому хотѣлось увидать своего атамана, Сына Государева и Его Супругу. Дѣти подносили цвѣты, женщины—колосья и фрукты. Уже вечерѣло, когда пароходы подъѣзжали къ Нижне-Чирской станицѣ. Здѣсь было собрано для встрѣчи Государю двѣ сотни малолѣтковъ. Въ темнотѣ теплой ночи они разыграли маневръ. Сверкали огни выстрѣловъ, слышались ружейные залпы, топотъ коней. И вдругъ лава одной изъ сотенъ въ темнотѣ бросилась въ Донъ; послышался плескъ воды, фырканье плывущихъ лошадей и вся сотня, въ полной аммуниціи, переплыла черезъ рѣку. Государь Наслѣдникъ обошелъ по фронту молодцовъ малолѣтковъ и благодарилъ ихъ за лихую настоящую казачью переправу.

На Нагавскомъ перекатѣ пароходъ сталъ на мель. Тогда шедшіе по берегамъ пѣшіе и конные казаки кинулись въ воду, и въ минуту, ихъ дружными усиліями, пароходъ былъ сдвинутъ съ мели и пошелъ дальше. Станичный атаманъ Нагавской станицы со стариками на лодкѣ подошелъ къ пароходу и передалъ Ихъ Высочествамъ хлѣбъ-соль.

— «Нагавская станица кланяется Вашему Высочеству хлѣбомъ-солью»,—сказалъ онъ, передавая ее Наслѣднику.

И такую же хлѣбъ-соль казачью подавали и во всѣхъ попутныхъ станицахъ. Въ Цымлянской станицѣ Ихъ Высочества сошли съ парохода и изволили проѣхать въ церковь. На обратномъ пути Государь Наслѣдникъ пожелалъ видѣть казачій виноградникъ и зашелъ къ уряд-

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ
Великій Князь Николай Александровичъ.

нику *Кленкину*. Въ плодовомъ саду счастливая хозяйка потрясла грушу въ то время, когда Цесаревна проходила подъ нею, и плоды посыпались на Государыню Цесаревну.

— На счастье, матушка Атаманша!—говорила хозяйка.

Ихъ Высочества изволили зайти и въ домъ Кленкина. Въ саду, подъ деревьями, поставили столъ, хозяинъ съ хозяйкой просили Государя Наслѣдника и Цесаревну откушать вина и винограда ихъ сада. Уже вечерѣло, когда Ихъ Высочества ушли изъ сада урядника Кленкина. По берегу Дона загорѣлись огни разноцвѣтныхъ фонарей, оттуда, отъ пароходовъ несся гулъ народной толпы; казаки ожидали своего Атамана.

Это былъ великій праздникъ для Дона. Изъ станицы въ станицу передавали слова дорогихъ гостей, всюду шло гулянье, весь народъ стекался къ Дону, гдѣ у каждой станицы были устроены арки, повѣшены цвѣты, знамена и флаги.

Въ Семикаракорской станицѣ Ихъ Высочества изволили смотрѣть калмыцкое богослуженіе въ степной кибиткѣ, а потомъ осматривали громадный табунъ въ семь тысячъ лошадей. Окруженныя лихими наѣздниками табунщиками ходили по привольной степи лошади. Калмыки показывали свое искусство укрощать лошадей, садились на неуковъ и скакали на нихъ. Здѣсь калмыки подвели Государю Наслѣднику покрытаго желтою попоною коня-четвертака, другую лошадь подвели Великому Князю Алексѣю Александровичу и отличнаго рыжаго третьяка Цесаревнѣ. Несмотря на сильную жару, Ихъ Высочества долго изволили любоваться широкою картиною калмыцкой степи, по которой ходили верблюды и табуны лошадей.

31 іюля, утромъ, пароходъ отошелъ отъ Старочеркасска и направился въ Аксай. Отсюда по желѣзной дорогѣ Ихъ Высочества прибыли въ Новочеркасскъ. Со станціи къ собору Государь Наслѣдникъ ѣхалъ верхомъ въ мундирѣ Атаманскаго полка, Государыня Цесаревна, въ амазонкѣ покроя казачьяго чекменя съ бѣлымъ кушакомъ и въ кивегѣ Атаманскаго полка, тоже верхомъ на донскомъ конѣ слѣдовала за своимъ Супругомъ. Великій Князь Алексѣй Александровичъ былъ въ флигель-адъютантскомъ мундирѣ. У собора состоялся войсковой кругъ. У входа въ церковь преосвященный Платонъ, архіепископъ Донской и Новочеркасскій, изволилъ привѣтствовать Ихъ Высочества словомъ и поднесъ имъ иконы. По окончаніи молебствія Государь Наслѣдникъ вошелъ въ кругъ и здѣсь подъ сѣнію знаменъ сказалъ, обращаясь къ атаманамъ и казакамъ:

— «Принимая по волѣ Государя Императора знаки атаманскаго званія, почитаю себя счастливымъ, что въ этотъ достопамятный для

Пикетъ Лейбъ-Казачьяго полка предъ Аничкинымъ Дворцомъ.

меня день, являюсь въ среду вашу съ милостивымъ Царскимъ словомъ. Государь Императоръ, отправляя меня къ вамъ, поручилъ мнѣ благодарить Донцовъ за ихъ всегда вѣрную, храбрую и усердную службу. Его Величество увѣренъ, что доблести, всегда отличавшія ихъ, сохранятся и въ будущемъ поколѣніи, и не забываетъ и гордится тѣмъ, что въ продолженіе 27 лѣтъ носилъ званіе вашего Атамана. Его Величество съ благодарностью помнитъ радушный пріемъ, сдѣланный покойному брату *), носившему то же званіе, которымъ и я горжусь, и сожалѣетъ, что не могъ самъ прибыть со мною и съ вашею Атаманшею. Что же касается до меня, то прошу васъ, Донцы, объ одномъ: любите меня, какъ вы любили моего покойнаго брата, а я постараюсь заслужить вашу любовь!»...

Могучее «ура», раздавшееся изъ казачьихъ грудей, заглушило и звонъ колоколовъ, и пушечную пальбу. По окончаніи круга до войсковой канцеляріи Государь Наслѣдникъ шелъ пѣшкомъ вслѣдъ за регаліями, потомъ сѣлъ на коня и пропустилъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ учебный полкъ.

*) См. портреты на стр. 441, 449 и 453.

Три дня Государь Наслѣдникъ съ Цесаревною изволили провести въ Новочеркасскѣ. Ежедневно Ихъ Высочества совершали прогулки верхомъ по городу и за городъ и посѣщали Новочеркасскія присутственныя мѣста.

3 августа, въ день отъѣзда Ихъ Высочествъ, былъ смотръ учебному полку. Послѣ смотра казаки учебнаго полка еще долго скакали по изрытой мѣстности вдоль пути, провожая поѣздъ дорогихъ гостей до тѣхъ поръ, пока лошади не стали уставать и поѣздъ не обогналъ ихъ.

Въ Елисаветовской станицѣ Ихъ Высочества изволили на дубѣ выѣзжать съ казаками на рыбную ловлю, при чемъ была вытащена пятнадцати-пудовая бѣлуга. Здѣсь Ихъ Высочества изволили проститься съ донскими казаками и на пароходѣ «Великая Княгиня Ольга» отправились въ Крымъ, въ Ливадію.

Въ слѣдующемъ, 1870 году Ихъ Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Государынею Цесаревною изволили вторично посѣтить Донъ по случаю совершившагося трехсотлѣтія службы Донскихъ казаковъ Русскому Царю. Триста лѣтъ тому назадъ, въ 1570 году, 3 января, была пожалована царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ первая грамота за службу—«атаманамъ и казакамъ». Съ этого дня сношенія донскихъ казаковъ съ Москвою не прекращались. И вотъ, въ 1870 году Государь Императоръ Александръ II изволилъ пожаловать войску Донскому георгіевское знамя съ Александровскою лентою «въ память трехсотлѣтняго существованія Войска» и во свидѣтельство «трехъ-вѣковой доблестной службы Донскихъ казаковъ и неизмѣннаго къ нимъ благоволенія Монарховъ, за ихъ горячую преданность Престолу и Отечеству».

Знамя было пожаловано 3-го января, а празднованіе трехсотлѣтія было назначено на 21-е мая 1870 года.

20 мая, въ 4½ часа дня, изъ Таганрога черезъ Ростовъ изволили прибыть въ Новочеркасскъ Государь Наслѣдникъ и Государыня Цесаревна. Въ 9 часовъ вечера состоялась въ Атаманскомъ дворцѣ прибивка знамени. На прибивкѣ знамени присутствовали всѣ станичные атаманы. Когда знамя было прибито, Его Высочество самъ привязалъ къ древку Александровскую ленту и вручилъ знамя назначенному отъ Новочеркасскаго урядничьяго училища уряднику изъ дворянъ.

На другой день въ соборѣ состоялось торжественное молебствіе, а послѣ него кругъ. Въ этотъ день со всѣхъ концовъ Россіи были получены войскомъ привѣтственныя телеграммы. 22 мая въ Александровскомъ саду, богато освѣщенномъ тысячами разноцвѣтныхъ фонариковъ, было народное гулянье. Противъ дворца, у Александровскихъ воротъ устроенъ былъ щитъ вышиною въ 7 съ лишнимъ саженей и на немъ вен-

зеля Государя и Государыни и Наслѣдника и Цесаревны. Между вензелями было написано «Боже, Царя храни», а ниже этой надписи была написана другая: «Признательностію и службой вѣрной, мы предковъ превзойдемъ и то же заповѣдуемъ потомкамъ». По главной дорогѣ сада стояли и другіе, ярко освѣщенные щиты, а между ними было разставлено 200 досокъ съ надписями — по одну сторону подвиговъ и заслугъ донскихъ казаковъ, и по другую—царскихъ милостей и наградъ, пожалованныхъ войску. Картина, изображающая покореніе Сибири Ермакомъ, устроенная изъ дерева крѣпость Азовъ, Кавказская сторожевая вышка—были раскиданы по саду. Дивная погода была въ этотъ день. Государь Наслѣдникъ изволилъ посѣтить гулянье. 23-го мая Ихъ Высочества отбыли изъ Новочеркасска въ Ростовъ, а оттуда въ Таганрогъ.

Августѣйшій Атаманъ Николай Александровичъ.

Черезъ два года послѣ этого радостнаго событія донскіе казаки удостоились высокаго счастія увидать у себя на кругу Государя Императора Александра Николаевича. Государь изволилъ прибыть 12-го августа 1872 года по желѣзной дорогѣ черезъ Ростовъ въ Новочеркасскъ. Въ тотъ же день Государь Императоръ изволилъ быть на кругу, гдѣ обратился къ казакамъ со слѣдующими высокомилостивыми словами:

— «Давно желалъ я посѣтить землю войска Донского и благодарю Бога, что Онъ позволилъ мнѣ исполнить мое желаніе. При этомъ не могу не припомнить мое первое посѣщеніе Донского края въ 1837 году, вмѣстѣ съ покойнымъ Государемъ, родителемъ моимъ. Живо сохранились въ памяти моей слова его, обращенныя къ представителямъ войска Донского, въ этомъ самомъ войсковомъ кругу. Изъявивъ имъ свою благодарность за вѣрную, усердную и храбрую ихъ службу, онъ, указывая на меня, сказалъ: «лучшаго доказательства моего уваженія къ доблестямъ войска Донского я не могъ вамъ дать, какъ назначивъ сына моего Наслѣдника вашимъ Атаманомъ. Увѣренъ, что вы будете служить

и сыну моему столь же вѣрно, какъ вы служили предкамъ моимъ и мнѣ». И я по совѣсти могу сказать вамъ, что вы вполнѣ оправдали на дѣлѣ надежды его. То же уваженіе къ доблестямъ войска Донского хотѣлъ и я вамъ доказать назначеніемъ, на другой же день восшествія моего на престолъ, старшаго сына моего, Николая Александровича, вашимъ Атаманомъ, а вслѣдъ за кончиною его, теперешняго моего Наслѣдника Александра Александровича. Пріемъ, вами сдѣланный имъ обоимъ, и ихъ и меня порадовалъ и глубоко тронулъ. Но онъ меня не удивилъ, потому что я хорошо помню, какъ вы меня приняли въ 1850 году въ качествѣ вашего Атамана, когда, возвращаясь съ Кавказа, я по порученію покойнаго Государя благодарилъ васъ его именемъ за вашу молодецкую службу. Вполнѣ увѣренъ, что вы такъ же вѣрно, усердно и храбро будете служить сыну моему, какъ вы служили мнѣ.

«Выражая вамъ еще разъ мое Царское спасибо, мнѣ остается желать, чтобы войско Донское, сохраняя доблести своего вѣкового казачества, развивалось и въ гражданскомъ быту, согласно даннымъ мною указаніямъ. Призываю на нихъ благословеніе Божіе къ вашему благу и преуспѣянію».

Среди рѣчи Государь Императоръ два раза заключилъ въ объятія Государя Наслѣдника. Громовое «ура» казаковъ раздалось вслѣдъ за словами Государя. Государь сѣлъ на коня и объѣхалъ войска, выстроенныя по Платовскому проспекту. Послѣ этого онъ вернулся къ кругу и началось торжественное шествіе регалій. Затѣмъ Государь пропустилъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ войска. Впереди всѣхъ ѣхалъ Наслѣдникъ съ перначемъ въ рукѣ.

По окончаніи парада Государь изволилъ принять войсковую хлѣбъ-соль на красивомъ серебряномъ блюдѣ.

13 августа Государь Императоръ Александръ II принималъ различныхъ представителей войска и посѣтилъ нарочно поставленный на время въ Новочеркасскѣ Калмыцкій хурулъ, гдѣ калмыцкіе священники привѣтствовали Государя дикими, но стройными звуками своеобразной духовной музыки. Затѣмъ Государь изволилъ посѣтить Маріинскій институтъ и присутственныя мѣста.

14 августа состоялся смотръ полкамъ, собраннымъ въ Новочеркасскѣ. На смотру подъ командою генералъ-лейтенанта Шамшева находились: сотня юнкеровъ Новочеркасскаго училища, л.-гв. Сводно-Казачій полкъ, Донской учебный полкъ, 2 полка молодыхъ казаковъ переписи 1870 года и 2 Донскія сводныя батареи. Подъѣхавъ лейбъ-гвардіи къ Казачьему полку, Государь Императоръ Александръ II остановилъ лошадь и поздравилъ полкъ полкомъ своего имени, затѣмъ,

объѣхавъ конные полки, Государь остановился противъ лейбъ-гвардіи Донской конно-артиллерійской батареи и объявилъ ея лихимъ канонирамъ, что онъ назначаетъ Шефомъ батареи Августѣйшаго Атамана Наслѣдника Цесаревича. Затѣмъ начался смотръ. Послѣ небольшого ученья, на которомъ казаки показались молодцами, какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строю, началась джигитовка малолѣтковъ. Государь остался очень доволенъ лихостью и удалью казаковъ и объявилъ много милостей.

Въ тотъ же день, въ 9 часовъ вечера, Государь Императоръ Александръ II при восторженныхъ крикахъ «ура» собравшихся казаковъ отбылъ по желѣзной дорогѣ изъ войска Донского...

Въ 1874 году войсковой наказный атаманъ Чертковъ получилъ новое назначеніе, а въ управленіе войскомъ вступилъ вновь назначенный атаманъ генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи *Николай Александровичъ Краснокутскій.* Онъ былъ атаманомъ до 1881 года. При немъ донскіе казаки приняли участіе въ войнѣ съ турками за свободу родныхъ намъ православныхъ славянъ.

Войсковой наказный атаманъ войска Донского
Генералъ-Адъютантъ
Михаилъ Ивановичъ Чертковъ. 1868—1874 г.

Войсковой наказный атаманъ войска Донского Генералъ-Адъютантъ Николай Александровичъ Краснокутскій. 1874—1881 г.

72. Русско-Турецкая война.

1877—1878 годы.

Подъ властью турокъ съ очень давнихъ временъ находились христіанскіе народы: болгары, сербы, румыны, черногорцы и македонскіе греки. Болгары, сербы и черногорцы происходятъ отъ родственныхъ русскому народу славянъ, исповѣдуютъ православную вѣру и говорятъ на языкѣ, похожемъ на русскій. Они какъ бы родные братья русскаго народа.

Въ 1876 году они возмутились противъ турокъ. Турки жестоко подавляли это возмущеніе. Они убивали не только сражавшихся, но и ихъ женъ и дѣтей. Они бросали младенцевъ на сабли; они на медленномъ огнѣ жгли болгаръ. Въ лѣсахъ находили тѣла несчастныхъ болгарскихъ мучениковъ, привязанныхъ къ стволамъ деревьевъ и подъ ногами ихъ разведенные костры. Извѣстія объ этихъ «турецкихъ звѣрствахъ» волновали и возмущали всѣ народы Европы. Но особенно чутко

относились къ этому у насъ на Руси. На помощь болгарамъ, черногорцамъ и сербамъ ѣхали русскіе добровольцы, ихъ война съ турками стала родною для насъ, у насъ жаждали помочь несчастнымъ братьямъ славянамъ. Но болѣе всего волновался, глубже всего чувствовалъ въ своемъ сердцѣ обиду, наносимую всему православному міру турками, нашъ Царь-Освободитель. Онъ снялъ узы крѣпостной зависимости съ милліоновъ русскихъ крестьянъ, и теперь насталъ часъ ему вмѣстѣ съ русскимъ народомъ и казаками освободить и родныхъ намъ славянъ. Императоръ Александръ II попробовалъ начать переговоры съ турецкимъ султаномъ, но, когда это не подѣйствовало, онъ съ оружіемъ въ рукахъ вступился за славянъ и, 12 апрѣля 1877 года, объявилъ войну Турціи. Война должна была вестись одновременно и на Дунаѣ и на Кавказѣ. Арміей, направленной къ Дунаю, командовалъ великій князь Николай Николаевичъ, кавказскими войсками—великій князь Михаилъ Николаевичъ.

По призыву Государеву войско Донское выставило на службу 53 полка и 24 батареи. Полки эти были отправлены преимущественно на Дунай. Это были: л.-гв. Казачій Его Величества полкъ, л.-гв. Атаманскій Государя Наслѣдника Цесаревича полкъ, № 1 Кутейникова, № 4 Власова, № 7 Янова, № 8 Желтоножкина, № 9 Нагибина, № 10 Ледкова, № 11 Попова, № 12 Хрещатицкаго, № 13 Попова, № 15 Дудкина, № 16 Слюсарева, № 17 Варламова, № 18 Измайлова, № 21 Курнакова, № 23 Бакланова, № 24 Шамшева, № 26 Краснова Данилы, № 29 Пономарева, № 30 Грекова Митрофана, № 31 Рубашкина, № 34 Короченцова, № 35 Черевкова, № 36 Калинина, № 37 Иловайскаго, № 39 Грекова, № 40 Дмитрова, № 41 Краснова Николая; *батареи*—л.-гв. 6-я донская, № 2 Рытикова, № 4 Персіянова, № 5 Калинина, № 8 Власова, № 9 Золотарева, № 10 Солунскова, № 11 Ледкова, № 13 Ѳомина, № 14 Курапова, № 15 Дудкина, № 16 Рудакова, № 17 Маркова и № 21 Дукмасова.

Въ день объявленія войны тронулось на границу Турціи, въ составѣ арміи, шесть донскихъ полковъ и первое отвѣтственное дѣло было поручено казакамъ. Намъ нужно было захватить мостъ на рѣкѣ Серетъ у низовьевъ Дуная. Съ захватомъ этого моста мы спокойнѣе могли распоряжаться на Дунаѣ. Турки тоже спѣшили къ этому мосту, называемому Барбошскимъ. Надо было выиграть время—придти раньше турокъ. Занять мостъ было поручено смѣлому и лихому полковнику Струкову. Онъ взялъ съ собою *№ 21-й донской полкъ* и, пройдя въ однѣ сутки около ста верстъ, какъ снѣгъ на голову явился къ *Барбошскому мосту*. Испуганные неожиданнымъ появленіемъ донскихъ казаковъ турки ничего

не посмѣли сдѣлать, и мостъ, служившій намъ для сообщенія съ нашимъ тыломъ, остался за нами. Здѣсь донцы показали, что и они, и ихъ скромныя казачьи лошади способны дѣйствовать смѣло, лихо, по-кавалерійски.

Между тѣмъ непрерывно, поѣздъ за поѣздомъ, подвозили къ границѣ полки. Въ ночь съ 14 на 15-е іюня началась переправа нашихъ войскъ черезъ Дунай. Занявши съ боя непріятельскій берегъ, мы поставили мосты и армія вступила на турецкій берегъ...

Самый способъ веденія войны теперь измѣнился. Въ послѣднюю, Севастопольскую войну, наши полки были вооружены кремневыми ружьями, бившими едва на шестьсотъ шаговъ, ружья нашего непріятеля были немногимъ лучше—это были пистонныя, курковыя медленно заряжаемыя ружья. Теперь часть нашихъ войскъ была вооружена винтовками Крнка, а гвардія и большая часть кавалеріи имѣли уже отличныя однозарядныя ружья Бердана. Имѣли эти ружья и нѣкоторые донскіе полки, свято исполнившіе приказъ, про который поется въ пѣснѣ:

Чтобы были у васъ, ребята,
Ружья новыя Бердана,
Шашки вострыя въ ножнахъ.

У турокъ тоже были прекрасныя винтовки, бившія на полторы версты. Нѣкоторые турки имѣли уже магазинныя ружья, которыя только что начали появляться. Защитнаго цвѣта тогда ни мы, ни турки не знали. Въ бѣлыхъ рубахахъ и въ кепи съ холщевыми назатыльниками шли полки Царя Бѣлаго и, какъ маковъ цвѣтъ, алѣла своими красными фесками турецкая армія. И мы, и турки открыто глядѣли смерти въ глаза, сходились для штыкового удара и мужественно дрались въ окопахъ. Донскимъ полкамъ, распредѣленнымъ по пѣхотнымъ дивизіямъ, досталась тяжелая, но невидная служба на передовыхъ постахъ, да отчаянныя схватки съ турецкими наѣздниками—баши-бузуками. Первый, кого видѣли турки—это былъ донецъ. Въ грязной, пропитанной потомъ, облитой кровью бѣлой рубахѣ, въ шароварахъ съ алымъ лампасомъ, съ пикой у бедра, донецъ сторожилъ врага, являясь неожиданнымъ и незванымъ гостемъ на турецкіе бивака, принося съ собою смерть и ужасъ. И послѣдній, котораго видѣли турки, былъ тотъ же донской казакъ. Кончался бой—и длинной цѣпью казачьихъ постовъ и заставъ затягивались бивака и позиціи нашихъ войскъ, и гремѣла тамъ одиночная перестрѣлка съ баши-бузуками иногда всю ночь...

Казаки первыми являлись по тревогѣ и шли, куда укажутъ, осматривали всѣ деревни, заглядывали во всякую мышиную норку. И слава

21-й Донской полкъ на пути къ Барбошскому мосту 12-го апрѣля 1877 года.

ихъ была велика и любила наша пѣхота своихъ «казачковъ», удалыхъ своихъ «Гаврилычей», какъ прозвали донскихъ казаковъ въ нашихъ войскахъ еще въ пору завоеванія Кавказа.

Послѣ переправы черезъ Дунай намъ нужно было такимъ же смѣлымъ орлинымъ полетомъ перелетѣть и черезъ Балканы. 18 іюня составили отрядъ, въ который вошли 4-я стрѣлковая бригада, 6 дружинъ болгаръ, 3 драгунскихъ полка, 5 донскихъ полковъ и 5 батарей. Отрядъ этотъ поручили генералъ-адъютанту *Гурко*. Желѣзной воли и отчаянной рѣшимости былъ этотъ человѣкъ. Полки, которые пошли съ нимъ, заслужили себѣ великую славу. 5 іюля генералъ Гурко занялъ городъ Казанлыкъ и подошелъ къ крутому и трудно проходимому *Шипкинскому перевалу*. Два дня атаковывали наши полки по неприступнымъ кручамъ турецкую позицію, на третій—турки, не дождавшись атаки, ушли и генералъ Гурко овладѣлъ вершинами Балканъ. Всѣ переходы остались за нами и мы прочно укрѣпились на нихъ.

Между тѣмъ, остальныя наши войска шли тоже къ Балканамъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ ихъ пути лежалъ небольшой городокъ *Плевна*. Онъ не былъ укрѣпленъ и донская сотня есаула Афанасьева заходила въ него. Зашла и ушла, донеся, что непріятеля въ ней нѣтъ. И только она ушла, какъ, 27 іюня, туда явился небольшой турецкій отрядъ. Донесли и объ этомъ. Но отрядъ былъ маленькій, наша армія въ это время была занята осадою Никополя, на донесеніе не обратили вниманія, а къ Плевнѣ спѣшилъ *Османъ-паша* съ 30.000 арміею, торопясь занять и укрѣпить ее. 7 іюля Плевна уже была занята цѣлою арміею и на флангѣ у насъ появился громадный отрядъ Османа. 8 іюля подошелъ и нашъ небольшой отрядъ и попробовалъ взять Плевну, но Османъ уже укрѣпился въ ней, и наша атака была неудачна. Къ Осману подходили подкрѣпленія и маленькая Плевна становилась труднѣе для атаки, нежели любая большая крѣпость. 18 іюля мы опять пробовали штурмомъ взять Плевну, но и это не удалось. Нашихъ войскъ было слишкомъ мало. Тогда были потребованы изъ Россіи подкрѣпленія, и гвардія тронулась изъ Петербурга въ походъ.

Наши войска принуждены были обороняться, стремясь удержать за собою Дунай и Балканы.

Турки чувствовали, что у насъ мало войска, что мы не въ силахъ ихъ одолѣть, и наступали по всей линіи. Они появлялись вездѣ. Зорко нужно было смотрѣть казакамъ, чтобы не проглядѣть какого-либо новаго отряда. Здѣсь начался цѣлый рядъ мелкихъ, но славныхъ казачьихъ дѣлъ.

Вечеромъ *3-го іюля въ 30-мъ донскомъ полку* получено было при-

казаніе развѣдать о томъ, что дѣлается на горѣ *Бедекъ*, сколько тамъ находится турокъ, можно ли ихъ обойти, каковы дороги,—словомъ, нужно было сдѣлать настоящую полную развѣдку горы. Посланный съ разъѣздомъ *сотникъ Галдинъ* донесъ, что гора Бедекъ занята полутора тысячами турецкой пѣхоты, есть черкесы, но сколько—неизвѣстно, обходъ сдѣлать можно и дороги есть. Тогда приказано было 30-му донскому полку занять Бедекъ. Въ помощь казакамъ пришло двѣ роты Орловскаго пѣхотнаго полка.

Ночью на 5-е іюля части 30-го полка вмѣстѣ съ орловцами пошли на приступъ. На лѣвое укрѣпленіе пошла 1-я рота и 21 казакъ подъ командою хорунжаго Долгова, на правое укрѣпленіе 98 казаковъ подъ командою урядника Темникова и съ фронта 51 казакъ съ сотникомъ Галдинымъ, 2-я рота и часть 1-й роты Орловскаго полка. По узкой горной тропинкѣ начали карабкаться между скалъ солдаты и казаки. Шли по одному. Даже рядами нельзя были идти: такъ узка была дорога. Сначала она вилась между скалъ, потомъ пошла лѣсомъ. Тихо, крадучись, начали казаки пробираться къ самымъ турецкимъ окопамъ. Лѣсъ кончился, показалась прогалина и на ней—грозный Бедекъ. Казаки вышли первыми и разсыпали цѣпь, за ними стали орловцы. Безъ разговора, осторожно ступая крались цѣпи, поднимаясь на гору. И вдругъ, на правомъ флангѣ раздался выстрѣлъ. Это не выдержалъ болгаринъ, проводникъ, наткнувшійся на турецкій постъ. И сейчасъ же вдоль всей вершины заиграли огоньки выстрѣловъ и загремѣли въ ночной тишинѣ частые залпы и сильный одиночный огонь. И казаки и солдаты были открыты. Теперь—или нужно было отступить, не выполнивъ даннаго порученія, или рѣшиться броситься на штурмъ. Заиграло казачье сердце у Галдина, заговорила въ немъ кровь дѣдовъ!.. давши нѣсколько залповъ, онъ кинулся впередъ. Замялись на минуту солдаты, не бывавшіе еще въ такихъ дѣлахъ. Ужасъ отразился на ихъ лицахъ. Смѣшались ихъ цѣпи. Но тутъ орломъ налетѣлъ на нихъ Галдинъ.

«Отступленія нѣтъ!»—вскричалъ онъ.—«Кто сдѣлаетъ хотя шагъ назадъ, тому размозжу голову!» и поднялъ прикладъ. Рѣшительный видъ Галдина воодушевилъ казаковъ и солдатъ. Сверкнули въ ночной мглѣ вынутыя казаками шашки. Дорого рѣшили донцы продать свою жизнь. Смѣло кинулась цѣпь впередъ, и впереди ея Галдинъ съ винтовкою въ рукахъ. Еще минута—и началась страшная рукопашная свалка. Только встарину такъ дрались. Галдинъ своимъ прикладомъ прокладывалъ себѣ широкую дорогу. Кругомъ сверкали шашки и хрипѣніе умирающихъ и стоны раненыхъ сливались съ трескомъ проламываемыхъ турецкихъ череповъ и рѣдкими выстрѣлами. Главное среднее укрѣпленіе было

очищено, Галдинъ кинулся на лѣвое укрѣпленіе и вдругъ былъ остановленъ крикомъ по-русски:—«стой, не стрѣляй, своихъ побьешь». Онъ повернулъ направо и пошелъ выбивать турокъ съ праваго фланга. Въ то же время лѣвая колонна, запоздавшая немного, вышла къ лѣвому укрѣпленію и точно также была остановлена окликомъ:—«стой, не стрѣляй, своихъ побьешь». Озлобленные солдаты и казаки бросились на обманщиковъ и захватили ложементъ. Оказалось, что среди турокъ были татары, говорившіе по-русски.

Славное было это дѣло—взятіе Бедека. Сотникъ Галдинъ первый открылъ его, развѣдалъ и первый вошелъ въ укрѣпленіе. За это дѣло Галдинъ получилъ орденъ Святого Георгія 4-й степени...

Во время стоянки на Балканахъ много подвиговъ было оказано казаками. 13 іюля *хорунжій Гурбановъ* былъ посланъ въ разъѣздъ за г. Ловчу. На обратномъ пути двѣсти черкесовъ атаковали его. Отстрѣливаясь, Гурбановъ отходилъ къ своимъ, не подпуская и близко къ себѣ черкесовъ. Наконецъ, его окружили. Тогда казаки бросились сквозь черкесскій строй. Нѣсколько человѣкъ успѣли пробиться, кинулся и Гурбановъ, но въ эту минуту пуля пробила ему колѣно и свалила его лошадь. Три казака, увидавши, что ихъ начальникъ упалъ, остались при немъ. Это были казаки *Зенцовъ* и *Мосягинъ*—Луганской станицы, и казакъ *Рябовъ*—Гундоровской станицы. Эти четыре человѣка сражались отчаянно. Гурбановъ, получившій 10 ранъ, наконецъ свалился мертвымъ, упали и Зенцовъ съ Мосягинымъ, свято исполнившіе завѣтъ Христовъ и положившіе душу свою за ближняго и за начальника. Рябовъ, раненый пулею, свалилъ двухъ черкесовъ пикою и пробился къ своимъ. Налетѣла на мѣсто битвы донская сотня и увезла изрубленныя до неузнаваемости тѣла Гурбанова и двухъ казаковъ.

Въ то самое время, когда казаки 30-го донского казачьяго полка съ сотникомъ Галдинымъ заслужили себѣ великую славу атакою горы Бедекъ, — лейбъ-казаки, другая сотня 30-го полка и сотня 23-го полка лихимъ налетомъ заняли *Ловчу*. 4 іюля, подъ вечеръ, 2-й эскадронъ лейбъ-казаковъ, 6-я сотня № 23-го донского казачьяго полка и взводъ 6-й донской конной батареи, по приказу Великаго Князя Главнокомандующаго, выступили изъ города Тырнова. Въ прохладѣ лѣтняго вечера, а потомъ и ночи, быстро прошли до деревни Севліево и недалеко отъ нея остановились. Съ привала послали разъѣздъ въ Севліево, приказавъ ему разыскать стоявшія тамъ наши сотни 30-го донского полка. Здѣсь узнали, что недалеко отъ Ловчи собирается много башибузуковъ, что Ловчу турки укрѣпляютъ... Тогда полковникъ Жеребковъ, пріѣхавшій къ отряду, рѣшилъ еще до свѣта идти на Ловчу. Въ 4 часа

утра 2-й эскадронъ лейбъ-казаковъ, сотня 23-го полка и оба орудія 6-й батареи, подкрѣпленные сотней 30-го полка, взятой изъ Севліево, пошли, направляясь къ Ловчѣ.

Настало утро, взошло горячее южное солнце и лейбъ-казаки увидали передъ собою крутой подъемъ, заросшій густыми кустарниками. Въ кустахъ засѣли пѣшіе баши-бузуки и встрѣтили частымъ огнемъ казаковъ. Живо развернулись лейбъ-казаки съ казаками 23-го полка вправо, а казаки 30-го полка влѣво, склонили пики и понеслись на гору, прыгая черезъ кусты и рытвины. Несмотря на сильный ружейный огонь, казаки доскакали до турокъ и начали колоть и рубить ихъ. Баши-бузуки отбѣгали, прятались въ кустахъ и стрѣляли по казакамъ, но подъ ударами казачьихъ пикъ быстро подавались назадъ и очищали гору...

Въ серединѣ горы замѣчено было много баши-бузуковъ. Сейчасъ же загремѣли выстрѣлы взвода донской батареи, нѣсколько удачно по-

павшихъ гранатъ заставили турокъ очистить позицію; лейбъ-казаки, покончившіе дѣло на правомъ флангѣ, бросились преслѣдовать отходившихъ турокъ и добили ихъ...

Солнце стояло на полднѣ. Сильно пекло. Казачьи разъѣзды пошли слѣдить за непріятелемъ, а сотни собирались на гору, сгоняя плѣнныхъ баши-бузуковъ и отбирая оружіе.

Вдругъ прискакалъ казакъ и доложилъ полковнику Жеребкову, что турки, бѣжавшіе съ первой позиціи, снова собираются невдалекѣ на высотахъ, и что въ Ловчѣ слышно, какъ играютъ пѣхотные рожки турецкой пѣхоты. Тамъ собирается до двухъ ротъ.

Опять сѣли на коней казаки, разсыпалась лихая ихъ лава и понеслась впередъ... Но мѣстность не позволяла дѣйствовать въ конномъ строю. По горной каменистой кручѣ былъ разбитъ виноградникъ. Повсюду торчали высокія толстыя палки, увитыя молодою листвою цвѣтущаго винограда.

— Стой! Готовься къ пѣшему строю! Къ пѣшему строю впередъ слѣзай!

Поскакала, звеня орудіями, артиллерія,—и бахъ!—вылетѣлъ большой бѣлый клубъ дыма и туманомъ понесся по виноградным садамъ, за нимъ другой, третій... Часто застучали берданки лейбъ-казаковъ и съ шипѣніемъ и короткимъ свистомъ начали летать турецкія пули. Наша цѣпь стрѣляла мѣтко. Хорошо била и артиллерія. Въ турецкой цѣпи огонь сталъ какъ будто лѣнивѣе. Тогда вылетѣлъ впередъ генеральнаго штаба полковникъ Паренсовъ, за нимъ 2-й взводъ лейбъ-казачьяго эскадрона, а дальше взводъ 23-го полка. Они понеслись въ атаку въ конномъ строю, въ колоннѣ по три, по шоссе...

Турки бѣжали на слѣдующую гору, по вершинѣ которой у нихъ были выкопаны окопы, занятые пѣхотой. Лейбъ-казаки и донцы 23-го и 30-го полковъ густыми цѣпями входили теперь въ самое предмѣстье города Ловчи. Кругомъ были раскиданы избушки, сараи, вездѣ изгороди и сады. Отовсюду непріятель билъ изъ ружей. Но подъ мѣткими выстрѣлами казаковъ турки отступали къ своимъ окопамъ, въ которые, взрывая столбами черной земли, били гранатами донскія пушки. Жарко было, давно прошла пора обѣда, морила жажда, но увлеченіе боя было такъ сильно, что казаки не замѣчали усталости. Лейбъ-казаки въ тѣснотѣ садовъ уже не могли передавать лошадей коноводамъ и шли пѣшкомъ, таща лошадей за чумбуръ и стрѣляя изъ-за коней. Горное эхо повторяло выстрѣлы, холмы затягивались бѣлымъ дымомъ ружейной пальбы... Наступалъ часъ конной атаки. Полковникъ Жеребковъ приказалъ командиру эскадрона штабсъ-ротмистру Муратову посадить эска-

дронъ и атаковать. Утомленныя лошади дали послѣднее усиліе. За молодцами офицерами лихо влетѣлъ 2-й эскадронъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка въ турецкіе окопы и покололъ и порубилъ всѣхъ бывшихъ тамъ турокъ. Турки бросились въ городъ. Есаулъ Лунзовъ со своими пушками карьеромъ влетѣлъ на только что занятую лейбъ-казаками гору и оттуда частымъ огнемъ подогналъ ихъ. На плечахъ у турокъ ворвались въ городъ Ловчу и лейбъ-казаки. Было шесть часовъ вечера. На измученныхъ лошадяхъ, бывшихъ болѣе сутокъ подъ сѣдломъ, сдѣлавшихъ нѣсколько утомительныхъ атакъ въ гору, подходили лейбъ-казаки къ городу. Ихъ встрѣтили болгары. Старики, женщины и дѣти, взрослые болгары крестьяне обнимали и цѣловали казаковъ и ихъ лошадей.

— Братушка, братушка!—говорили они и плакали отъ счастья быть избавленными отъ турокъ. Принесли кувшины съ виномъ и водою. Изнемогшіе отъ жажды лейбъ-казаки и казаки 23-го и 30-го полковъ широкими глотками пили вино, лили воду на головы утомленныхъ, измученныхъ жарою лошадей.

И по загорѣлымъ и запыленнымъ лицамъ казаковъ тоже текли горячія слезы умиленія. Дорого далась эта побѣда, но и величайшее счастье доставила она казакамъ. Счастье, выше котораго нѣтъ на свѣтѣ: счастье видѣть счастье другихъ людей, своихъ ближнихъ. Пройдя черезъ Ловчу, казаки стали бивакомъ и на другой день вернулись въ Сельви.

За эту смѣлую и лихую атаку турецкихъ укрѣпленій подъ Ловчей и за занятіе и самой Ловчи—2-я сотня лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка и по сейчасъ носитъ на папахахъ змѣйки съ надписью: «За Ловчу 5 іюля 1877 года».

Разбросанные по отрядамъ и полкамъ, гдѣ полками, гдѣ отдѣльными сотнями, казаки всюду заслужили любовь и уваженіе начальниковъ. Въ отрядѣ генерала Дризена находился полкъ № 12, бывшій подъ командою полковника Хрещатицкаго. Этотъ полкъ отлично дѣйствовалъ лавою. Черкесы, противъ которыхъ онъ стоялъ, никакъ не могли схватить казаковъ. Но и сами черкесы были неуловимы. Наконецъ, казаки разсердились и рѣшили во что бы то ни стало подманить къ себѣ черкесовъ. И вотъ, въ лавѣ казаки отступали и при этомъ то одинъ, то другой падалъ съ лошади, точно раненый. Черкесы кидались за нимъ, чтобы захватить живьемъ, а въ это время развертывалась широко лава и казаки били черкесовъ на выборъ. Эти дѣйствія видѣлъ опытный и бывалый кавалеристъ генералъ Дризенъ. Онъ подъѣхалъ къ полковнику Хрещатицкому и сказалъ ему:

— Я въ восторгѣ отъ вашихъ казаковъ, полковникъ. Это истинные

герои. Собралось было противъ вашихъ постовъ большое скопище черкесовъ. Донцы спѣшились и пошли на нихъ въ шашки. Но нужно было видѣть, какъ пошли—львами! Стойко, смѣло, съ увлеченіемъ!..

Да и какъ было казакамъ не дѣйствовать такъ, когда ихъ командиры были съ ними всегда впереди. Въ эту войну особенно прославился генералъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Гдѣ былъ онъ, тамъ была и побѣда. «Бѣлый генералъ» —звали его солдаты, потому что въ самомъ страшномъ огнѣ онъ былъ въ бѣломъ кителѣ и на бѣломъ конѣ. Не было человѣка храбрѣе его. И при немъ постоянно находился донской офицеръ *хорунжій Дукмасовъ.*

Хорунжій Дукмасовъ первый съ полусотнею и саперными офицерами перешелъ Балканы. Находясь на Балканахъ, возвращался какъ-то Дукмасовъ съ развѣдки. Вдругъ видитъ: скачетъ генералъ на бѣломъ конѣ.

— Здорово ребята!—крикнулъ онъ казакамъ.—Кто офицеръ?

— Хорунжій Дукмасовъ,—отвѣтилъ Дукмасовъ.

— Вы куда?—спросилъ генералъ.

— Въ расположеніе полка.

— Вы молодцомъ дѣйствовали,—сказалъ генералъ и подалъ Дукмасову руку.—Я начальникъ отряда, генералъ Скобелевъ, и приказываю вамъ: идите назадъ, разсыпьтесь и подберите ночью раненыхъ, а завтра донесете.

— Слушаю!

Дукмасовъ повернулъ коня, разсыпалъ казаковъ и приказалъ имъ ѣхать на стоны. А самъ остался на полѣ, уже занимаемомъ турками, съ трубачемъ. Всю ночь, не смыкая глазъ, проработали казаки. Подобрали 450 человѣкъ раненыхъ. Когда молодой офицеръ, на другой день утромъ, донесъ объ этомъ Скобелеву, тотъ поблагодарилъ его и оставилъ при себѣ ординарцемъ.

6 августа турки въ громадныхъ силахъ начали наступленіе на нашъ отрядъ, стоявшій на *Шипкинскомъ перевалѣ.* Нашихъ было два полка, Брянскій и Орловскій, пять болгарскихъ дружинъ и 29 орудій, всего около 5-ти тысячъ человѣкъ, а противъ нихъ шла вся армія *Сулеймана-паши,* около 30-ти тысячъ человѣкъ. Три дня оборонялись брянцы и орловцы. Люди падали не только отъ пуль и отъ ранъ, но и отъ утомленія. Ни воды, ни пищи они не имѣли во все это время. Всѣ артиллерійскіе снаряды были на исходѣ, оставалась одна картечь. Патроновъ было мало. Сулейманъ окружилъ Шипку со всѣхъ сторонъ. Во многихъ мѣстахъ солдаты уже не отвѣчали на турецкій огонь, равнодушно лежа за камнями... Не было патроновъ!!

11 августа бой начался съ 6-ти часовъ утра и шелъ безъ перерыва до 6-ти часовъ вечера. Свистъ пуль слился въ непрерывающійся вой, и уже никто не обращалъ на нихъ вниманія. Наступали послѣднія минуты Шипки. И вдругъ со стороны Габрова показалась какая-то странная конница. Казаки не казаки, а что-то небывалое. Длинная колонна неслась на выручку. Это были *донцы № 23 полка полковника Бакланова.* На каждой казачьей лошади сидѣло по два и по три стрѣлка 16-го стрѣлковаго батальона. Они прошли въ одинъ день 60 верстъ отъ Тырнова до Шипки. Изнемогшіе отъ жары, отъ тяжелаго похода въ горахъ, стрѣлки, казалось, не могли больше двигаться. Вдали гремѣли выстрѣлы, бой былъ, какъ видно, отчаянный. На перевалѣ стояли донцы.

— На выстрѣлы!—сказалъ генералъ Радецкій и приказалъ стрѣлкамъ садиться на казачьихъ лошадей и нестись на выручку товарищамъ.

При видѣ свѣжихъ силъ брянцы и орловцы воспрянули духомъ и штыками сбросили турокъ. Армія Сулеймана отошла, не смогши въ трехъ-дневномъ бою одолѣть русскихъ удальцовъ. И по теперешнее время въ пѣхотѣ поютъ пѣсню про эту выручку, прискакавшую на казачьихъ лошадяхъ:

Какъ стрѣлочки прискакали
На казачьихъ лошадяхъ,
Турки разомъ закричали
Свой Аманъ и свой Аллахъ!
　　Гремитъ слава трубой,
　　Мы дрались, турокъ, съ тобой,
　　По горамъ твоимъ Балканскимъ
　　Раздалась молва о насъ!

На Шипку подошли подкрѣпленія, и началось знаменитое Шипкинское сидѣніе. Войска наши не могли уйти съ Шипки, за Балканы, пока не была взята Плевна. А Плевна не сдавалась!

30 августа начался страшный, кровопролитный штурмъ *Плевны.* Наша пѣхота оказывала чудеса храбрости. Скобелевъ впереди густыхъ пѣхотныхъ цѣпей, верхомъ на бѣломъ конѣ, врывался въ турецкіе редуты. Со временъ взятія Суворовымъ Измаила русскія войска не выказывали еще такой храбрости, такой рѣшимости побѣдить или умереть. Разсыпанные между частями пѣхоты, донскіе казаки не отставали въ храбрости отъ своихъ братьевъ русскихъ солдатъ. Одно время, за туманомъ и дымомъ ружейной пальбы, не стало видно, гдѣ свои, гдѣ чужіе,

и наши пѣхотныя части стали стрѣлять другъ въ друга. Бывшій при пѣхотномъ начальникѣ № 30 полка *казакъ Кирѣевъ* былъ посланъ, чтобы остановить стрѣльбу. Кирѣевъ перекрестился и помчался подъ страшный перекрестный огонь. Пули свистали со всѣхъ сторонъ, но Богъ спасъ смѣлаго донца—ни одна пуля не задѣла его. Перекрестный огонь былъ прекращенъ...

Въ другомъ мѣстѣ, одинъ изъ пѣхотныхъ начальниковъ въ 5-й дивизіи, полковникъ Поповъ, былъ сильно контуженъ въ ногу и не могъ идти. Бывшіе при немъ казаки № 34 полка *Филинъ, Жемчужновъ* и *Семенъ Архиповъ* бросились къ нему и подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ вынесли своего начальника.

Мы заняли редутъ. Турки обливали его свинцовымъ дождемъ пуль. Держаться на немъ не было возможности. Тамъ царила смерть. И въ это страшное мѣсто нужно было послать приказаніе. Скобелевъ послалъ *хорунжаго Дукмасова.* Дукмасовъ вскочилъ верхомъ на самое опасное мѣсто и громко прочелъ приказаніе «Бѣлаго генерала»—умирать, но не сдавать редута. Только что онъ кончилъ читать приказаніе, подъ нимъ убили лошадь. Онъ соскочилъ съ нея и тихо прошелъ подъ пулями на свое мѣсто. Точно смѣялся надъ смертью. Его примѣръ такъ подѣйствовалъ на защитниковъ, что турки взяли редутъ лишь тогда, когда последній его защитникъ маіоръ Горталовъ палъ, пронзенный штыками...

Но наша храбрость разбилась о большія силы турокъ. Наши полки таяли. Мы потеряли 14.000 убитыми и ранеными. Плевна не была взята. Тогда наши войска стали кругомъ Плевны и начали строить укрѣпленія, чтобы взять Плевну, какъ берутъ крѣпости, постепенной атакой, приближаясь къ ней по нарочно вырываемымъ все ближе и ближе рвамъ... Началась осада Плевны.

Осенью на Кавказѣ наши кавказскія войска взяли Карсъ. Извѣстіе объ этомъ ободрило наши войска. Загорѣлись сердца и здѣсь, на Балканахъ, и каждому солдату захотѣлось побѣды.

Осману-пашѣ, запертому въ Плевнѣ, приходилось туго. Нечего было ѣсть. И вотъ, онъ задумалъ уйти изъ Плевны. Въ сырой и туманный осенній день, 28 ноября, Османъ-паша вышелъ, въ надеждѣ прорваться черезъ наши войска. Но это ему не удалось, и онъ сдался. Мы взяли въ плѣнъ 45.000 человѣкъ, 10 пашей, около 2.000 офицеровъ и 77 орудій.

Послѣ плѣненія Османа-паши, въ студеную зиму мы начали походъ за Балканы. Безъ полушубковъ и валенокъ, безъ теплой одежды, въ рваныхъ шинеляхъ шли наши полки по ледянымъ кручамъ Балканскихъ горъ, мерзли во время мятелей на каменистыхъ пустыняхъ и безъ сто-

новъ и жалобъ совершали тяжелый переходъ съ боемъ. По снѣгомъ занесеннымъ ущельямъ рыскали казаки. На страшныхъ кручахъ обрывались люди и лошади, падали въ пропасти орудія, но войска шли и шли. Шли, да еще и пѣсни пѣли:

Мы къ Балканамъ подходили —
Намъ сказали: — высоки!
Три часа ихъ проходили
И сказали:—пустяки.
Гремитъ слава трубой,
Мы дрались, турокъ, съ тобой,
По горамъ твоимъ Балканскимъ —
Раздалась молва о насъ!

Черезъ Балканы наши войска пошли двумя отрядами: правый—*генерала Скобелева,* пошелъ изъ деревни Зелено Древо по горной тропинкѣ на Иметли, и лѣвый, подъ командою князя *Святополка-Мирскаго,* бывшаго послѣ войны долгое время войсковымъ наказнымъ атаманомъ войска Донского, пошелъ по тропинкѣ изъ Травны на Гузово.

Въ Рождественскій сочельникъ выступили полки князя Святополкъ-Мирскаго. Въ тотъ же день они перевалили Балканы, и 26 декабря заняли Гузово. 27 декабря князь Святополкъ-Мирскій занялъ съ боя деревни Янину и Хаскіой. За этими деревнями были высоты, занятыя турками. Наши полки захватили передовые окопы и пошли дальше, и тутъ наткнулись на всю турецкую армію Вессель-паши. Начался упорный бой. Объ отрядѣ Скобелева не было ничего слышно, у князя Мирскаго въ резервѣ оставалось только два батальона, а къ туркамъ со стороны деревни Іени-Загры спѣшили сильныя подкрѣпленія.

У нашихъ солдатъ не хватало патроновъ, и сухарей было всего на одинъ день. Но князь Святополкъ-Мирскій рѣшилъ во что бы то ни стало держаться на занятыхъ мѣстахъ все 28-е декабря и поджидать Скобелева.

Что же дѣлалъ въ это время Скобелевъ?

На Рождествѣ Скобелевъ достигъ вершины Балканъ. и 26 декабря началъ спускаться къ *Иметли.* Здѣсь насъ ожидали турки. Батальонъ Казанскаго пѣхотнаго полка ушелъ слишкомъ далеко и былъ отрѣзанъ и окруженъ турками. 100 человѣкъ турокъ взобрались на отвѣсную гору, бывшую надъ батальономъ, и били, пользуясь закрытіемъ, казанцевъ на выборъ. Никто не рѣшался пойти и выбить оттуда турокъ. Офицеръ, посланный Скобелевымъ, едва показался, какъ былъ раненъ.

— Дукмасовъ!—крикнулъ Скобелевъ, —возьмите молодцовъ и выбейте турокъ во что бы то ни стало!

Вся свита Скобелева смотрѣла и ждала, что сдѣлаетъ лихой офицеръ.

— Казаки за мной!—крикнулъ Дукмасовъ.

Человѣкъ двадцать удальцовъ донцовъ бросились за офицеромъ и, какъ козы цѣпляясь за камни и кусты, взобрались на гору и погнали турокъ. Казанцы были спасены. Дорога на Иметли была очищена.

Тяжелая это была дорога! Не одна могила осталась на ней нѣмою свидѣтельницею подвиговъ русскихъ солдатъ и съ ними ихъ постоянныхъ сподвижниковъ—донскихъ казаковъ.

Недаромъ и пѣсня въ войскахъ повелась:

—Горныя вершины, я васъ увижу-ль вновь,
Балканскія долины—кладбище удальцовъ!

28 декабря на выручку князю Святополкъ-Мирскому подошла подмога отъ генерала Радецкаго, спустившагося съ Шипки, и въ тотъ же день со стороны Шейново показался и Скобелевъ. Такъ окруженный со всѣхъ сторонъ турецкій главнокомандующій Вессель-паша принужденъ былъ сдаться на Шипкѣ. Мы взяли 25.000 человѣкъ въ плѣнъ, 6 знаменъ и 93 орудія. Остатки арміи Сулеймана кинулись въ Родопскія горы. Преслѣдовать ихъ пошли казаки.

4 января 1878 года полковникъ *Данило Красновъ* подъ *Карагачемъ* настигъ турецкій отрядъ съ 26-мъ донскимъ полкомъ и атакою въ пики отбилъ 23 орудія. Въ то же почти время и 30-й донской полковника *Митрофана Грекова* полкъ имѣлъ славное дѣло подъ *Караджиларомъ*.

5 января, 30-й полкъ двигался по направленію къ Филиппополю. Былъ тихій морозный день. Паръ густымъ туманомъ поднимался отъ лошадей, только что вернувшихся изъ разъѣзда. Въ колоннѣ по шести двигались казаки, имѣя на флангѣ турокъ. Но турки не отваживались напасть на донцовъ. Они понимали, что одна команда—«полкъ во фронтъ!»—и грозная стѣна склоненныхъ пикъ понеслась бы на нихъ!

Турки обстрѣливали колонну артиллерійскимъ огнемъ, и тяжелые снаряды съ воемъ перелетали черезъ головы всадниковъ. Впереди, въ запорошенныхъ снѣгомъ кустахъ дѣйствовала гвардейская пѣхота. Тамъ уже взяли 12 орудій. Турки полѣзли на горы и разсыпались по ущелью. Начальникъ штаба приказалъ головной сотнѣ преслѣдовать ихъ.

— Скачите и догоняйте!

Есаулъ Галдинъ и сотникъ Кудинцовъ первыми бросились въ ущелье, и уже въ догонку имъ начальникъ штаба крикнулъ:

— Рысью казачки!

Казаки по страшнымъ обледенѣлымъ каменистымъ кручамъ, гдѣ изъ-за камней турки встрѣтили ихъ ружейнымъ огнемъ, ворвались въ ущелье и отбили еще два горныхъ орудія...

Послѣ этого полкъ собрали, остановили на ночлегъ и здѣсь полковникъ Грековъ получилъ отъ Скобелева приказаніе 6 января на раз-

Войсковой наказный атаманъ войска Донского Генералъ-Адъютантъ князь Николай Ивановичъ Святополкъ-Мирскій 1881—1898 г.г.

свѣтѣ идти къ городу Станимаку. Болгары говорили, что туда пошелъ самъ Сулейманъ съ сорока орудіями.

Чуть свѣтъ 30-й полкъ пошелъ въ Родопскія горы. Шли цѣлый день... Никого... Подъ вечеръ гдѣ-то впереди вспыхнула деревня. Туда поскакало два разъѣзда есаула Шарова и есаула Поздѣева. Шаровъ догналъ турецкій обозъ, изрубилъ прикрытіе, а обозъ доставилъ въ отрядъ. Между тѣмъ настала ночь, и казаки заночевали опять не разсѣдлывая. Еще задолго до разсвѣта, 7 января, тронулись дальше. Вдругъ впереди засвѣтились огни.

— Вѣроятно, братушки овецъ стерегутъ,—сказалъ Грековъ.

— Нѣтъ, полковникъ,—проговорилъ Грузиновъ, -это не братушки. Это турецкія войска костры кладутъ.

Послали войскового старшину Антонова узнать въ чемъ дѣло.

Начало свѣтать. Антоновъ донесъ, что два батальона турецкой пѣхоты съ орудіями выходятъ изъ деревни *Караджиларъ*. Генералъ Скобелевъ приказалъ 30-му полку догнать и взять орудія.

Какъ только казаки вскочили на гору, они увидали не одну, а двѣ колонны, которыя, какъ видно, хотѣли соединиться у Караджилара. 6-я сотня войскового старшины Антонова понеслась къ деревнѣ. Турки засѣли въ Караджиларѣ и встрѣтили сотню огнемъ. Кинувшійся впередъ вахмистръ былъ убитъ. Но тутъ налетѣла 2-я сотня есаула Галдина и показались 19-я донская батарея и драгуны. Турки начали сдаваться. Казаки 30-го полка взяли 53 орудія и 200 плѣнныхъ. Убито было до 600 человѣкъ. У насъ былъ убитъ вахмистръ, ранено два казака и убито семь лошадей. Наши потери были малы потому, что дѣйствовали по завѣту Платова: не задерживались стрѣльбою, но лихо атаковали въ пики.

Скобелевъ прислалъ полку одну строчку:

— «Исполать вамъ, мои добрые молодцы!»

За это дѣло 30-й полкъ получилъ Георгіевское знамя съ надписью: «За Шипку, Ловчу, двукратный переходъ черезъ Балканы и взятіе 50 орудій при Караджиларѣ въ 1877—1878 годахъ».

Лихой это былъ полкъ! Его командиръ полковникъ Грековъ и командиръ 2-й сотни есаулъ Галдинъ были украшены георгіевскими крестами и 280 казаковъ полка имѣли знаки отличія Военнаго ордена...

Турки отступали повсюду. Они чувствовали, что не въ силахъ бороться съ русскими войсками, и по мѣрѣ того, какъ ихъ силы ослабѣвали, смѣлость и отчаянная дерзость нашихъ становились необычайны.

7 января 1878 года л.-гв. 6-й донской батареи *вахмистръ Аведиковъ* шелъ съ батарейнымъ обозомъ, охраняя съ 4-мя казаками повозки, въ которыхъ было около 9.000 рублей казенныхъ денегъ. Въ деревнѣ *Дербентъ* казаки выкормили лошадей и хотѣли трогаться дальше, когда болгары предупредили казаковъ, что правѣе деревни идутъ турки, человѣкъ шестьдесятъ, да кромѣ того, верстахъ въ двухъ влѣво находятся баши-бузуки, а впереди, въ верстѣ, стоитъ турецкій батальонъ. Такимъ образомъ, казаки оказались совершенно окруженными. Нужно было во что бы то ни стало спасти обозъ, а главное, казенныя суммы, и не допустить турокъ до деревни, чтобы они не узнали, какъ мало находится казаковъ въ прикрытіи. Аведиковъ живо обдумалъ, какъ дѣй-

ствовать: онъ приказалъ 4-мъ обознымъ сѣсть на пристяжныхъ лошадей и, обскакавши деревню, показаться сзади турокъ, а самъ съ 4-мя казаками понесся прямо на турокъ.

Турки дали два залпа. Но руки у нихъ тряслись, было холодно, патроны валились изъ пальцевъ, и никто изъ казаковъ не былъ ни тронутъ, ни задѣтъ. Подскакавъ къ непріятелю по полю, запорошенному снѣгомъ, Аведиковъ и молодцы артиллеристы выхватили револьверы и убили изъ нихъ двухъ турокъ. Наскочивши на турокъ, Аведиковъ заставилъ ихъ положить оружіе. Турки слышали крики сзади и, видя скачущихъ людей—нашихъ обозныхъ,—думали, что тамъ идетъ большое подкрѣпленіе, и сдались. Казаки отобрали отъ нихъ оружіе, быстро запрягли лошадей и пошли съ плѣнными по дорогѣ, торопясь уйти отъ баши-бузуковъ и батальона пѣхоты, который могъ каждую минуту ихъ настигнуть. Въ скоромъ времени Аведиковъ встрѣтилъ нашу гвардейскую конницу, которой и сдалъ плѣнныхъ 50 человѣкъ и доложилъ о всемъ происшедшемъ. За этотъ геройскій подвигъ вахмистръ удостоился получить знакъ отличія Военнаго ордена 3-й степени, а впослѣдствіи былъ произведенъ въ офицеры, а казаки Дорошевъ, Холодковъ, Овчаровъ и Крыловъ получили знаки отличія Военнаго ордена 4-й степени.

Л.-гв. Атаманскій полкъ находился во все время войны въ Рущукскомъ отрядѣ, бывшемъ подъ командою Государя Наслѣдника Цесаревича. Этотъ отрядъ былъ назначенъ для наблюденія за турецкими войсками, запершимися въ крѣпостяхъ. Государь Наслѣдникъ былъ очень доволенъ службою полка, которая вся состояла въ тяжелой охранѣ отряда на передовыхъ постахъ.

Государь Наслѣдникъ, прощаясь съ полкомъ, изволилъ сказать:

— Служба ваша была хотя и невидная, но тяжелая!

Между тѣмъ, разсѣявшіяся войска Сулеймана-паши уже не могли сдерживать побѣдоноснаго шествія нашихъ войскъ къ завѣтному Царьграду. 8 января 1878 года наши войска заняли безъ выстрѣла Адріанополь, въ февралѣ они уже были подъ стѣнами Константинополя у Санъ-Стефано. Турки просили мира. За нихъ вступились англичане, и Императоръ Александръ II согласился на миръ. 19 февраля 1878 года, въ годовщину освобожденія русскихъ крестьянъ, нашъ Государь даровалъ свободу Болгарскому народу. Мы взяли себѣ небольшой кусокъ земли у Дуная и на Кавказѣ города Карсъ и Батумъ.

Съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ. За эти тридцать лѣтъ освобожденная русскими войсками Болгарія выросла и стала процвѣтать. Въ 1908 году она объявила себя самостоятельнымъ Царствомъ. Но память о Русскомъ Государѣ Александрѣ II свято живетъ въ болгарскомъ на-

родѣ. По всей странѣ, въ большихъ и малыхъ городахъ поставлены памятники Русскому Императору Александру II и надъ могилами нашихъ солдатъ въ Плевнѣ, на Шипкѣ и въ другихъ мѣстахъ воздвигнуты богатые памятники. Свято чтутъ благодарные болгары русское имя.

Государь Императоръ не забылъ честной и славной службы Донского войска въ эту войну. Къ длинной вереницѣ славныхъ знаменъ, жалованныхъ Государями и Царями войску Донскому, прибавилось новое Георгіевское знамя съ надписью: «За отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ».

Полки лейбъ-гвардіи Атаманскій и лейбъ-гвардіи 6-я донская батарея за войну получили права старой гвардіи. Полки № 31, 36, 37 и 39 пожалованы георгіевскими *штандартами*. Георгіевскія *знамена* получили полки № 26 за Балканы, № 29 за Браиловъ и № 30 за Балканы, донскія батареи № 6, 8 и 9 получили георгіевскія трубы.

Со славою и почетомъ вернулись на Донъ казаки. Было что имъ поразсказать о славной Турецкой войнѣ за свободу родныхъ своихъ братьевъ славянъ.

Врученіе пернача. 6 мая 1887 года.
Съ картины художника Кардовскаго, находящейся въ Новочеркасскомъ Соборѣ.

73. Съ 1878 года по 1904 годъ.

Послѣ Русско-Турецкой войны въ продолженіе 26 лѣтъ Россійское государство пользовалось миромъ и тишиною. Отдохнули казаки, обстроился Донъ, расширились и разукрасились станицы, выросъ и разбогатѣлъ Новочеркасскъ. Много труда было приложено войсковымъ наказнымъ атаманомъ *княземъ Святополкъ-Мирскимъ* на украшеніе города Новочеркасска и на улучшеніе жизни казачьей. Онъ вступилъ въ управленіе войскомъ въ 1881 году. Когда онъ пріѣхалъ въ Новочеркасскъ, столбы пыли свободно носились по улицамъ, солнце лѣтомъ такъ накаляло стѣны домовъ, что на улицахъ невозможно было дышать, кромѣ Александровскаго и Ботаническаго сада во всемъ Новочеркасскѣ не было зелени. Онъ приказалъ засаживать улицы вдоль домовъ пирамидальными тополями. Жители Новочеркасска отнеслись сначала къ его приказанію съ неудовольствіемъ. На Дону есть примѣта, что тополь

приноситъ несчастье, но примѣта не оправдалась. Сначала по ночамъ ломали и вырывали вновь посаженныя деревья, но атаманъ настойчиво требовалъ новой посадки и добился своего. Прошло нѣсколько лѣтъ. Всѣ улицы обросли прекрасными тополями, явилось спасеніе отъ жары въ тѣни ихъ и пыль не стала такъ невозбранно влетать въ дома.

Озабочиваясь тѣмъ, чтобы офицерамъ было мѣсто, гдѣ провести свободный вечеръ, атаманъ князь Святополкъ-Мирскій устроилъ въ Новочеркасскѣ великолѣпное военное собраніе. При немъ въ городѣ стали постоянно играть на театрѣ различныя представленія, при немъ городъ Новочеркасскъ сталъ однимъ изъ лучшихъ городовъ Россійскаго государства.

Въ то же время и въ самомъ войскѣ Донскомъ, во внутреннемъ его управленіи и въ жизни казаковъ произошли большія перемѣны.

1-го марта 1881 года въ городѣ С.-Петербургѣ рукою злодѣевъ былъ убитъ Царь-Освободитель Императоръ Александръ II. Государь, даровавшій столько блага своему народу, свято чтимый освобожденными имъ болгарами, Государь, за котораго охотно отдали бы жизнь милліоны его вѣрноподданныхъ, погибъ отъ руки убійцъ въ своей столицѣ! Ужасъ и печаль охватили всю Русскую землю и отозвались и на Дону! Тотъ Государь, котораго донцы видѣли у себя Наслѣдникомъ, котораго чтили, какъ атамана, а потомъ, какъ Государя, котораго такъ обожали— погибъ отъ святотатственной руки злодѣевъ!

Не вѣрили казаки, чтобы на Руси могли быть такіе злодѣи. Гнѣвно сжимались руки старыхъ донцовъ, и жалѣли они, что не погибли тамъ, на Балканахъ и на Дунаѣ, за своего Царя, по крайней мѣрѣ не знали бы и не слыхали про такой ужасъ и позоръ.

На престолъ всероссійскій вступилъ Государь Императоръ Александръ III Александровичъ и, 2-го марта 1881 года, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ былъ назначенъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

Государь Императоръ Александръ III, видавшій службу донцовъ на войнѣ въ 1877—1878 годахъ и сохранившій хорошія воспоминанія о посѣщеніи Дона въ 1869, 1870 и 1872 годахъ, весьма былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы помочь донскому казаку въ его домашней жизни и сдѣлать такъ, чтобы казакъ могъ исправно отбывать воинскую повинность. На Дону въ это время по станицамъ творилось много нехорошаго. Среди степенныхъ, достойныхъ казаковъ, свято чтившихъ старые боевые казачьи обычаи и обряды, гордившихся честнымъ званіемъ казака и бережно хранившихъ войсковой мундиръ, по станицамъ стали появляться пьяницы-пиджачники, промѣнявшіе военную одежду дѣдовъ на нѣмецкій

Императоръ Александръ III.

пиджакъ. Богъ вѣсть откуда, изъ какого трактира или кабака занеслась на Донъ безобразная пѣсня пропившихся фабричныхъ. Стало можно слышать на Дону и «Конфетку», и «Послѣдній нынѣшній денечекъ»— позорную пѣсню о тоскѣ при отправленіи на службу. Между тѣмъ станичныя дѣла, выборы атамановъ, по прежнему, рѣшались всею станицею. И вотъ, эти пиджачники, пропившіе казачье званіе, горланили на сходахъ, пьянствовали и буйствовали. На службу начали являться казаки неряшливо и грязно одѣтые. Стариковъ не слушали. Вмѣсто голосовъ разумныхъ казаковъ, слышались крики толпы. Для того, чтобы можно было въ станицахъ на сходахъ заниматься серьезно дѣлами, а не говорить «пусты рѣчи и слова», въ 1891 году было введено *новое Положеніе объ управленіи станицъ,* которое дѣйствуетъ и по сейчасъ.

Въ станичныхъ сборахъ участвуетъ теперь не вся станица, а *выборные* отъ десяти дворовъ и менѣе по одному. Казаки, не достигшіе 26-лѣтняго возраста, въ станичныхъ сборахъ совсѣмъ не участвуютъ. Въ этомъ Положеніи уже подробно были указаны всѣ права станичныхъ сборовъ.

Въ 1884 году, къ уже бывшимъ въ войскѣ семи округамъ: *Черкасскому, 1-му Донскому, 2-му Донскому, Донецкому, Усть-Медвѣдицкому, Хоперскому* и *Міусскому,* былъ прибавленъ еще *Сальскій округъ,* а въ 1887 году еще добавлены были и *Таганрогскій* и *Ростовскій округа.* Таганрогъ раньше существовалъ совершенно отдѣльно, а Ростовъ былъ городомъ Ростовскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Міусскій округъ и часть Черкасскаго пошли на образованіе этихъ новыхъ округовъ. Такимъ образомъ, войско Донское разбилось на *девять округовъ.*

Послѣ войны число казачьихъ полковъ 1-й очереди было сокращено до 15-ти, а потомъ добавлено еще два полка и установлено содержать *въ мирное время 17 полковъ* и 6 отдѣльныхъ конныхъ сотенъ. Изъ нихъ 9 полковъ входятъ въ составъ кавалерійскихъ дивизій, 2 состоятъ отдѣльно, 4 составляютъ 1-ю донскую казачью дивизію и 2 входятъ въ составъ сводной казачьей дивизіи. Въ 1890 году издано было запрещеніе казакамъ продавать своихъ лошадей при уходѣ со службы. Раньше, при отправленіи смѣнной команды домой казаки распродавали своихъ лошадей. Сразу на конномъ рынкѣ появлялось много продажныхъ лошадей, цѣны на нихъ сбивали и казаки за дешево отдавали своего вѣрнаго боевого товарища, шли домой безъ лошади, и потомъ имъ не на чемъ уже было служить. Донъ бѣднѣлъ лошадьми.

За это время было учреждено много учебныхъ заведеній и школъ по Дону. Для воспитанія дѣтей казачьихъ офицеровъ былъ учрежденъ

въ 1883 году въ Новочеркасскѣ *Донской кадетскій корпусъ*—гордость Донского войска. За 25 лѣтъ своего существованія корпусъ далъ войску Донскому 975 образованныхъ честныхъ тружениковъ на пользу Донского войска. Первымъ директоромъ корпуса былъ генералъ-маіоръ *Илларіонъ Михайловичъ Левачевъ*. Много бывшихъ учениковъ этого корпуса впослѣдствіи приняло съ честью участіе въ Китайской и Японской войнахъ. Многіе получили тамъ раны. Сынъ директора и воспитанникъ Донского корпуса капитанъ Левачевъ заслужилъ и величайшую боевую награду—орденъ св. Георгія Побѣдоносца 4-й степени, а сотникъ Сладковъ и поручики Молодченко и Карповъ нашли славную смерть на поляхъ далекой Маньчжуріи.

Черезъ три года послѣ основанія корпуса, въ 1886 году, были устроены въ Новочеркасскѣ — *военно-ремесленная школа* и *Атаманское техническое училище*.

Въ 1890 году въ С.-Петербургѣ при *Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ* была собрана *сотня юнкеровъ* всѣхъ казачьихъ войскъ. Большую часть ея составили донцы, и, главнымъ образомъ, воспитанники Донского кадетскаго корпуса. Первымъ командиромъ этой казачьей сотни былъ донской офицеръ, войсковой старшина *Дьяковъ*.

Во время царствованія Императора Александра III и въ нынѣшнее царствованіе Государя Императора Николая II Александровича среди донскихъ казаковъ выдѣлилось много способныхъ, талантливыхъ людей, посвятившихъ свои труды на развитіе науки и искусства. Появились донскіе ученые. Среди нихъ видное мѣсто заняли ученые знатоки статистики *), профессоры *Номикосовъ*, *Золотаревъ* и Николай *Красновъ*. Затѣмъ были ученые: профессоръ науки, изучающей горное дѣло, *Мушкетовъ* и землевѣдѣнія—Андрей *Красновъ*, знаменитый докторъ, начальникъ военно-медицинской академіи профессоръ *Пашутинъ* и лейбъ-медикъ *Поповъ*. Многіе донцы прославили свое имя, какъ стихотворцы. Отличные стихи писали о донской старинѣ *Леоновъ* и *Туровѣровъ*, много стиховъ написали — *Себрякова*, *Платонъ Красновъ* и *Сулинъ*; другіе донцы отличились въ музыкѣ: оперы и музыкальныя пьесы, извѣстныя всей Россіи, писалъ Курмоярской станицы казакъ *Сергѣй Траилинъ* (сынъ полковника и офицеръ л.-гв. Казачьяго Его Величества полка); два донскихъ казака, *Власовъ* и *Ершовъ*, извѣстны, какъ отличные оперные пѣвцы. Появились на Дону художники — *Дубовской*. *Николай*

---

*) Статистика—это наука, изучающая жизнь страны путемъ сосчитыванія, что въ ней есть, сколько людей, лошадей, скота, что страна производитъ и чѣмъ торгуетъ, богата она или бѣдна.

Карповъ и *Краснушкина*. Не мало стало и писателей на Дону, и въ числѣ ихъ стали извѣстны *А. А. Карасевъ* и *Николай Красновъ*.

На Дону, вмѣсто одной газеты, издавалось нѣсколько. «Донскія Областныя Вѣдомости» были газетой, издаваемой отъ казны, но, кромѣ нихъ, въ Новочеркасскѣ выходила «Донская Рѣчь», въ Ростовѣ громадный «Пріазовскій Край» и въ Таганрогѣ — «Таганрогскія Вѣдомости», а Ф. К. Траилинъ издавалъ сборники подъ названіемъ «Часовой».

Для изученія Донского края на Дону составился *Статистическій комитетъ войска Донского,* который усердно занялся изученіемъ донской старины и Донского края и началъ выпускать труды свои отдѣльными книжками. Въ Новочеркасскѣ открыли «*Донской музей*», куда стали собирать донскую старину, нѣмыхъ свидѣтелей славы казачьей.

Донскіе казаки стали занимать высокія мѣста въ русскихъ войскахъ: генералы *Кульгачевъ, Дукмасовъ, Леоновъ* и *Хрещатицкій* стояли во главѣ корпусовъ. Въ 1905 году донской казакъ *генералъ Хрещатицкій* былъ назначенъ командующимъ войсками Пріамурскаго военнаго округа, а въ 1908 году послѣдовало назначеніе донского казака генерала *Михѣева*, бывшаго начальникомъ всей артиллеріи Маньчжурскихъ армій во время войны съ Японіей, на должность атамана Терскаго казачьяго войска.

Много донскихъ офицеровъ служило въ Генеральномъ Штабѣ.

За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадали, и донцы не закапывали данныхъ имъ отъ Господа талантовъ, но пріумножали ихъ и радовали своею службой Государей.

Въ маѣ 1887 года войско Донское было осчастливлено посѣщеніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра III Александровича и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ.

5 мая Ихъ Величества прослѣдовали черезъ станцію «Чертково» Юго-Восточной дороги, гдѣ были встрѣчены войсковымъ наказнымъ атаманомъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ. Въ 6 часовъ вечера, въ чудный майскій день, Ихъ Величества прибыли въ Новочеркасскъ. Государь Императоръ, Государь Наслѣдникъ и Великій Князь изволили сѣсть на коней и верхомъ въѣзжать въ Новочеркасскъ, а Императрица изволила ѣхать въ коляскѣ, запряженной четверкою снѣжно-бѣлыхъ лошадей. Въ началѣ бульвара была устроена громадная арка, украшенная Государственнымъ гербомъ и гербомъ войска Донского. Эти гербы были окружены оружіемъ, шашками, пиками и ружьями. На аркѣ были сдѣ-

лапы надписи: «Да хранитъ Тебя Господь. Великій Государь!» «На славу Царства и въ страхъ врагамъ».—«Новочеркасская 1-я станица» и «Новочеркасская 2-я станица».

Здѣсь ожидали Государя старослужилые казаки, станичные атаманы и воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній. У собора Государь Императоръ сошелъ съ коня, и встрѣченный митрополитомъ Кіевскимъ Платономъ, бывшимъ раньше въ Новочеркасскѣ, и архіепископомъ донскимъ Митрофаномъ, прошелъ въ соборъ, гдѣ было совершено молебствіе.

Ихъ Величества изволили остановиться въ атаманскомъ домѣ.

6 мая состоялся войсковой кругъ. На кругу, въ присутствіи Ихъ Величествъ, прочитана была вновь пожалованная войску Донскому грамота. По окончаніи чтенія ея Государь Императоръ повторилъ слова своей грамоты и вручилъ Наслѣднику Цесаревичу перначъ, знакъ достоинства атамана всѣхъ казачьихъ войскъ. Послѣ этого торжества Ихъ Величества отбыли во дворецъ. Подлѣ дворца, на площадкѣ былъ накрытъ завтракъ для всѣхъ станичныхъ атамановъ, стариковъ казаковъ и волостныхъ старшинъ. Его Величество, взявъ чарку, провозгласилъ здоровье Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ. Оглушительное, восторженное «ура!» загремѣло въ отвѣтъ. Государь обошелъ казаковъ и милостиво бе-

Войсковой кругъ въ Новочеркасскѣ.

слѣдовалъ со многими георгіевскими кавалерами и старослужилыми донцами. Среди нихъ былъ казакъ 1812 года, получившій георгіевскій крестъ въ Турецкую войну 1828 года.

Въ 2 часа дня, послѣ завтрака, Ихъ Величества изволили присутствовать на закладкѣ зданія для Маріинскаго донского института благородныхъ дѣвицъ, а потомъ посѣтили Маріинскую женскую и Новочеркасскую мужскую гимназіи и Новочеркасскую военно-ремесленную школу. Здѣсь преподаватели шорнаго и сѣдельнаго мастерства, урядники Устиновъ и Улиткинъ, поднесли Его Величеству и Наслѣднику Цесаревичу—Устиновъ—два охотничьихъ сѣдла, а Улиткинъ двѣ прекрасныхъ щеглы изъ лучшаго донского луганскаго карапча безъ всякихъ склеекъ, вѣсомъ по 3 фунта каждая.

На другой день, 7 мая, у Краснокутской рощи противъ кадетскаго корпуса происходилъ Высочайшій смотръ казачьимъ частямъ. На смотру Государю представлялись: юнкерское училище, 12-й донской казачій полкъ, полкъ малолѣтокъ, еще не отбывавшій службы, два полка мальчиковъ подростковъ отъ 12 до 14-ти лѣтъ и одна льготная батарея.

Молодцами представлялись Государю казаки, но особенно молодцеваты были мальчики донцы. Матери-казачки вышили своимъ сыновьямъ знамя изъ голубой шелковой матеріи. Лихо прошли дѣти мимо Государя. Государь благодарилъ ихъ. Лихіе казаки хотѣли показать и джигитовку, но Государыня Императрица не пожелала подвергать дѣтей опасности разбиться, и джигитовка была оставлена. Съ пѣснями, сотня за сотней, разошлись мальчики съ парада.

Послѣ парада Государь Императоръ посѣтилъ калмыцкій хурулъ, а потомъ проѣхалъ въ Донской кадетскій корпусъ, въ домъ торговыхъ казаковъ, въ Новочеркасское юнкерское училище, Маріинскій институтъ, Новочеркасскую учительскую семинарію и Донскую духовную семинарію.

Послѣ завтрака, на который были удостоены приглашенія всѣ офицеры, бывшіе на парадѣ, Его Величество удостоилъ многихъ изъ офицеровъ разговоромъ. Государь разспрашивалъ войсковыхъ старшинъ, командовавшихъ полками мальчиковъ, Ѳ. Ѳ. Абрамова и В. П. Нефедова, когда и гдѣ успѣваютъ мальчики изучать ѣзду и научиться строю.

— Лихо ѣздить на конѣ казачьи дѣти учатся съ самаго ранняго возраста, верхомъ на камышинкахъ,—сказалъ генералъ-маіоръ Поляковъ.

— У каждаго изъ нихъ дѣды, отцы и братья домашніе инструкторы,—добавилъ Ѳ. Ѳ. Абрамовъ.

Государь изволилъ выразить свое удовольствіе, что ѣзда и строй не падаютъ въ казачьихъ семьяхъ, и сказалъ, что Государыня была тронута видомъ мальчиковъ до слезъ.

Всѣмъ мальчикамъ, участвовавшимъ на Высочайшемъ смотру, пожаловано по серебряному рублю, съ изображеніемъ Его Величества, чеканки 1886 года. Эти рубли отцы и дѣти ихъ приняли и хранили, какъ святыню.

7 мая вечеромъ Ихъ Величества отбыли изъ Новочеркасска. Дулъ сильный вѣтеръ и гналъ пыль. Но это не остановило ни жителей, ни институтокъ, ни дѣтей проводить дорогихъ гостей до самаго вагона.

Больше не пришлось донскимъ казакамъ увидать у себя въ гостяхъ Государя Императора Александра III. Въ 1894 году Государь Императоръ скончался въ Ливадіи, въ Крыму, и на престолъ вступилъ Государь Императоръ Николай II Александровичъ.

Въ 1896 году, 19 іюля, городъ Азовъ торжественно отпраздновалъ 200-лѣтіе взятія его отъ турокъ войсками Петра Великаго при участіи донскихъ казаковъ, бывшихъ подъ начальствомъ своего атамана Фрола Минаева *).

Въ слѣдующемъ, 1897 году, маленькой горсти донскихъ казаковъ пришлось побывать и служить на охранѣ нашего посольства въ странѣ, гдѣ еще ни разу донскіе казаки не бывали, -въ царствѣ Абиссинскаго царя—негуса Менелика, въ Африкѣ. Первоначально въ конвоѣ при посольствѣ было 17 казаковъ при одномъ офицерѣ, 14 отъ гвардейскихъ казачьихъ полковъ и батареи и 3 отъ л.-гв. Уральской сотни. Потомъ эту службу начали нести донскіе казаки донского казачьяго № 8 полка. Въ 1898 году казаки л.-гв. Атаманскаго полка *Архиповъ* и л.-гв. 6-й донской Его Величества батареи *Щедровъ* сопровождали генеральнаго штаба полковника Артамонова въ трудномъ путешествіи къ рѣкѣ Нилу. Они шли вмѣстѣ съ абиссинскими войсками и храбростью и неутомимостью своею обратили на себя вниманіе отчаянно храбрыхъ абиссинцевъ.

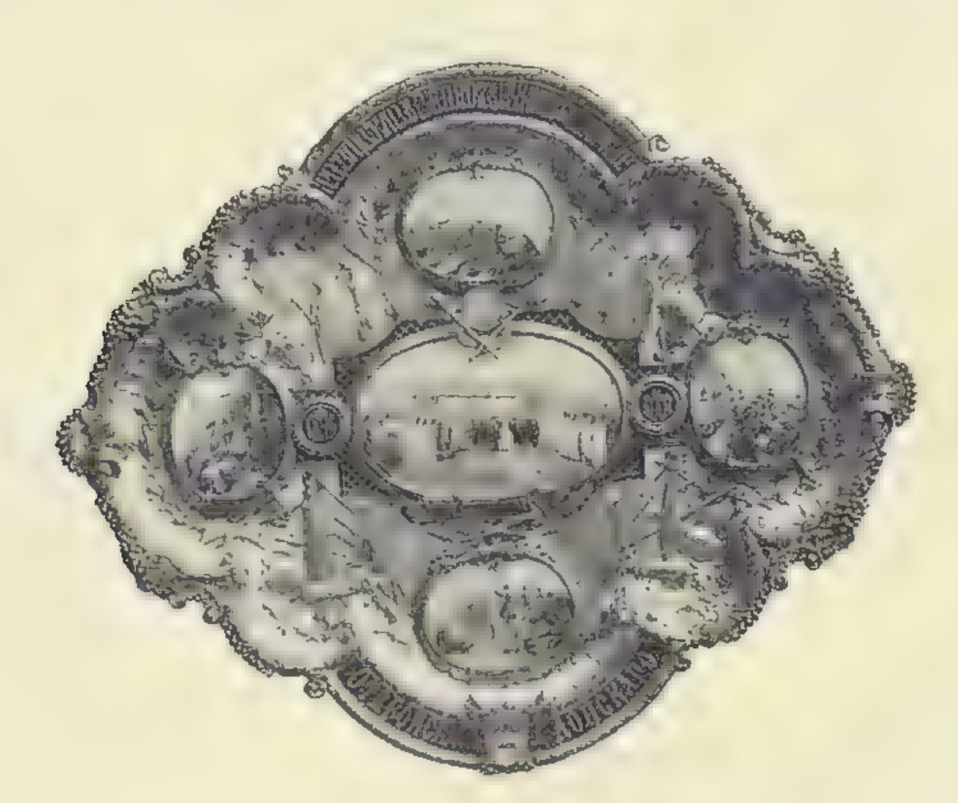
Между тѣмъ народонаселеніе войска Донского сильно увеличивалось. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ явилась земельная тѣснота. Понадобилась другая обработка земли, больше труда нужно стало вкладывать въ землю, чтобы получить тотъ же доходъ. Не всѣ казаки умѣли трудиться... Разъ или два хватилъ по войску неурожай, появился голодъ. Этого раньше никогда не бывало на Дону. Казаки получали вспомоществованіе... Эти несчастья отозвались на всемъ хозяйствѣ казаковъ. Все меньше и меньше становилось у казаковъ доморощенныхъ славныхъ коней, которыми спра-

*) См. стр. 136—143.

ведливо гордились ихъ отцы и дѣды. При выходѣ на службу казаки стали покупать лошадей. Цѣны на нихъ росли, и казакамъ тяжело стало собираться на службу.

Государь Императоръ, въ непрерывныхъ заботахъ своихъ о донскихъ казакахъ, два раза посылалъ своихъ генераловъ узнавать нужды казаковъ. Сначала объѣхалъ войско Донское генералъ-лейтенантъ *Маслаковецъ*, потомъ, въ 1900 году, проѣхалъ по войску тогдашній военный министръ генералъ *Куропаткинъ*. По ихъ докладу Государь повелѣть соизволилъ выдавать казакамъ при снаряженіи на службу 100 рублей въ пособіе *на покупку лошади*.

Однако, и среди мирныхъ заботъ и трудовъ воинскій духъ казаковъ не ослабѣвалъ и не падалъ. Когда на охрану желѣзной дороги, которую мы проводили черезъ Маньчжурію отъ границы Забайкальскаго казачьяго войска до городовъ Владивостока и Портъ-Артура, черезъ китайскую землю Маньчжурію, понадобились опытные и смѣлые солдаты, которые могли бы жить въ чужой сторонѣ среди постоянной опасности— много удалыхъ донцовъ поступило въ сотни охранной стражи Китайской-Восточной желѣзной дороги. Во время войны съ Китаемъ, въ 1900 году, эти сотни дѣйствовали съ отчаянной храбростью и поддержали честное имя донского казака. Донскія сотни считались одними изъ лучшихъ въ смѣломъ передовомъ отрядѣ охранной стражи.

Блюдо, на которомъ поднесена была хлѣбъ-соль отъ войска Донского Государю Императору Николаю Александровичу 14 мая 1896 года, въ день коронаціи.

Смотръ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ 4-й донской дивизіи, отправляемой на Дальній Востокъ 16 августа 1904 года.

74. Участіе донцовъ въ русско-японской войнѣ. Лидіантунь. Набѣгъ на Инкоо. Сандепу.

1904—1905 гг.

Въ 1850 году, въ царствованіе императора Николая I Павловича, русскіе корабли прошли къ устьямъ рѣки Амура, протекающей на далекомъ востокѣ, развѣдали, что Сахалинъ островъ, а не полуостровъ, какъ думали до той поры, открыли богатый лѣсной край на рѣкѣ Уссури и, на берегу Великаго океана, въ удобномъ для стоянки кораблей мѣстѣ заложили городъ, который назвали Владивостокомъ, т. е. «владѣй востокомъ». Когда донесли объ этомъ императору Николаю Павловичу, онъ сказалъ:—«гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ — онъ никогда не долженъ опускаться». Переговорили съ китайцами, нашими сосѣдями на Дальнемъ Востокѣ; они признали наше пріобрѣтеніе, и новый край началъ заселяться. Образовали новыя казачьи войска—Амурское изъ забайкальскихъ казаковъ и крестьянъ, а въ сравнительно недавнее время стали заселять и рѣку Уссури и образовали Уссурійское казачье войско. На образованіе этого войска съ 1895 года по 1901 годъ было переселено изъ области войска Донского 338 семей, составившихъ главное основаніе Уссурійскому войску. Такимъ образомъ *уссурійскіе казаки* являются намъ, донцамъ, единокровными братьями. На нихъ долю вскорѣ

пришлось вынести двѣ тяжелыя войны съ китайцами въ 1900 году и съ японцами въ 1904—1905 годахъ.

Въ тѣ времена, когда русскіе занимали устья рѣки Амура и строили городъ Владивостокъ — японцы, жившіе на островахъ въ разстояніи двухъ дней пути моремъ на пароходѣ, были полудикимъ народомъ, очень напоминавшимъ китайцевъ. Трудолюбивые, способные, отличные земледѣльцы и рыбаки, — они жили замкнуто, никого изъ иностранцевъ не пускали внутрь страны, и ни мы, ни другіе европейскіе народы ничего не знали про Японію и считали ее слабымъ, незначительнымъ государствомъ. Но вотъ, незадолго до того времени, когда мы вели войну съ турками 1877 года, японцы широко распахнули двери своей страны, стали приглашать къ себѣ учителей—нѣмцевъ, англичанъ и американцевъ, устроили свое войско по европейскому образцу, не жалѣя денегъ, строили военные корабли, ружейные и пушечные заводы, учили своихъ дѣтей любви къ родинѣ, внушали имъ, что нѣтъ ничего выше и лучше, какъ смерть на полѣ битвы за отечество; главное вниманіе, наибольшія средства отпускали на войско, на солдатъ. Въ 1895 году они начали войну съ китайцами. Они хотѣли отвоевать у китайцевъ земли на Азіатскомъ материкѣ, укрѣпиться въ Маньчжуріи. Японцы разбили китайцевъ на рѣкѣ Ялу, побѣдоносно прошли къ Хайчену и Ляояну, захватили всю южную Маньчжурію, истребили китайскіе корабли, грозили захватить самую столицу Китая — Пекинъ. Въ такія тяжелыя минуты китайцы обратились за помощью къ своему старому сосѣду, съ которымъ они жили болѣе двухсотъ лѣтъ въ мирѣ,—къ Россіи. По миру, который заключили японцы съ Китаемъ, они не получили ни клочка земли въ Азіи. Ихъ побѣдоносное войско должно было уйти изъ Маньчжуріи не солоно хлебавши, русскіе же, за помощь Китаю, во время переговоровъ получили маленькій кусокъ земли на самой окраинѣ Дальняго Востока, на Квантунскомъ полуостровѣ, съ крѣпостью Портъ-Артуромъ.

Этого японцы не могли простить русскимъ. Съ этого времени они возненавидѣли русскихъ, усиленно начали готовиться къ войнѣ и къ мести. «Какая самая высшая доблесть? — убить русскаго, убить десять русскихъ!» —такъ учили маленькихъ дѣтей въ японскихъ школахъ, такъ пѣли имъ матери. «Смерть за императора — величайшее счастье для японца», — говорили имъ ихъ няни, ихъ учителя, пѣли ихъ дѣвушки. Они воспитывали суровыхъ воиновъ, не боявшихся ни смерти, ни ранъ, ни увѣчій. Десять лѣтъ готовились они къ войнѣ. Они посылали своихъ лазутчиковъ и шпіоновъ по всей Россіи. Въ городахъ Дальняго Востока, во Владивостокѣ, Портъ-Артурѣ, занятомъ русскими войсками китайскомъ

городѣ Гиринѣ, въ Харбинѣ, Благовѣщенскѣ и Хабаровскѣ, вездѣ были японцы. Фотографы, прачки, мелкіе торговцы, портные, продавцы офицерскихъ вещей — все были японцы, и среди нихъ много переодѣтыхъ японскихъ офицеровъ. Японскіе офицеры ѣздили въ Москву, въ Петербургъ, были на Дону. Они все высматривали и ждали удобнаго времени, чтобы напасть на насъ.

Въ Россіи какъ-то не вѣрили, что маленькая Японія осмѣлится напасть на великую Россію, и занимались мирными дѣлами. Мы заканчивали великій Сибирскій путь, на протяженіи 10 тысячъ верстъ, отъ Москвы до Портъ-Артура, долженствовавшій связать Россію съ государствами Дальняго Востока и Америкой, мы устраивали промышленныя предпріятія, занимаясь разработкою лѣсныхъ богатствъ по рѣкѣ Ялу въ граничащей съ нами странѣ Кореѣ.

Японцы потребовали, чтобы мы убрали свои войска изъ Кореи и изъ Маньчжуріи. Мы не исполнили ихъ требованія. Они потребовали настойчиво,—мы опять имъ не отвѣтили.

И вотъ, 27 января 1904 года, безъ предварительнаго объявленія войны, какъ это принято во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, въ то время, когда японскіе офицеры, жившіе въ Петербургѣ, и вида не показывали, что война началась, — японцы тайно, ночью, напали на наши корабли, стоявшіе въ морѣ у Портъ-Артура, и повредили нѣкоторые изъ нихъ своими минами.

Война началась.

Велико было возмущеніе всего русскаго народа передъ такимъ коварнымъ и подлымъ поступкомъ. По всѣмъ городамъ пошли собираться люди, пѣли торжественный русскій гимнъ и добровольцы стремились на войну, на Дальній Востокъ. Были такіе и съ Дона. Много донскихъ казаковъ пошло тогда въ Забайкальскую дивизію генерала Мищенко, многіе донскіе офицеры просили о переводѣ на Дальній Востокъ въ полки сибирскіе, забайкальскіе и уссурійскій. Однимъ изъ наиболѣе отличавшихся въ эту войну забайкальскихъ казачьихъ полковъ — 1-мъ Читинскимъ полкомъ, командовалъ донецъ, полковникъ Георгій Андреевичъ Павловъ, бывшій раньше командиромъ сотни юнкеровъ Новочеркасскаго училища.

Для насъ война была очень тяжка. На Дальнемъ Востокѣ войскъ почти не было, укрѣпленія Портъ-Артура еще не были закончены, всѣ боевые припасы, продовольствіе, людей и лошадей мы должны были везти по одноколейному пути, на протяженіи 10.000 верстъ. Наши полки по сорока дней были въ дорогѣ, прежде чѣмъ достигали китай-

скаго городка Ляояна, гдѣ собиралась наша армія. Командовать этою арміею былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ.

Японцамъ для подвоза войскъ и припасовъ нужно было всего два дня пути. Скоро они начали высаживать громадную армію въ Кореѣ; другая армія высаживалась у Портъ-Артура, и третья, высадившись вмѣстѣ со второю, шла съ юга. Россія безостановочно посылала войска, готовясь задержать противника и не допустить его овладѣть желѣзной дорогой. Вся война велась на китайской землѣ въ Маньчжуріи. Первые выстрѣлы, раздавшіеся по японскимъ сухопутнымъ войскамъ, были сдѣланы изъ казачьяго ружья. Забайкальцы и уссурійцы подъ начальствомъ генерала Мищенки встрѣтили японцевъ въ Кореѣ. Вслѣдъ за забайкальскими казаками шли на Дальній Востокъ сибирскіе казаки, выставившіе дивизію, бывшую впослѣдствіи подъ начальствомъ генералъ - лейтенанта *Александра Васильевича Самсонова*; за сибиряками пришли на войну оренбуржцы, потомъ уральцы...

Войсковой наказный атаманъ войска Донского, Генералъ - отъ - кавалеріи Константинъ Клавдіевичъ Максимовичъ. 1899—1905 г.

Наконецъ, Государю Императору угодно было выслушать *желаніе* донцовъ пролить кровь за славу *Россіи*, не остаться безъ участія и въ этой войнѣ. Войску Донскому повелѣно было выставить въ Маньчжурскую армію одну дивизію изъ полковъ второй очереди.

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихій Донъ,
И послушно отозвался
На призывъ Монарха онъ...

Станицы: Верхне-Каргальская, Романовская, Кумшацкая, Цымлянская, Терновская, Филипповская, Баклановская, Чертковская, Нижне-Курмоярская, Иловайская и Кутейниковская выставили *19-й донской казачій полкъ*, подъ начальствомъ войскового старшины *Пагомова*.

Станицы: Грушевская, Кривянская, Новочеркасская, Аксайская, Александровская, Ольгинская, Гниловская, Хомутовская, Кагальницкая, Мечетинская и Владимірская составили *24-й донской казачій полкъ*, подъ начальствомъ войскового старшины *Попова*.

Станицы: Раздорская на Дону, Кочетовская, Нижне-Кундрюцкая, Екатерининская, Усть-Быстрянская и Великокняжеская дали *25-й донской казачій полкъ*, подъ начальствомъ полковника *Медвѣдева*.

Станицы: Семикаракорская, Золотовская, Константиновская, Богоявленская, Николаевская, Маріинская, Камышевская, Ермаковская, Денисовская и Платовская составили *26-й донской казачій полкъ*, подъ начальствомъ войскового старшины *Багаева*.

Къ этой—4-й Донской казачьей дивизіи были назначены 2-я и 3-я донскія казачьи батареи, подъ начальствомъ полковника *Кузнецова*, находившіяся подъ городомъ Чугуевомъ.

Дивизіей командовалъ генералъ-лейтенантъ *Телешовъ*, бригадами— генералъ-маіоры *Стояновъ* и *Абрамовъ*.

Спѣшно и радостно собирались казаки на войну. Какъ встарину, во времена набѣговъ и боевыхъ поисковъ, богатые казаки помогали бѣднымъ, снабжали ихъ одеждою и оружіемъ, такъ и теперь всякій стремился помочь казакамъ, идущимъ въ походъ. Донскіе коннозаводчики подарили неимущимъ казакамъ лошадей, по 60 на полкъ, всякій жертвовалъ кто чѣмъ могъ, и дивизія снарядилась на славу.

Вскорѣ по Дону пронеслась радостная вѣсть: Государь Императоръ изволитъ пожаловать на Тихій Донъ проводить молодцовъ станичниковъ.

16-го августа 1904 года войско Донское было осчастливлено царскою милостью: на Донъ прибылъ Его Императорское Величество Государь Императоръ, встрѣченный войсковымъ наказнымъ атаманомъ генералъ-адъютантомъ Константиномъ Клавдіевичемъ Максимовичемъ. Въ 10 часовъ утра 16 августа къ желѣзнодорожной площадкѣ, построенной у артиллерійскаго лагеря донской артиллеріи у Персіяновки, подошелъ императорскій поѣздъ. Государь Императоръ съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Михаиломъ Александровичемъ и Николаемъ Николаевичемъ по выходѣ изъ вагона изволилъ подойти къ представителямъ войска Донского и депутаціямъ, выстроившимся на площадкѣ. Принявъ хлѣбъ-соль отъ представителей Донского войска, донского дворянства и торговаго общества, Государь Императоръ изволилъ сѣсть на донского коня и поѣхалъ къ фронту дивизіи. Войска были построены въ двѣ линіи. Въ первой стояли 19-й, 24-й и 25-й полки, во второй — 26-й полкъ, 3-й артиллерійскій дивизіонъ и сапи-

тарный отрядъ Краснаго Креста, составленный на добровольныя пожертвованія войска Донского.

Сзади нихъ стояли кадеты Донского Императора Александра III кадетскаго корпуса и воспитанники Новочеркасскихъ гимназій и реальнаго училища.

Объѣхавъ войска и толпу народа, состоявшую изъ станичныхъ и хуторскихъ атамановъ, казаковъ и казачекъ, Государь Императоръ изволилъ остановиться у полотна желѣзной дороги противъ лагерной церкви и здѣсь пропустилъ мимо себя казаковъ шагомъ и рысью. Послѣ церемоніальнаго марша Государь Императоръ изволилъ вызвать впередъ офицеровъ и обратился къ нимъ съ высокомилостивыми напутственными словами, въ которыхъ изволилъ высказать, что во всѣхъ войнахъ, какія вело наше отечество, донскіе казаки принимали дѣятельное участіе, почему, чтобы и теперь дать возможность участвовать въ настоящей тяжелой войнѣ, Его Величество повелѣлъ призвать одну изъ льготныхъ дивизій. Выразивъ затѣмъ свое удовольствіе, что войско Донское такъ охотно откликнулось на призывъ Его Величества и что сборъ дивизіи совершился съ такою быстротою и тщательностью, Государь Императоръ высказалъ увѣренность, что отправляемая на Дальній Востокъ дивизія и нынѣ поддержитъ старую боевую славу донскихъ казаковъ. Затѣмъ Его Величество благодарилъ казаковъ за прежнюю службу и пожелалъ возвратиться цѣлыми и невредимыми на родину.

Послѣ этого Государь Императоръ изволилъ подъѣзжать къ каждому полку и батареѣ и, останавливаясь у полковыхъ знаменъ, благословлялъ полки и батареи св. иконами Нерукотвореннаго Спаса и св. Николая Чудотворца отъ имени Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и своего.

Послѣ благословенія святыми иконами и передачи ихъ командирамъ полковъ и батарей, Его Величество еще разъ объѣхалъ шагомъ всѣ части дивизіи и въ милостивыхъ словахъ напутствовалъ ихъ въ походъ. Послѣ этого Государь Императоръ направился вдоль фронта санитарнаго отряда Краснаго Креста, кадетъ кадетскаго корпуса, воспитанниковъ гимназій и реальнаго училища. Затѣмъ Его Величество изволилъ возвратиться къ площадкѣ, сошелъ съ коня и, простившись съ представителями войска Донского и народомъ, вошелъ въ вагонъ императорскаго поѣзда. Поѣздъ медленно тронулся въ путь. Кругомъ по степи звучало громкое, несмолкаемое ура. Сотни казаковъ неслись вдоль желѣзной дороги, то обгоняя поѣздъ, то отставая отъ него. Одиночные казаки лихо джигитовали вдоль пути... Но вотъ поѣздъ наддалъ хода, наддали хода и казаки. Съ лихою джигитовкою казаки 5-й от-

дѣльной сотни и близъ-лежащихъ станицъ провожали царскій поѣздъ до самой станціи Звѣрево...

На другой день послѣ царскаго смотра началась посадка казаковъ на поѣзда и отправленіе ихъ на Дальній Востокъ. Первымъ, 17-го августа, тронулся санитарный отрядъ войска Донского.

Весь длинный путь до Мукдена въ полкахъ и въ дорогѣ, и на остановкахъ шли занятія. На остановкахъ занимались прикладкой-стрѣльбою; учились рубкѣ на прутьяхъ въ лѣсахъ сибирской тайги, въ вагонахъ проходили уставъ полевой службы, говорили о войнѣ и о японцахъ...

Смотръ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ 4-й донской казачьей дивизіи 16 августа 1904 года.

Въ тѣ самые августовскіе дни 1904 года, когда Государь Императоръ изволилъ смотрѣть полки донской дивизіи въ Персіяновкѣ—на Дальнемъ Востокѣ началось рѣшительное сраженіе между арміями генерала Куропаткина и японскими арміями маршала Оямы. 17-го, 18-го и 19-го августа наши войска отбили подъ Ляояномъ страшныя стремительныя атаки японцевъ. До 15-ти тысячъ убитыхъ было потеряно нашими войсками, но они не поколебались. 20-го августа началъ обнаруживаться обходъ нашего лѣваго фланга японской арміей генерала Куроки, и генералъ Куропаткинъ приказалъ отступать отъ Ляояна.

Въ полномъ порядкѣ, прикрываемые сибирскими казаками, отчаянно дравшимися подъ командою генерала Самсонова у Янтайскихъ копей и не допускавшими японцевъ до нашихъ войскъ, ушли наши полки къ городу Мукдену и здѣсь остановились на рѣкѣ Шахе.

Мѣсяцъ оправлялась японская армія, и мѣсяцъ оправлялись и мы. Сибирскіе казаки генерала Самсонова и забайкальцы генерала Ренненкампфа заглядывали далеко въ тылъ японцамъ. Генералъ Куропаткинъ готовился къ наступленію.

Въ это время полки донской дивизіи начали подходить къ Мукдену. Какой блестящій видъ имѣли донцы! На чудныхъ рослыхъ лошадяхъ, прекрасно одѣтые, молодецъ къ молодцу,—они однимъ своимъ появленіемъ обрадовали войска.—«Это наша гвардія», — говорили въ Маньчжурской арміи.—«Какіе молодцы!»

Въ концѣ сентября наша армія столкнулась съ японской, и десять дней, почти безъ перерыва, шелъ страшный бой на рѣкѣ Шахе. Ни та, ни другая сторона не могла осилить. Количество убитыхъ и раненыхъ дошло до 50-ти тысячъ. Никогда и нигдѣ еще не было такого упорнаго боя. Люди изнемогали отъ усталости, винтовки раскалялись отъ непрерывной стрѣльбы; японцы по пяти разъ подъ-рядъ кидались въ атаки на наши окопы, усыпали осеннія желтыя поля тѣлами убитыхъ, и не могли сломить упорства нашихъ солдатъ. Наконецъ, усталость начала брать свое. Не хватило снарядовъ, и знаменитый бой на рѣкѣ Шахе окончился въ ничью. Мы остались на своихъ позиціяхъ, японцы на своихъ. Длинной линіей протянулись наши окопы и заняли почти 100 верстъ отъ крайняго лѣваго до крайняго праваго фланга. Охрана праваго фланга была поручена оренбургскимъ и донскимъ казакамъ. Наша дивизія стала въ 30 верстахъ къ юго-западу отъ Мукдена, имѣя свой штабъ въ деревнѣ Тачжуанхе.

Страстнымъ желаніемъ горѣли донцы поскорѣе помѣряться силами съ желтолицымъ врагомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приглядывались они и къ тому, что дѣлается кругомъ.

Чужими были китайскія деревни, гдѣ дома были особаго устройства и назывались *фанзами,* гдѣ люди спали на теплыхъ полатяхъ, называемыхъ *канами,* гдѣ окна были изъ бумаги. Надвигалась зима, а снѣга не было и днемъ на солнцѣ было тепло...

17 октября, въ день чудеснаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ отъ грозившей имъ опасности при крушеніи поѣзда и въ день войскового праздника войска Донского, донцы имѣли и первое столкновеніе съ японцами.

Въ этотъ день донской казачьей дивизіи, въ составѣ 19-го, 20-го и

25-го полковъ и 3-го артиллерійскаго дивизіона, было приказано усилить развѣдки и безпокоить противника на его лѣвомъ флангѣ. Рано утромъ донскія сотни собрались у деревни Сюлюбтай и отсюда двинулись на деревни Ямандапу, Фудядуанзу и Лидіантунь.

Впервые познакомились донскіе казаки съ новыми условіями боя. Тяжелы были эти условія. Непріятеля нигдѣ не было видно. Онъ искусно прятался за бугорками полей, въ деревняхъ за стѣнками огорожей... и только показывались казаки, уже свистали и пѣли пули дальнобойныхъ винтовокъ и гдѣ-то далеко, далеко отрывисто и рѣзко щелкали выстрѣлы. Напрасно зоркій глазъ донца впивался въ разстилавшуюся передъ нимъ мѣстность—врага не было видно нигдѣ. Онъ ловко скрывался. И лишь въ бинокль можно было видѣть, какъ мелкими черными точками прокрадывались японцы среди копенъ громаднаго гаоляна *). Развѣдку можно было сдѣлать только кровавымъ боемъ.

19-й казачій полкъ пошелъ впередъ. Три сотни его спѣшились, и казаки, согнувшись, съ винтовками на-перевѣсъ, вошли въ поля гаоляна и черными точками разсѣялись по равнинѣ. Въ образцовомъ порядкѣ, дѣлая перебѣжки, наступали донскія сотни на деревню Фудядуанзу. Японцы не выдержали мѣткой стрѣльбы казаковъ и начали отступать. Казаки вошли въ деревню. Здѣсь все носило слѣды боя и отступленія. Бинокль валялся на дорогѣ, двѣ пары сапоговъ со шпорами остались увязшія въ болотѣ, были брошены нарѣзанныя солдатскія мясныя порціи:—видно, уходили поспѣшно.

На развѣдку лежащей за деревнею Фудядуанзою деревни Лидіантуни были вызваны изъ сотенъ охотники, и съ ними пошелъ хорунжій Полковниковъ. Охотники ловко прокрались къ самой деревнѣ и увидали, что она быстро занимается японцами. Одинъ изъ охотниковъ, казакъ Февралевъ, забрался въ самую деревню и высмотрѣлъ, что тамъ уже было два орудія, да шесть орудій еще подвозили.

Наши пушки стали обстрѣливать шрапнелями деревню Лидіантунь, и японцы начали отступать и изъ нея. Въ это время 3-я сотня 19-го донского казачьяго полка была послана заглянуть, что дѣлается сзади Лидіантуни. Въ сотнѣ было три взвода, и кромѣ командира ея, есаула Косоротова, офицеровъ не было. Одинъ взводъ этой сотни былъ при офицерѣ на заставѣ, а другой офицеръ ушелъ въ разъѣздъ.

Тихо склонивши пики на бедро, разсыпалась по густому гаоляну сотня есаула Косоротова. Укрытая высокими стеблями, она незамѣтно

---

*) Гаолянъ на Дону называется Сарацинскимъ пшеномъ. Это высокоствольное хлѣбное растеніе, видомъ напоминающее кукурузу, но съ зерномъ, растущимъ метелкой. Китайцы сѣютъ почти исключительно только гаолянъ.

подавалась впередъ—и вдругъ казаки увидали деревню и на окраинѣ ея два орудія, стоявшія, какъ казалось, совершенно безъ прикрытія. До орудій было не больше 400 шаговъ.

Есаулъ Косоротовъ, немолодой уже человѣкъ, спокойный и серьезный, сразу понялъ, что времени терять нельзя. Онъ ударилъ нагайкой своего маштака и съ крикомъ «на батарею» вылетѣлъ впередъ. Стремительно помчалась за нимъ сотня. Ничто не могло удержать донцовъ. Ошеломленные японцы перестали стрѣлять и въ страхѣ смотрѣли на дерзкую атаку донскихъ казаковъ. Но вотъ загремѣла артиллерія, полетѣли картечь и шрапнели, завизжали пули... но бѣшено мчались впередъ казаки. Передъ батареею показались окопы,—легко и быстро перепрыгнули черезъ нихъ казачьи кони—уже близка батарея! Пушки перестали стрѣлять, испуганная прислуга начала вытягивать затворы, къ орудіямъ подъѣзжали передки. Но не судилъ, видно, Богъ даровать казакамъ въ ихъ войсковой праздникъ блестящую побѣду. Упалъ, сраженный пулею, вѣрный конь подъ есауломъ Косоротовымъ. Казакъ Власовъ подвелъ ему свою лошадь, но едва командиръ сотни сѣлъ на нее, какъ и этотъ конь былъ убитъ, а самъ Косоротовъ раненъ въ обѣ ноги. Казакъ Власовъ взялъ его подъ-руки и ввелъ въ гаолянъ; къ нему подъѣхалъ

Въ бою.

бывшій въ разъѣздѣ казакъ Ашнинъ и вывезъ его изъ боя. Потерявшая своего командира лава неслась еще нѣсколько секундъ на деревню, руководимая вахмистромъ. Но послѣдній выстрѣлъ изъ орудія ранилъ и вахмистра... Въ то же время лѣво-фланговый взводъ запутался въ проволочной сѣти. Лава пріостановилась. Замялись казаки. Кто-то крикнулъ— «назадъ! тутъ проволока!»

И вотъ—остановились... Остановились въ ста шагахъ отъ уже брошенныхъ японцами орудій... и вотъ—повернули.

Разбѣжавшіеся отъ орудій японцы вернулись, пѣхота снова залегла въ цѣпи и вслѣдъ уходящимъ казакамъ застучали японскіе выстрѣлы. Лихая атака донцовъ была отбита. Все больше и больше поле стало покрываться пѣшими, медленно идущими ранеными казаками и тѣлами убитыхъ людей и лошадей. 32 казака было ранено и 15 осталось на проволокѣ, неизвѣстно, убитыхъ или раненыхъ. Лошадей было ранено 37, убито 33.

Но славна была эта атака! Она показала донцамъ, что ни скорострѣльныя ружья, ни пушки не могутъ остановить бѣшено несущейся на врага конной атаки казачьей. И взяли бы казаки японскія пушки, если бы не были ранены ихъ командиръ и вахмистръ. Оставшись безъ начальниковъ, казаки смутились и ихъ лихая атака была отбита. Но свое дѣло они, эти казаки, сдѣлали. Они доказали всему свѣту, что конная атака и теперь возможна на артиллерію, что бодрый духъ ихъ отцовъ и дѣдовъ живетъ въ нихъ.

Между тѣмъ, спѣшенныя сотни 24-го донского казачьяго полка продвинулись къ деревнѣ Цинзятунь, расположеніе японцевъ было раскрыто и генералъ Телешовъ приказалъ отходить въ мѣста своего расположенія у деревни Та-чжуан-хе.

Наступила безснѣжная, холодная маньчжурская зима. Донскіе казаки были растянуты по позиціи и наряду съ пѣхотою несли тяжелую и утомительную сторожевую службу. Среди нихъ было много удальцовъ, любителей пойти на развѣдку непріятельскаго расположенія, выслѣдить японцевъ и забрать плѣнныхъ. Особенно отличался въ такихъ походахъ «подъ японца» приказный 19-го донского казачьяго полка Ананьевъ, Чертковской станицы. Ненавидѣлъ онъ японцевъ. Бывало, какъ заговоритъ о нихъ, такъ даже затрясется весь. Разъ какъ-то пошелъ онъ охотникомъ на развѣдку вмѣстѣ съ казакомъ Фроловымъ. Ночью подошли шаговъ на триста къ японской цѣпи и поползли потомъ ближе.

— Ползу,—разсказывалъ Ананьевъ объ этой развѣдкѣ,—а ихъ никого нѣтъ. «Ну,—думаю,—не судьба мнѣ, видно; этотъ день ничего не сдѣлаю». А деревня ихъ близко. Уже слышно, какъ гомонятъ они. Залегли мы въ гаолянѣ и смотримъ. И вдругъ Господь послалъ: на ки-

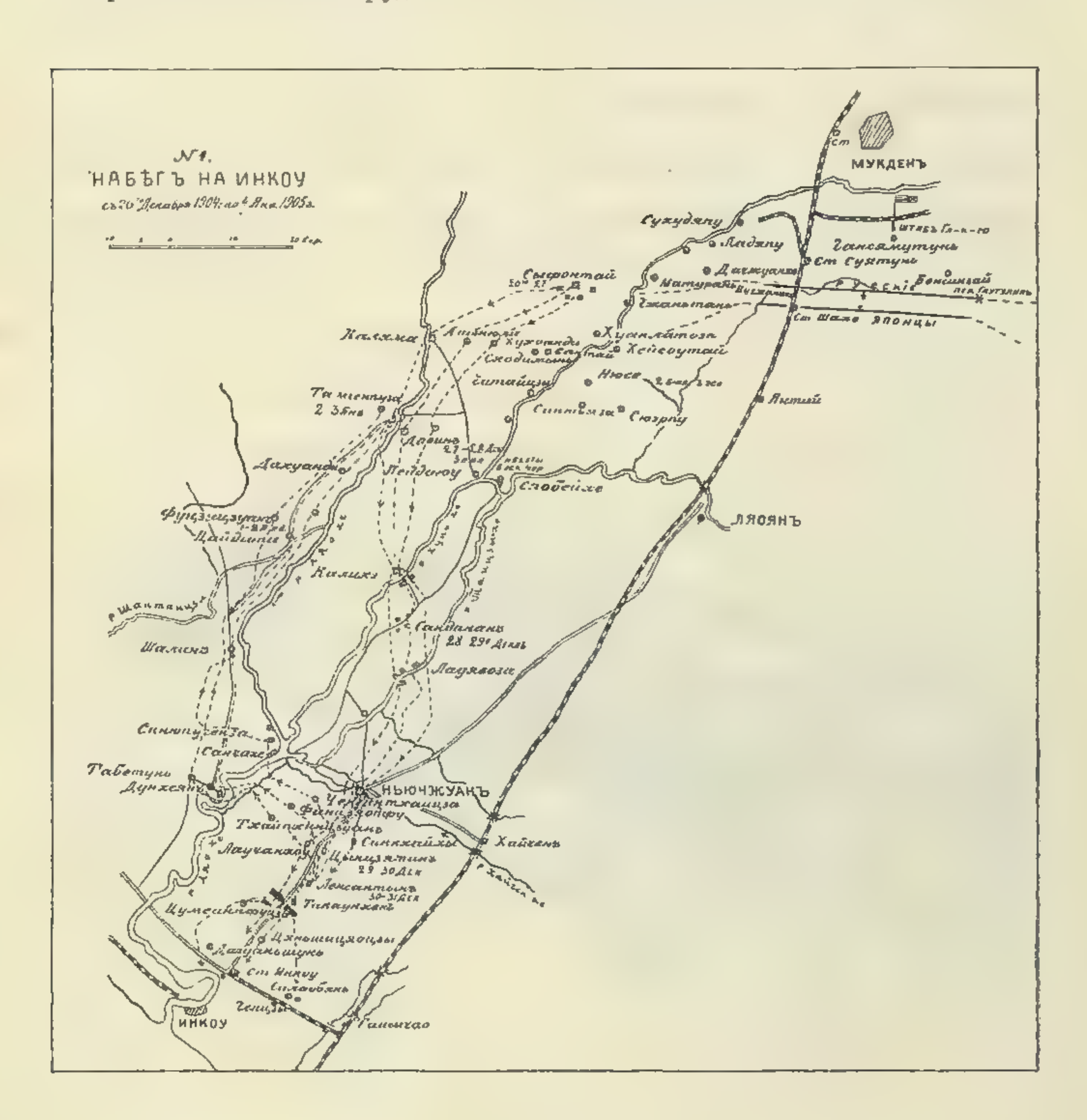

тайской арбѣ ѣдутъ двое. Должно, за фуражемъ. Я и говорю Фролову:—подожди, молъ, выдерживай, мы сразу залпу дадимъ. А они ѣдутъ—ничего себѣ—шагомъ. Вотъ, когда, это, они шаговъ на пятьдесятъ отъ насъ были, я и говорю Фролову: — ну, давай теперь залпу!.. Выпалили мы. Одинъ упалъ, а другой, значитъ, побѣжалъ на хуторъ своимъ сообщить. Ну. мы вскочили на арбу, погнали ее къ себѣ, а сами по нимъ залпы даемъ. Ихъ, такъ, съ роту выбѣжало, палятъ по насъ, а мы по нимъ—залпы, я еще и кричу имъ: «держи, держи!» по-русскому кричу...

Въ ночь съ 19 на 20-е ноября Иванъ Ананьевъ и казакъ Хохлаевъ ходили впередъ пѣхотныхъ постовъ въ секреты. Но японцы ихъ замѣтили и подстрѣлили обоихъ. Раненому Ананьеву варвары японцы еще нанесли нѣсколько ранъ штыками. Раненые остались лежать между нашими и японскими постами. Подъ утро за ними ходилъ Вешенской станицы вах-

мистръ Клецковъ съ санитаромъ и принесли обоихъ. Анапьевъ вскорѣ умеръ.

Такъ въ постоянныхъ стычкахъ и набѣгахъ маленькими партіями проводили казаки зиму 1904 года. *24 декабря генералъ-адъютантъ Мищенко* получилъ приказаніе произвести набѣгъ въ тылъ японцамъ, по направленію *къ городу Инкоо,* откуда японцы получали продовольствіе. Въ набѣгъ были назначены 21 сотня уральцевъ и забайкальцевъ, 11 сотенъ кавказскихъ горцевъ, 19-й, 24-й и 26-й донскіе казачьи полки, Черниговскіе, Нѣжинскіе и Приморскіе драгуны, 4 сотни пограничной стражи, полусотня развѣдчиковъ, 4 конныя охотничьи команды, 12 орудій забайкальскихъ казачьихъ батарей, 6 конныхъ орудій 20-й батареи и 4 пѣшихъ орудія.

27 декабря, четырьмя колоннами—*генерала Самсонова* съ драгунами, *войскового старшины Свѣшникова* съ 1.500 вьюковъ подъ охраною забайкальцевъ, *генералъ-маіора Абрамова* съ уральцами, забайкальцами и конными охотниками стрѣлковыхъ полковъ и *генералъ-маіора Телешова* съ донцами, кавказцами и забайкальскими орудіями,—конный отрядъ перешелъ линію нашихъ постовъ и пошелъ вдоль рѣки Ляохе, направляясь къ Инкоо.

28 декабря донцы, широко раскинувъ лаву, выгнали японцевъ изъ деревни Калихе и продолжали двигаться далѣе на югъ. Въ этотъ же день донскія сотни сдѣлали набѣгъ на желѣзную дорогу и разрушили на ней телеграфъ и шпалы на протяженіи 250 саженей. Въ то же время, въ разныхъ мѣстахъ казаки начали захватывать китайскія арбы съ продовольствіемъ для японцевъ. Продовольствіе это сжигали. Такъ работая въ тылу у японцевъ, конный отрядъ прошелъ въ три дня около 110 верстъ и 30 декабря подошелъ къ станціи Инкоо.

Для взятія станціи были назначены спѣшенные казаки отъ разныхъ полковъ, въ томъ числѣ пошло и двѣ сотни донцевъ. Штурмъ былъ назначенъ ночью. Наша артиллерія зажгла склады фуража, бывшіе подлѣ Инкоо, и они пылали громаднымъ костромъ, освѣщая мѣстность на

Въ набѣгѣ на Инкоо. Казаки взрываютъ желѣзную дорогу.

большомъ протяженіи. *Полковникъ Харановъ,* командовавшій отрядомъ спѣшенныхъ казаковъ, повелъ ихъ вдоль рѣки Ляохе. Казаки скользили па льду, часто падали, сбивались въ кучи. Плохо обученные дѣйствіямъ въ спѣшенномъ порядкѣ, незнакомые съ силою теперешняго огня, они скоро начали падать ранеными и убитыми. Какъ бабочки на огонь, они шли на пылающіе склады по освѣщенному мѣсту, направляясь къ окопамъ, занятымъ японскою пѣхотою. Оставалось около 900 шаговъ до станціи. Съ дружнымъ крикомъ «ура» побѣжали казаки на штурмъ. Пачечный огонь японцевъ слился въ одинъ общій трескъ и гулъ. Много казаковъ тутъ упало. Живые прилегли къ землѣ, а одиночные смѣльчаки прокрались къ самому полотну дороги и ко рвамъ возлѣ построекъ и били по японцамъ на выборъ. Отдохнувши немного, казаки снова бросились къ станціи, но опять страшный огонь японцевъ заставилъ ихъ остановиться. Стало ясно, что безъ громадныхъ потерь овладѣть станціею невозможно. Станція была окружена волчьими ямами и проволочными загражденіями...

Пришлось отступать. Тамъ сзади, въ темнотѣ ночи, у деревни Ліусигоу трубачъ игралъ сборъ и туда брели казаки, огорченные и озлобленные постигшею ихъ неудачей. Но противникъ, должно быть, тоже понесъ не мало и не мало былъ напуганъ. Онъ не преслѣдовалъ. Казаки подбирали раненыхъ и убитыхъ и выносили ихъ съ поля битвы. Всего за этотъ кровавый ночной штурмъ мы потеряли убитыми 4 офицеровъ и 57 казаковъ и драгунъ, ранеными 20 офицеровъ и 171 казака и драгуна, безъ вѣсти пропало—вѣроятно, убитыми—26 казаковъ.

Штурмъ, хотя и неудачный, большой станціи, разрушеніе желѣзной дороги во многихъ мѣстахъ, взорванные и сожженные обозы и склады съ продовольствіемъ, появленіе повсюду въ тылу у японцевъ смѣло рыскающихъ казаковъ напугало японцевъ. Отовсюду мчались подкрѣпленія. Пять японскихъ батальоновъ чуть не бѣгомъ бѣжали отъ станціи Ташичао, чтобы отрѣзать намъ путь отступленія. Сзади, у Ньючуана уже располагался большой отрядъ изъ пѣхоты, конницы и артиллеріи. Японцы готовили намъ ловушку. Ледъ на рѣкѣ Ляохе былъ ненадеженъ. Нужно было спѣшить къ своимъ. Но генералъ Мищенко не желалъ бросать раненыхъ, тѣмъ болѣе, что японцы такъ ненавидѣли казаковъ, что прирѣзывали ихъ,—и вотъ, 31 декабря, только въ 9 часовъ утра удалось выступить и тронуться на сѣверъ. Шли тремя колоннами. Ближайшею частью къ японцамъ были *донцы генерала Телешова,* въ серединѣ шла колонна *генерала Абрамова,* и въ западной колоннѣ шли *драгуны генерала Самсонова.* Раненыхъ везли при средней колоннѣ.

Японцы все время слѣдили за колонной генерала Телешова, но донцы легко ихъ отгоняли.

Въ ночь на 1-е января отрядъ генерала Мищенки съ большимъ трудомъ переправился черезъ рѣку Ляохе и расположился на ночлегъ.

Вечеромъ, когда уже стемнѣло, колонна генерала *Телешова* подошла къ деревнѣ *Синюпученза*, лежащей на правомъ берегу рѣки Ляохе, недалеко отъ слiянiя ея съ рѣкою Тайцзыхе, и стала располагаться на ночлегъ. Казачьи разъѣзды, находившiеся къ сѣверу отъ этой деревни, донесли, что въ деревнѣ Сайтайзы, въ пяти верстахъ отъ мѣста ночлега донской дивизiи, находится батальонъ японской пѣхоты; въ то же время получено было извѣстiе и о томъ, что изъ Ньючуана, то-есть съ юга, наступаетъ японская пѣхота съ артиллерiею. Такимъ образомъ, донская дивизiя становилась на ночлегъ между двухъ сильныхъ японскихъ отрядовъ, имѣя сзади себя трудно проходимую широкую рѣку, покрытую весьма ненадежнымъ льдомъ. Офицеръ, посланный для связи со среднею колонною генерала Абрамова, не нашелъ её на томъ мѣстѣ, гдѣ она должна была быть по приказу, и донцы остались одни въ холодную темную ночь, безъ связи со своими. На землю спустился густой туманъ. Ничего не было видно въ пяти шагахъ и тускло мерцали въ этомъ мракѣ бивачные огни, разведенные во дворахъ китайскихъ фанзъ. Донцы прикрывали повозки съ ранеными, и нужно было дать время имъ отойти, вотъ почему генералъ Телешовъ, несмотря на то, что къ утру японцы могли усилиться и окружить его, отдалъ приказъ разсѣдлать лошадей и ночевать спокойно, выставивши лишь усиленныя мѣры охраненiя.

Тревожная это была ночь! Туманъ былъ такъ густъ, что китайскiе проводники отказывались вести разъѣзды; офицеръ, посланный въ штабъ отряда, проѣздилъ всю ночь и вернулся назадъ къ утру, такъ и не найдя его. Ни звѣздъ на небѣ, ни мѣстныхъ предметовъ на землѣ, ничего, по чему можно было бы разобраться, не было видно. Китайцы лазутчики то и дѣло приходили изъ сосѣднихъ деревень и таинственно сообщали о томъ, что японцы усиливаются и готовятся къ переправѣ черезъ рѣку Ляохе.

Наступало утро. Побѣлѣлъ туманъ и заходилъ волнами надъ темными бороздами гаоляновыхъ полей. И сейчасъ же отъ сторожевыхъ заставъ пришли донесенiя о томъ, что японцы начали наступленiе съ двухъ сторонъ.

Генералъ Телешовъ приказалъ *полковнику Багаеву съ 24-мъ донскимъ казачьимъ полкомъ* и *полковнику Попову съ 26-мъ донскимъ полкомъ*, выйдя изъ деревни Синюпучензы — Багаевъ на сѣверъ, а Поповъ на югъ,—встрѣтить японцевъ и задержать ихъ наступленiе, главныя же

силы подъ командою генерала Стоянова должны были продолжать свое движеніе, направляясь на сѣверо-западъ.

Сотни 26-го полка съ артиллеріею быстро обстрѣляли японскія цѣпи, только что переправившіяся черезъ рѣку Ляохе, и заставили японцевъ бѣжать обратно за рѣку. Послѣ этого полковникъ Поповъ благополучно присоединился къ главнымъ силамъ.

24-й донской полкъ двинулся въ линіи колоннъ на сѣверъ, на деревню *Утайцзы*, куда наступали и японцы. Въ густомъ туманѣ казаки и японцы подходили къ одной и той же деревнѣ. Уже стали видны деревья ея садовъ, темными полосами показались глиняныя стѣнки и крыши фанзъ. Но, вотъ, порывы утренняго вѣтерка разсѣяли немного туманъ и *подъесаулъ Коньковъ*, шедшій въ передовомъ взводѣ, увидалъ въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ себя японскій головной отрядъ. Ни минуты не медля, помчались казаки, склонивши пики къ бою, на японцевъ. Японцы сопротивлялись отчаянно. Ни одинъ не сдался, всѣ были перебиты, но и подъесаулъ Коньковъ получилъ рану штыкомъ въ бокъ. Второй взводъ 2-й забайкальской батареи, бывшій въ составѣ отряда полковника Багаева, снялся съ передковъ и открылъ частый огонь по японцамъ, входившимъ въ деревню Утайцзы, а сотни 24-го полка спѣшились и начали быстрое наступленіе.

Между тѣмъ вѣтеръ разогналъ туманъ и вся деревня, 10—15 китайскихъ фанзъ, окруженныхъ глиняною стѣнкою, стала видна. Несмотря на то, что наши шрапнели рвались очень удачно надъ самою деревнею, японцы все подходили и подходили, и, вбѣгая въ деревню, живо занимали ровъ, выкопанный вокругъ деревни для защиты ея отъ весеннихъ разливовъ, и открывали оттуда сильный ружейный огонь по забайкальскимъ артиллеристамъ. Во взводъ артиллеріи стали все чаще и чаще залетать пули, оба офицера, бывшіе въ немъ, сотникъ Величковскій и хорунжій Кобылкинъ, и нѣсколько казаковъ были ранены и всѣ лошади его были перебиты. Тогда генералъ Телешовъ послалъ изъ главныхъ силъ взводъ забайкальской батареи и 4-ю сотню 24-го донского казачьяго полка подъ командою подъесаула *Туровѣрова*. Забайкальскія пушки удачными выстрѣлами разсѣяли японцевъ и выгнали ихъ изъ деревни Утайцзы. Тогда 24-му донскому казачьему полку было приказано отходить къ главнымъ силамъ. Уходя, забайкальцы сняли аммуницію съ 27 убитыхъ лошадей и въ полномъ порядкѣ отошли къ главнымъ силамъ.

Печально встрѣтили донцы Новый, 1905 годъ; въ 24-мъ донскомъ полку было ранено въ этомъ славномъ арьергардномъ дѣлѣ 32 казака, да 2 казака 19-го донского казачьяго полка пропали безъ вѣсти, заблудившись ночью въ туманѣ...

Въ Маньчжуріи. На сторожевомъ посту лѣтомъ 1905 года.

Наконецъ, 2 января, въ 4 часа дня, отрядъ генерала Мищенки прошелъ линію охраненія, занятую генераломъ Косаговскимъ, и былъ уже въ полной безопасности. Такъ кончился *набѣгъ на Инкоо*. Казаки внесли тревогу и суету въ тылу у японцевъ. Дѣйствуя въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, они работали отлично, весело, смѣло и бодро. Не ихъ вина, что набѣгъ этотъ не далъ того, чего отъ него ожидали, что не захваченъ былъ самый городъ Инкоо, что не дошли они до Ляояна. Лишенные подвижности вслѣдствіе тяжелыхъ вьюковъ, которые шли съ казаками по приказанію главнокомандующаго, казаки не могли сдѣлать набѣгъ такъ быстро, какъ дѣлали ихъ отцы и дѣды. Японцы стремились отрѣзать ихъ, но, благодаря смѣлости донскихъ казаковъ въ бою при деревнѣ Синюпученцзы, ихъ наступленіе было отбито и наша конница благополучно вернулась къ арміи.

Послѣ набѣга на Инкоо, совершеннаго казаками съ присущею имъ смѣлостью и неутомимостью, донскіе казаки нѣкоторое время отдыхали

въ тылу арміи у *деревни Сандепу,* потомъ стояли на охраненіи нашего крайняго праваго фланга.

Въ студеную зимнюю пору наша 2-я армія, бывшая подъ начальствомъ генерала *Гриппенберга,* начала наступленіе на японцевъ, взяла цѣлый рядъ занятыхъ японцами деревень и подошла къ деревнѣ Сандепу, захватывая японцевъ съ тыла. Въ этомъ славномъ январскомъ наступленіи нашей арміи на Сандепу приняли участіе и донцы.

12 января 1905 года наша конница, бывшая подъ начальствомъ генерала Мищенки, начала наступленіе двумя колоннами. Правая, подъ начальствомъ начальника Донской казачьей дивизіи генерала *Телешова,* состояла изъ 25-го и 26-го донскихъ казачьихъ полковъ, Кавказской конной бригады, 3-й донской казачьей батареи и 20-й конной батареи, лѣвая колонна была подъ начальствомъ генерала *Павлова* (тоже донского казака по происхожденію) и состояла изъ 11 сотенъ забайкальскихъ казаковъ, 4 сотенъ уральцевъ и 2-хъ забайкальскихъ казачьихъ батарей.

Морознымъ утромъ, при сильномъ вѣтрѣ, дувшемъ намъ въ спину, казаки выступили съ мѣста ночлега и пошли на японцевъ. Впереди, сколько глазъ видѣлъ, тянулись сѣроватыя поля гаоляновыхъ полей и среди нихъ такія же сѣрыя возвышались китайскія деревни. Тамъ и тамъ путь пересѣкали замерзшіе ручьи, текшіе въ глубокихъ берегахъ. Между голыхъ вѣтвей тальника тянулся оврагъ съ рѣчкою Пухе. Рощъ было мало. Лишь на кучахъ земли, насыпанныхъ на китайскихъ кладбищахъ, росли чахлыя сосны да жидкія, голыя осины. Многія изъ этихъ деревьевъ были вырублены и на могилахъ торчали лишь тонкіе пеньки.

Но, несмотря на жестокій морозъ, легко и бодро шли казаки. Ихъ радовало это наступленіе, и хотѣлось имъ помѣряться силами съ японцами.

Въ одиннадцатомъ часу утра передовыя сотни подошли къ деревнѣ *Локонто* и здѣсь раздались первые выстрѣлы японцевъ. Это стрѣляли японскіе разъѣзды, быстро отходившіе подъ напоромъ нашихъ казаковъ.

Конный отрядъ нашъ вошелъ въ деревню Локонто и здѣсь было получено приказаніе всей конницѣ содѣйствовать наступленію пѣхоты. Тамъ, на востокѣ, уже шелъ бой. Часто бухали пушки, скрежетала шрапнель, прорѣзая воздухъ, и лопалась бѣлыми дымками, быстро относимыми вѣтромъ. Загорался и ружейный огонь.

Начался бой и въ конномъ отрядѣ. Передовая сотня дагестанцевъ нарвалась на сильный ружейный огонь, и, понеся большія потери, спѣшилась и завязала перестрѣлку съ японцами, занимавшими деревню.

Генералъ Мищенко приказалъ *25-му донскому полку* атаковать деревню. Поддержать атаку должна была донская батарея. Донцы вошли въ деревню Ланцгоу и здѣсь попали подъ сильный ружейный огонь и остановились. Въ это время прискакалъ сюда начальникъ отряда генералъ Мищенко, приказалъ спѣшить одну сотню и начать наступленіе на деревню *Уцзягензу*, а 26-му донскому полку обойти эту деревню съ юга. Въ то же время и наши, донская и 20-я, батареи открыли огонь по деревнѣ Уцзягензѣ и шрапнели стали рваться надъ японцами.

Тѣмъ временемъ, 26-й донской казачій полкъ развернулъ лаву и отгонялъ японцевъ, при чемъ есаулъ *Чекаловъ* и сотникъ *Мироновъ* захватили японскій обозъ съ продовольствіемъ и двухъ драгунъ и испортили телефонную линію японцевъ. Потомъ часть сотенъ спѣшилась и начала обстрѣливать деревню Уцзягензу.

Между тѣмъ вечерѣло. Короткій зимній день приходилъ къ концу. Изъ штаба арміи было прислано приказаніе казакамъ отходить назадъ и готовиться къ новому бою на завтра. Не хотѣлось генералу Мищенкѣ уходить, не взявши деревни Уцзягензы. Такъ же думали и донцы 1-й сотни 26-го полка, молчаливо лежавшіе въ цѣпи. И, вотъ, къ нимъ пришелъ съ приказаніемъ отъ генерала Мищенки генеральнаго штаба капитанъ Хогондоковъ. Генералъ желаетъ, чтобы донцы взяли деревню! Онъ вѣритъ, что живъ мощный духъ славныхъ предковъ донскихъ, что они расшибутъ врага старыми своими шашками... Сказалъ и пошелъ впередъ. Какъ одинъ человѣкъ поднялась донская цѣпь и понеслась неудержимымъ потокомъ на деревню. Японцы встрѣтили страшнымъ пачечнымъ огнемъ нашу цѣпь. Засвистали и заныли пули, но не слышали роковового ихъ свиста донцы — они съ налета, однимъ лихимъ ударомъ ворвались въ деревню и выбили изъ нея японцевъ. Смолкли выстрѣлы. Послѣ страшнаго треска наступила тишина. Въ улицахъ деревни лежалъ раненый японскій офицеръ, раненые японскіе драгуны; въ лужахъ крови плавали съ вывороченными внутренностями маленькія вороныя лошади—всюду царили смерть и разрушеніе. Въ продолженіе четырехъ часовъ храбро выдерживали японцы страшный огонь двухъ нашихъ батарей, умирали отъ пуль и осколковъ, и стояли крѣпко. Но видъ маленькой горсти донскихъ казаковъ, бѣжавшихъ на нихъ съ одной стороны, и нѣсколькихъ дагестанцевъ съ другой, такъ напугалъ ихъ, что они бросили деревню и теперь торопливо разбѣгались по всѣмъ направленіямъ.

Истинно говорится въ народѣ:—смѣлымъ Богъ владѣетъ!

Поздно вечеромъ собрался конный отрядъ генерала Мищенки и здѣсь узналъ о рѣшеніи генерала на завтра, *13 января*, овладѣть деревнею Мамакаемъ.

Но еще не наступилъ разсвѣтъ, какъ въ конномъ отрядѣ получилось извѣстіе, что Мамакай взятъ ночною атакою Бузулукскаго пѣхотнаго полка. И казаки съ умиленіемъ слушали о томъ, какъ ночью бузулукцы ворвались въ деревню и штыками перекололи японцевъ...

Утромъ 13 января отрядъ генерала Мищенки бросился въ тылъ непріятелю. Донцы съ двумя батареями, 3-й донской и 20-й конной, двинулись на деревню *Нюге.* Спѣшилось двѣ сотни 26-го донского казачьяго полка и, поддержанныя лихимъ взводомъ донской батареи, вылетѣвшимъ на самое близкое разстояніе къ деревнѣ и засыпавшимъ ее шрапнелями, лихо атаковали японцевъ и выбили ихъ изъ деревни. Японцы бѣжали. Донскія лавы ихъ преслѣдовали, и валились подъ ударами пикъ казачьихъ враги.

Въ морозной мглѣ туманнаго зимняго дня тамъ и тамъ показываются деревни, гремятъ изъ нихъ выстрѣлы, бой кипитъ повсюду. Но увлеченные побѣдою, презирая смерть и раны, захватываютъ донцы одну деревню за другою.

Вотъ спѣшенная сотня 25-го донского казачьяго полка смѣло идетъ на деревню. Японцы подпускаютъ ее на пятьдесятъ шаговъ и съ этого разстоянія открываютъ страшный пачечный огонь. Падаетъ тяжело-раненый сотникъ *Букинъ,* и съ нимъ нѣсколько казаковъ. Но командиръ сотни, есаулъ *Никольцевъ,* снова ведетъ казаковъ на деревню и изъ-подъ самыхъ стѣнъ ея, подъ страшнымъ огнемъ, казаки выносятъ Букина и своихъ товарищей. И въ эту страшную войну свято хранили донцы дѣдовскій завѣтъ и выручали своихъ въ бою и не оставляли врагу ни раненыхъ, ни убитыхъ.

И опять въ надвинувшейся темнотѣ морознаго зимняго дня бокъ о бокъ съ японцами ночевали казаки. Ночевали по фанзамъ, но отдыхать мало кому пришлось. Врагъ былъ близокъ, бокъ о бокъ съ нами.

Въ этотъ день наша пѣхота атаковала сильно укрѣпленную деревню Сандепу, но еще не овладѣла ею. Японцы спѣшили со всѣхъ сторонъ на выручку своимъ полкамъ, и нашей конницѣ приказано было *14 января* развѣдать силы японскихъ отрядовъ, идущихъ на помощь.

Еще не выступили казаки на эту развѣдку, когда получилось отъ командующаго 2-ю арміей генерала Гриппенберга слѣдующее приказаніе: «сердечно благодарю васъ и чиновъ ввѣреннаго вамъ отряда за молодецкія дѣйствія 12 и 13 января. Жалую по 5 знаковъ отличія военнаго ордена на каждую сотню, участвовавшую въ атакѣ укрѣпленныхъ пунктовъ. Представьте къ наградамъ отличившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ къ именнымъ знакамъ отличія военнаго ордена по статуту. Достойнѣйшихъ оберъ-офицеровъ представьте къ чинамъ»...

Что за радость, что за ликованіе было въ полкахъ въ это зимнее морозное утро! Успѣхъ вчерашняго дня окрылилъ всѣхъ. Всѣ чувствовали побѣду, всѣ радовались и готовы были на подвиги, на раны, на смерть. И смерть уже казалась не страшною, но легкою, радостной и пріятной!

Побѣда была за нами!

И вотъ, начался страшный бой 14 января. Прибывавшія свѣжія части японцевъ оказывали упорное сопротивленіе спѣшеннымъ казакамъ. Каждая деревня обращалась въ крѣпость, каждую нужно было штурмовать. Въ жестокомъ ружейномъ бою генералъ Мищенко былъ раненъ пулею въ ногу и сдалъ отрядъ генералу Телешову.

Къ вечеру генералъ Телешовъ получилъ приказаніе охранять правый флангъ арміи и дѣйствовать въ тѣсной связи съ 1-мъ сибирскимъ корпусомъ...

15 января съ разсвѣта гулъ пушечныхъ выстрѣловъ слился въ непрерывный ревъ. Шло громадное сраженіе. Тысячами гибли люди, стремясь овладѣть деревнею Хегоутаемъ, обращенною японцами въ земляную крѣпость...

Въ конномъ отрядѣ генерала Телешова бой начался работою спѣшенныхъ сотенъ донскихъ казаковъ, поддерживаемыхъ 3-й донской батареей, для овладѣнія цѣлымъ рядомъ китайскихъ хуторовъ, окружавшихъ деревню *Сюерпу.*

Продвигаясь впередъ, казаки, наконецъ, зашли въ тылъ японской арміи, дѣйствовавшей противъ нашей второй арміи подъ Сандепу-Хегоутаемъ.

Казачьи батареи начали обстрѣливать мѣсто, гдѣ должны были находиться японскіе резервы, и позднѣе отъ сотника *Таранина* было получено донесеніе изъ 1-го сибирскаго корпуса, что огонь казачьихъ батарей заставилъ японцевъ пріостановить движеніе на Хегоутай...

Тогда, подъ страшнымъ орудійнымъ огнемъ японцы развернули безконечныя цѣпи и, закидывая деревню Сюерпу шимозными гранатами, повели наступленіе. Три раза японцы пытались атаковать спѣшенныхъ казаковъ, и три раза ихъ атаки были отбиты ружейнымъ огнемъ. Наши пулеметы, бывшіе въ Кавказской бригадѣ, и орудія 3-й донской батареи косили японцевъ и не давали имъ возможности подойти къ нимъ.

Такъ, въ ружейной перестрѣлкѣ прошелъ и день 15 января. Наступалъ вечеръ и утихалъ бой. Казаки по приказанію своего начальника осторожно и незамѣтно сходились на ночлегъ въ деревню Нюге.

Эта ночь останется надолго въ памяти донцовъ. Три дня подъ-рядъ воевали они съ японцами и три дня ихъ побѣждали. Захваченныя япон-

скія деревни, японскіе запасы, которые раздавали казакамъ, все признаки побѣды были налицо! Донцы ночевали въ тылу у японцевъ. До Ляояна, гдѣ находилась главная квартира японскаго главнокомандующаго маршала Ойямы, было всего 18 верстъ. И мечтали казаки на завтра быть тамъ, вспомнить славные дни 1812 года, подражать своимъ дѣдамъ!

Но недолго длилось это ликованіе.

Въ 12 часовъ ночи отъ главнокомандующаго генералъ-адъютанта Куропаткина пришло приказаніе отступать за рѣку Хуньхе...

Сраженіе у Сандепу, стоившее намъ болѣе 10.000 убитыхъ, кончилось въ ничью. Побѣдивши вездѣ японцевъ, мы уходили послѣ побѣды по приказанію.

Печально и уныло шли донцы утромъ 16 января назадъ черезъ деревни, стоившія столько крови и труда. Японцы не преслѣдовали. Они не ожидали, что мы отступимъ.

Съ 16 января для донскихъ казаковъ наступило затишье...

Въ началѣ февраля японцы закопошились въ окопахъ. Далеко въ тылу у насъ, между Харбиномъ и Мукденомъ, небольшой японскій конный отрядъ пытался взорвать желѣзнодорожный мостъ. Опасаясь за тылъ нашей арміи, генералъ Куропаткинъ, 4 февраля, отправилъ донцовъ въ глубокій тылъ на станцію Гунжулинъ.

Затѣмъ на донцовъ была возложена тяжелая и отвѣтственная задача провѣрить слухи о движеніи громадной партіи японо-хунхузовъ черезъ Монголію на Харбинъ, гдѣ находились наши главные склады. И вотъ, донскіе полки разсѣялись по всей Монголіи, внимательно наблюдая за ея населеніемъ.

Тамъ, въ глухихъ китайскихъ деревняхъ, гоняясь за шайками разбойниковъ—хунхузовъ, простояли донцы до окончанія войны. Тамъ же услыхали они о страшномъ сраженіи, длившемся безъ перерыва 12 дней подъ городомъ Мукденомъ, услыхали и о томъ, что наша армія, потерявши около 50 тысячъ человѣкъ, отступила къ Сыпингайскимъ холмамъ. Тяжело было слышать это казакамъ. Не одна горючая слеза скатилась тогда изъ глазъ, не одно проклятіе сорвалось съ устъ казачьихъ; не вѣрилось казакамъ, что и тутъ обошелъ, и тутъ побѣдилъ ненавистный врагъ...

Жаждою подвиговъ горѣли донцы. Имъ не вѣрилось, что русская армія побѣждена, чуяли они простыми своими казачьими сердцами, что можно побѣдить японцевъ, и не хотѣлось и стыдно было идти въ родные хутора и станицы, не побѣдивши желтолицаго врага.

Да пришлось!.. Тяжелая година выпала на долю Россіи. Внутри

поднималась измѣна. Все подлое, гадкое, все измѣнническое, отвратительное и гнусное зашевелилось и подняло голову. Жидъ задумалъ править Россіей. Тайные враги Россіи спаивали народъ, посылали бумаги въ войска, научая солдатъ измѣнѣ. Наступало смутное время на Руси. Рабочіе, готовившіе снаряды для пушекъ, вдругъ бастовали и не дѣлали того, что нужно. Пьяные запасные солдаты громили станціи и не шли на войну. Пьяный угаръ, безумная одурь охватили Россію, и трудно стало воевать. Несчастія преслѣдовали насъ. Громадный флотъ нашъ, бывшій подъ командой адмирала Рожественскаго, погибъ въ маѣ мѣсяцѣ 1905 года подъ Цусимой...

Въ такія тяжелыя времена нашъ Государь согласился на предложенія переговорить о мирѣ, которыя намъ дѣлалъ глава американскаго государства президентъ Рузевельтъ.

Въ августѣ 1905 года начались переговоры о мирѣ въ американскомъ городѣ Портсмутѣ. Мы отдали японцамъ половину острова Сахалина и городъ Портъ-Артуръ, прославившійся своей восьмимѣсячной обороной. Кромѣ того, мы предоставили имъ право занимать Корейское государство.

А между тѣмъ, наши войска горѣли желаніемъ сразиться съ японцами, мы вѣрили въ побѣду, и мы могли побѣдить, японцы же падали духомъ, испытавши на себѣ во время Мукдена необыкновенную стойкость нашихъ войскъ.

Но мы должны были заключить тяжелый для славы Россіи Портсмутскій миръ, — къ этому вынуждали насъ внутреннія событія въ Россіи...

Собравшаяся въ Харбинѣ армія усиленно развращалась врагами Россіи. Сотнями тысячъ привозили изъ Россіи гадкіе листки, возмущая солдатъ. И во многихъ полкахъ были жалкіе, дряблые людишки, которые не понимали, что неудачи наши произошли отъ того, что война за 10.000 верстъ оказалась намъ не подъ силу, что много было солдатъ, плохо обученныхъ военному дѣлу, что забыли мы завѣты Суворова и вмѣсто того, чтобы наступать, отступали. Имъ казалось, что эта война не тяжелое испытаніе, посланное намъ отъ Господа Бога, по прихоть начальства, и они волновались. Къ стыду нашему нужно признаться, что нашлись среди призванныхъ изъ запаса офицеровъ такіе, которые не сумѣли сдержать свои части, и смута проникла въ полки Маньчжурской арміи. Жутко и неспокойно было въ Харбинѣ, переполненномъ распущенными, озлобленными запасными солдатами. И осень, и часть зимы 1905 года провели донцы въ Харбинѣ, охраняя покой и порядокъ. *Донскія сотни славной 4-й дивизіи въ это жуткое смутное время яви-*

лись единственною стойкою, надежною частью, которой не коснулось гнилое ученіе революціонеровъ. Свято исполняли донскіе казаки присягу въ бояхъ противъ японцевъ, свято исполнили они ее и въ Харбинѣ, оставаясь непоколебимо вѣрными своему природному Государю и матери своей—Россіи.

Японская кавалерійская сабля и фуражка.

Донцы.

75. На Дону во время японской войны.

Грустно и печально жилось на Дону во время русско-японской войны. Ждали по станицамъ и хуторамъ извѣстій о побѣдахъ, о славныхъ дѣлахъ, жадно читали телеграммы и газеты и съ ужасомъ узнавали, что маленькій японецъ бьетъ нашего солдата и мы отступаемъ.

— Господи, что же это такое!—говорили старые казаки...

Ждали побѣдъ, не вѣрили, что ихъ не будетъ.

Вотъ отошли отъ Ляояна, вотъ отстоялись на Шахе, даже захватили японскія пушки, но вслѣдъ за этимъ пришло ужасное извѣстіе о гибели Портъ-Артура, о томъ, что наши войска сдались въ плѣнъ и пошли въ Японію, и печально и тихо стало на Дону... Отступили отъ Мукдена, потеряли флотъ, наконецъ, заключили миръ въ Портсмутѣ. Много тяжелыхъ испытаній вынесла Россія за свою болѣе чѣмъ тысячелѣтнюю жизнь, но такого не было. Старые казаки плакали и не понимали что же сдѣлалось съ нашими войсками, что погубило насъ. И въ эту тяжелую и печальную годину не утѣшило донцовъ и освященіе дивнаго войскового *Воскресенскаго* собора, состоявшееся въ 1905 году при атаманѣ генералѣ-отъ-кавалеріи Константинѣ Клавдіевичѣ Максимовичѣ.

Почти сто лѣтъ ожидали казаки этого собора.

Первый войсковой соборъ былъ заложенъ при атаманѣ Платовѣ въ 1805 году, работы по его постройкѣ начались въ 1811 году. Въ 1846 году начали сводить уже главный куполъ, когда внезапно соборъ рухнулъ и вмѣсто почти готоваго храма осталась только одна стѣна, да груда камней. Въ 1852 году приступили снова къ постройкѣ собора,

Войсковой наказный атаманъ войска Донского
Князь Одоевскій-Масловъ. Съ 1905—1907 г.

и когда начали, въ 1863 году, сводить купола, онъ опять развалился. На этотъ разъ осыпались только купола, и соборъ можно было бы достроить, но послѣ долгаго совѣщанія рѣшили разобрать этотъ второй соборъ и на томъ же мѣстѣ заложить третій соборъ. Уже около трехъ милліоновъ рублей затратило войско на устройство первыхъ двухъ соборовъ, когда, въ 1891 году, наконецъ, приступили къ постройкѣ третьяго собора. Первымъ строителемъ его былъ академикъ Ященко. Онъ проработалъ около двухъ лѣтъ, когда скончался, оставивъ только начало работъ. Продолжалъ работы архитекторъ Злобинъ, и 17-го октября 1893 года, при атаманѣ князѣ Святополкъ-Мирскомъ, была совершена торжественная

Войсковой Соборъ войска Донского въ г. Новочеркасскѣ.

закладка этого собора. Въ 1896 году достраивать соборъ былъ назначенъ инженеръ-полковникъ *Лимаренко*, который и закончилъ постройку къ 1905 году.

Дивный храмъ, со своими громадными золотыми куполами, виденъ со всѣхъ сторонъ Новочеркасска. Долго строили его донскіе казаки, но построили на славу и украсили имъ свой родной городъ, показавши всему свѣту усердіе къ вѣрѣ. Дивныя иконы и роскошная позолота украшаютъ войсковой соборъ внутри, много свѣта въ немъ и много воздуха. Въ верхнемъ ярусѣ устроены хоры и залы для бесѣдъ. Эти залы расписаны картинами, изображающими прошлое донскихъ казаковъ.

30 іюля 1904 года въ утѣшеніе русскому народу Господь Богъ даровалъ Государю Императору сына и наслѣдника престола, нареченнаго при святомъ крещеніи Алексѣемъ. *Въ тотъ же день Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексій Николаевичъ былъ назначенъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ.*

Радость въ Царской семьѣ раздѣлила и вся Русь, и особенно радовался и ликовалъ Донъ, получившій себѣ Атамана. Горячо молились донцы за своего новорожденнаго Атамана, клялись и обѣщали служить Государю и Ему поголовно, какъ служили ихъ отцы и дѣды, и не думали донцы въ ту пору, что скоро придется имъ исполнить свое клятвенное обѣщаніе и поголовно встать на защиту Россіи отъ врага внутренняго.

Это поголовное ополченіе войска Донского — мобилизація всѣхъ трехъ очередей случилась уже при преемникѣ атамана Максимовича, *князѣ Одоевскомъ-Масловѣ*.

Донцы.

76. Участіе донцовъ въ подавленіи революціонной смуты.

1905—1907 г.

Неудачная далекая война, извѣстія о нашихъ пораженіяхъ, болью отзывавшіяся въ сердцахъ русскихъ людей, придавили тяжелымъ бременемъ всѣхъ хорошихъ и честныхъ русскихъ. У нихъ опустились руки... И вотъ, снизу, враги Россіи, не русскіе, евреи, поляки и другіе народы, покоренные силою нашего оружія, стали смущать народъ. Отзывчивая на все молодежь охотно слушала тяжкія обвиненія правительству, волновалась и шумѣла. Давно не испытывала такихъ тяжелыхъ дней Россія. Тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, нужно было готовиться къ страшной развязкѣ войны, надо было воспламениться всѣмъ до послѣдняго солдата горячею любовью къ родинѣ, какъ воспламенялись въ тяжелую годину нашествія Наполеона, какъ воспламенялись въ смутное время, когда шведы и ляхи шайками бродили по Руси, какъ грудью стояли во время страшнаго татарскаго ига, — а вмѣсто этого, солдатамъ арміи посылали газеты, въ которыхъ описывалось, будто въ Россіи полная смута, будто во всѣхъ городахъ избиваютъ родителей, женъ и дѣтей этихъ солдатъ. Въ армію ѣхали молодые люди, подстрекатели, они разсказывали ужасныя вещи о томъ, что дѣлается въ Россіи, они всячески смущали солдатъ.

Въ то же время шло развращеніе молодежи въ учебныхъ заведеніяхъ, чиновниковъ на почтѣ, телеграфѣ и желѣзной дорогѣ. Тѣ самые гимна-

зисты, которые годъ тому назадъ ходили съ русскими флагами и портретами Государя и пѣли священный русскій гимнъ, которые убѣгали въ армію, чтобы пролить кровь за родину и Царя, теперь съ безсмысленными красными тряпками, навязанными имъ врагами Россіи, бродили по городамъ, крича: — «долой самодержавіе, долой царя! Да здравствуетъ свобода!»

Къ сожалѣнію, и на Дону нашлось нѣсколько презрѣнныхъ людей, которые смущали молодежь донскую и она волновалась. По евангельскому изреченію, лучше было бы для нихъ, если бы имъ навѣсили жерновъ на шею и потопили въ морской пучинѣ, нежели совратить дѣтей, какъ дѣлали они...

Портсмутскій миръ, окончательно придавившій благоразумныхъ русскихъ людей, далъ возможность врагамъ Россіи со страшною силою ударить на пораженное отечество наше.

Началась смута и бунты. Бастовали, т. е. не работали, желѣзнодорожники, почта, телеграфъ. Никто не зналъ, что дѣлается на Руси, распространялись самыя страшныя и нелѣпыя извѣстія о томъ, что уже нѣтъ Государя, что въ Москвѣ засѣдаетъ новое правительство и отдаетъ приказъ грабить и уничтожать помѣщиковъ.

Въ Лифляндской губерніи бунтовали латыши, объявившіе свою самостоятельную отъ Россіи латышскую республику, въ Сибири бунтовали ссыльные, шли мятежи во флотѣ и среди солдатъ. Въ Одессѣ народилась южно-русская еврейская республика.

Объявленный Государемъ Императоромъ, 17 октября 1905 года, высокомилостивый манифестъ, которымъ расширялись права вѣрноподданныхъ русскихъ,—вскружилъ голову бунтовщикамъ. Имъ это казалось побѣдой.

Въ Москвѣ обезумѣвшая молодежь стрѣляла по солдатамъ, ломала фонари, валила вагоны, строила завалы и сражалась на нихъ съ солдатами; въ Кронштадтѣ, Либавѣ, Севастополѣ, Владивостокѣ и другихъ приморскихъ городахъ бунтовали матросы, объявляя нелѣпыя, дерзкія требованія.

Русскіе крестьяне нападали на помѣщиковъ и убивали ихъ, жгли имѣнія и хлѣбъ на корню, готовя себѣ голодъ и нищету. Подъ ударами революціонеровъ гибли женщины, дѣти, старики и старухи. Революціонеры кидали бомбы въ толпы народа, и чѣмъ больше было жертвъ, тѣмъ имъ было лучше, тѣмъ болѣе запугивали они русскихъ людей.

Государь Императоръ созвалъ Государственную Думу для помощи въ управленіи. Но въ первую Думу, пользуясь смутою, растерянностью и невѣжествомъ русскаго народа, попало много враговъ Россіи, и вмѣсто

того, чтобы думать и заботиться о благѣ родины, они думали о себѣ, заботились о своемъ личномъ счастьѣ. Ихъ пришлось распустить...

И вотъ въ эти тяжелые 1905 и 1906 годы, когда жизнь русскаго человѣка была ни почемъ, когда не хватало войскъ для защиты имущества русскихъ людей и ихъ жизни, по призыву Государеву поднялся на защиту Россіи Донъ. Не разъ донскіе казаки отстаивали Россію отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ; давно ли—въ 1855 году, все войско поднялось на турокъ; при Петрѣ казаки усмиряли Астраханцевъ и Булавина, они боролись при Екатеринѣ и противъ Пугачева,—теперь Царь призвалъ ихъ на защиту русскихъ людей и русскаго дѣла отъ бунтовщиковъ, подъ флагомъ свободы желавшихъ позора и неволи Россіи.

Всѣ полки второй очереди, кромѣ бывшихъ на Дальнемъ Востокѣ, т. е. 18, 20, 21, 22, 23, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33 и 34-й, 30 отдѣльныхъ сотенъ, составившихъ сводные полки 1, 2, 3 и 4-й и три полка третьей очереди: 36, 41 и 48-й, выступили на защиту Руси отъ бунтовщиковъ.

Оторванные отъ родныхъ хуторовъ и семей, казаки два съ лишнимъ года провели въ тяжелой борьбѣ съ бунтовщиками. Особенно тяжело было казакамъ, попавшимъ въ западныя губерніи и большіе города. Не одинъ казакъ палъ жертвою людской злобы и ненависти, не одинъ вернулся домой калѣкой на всю жизнь, но казаки своими смѣлыми, справедливыми дѣйствіями заслужили общую любовь русскихъ людей. Городскія и сельскія общества, патріотическій союзъ русскаго народа подносили полкамъ и сотнямъ иконы и письма, въ которыхъ превозносили честную службу донцовъ и называли ихъ спасителями отечества.

24 января 1906 года Государь Императоръ, видѣвшій усердную службу донцовъ, изволилъ пожаловать войско Донское высокомилостивою грамотою. Въ ней было написано:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и проч. и проч. и проч.

Нашему вѣрнолюбезному и доблестному войску Донскому.

Съ первыхъ же временъ своего существованія, свыше трехъ сотъ лѣтъ тому назадъ, славное войско Донское начало вѣрное свое служеніе

Царямъ и Отечеству. Неустанно преслѣдуя свѣтлую цѣль развитія зарождавшагося тогда, грознаго могущества Государства Россійскаго, оно съ тѣхъ поръ неизмѣнно беззавѣтною самоотверженностію своей и безпредѣльною преданностью всѣхъ своихъ сыновъ Престолу и Россіи, ставъ оплотомъ на рубежахъ Государства, богатырской грудью охраняло и содѣйствовало развитію его предѣловъ.

Въ годины тяжелыхъ испытаній, неисповѣдимыми судьбами Промысла Всевышняго Царству Русскому ниспосланныхъ, всѣ Донскіе казаки всегда съ одинаковой любовью и храбростью, становясь въ ряды защитниковъ чести и достоинства Россійской Державы, стяжали себѣ, постоянно присущимъ имъ духомъ воинской доблести и многочисленными подвигами, безсмертную славу и благодарность Отечества.

И въ нынѣ минувшую войну съ Японіей, а особливо въ наступившіе тяжкіе дни смуты, Донскіе казаки, свято исполняя завѣты своихъ предковъ -вѣрою и правдою служить Царю и Россіи, явили примѣръ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Отечества.

За столь самоотверженную, неутомимую и вѣрную службу объявляемъ, близкому сердцу Нашему, доблестному войску Донскому особое Монаршее Наше благоволеніе и подтверждаемъ всѣ права и преимущества, дарованныя ему въ Бозѣ почившими Высокими Предками Нашими, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ какъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, стяжавшаго войску Донскому историческую славу, такъ и неприкосновенность всѣхъ его угодій и владѣній, пріобрѣтенныхъ трудами, заслугами и кровью предковъ и утвержденныхъ за войскомъ Монаршими грамотами.

Мы твердо увѣрены, что любезные и вѣрные Намъ сыны Дона, слѣдуя и впредь славному преданію отцовъ, всегда сохранятъ за собою высокое званіе преданныхъ слугъ и охранителей Престола и Отечества.

Въ сей увѣренности, пребывая къ войску Донскому Императорскою милостію Нашею неизмѣнно благосклонны, благоволили Мы сію грамоту Собственною Нашею рукою подписать и Государственною печатью утвердить повелѣли. Дана въ Царскомъ Селѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ шестое, Царствованія же Нашего въ двѣнадцатое.

На подлинной написано:

«НИКОЛАЙ».

Эту грамоту при торжественномъ собраніи казаковъ читали по станицамъ и хуторамъ, читали и на войсковомъ кругу въ городѣ Новочеркасскѣ—генералъ-адъютантъ *Князь Голицынъ* и Свиты Его Величе-

ства генералъ-маіоры *Родіоновъ* и *Вершининъ*, вновь пожалованные въ Царскую Свиту командиры донскихъ гвардейскихъ полковъ.

Къ началу 1907 года смута въ Россіи затихла. Собранная третья Государственная Дума начала цѣлый рядъ разумныхъ работъ.

Въ этомъ году войсковой наказный атаманъ войска Донского князь Одоевскій-Масловъ получилъ новое назначеніе и войсковымъ наказнымъ атаманомъ былъ назначенъ *генералъ-лейтенантъ Александръ Васильевичъ Самсоновъ*, георгіевскій кавалеръ.

Войсковой наказный атаманъ войска Донского
Александръ Васильевичъ Самсоновъ. 1907—1909 г.

77. Заключеніе.

Послѣ Русско-Японской войны и учрежденія Государственной Думы Россія медленно начала оправляться отъ тяжелыхъ ранъ, нанесенныхъ ей и войною, и революціею. Въ русскихъ людяхъ сильнѣе заговорила любовь къ родинѣ и цѣлый рядъ преобразованій начался въ Россіи для ея блага.

На этомъ времени, времени возрожденія величія и мощи Россіи, мы пока и остановимся.

Бросимъ взглядъ назадъ, на почти четырехсотлѣтнюю исторію войска Донского. Четыреста лѣтъ тому назадъ сильные духомъ, воинственные, предпріимчивые русскіе люди идутъ и селятся по Дону, смѣшиваясь съ жившими тамъ раньше воинственными народами.

И вотъ, во дни порабощенія Россіи, ея безсилія и неустройствъ, на южныхъ предѣлахъ ея, безъ ея участія и вѣдома, сама собою встала

живая стѣна, составленная изъ воиновъ, удальствомъ своимъ долго изумлявшихъ окрестные края. Отъ береговъ Днѣпра и вдоль по Тихому Дону перстомъ Всевышняго проведена была блестящая черта: она должна была, какъ межа, означить будущія владѣнія Россіи. Когда же Русскія владѣнія дошли до этой черты поселеній казачьихъ, то черта естественнымъ образомъ стала тянуться и передвигаться на нескончаемое пространство. Казаки прошли на Кубань и Терекъ, перевалили съ Ермакомъ Уральскія горы и дошли до Амура и Великаго океана. У границъ Индіи сторожевыми постами въ Средней Азіи стали Уральскіе, Оренбургскіе и Семирѣченскіе казаки—внуки и правнуки донцовъ.

Эти люди составили самостоятельную общину, и тогда, когда Русь московская трепетала передъ турецкимъ султаномъ. казаки на свой страхъ и рискъ воевали съ нимъ, отбирали у него города и крѣпости и заставляли покоряться самую столицу турецкую—Царьградъ.

Наши дѣды самостоятельно завоевывали царства и подносили ихъ Русскому царю. Всюду и вездѣ они наступали, повсюду несли побѣду и вѣру христіанскую и передъ именемъ ихъ трепетали всѣ окружающіе ихъ народы.

И когда окрѣпла Русь, родные братья ея—Донскіе казаки слились съ нею совершенно и стали воевать съ русскими полками.

Заслуги ихъ передъ Россіею неисчислимы.

Они воевали во всѣхъ войнахъ, они одолѣвали свирѣпыхъ турецкихъ янычаръ, съ однѣми пиками брали крѣпости, они побѣждали поляковъ.

Умные, отлично образованные донцы въ первые годы своего существованія вели переписку съ иностранными государями,—слившись съ Россіею, стали учителями русскаго флота и русской конницы.

Передъ ладьями донскими сдавались турецкіе, персидскіе и англійскіе корабли, подъ налетомъ лихихъ лавъ казачьихъ таяла и гибла лучшая конница міра—нѣмецкіе гусары Зейдлица и Цитена, и конные полки Наполеона, руководимые Мюратомъ.

Съ улыбкой на устахъ, съ молитвою передъ Всевышнимъ на душѣ, съ горячею любовью къ Тихому Дону на сердцѣ встрѣчали казаки и смерть, и муки.

Ихъ сила была въ горячей любви къ Тихому Дону, въ твердомъ исполненіи завѣтовъ предковъ, въ служеніи Царю по обычаю отцовъ и дѣдовъ.

И теперь могучъ и силенъ Тихій Донъ, славные полки его—украшеніе доблестной конницы русской. Намъ, сыновьямъ Дона, намъ, дочерямъ его, донскимъ казачкамъ, надлежитъ только слѣдовать прекраснымъ образцамъ, которые оставили намъ наши дѣды и отцы, и имъ подражать.

Военными подвигами, терпѣливою службою заслужили они великую славу Донскую, что гремитъ отъ сѣвера до юга и отъ востока до запада. Славу Донского казачества знаютъ и чтятъ угрюмые финны и чернокожіе негры въ Африкѣ, передъ именемъ донского казака съ почтеніемъ склоняются народы Европы, Азіи и Америки.

Быть Донскимъ казакомъ! Какое великое это счастье!

Но для этого мало родиться на Дону отъ донского казака и казачки—нужно и стать донскимъ казакомъ, стать *лихимъ коннымъ воиномъ.*

Нужно помнить тѣ великіе завѣты, которыми наши дѣды провожали въ жизнь отцовъ нашихъ. Подготовившись усердной молитвой передъ Господомъ, они благословляли ихъ на подвигъ бранный, подвигъ военный.

— Помни, Матвѣй,—говорилъ отецъ Платова своему сыну, впослѣдствіи знаменитому вихрю-атаману,—служи Государю и Тихому Дону примѣрно. Береги отцовскіе обычаи:—*будь казакомъ*! Уповай на Господа Бога и Онъ тебя не оставитъ. Слушай начальниковъ. Будь внимателенъ къ равнымъ тебѣ, снисходителенъ къ низшимъ и строгъ болѣе всего къ самому себѣ. Но помни всегда:—никогда, Матвѣй, и думать не моги забыть нашъ Тихій Донъ, вскормившій и взлелѣявшій тебя!

Что значитъ—быть казакомъ—намъ показываетъ вся жизнь Якова Петровича Бакланова, подлинно святая жизнь героя воина.

Быть казакомъ,—это не значило только быть храбрымъ.

— О храбрости казака,—говорилъ Баклановъ,—заботиться не надо, потому что донскому казаку нельзя не быть храбрымъ, но надо, чтобы этотъ казакъ смыслилъ что-нибудь и побольше одной только храбрости... Все замѣть, ничего не моги проглядѣть, а тебя чтобы никто не видѣлъ.—Покажи врагу, что думка твоя не о жизни, а о славѣ и чести донского казачества.

Съ малыхъ лѣтъ готовился казакъ быть воиномъ, учили его этому отецъ и дѣдъ, и мать и бабка, повторяя святыя слова молитвы, говорили мальчику казаку о славѣ донской, пѣли славныя пѣсни донскія.

И не могъ донецъ во всю жизнь забывать своего военнаго дѣла.

Нашъ великій герой, атаманъ Платовъ, училъ донскихъ казаковъ простотѣ въ обычаяхъ и жизни; онъ требовалъ, чтобы казакъ ни на минуту не забывалъ о томъ, что онъ воинъ прежде всего.

— Мы не рождены,—говорилъ онъ,—ходить по паркетамъ, да сидѣть на бархатныхъ подушкахъ; тамъ вовсе можно забыть родное ремесло. Наше дѣло ходить по полю, по болотамъ, а сидѣть въ шалашахъ, или еще лучше подъ открытымъ небомъ, чтобы и зной солнечный и всякая

непогода не были намъ въ тягость. Такъ и будешь всегда донскимъ казакомъ. Всякое дѣло тогда и хорошо, пока всегда съ нимъ, а то ты отъ него на вершокъ, а оно отъ тебя на аршинъ, и такъ и пойдете вы врозь: хорошъ будетъ толкъ.

Мы, молодые донцы, твердо будемъ помнить эти великіе, святые завѣты нашихъ старыхъ великихъ учителей Платова и Бакланова, вдумчиво прослѣдимъ картины былого Тихаго Дона и найдемъ въ нихъ высокіе примѣры, достойные подражанія.

Слава Тихаго Дона, глубокая вѣра въ Господа Бога и Его милосердіе, безпредѣльная преданность Государю, горячая любовь къ нашей матери Россіи и воинская доблесть—вотъ то, къ чему должны мы стремиться всѣми силами, не щадя ни жизни, ни имущества своего!..

И да поможетъ намъ въ этомъ Господь Богъ!

П. Красновъ

Новочеркасскъ
1908–1909 г.

Приложенiе первое.

АТАМАНЫ ВОЙСКА ДОНСКОГО

съ 1549 по 1909 годъ.

I. Атаманы, упоминаемые въ актахъ, какъ представители Донской общины или какъ болѣе замѣчательные предводители отдѣльныхъ частей.

Сары-Азманъ. Первый изъ извѣстныхъ вождь Донскихъ казаковъ, построившій на Дону четыре городка, 1549 г. См. стр. 12—13.

Атаманы: Павловъ и Ляпунъ. Предводительствовавшіе казаками при покореніи царства Астраханскаго, 1554—1556 г.г.

Михаилъ Черкашенинъ. Донской атаманъ, при которомъ была прислана на Донъ первая изъ сохранившихся грамота царя Іоанна IV Васильевича, 3 января 1570 г.; гроза Азова, 1570 г.

Ермакъ Тимофеевичъ. Покоритель Сибири, 1581—1584 гг. См. стр. 29—67.

Иванъ Кишкинъ. Атаманъ, вѣрный царю Ѳеодору Іоанновичу, 1584 г.

Семенъ Воейковъ, Смирной Ѳедоровъ, Василій Жигулинъ, Иванъ Носъ, Иванъ Ѳедоровичъ Трубецкихъ, Василій Кабанъ и Прокофій Трубченинъ— атаманы, упоминаемые въ актахъ одновременно, 1592 г.

Степанъ Ершовъ. Атаманъ верховыхъ казаковъ, 1593 г.

Никита Болдырь, Степанъ Ершовъ и Иванъ Носъ, 1594 г.

Аѳанасій Савостьяновъ, 1595 г.

Андрей Корела. Первый изъ Донскихъ атамановъ при самозванцѣ, 1603 г. См. стр. 54—58.

Феофилактъ Межаковъ. Главный изъ Донскихъ атамановъ, оставившій самозванца и оказавшій большое содѣйствіе освобожденію Москвы отъ поляковъ, 1612 г. См. стр. 54—66.

Смага Степановичъ Чершенскій. По оставленіи Лжедимитрія, одинъ изъ главныхъ на Дону атамановъ, преданный Михаилу Ѳеодоровичу. Въ его атаманство сношенія съ Донскими казаками отнесены были изъ Разряда въ вѣдѣніе Посольскаго приказа, 1612—1615 г.г.

Епифанъ Ивановичъ Родиловъ, современникъ Чершенскаго, 1613, 1615, 1617, 1623—1628, 1630 г.г. См. стр. 73.

Ѳеодоръ Татаръ, 1615.

Исай Мартемьяновъ, 1617, 1622, 1623 г.г.

Иванъ Каторжный, 1633, 1635, 1636, 1643, 1644—1646, 1648 г.г. См. стр. 79.

Михайло Ивановичъ Татариновъ. Предводительствовавшій казаками при взятіи Азова въ 1637 г., 1636—1638 г.г. См. стр. 79—82.

Тимофей Яковлевичъ Яковлевъ, 1638.

Наумъ Васильевичъ Васильевъ, 1639—1641, 1650, 1656 г.г. См. стр. 84—94.

Осипъ Петровичъ Петровъ. Предводительствовавшій казаками во время до-

стопамятнаго въ лѣтописяхъ *Азовскаго сидѣнья* 1641 г., 1642, 1646, 1662, 1663 г.г. См. стр. 84—94.

Павелъ Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, 1645, 1646, 1650 г.г. См. стр. 98.

Корнилій Яковлевичъ Яковлевъ. Соперникъ Разина. Въ атаманство Яковлева принята была Донскими казаками *первая присяга* на вѣрность Московскому Государю въ 1671 г.. повторенная въ 1676 г. Корнилій Яковлевъ первый далъ присягу въ бытность его со станицею въ Москвѣ.—Скончался 16 іюня 1680 г. и погребенъ въ г. Черкасскѣ при соборной церкви. 1661, 1667, 1669, 1670, 1671—1676. 1678—1680 г.г. См. стр. 116—121.

Логгинъ Семеновъ. Современникъ Корнилія Яковлева, 1671 г.

Михайло Самаренинъ. Также современникъ Яковлева, 1671, 1673—1678 г.г. См. стр. 121.

Фролъ Минаевичъ Минаевъ. Современникъ Петра I, пользовавшійся уваженіемъ этого Государя, принимавшій при немъ дѣятельное участіе, съ 5.000 казаковъ, при покореніи Азова въ 1696 г. Двадцатилѣтнее нахожденіе его въ званіи войскового атамана отличается замѣчательнымъ благоразуміемъ въ управленіи дѣлами края и особенною любовью и преданностью къ нему казаковъ.—Окончилъ жизнь *схимонахомъ* подъ именемъ Филарета. 1680—1682, 1684—1692, 1694—1700 г.г. См. стр. 127—143.

Самойло Лаврентьевичъ Лаврентьевъ, 1680, 1687 г.г.

Иванъ Семеновъ, 1683, 1687—1690, 1694, 1697 г.г.

Илья Григорьевъ, 1699, 1700 г.г.

Лукьянъ Максимовичъ Максимовъ. Соперникъ Булавина. Казненъ послѣднимъ въ маѣ 1708 г. 1700, 1703—1708 г.г. См. стр. 152—154.

Акимъ Филипьевичъ Филипьевъ. Современникъ Лукьяна Максимова, принимавшій дѣятельное участіе въ отклоненіи присланнаго на Донъ отъ возмутившихся Астраханцевъ приглашенія о помощи имъ и въ посылкѣ съ Дону войскъ къ прекращенію этого возстанія, 1703—1705 г.г.

Кондратій Афанасьевичъ Булавинъ. Послѣ казни Лукьяна Максимова, въ маѣ мѣсяцѣ 1708 г., провозглашенъ былъ войсковымъ атаманомъ; но 7 іюля того же года, когда Черкасскіе казаки выбрали въ атаманы Илью Зерщикова и, предводимые послѣднимъ, намѣревались взять Булавина, онъ самъ себя застрѣлилъ изъ пистолета, 1708 г. См. стр. 151—157.

Илья Григорьевичъ Зерщиковъ. Войсковымъ атаманомъ съ 7 іюля 1708 г., но въ декабрѣ того же года, по оговору въ участіи въ булавинскомъ возмущеніи, взятъ съ Дону въ Москву, 1708 г. См. стр. 155.

Петръ Емельяновичъ Ромазановъ, 1713—1715 г.г. См. стр. 155—162.

Максимъ Фроловичъ Кумшацкій, 1716 г. См. стр. 162.

Василій Фроловичъ Фроловъ. Сынъ знаменитаго атамана Фрола Минаевича, 1715, 1717 г.г. См. стр. 162.

Иванъ Матвѣевичъ Краснощековъ, 1723 г. См. стр. 167—174.

II. Атаманы, утверждавшіеся въ этомъ званіи Высочайшей властію.

Василій Фроловичъ Фроловъ. 1718 г., февраля 26, Петръ I повелѣлъ быть Фролову, *по выбору всего войска*, войсковымъ атаманомъ, впредь до указа. Въ его атаманство войско Донское поступило въ вѣдѣніе Военной Коллегіи (1721 г.).—Скончался въ 1723 г. 1718—1723 г.г. См. стр. 162—250.

Андрей Ивановичъ Лопатинъ. Войсковой атаманъ. Совершилось, по волѣ Правительства, переселеніе съ Дону 1.000 семействъ на Астрахань и Гребени (въ 1724 г.) и 1.057 семей на Царицынскую линію (1731—1733 г.), 1723—1735 г.г. См. стр. 250.

Иванъ Ивановичъ Фроловъ. Войсковой наказный атаманъ. Участвовалъ при взятіи Азова, окончательно присоединеннаго къ Россіи въ 1736 г. 1735—1738 г.г. См. стр. 252.

Данило Ефремовичъ Ефремовъ. Войсковой атаманъ. 18 марта 1738 г. ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотою *пожалованъ* войсковымъ атаманомъ вмѣсто уволеннаго атамана Фролова. 21 августа 1753 г., по собственному прошенію, уволенъ отъ званія войскового атамана, съ награжденіемъ чиномъ генералъ-маіора. Въ 1759 г. пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника.—Скончался въ 1760 г. и погребенъ въ Черкасскѣ при Ратинской Преображенской церкви. 1738—1753 г.г. См. стр. 178, 183 и 252.

Степанъ Даниловичъ Ефремовъ. Войсковой атаманъ. Сынъ атамана Данилы Ефремова. Въ актахъ 1749—1753 г. упоминается въ званіи войскового наказнаго атамана. Съ 21 августа 1753 г. войсковымъ атаманомъ. 1772 г. ноября подъ 9 число взятъ изъ Черкасска, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, капитаномъ Ржевскимъ и отправленъ въ С.-Петербургъ. Въ атаманство его существовала въ Черкасскѣ *семинарія* для обученія священническихъ дѣтей (упомин. въ актахъ 1757 г.). Произведена была первая перепись малороссіянъ, зашедшихъ на Донъ (1763 г.).—Степанъ Даниловичъ родился 1715 г. іюля 27, скончался 1784 г. марта 15, погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ въ С.-Петербургѣ. 1753—1772 г.г. См. стр. 252—254.

Василій Акимовичъ Машлыкинъ. Войсковой наказный атаманъ 1772—1773 гг. См. стр. 252.

Семенъ Никитичъ Сулинъ. Войсковой наказный атаманъ. Современникъ Пугачевскаго возмущенія, принимавшій дѣятельное участіе въ отправленіи съ Дона полковъ противъ Пугачева, 1773—1774 г.г. См. стр. 199 и 252.

Алексѣй Ивановичъ Иловайскій. 1775 г., февраля 16, ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотою назначенъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ, съ пожалованіемъ чиномъ *полковника отъ арміи*. 1776 г., мая 22, пожалованъ войсковымъ атаманомъ, съ повелѣніемъ считать его противъ IV класса чиновъ Россійской арміи. Впослѣдствіи генералъ-поручикъ и генералъ-аншефъ. Въ атаманство его учреждено было на Дону войсковое гражданское правительство вмѣсто войсковой канцеляріи (1775 г.); основано въ Черкасскѣ главное народное училище (1793 г.); утверждены ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотою права войска Донского на обладаніе принадлежащими оному землями (1793 г.); совершилось переселеніе съ Дону 1.000 семействъ на Кубанскую линію (1794 г.); состоялось окончательное закрѣпленіе въ крестьянствѣ зашедшихъ на Донъ малороссіянъ и другихъ людей, приписавшихся за старшинами и станицами (1796 г.).—Скончался подъ 2 ч. мая 1797 г. въ Москвѣ, во время бытности тамъ для присутствованія при короновании Императора Павла I; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. 1775—1797 г.г. См. стр. 208 и 252.

Василій Петровичъ Орловъ. Войсковой атаманъ, сначала въ чинѣ генералъ-маіора, впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи. Въ его атаманство упразднено войсковое гражданское правительство и возстановлена войсковая канцелярія (1797 г.). Послѣдовало ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе о сравненіи чиновъ войска Донского съ чинами регулярныхъ войскъ (1798 г.). Назначенъ былъ походъ Донскихъ полковъ въ Индію, извѣстный подъ названіемъ похода *Оренбургскаго* (1801 г.).—Скончался 30 іюля 1801 г. 1797—1801 г.г. См. стр. 245—249 и 252.

Матвѣй Ивановичъ Платовъ. Войсковой атаманъ, сначала въ чинѣ генералъ-маіора, впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи и графъ. Знаменитый вождь Донскихъ казаковъ въ войнахъ съ французами 1807, 1812—1814 г.г. Въ атаманство его основанъ городъ Новочеркасскъ (1805 г.). Главное народное училище преобразовано въ гимназію (1805 г.).—Скончался въ 1818 г. и погребенъ въ Новочеркаскѣ. 1801—1818 г.г. См. стр. 205—210, 218—222, 259—264, 280—288, 291, 321—326, 333—357, 364—365.

Адріанъ Карповичъ Денисовъ 6-й. Войсковой атаманъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Въ 1807, 1812—1815 г.г. былъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ. По ходатайству А. К. Денисова, ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшено было въ 1819 г. учредить на Дону комитетъ для составленія Положенія о внутреннемъ и военномъ управленіи войска Дон-

ского. ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ 1821 г. января 27 уволенъ отъ должности войскового атамана. 1818—1821 г.г. См. стр. 222, 226—231, 234—244.

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій 3-й. Съ 1821 г. наказный атаманъ, въ чинѣ генералъ-маіора, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, а съ 1823 г. войсковой атаманъ. 1821—1826 г.г. См. стр. 360.

Иванъ Адріановичъ Андріяновъ 6-й. Войсковой наказный атаманъ, генералъ-маіоръ. 1826—1827 г.г. См. стр. 360.

Дмитрій Ефимовичъ Кутейниковъ 1-й. Войсковой наказный атаманъ, въ чинѣ генералъ-маіора, впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи. Въ атаманство его ВЫСОЧАЙШЕ утверждено 26 мая 1835 г. „Положеніе объ управленіи Донского войска". 1827—1836 г.г. См. стр. 360—363.

Максимъ Григорьевичъ Власовъ. Наказный атаманъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи. Послѣдній изъ атамановъ казачьяго происхожденія. Въ атаманство его введено въ дѣйствіе „Положеніе объ управленіи Донского войска". Начато переселеніе съ Дону семейныхъ казаковъ на передовыя линіи Кавказа, съ 1846 г., окончившееся въ 1864 г.—Скончался отъ холеры въ іюнѣ мѣсяцѣ 1848 г. въ станицѣ Усть-Медвѣдицкой, гдѣ и погребенъ. 1836—1848 г.г. См. стр. 363, 380—390.

Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ 1-й. Наказный атаманъ, сначала въ чинѣ генералъ-лейтенанта, впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ. Въ его атаманство учрежденъ на Дону, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, комитетъ для составленія проекта новаго положенія о войскѣ Донскомъ (1860 г.). При немъ начата постройка Грушевско-Аксайской желѣзной дороги и Новочеркасскаго водопровода. 1848—1862 г.г. См. стр. 417—419.

Павелъ Христофоровичъ Граббе. Наказный, а съ 10 октября 1865 г. войсковой атаманъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, впослѣдствіи графъ. Въ его атаманство дана войску Донскому Императоромъ Александромъ II грамота, сократившая срокъ казачьей службы съ 25 на 15 лѣтъ (1863). ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшено графу Граббе, по ходатайству войска Донского, принять званіе гражданина этого войска. 1862—1866 г.г. См. стр. 443—447.

Александръ Львовичъ Потаповъ. Съ 10 октября 1865 г. наказный атаманъ (при генералъ-адъютантѣ Граббе), въ чинѣ свиты Его Величества генералъ-маіора, а съ 28 октября 1866 г. войсковой наказный атаманъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ. Послѣдовало измѣненіе въ замѣщеніи должностей по войсковому управленію лицами не по выборамъ дворянства, а по назначенію отъ правительства; введены судебные слѣдователи (1867 г.). 1865—1868 г.г. См. стр. 447.

Михаилъ Ивановичъ Чертковъ. Войсковой наказный атаманъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ. Въ его атаманство совершилось торжественное празднованіе 300-лѣтняго юбилея войска Донского въ 1870 г. Срочные земельные участки донскихъ чиновниковъ обращены въ потомственную собственность. 1868—1874 г.г. См. стр. 447—455.

Николай Александровичъ Краснокутскій. Войсковой наказный атаманъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи. 1874—1881 г.г. См. стр. 455.

Князь Николай Ивановичъ Святополкъ-Мирскій. Войсковой наказный атаманъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи. 1881—1898 г.г. См. стр. 469—470, 475—483.

Константинъ Клавдіевичъ Максимовичъ. Войсковой наказный атаманъ, генералъ-лейтенантъ, 1899—1905 г.г. См. стр. 488—513.

Князь Николай Николаевичъ Одоевскій-Масловъ. Войсковой наказный атаманъ, генералъ-лейтенантъ. 1905—1907. См. стр. 511—518.

Александръ Васильевичъ Самсоновъ. Войсковой наказный атаманъ, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ. 1907—1909 г.г. См. стр. 489—503, 518, 519.

Баронъ Өедоръ Өедоровичъ Таубе. Войсковой наказный атаманъ съ 1909 г.

ВЫСОЧАЙШІЯ ГРАМОТЫ И РЕГАЛІИ,
пожалованныя Донскому казачьему войску и строевымъ донскимъ казачьимъ частямъ.

А. Войсковыя регаліи.

Царскія и Императорскія грамоты, полученныя разновременно войскомъ Донскимъ за его „вѣрныя службы" и „отличные подвиги", составляютъ священные для Донскихъ казаковъ памятники ВЫСОЧАЙШАГО къ нимъ благоволенія. *Первою по времени считается грамота Царя и Великаго Князя Іоанна IV Васильевича* о пожалованіи казакамъ р. Дона съ его притоками за участіе ихъ при покореніи Казани (въ 1552 г.). Но объ этой грамотѣ сохранилось только одно преданіе, въ достовѣрности котораго нельзя, впрочемъ, сомнѣваться. Изъ сохранившихся же грамотъ на Донъ *принято считать первою грамоту Іоанна Васильевича отъ 3 Января 1570 г.*, когда онъ, отправляя въ Царьградъ посла своего Новосильцова, писалъ Донскимъ атаманамъ и казакамъ, чтобы они Новосильцова слушались во всѣхъ государевыхъ дѣлахъ и „тѣмъ бы вы намъ послужили", говорится въ грамотѣ, „а Мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ".

Съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича милостивыя отношенія Государей къ Донскимъ казакамъ становятся непрерывными. Всѣхъ грамотъ Михаила Ѳеодоровича сохранилось *тринадцать* (1614—1642 г.), Алексѣя Михайловича имѣется *шесть* грамотъ (1646—1675 г.), Ѳеодора Алексѣевича—*одна* (1676), Іоанна и Петра Алексѣевичей—*три* (1682—1688 г.), Петра Великаго — *пять* (1704 -1720 г.), Анны Іоанновны—*тридцать четыре* (1773—1738 г.), Елисаветы Петровны—*восемь* (1742—1757 г.), Екатерины Великой — *двѣнадцать* (1763—1793 г.), Павла I—*одна* грамота (1800 г.), Александра I-го—*три* грамоты (1804 — 1817 г.), Николая I — *три* грамоты (1826 — 1849 г.), Александра II — *пять* грамотъ (1855—1879 г.), Императора Александра III—*одна* (1887 г.) и Государя Императора Николая II—*одна* (1906 г.).

Изъ ВЫСОЧАЙШЕ пожалованныхъ знаменъ первымъ по времени считается знамя Царя Михаила Ѳеодоровича, присланное на Донъ при грамотѣ отъ 18 Марта 1614 г., въ которой говорится: „И Мы васъ пожаловали, послали къ вамъ наше жалованье, наше Царское знамя... и вамъ бы съ тѣмъ знаменемъ противъ нашихъ недруговъ стоять, на нихъ ходить и, прося у Бога милости, надъ ними промышляти". Самое знамя было на крущатой камкѣ краснаго цвѣта съ лазоревою опушкою, съ изображеніемъ Государственнаго герба и съ надписью: „*Повелѣніемъ Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всія Руссіи Самодержца и при Его Государевѣ сынѣ, при Благовѣрномъ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Алексіи Михайловичѣ, писано сіе знамя на Донъ Донскимъ атаманомъ и казакомъ лѣта 7152, Августа въ 27 день*".

Второе знамя было пожаловано Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, при похвальной грамотѣ отъ 25 Сентября 1646 г., за пораженіе Крымскаго царевича Днатъгирея Нурадына подъ Черкасскимъ городкомъ 6 Іюля и на рѣчкѣ Кагальникѣ 4 Августа 1646 г.

Третье знамя, пожалованное также Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ 1673 г., за подвиги Донскихъ казаковъ на Азовскомъ и Черномъ моряхъ, имѣло изображеніе льва съ палашемъ; но содержанія надписи на немъ не сохранилось.

Четвертое знамя, полученное оть Царя Өеодора Алексѣевича въ 1679 г., было изъ лазоревой тафты съ алыми каймами, писанное золотомъ, серебромъ, баканомъ и ярью венецейскими, съ изображеніемъ креста о пяти степеняхъ съ тростію и копіемъ, а по сторонамъ креста съ правой—солнца, а съ лѣвой—луны.

Затѣмъ слѣдуютъ знамена и клейноды, пожалованные Царемъ Петромъ Алексѣевичемъ и его преемниками. Но большинство грамотъ и почти всѣ регаліи, полученныя въ прежнее время, было уничтожено пожаромъ, постигшимъ г. Черкасскъ въ 1744 году. Уцѣлѣли только: насѣка, пожалованная Петромъ I, одна подлинная грамота 6 Сентября 1705 г. и грамоты Императрицы Анны Іоанновны. Но Императрица Елисавета Петровна въ 1746 году возобновила регаліи, полученныя войскомъ Донскимъ, начиная съ царствованія Ея Державнаго Родителя, изложивъ въ грамотѣ Своей полный текстъ грамоты Петра I отъ 21 Февраля 1706 г. Затѣмъ въ царствованіе Императора Александра I въ 1804 году тѣ же знамена, въ числѣ шести войсковыхъ, тридцати станичныхъ и четырехъ бунчуковъ, пришедшіе въ ветхость, снова были возобновлены, съ обозначеніемъ времени и случаевъ пожалованія и перемѣны ихъ и съ прибавленіемъ титула и вензелеваго украшенія на копьяхъ Имени Его Величества Императора Александра I.

Изъ ВЫСОЧАЙШИХЪ грамотъ имѣющія, по своей важности, особенное для войска Донского значеніе и всѣ сохранившіеся до настоящаго времени знамена, клейноды и другіе знаки Царской милости ежегодно въ установленные дни (1 Января, 6 Мая, 30 Августа и 1 Октября), а равно въ исключительнымъ торжественныхъ случаяхъ, по древнему обычаю, выносятся въ *Войсковой Кругъ*, гдѣ каждый разъ читается одна изъ грамотъ.

По церемоніалу Войскового Круга, во время шествія его отъ войсковыхъ присутственныхъ мѣстъ къ каѳедральному собору для слушанія Божественной литургіи и молебна и обратно, грамоты и регаліи располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Гербъ войска Донского города Черкасска, Всемилостивѣйше пожалованный Императоромъ Александромъ I-мъ, 13 Октября 1803 года.

II. Станичныя знамена, принадлежащія станицамъ, входящимъ въ составъ города Новочеркасска и ближайшимъ къ нему (не жалованныя).

III. Знамена, Высочайше пожалованныя, при похвальныхъ грамотахъ, полкамъ: 1) Платова 2, 2) Бакланова, 3) Золотарева 4, 4) Номикосова и 5) Хрещатицкаго.

IV. Бунчуки и знамена станичныя, Высочайше пожалованные:

1) Бунчукъ желтаго цвѣта, съ изображеніемъ животворящаго креста.
2) Бунчукъ такого же цвѣта, съ изображеніемъ св. Дмитрія Солунскаго.
3—17) Пятнадцать знаменъ (станичныхъ) голубого цвѣта.
18—32) Пятнадцать такихъ же знаменъ краснаго цвѣта.

Всѣ тридцать знаменъ съ изображеніемъ ликовъ: Христа Спасителя, Божіей Матери, Архангела Михаила, Іоанна Крестителя и другихъ святыхъ.

Какъ бунчуки, такъ и знамена эти, пожалованные первоначально Царемъ Петромъ Алексѣевичемъ въ 1711, 1716 и 1720 г. и истребленные пожаромъ 1744 г., были возобновлены: въ первый разъ Императрицею Елисаветою Петровною въ 1746 году и во второй—Императоромъ Александромъ I, въ 1804 году.

V. Знамена, Высочайше пожалованныя войску Донскому.

1) Большое знамя, писанное на голубой камкѣ, съ изображеніемъ креста съ тростію и копіемъ; вокругъ креста 12 большихъ и 4 малыхъ звѣзды, съ надписью по краямъ знамени: *„Нашего Войска Донскаго атаманамъ и казакамъ, за многія ихъ и вѣрныя службы, а особливо которыя учинили въ 1705 году во время Астраханскаго возмущенія, въ вѣчную и несмертельную память"*.

2) Бѣлое камчатное знамя, съ изображеніемъ Государственнаго герба, окруженнаго шестью гербами царствъ и княжествъ; ниже герба полукругомъ пальмовыя и масличныя вѣтви, съ надписью по краямъ знамени съ одной стороны—Императорскаго титула, а съ другой: *„Вѣрнымъ подданнымъ Войску Донскому, за оказанную ихъ во время войны съ Шведами службу и для учиненнаго съ короною Шведскою вѣчнаго мира"*.

Пожаловано за подвиги во время великой Сѣверной войны 1701—1721 г., въ которой Донскіе казаки разновременно участвовали подъ предводительствомъ походныхъ атамановъ: Ефрема Петрова, Василія Фролова и друг.

3) Бѣлое знамя, съ изображеніемъ Государственнаго герба и съ надписью: *„Вѣрнымъ подданнымъ Войску Донскому, за оказанную ихъ службу во время войны съ Персами"*.

4) Такое же знамя, съ изображеніемъ Государственнаго герба, а по угламъ — четырехъ голубыхъ щитовъ съ серебряными крестами, около которыхъ надпись: *„Крестомъ Твоимъ, Христе, хвалимся и Святое Воскресеніе Твое поемъ и славимъ"*; внизу двѣ серебряныхъ звѣзды; а по краямъ знамени надпись: *„Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ Войску Донскому, за оказанную ихъ службу и для учиненнаго съ его шаховымъ величествомъ Персидскимъ вѣчнаго мира"*.

Пожалованы за участіе Донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ походныхъ атамановъ И. М. Краснощекова, Фролова, Гаврилова и друг., въ войнѣ съ Персами въ 1722—1731 г.

5) Бѣлое знамя, съ изображеніемъ Государственнаго герба, а по сторонамъ его двухъ крестовъ въ кругахъ, съ надписью около крестовъ: *„Крестомъ Твоимъ, Христе, хвалимся и Святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ: Ты бо еси Богъ нашъ, въ Троицѣ святей славимый"*; по краямъ же знамени, послѣ Императорскаго титула, слѣдующая надпись: *„Дано сіе знамя: Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ Войску Донскому, за оказанную ихъ въ минувшую послѣднюю съ Шведами войну службу и для учиненнаго съ короною Шведскою вѣчнаго мира, лѣта отъ Р. Хр.... Государствованія Нашего..."* Пожаловано въ 1744 году за участіе 6 т. Донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ бригадира И. М. Краснощекова и походнаго атамана С. Д. Ефремова, въ войнѣ съ Шведами 1741—1743 г.

6) Бѣлое знамя, съ изображеніемъ Государственнаго герба, а вверху по сторонамъ двухъ круглыхъ щитовъ съ золотыми крестами и съ надписью вокругъ ихъ: *„Крестомъ Твоимъ, Христе, хвалимся и Святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ: Ты бо еси Богъ нашъ, въ Троицѣ Святей славимый"*; по краямъ же знамени надпись: *„Дано сіе знамя Ея Императорскаго Величества вѣрнымъ подданнымъ Войску Донскому за оказанную имъ въ минувшую Прусскую войну службу, лѣта отъ Рождества Христова 1764 года, а Государствованія Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни Второй Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской—2"*. Пожаловано за подвиги казаковъ въ Прусскую семилѣтнюю войну въ числѣ 16 т. человѣкъ, подъ предводительствомъ бывшаго войскового атамана, генералъ-маіора Данилы Ефремова и бригадира Краснощекова въ 1757—1763 г.

7) Бѣлое знамя, съ изображеніемъ съ одной стороны Государственнаго герба, а съ другой—щита съ короною и вензелемъ Имени Императрицы, окруженнаго пальмовыми и масличными вѣтвями. Подъ щитомъ видъ восходящаго солнца и вышитая надпись: *„Нашему вѣрнолюбезному Войску Донскому, за храбрые и мужественные подвиги*

во время минувшей войны съ Турками. Дано въ 10 день іюля 1775 года". Пожаловано за подвиги, оказанные въ Польскую конфедератскую и первую Турецкую войны, въ корыхъ участвовало до 22 т. Донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ походныхъ атамановъ Михаила Поздѣева, Тимофея Грекова, Дмитрія Мартынова и Никифора Сулина, 1767—1774 г.

8 и 9) Два бѣлыхъ знамени, съ одинаковымъ изображеніемъ на каждомъ съ обѣихъ сторонъ Государственнаго герба съ украшеніями и слѣдующими надписями: *„Повелѣніемъ дано сіе знамя Ея Императорскаго Величества вѣрнымъ подданнымъ Войску Донскому, за оказанную ихъ службу во время оконченныхъ Шведской и Турецкихъ кампаній храбрые и усердные поступки, на вѣчную и въ потомственные роды Войска Донского славу. Лѣта отъ Рождества Христова 1795 г., а царствованія Ея Величества 33-е"*.

Пожалованы въ 1795 г., за подвиги, оказанные во время Шведской и второй Турецкой войнѣ Донскими казаками, подъ начальствомъ походныхъ атамановъ Ѳ. П. Денисова, Орлова, Платова и Исаева, въ 1787—1792 г.

10) Бѣлое знамя, съ изображеніемъ Государственнаго герба, украшеннаго орденскимъ крестомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и обвитаго снизу пальмовыми вѣтвями, а сверху дугообразно лентою названнаго ордена, по которой вышита надпись: *„Вѣрноподданному Войску Донскому, за оказанныя заслуги въ продолженіи кампаніи противъ Французовъ 1799 года"*; на другой же сторонѣ знамени, въ серебряномъ полѣ, большой крестъ съ лучами. По угламъ знамени съ обѣихъ сторонъ вензеля Имени Императора, въ пальмовыхъ и масличныхъ вѣтвяхъ, украшенные двумя коронами Императорскаго Россійскаго и Мальтійскаго ордена. Пожаловано въ 1800 году за участіе въ Суворовскомъ походѣ въ Италію шести Донскихъ полковъ, подъ начальствомъ походнаго атамана А. К. Денисова, въ 1799 г.

11) Бѣлое знамя, съ изображеніемъ Государственнаго герба въ золотомъ щитѣ, обвитомъ снизу пальмовыми и масличными вѣтвями, а сверху дугообразно лентою ордена св. Георгія, на которой вышита надпись: *„Вѣрнолюбезному Войску Донскому, за оказанныя заслуги въ продолженіи кампаніи противъ Французовъ 1807 года"*; на другой сторонѣ, въ серебряномъ щитѣ, крестъ съ лучами и съ такими же украшеніями и надписью, какъ на первой сторонѣ; по угламъ знамени съ обѣихъ сторонъ вензеля Имени Императора, въ пальмовыхъ и масличныхъ вѣтвяхъ. Пожаловано въ 1811 г., за подвиги во время второй Французской войны въ Пруссіи, въ которой участвовало тринадцать Донскихъ полковъ, подъ начальствомъ атамана Платова, въ 1807 г.

12) Бѣлое знамя, съ такими же изображеніями, какъ и предъидущее; по Георгіевской лентѣ, обвивающей сверху Государственный гербъ, вышита надпись: *„Вѣрноподданному Войску Донскому, въ ознаменованіе подвиговъ, оказанныхъ въ послѣднюю Французскую войну въ 1812, 1813 и 1814 годахъ"*. Пожаловано въ 1817 г., за подвиги во время Отечественной войны съ Французами, въ которой участвовало 63 Донскихъ полка и 30 орудій, подъ начальствомъ войскового атамана графа Платова, 1812—1814 г.

13) Бѣлое знамя, съ изображеніемъ Государственнаго герба въ золотомъ щитѣ, обвитомъ снизу пальмовыми и масличными вѣтвями, а сверху дугообразно лентою ордена св. Георгія, съ другой же стороны, въ серебряномъ щитѣ, большой крестъ съ лучами и такими же украшеніями; по угламъ съ обѣихъ сторонъ вензеля Имени Государя Императора; на лентѣ вышита надпись: *„Вѣрноподданному Войску Донскому, за оказанныя заслуги противъ Турокъ въ 1828 и 1829 годахъ"*. Пожаловано въ 1832 году, за отличные подвиги Донскихъ полковъ и батарей, участвовавшихъ „подъ предводительствомъ храбрыхъ своихъ атамановъ и отличныхъ генераловъ", какъ сказано въ ВЫСОЧАЙШЕЙ грамотѣ, въ войнахъ съ Персіею и Турціею 1826—1829 г.

14) Бѣлое знамя, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Государственнаго герба въ щитѣ оранжеваго цвѣта, обвитомъ пальмовыми и масличными вѣтвями, по угламъ вензеля

Имени Государя Императора, а на другой красный большой крестъ, съ такими же украшеніями; по краямъ знамени съ обѣихъ сторонъ надписи: *„За подвиги войска Донского въ походѣ на усмиреніе Венгріи и Трансильваніи въ 1849 году"*. Пожаловано въ 1849 году за подвиги десяти Донскихъ полковъ и 3-хъ батарей, находившихся въ походѣ въ Венгрію и Трансильванію въ составѣ главной арміи и при 5 пѣхотномъ корпусѣ.

15) Георгіевское знамя, съ надписью: *„За храбрость и примѣрную службу въ войну противъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ*, въ которой участвовало 84 Донскихъ полка и 14 батарей. Пожаловано въ 1856 году.

16) Георгіевское знамя, съ надписью: *„За Кавказскую войну"*. Пожаловано въ 1868 году, въ память заслугъ, оказанныхъ Донцами въ продолженіе войны на Кавказѣ 1804—1864 г., въ которой, въ теченіе 60 лѣтъ, принимали дѣятельное участіе до 226 т. Донскихъ казаковъ.

17) Георгіевское знамя, съ Александровскою лентою и надписями вокругъ знамени: *„Въ память трехсотлѣтняго существованія Донского казачьяго войска"* и подъ орломъ—„1570—1870". Пожаловано 3 Января 1870 года.

18) Георгіевское знамя, съ надписью: *„За отличіе въ Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ"* и подъ орломъ: „1570 — 1870". Пожаловано въ 1879 году за участіе въ Русско-Турецкой войнѣ, во время которой состояло на службѣ 53 Донскихъ полка и 24 батареи.

VI. Высочайшія грамоты за собственноручнымъ подписаніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ.

VII. Войсковые клейноды—знаки Атаманскаго достоинства.

1) „Насѣка войска Донского 1704 года", пожалованная Императоромъ Петромъ I, при грамотѣ 21 Сентября 1704 г.

2) Бунчукъ бѣлаго цвѣта, съ изображеніемъ Государственнаго герба и съ надписью: *„За вѣру и вѣрность"*, пожалованный Императоромъ Петромъ I-мъ.

3) Булава, пожалованная Императрицею Екатериною II, съ слѣдующею надписью: *„Войска Донского Войсковому Атаману Алексѣю Иловайскому, пожалована въ 1776 году, во время командованія какъ онымъ, такъ и всѣми иррегулярными войсками Генералъ-Аншефа Князя Потемкина"*.

4) Бунчукъ, пожалованный Императоромъ Петромъ I (съ вызолоченнымъ наверху шаромъ), при грамотѣ 21 Февраля 1706 года.

5) Бунчукъ, пожалованный Императрицею Екатериною II, въ 1776 году, съ такою же надписью, какъ и на булавѣ.

6) Бунчукъ бѣлаго цвѣта, съ изображеніемъ Государственнаго герба и съ надписью: *„За вѣру и вѣрность"*, пожалованный Императоромъ Петромъ I.

7) Насѣка, ВЫСОЧАЙШЕ пожалованная Императрицею Екатериною II, въ 1776 году, съ такою же надписью, какъ и на булавѣ.

8) Перначъ, пожалованный Императоромъ Петромъ I, при грамотѣ 21 Февраля 1706 года, и возобновленный Императрицею Елисаветою Петровною, въ 1746 году, съ слѣдующею надписью на трости пернача: *„Божіею милостію Мы, Елисаветъ первая, Императрица и Самодержица Всероссійская и проч., и проч., и проч., пожаловали сей перначъ, вмѣсто даннаго въ 1706 году, Нашего Войска Донскаго Войсковымъ Атаманамъ, въ знакъ ихъ управленія, за многія и вѣрныя онаго Войска службы, а особливо которую учинили въ 1705 году въ возмущеніе Астраханское, въ вѣчную и несмертельную память потомкамъ ихъ, лѣта Господня 1746; Государствованія Нашего 5 года"*.

Со времени назначенія Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ Государя Наслѣдника Цесаревича (1827 г.) изъ знаковъ атаманскаго достоинства *перначъ* присвоенъ Его

Императорскому Высочеству, а насѣка, пожалованная Императрицею Екатериною II,— войсковому наказному атаману.

Согласно приказа по казачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ отъ 24 Декабря 1890 г. за № 32, *войсковой праздникъ войска Донского установленъ на 17 Октября.*

26 Августа 1897 г. ВЫСОЧАЙШЕ повелѣно казачьимъ строевымъ частямъ особаго старшинства не назначать. Что же касается старшинства войска Донского, то таковое считается съ 3 Января 1570 г., т. е. со времени пожалованія войску Донскому первой грамоты царемъ Іоанномъ Васильевичемъ.

Б. Регаліи строевыхъ частей, выставляемыхъ войскомъ Донскимъ.

I. ГВАРДЕЙСКІЯ ЧАСТИ.

Лейбъ-гвардіи Казачій Его Величества полкъ.

1. Знаки отличія:

1) Георгіевскій штандартъ, съ Андреевскою юбилейною лентою, съ надписью: „За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 г. и за подвигъ, оказанный въ сраженіи при Лейпцигѣ 4 Октября 1813 г.“ и „1775—1796—1875“. ВЫСОЧАЙШІЯ грамоты 19 Марта 1826 г. и 20 Апрѣля 1875 г.

2) 22 серебряныя трубы, съ надписью: „За отличія противъ непріятеля въ минувшую кампанію 1813 г.“. ВЫСОЧАЙШІЙ приказъ 15 Іюля 1813 г. ВЫСОЧАЙШАЯ грамота 4 Іюня 1826 г.

3) Знаки на шапки, съ надписью въ 1-й, 3-й и 4-й сотняхъ: „За отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 г.г.“, а во 2-й сотнѣ: „За Ловчу 5 Іюля 1877 г.“. Пожалованы 17 Апрѣля 1878 г. въ командованіе флигель-адъютанта полковника Жеребкова. ВЫСОЧАЙШАЯ грамота 2 Августа 1878 г.

2. Шефы полка:

Императоръ Николай I съ 23 Апрѣля 1832 г. по 18 Февраля 1855 г.

Императоръ Александръ II съ 19 Февраля 1855 г. по 1 Марта 1881 г. (числился въ полку съ 29 Мая 1837 г.).

Императоръ Александръ III съ 28 Октября 1866 г. по 21 Октября 1894 г. (числился въ полку съ 29 Мая 1865 г.).

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ со 2 Ноября 1894 г. (изволитъ числиться въ спискахъ полка съ 6 Мая 1868 г.).

Высочайшія Особы, числившіяся въ полку:

Великій Князь Цесаревичъ Николай Александровичъ съ 8 Сентября 1843 г. по 12 Апрѣля 1865 г.

Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій съ 20 Апрѣля 1875 года по 26 Апрѣля 1891 г.

Старшинство съ 1775 г. Апрѣля 20.

Полковой праздникъ 4 Октября. См. стр. 203, 277—279, 280—281, 296—302, 304. 327—333, 335, 340, 359, 381—383, 417, 441, 454. 457, 462—466, 483.

Лейбъ-гвардіи Атаманскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ.

1. Знаки отличія:

1) Георгіевскій штандартъ, съ надписями: „За отличіе, оказанное въ войнѣ съ французами въ 1812, 1813 и 1814 годахъ“ и „1775—1859—1875“, съ Андреевскою юбилейною лентою, пожалов. 8 Сентября 1860 г., по случаю наименованія полка лейбъ-гвардіею. ВЫСОЧАЙШАЯ грамота 20 Апрѣля 1875 г.

2) Георгіевское знамя, синяго цвѣта съ особымъ рисункомъ и надписью: „Буди, Господи, милость Твоя на насъ яко же уповахомъ на Тя, не постыдимся во вѣки. Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ. Войска Донского Атаманскому полку, за отличную храбрость“. За отличіе въ войну въ 1812—1814 г.г.

3) Бѣлый бунчукъ съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца и съ надписью: „Войску Донскому Атаманскому полку за храбрость“, пожалованъ за отличіе въ войну 1812—1814 г.г.

4) Знаки на шапки, съ надписью: „За Варшаву 25 и 26 Августа 1831 г.“, пожалованы 6 Декабря 1831 г.

2. Шефъ полка:

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ съ 30-го Іюля 1904 года.

3. Бывшіе Шефы полка:

Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ со 2 Октября 1827 г. по 19 Февраля 1855 г.

Великій Князь Цесаревичъ Николай Александровичъ съ 19 Февраля 1855 г. по по 12 Апрѣля 1865 г. (по спискамъ числился съ 8 Сентября 1843 г.).

Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ съ 29 Мая 1865 г. по 2 Марта 1881 г.

Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ со 2 Марта 1881 г. по 2 Ноября 1894 г.

Числится въ спискахъ полка:

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ съ 6 Мая 1868 г.

Высочайшія Особы, числившіяся въ полку:

Императоръ Александръ II съ 19 Февраля 1855 г. по 1 Марта 1881 г.

Императоръ Александръ III со 2 Марта 1881 г. по 21 Октября 1894 г.

Старшинство съ 1775 г. Апрѣля 20.

Полковой праздникъ 30 Августа. См. стр. 203, 208, 246—249, 281—287, 292—294, 297—312, 336—338, 340, 359, 381—383, 417, 441, 454, 457, 473—474 и 483.

Лейбъ-гвардіи 6-я Донская казачья Его Величества батарея.

Знаки отличія:

Серебряныя трубы съ надписью: „За отличіе въ войнѣ съ Турціею 1828 и 1829 гг.“; пожалованы при сформированіи батареи, составленной *за отличіе войску Донскому*

изъ наиболѣе отличившихся въ войну 1828—1829 годовъ съ турками донскихъ артиллеристовъ.

Шефы батареи:

Императоръ Александръ III съ 14 Августа 1872 г. по 21 Октября 1894 г.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ со 2 Ноября 1894 г. (изволитъ числиться въ батареѣ съ 6 Мая 1868 г.).

Числится въ батареѣ:

Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичь съ 28 Апрѣля 1880 г.

Числился въ батареѣ:

Императоръ Александръ II съ 17 Апрѣля 1864 г. по 1 Марта 1881 г.

Старшинство батареи: по времени пожалованія правъ старой гвардіи съ 17 Апрѣля 1878 года.

Праздникъ батареи: 23 Апрѣля, Св. великом. и побѣд. Георгія. См. стр. 454, 457, 473—475 и 483.

II. АРМЕЙСКІЯ ЧАСТИ.

1-й Донской казачій Генералиссимуса Князя Италійскаго Графа Суворова-Рымникскаго полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Знамя „За отличный подвигъ при усмиреніи Трансильваніи въ 1849 г.", пожалованное 19 Марта 1850 года.

2) Знакъ отличія на головной уборъ съ надписью: „За отличіе въ сраженіи при Шейновѣ 28 Декабря 1877 года".

Шефъ: Генералиссимусъ Князь Италійскій Графъ Суворовъ-Рымникскій съ 16 Апрѣля 1901 года.

Полковой праздникъ 17 Октября; полкъ сформированъ въ 1835 году. См. 211—244, 417, 418, 457.

2-й Донской казачій генерала Сысоева полкъ.

Полкъ имѣетъ: Георгіевское знамя и грамоту, дарованную полку Императоромъ Александромъ I.

Полковой праздникъ 17 Октября. См. стр. 276—279, 297—300, 417.

3-й Донской казачій Ермака Тимофѣева полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Георгіевское знамя, пожалованное Государемъ Императоромъ Александромъ I въ 1807 г.

2) Юбилейное Георгіевское знамя, пожалованное Государемъ Императоромъ въ 1907 году.

Полковой праздникъ 17 Октября. См. стр. 29—47 и 276—279, 441.

4-й Донской казачій графа Платова полкъ.

Знаки отличія: Георгіевское знамя, ВЫСОЧАЙШЕ пожалованное Императоромъ Александромъ I, съ Георгіевскимъ крестомъ въ копьѣ, двумя серебряными кистями и Георгіевскимъ темлякомъ съ надписью: „За отличную храбрость при пораженіи непріятеля въ Отечественную войну въ 1812 году Донского казачьяго полковника Жирова полку".

Полковой праздникъ 17 Октября. См. стр. 205—210, 218—222, 259—264, 280—288, 291, 821—326, 333—357, 364—365, 425—429, 441, 457.

5-й Донской казачій войскового атамана Власова полкъ.

Полкъ имѣетъ Георгіевское бѣлое знамя, данное 12 Октября 1821 г. Донскому—Власова 3 полку, за отличную храбрость при пораженіи непріятеля въ 1812, 1813 и 1814 годахъ.

Сформированъ полкъ въ 1805 году; получилъ № 5 полкъ въ 1835 г.

Полковой праздникъ 17 Октября. См. стр. 360, 380—390, 441.

6-й Донской казачій генерала Краснощекова полкъ.

Полкъ имѣетъ: Георгіевское знамя, надпись на древкѣ Георгіевскаго знамени:

„1570—Донскіе казаки".

„1835—Донской казачій № 6 полкъ".

„1813—Донскому Иловайскаго 11-го полку за отличную храбрость при пораженіи непріятеля въ 1812 году".

„1870—6-му Донскому казачьему полку".

Полковой праздникъ 17 Октября. См. стр. 183—190.

7-й Донской казачій атамана Денисова полкъ.

Полкъ имѣетъ:

Бѣлое Георгіевское знамя, пожалованное въ 1821 году Донскому казачьему Грекова 18-го полку, съ надписью: „За отличную храбрость при пораженіи непріятеля въ Отечественную войну въ 1812 году".

Полковой праздникъ 17 Октября.

Полкъ по прежней его нумераціи (№ 28) сформированъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1873 года (хут. Сетраковъ 3-го отдѣла области войска Донского). См. стр. 218—249, 280—285, 457.

8-й Донской казачій генерала Иловайскаго 12-го полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Георгіевское знамя, съ надписью: „1570 г. Донскіе казаки. Н. I. 1835 г. Донской казачій № 8 полкъ.

1816 г. Храброму Донскому Дячкина полку.

1870 г. Донского казачьяго № 8 полка".

2) Знаки отличія на головные уборы, Всемилостивѣйше пожалованные за оказанные полкомъ подвиги мужества и храбрости въ послѣднюю турецкую войну, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877 и 1878 г.г.".

Полковой праздникъ 17-го Октября.

Старшинство полкъ считаетъ съ 1779 г., когда впервые упоминается о полкѣ Дячкина. См. стр. 298—300, 320 457.

9-й Донской казачій генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Знамя, пожалованное въ 1821 году въ воздаяніе отличныхъ подвиговъ, оказанныхъ въ сраженіяхъ въ минувшую войну противъ французовъ при Краонѣ и Лаонѣ въ 1814 г.

2) Отличіе на головномъ уборѣ съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ“.

Полковой праздникъ 17 Октября.

Старшинство съ 1821 года Октября 12 дня. См. стр. 257, 288—290, 304—315, 441, 457.

10-й Донской казачій генерала Луковкина полкъ.

Полкъ имѣетъ:

Знамя съ надписью:

„1570 г. Донскіе казаки.

1835 г. Донскому казачьему № 10 полку.

1821 г. Донскому Мельникова 5-го полку въ воздаяніе отличныхъ подвиговъ, оказанныхъ въ сраженіяхъ въ минувшую войну противъ французовъ при Краонѣ и Лаонѣ.

1870 г. Донскому казачьему № 10 полку“.

Полковой праздникъ 17 Октября. См. стр. 187—190 441, 457.

11-й Донской казачій генерала-отъ-кавалеріи графа Денисова полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Георгіевское знамя, пожалованное 9 Марта 1855 года за отличіе, мужество и храбрость, оказанныя полкомъ въ разбитіи 35-ти тысячнаго турецкаго корпуса Селима-Паши 4 Іюля 1854 года за р. Чолокомъ, въ составѣ 10.000 отряда (при 18 орудіяхъ) князя Андроникова.

2) За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 годовъ, полку Всемилостивѣйше пожалованъ знакъ отличія на головные уборы, съ ВЫСОЧАЙШЕЮ грамотою отъ 6 Іюля 1878 года.

Полковой праздникъ 17 Октября. См. стр. 226—232, 424—425, 457.

12-й Донской казачій генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Георгіевское знамя, на скобѣ котораго слѣдующая надпись:

„Въ 1570 г. Донскіе казаки.

Н. I 1835 г. Донской казачій № 12 полкъ.

1829 г. Донскому, Шамшева полку за оборону крѣпости Баязета 20 и 21 Іюня 1829 г.

1870 г. Донскаго казачьяго № 12 полка“.

2) Знаки на головномъ уборѣ, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 г.г.“.

Полковой праздникъ 17 Октября. См. стр. 253, 379, 441, 457, 465, 466 и 482.

13-й Донской казачій генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Знамя.

2) Знакъ отличія на папахахъ „За отличіе въ турецкую войну въ 1877—1878 г.г.“.

Полковой праздникъ 17 Октября. См. стр. 223—305—311.

14-й Донской казачій войскового атамана Ефремова полкъ.

Полкъ имѣетъ:

Знамя, пожалованное полку Леонова, за отличіе противъ Порты Оттоманской и за войну съ персами въ 1827—1829 г.

Полковой праздникъ 17 Октября. См. стр. 252—253, 457.

15-й Донской казачій генерала Краснова 1-го полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Полковое знамя, Всемилостивѣйше пожалованное полку 21 Сентября 1831 года за отличіе въ персидскую и турецкую войны въ 1827, 1828, 1829 годахъ.

2) Знаки отличія:

За оказанные полкомъ подвиги мужества и храбрости въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ, знаки отличія на головные уборы съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 г.г.“.

Полковой праздникъ 17 Октября. См. стр. 216, 222, 231, 305 и 306, 414—415, 457.

16-й Донской казачій генерала Грекова 8-го полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Знамя—бывшаго полка генерала Сергѣева, пожалованное за отличіе этого полка въ 1826, 1827 и 1828 г.г.

2) Праздникъ 17 Октября. См. стр. 234—244, 336, 457.

17-й Донской казачій генерала Бакланова полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Знамя, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1828—1829 г.г.“.

2) Знаки отличія на головные уборы, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877 и 1878 г.г.“.

Праздникъ 17 Октября. См. стр. 390—409, 441, 442, 457.

18-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Знамя, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну въ 1828 и 1829 годахъ“, пожалованное 11 Ноября 1831 года за отличное мужество и храбрость, оказанныя войска Донского казачьимъ полковника Ильина полкомъ въ войну противъ турокъ въ 1828 и 1829 годахъ“.

2) Знаки отличія на головные уборы. съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ“, пожалованные 17 Апрѣля 1878 года. См. стр. 441—457.

19-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ: знамя съ надписью „За отличіе въ турецкую войну въ 1828—1829 годахъ“, пожалованное 11 Ноября 1831 года за отличное мужество и храбрость, оказанныя войска Донского казачьимъ полковника Чернушкина 2-го полкомъ въ турецкую войну въ 1828—1829 гг.“. См. стр. 488—509.

20-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ: Георгіевское знамя, съ надписью: „За отличные подвиги въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24 Іюля 1854 года“, пожалованное 30 Августа 1856 года. См. стр. 395—404, 426—429.

21-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Знамя, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну въ 1828 и 1829 годахъ“, пожалованное 11 Ноября 1831 года, за отличное мужество и храбрость, оказанныя войска Донского казачьимъ полковника Борисова 1-го полкомъ въ турецкую войну въ 1828 и 1829 годахъ.

2) Знаки отличія на головные уборы, съ надписью: „За двукратный переходъ черезъ Балканы въ 1877 году“, пожалованные 17 Апрѣля 1878 года. См. стр. 457.

22-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ знамя, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну въ 1828 и 1829 годахъ“, пожалованное 11 Ноября 1831 года, за отличное мужество и храбрость, оказанныя войска Донскаго казачьимъ полковника Золотарева 4-го полкомъ въ турецкую войну въ 1828 и 1829 годахъ. См. стр. 379.

23-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ:

1) Георгіевское знамя, съ надписью: „За отличіе въ сраженіи противъ турокъ 17 Іюля 1854 года, на Чингильскихъ высотахъ“, пожалованное 15 Сентября 1855 года.

2) Знаки отличія на головные уборы, съ надписью: „За Шипку въ 1877 году“, пожалованные 17 Апрѣля 1878 года. См. стр. 425—426, 441, 457, 462—466, 467.

24-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ знамя, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну въ 1828 и 1829 годахъ“, пожалованное 11 Ноября 1831 года, за отличное мужество и храбрость, оказанныя войска Донского казачьимъ подполковника Бакланова полкомъ въ турецкую войну 1828—1829 годовъ. См. стр. 379, 441, 457 и 488—509.

25-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ знамя, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну въ 1828 и 1829 годахъ“, пожалованное 11 Ноября 1831 года, за отличное мужество и храбрость, оказанныя войска Донскаго казачьимъ генералъ-маіора Бегидова полкомъ въ турецкую войну въ 1828—1829 годахъ. См. стр. 379, 441 и 488—509.

26-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ Георгіевскій штандартъ, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1828—1829 годахъ и за двукратный переходъ черезъ Балканы въ 1877 году“, пожалованный 17 Апрѣля 1878 года. См. стр. 457, 470, 474 и 488—509.

29-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ Георгіевскій штандартъ, съ надписью: „За быстрое наступленіе и занятіе Браилова 13 Апрѣля 1877 года“, пожалованный 17 Апрѣля 1878 года. См. стр. 457 и 474.

30-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ Георгіевскій штандартъ, съ надписью: „За Шипку, Ловчу, двукратный переходъ черезъ Балканы и взятіе 50-ти орудій при Караджилярѣ въ 1877 и 1878 годахъ“, пожалованный 17 Апрѣля 1878 года. См. стр. 415, 441, 457, 460 -466, 468, 470—472 и 474.

31-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ Георгіевскій штандартъ, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ“, пожалованный 17 Апрѣля 1878 года. См. стр. 441, 457 и 474.

36-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ Георгіевскій штандартъ, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ“, пожалованный 17 Апрѣля 1878 года. См. стр. 441, 457 и 474.

37-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ Георгіевскій штандартъ, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ“, пожалованный 17 Апрѣля 1878 года. См. стр. 457 и 474.

38-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ Георгіевское знамя, съ надписью: „За примѣрную храбрость, оказанную при побѣдѣ надъ скопищемъ горцевъ 3 Іюня 1844 года при селеніи Гилли“, пожалованное 7 Мая 1845 года.

39-й Донской казачій полкъ.

Полкъ имѣетъ Георгіевскій штандартъ, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ“, пожалованный 17 Апрѣля 1878 года. См. стр. 414, 441, 457 и 474.

1—6-я Донскія казачьи отдѣльныя сотни.

Сотенные праздники 17 Октября. Сформированы сотни: №№ 1, 2 и 3 -1 Октября 1892 года, № 4—1 Марта 1895 года, № 5—25 Февраля 1897 года и № 6—26 Февраля 1898 года; съ этого же времени считается старшинство сотенъ.

1-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ:

Знаки на головныхъ уборахъ, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 г.г.“, пожалованные 17 Апрѣля 1878 г.

Праздникъ 17 Октября.

Старшинство съ 1838 года. См. стр. 441.

2-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ
Знаки отличія на головныхъ уборахъ.
Праздникъ 17 Октября. См. стр. 457 и 488—509.

3-я Донская казачья батарея.

Праздникъ 17 Октября. См. стр. 488—509.

4-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ:

1) Золотыя петлицы за отличіе на воротникъ и рукава офицерскаго мундира и мундиръ темнозеленаго сукна казакамъ за войну въ 1812 и 1814 гг.

2) Серебряныя трубы, пожалованныя батареѣ (бывшей № 1 конно-артиллерійской ротѣ) за войну съ турками въ 1828 и 1829 гг.

3) Знаки отличія на головные уборы за войну съ турками въ 1877 и 1878 гг.

Праздникъ 17 Октября.

Старшинство батареи съ 1797 года. См. стр. 457.

5-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ:

Знаки отличія на головные уборы, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 гг.“, кромѣ того 1 взводу оставлены знаки отличія на головные уборы, съ надписью: „За отличіе въ войнахъ съ Персіею 1826 и 1827 и Турціею 1828 и 1829 гг.“.

Праздникъ 17 Октября.

Время сформированія батареи—въ 1838 г. См. стр. 457.

6-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ:

1) 4 серебряныя трубы, съ надписью: „За усмиреніе Венгріи въ 1848 г.“ и 2 Георгіевскія трубы—„За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 гг.“, пожалованныя 17 Апрѣля 1878 года.

2) Знаки отличія на головныхъ уборахъ, съ надписью: „За отличіе въ 1854—1855 гг., пожалованные 30 Августа 1856 года.

Праздникъ 17 Октября.

Старшинство батареи съ 1838 г. См. стр. 417—418, 426—428 и 474.

7-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ:

1) Серебряныя Георгіевскія трубы, съ надписью: „За пораженіе турокъ на Башъ-Кадыклярскихъ высотахъ 19 Ноября 1853 г. и за отличіе въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24 Іюля 1854 года“.

2) Золотыя петлицы на воротники и обшлага офицерскихъ чекменей въ награду за постоянную храбрость въ дѣлахъ противъ горцевъ, пожалованныя 1853 г., и знаки на папахи, съ надписью: „За отличіе въ 1854 году“.

Праздникъ 17 Октября. См. стр. 426—427, 441.

8-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ:

1) Георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ", пожалованныя 11 Апрѣля 1879 года.

2) Золотыя петлицы на воротникахъ мундировъ у штабъ и оберъ-офицеровъ и знаки на головныхъ уборахъ, съ надписью: „За отличіе", пожалованные 20 Ноября1830 года (грамота) за отличіе въ войнѣ съ Турціею 1828 и 1829 годовъ. См. стр. 441, 457 и 474.

9-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ:

1) Георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877—78 годовъ", пожалованные 17 Апрѣля 1878 года.

2) Золотыя петлицы на мундиры гг. офицеровъ и знаки на головные уборы съ надписью: „За отличіе", пожалованные 6 Апрѣля 1830 года за военные подвиги противъ персіянъ и турокъ въ 1826, 1827, 1828 и 1829 годахъ. См. стр. 457 и 474.

10-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ:

1) Серебряныя трубы, съ надписью: „За усмиреніе Венгріи въ 1849 г.", пожалованныя 25 Декабря 1849 года.

2) Знаки отличія на головные уборы, съ надписью: „За 4-ое Іюля 1877 г. при Уфлани", пожалованные 15 Февраля 1880 года. См. стр. 457.

11-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ знаки отличія на головные уборы, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 годовъ", пожалованные 11 Апрѣля 1879 года. См. стр. 457.

12-я Донская казачья батарея.

1-й взводъ батареи имѣетъ знаки на головныхъ уборахъ, съ надписью: „За отличіе въ 1854 и 1855 годахъ".

13-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ знаки отличія на головные уборы, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 годовъ", пожалованные 13 Октября 1878 года. См. стр. 457.

14-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ знаки отличія на головные уборы, съ надписью: „За отличіе въ турецкую войну 1877—1878 г.г.", съ сохраненіемъ первому взводу и прежней надписи „За отличіе въ 1854 году", пожалованные 13 Октября 1878 года. См. стр. 457.

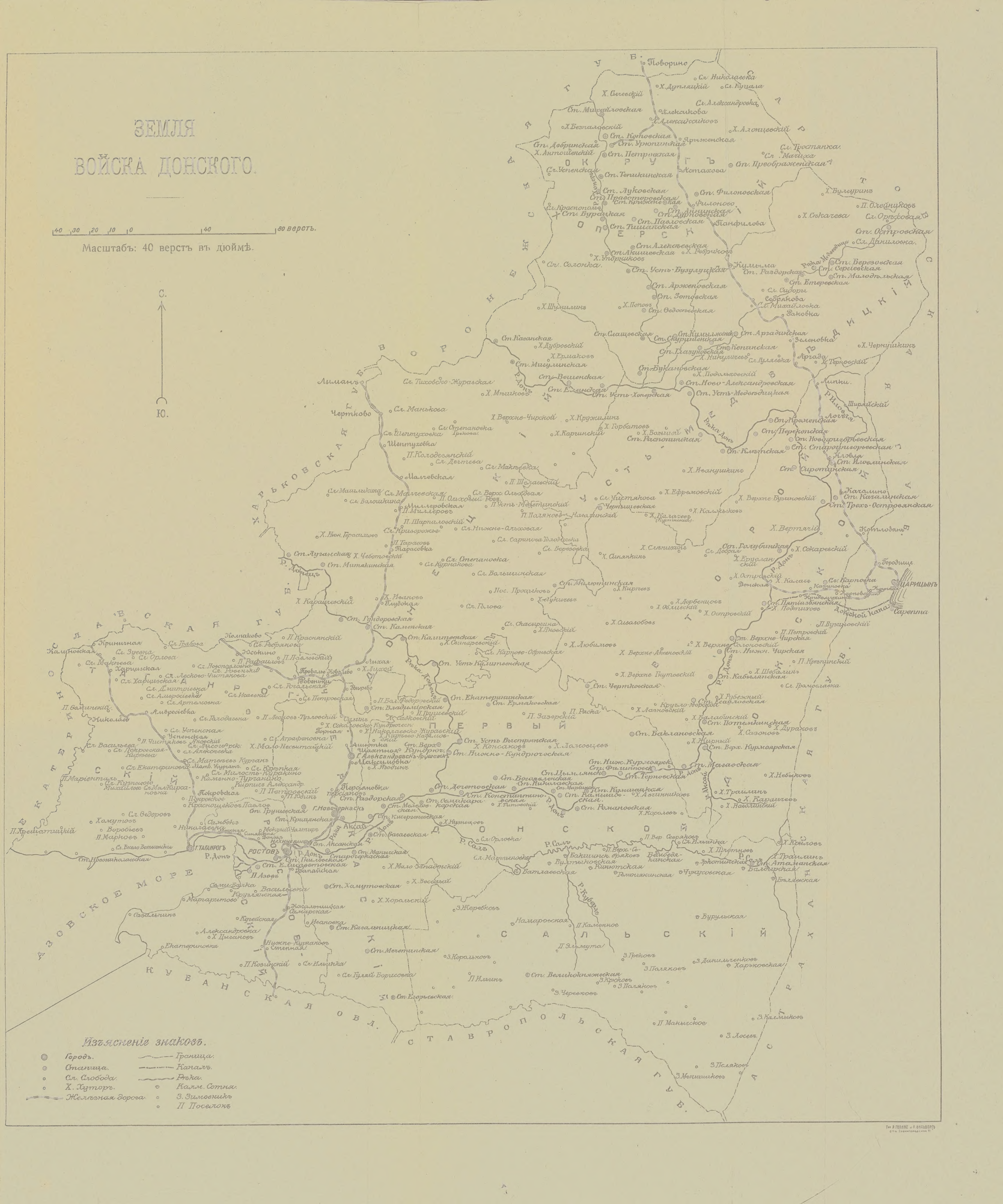
21-я Донская казачья батарея.

Батарея имѣетъ знаки на головные уборы, съ надписью: „За отличіе 30 Ноября 1877 года", пожалованные 13 Марта 1879 года за оказанные подвиги мужества и храбрости 30 Ноября 1877 года подъ Мечкой и Трестеникомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая.

Часть вторая.

ЗЕМЛЯ
ВОЙСКА ДОНСКОГО.
40 30 20 10 0 40 80 верстъ.
Масштабъ: 40 верстъ въ дюймѣ.
С.
Ю.
Изъясненіе знаковъ.
Городъ.
Станица.
Сл. Слобода.
Х. Хуторъ.
Желѣзная дорога.
Граница.
Каналъ.
Рѣка.
Калм. Сотня.
З. Зимовникъ.
П Поселокъ.
Поворино
Ст. Михайловская
Ст. Урюпинская
Ст. Преображенская
Ст. Филоновская
Ст. Усть-Бузулуцкая
Ст. Арженовская
Ст. Зотовская
Ст. Слащевская
Ст. Казанская
Ст. Мигулинская
Ст. Вешенская
Ст. Еланская
Ст. Усть-Хоперская
Ст. Усть-Медвѣдицкая
Ст. Кременская
Ст. Клецкая
Ст. Трехъ-Островянская
Ст. Качалинская
Царицынъ
Сарепта
Чертково
Миллерово
Ст. Луганская
Ст. Митякинская
Ст. Гундоровская
Ст. Каменская
Ст. Усть-Быстрянская
Ст. Нижне-Курмоярская
Ст. Цымлянская
Ст. Константиновская
Ст. Раздорская
Г. Новочеркасскъ
Г. Александровскъ-Грушевскій
Ростовъ
Г. Таганрогъ
Р. Донъ
Азовъ
Ст. Аксайская
Ст. Багаевская
Ст. Хомутовская
Ст. Кагальницкая
Ст. Мечетинская
Ст. Егорлыцкая
Ст. Великокняжеская
Батлаевская
Р. Салъ
Азовское море
Кубанская обл.
Ставропольская губ.
Астраханская губ.
Екатеринославская губ.
Харьковская губ.
Воронежская губ.
Саратовская губ.
Хоперскій округъ
Усть-Медвѣдицкій округъ
Донецкій округъ
Первый Донской округъ
Второй Донской округъ
Черкасскій округъ
Ростовскій
Таганрогскій
Сальскій

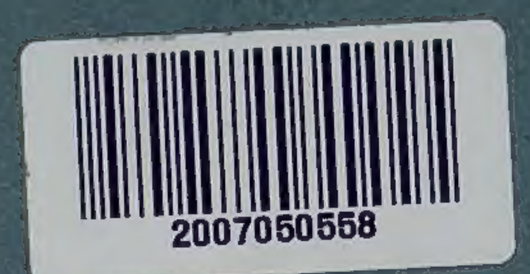

Русская земля во время нашествія татаръ.

Русское государство въ то время, когда на Дону еще не было казаковъ.

(Мѣста, занятыя теперь кореннымъ русскимъ народомъ, были тогда заселены различными племенами, съ которыми предкамъ нашимъ приходилось непрерывно воевать).

2007050558